VI 1/20

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СИБИРИ.

Поѣздъ, застигнутый въ степи снѣжною пургой.

915.7
353
1941 г.
915.7
353
1948 г.
91(57)

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СИБИРИ

И ПРИЛЕГАЮЩИМЪ КЪ НЕЙ СТРАНАМЪ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗІИ.

ПО ОПИСАНІЯМЪ

Т. У. АТКИНСОНА, А. Т. ФОНЪ-МИДДЕНДОРФА, Г. РАДДЕ И ДР.

СОСТАВИЛИ

А. ФОНЪ-ЭТЦЕЛЬ и Г. ВАГНЕРЪ,

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО Н. ДЕППИША.

Съ 125 рисунками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

1865.

КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
№ 106230
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Ср.-Волж. края

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 21 ноября 1864 г.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КНИГОПРОДАВЦА М. О. ВОЛЬФА.

ОТЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе.

I. Общее обозрѣніе 1

Значеніе Азіятской Россіи для Германіи. — Центральная Азія. — Сѣверная окраина азіятской возвышенности. — Сѣверноазіятская низменность. — Климатъ. — Системы горъ. — Водная и рѣчная системы.

II. Естественныя отношенія Сѣверной и Средней Азіи 43

Геологическія условія. — Измѣнчивость рѣкъ. — Возвышеніе береговъ. — Сплавной лѣсъ. — Янтарь. — Ископаемыя животныя. — Флора Сибири и ея степей. — Царство животныхъ.

III. Народонаселеніе Сибири и степныхъ мѣстностей 76

Самая ранняя исторія Сѣверной Азіи. — Первоначальное появленіе Русскихъ. — Чингисъ-Ханъ. — Шейбани и ханство Туранское. — Сибирь. — Едигеръ, царь сибирскій и Иванъ IV Васильевичъ. — Донскіе казаки. — Ермакъ Тимоѳеевъ. — Китайскій пограничный договоръ. — Петръ Великій. — Управленіе Восточной и Западной Сибири. — Туземныя племена: Татары. — Туралинцы. — Барабинцы. — Вогулы. — Остяки. — Калмыки. — Самоѣды. — Якуты. — Калки. — Буряты. — Тунгузы. — Корякп. — Чукчи. — Юкагиры. — Монголы. — Дзунгары. — Манджуры.

IV. Прибрежье Амура и его населеніе 108

Амуръ. — Притоки. — Устье. — Истоки Амура: Шигода, Ононъ, Шилка, Керлонъ, Амуръ, Чикири, Зунгари, Нонни, Уссури. — Свойства почвы. — Климатъ. — Флора. — Минеральное царство. — Животныя. — Народонаселеніе. — Манджуры. — Ньютчи. — Владычество Манджуровъ въ Китаѣ. — Императоръ Кан-чи. — Династія Тзинъ. — Манджуры, даурцы и тагурцы. — Солонъ. — Махонъ Солонъ. — Талахонъ Солонъ. — Гумары. — Гиляки. — Юпитазе. — Орочоны и Бичи. — Управленіе страною.

V. Исторія открытій въ сѣверной Азіи и въ Амурской землѣ. . 124
Азіятскіе завоеватели въ Европѣ. — Европейцы въ Азіи. — Распространеніе русскаго могущества. — Изслѣдованія русскихъ. — Экспедиціи на сѣверъ. — Полярный берегъ. — Поѣздка внутрь страны. — Іезуитскія миссіи. — Екатерина II. — Гмелинъ. — Деміль и Мюллеръ. — Палласъ, Гюльденштедтъ, Лепухинъ, Соколовъ, Зуевъ, Рычковъ. — Пастыревъ, Головнинъ, Тимковскій. — Лаперузъ, Крузенштернъ, Врангель, Эрманъ, Ганстенъ, Фусъ и Ѳедоровъ, Лессингъ, Ледебуръ, Г. Розе, Эренбергъ и Гумбольдтъ, Турчаниновъ, Ф. ф. Геблеръ, Гелмерсенъ, Политовъ, ф. Шренкъ, Карелинъ, Карлъ Риттеръ. — Экспедиція въ Восточную Сибирь. — Миддендорфъ, Поярковъ, Хабаровъ. Завоеваніе Амурской страны. — Война съ Китаемъ. — Трактаты о границахъ 1689 и 1728 гг. — Посольство Лодыженскаго. — Миддендорфъ, экспедиція Муравьева въ 1854 г. — Англичане и Китайцы въ 1855 г. — Мирный договоръ 1860 г.

Томаса Уильяма Аткинсона путешествія по Азіятской Россіи и по степямъ киргизскимъ.

Предисловіе. 151

I. Поѣздка отъ С.-Петербурга до Екатеринбурга. 157
Паспортъ. — Возокъ. — Почтовыя дороги и устройство почтъ въ Россіи. — Москва. — Нижній Новгородъ. — Кораблекрушеніе на сушѣ. — Телѣги и тарантасы. — Русскіе ломовые извощики. — Пермь. — Уралъ. — Екатеринбургъ.

II. Плаваніе Аткинсона по Чусовой. 170
Отъѣздъ изъ Екатеринбурга. — Билимбаевскъ. — Уткинская пристань. — Барки для сплава грузовъ. — Пристань. — Спускъ барокъ на воду. — Спасительная палуба. — Мѣстность по Чусовой. — Группы утесовъ и пещеръ. — Дичь. — Уткинскій заводъ. — Русское гостепріимство и знакомство съ наливками. — Устройство сельскаго жилья. — Киновскій заводъ. — Мѣсторожденіе Демидова. — Судоходство отъ Урала до Волги. — Конныя машины. — Пароходы и залежи каменнаго угля.

III. Восхожденіе на Кашканаръ 195
Серебрянскій заводъ. — Охота на тетеревовъ. — Кушвинскъ. — Леченіе отъ лихорадки. — Нижнетуринскъ. — Сибирскія мошки. — Поѣздка на Кашканаръ. — Медвѣдь. — Анна Петровна, охотница на медвѣдей. — Высѣченный мшпка. — Кедры. — Первобытный лѣсъ. — Переправа черезъ рѣки. — Дорога въ горахъ. — Ночлегъ на Кашканарѣ. — Поѣздка на вершину. — Сѣверный Уралъ. — Возвращеніе.

IV. Посѣщеніе горныхъ заводовъ и рудниковъ на Уралѣ. . . . 213
Кушвинскъ. — Туринскъ. — Праздникъ въ рудникахъ. — Отношенія рабочихъ. — Религіозныя секты. — Магнитная гора Благодать. — Сожженіе

Чумпина. — Магнитная гора «Высокая». — Малахитовыя каменоломни. — Баранчинскъ. — Висимо-Шайтанскъ. — Платиновые пріиски. — Золотистая глина. — Нижнетагильскъ. — Ремесленныя издѣлія. — Бѣлая Гора. — Невьянскъ. — Екатеринбургъ. — Гранильныя фабрики. — Драгоцѣнные камни Урала. — Башкиры въ южномъ Уралѣ.

V. Отъ Урала до Алтая. 240
Прощаніе Аткинсона съ Ураломъ. — Переѣздъ черезъ Тоболъ. — Транспортъ арестантовъ. — Казацкій караулъ. — Поѣздка Аткинсона въ Барнаулъ.

VI. Поѣздка по Алтаю. 249
Барнаулъ. — Степь по берегу р. Чарыша. — Гроза. — Колыванское озеро. — Болотные орѣхи. — Змѣиногорскъ. — Риддерскъ. — Горный промыселъ въ Алтайскихъ горахъ. — Ивановскія бѣлки. — Алтайская деревня. — Пчеловодство. — Стремительность алтайскихъ рѣкъ. — Бѣглые рабочіе въ рудникахъ. — Переправа черезъ горы. — Ночлегъ. — Алтайскіе лѣса. — Коксунскія горы. — Р. Кокса. — Нападенія мошекъ. — Спасеніе часовъ. — Холзунскія горы. — Упражненія въ живописи съ перерывами. — Непогода. — Туманъ въ горахъ. — Холзунскій проходъ. — Долина р. Бухтармы. — Зыряновскъ. — Деревни разбойниковъ.

VII. Посѣщеніе Джунгарской степи 277
Плаваніе по Иртышу. — Селеніе Черемшанка. — Плоты. — Жалкія пристанища въ избахъ. — Усть-Каменогорскъ — Джунгарская степь. — Могилы. — Золотоносные и сереброносные рудники въ горахъ Чингисъ-Тау. — Казацкіе форпосты. — Баранта. — Утесъ Калмыкъ-Тологугъ; преданія. — Право пастбища въ степяхъ. — Одинокія юрты. — Степная мѣстность. — Устройство юртъ. — Аулъ на берегу Зайсана. — Рыболовный промыселъ казаковъ. — Поѣздка ночью въ степи. — Кохбухта и золотоносный рудникъ. — Разбойники близъ Тэилькзу. — Усть-Каменогорскъ. — Новая поѣздка къ горамъ Монастырскимъ. — Разбойничій аулъ. — Султанъ Магометъ. — Кумысъ. — Огненная вода. — Ночное нападеніе разбойниковъ. — Непріятное возвращеніе въ Барнаулъ. — Природа джунгарской степи, ея географическія свойства и растительное царство, фауна и обитатели.

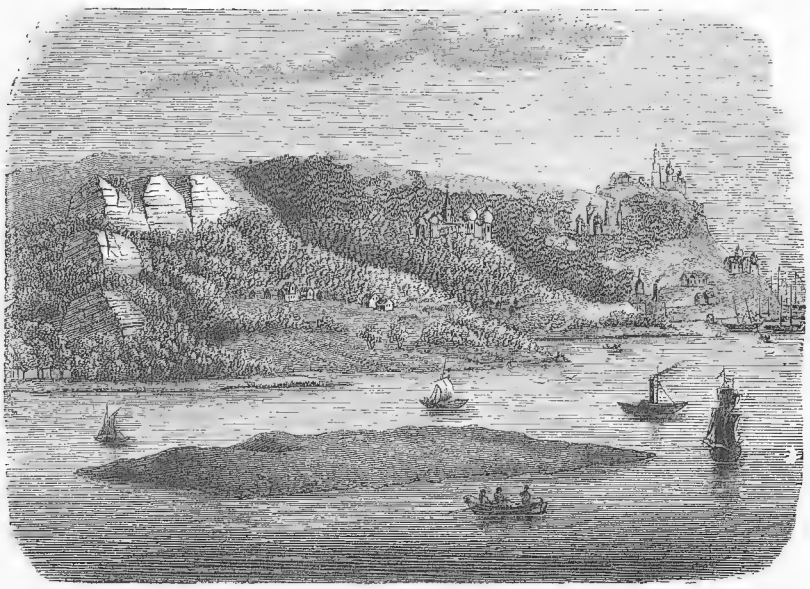
VIII. Странствованія по горамъ и озерамъ Алтайскимъ 321
Зимнія бури (пурги). — Земледѣліе въ Алтайскихъ горахъ. — Охота на бекасовъ. — Супруга Аткинсона. — Золотоносные пріиски по верхнему теченію р. Томы. — Приключенія съ медвѣдями. — Алтынъ-Куль или Золотое озеро. — Прелести и опасности путешествія водою. — Водопады. — Горные обрывы. — Непогода. — Бѣглые Черкесы. — Восхожденіе на Бѣлуху. — Епта, калмыцкій охотникъ. — Жертвенное пиршество. — Источники Чугаша. — Бѣлуха. — Катунь. — Снѣжныя вьюги. — Опасныя переправы чрезъ рѣки. — Переѣздъ черезъ горную окраину. — Посѣщеніе калмыковъ. — Хаиръ-Кумынъ.

IX. Поѣздка къ горамъ Тіанъ-Шана и къ озеру Балкашу . . . 353
Взглядъ на степь. — Чингисъ-Ханъ. — Чукабой. — Хребетъ Тангиу. — Сабата-Норъ. — Селенга. — Илеугунъ. — Сангикъ-далай. — Арабданъ. — Дарма-Цырень. — Тесъ. — Усса-Норъ. — Ночное нападеніе волковъ. — Илькс-Аралъ-Норъ. — Улунчюръ. — Пустыня Сарка. — Охота въ степи. — Султанъ Сабекъ. — Тіанъ-Шанъ. — Чинъ-си. — Разбойники въ пустынѣ. — Зырень. — Султанъ Ямантухъ-Бекъ. — Али-Игольди. — Гробницы. — Погребальное торжество. — Сукъ.

X. Зима въ казачьей станицѣ 409
Аягузъ. — Степные разбойники. — Гостепріимство кочующаго народа. — Мучительная жажда. — Длинный переходъ. — Лепса. — Копальскъ. — Укрѣпленіе Абакумова. — Нужда поселенцевъ. — Странствованіе къ берегамъ Коры. — Медвѣдь, маралъ. — Сергань и Киргизы. — Прелесть ночи. — Сказанія о привидѣніяхъ. — Гробницы демоновъ. — Бѣлая женщина. — Горные ледники. — Непогода. — Посѣщеніе Беана. — Олень и волки. — Зимняя жизнь и нужды, претерпѣваемыя въ Копальскѣ. — Ала-Тау-Тамчибулакъ. — Зимняя охота за фазанами и кабанами. — Дѣтскіе пироги. — Рождественское катанье на саняхъ. — Балъ. — Масляничныя забавы. — Протоіерей. — Портняжество. — Женская прислуга. — Любовный напитокъ. — Казачьи и[illegible] авары, даръ любви. — Горшокъ съ медомъ. — Поваръ Врангеля. — Покра[illegible] казны. — Споры ордъ киргизовъ. — Торговцы и нынѣшнія пограничн[illegible] станицы.

XI. Странствованіе и горамъ Ала-Тау и Акъ-Тау 454
Отъѣздъ изъ Копальска. — Гора Аразанъ. — Странствованіе киргизовъ у Балкаша. — Ущелье Аксу. — Аулъ у базальтовыхъ скалъ. — Ущелье Баскау. — Султанъ Баракъ. — Судъ. — Разбойничья долина. — Кинзара. — Чертова пещера. — Водопадъ. — Лазаніе. — Кочеваніе. — Воздухъ въ юртѣ. — Киргизскіе пѣвцы. — Скачки. — Кочеваніе въ горахъ. — Большое ущелье. — Пребываніе въ горахъ въ бурю. — Прогулки къ водопаду. — Маленькій Ала-тау въ большомъ. — Олененокъ.

XII. Отъ Иссн-Куля до Ала-Куля 489
Трудность странствованія по горамъ и степямъ. — Джесиль-Куль. — Киргизскія женщины. — Сговоръ султана Зука съ Ай-Ханымъ и бѣгство ихъ. — Поѣздка Аткинсона къ китайской границѣ. — Новѣйшія событія и настоящее положеніе дѣлъ на берегахъ Иси-Куля и Или. — Вѣрное. — Поѣздка Семенова въ Кульджу. — Алатаускій округъ.



Волга у Нижняго Новагорода.

НАУЧНАЯ
№
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Ср.-Волж. Краев

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

Общее обозрѣніе.

Значеніе Азіятской Россіи для Германіи. — Центральная Азія. — Сѣверная окраина азіятской возвышенности. — Сѣверноазіятская низменность. — Климатъ. — Системы горъ. — Водная и рѣчная системы.

Глаза всей Европы съ любопытствомъ устремлены на *Россію* — на этотъ колосъ, который является однимъ въ видѣ страшилища-великана, готоваго поглотить ничтожныхъ карликовъ западной Европы, а другимъ представляется какимъ-то непочатымъ Эльдорадо, гдѣ не только легко пріобрѣтаются огромнѣйшія богатства на поприщѣ промышленомъ, торговомъ и сельскохозяйственномъ, но гдѣ также почти безъ вся-

каго труда достаются нравственныя, духовныя завоеванія. Такое воззрѣніе господствуетъ не столько въ Европѣ вообще, сколько въ Германіи въ особенности. Съ какою боязнью озираются нѣмцы на своихъ сосѣдей съ правой стороны, которыхъ они не иначе представляютъ себѣ, какъ въ медвѣжьихъ шубахъ, на степныхъ коняхъ, и съ пикою и кнутомъ въ рукѣ! Съ какимъ трепетомъ, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ, помышляютъ нѣмцы о возможности увидѣть у себя опять въ гостяхъ калмыковъ и башкиръ, которыхъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ принимали у себя ихъ маменьки! И, не смотря на то, нѣмцы-то именно и совершаютъ духовныя завоеванія въ Россіи! Каждый годъ многочисленныя толпы нѣмецкихъ юношей уходятъ на востокъ, дѣлаются тамъ преподавателями въ университетахъ и высшихъ училищахъ, учреждаютъ фабрики, открываютъ рудники и проникаютъ даже въ отдаленныя страны Азіятской Россіи.

Новѣйшая исторія показываетъ намъ, что вниманіе Россіи, въ теченіе послѣдняго столѣтія, обращено было преимущественно на распространеніе и расширеніе ея азіятскихъ владѣній на востокъ и на югъ. Руководствуясь въ этомъ отношеніи потребностью въ проложеніи новыхъ торговыхъ путей для сбыта своихъ издѣлій, Россія не упускала случая воспользоваться неустройствомъ и безпорядками, господствовавшими у ея сосѣдей, которые не представляли ея усиліямъ почти ни какихъ затрудненій. Россія совершила въ тѣхъ мѣстностяхъ значительныя завоеванія, совершенно въ тиши, не сдѣлавъ почти ни одного выстрѣла и не обнажая меча, и достигла этихъ важныхъ результатовъ преимущественно при помощи своей высшей цивилизаціи. Достаточно будетъ указать на одно изъ таковыхъ орудій цивилизаціи, которое съ тѣмъ вмѣстѣ придаетъ Россіи особенное значеніе и въ глазахъ Европы, а именно на проведеніе *телеграфныхъ линій* на востокъ. Между тѣмъ, какъ предпріимчивая Англія до сихъ поръ не имѣла успѣха въ попыткахъ своихъ устроить непосредственное сообщеніе съ Сѣверною Америкою при помощи электрическаго провод-

ника, и предпріятіе это, при существующей въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ неурядицѣ, не представляетъ большихъ вѣроятностей на успѣхъ, Россія приближается къ этой цѣли съ особенною энергіею и со всѣми данными, обѣщающими скорое осуществленіе этого дѣла. Еще при Императорѣ Николаѣ, въ послѣдніе годы Его царствованія, проведена была телеграфная линія въ Москву; при преемникѣ Его, линія эта была продолжена черезъ Владиміръ и Нижній Новгородъ до Казани. Далѣе линія эта идетъ черезъ Екатеринбургъ до Омска, перерѣзывая Сибирь на протяженіи 270 нѣмецкихъ миль, и уже имѣется въ виду проектъ продолжить телеграфное сообщеніе до *Охотска*, на крайней границѣ восточной Азіи, соединивъ, одновременно, съ этою линіею и Кяхту, лежащую на границѣ Китайской имперіи. Проведеніе телеграфной проволоки черезъ группу острововъ, лежащихъ въ Беринговомъ морѣ, въ сосѣднія русскія владѣнія въ Америкѣ, представляется такимъ образомъ дѣломъ нетруднымъ, и тогда, по всей вѣроятности, связь Европы съ Америкой посредствомъ электрическаго тока осуществится легче и скорѣе въ восточномъ направленіи, нежели черезъ далекій Атлантическій океанъ.

Если мы представимъ себѣ, какое значеніе могутъ пріобрѣсть обширныя пространства по берегамъ Амура, сдѣлавшіяся теперь вполнѣ доступными свободной колонизаціи и безпрепятственнымъ торговымъ сношеніямъ; какъ близко расположены къ этимъ мѣстностямъ древнія государства Китай и Японія, — то воображенію нашему откроется любопытное поприще различныхъ комбинацій, характеръ которыхъ еще можетъ усложниться, если принять въ соображеніе настоящее положеніе названныхъ здѣсь странъ.

Этихъ немногихъ намековъ достаточно, чтобы показать нашимъ читателямъ, какъ много интереса представляетъ знакомство съ огромною страною, о которой мы намѣрены говорить въ настоящемъ сочиненіи.

Часть Россійской Имперіи, называемая Азіятскою Россіею, о которой здѣсь идетъ рѣчь, обнимаетъ собою болѣе четверти милліона кв. миль. Бывшая нѣкогда оплотомъ высшей цивилизаціи противъ дикой и грубой силы монгольскихъ, татарскихъ и манчжурскихъ ордъ, страна эта служитъ въ настоящее время исходною точкою для предпріятій, при помощи коихъ, Россія, служа своему высшему государственному призванію, не смотря ни на какія усилія, ни на какія издержки, съ безпримѣрнымъ постоянствомъ и напряженіемъ силъ, посылаетъ пытливыхъ изслѣдователей, предшествующихъ многочисленнымъ экспедиціямъ, къ крайнимъ предѣламъ сѣвера и востока Азіи.

Изъ числа мирныхъ странниковъ, предшествовавшихъ побѣдоноснымъ войскамъ русскихъ императоровъ, сдѣлался въ новѣйшее время особенно извѣстнымъ англичанинъ *Томасъ Уилліямъ Аткинсонъ*. Обширенъ путь, пройденный имъ! Начиная отъ Кокана на западѣ, и кончая Байкальскимъ озеромъ на востокѣ, а на югѣ китайскимъ городомъ Чинъ-Си, со включеніемъ необозримой цѣпи горъ Тіанъ-Шана, пройдено имъ, въ теченіе семи лѣтъ, до 10,000 геогр. миль, то верхомъ на лошади, то въ повозкѣ, то на лодкѣ, частію по странамъ, въ которыя до тѣхъ временъ не ступала нога ни одного европейца, частію по западной части извѣстной степи *Гоби*, по которой Чингисханъ, когда-то, велъ свои орды противъ Европы, грозя убійствами, грабежемъ и повсемѣстнымъ истребленіемъ. Претерпѣвая голодъ и жажду палящій зной и страшную стужу, отъ которой застывала ртуть въ термометрѣ, вооруженный кистью и карандашемъ, Аткинсонъ нерѣдко набрасывалъ на бумагу виды мѣстностей, которыхъ до него никто не пытался изслѣдовать. Встрѣтивъ со стороны русскихъ жителей и русскаго правительства безпримѣрную предупредительность и готовность содѣйствовать ему въ достиженіи его плановъ и намѣреній, онъ нерѣдко однако же подвергался такому стеченію опасностей, что его погибель казалась неминуемою; смерть угрожала ему

почти на каждомъ шагу, то со стороны ордъ дикихъ номадовъ, то со стороны осужденныхъ на каторгу бѣглецовъ, для которыхъ, какъ и вообще для всѣхъ, имъ подобныхъ, человѣческая жизнь не имѣетъ почти ни какой цѣны, то при карабканіи по скалистымъ утесамъ, которые часто обрушивались подъ его ногами. Но прежде, чѣмъ слѣдовать за отважнымъ художникомъ по извилистому пути его, попытаемся сдѣлать отчетливый очеркъ тѣхъ мѣстностей, которыя служили поприщемъ его дѣятельности.

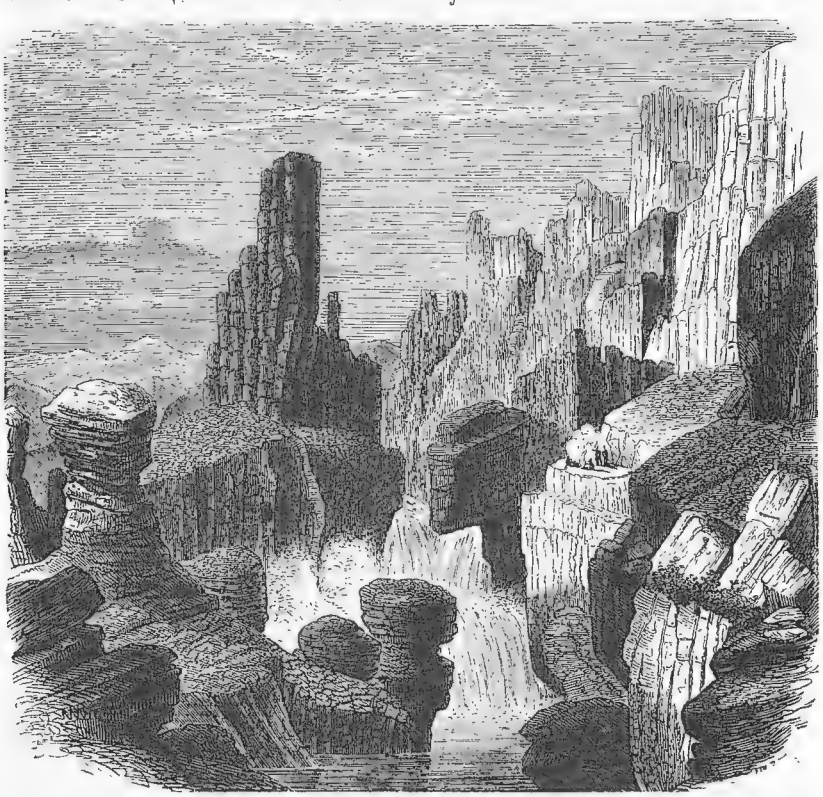
Если бы человѣку возможно было взглянуть на Азію съ такой вышины, чтобы обнять ее взглядомъ со всѣхъ сторонъ, то этотъ гигантскій материкъ представился бы ему величественнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ очертаніяхъ земныхъ выпуклостей. Вся панорама этого материка, скорѣе гористая, чѣмъ плоская, не смотря на то, что онъ, на огромномъ протяженіи своемъ, обхватывающемъ до 78 градусовъ въ ширину и до 164 градусовъ въ длину, заключаетъ немало значительныхъ равнинъ и степей.

Азіи принадлежатъ самыя обширныя горныя страны, самые высокіе горные хребты и самыя возвышенныя горныя вершины, какія только вообще извѣстны. Центръ всего континента образуетъ сплошная горная страна. Въ срединѣ этой горной страны находится, по господствующимъ у индѣйскихъ народовъ понятіямъ о мірозданіи, «золотая гора Меру,“ которую поэтическія воззрѣнія восточныхъ народовъ украшаютъ различными чудесами. По религіозному ученію индѣйскихъ народовъ, на вершинѣ этой горы помѣщается миѳическій рай, вокругъ котораго обращаются солнце, мѣсяцъ и звѣзды; на этой же вершинѣ, по понятіямъ индѣйцевъ, засѣдаютъ боги, а на склонахъ горы находятся различныя степени пребыванія святыхъ. Къ сѣверу и къ югу отъ этой возвышенной, пространной горной террасы, тянутся, почти параллѣльно оксану, горныя цѣпи, идущія отъ востока на западъ, съ каждой стороны по три. Эти горныя цѣпи образуютъ семь земныхъ поясовъ, соотвѣтствующихъ равному

числу различныхъ между собою климатовъ, на которые древніе раздѣляли Азію.

Эта *горная страна*, вмѣстѣ съ принадлежащими къ ней возвышенностями, заключаетъ въ себѣ до двухъ третей всего пространства азіятскаго материка, и подъ 90° восточной долготы раздѣляется, врывающимися въ нее низменностями Турана и Индостана, на двѣ главныя горныя системы: на *западную*, или *передне-азіятскую*, и на *восточную*, или *заднеазіятскую*, которыя обѣ соединяются посредствомъ дикаго, покрытаго снѣгомъ, горнаго кряжа *Гинду-Куша*. *Восточная горная система* обнимаетъ своими отраслями почти всю восточную Азію, покрывая собою пространство въ 288,000 квадратныхъ миль, т. е. двумя третями болѣе пространства всей Европы. Отдѣльные кряжи этой горной системы охватываютъ восточную горную возвышенность со всѣхъ сторонъ, громоздя значительнѣйшія изъ своихъ вершинъ по окраинамъ, имѣющимъ въ разныхъ мѣстностяхъ различный характеръ. Въ предстоящемъ случаѣ, намъ необходимо поближе ознакомиться только съ менѣе возвышенною горною страною сѣвернаго склона этой возвышенной плоскости. Понижаясь постепенными переходами, эта гористая страна склоняется сѣверными своими окраинами къ подходящей съ этой стороны плоской низменности, пространствомъ въ 186,000 кв. миль, которая, въ крайнихъ сѣверныхъ предѣлахъ своихъ, отличается непостояннымъ арктическимъ климатомъ, соединеннымъ съ необыкновенною стужею. Водоемы озеръ Байкала и Зайсана раздѣляютъ эту гористую страну на три большія группы. Эти три группы, съ востока къ западу, можно обозначить слѣдующими названіями: сначала идетъ русская альпійская страна, затѣмъ тянется алтайская горная система и наконецъ горная система Джунгаріи. Послѣдняя система соединяется съ сѣверозападнымъ отрогомъ туркестанской альпійской страны, идущимъ отъ нея къ югу, Мусъ-Тагомъ, т. е. снѣговою горою, и южнымъ продолженіемъ послѣдней, Болоръ-Тагомъ, или туманною горою, которая образуетъ за-

падную окраину *горной страны*. Преобладающее направленіе этого горнаго кряжа, который, получая начало свое въ степяхъ киргизскихъ, отдѣляетъ Сибирь отъ Монголіи и Манчжуріи, есть исключительно восточное. Небольшая степь отдѣляетъ кряжъ этотъ отъ передовыхъ отраслей Урала. Подъ 152° восточной долготы и 55 градусомъ сѣверной широты, горы эти близко подходятъ къ заливу Охотскому, образуя обрывистые склоны, и потомъ окончательно поворачиваютъ къ сѣверу; у Чукотскаго носа онѣ упираются въ море, отдѣляя отъ себя въ сторону особую отрасль, посредствомъ которой соединяются съ цѣпью камчатскихъ вулкановъ.



Чимбулакъ, въ Ала-Тау (Китайская Татарія).

Хотя вершины отдѣльныхъ частей этого горнаго хребта ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть причислены къ разряду самыхъ высокихъ горъ на земномъ шарѣ, тѣмъ не менѣе большая часть изъ нихъ вѣчно остаются покрытыми льдомъ и снѣгомъ. Своими предгоріями и отдѣльными, самостоятельными горными отраслями, хребетъ этотъ покрываетъ всю восточную Сибирь, простираясь въ то же время до самаго Ледовитаго моря въ видѣ длинныхъ отроговъ, которые въ сѣверныхъ тундрахъ значительно понижаются; горы эти до сихъ поръ еще весьма мало извѣстны, какъ въ отношеніи ихъ наружнаго вида, такъ и относительно ихъ внутренняго образованія, и изслѣдованы достаточно только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ случайно были открыты значительныя минеральныя богатства, подстрекнувшія алчность человѣка къ дѣятельнѣйшему развѣдыванію нѣдръ земли.

Къ сѣверу отъ этой горной страны, на протяженіи всего азіятскаго материка, съ запада на востокъ, простирается огромная *низменность*, занимающая болѣе пятой части всей поверхности азіятскаго материка. Панорама этой громадной низменности весьма различна. Гигантскія рѣки, берущія истокъ внутри горной страны или на окраинахъ горъ, яростно борются съ встрѣчающимися имъ преградами, и только съ неимовѣрными усиліями пробиваютъ себѣ свободный путь сквозь безчисленныя ущелья и скалы въ привольныя долины и равнины. Величайшая рѣка стараго свѣта, Енисей, имѣющій до семисотъ сорока восьми географическихъ миль протяженія, раздѣляетъ эту низменность на двѣ половины, западную и восточную. Восточная половина, сѣверовосточными своими пониженіями, почти сближается съ другою частью свѣта, Америкою, а къ югу, въ видѣ огромнаго полуострова, выдается въ Южный океанъ. Сѣверныя окраины горной страны образуютъ въ ней преимущественно террасы, покрытыя лѣсомъ и озерами. Западная половина, лежащая по лѣвую сторону Енисея, гораздо низменнѣе, наполнена значительными

равнинами и степями, и не представляетъ вовсе ни какихъ возвышенностей между Обью и Енисеемъ.

Столь же различными, какъ самая поверхность, представляются и внутреннія свойства почвы этой огромной низменности. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что западная половина плодороднѣе восточной, и что производительность почвы уменьшается вмѣстѣ съ теплотою, по мѣрѣ удаленія отъ запада къ востоку. Растенія, прозябающія въ обѣихъ половинахъ подъ одними и тѣми же градусами широты, достигаютъ въ западной половинѣ болѣе полнаго роста, чѣмъ въ восточной половинѣ, которая расположена выше. На правомъ берегу Енисея до сихъ поръ считалась обитаемою только самая южная полоса, представляющая почву, годную для воздѣлыванія, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ болѣе умѣренный климатъ дозволяетъ европейцу водворять свое владычество на прочныхъ основахъ. Зато въ западной половинѣ, не взирая на довольно благопріятныя вообще условія, встрѣчаются огромныя степи, въ которыхъ нѣтъ ни лѣса, ни воды, а только сушь да песокъ, такъ что онѣ представляютъ собою настоящія пустыни. Впрочемъ пустыни эти большею частью расположены въ южныхъ окраинахъ, рядомъ съ роскошнѣйшими мѣстностями, отличающимися необыкновеннымъ блескомъ разнообразія. Впрочемъ степи эти не могутъ быть признаны повсемѣстно безплодными, и, при усиленной обработкѣ, онѣ могли бы быть обращены въ болѣе пригодные участки, между тѣмъ какъ въ настоящее время онѣ только служатъ мѣстомъ пребыванія для кочующихъ народовъ. До 60° сѣверной широты почва Сибири является годною для воспроизведенія различныхъ родовъ хлѣба; зато пространства, заключенныя между слѣдующими двумя градусами, образуютъ уже почти сплошную дикую пустыню, гдѣ мѣстности, воздѣланныя новѣйшими усиліями переселенцевъ, представляются какими-то оазисами, но съ тѣмъ вмѣстѣ служатъ доказательствомъ, что почва Сибири вовсе не оказывается неблагодарною къ употребленному на нее труду. Далѣе къ сѣверу, начиная съ 62°

до 78° сѣв. шир., все пространство покрыто безконечными болотами или тундрами, гдѣ всякая растительность мало по малу исчезаетъ, и почва даже лѣтомъ остается замерзлою на незначительной глубинѣ подъ поверхностью.

Климатъ такой обширной страны, какъ та, о которой здѣсь идетъ рѣчь, долженъ естественно представлять весьма много разнообразій, обусловливаемыхъ ея значительнымъ протяженіемъ. Впрочемъ подъ одними и тѣми же градусами широты, гдѣ не проявляется вліянія какихъ-либо особенныхъ естественныхъ условій, различныя времена года отличаются необыкновеннымъ однообразіемъ. Шестидесятый градусъ широты, подъ которымъ Сибирь достигаетъ своего наибольшаго протяженія въ ширину, раздѣляетъ ее на двѣ почти равныя половины. Континентальный характеръ азіятскаго материка въ значительной степени усиливаетъ дѣйствіе условій, которыя общи Сибири, вмѣстѣ съ прочими арктическими странами. На сѣверѣ плоскіе берега ея не представляютъ никакой преграды холоднымъ вѣтрамъ обширнаго Ледовитаго моря, тогда какъ образующіе ея южную границу горные кряжи, покрытые вѣчнымъ снѣгомъ, не даютъ доступа благодѣтельному вліянію юга.

Въ слѣдствіе *особенныхъ климатическихъ условій* Азіятской Россіи, ее можно раздѣлить на *четыре пояса:* арктическій, холодный, умѣренный и теплый. *Первый* начинается подъ 67° с. ш. и простирается до самаго крайняго сѣвера, обнимая всѣ острова, расположенные въ Полярномъ морѣ, и даже весь этотъ океанъ, окоченѣвшій отъ вѣчнаго льда. Здѣсь царство вѣчной зимы. Почва состоитъ изъ болотнаго торфянаго пласта, который лежитъ на скалистомъ грунтѣ, и лѣтомъ оттаиваетъ только на самое короткое время на одинъ футъ въ глубину или даже на полфута. Предгорія Урала, Саянскаго хребта, Байкальскихъ горъ и Становаго хребта, заходящія въ этотъ поясъ, весьма низки и мѣстами являются въ видѣ голыхъ скалъ вдоль полярнаго берега. Деревья не попадаются нигдѣ, и едва только произрастаетъ тощій ку-

старникъ; ива и береза, наравнѣ съ безпріютно блуждающимъ по этимъ обширнымъ пространствамъ человѣкомъ, принимаютъ миніятюрные размѣры. Болѣе девяти мѣсяцевъ земля остается покрытою толстымъ слоемъ льда и снѣга; что же касается до рѣкъ и заливовъ, то они вскрываются лишь въ іюнѣ мѣсяцѣ, а тѣ, которые на крайнемъ сѣверѣ, еще позже, и уже въ Сентябрѣ опять покрываются твердою корою. На нѣкоторыхъ озерахъ стоитъ постоянный ледъ. Стужа достигаетъ такой степени, что ртуть твердѣетъ на открытомъ воздухѣ, и превращается въ мягкій, ковкій металлъ, для чего какъ извѣстно, необходимо —50° Р. Во время непродолжительнаго лѣта, атмосфера бываетъ постоянно наполнена густыми испареніями, похожими на сухой туманъ, покрывающій западную равнину средней Европы, и почти вовсе непропускающими слабыхъ лучей солнца. Самый долгій день на крайнемъ сѣверѣ продолжается почти цѣлое лѣто, въ теченіе коего солнце не заходитъ, точно такъ же, какъ зимою, въ теченіе равнаго періода времени, оно тамъ вовсе не восходитъ. Грозы, сила которыхъ, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, слабѣетъ, случаются тамъ весьма рѣдко. Азіятская фауна у этихъ крайнихъ предѣловъ имѣетъ весьма немногихъ представителей: самое маленькое млекопитающее животное, енисейская землеройка, встрѣчается чаще всего въ этихъ мѣстностяхъ, и живетъ даже тамъ, куда не заходятъ ни собака, ни дикіе олени, и гдѣ изрѣдка только рыскаютъ нѣкоторые хищные звѣри изъ породы пушистыхъ, а у береговъ встрѣчаются огромные тюлени и бѣлый медвѣдь. Что касается до климата, то хотя тамошній воздухъ и не можетъ быть признанъ вообще нездоровымъ, но онъ часто дѣлается вреднымъ отъ испареній, издаваемыхъ болотистою почвою, когда покрывающій ее ледъ начинаетъ таять отъ лѣтняго солнца.

Климатъ *холоднаго пояса* весьма значительно отличается отъ климата арктической полосы, въ слѣдствіе совершенно иныхъ измѣненій температуры зимою и лѣтомъ, а также въ слѣдствіе вліянія почвы и характера растительности. Уро-

вень земной поверхности между Ураломъ и Енисеемъ ровный и не представляетъ замѣтныхъ возвышеній; далѣе же на востокъ появляются довольно высокіе горные хребты, которые, вдоль береговъ Охотскаго моря и на полуостровѣ Камчаткѣ достигаютъ значительной высоты. Въ этомъ поясѣ, точно такъ же, какъ и въ арктическомъ, имѣются только два времени года, лѣто и зима, что же касается до весны и осени, то этими названіями тамъ означаются начало и конецъ лѣта. Лѣса, состоящіе изъ лиственницы и хвойныхъ деревъ, хотя и покрываютъ всю южную часть этого пояса, но вообще слѣдуетъ замѣтить, что ростъ деревъ въ этихъ мѣстностяхъ вообще довольно медленный, а трава на тамошнихъ лугахъ никогда ни достигаетъ силы, какою отличаются травы американскихъ пастбищъ, лежащихъ подъ одними и тѣми же градусами широты. Самая сѣверная полоса этого пояса изобилуетъ только ягодами и мхами. Наиболѣе суровый климатъ господствуетъ близъ Тихаго океана, тогда какъ полуостровъ Камчатка, лежащій подъ одними градусами широты съ Царствомъ Польскимъ и сѣверною Германіею, изобилуетъ еще оленями. Хлѣбопашествомъ, требующимъ непрестанной бдительности и вниманія, занимаются до 60° с. ш. и то лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, преимущественно же въ защищенныхъ горами долинахъ. Въ окрестностяхъ Якутска, лежащаго на Ленѣ, подъ 62° с. ш., рожь и ячмень прозябаютъ въ огородахъ на грядахъ, но и тамъ достигаютъ незначительнаго развитія. Европейскіе овощи, даже изъ самыхъ низкихъ породъ, вовсе не произрастаютъ въ этомъ поясѣ, точно такъ же, какъ и картофель.

Во окресностяхъ Туруханска, Охотска, Зашиверска и Гижигинска, а также близъ Березова, лежащаго подъ 64° с. ш., всякое хлѣбопашество, даже разведеніе корнеплодныхъ растеній становится весьма затруднительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и скотоводство идетъ плохо. Продолжительныя, холодныя зимы часто сопровождаются порывистыми, рѣзкими вѣтрами, которые, внезапно появляясь отъ сѣверо-востока,

дуютъ съ необыкновенною яростью и, поднимая страшные столбы снѣга, постоянно сохраняютъ направленіе тѣхъ градусовъ широты, подъ которыми они появляются сначала. Вѣтры эти, носящіе мѣстное названіе *пургъ* или *бурановъ*, дуютъ обыкновенно не менѣе двадцати четырехъ часовъ, причемъ дѣйствіе ихъ страшныхъ порывовъ бываетъ весьма разрушительно. Погода въ этихъ странахъ вообще довольно постоянная и появленіе стужи равномѣрное; но холодъ бываетъ значительно выше, чѣмъ подъ равными градусами широты къ западу отъ Урала; такъ напр. температура зимы въ Тобольскѣ, находящемся подъ 58° 12′ с. ш., и въ С.-Петербургѣ, который лежитъ болѣе чѣмъ на одинъ градусъ сѣвернѣе, одинаковы. Въ окрестностяхъ Енисейска, лежащаго подъ 58° 26′ с. ш. и 109° 38′ в. д., стужа достигаетъ, въ холодныя зимы, до 44° Р., такъ что птицы замерзаютъ на лету. Подъ этою широтою даже бурный Енисей, не смотря на свое необыкновенно сильное теченіе, хотя и поздно — въ концѣ Октября — но все таки каждый годъ, покрывается льдомъ. Въ Туруханскѣ, на Енисеѣ, лежащемъ подъ 66° с. ш. и 107° в. д., солнце съ 10 іюня никогда не заходитъ, а съ 10 декабря никогда не восходитъ. Въ іюнѣ, въ этихъ мѣстностяхъ, обыкновенно еще лежитъ снѣгъ, но затѣмъ слѣдуетъ необыкновенно жаркое лѣто, которое однако же отогрѣваетъ землю только на нѣсколько футовъ, а въ глубинѣ почва постоянно остается мерзлою: такъ напр., близъ Якутска, находили, что почва не таяла на глубинѣ 30 ф. Конецъ лѣта, или осень, въ этомъ холодномъ поясѣ постоянно сопровождается туманами, а при Охотскѣ лѣтомъ солнечный свѣтъ почти постоянно бываетъ застилаемъ какимъ-то ѣдкимъ, вонючимъ смрадомъ, такъ что безъ всякаго затрудненія можно бываетъ смотрѣть невооруженными глазами прямо на солнечный кругъ. Великолѣпныя сѣверныя сіянія необыкновенно-чудеснымъ свѣтомъ озаряютъ зимнія ночи въ этихъ странахъ. Воздухъ въ этой холодной области лѣтомъ бываетъ вреденъ для здоровья отъ

сильныхъ испареній, издаваемыхъ болотами и лѣсами, но въ прочія времена года бываетъ чистъ и безвреденъ. Въ лѣсахъ, лежащихъ по южнымъ границамъ этой полосы, обитаютъ, кромѣ встрѣчаемаго тамъ повсемѣстно домашняго оленя, многочисленныя породы дикихъ звѣрей, мясо которыхъ употребляется въ пищу, а драгоцѣнные мѣха составляютъ важный предметъ торговли. Воды изобилуютъ удивительнымъ богатствомъ рыбъ, а морское прибрежье разнообразными морскими животными; наконецъ горы содержатъ значительныя богатства полезныхъ металловъ и минераловъ.

Къ *третьей*, или *умѣренной полосѣ*, по общепринятому обыкновенію, причисляютъ всю землю, простирающуюся на югъ до 50° с. ш.; пространства же, лежащія на югъ отъ этого градуса, принадлежатъ уже къ теплому поясу. Такимъ образомъ въ умѣренномъ поясѣ лежатъ южная полоса Тобольской губерніи, часть Омскаго края, и части Томской и Иркутской губерній и Амурской земли, Камчатка и Алеутскіе острова. Вся эта полоса, за немногими исключеніями, гориста.

Различныя времена года въ этомъ поясѣ отличаются одно отъ другаго весьма замѣтнымъ образомъ. Континентальный характеръ страны, преобладающіе восточные вѣтры, при отсутствіи влажныхъ южныхъ вѣтровъ, дѣлаютъ температуру зимою весьма суровою, между тѣмъ, какъ лѣтняя температура почти равняется температурѣ средней Европы. По берегамъ озера Байкала, лежащаго подъ одною широтою съ Веймаромъ, холодъ зимою достигаетъ обыкновенно отъ — 30° до — 34° Р. Быстрая Ангара, необыкновенно бурный потокъ, впадающій въ озеро Байкалъ съ сѣверо-востока, обыкновенно покрывается сплошнымъ льдомъ въ серединѣ декабря, и никогда не вскрывается раньше 21 марта. На болотахъ вокругъ этого озера и на даурскихъ трясинахъ подъ мхомъ сохраняется постоянный ледъ, и даже близъ Нерчинска, лежащаго на широтѣ Дрездена, земля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не оттаиваетъ далѣе, какъ на глубинѣ 2 ф. Шилка и Аргунь, два главные истока, образую-

щіе Амуръ, уже въ половинѣ октября покрываются льдомъ, который ломается только въ срединѣ апрѣля. У Барнаула, на рѣкѣ Оби, лежащаго подъ 53° 20′, т. е. почти на широтѣ Штеттина, зима наступаетъ въ концѣ Октября, внезапно, почти безъ переходнаго осенняго времени, и даже лѣтомъ случаются по ночамъ заморози; у Омска, на широтѣ Тильзита, рѣка Иртышъ замерзаетъ въ концѣ октября, и вскрывается не ранѣе средины апрѣля, а рѣка Томь, близъ Томска, лежащаго подъ 56° 30′ с. ш., слѣдовательно немного сѣвернѣе Гельзингераа, на берегу Зунда, остается въ продолженіе всего апрѣля покрытою льдомъ, такъ что постоянное увеличеніе стужи, по мѣрѣ удаленія на востокъ, не подлежитъ сомнѣнію. Лѣто, по большей части, бываетъ теплое и пріятное, но въ степяхъ зной стоитъ необыкновенно тягостный. Отъ дѣйствія раскаленныхъ лучей солнца, почки на деревьяхъ весьма скоро распускаются, а плоды весьма быстро зрѣютъ; въ мѣстностяхъ, лишенныхъ тѣни, подъ 50° ш., зной становится иногда до того невыносимымъ, что всякая дѣятельность днемъ совершенно прекращается, на что впрочемъ особенное вліяніе имѣетъ еще и то обстоятельство, что сильный жаръ необыкновенно способствуетъ появленію миріадъ различныхъ мошекъ, составляющихъ истинное мученіе для людей и животныхъ. Не смотря однако же на такой сильный зной кратковременнаго лѣта, земледѣліе сѣвернѣе 54° ш. даетъ уже неудовлетворительные результаты, и только при особенной тщательности и предусмотрительности, можетъ идти успѣшно. Въ восточной половинѣ, зерновой хлѣбъ воздѣлывается съ успѣхомъ только въ южной полосѣ до озера Байкала; выше же къ сѣверу ранняя осень, сопровождаемая суровыми вѣтрами, не даетъ плодамъ дозрѣвать, а ночные морозы, нерѣдко слѣдующіе непосредственно за знойными днями, иногда мгновенно уничтожаютъ всѣ разсчеты на обильную жатву. Зато именно эти страны отличаются роскошными лѣсами, и начиная съ Алтая, получившаго свое названіе отъ находимаго въ немъ золота, тянутся

извѣстнѣйшіе русскіе рудники, изобилующіе серебромъ, мѣдью и полезными минералами разныхъ родовъ.

Теплый поясъ, въ сравненіи съ прочими тремя поясами, весьма незначителенъ по занимаемому имъ пространству: къ нему принадлежатъ южная полоса Томской, а также Иркутской губерніи, Амурскя земля, простирающаяся къ югу до 48° ш., и лежащая на западѣ степь Киргизъ-Кайсаковъ. Гдѣ какія-нибудь мѣстныя условія не представляютъ препятствій, тамъ растительность въ этомъ поясѣ развивается роскошно; растенія же умѣреннаго земнаго пояса произрастаютъ очень хорошо. Здѣсь господствуетъ большое разнообразіе: рядомъ съ нетронутыми дѣвственными лѣсами, произведеніями которыхъ питаются номады, занимающіеся звѣринымъ и рыбнымъ промыслами, тянутся плодородные склоны горъ и равнины, почва которыхъ безъ труда покоряется усиліямъ земледѣльца. Въ промежуткахъ между ними разстилаются орошаемыя въ изобиліи пастбища, рядомъ съ опаленными и обожженными знойнымъ солнцемъ степями, которыя оживляются только присутствіемъ бродячихъ инородцевъ и торговыхъ каравановъ. Воздухъ въ этихъ мѣстностяхъ почти повсюду здоровый, и люди достигаютъ здѣсь рѣдкаго въ другихъ странахъ долголѣтія. Равнымъ образомъ и домашнія животныя, за исключеніемъ восточной части Иркутской губерніи и Камчатки, достигаютъ здѣсь своего полнаго развитія и силы. Только въ сѣверовосточной части Иркутской губерніи и въ окресностяхъ Нерчинска нерѣдко свирѣпствуютъ скорбутъ, перемежающаяся лихорадка и эпилептическія болѣзни. Сырая и даже мокрая глинистая почва Барабинской степи, занимающей пространство между Обью и Иртышемъ, причиною тому, что жители деревень, расположенныхъ посреди степи, имѣютъ желтоватый, болѣзненный видъ, свидѣтельствующій объ испорченности соковъ, не смотря на то, что деревни эти расположены на плодородныхъ, возвышенныхъ оазисахъ, окруженныхъ небольшими березовыми рощами. Господствующіе тамъ, даже и лѣтомъ,

постоянные туманы, по большей части покрываютъ также Ишимскую степь, между Тоболомъ и Иртышемъ. Степь эта, при волнообразной поверхности, суха, но вмѣстѣ съ тѣмъ тоща и совершенно лишена растительности; въ низменныхъ оврагахъ образуются многія небольшія озера, изъ коихъ одни бываютъ наполнены прѣсною, грязною, а другія соленою водою. Даже въ мѣстностяхъ, насыщенныхъ солью, созрѣваютъ солончаковыя растенія, которыя по крайней мѣрѣ служатъ пищею для скота. Впрочемъ въ описываемыхъ здѣсь мѣстностяхъ господствуютъ губительныя заразы скота, которыя развиваются вслѣдствіе того, что лѣтомъ низкія воды высыхаютъ и отдѣляютъ вредныя испаренія.

Большимъ разнообразіемъ минеральныхъ водъ изобилуютъ южные склоны принадлежащихъ къ этому поясу горъ и сосѣдній округъ въ китайско-манчжурской области Амура, континентально-вулканическія свойства котораго недавно были съ очевидностью обнаружены Семеновымъ. Источники горной соли самаго чистаго свойства попадаются въ рудоносныхъ горахъ Нерчинскихъ и по берегамъ Аргуни; нечистая же горная соль осаждается въ сибирскихъ степяхъ, лѣтомъ, во всякой высохшей лужѣ. Нѣкоторыя озера весьма богаты этою солью, такъ напр. Каменогорское озеро, въ Ишимской степи, даетъ изъ одного фунта воды 3 лота неочищенной горной соли; кромѣ того, почти всѣ озера въ Иркутской губерніи представляютъ неисчерпаемые источники этой соли. Въ Даурiи и вдоль Аргуни, а также въ Нерчинскомъ округѣ много источниковъ, изобилующихъ углекислотою. Изъ-подъ льда озера Акса-Куль, въ Барабинской степи, вытекаетъ вода, содержащая сѣрный купоросъ; кромѣ того, источники съ богатымъ содержаніемъ соленой воды находятся близъ Симбирска и близъ р. Ангары, гдѣ они питаютъ извѣстные соляные пріиски. Соль, добываемая изъ нихъ, превосходитъ вкусомъ и крѣпостью соль, получаемую изъ озеръ, причемъ количества ея достаточно для удовлетворенія потребностей всей Сибири. Озера, находящіяся во всей

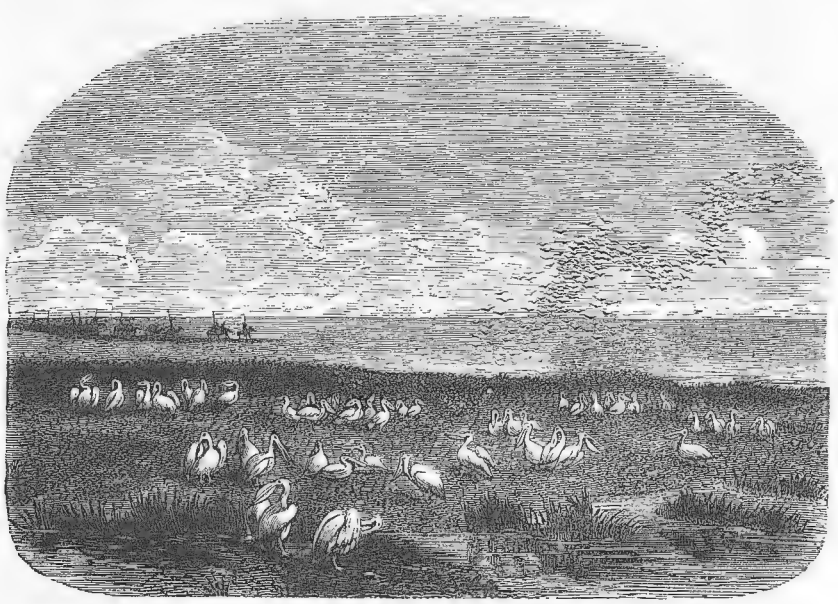
НАУЧНАЯ
№ 10230
КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Ср.-Волж. Край

Ишимской степи, въ Барабѣ и въ Даурiи, раздѣляются на озера съ бѣднымъ, обыкновеннымъ и богатымъ содержаніемъ соли. Въ первыхъ, содержащихъ обыкновенно отъ $^1/_4$ до $1^1/_2$ градуса хорошей или дурной соли, рыба еще можетъ держаться; обыкновенныя же соляныя озера содержатъ отъ 2 до 16 градусовъ соли, такъ что во время сухаго лѣта, когда вода, въ слѣдствіе жары, начинаетъ испаряться, и притомъ не случается дождя, часть ихъ богатства осаждается на берегу или опускается на дно въ видѣ зеренъ. Теплые источники съ соляносѣрнымъ содержаніемъ находятся на берегу Байкала, гдѣ, у подножія горы Дунды, близъ устья рѣки Котельниковой, есть горячій ключъ, имѣющій до 55° теплоты, и другіе съ температурою отъ 54° до 52°. Точно такъ же и въ Даурiи, близъ горы Камтау и въ другихъ мѣстностяхъ, находятся горячіе сѣрные источники, извѣстные цѣлебною силою; кромѣ того, много подобныхъ источниковъ находится на Курильскихъ островахъ и въ Камчаткѣ.

Пространство, занимаемое поверхностью Азіятской Россіи, распредѣляется между описанными нами четырьмя поясами слѣдующимъ образомъ: если принять за единицу арктическій поясъ, содержащій немного болѣе 11,000 кв. м., то онъ будетъ относиться къ холодному, какъ 1 : 11, къ умѣренному, какъ 1 : 9, и къ теплому, какъ $1 : 1^1/_{11}$, но къ послѣднему въ такомъ случаѣ слѣдуетъ причислить и Киргизскую степь, составляющую болѣе 31,000 кв. миль.

Обозрѣвая *западный отдѣлъ сѣверной окраины* азіятской возвышенности, мы находимъ, что эта страна изборождена низкими, плоскими *горными цѣпями Дзюнгаріи*, между которыми размѣстились глубоко залегающія степныя озера. Мѣстность эта служила поприщемъ, разнообразныхъ столкновеній народовъ, стремившихся изъ Азіи на западъ; здѣсь долго существовали самостоятельныя государства; въ серединѣ прошедшаго столѣтія, страна эта сдѣлалась китайскою провинціею, потомъ военною колоніею

манчжуровъ; позже она служила мѣстомъ ссылокъ для китайцевъ, и отсюда же вышла потрясающая въ настоящее время основы Китайской Имперіи революція; наконецъ, въ сороковыхъ годахъ, русскіе, овладѣвъ этою плодородною страною, окончательно присоединили ее къ своей обширной имперіи, увеличивъ такимъ образомъ объемъ послѣдней, въ направленіи къ индо-британской границѣ, на 22,000 кв. миль. Въ настоящее время Россія господствуетъ надъ теченіемъ рѣкъ Сыръ-Дарьи и Амура, и надъ областью Аральскаго озера. Разстилаясь между горами Тіанъ-Шана и алтайской системы, страна эта упирается на востокѣ въ возвышенную степь Гоби, а на западѣ совершенно открыта въ направленіи къ долинамъ Сыръ-Дарьи и Иртыша. Только передъ собственною Киргизскою степью, предѣлы которой теряются въ необозримой дали, тянется горный хребетъ, въ видѣ неоднократно прерывасмой стѣны, направляясь отъ озера Зайсанъ, черезъ Тарбагатай, къ сѣверо-восточной оконеч-



Видъ озера въ степи лѣтомъ.

ности Ала-Тау и далѣе по берегу рѣки Или, совершенно исчезая въ направленіи съ сѣвера къ югу.

Совершенно особенный характеръ придаетъ этой мѣстности присутствіе цѣлаго ряда степныхъ озеръ, идущихъ въ направленіи отъ юга къ сѣверу; повышеніе и пониженіе почвы между озерами придаетъ большое разнообразіе мѣстности. Одно изъ значительнѣйшихъ и въ новѣйшее время наиболѣе изслѣдованныхъ озеръ — *Иссы-Куль*, или Иссакъ, приблизительно на широтѣ Флоренціи и Пизы. Озеро это окружено цѣпями горъ, вздымающихся значительно выше линіи постояннаго снѣга, и лежитъ на 3,600 ф. надъ поверхностью; ложе его углублено въ плоской возвышенности между Ала-Тау и Тіанъ-Шаномъ.

Далѣе на западъ лежитъ озеро *Балкашъ*, имѣющее до 30 геогр. м. протяженія, и получившее, по своей необыкновенной величинѣ, названіе *Денгиза*, или *Тенгиса*, т. е. моря; рѣка *Или* изливаетъ въ него водные запасы западныхъ склоновъ *Тіанъ-Шана*. Рѣка эта, окрестности коей нѣкоторые русскіе писатели изображаютъ чѣмъ-то въ родѣ сибирской Италіи, на 120 миль ближе къ Калькуттѣ, чѣмъ къ С.-Петербургу, и отдѣляется отъ англійской Индіи пространствомъ въ 5 градусовъ широты. На этой рѣкѣ лежитъ китайскій городъ *Или*, главный городъ провинціи того же имени, черезъ который, въ настоящее время, направляется часть русской торговли съ Китаемъ. Къ западу отъ Балкаша, возвышается горный кряжъ *Тарбагатай*, составляющій русскую границу; кряжъ этотъ, получившій названіе отъ множества встрѣчаемыхъ въ немъ кротиковъ, tarbaga, шлетъ свои воды на сѣверъ къ Иртышу, а на югъ къ озеру *Алакъ-Кулъ*. По южному и восточному берегамъ этого озера проходитъ китайская граница, вдоль хребта *Ала-Тау*, который, составляя первую значительную возвышенность между русскими степями и Дзюнгаріею, сначала направляется на востокъ, а потомъ, постепенно понижаясь, идетъ въ сѣверовосточномъ направленіи къ озеру Зайсану.

Къ сѣверо-востоку отъ озера Зайсана, къ берегамъ Охотскаго моря, тянется собственно одна только горная система, образующая сѣверную границу восточной азіятской возвышенности, которая вообще носитъ названіе *Алтая*, т. е. Золотыхъ горъ, въ воспоминаніе пребыванія тамъ повелителей турецкихъ ордъ, изъ языка которыхъ названіе это происходитъ, а можетъ быть и вслѣдствіе изобилія благороднаго металла, добываемаго въ этихъ горахъ съ давнихъ временъ. Большія водныя системы раздѣляютъ эти горы на три главныя группы. Между долинами *Иртыша* и *Енисея* простирается *собственный Алтай*, между Енисеемъ и рѣчною системою *Селенги*, впадающей въ Байкальское озеро, проходитъ *Кангай*, а съ русской стороны *Саянскія горы;* далѣе же, на востокъ, къ *Амуру*, идетъ *Кентей-Ханъ*, или *Хинганъ*, принимающій съ сѣвера, на русской сторонѣ, названіе *Даурскихъ Альпъ*, а въ сѣверо-восточныхъ развѣтвленіяхъ своихъ другія самостоятельныя наименованія.

Западная группа, или *собственный Алтай*, покрываетъ собою область въ 150 геогр. миль, и отдѣляетъ отъ себя четыре главныя отрасли, которыя, по ученію китайскихъ географовъ, будто бы такъ высоки, что достигаютъ млечнаго пути. Въ китайскихъ предѣлахъ, къ югу отъ Енисея, простирается Тангну-Ула, а еще южнѣе Уланъ-гумъ-Ула, соединяющійся на сѣверо-востокѣ съ системою Кангая. Главное ядро этихъ горъ также находится на китайской землѣ.

Близъ русской границы, отъ главнаго ядра отдѣляется *Алтай-Ула* или *Алтай-Бѣлки*, т. е. снѣжныя горы, которыя, переходя въ Сибирь, достигаютъ вышины 9,000, а въ нѣкоторыхъ пикахъ и 11,000 футовъ. Изъ ледниковъ этихъ горъ берутъ истокъ рѣки Иртышъ и Обь. Видъ Алтай-Бѣлки, съ его снѣжными верхушками, образующаго рѣзкій контрастъ съ сосѣдними степями, представляетъ для окрестныхъ жителей великолѣпное зрѣлище.

Къ сѣверу онъ склоняется по направленію къ широкой полосѣ *металлоносныхъ Алтайскихъ горъ*, которыя хотя сдѣ-

лались извѣстными не болѣе двухъ сотъ лѣтъ, но уже достаточно населены русскими, и въ настоящее время соперничаютъ съ Ураломъ въ изобиліи металловъ. Дѣятельность тамошнихъ горныхъ промышленниковъ сосредоточивается въ *Барнаулѣ*, лежащемъ на Оби. Въ Колыванскомъ горномъ округѣ, между Иртышемъ и Біею, находятся горы, содержащія богатѣйшія руды золота и серебра.

Средняя группа алтайской системы, *Кангай-Ула*, занимаетъ пространство между Енисеемъ и Селенгою, направляясь отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, а далѣе на востокъ. Горы эти, питающія своими водами много рѣкъ, представляютъ собою дикій кряжъ значительной вышины и протяженія, вершины коего покрыты снѣгомъ. Слои болѣе или менѣе разорваннаго гранита или порфира мѣняются съ разными породами шифера; почти всѣ утесы покрыты пластомъ земли, и во многихъ мѣстахъ встрѣчаются густые роскошные лѣса. Вдоль праваго берега Енисея, кряжъ этотъ принимаетъ названіе *Саянскаго хребта*, отличаясь здѣсь довольно дикимъ характеромъ, и простирается до *Тунгуски* или *Ангары*.

Къ востоку отъ долинъ *Селенги* и ея притоковъ поднимается, въ видѣ восточной оконечности высокой Гоби, группа *Восточнаго Алтая*, представляющая собою нѣсколько развѣтвленій. Главное ядро этихъ горъ составляетъ *Кентей-Ханъ*, на солнечной сторонѣ котораго находится могила *Чингисъ-Хана*. По сѣверному склону Восточнаго Алтая проходитъ граница Сибири, такъ что этотъ возвышенный хребетъ съ 1727 г. составляетъ пограничную черту обоихъ обширнѣйшихъ государствъ на земномъ шарѣ. Объ этой мѣстности повѣствуютъ не только монгольскія, но и китайскія преданія: по увѣренію ихъ, прахъ героя Чингиса, о которомъ только враги его отзывались нехорошо и съ укоромъ, въ сопровожденіи всего народа своего, былъ привезенъ обратно на родину его, къ истокамъ рѣки *Керлона*. Навстрѣчу поѣзду вышли плачущія жены и дѣти повелителя, въ сопровожденіи многочисленной толпы. Но такъ какъ, не смотря ни на

какія усилія, снять тѣло съ погребальной колесницы оказалось невозможнымъ, то надъ нею была выстроена гробница, а вокругъ восемь бѣлыхъ домовъ, для поклоненія ему и для совершенія, въ воспоминаніе его, религіозныхъ обрядовъ. Сюда являлись на поклоненіе наслѣдники великаго хана, и здѣсь они получали утвержденіе на царство. Вообще о горахъ Кентея часто упоминается въ сказаніяхъ монголовъ, какъ о мѣстѣ рожденія Чингисъ-Хана и его предковъ, родоначальниковъ монгольской династіи, которая долго властвовала надъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ азіятскихъ народовъ, имѣвшимъ сильное вліяніе не только на судьбы азіятскаго востока, но и на исторію народовъ восточной Европы.

Въ западномъ концѣ своемъ Кентей-Ханъ развѣтвляется на нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ отраслей, отдѣляющихся къ западу и къ югу; между этими отраслями наиболѣе выдаются три длинныя цѣпи, дающія названіе всей группѣ. Горы эти отличаются заостренными вершинами, и внутрь ихъ можно проникнуть только черезъ узкіе и весьма трудные проходы; зато ущелья ихъ покрыты богатыми лугами, со множествомъ цвѣтовъ и ягодъ, по которымъ рыскаютъ разные дикіе звѣри. Сѣверные отроги этихъ горъ покрыты густолиственными чащами, состоящими изъ березовыхъ и сосновыхъ рощей, которыя считаются священными, какъ у китайцевъ, такъ и у подчиненнаго имъ племени калковъ; только при важнѣйшихъ празднествахъ, въ честь императора, разрѣшается устраивать тамъ большія охоты. Въ этихъ лѣсахъ водятся козы, серны, олени, кабаны и даже медвѣди. Сторона горъ, обращенная къ степямъ, почти такъ же бѣдна лѣсомъ, какъ и пустыня Гоби. Южныя развѣтвленія этого горнаго узла образуютъ водораздѣлъ между притоками *Селенги* и *Амура*; изъ нихъ *Ханъ-Ула* или *Ханъ-Аліа*, т. е. Императорская гора, возвышается надъ всѣми окружающими ее горами. Бока этой горы покрыты торчащими утесами и скалами, вершина же окружена соснами, березами,

кедрами, осиною и лиственицею, и только самая маковка покрыта кустарникомъ. Съ горъ течетъ множество ручьевъ, а на предгорьяхъ пасутся многочисленныя стада. Въ соединеніи съ лежащею къ востоку соотвѣтствующей вышины горою, вершина эта образуетъ проходъ *Хинганъ*, служащій пограничною чертою Гоби. Далѣе мѣстность совершенно измѣняетъ свой характеръ: лѣсъ прекращается; чистая, свѣжая вода уже едва попадается въ немногихъ источникахъ, стекающихъ съ горъ, и во всѣ стороны разстилается на необозримое пространство страшная степь Гоби, въ видѣ плоскаго, сухаго, однообразнаго песчанаго моря, безъ холмовъ, безъ источниковъ и безъ малѣйшей растительности. Ханъ-Ула, на одномъ изъ склоновъ котораго находится мѣстопребываніе *великаго ламы*, считается монголами-калками священною; южныя пологости этой горы красуются множествомъ богатѣйшихъ и великолѣпныхъ храмовъ, куда три раза въ году стекается на поклоненіе весь народъ, причемъ рѣшаются тяжбы и обсуждаются дѣла, касающіяся выгодъ цѣлаго общества. На западной сторонѣ этой горы выложена изъ огромной величины бѣлыхъ камней надпись на четырехъ языкахъ: манчжурскомъ, китайскомъ, тибетанскомъ и монгольскомъ, которая въ переводѣ означаетъ „небесная радость.“ Стражи не допускаютъ непосвященныхъ приближаться къ этимъ мѣстамъ, ибо на горахъ и въ долинахъ должна господствовать вѣчная *тишина*.

На востокъ отъ *Кентей-Хана*, до того мѣста, гдѣ *Керлонъ* и *Ононъ*, соединяясь, образуютъ *Амуръ*, тянется горный кряжъ *Хинганъ*, направляясь преимущественно между обѣими этими рѣками; кряжъ этотъ, на значительномъ разстояніи, составляетъ границу между Сибирью и Китайскою Имперіею. Этотъ дикій кряжъ носитъ названіе Хингана только въ предѣлахъ китайскихъ; отъ того же мѣста, гдѣ рѣка Ононъ переходитъ въ Сибирь и онъ раздѣляется на два горные рукава, кряжъ этотъ принимаетъ названіе *Даурскихъ Альпъ*, образуя водораздѣлъ рѣчныхъ системъ Амура,

Горныя ворота при Нукъ-а-Табанѣ (въ Саянскихъ горахъ).

Енисея и Лены. Южное продолженіе большаго Хингана состоитъ изъ плоскихъ, низкихъ горныхъ хребтовъ, которые, при значительной абсолютной высотѣ, имѣютъ довольно небольшой относительно подъемъ. Горы эти испещрены утесами, покрыты лѣсами, болотами, и, отличаясь дикимъ характеромъ, вообще мало доступны; до сихъ поръ онѣ еще мало изслѣдованы, не смотря на то, что изъ числа 63 пограничныхъ столбовъ, устроенныхъ по кяхтинской дорогѣ, 40 размѣщены по склонамъ Хингана.

Въ сѣверной грядѣ этой горной системы, находящейся въ русскихъ предѣлахъ, связью между саянскимъ и даурскимъ хребтами, служатъ *Байкальскія горы*, замыкающія величайшее изъ извѣстныхъ на землѣ альпійскихъ озеръ, носящее то же названіе. По отдѣленіи отъ главнаго кряжа, горы эти подходятъ къ озеру съ юго-запада и, обойдя «Святое море» со всѣхъ сторонъ, спускаются въ самое ложе озера 80 крутыми и дикими мысами; это громадное озеро покрываетъ собою болѣе 700 кв. миль. Отличаясь сначала дикимъ характеромъ и значительною высотою, горы эти понижаются къ востоку, и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ верхушекъ и совершенно голыхъ утесовъ, покрыты густымъ лѣсомъ. Какъ вообще во всѣхъ разорванныхъ гранитныхъ скалахъ, въ строеніи этого хребта соединены съ мягкими округленными формами странныя очертанія острыхъ, торчащихъ къ верху макушекъ. Минеральное содержаніе этихъ горъ еще мало изслѣдовано; впрочемъ, до сихъ поръ тамъ были находимы каменный уголь, чистая сѣра, источники поваренной и сѣрной солей, квасцы, мѣдь, желѣзо и свинецъ. Среднее возвышеніе междугорной равнины, на которой поднимается гребень Байкальскихъ горъ, доходитъ отъ 250 до 300 фут., а озеро углублено въ него на 1,300 футовъ.

Почти параллельно *Байкальскому озеру* и лишь немного отклоняясь въ сторону, тянется сѣверо-восточное продолженіе горнаго узла Кентей-Хана, направляясь отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, къ *Охотскому морю*, и далѣе оканчивается

Чукотскимъ носомъ. Хребетъ этотъ образуетъ водораздѣлъ многихъ потоковъ, низвергающихся съ горъ къ западу, сѣверо-западу и сѣверу, въ Ледовитое море, а къ востоку и сѣверо-востоку—въ Великій океанъ. Горы эти, перерѣзывающія восточную Сибирь, на протяженіи, приблизительно до 600 миль, носятъ общее названіе *Становаго хребта.* Первые русскіе завоеватели Сибири, слѣдовавшіе по теченію рѣкъ, остановлены были въ дальнѣйшемъ стремленіи къ океану преградами, встрѣченными ими въ этихъ горахъ, которыя образуютъ сплошную стѣну передъ моремъ, и совершенно отдѣляютъ его отъ сибирской низменности.

Начало Становаго хребта, откуда берутъ истокъ притоки Байкальскаго озера, съ древнихъ временъ носитъ названіе *Яблоноваго хребта.* Хребетъ этотъ, при значительномъ протяженіи и немалой абсолютной высотѣ, представляетъ однако же небольшой относительно подъемъ; южный и сѣверный склоны его представляютъ поразительную противоположность, въ отношеніи царства животныхъ и растеній. Вообще некрутые склоны его покрыты, большею частью, хвойнымъ лѣсомъ, но между ними торчатъ совершенно голые утесы, придающіе всему хребту альпійскій характеръ, и носящіе у жителей Сибири названіе „гольцевъ.“ Сверхъ того гребень горъ покрытъ множествомъ невзрачныхъ, угловатыхъ обломковъ скалъ. Русскіе писатели до сихъ поръ еще несогласны на счетъ того, откуда происходитъ, издревле принадлежащее этому хребту, названіе Яблоноваго: такъ какъ яблони, въ дикомъ состояніи, нигдѣ въ горахъ этихъ не встрѣчаются, то нѣкоторые полагали, что названіе Яблоновый хребетъ могло произойти отъ множества растущаго въ тѣхъ мѣстностяхъ низкаго, древообразнаго кустарника (crataegus cerasifolius), ягоды котораго русскіе называютъ яблоками; вѣроятнѣе же всего, что названіе это есть искаженіе древняго бурятскаго названія Яблени-Даба, что означаетъ разорванный, скалистый рифъ. Восточная часть его, носящая также названіе *Нерчинскихъ металлоносныхъ горъ,*

тоже покрыта разорванными и разбросанными различной величины каменьями, которые всѣ поросли мохомъ; въ промежуткахъ, между каменьями, растутъ листвяница и мелкій березнякъ. Гребень этихъ горъ имѣетъ весьма печальный видъ, и лѣса, покрывающіе ихъ склоны, по бо́льшей части, не населены. Нѣкоторыя сланцевыя горы изобилуютъ сереброносными пріисками, свинцомъ, мѣдью, цинкомъ, антимоніемъ, ртутью, желѣзомъ и марганцемъ. Только на юго-восточной сторонѣ горъ, близъ верховьевъ рѣки Ингоды, мѣстность принимаетъ болѣе открытый и пріятный характеръ: на вершинахъ видны рощи березовыхъ, сосновыхъ и еловыхъ деревъ, и много обильныхъ ручьевъ стекаютъ съ горъ въ глубоко врѣзавшіяся долины, гдѣ пластъ хряща покрытъ кварцовымъ, бѣлымъ, какъ молоко, халкедонскимъ булыжникомъ; ручьи эти, служившіе родниками мощному Амуру, соединяются въ Иниду. Высочайшая гора всей этой объемистой горной системы, со включеніемъ китайскихъ развѣтвленій Хингана, есть *Чокандо* или *Сагондо*, поднимающаяся надъ поверхностью моря до 7,700 фут., т. е. до высоты пріюта Св. Бернарда. Вершина эта лежитъ между 47° и 48° сѣверной широты, почти совершенно отдѣльно отъ прочей группы горъ; верхомъ на лошади можно бываетъ подъѣзжать почти вплоть къ снѣжнымъ вершинамъ ея, лишеннымъ растительности и состоящимъ изъ голыхъ скалъ.

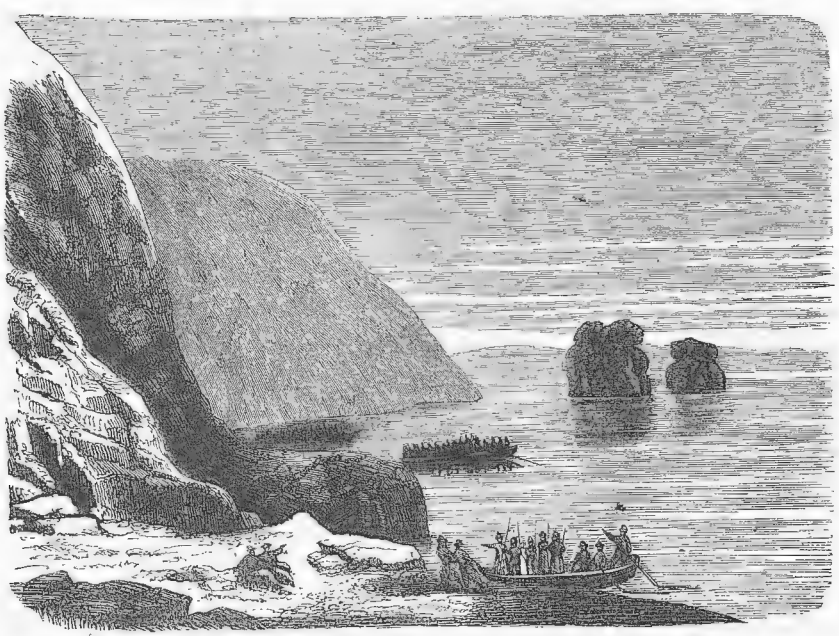
Суевѣрные тунгузы утверждаютъ, что на этой горѣ имѣетъ пребываніе злой духъ, который ежедневно производитъ бури, туманъ и облака, и никого не допускаетъ приблизиться къ себѣ: поэтому у нихъ съ давнихъ поръ господствовало мнѣніе, что на эту гору нельзя подняться, и когда русскій путешественникъ Соколовъ изъявилъ намѣреніе взобраться на нее, они сочли это за преступленіе, а когда возвращеніе его совершилось благополучно, они удивлялись этому, какъ бы какому нибудь чуду.

Горное продолженіе даурской возвышенности, въ противоположность сѣвернымъ склонамъ описанныхъ нами горъ, по-

нижается отъ сѣвернаго берега Байкала и верховьевъ Лены постепенно по направленію къ Ледовитому морю, проходя между рѣками Енисеемъ и Леною; средняя норма пониженія этой возвышенности доходитъ почти до 1,500 ниже уровня моря. Изъ этого къ сѣверу склоняющагося плоскогорья выступаетъ развѣтвленное продолженіе, которое градусовъ на десять углубляется въ полярный поясъ. Три рѣки Тунгузки, берущія начало изъ среды этой горной цѣпи, даютъ ей названіе.

Новѣйшія изслѣдованія показали, что изъ огромнаго пространства, занимаемаго Сибирью, вполнѣ болотистою низкою равниною слѣдуетъ признавать только западную часть ея, затѣмъ въ Восточной Сибири могутъ быть причислены къ низменностямъ отчасти пространства, составляющія область рѣки Оби, и крайняя полоса вдоль Ледовитаго моря. Можно принять, что изъ всего пространства, составляющаго береговое протяженіе вдоль Ледовитаго моря, только одна четверть представляетъ плоскую низменность; прочія же три четверти гористы и чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ болѣе представляютъ возвышеній, поднимающихся даже выше 3,000 футовъ. Вообще не подлежитъ сомнѣнію, что въ послѣднее время сѣверный берегъ Сибири возвышается, и что такимъ образомъ у береговъ образуется теперь плоская окраина, въ слѣдствіе постепеннаго удаленія моря отъ суши. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и притомъ довольно рѣдко, случается, что топкія, слегка возвышенныя надъ поверхностью моря плоскости, далеко отходятъ отъ берега, внутрь страны; но бываетъ и такъ, что водораздѣлы значительныхъ рѣкъ нерѣдко попадаются въ тундрахъ посреди кажущихся плоскостей, которыя однако же довольно возвышены надъ моремъ. Слѣдовательно тундры, эти безлѣсныя степи сѣверной Сибири, не слѣдуетъ представлять себѣ исключительно низменною равниною, ибо, не смотря на свою близость къ морю, большая часть ихъ все-таки имѣетъ нѣсколько сотъ футовъ возвышенія, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже пересѣчена значи-

тельными горными хребтами. Пологія выпуклости перемежаются съ плоскими углубленіями, подобно волнамъ обширнаго моря. Холмы, едва имѣющіе нѣсколько сотъ футовъ возвышенія, уже издали обращаютъ на себя вниманіе, но гораздо болѣе замѣчательны глубокія разсѣлины, наполненныя водою, и долины съ обрывистыми скатами, которыя только тогда бросаются въ глаза путнику, когда онъ къ нимъ подъѣзжаетъ очень близко. Подобное образованіе земной коры встрѣчается, но въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, въ европейскихъ тундрахъ, въ степныхъ пространствахъ западной Европы и въ Ютландіи.



Переправа черезъ Обь.

Такая обширная, постепенно понижающаяся, низменность, какъ Сибирь, окруженная альпами и возвышенными плоскостями съ высокими горными хребтами по окраинамъ, которые отдѣляютъ отъ себя, по всѣмъ направленіямъ, множе-

ство разнохарактерныхъ отраслей и развѣтвленій, не можетъ не изобиловать множествомъ проточныхъ водъ, тѣмъ болѣе, что въ системѣ ея горъ есть вершины, которыя, находясь въ сосѣдствѣ съ тропиками, поднимаются до полосы вѣчнаго снѣга. Неудерживаемые ни какими преградами, переполненные родники, съ шумомъ, низвергаются съ горныхъ высей въ сѣверную низменность, принося съ собою каждый годъ плодородіе, и оживляя всю окружающую природу. Вся эта масса водъ, за исключеніемъ немногихъ прибрежныхъ рѣчекъ, соединяется въ три огромные, извилистые, почти равной длины, потока, которые, впадая въ Ледовитое море, образуютъ при устьяхъ огромные заливы, или лиманы.

Первая водная система къ востоку, отъ горъ Урала, есть система рѣки *Оби*, имѣющей со всѣми своими извилинами до 475 миль длины; она вдвое болѣе водной системы Волги, и покрываетъ собою поверхность въ 64,000 кв. миль, а въ длину, по прямой линіи отъ юга къ сѣверу, 270 миль. Обь очень богата рыбою; она рано становится судоходной, и, при впаденіи въ море нѣсколькими рукавами, образуетъ широкую Обскую губу, вдающуюся внутрь страны далѣе полярнаго круга, и поворачивающую глубоко къ востоку. Почти все свое теченіе величественная рѣка эта совершаетъ по одному ложу; потомъ она, при Троицкѣ, раздѣляется на два рукава, которые, слившись далѣе въ одинъ рукавъ, опять разъединяются и наконецъ медленно, но величественно, несутъ свои воды къ заливу. Область рѣки Оби лежитъ такъ низко, что главный потокъ, еще при Барнаулѣ, въ разстояніи четырнадцати градусовъ широты отъ ея устья, послѣ сильно извилистаго теченія въ 2,000 верстъ, все-таки не имѣетъ даже 4,000 фут. возвышенія надъ поверхностью моря, а при Тобольскѣ, въ разстояніи девяти градусовъ отъ устья Оби, поверхность Иртыша едва возвышается на 100′ надъ моремъ. Такимъ образомъ, по незначительности своего паденія, Обь можетъ быть поставлена наравнѣ съ рѣкою Амазонкою, которая на одну географическую миль имѣетъ всего по футу паденія.

При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, Обь почти вовсе не имѣетъ средняго теченія, а взамѣнъ того весьма пространное нижнее теченіе, въ которомъ вода, застаиваясь, гніетъ такъ, что рыба въ ней дохнетъ. Поверхность моря во время прилива, при тихой погодѣ, возвышается надъ обыкновеннымъ своимъ стояніемъ всего на какіе-нибудь $2^1/_2$ фута, а въ Обской губѣ и того менѣе; не смотря на то, вода въ устьѣ, во время прилива, значительно отливаетъ отъ берега. Каждый годъ она покрывается льдомъ, и когда таетъ, то обыкновенно весною заливаетъ всѣ окрестныя пространства. Собственная область источниковъ Оби расположена на возвышенной плоскости, лежащей близъ алтайскаго горнаго узла. Оба истока ея выходятъ изъ болотъ и снѣжныхъ озеръ, и, низвергаясь съ узкаго, хотя не очень высокаго, но зато крутаго хребта, сначала направляются на югъ, а потомъ, повернувъ къ востоку, вступаютъ въ *Телецкое* или *Золотое озеро* калмыковъ *(Алтынъ-Кулъ)*, имѣющее видъ продолговатой трещины въ $11^1/_2$ миль длины и $3^1/_2$ миль ширины. По выходѣ изъ озера, уже въ видѣ судоходной рѣки, эта водяная масса течетъ сначала, подъ названіемъ *Біи*, въ сѣверозападномъ направленіи и, совершивъ путь въ $28^1/_2$ миль, и усилившись при вступленіи въ низменность нѣсколькими побочными притоками, соединяется съ Катунью, послѣ чего уже окончательно принимаетъ названіе *Оби*. По присоединеніи Катуньи, вода въ Оби становится мутною и бѣловатою. Важнѣйшая изъ побочныхъ рѣкъ Оби — *Иртышъ*, который, при своемъ впаденіи въ Обь, превосходитъ ее не только шириною, но и массою воды.

Въ слѣдствіе незначительнаго протока воды въ нижнемъ теченіи рѣкъ, свойственнаго не только Оби, но и прочимъ притокамъ и рѣкамъ ея водной системы, въ декабрѣ развивается подо льдомъ, въ застоявшейся водѣ, гніеніе, способствующее разложенію сѣрнокислыхъ солей, которыми насыщена вся почва сосѣднихъ степей, въ особенности глауберовою и горькою солью, а отъ этого распространяется весьма

непріятный запахъ гнилыхъ яицъ. Запахъ этотъ замѣчается по всей Западной Сибири, но преимущественно въ области рѣки Оби и въ Барабинской степи, и извѣстенъ подъ названіемъ „замора.“ Съ этимъ застоемъ воды долженъ быть поставленъ въ непосредственную связь замѣчаемый въ ней черноватый цвѣтъ, который свойственъ всѣмъ притокамъ Оби, впадающимъ въ нее съ запада отъ Урала, и отъ котораго они получили прозваніе черныхъ рѣкъ. Кромѣ того, медленнымъ паденіемъ сибирскихъ рѣкъ въ ихъ нижнемъ теченіи, а также низменнымъ, плоскимъ расположеніемъ ихъ долинъ, обусловливается также ихъ раздѣленіе на множество рукавовъ. Подобнаго рода развѣтвленія устій, имѣющія болѣе 14 миль въ длину, мы видимъ у Оби, Енисея и Лены. Во время половодья, низменныя долины сибирскихъ рѣкъ заливаются и затапливаются на необозримыя пространства. Но еще до наступленія половодья, и потомъ при спаденіи воды, когда вода уже понижается, бурный потокъ часто прорываетъ рѣчное ложе, сдѣлавшееся для него слишкомъ узкимъ. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, ложа большихъ и малыхъ рѣкъ постоянно измѣняются, и потокъ часто самъ собою направляетъ свое извилистое теченіе, сначала промывая самыя узкія пространства омываемой имъ суши, и наконецъ совершенно прорывая, въ прямомъ направленіи, образовавшіеся перешейки, вслѣдствіе чего прежнее ложе заносится иломъ и высыхаетъ.

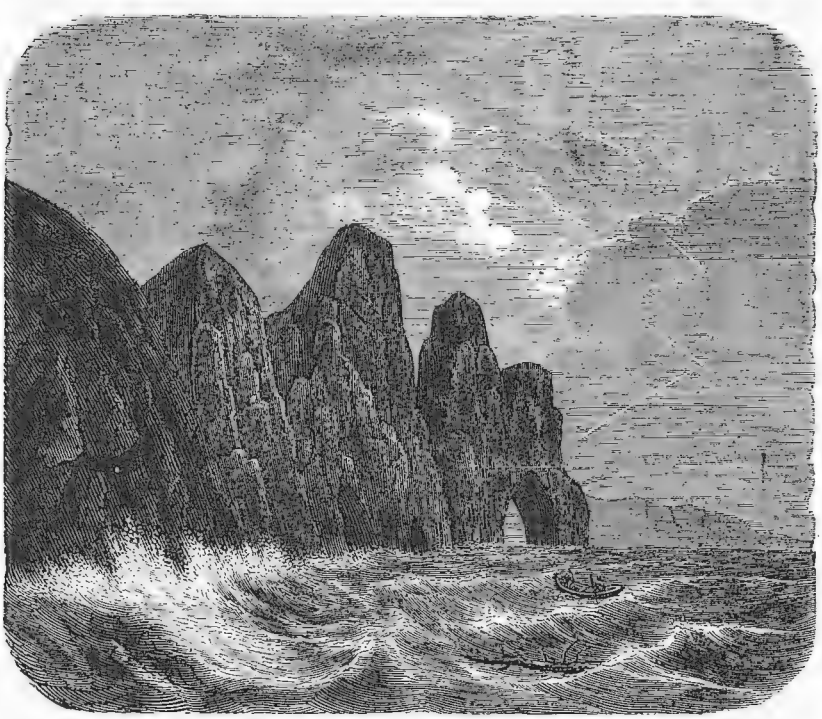
Вслѣдъ за областью рѣки Оби, на востокъ раскинулась, на пространствѣ 47—49,000 квадр. миль, рѣчная система *Енисея*. Это самая длинная и самая большая рѣка стараго свѣта, которая однако же, въ своемъ теченіи, представляетъ далеко не столько изгибовъ, какъ Обь, и образуетъ болѣе прямую линію; длина ея простирается до 748 геогр. миль. Къ области ея принадлежатъ 14 значительныхъ побочныхъ рѣкъ и четыре притока, и между прочимъ, посредствомъ Ангары, также громадный бассейнъ Байкальскаго озера. Енисей беретъ начало на хребтѣ *Танну-Ула*, изъ двухъ истоковъ — боль-

шой и малой *Кеми*, и сначала течетъ, на разстояніи 60 миль, въ прямомъ направленіи отъ востока къ западу, продолговатою долиною, а потомъ, усилившись при дальнѣйшемъ теченіи, присоединеніемъ слѣва притока *Кемчика*, имѣющаго въ длину до 30 миль, прорываетъ, при поворотѣ на сѣверъ, почти подъ прямымъ угломъ, сибирско-китайскій пограничный хребетъ, въ видѣ узкаго ущелья. Далѣе оставаясь въ прежнемъ направленіи, онъ продолжаетъ свой путь, съ малыми извилинами, до Красноярска, держась все въ горахъ еще на разстояніи 90 миль, и только спустя еще 30 миль, у Енисейска, вступаетъ въ низменность, имѣя уже до 180 геогр. миль рѣчнаго развитія. Верхній Енисей въ Саянскихъ Горахъ омываетъ высокія, голыя стѣны темноцвѣтнаго сланца, поросшія хвойнымъ лѣсомъ, между тѣмъ, какъ его притоки и побочныя рѣки протекаютъ по равнинамъ, покрытымъ роскошною зеленью, подъ тѣнью сосновыхъ рощей, или среди чащей тростника. На восточномъ берегу его поднимаются высокія, изобилующія желѣзною рудою, горы, между коими разстилаются равнины, украшенныя пестрымъ ковромъ цвѣтовъ и полезныхъ растеній.

Благодаря своей растительности и климату, область эта, не смотря на то, что лежитъ между 52° и 54° сѣверной широты, сохраняетъ до конца октября ясное небо и благорастворенный воздухъ; такія преимущества сдѣлали эту область въ древности мѣстомъ пребыванія когда-то замѣчательныхъ, а потомъ мало-по-малу вытѣсненныхъ и нынѣ совершенно исчезнувшихъ народовъ, оставившихъ тамъ множество разныхъ памятниковъ прежняго своего существованія. Такимъ образомъ, страна эта представляетъ не только физическую, но и историческую границу между западною и восточною Сибирью, и здѣсь же точка развѣтвленія гидрографической, орографической и этнографической системъ.

При входѣ въ низменность, уже при Красноярскѣ, теченіе Енисея становится болѣе спокойнымъ и устойчи-

вымъ, и чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ замѣтнѣе обозначается этотъ характеръ; точно такъ же ослабѣваетъ и ярость горныхъ потоковъ, впадающихъ въ него. Хотя ихъ болѣе прозрачную воду и можно бываетъ еще различать на нѣкоторомъ пространствѣ въ главномъ руслѣ, но она скоро затѣмъ проникаетъ въ общій мутный отливъ. Подъ $61^1/_3{}^0$ с. широты, теченіе рѣки сдавливается скалами, и загромождается подводными каменьями. Съ обоихъ береговъ поднимаются, въ видѣ естественнаго шлюза, два выдавшіеся впередъ утеса, съ почти отвѣсными обрывами, возвышаясь надъ водою около ста футовъ; видъ этихъ суживающихъ рѣку скалъ,



Пещеры на берегу Байкальскаго озера.

называемыхъ „*воротами*“, романически дикій. Обрывы скалъ кое-гдѣ усажены дряблыми деревцами, съ трудомъ цѣпляю-

щимися въ разсѣлинахъ камней, изъ которыхъ нѣкоторые густо покрыты гнѣздами ласточекъ. Здѣсь даже и зимою обнаруживается сила рѣчной быстрины въ дико и безобразно нагроможденныхъ, одна надъ другою, глыбахъ. Выше этихъ воротъ, рѣка на значительномъ разстояніи загромождена массою низкихъ, болѣе или менѣе обширныхъ острововъ, вслѣдствіе чего она образуетъ множество различныхъ рукавовъ; такихъ острововъ насчитываютъ до 77. Главное русло проходитъ у праваго, болѣе высокаго, берега, между тѣмъ какъ побочные рукава врѣзываются, верстъ на 10 далѣе къ западу, въ низменный берегъ, который весною затопляется саженъ на 6 вышины. Между $69^1/_2{}^0$ и 71^0 с. широты, опять повторяется развѣтвленіе Енисея въ болѣе обширномъ размѣрѣ, но безъ запружающихъ его пороговъ, образуя тамъ подобіе дельты. По всему нижнему теченію, рѣка отлагаетъ много песчанаго ила, накопленіе котораго еще увеличивается отъ ярости волнъ, во время высокой воды, въ особенности же весною, во время разлива рѣки и таянія льда.

Такъ какъ образованіе означенной дельты въ Енисеѣ, единственной въ своемъ родѣ, не зависитъ отъ дѣйствія борьбы морскихъ волнъ и рѣчнаго теченія, но обусловливается свойствами возвышенной почвы, то Енисей, отложивъ въ ней обломки и остатки разореній, совершенныхъ его верхнимъ теченіемъ, соединяетъ опять всѣ свои рукава въ одинъ общій каналъ, которымъ и изливается въ море; въ слѣдствіе чего, при впаденіи его въ океанъ, замѣчаются лишь самыя незначительныя песчаныя мели. Морская вода, при обыкновенномъ приливѣ, не доходитъ дальше начала устья. Самый южный городъ изъ числа расположенныхъ по его берегамъ есть *Минусинскъ*, а самый сѣверный, расположенный близъ устья, *Кантайскъ*. На всемъ же огромномъ разстояніи, заключающемся между этими двумя пунктами, лежатъ только города *Красноярскъ*, *Енисейскъ*, *Туруханскъ* и еще нѣсколько станцій и деревушекъ, такъ что партіи храбрецовъ, отправляющихся на охоту, для рыбнаго про-

мысла или за сборомъ мамонтовыхъ клыковъ, часто блуждаютъ по берегамъ его цѣлые дни, не находя нигдѣ гостепріимнаго пристанища.

Изъ числа притоковъ и побочныхъ рѣкъ Енисея, отличающихся совершенно инымъ характеромъ, нежели главная рѣка, первый есть *Абаканъ*. Онъ беретъ истокъ на маломъ Алтаѣ и, протекая черезъ Абаканскую степь, принимаетъ, не смотря на свое короткое теченіе, всѣ попадающіяся ему на пути рѣки, такъ что, усилившись огромною массою воды, разрастается до 500 футовъ въ ширину. Паденіе его такъ сильно, а теченіе такъ быстро, что его можно переходить не иначе, какъ съ большимъ трудомъ. Притоки его орошаютъ зеленѣющіяся долины, разстилающіяся среди параллельно идущихъ горныхъ хребтовъ, и окружены роскошною, весьма разнообразною флорою, а въ сосѣднихъ горахъ известковой формаціи бродятъ многочисленные медвѣди, пугающіе одинокихъ странниковъ.

Однако же изъ всѣхъ бассейновъ, сообщающихъ свои воды Енисею, самый замѣчательный *Байкальское озеро*. Эта огромная водяная поверхность, имѣющая въ объемѣ до 709 квадр. миль, принимаетъ изъ сосѣднихъ альповъ огромные запасы воды, преимущественно впрочемъ въ видѣ источниковъ, низвергающихся черезъ разсѣлины разорванныхъ скалъ. Его огромные размѣры заслужили ему, какъ со стороны сосѣдняго туземнаго населенія, такъ и отъ русскихъ переселенцевъ, прозваніе „моря“, а простое названіе „озера“ придается ему сусвѣрнымъ народомъ, какъ будто въ смыслѣ отмщенія, съ оттѣнкомъ униженія. Но ни какія заклинанія и жертвы не въ состояніи укротить яростныя бури и высоко вздымающіяся воды озера, что ежегодно случается при таяніи снѣга. Все окружающее прибрежье богато разными сказаніями и преданіями; тамъ указываютъ много мѣстъ, предназначенныхъ для совершенія мистическихъ обрядовъ шамановъ и ламъ. Плодовитая фантазія бурятовъ придаетъ всему, окружающему Байкалъ, особенное значеніе и жизнь. Не

только горы, рѣки и лѣса, но даже холодные и горячіе источники, отдѣльные утесы и скалы населены, по убѣжденію бурятовъ, большими и малыми богами, которымъ слѣдуетъ приносить пищу, которыхъ надобно укрощать и подкупать. Байкальское озеро имѣетъ до 80 миль въ длину, приблизительно столько же, сколько и Адріатическое море, при средней ширинѣ отъ 8 до 9 миль; наибольшая же ширина его 12 миль, а наименьшая $4^1/_2$ мили.

Этотъ огромный озерной бассейнъ получаетъ питаніе изъ 160 до 180 разныхъ рѣкъ и притоковъ, изъ коихъ 100 изливаются въ него съ южной стороны, гдѣ террасообразно вздымающаяся стѣна горъ представляетъ довольно правильныя разсѣлины. Изъ этихъ горныхъ отверзтій, только три представляютъ настоящія горныя долины, ведущія въ глубину горъ, образуя такимъ образомъ ворота, сквозь которыя изливаются въ Байкалъ значительные притоки: это рѣки *Селенга*, *Баргузинъ* и *Ангара*. Первая образуется въ горахъ Кангая изъ шести источниковъ, и только на разстояніи $22^1/_2$ миль отъ своего начала принимаетъ названіе Селенги, что означаетъ „желѣзный потокъ“. Теченіе ея, простирающееся до 75 миль, имѣетъ вообще сѣверо-западное направленіе; въ Байкалъ же она впадаетъ съ юга, усилившись нѣсколькими значительными притоками, текущими преимущественно въ параллельномъ направленіи. Образовавъ во время своего теченія нѣсколько острововъ, Селенга изливается въ озеро восемью рукавами, изъ которыхъ четыре довольно значительны, но только третій рукавъ съ запада судоходенъ. Дельта ея имѣетъ въ ширину до $4^1/_2$ миль, а самая рѣка, до раздѣленія на рукава, отъ 1,400 до 3,500 фут., при глубинѣ отъ 14 до 56 футовъ; дно ея каменисто и песчано. Правый берегъ выше лѣваго, представляя собою дикія гранитныя скалы, покрытыя лѣсомъ. Зато у самаго озера, вокругъ отдѣльныхъ рукавовъ рѣки, разстилаются обрамленныя высокими горами, чудесныя нивы и равнины, которыя, по причинѣ ихъ тучной травы, причисляются къ населеннѣйшимъ странамъ

Забайкалья. *Баргузинъ* вытекаетъ изъ горнаго озера, образующаго водораздѣльную точку притоковъ Ангары и Витима, и течетъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу, параллельно соотвѣтственному берегу Байкала, сначала въ узкомъ ущельѣ, потомъ по расширенной долинѣ, соединяясь съ нѣсколькими побочными рѣками и, по прошествіи 78 миль, впадаетъ, въ видѣ расширенной губы, въ Байкальское озеро у полуострова Святой-Носъ.

Верхняя Ангара, получившая это названіе отъ тунгузовъ, вытекаетъ изъ двухъ главныхъ источниковъ, въ разстояніи 25 дней пути отъ Байкала, слѣдовательно около 100 геогр. миль восточнѣе своего устья. Въ началѣ, долина ея необыкновенно высока, и рѣка течетъ, при ширинѣ 150 саженъ, весьма быстро въ каменистомъ, не очень глубокомъ руслѣ, лѣсистою и болотистою степью. Затѣмъ въ разстояніи 4 5 дней пути далѣе, низвергаясь съ утесовъ въ видѣ огромнаго навѣса, образуетъ водопадъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно суживается напирающими горами, такъ что при возвышеніи воды отъ весенняго разлива, цѣлыя деревья съ корнями раздробляются въ куски у береговъ рѣки, и судоходство до этого мѣста рѣшительно невозможно. Далѣе рѣка течетъ въ долинѣ, шириною отъ 2 до 3 миль, которая то поросла лѣсомъ, то обнажена, и гдѣ почва мѣстами сухая, а мѣстами болотистая; долина эта, суживающаяся до 1 версты, расширяется опять до 2 и 3 миль въ нижнемъ теченіи рѣки, которое затѣмъ продолжается въ низменной, болотистой долинѣ, поросшей лиственицею и инымъ лѣсомъ; идущія по обѣимъ сторонамъ горы, въ среднемъ теченіи рѣки, покрыты лѣсомъ, далѣе же къ озеру вверху обнажены, а внизу лѣсисты. Въ трехъ съ половиною миляхъ отъ своего устья, рѣка раздѣляется на два рукава, и потомъ снова дѣлится черезъ три часа далѣе, образуя такимъ образомъ, въ сѣверо-восточномъ углу Байкальскаго озера, дельту со множествомъ низменныхъ острововъ, въ промежуткахъ

между которыми рѣка изливается въ песчаную и мелководную часть озера.

Главный рукавъ устья, при ширинѣ отъ 900 до 1,200 футовъ, имѣетъ въ глубину отъ 18 до 42 ф.; онъ течетъ довольно быстро, и представляется немаловажнымъ потокомъ. Не смотря на его низкіе берега, вода въ немъ весьма чиста и прозрачна, отчего въ рукавъ этотъ заходитъ вся рыба изъ Байкала. Хотя рукавъ этотъ, впадая въ озеро, сильно разливается во всѣ стороны, но его значительная водная масса еще далеко пролагаетъ себѣ дорогу въ песчаномъ грунтѣ озера.

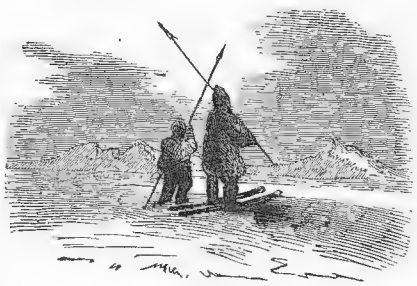
Въ противоположность такому значительному числу впадающихъ въ него, изобильныхъ водою, притоковъ, Байкальское озеро даетъ начало только одной рѣкѣ, *Нижней Ангарѣ*, катящей свои волны въ низменной равнинѣ. По обѣимъ сторонамъ Нижней Ангары, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она выходитъ изъ озера, возвышаются огромные утесы, наподобіе воротъ, изъ которыхъ открывается величественный видъ на огромное озеро, окруженное высокими горами, покрытыми снѣгомъ. На разстояніи девяти миль, начиная отъ озера до Иркутска, рѣка течетъ почти въ сѣверномъ направленіи, пробивая себѣ дорогу въ дикихъ, скалистыхъ горахъ съ такою силою, что даже при самой сильной стужѣ она не вполнѣ замерзаетъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и никогда не покрывается льдомъ. Въ образуемой потокомъ долинѣ, рѣка достигаетъ 2,800 ф. ширины; ближе же къ озеру она несравненно уже. При выходѣ рѣки изъ озера, лежитъ огромный утесъ, на которомъ шаманы приносятъ жертвы, а далѣе, внизъ по теченію, на днѣ рѣки находится много подводныхъ камней, около которыхъ образуется сильное теченіе; кромѣ того судоходство затрудняется множествомъ острововъ, коими усѣяна рѣка до Иркутска. Отъ Иркутска, Ангара направляется на сѣверъ; соединившись наконецъ съ Ишимомъ, притекающимъ къ ней отъ юго-запада, она принимаетъ названіе *Верхней Тунгузки*, и совершивъ, подъ этимъ названіемъ, путь въ тридцать миль

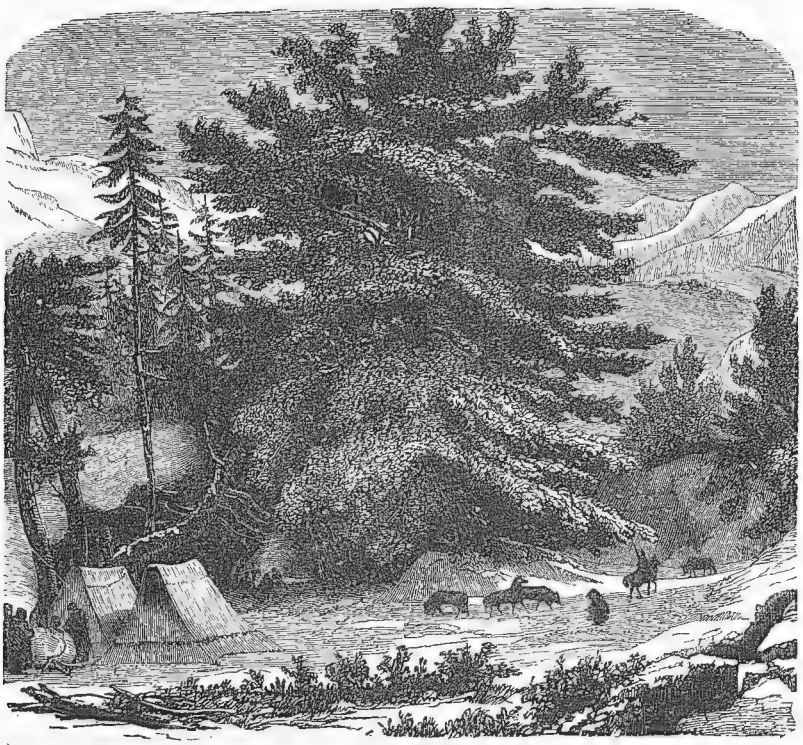
къ сѣверу, поворачиваетъ наконецъ длинною дугою на западъ къ Енисею. Совершенно параллельно этой Тунгузкой, течетъ Нижняя Тунгузка, которая, образовавшись въ горахъ, недалеко отъ Лены, впадаетъ въ Енисей подъ 65° 45′ с. ш., и третья, менѣе значительная, *Подкаменная Тунгузка*, совершающая свой путь между обѣими, прежде названными Тунгузками. Во всѣхъ трехъ Тунгузкахъ много пороговъ и быстринъ, и вода въ нихъ, такъ какъ онѣ не только образуются, но и текутъ въ горахъ, удивительно прозрачна, такъ что даже и по впаденіи ихъ въ главный потокъ, теченіе ихъ можно довольно далеко прослѣдить въ главномъ руслѣ. По причинѣ значительныхъ размѣровъ Верхней Тунгузки, долго происходилъ споръ о томъ, не составляетъ ли Енисей притока Ангары, вмѣсто обратнаго отношенія, и не слѣдуетъ ли главною рѣкою назвать Ангару.

Послѣдняя изъ числа трехъ главныхъ рѣкъ Сибири, *Лена*, имѣетъ въ длину до 600 миль, а отъ источниковъ до устья до 350 миль. Ея рѣчная область обнимаетъ до 37,600 кв. миль. Получивъ начало въ Байкальскихъ горахъ, къ западу отъ озера, она сначала придерживается въ своемъ теченіи сѣвернаго направленія, параллельно Ангарѣ; затѣмъ, обогнувъ длинную дугу, поворачиваетъ опять къ сѣверо-востоку, а отъ Якутска опять къ сѣверу, и, въ видѣ продолговатой дуги, открытой на востокъ, достигаетъ Ледовитаго моря. При Киренскѣ ложе ея идетъ на высотѣ 1,100 футовъ надъ уровнемъ моря; при Якутскѣ, гдѣ рѣка вступаетъ въ море, оно понижается до 350 футовъ, и отсюда течетъ весьма медленно въ широкомъ, мѣстами необыкновенно маломъ руслѣ. Въ Ленѣ нѣтъ ни водопадовъ, ни пороговъ, но есть водовороты, образуемые торчащими съ береговъ камнями; вышина береговъ ея неровная, и измѣняется въ ея нижнемъ теченіи отъ 30 до 60 фут. Устье ея, лежащее уже въ арктическомъ поясѣ льда, образуетъ широкую дельту, состоящую изъ 4 большихъ и множества малыхъ, перемѣняющихъ свое направленіе, рукавовъ. Изъ числа 14

наиболѣе значительныхъ побочныхъ рѣкъ Лены, которыя почти всѣ широки, обильны водою и судоходны, особенно замѣчательны съ правой стороны: *Витимъ*, имѣющій самъ нѣсколько немаловажныхъ притоковъ, и *Алданъ*. Съ лѣвой стороны самая замѣчательная побочная рѣка *Вилюй*.

Къ востоку отъ Лены впадаютъ въ Ледовитое море еще нѣсколько другихъ рѣкъ, берущихъ свой истокъ въ лежащихъ по близости горахъ, и образующихъ, при впаденіи въ океанъ, дельты; но рѣки эти, въ сравненіи съ описанными выше тремя главными потоками Сибири, не представляютъ особенной важности.





Зимній пейзажъ въ долинѣ Саратинъ-Кула. (По Чихачеву).

II.

Естественныя отношенія Сѣверной и Средней Азіи.

Геологическія условія. — Измѣнчивость рѣкъ. — Возвышеніе береговъ. — Сплавной лѣсъ. — Янтарь. — Ископаемыя животныя. — Флора Сибири и ея степей. — Царство животныхъ.

Всѣ сибирскія рѣки имѣютъ для изслѣдователей и для науки то особенное достоинство, что представляютъ ясное свидѣтельство преобразованій, которымъ подверглась земная поверхность, сохранивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще до сихъ поръ тотъ первоначальный видъ, который съ оче-

видностью объясняетъ дѣйствія естественныхъ силъ, слѣды коихъ въ населенныхъ странахъ теперь совершенно изгладились подъ вліяніемъ усилій человѣка. Лѣнивое теченіе воды въ нижнихъ частяхъ рѣкъ, происходящее оттого разложеніе воды, развѣтвленіе на безчисленные рукава, затопленіе и разливы рѣкъ во время половодья, непрестанно измѣняютъ русло, какъ большихъ, такъ и малыхъ рѣкъ, и при этомъ возникаютъ разнаго рода условія, на которыя туземные рыболовы постоянно обращаютъ особенное вниманіе при производствѣ своего промысла. Сверхъ того, свойственная Сибири необыкновенная стужа и рѣзко быстрые переходы отъ зимы къ лѣту придаютъ водамъ Сибири особенное значеніе, которое не остается безъ вліянія на измѣненіе состоянія земной поверхности и на образованіе новыхъ слоевъ. Громадная масса тающаго снѣга увеличиваетъ возвышеніе разлива на 8 саженъ надъ обыкновеннымъ уровнемъ воды, въ слѣдствіе чего пространства, на нѣсколько миль въ ширину, покрываются водою, и разливъ пролагаетъ себѣ дорогу черезъ степи и лѣса. Такимъ образомъ случается, что въ мѣстахъ, гдѣ прежде, въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ главнаго потока, человѣкъ, въ теченіе большей части года, ходилъ по твердой, крѣпкой почвѣ, образуются послѣ разлива промоины; или, отъ посторонннихъ напоровъ, образуется накопленіе страшныхъ массъ воды, сила которыхъ бываетъ въ состояніи ниспровергнуть все, что только имъ встрѣтится на пути. Образующійся зимою ледъ бываетъ такъ толстъ, что вздымается въ видѣ валовъ, и весною, когда источники, лежащіе вообще болѣе къ югу, начинаютъ таять, тогда къ этимъ ледянымъ горамъ припираетъ, силою воды, еще новыя массы льда. Впрочемъ, стужа, придающая льду крѣпость и толщину, дѣлаетъ твердымъ и грунтъ земли, вслѣдствіе чего опустошенія, производимыя ледяными массами, бываютъ менѣе значительны.

Этотъ разливъ водъ составляетъ обыкновенное явленіе, и путешественникамъ случалось еще въ іюлѣ мѣсяцѣ проѣз-

жать, во 100 верстахъ выше Якутска, при глубинѣ до 3 саженъ, черезъ луга, на которыхъ прибрежные жители Лены заготовляли себѣ потомъ, въ позднюю осень, сѣно. Вслѣдствіе постоянно замерзшаго состоянія почвы и отсутствія питающихъ источниковъ, рѣки останавливаются уже при приближеніи зимы. Тамъ, гдѣ еще въ срединѣ іюля мчатся бурные потоки и шумные ручьи, въ концѣ августа и въ сентябрѣ бываетъ одна только высохшая земля, и едва замѣчаются слѣды проточной воды.

Правый берегъ у большихъ рѣкъ, текущихъ по бо́льшей части въ направленіи меридіановъ, вообще высокій, но онъ постепенно обмывается, и русла рѣкъ отклоняются болѣе и болѣе на востокъ. Изъ исторіи Сибири извѣстно, что большая часть городовъ, именно въ Западной Сибири, въ теченіе немногихъ столѣтій ихъ существованія, вынуждены были мѣнять свое мѣстоположеніе три и даже четыре раза. По тѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ прежнія времена стояли города Охотскъ, Якутскъ, Семипалатинскъ и др., проложили было въ послѣдствіи себѣ ложе рѣки, близъ которыхъ города эти выстроены, и теперь тѣ мѣста, на которыхъ стояли прежніе города, засыпаны, заравнены и превращены въ злачныя нивы и тучныя пастбища.

Сѣверный берегъ Сибири, постепенно поднимаясь изъ Ледовитаго моря, образуетъ плоскую полосу, которая тянется въ видѣ окраины моря, и потомъ, совершенно незамѣтно, скрывается подъ поверхностью воды.

Миддендорфъ, своими новѣйшими изслѣдованіями во время поѣздки по Сибири, представилъ несомнѣнныя доказательства этого возвышенія, простирающагося уже до нѣсколькихъ сотъ футовъ. Частію это возвышеніе образуется *морскими раковинами*, которыя еще и теперь водятся въ ледовитыхъ моряхъ, и которыхъ Миддендорфъ находилъ близъ Таймура, въ тундрахъ на высотѣ 60 и 200 фут. надъ теперешнею поверхностью рѣки, и даже въ 200 верстахъ отъ моря, съ такими острыми краями и вообще столь хорошо сохранившимися во

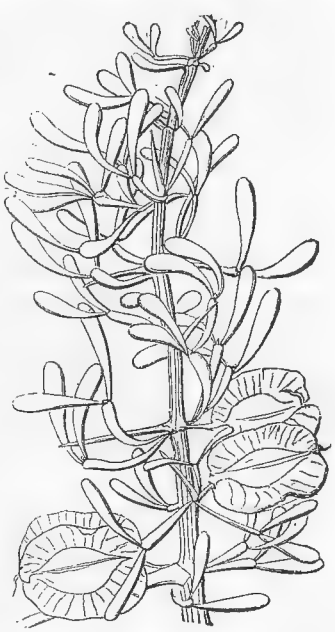
всѣхъ мельчайшихъ оттѣнкахъ и штрихахъ ихъ наружной части, что подобнаго явленія нельзя себѣ иначе объяснить, какъ тѣмъ, что означенныя раковины жили себѣ прежде преспокойно на глубинѣ морской, въ мягкой глинистой почвѣ, а потомъ на томъ же самомъ мѣстѣ и издохли. Оставаясь въ такомъ положеніи защищенными позднѣйшими отложеніями, способными къ противодѣйствію, онѣ сохранились неприкосновенными даже и тогда, когда прежняя глубь морская превратилась въ прибрежье, постоянно омываемое волнами океана. Прежняя пучина морская, понемногу поднявшись на нѣсколько футовъ надъ поверхностью воды, окоченѣла, а раковины, остававшіяся зарытыми въ неприкосновенности, отъ дѣйствія таявшихъ водъ вышли наружу, можетъ быть, спустя уже тысячелѣтія. Но, кромѣ этихъ раковинъ, есть еще другіе свидѣтели прежде существовавшаго ложа полярнаго моря — *Ноево* или *Адамово дерево*, въ качествѣ топлива играющее весьма важную роль въ домашнемъ быту бродячихъ инородцевъ, которые всегда проводятъ лѣтнее время въ мѣстностяхъ, обнаженныхъ отъ лѣса. Это Ноево дерево представляетъ собою вывѣтрившійся, высохшій лѣсъ, который очевидно въ древности былъ унесенъ волнами сибирскихъ рѣкъ, и, послѣ долголѣтнихъ плаваній по водамъ, прибитъ былъ наконецъ къ берегамъ. Такъ какъ рѣчная область Таймура, гдѣ Миддендорфъ преимущественно находилъ Ноево дерево, вовсе не имѣетъ истоковъ, лежащихъ въ лѣсистой полосѣ Сибири, то присутствіе Ноева дерева въ таймурской тундрѣ, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ, можетъ служить положительнымъ доказательствомъ, что тундра эта омываема была въ прежнія времена другими потоками, находящимися въ связи съ великими рѣками Сибири. Ноево дерево весьма часто находятъ въ разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ моря, и много отдѣльныхъ пней и полѣнъ попадается даже внѣ рѣчной области Таймура, гораздо южнѣе. Ноево дерево есть древнѣйшій свидѣтель того процесса, который и нынѣ совершается безъ всякаго измѣненія, какъ за тысячу лѣтъ

тому назадъ. Если бы различныя столѣтія имѣли свой отдѣльный отпечатокъ, то они вплоть до нынѣшняго столѣтія могли бы быть обозначены бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ находимаго по берегамъ дерева, пропорціонально населенію, присутствіе котораго обыкновенно обозначается тѣмъ, что прежде всего очищается прибрежье рѣкъ отъ занесеннаго къ нему лѣса. Впрочемъ, множество этого рода дерева находятъ на безлѣсномъ берегу Ледовитаго моря, даже вдали отъ большихъ рѣкъ, и также на самыхъ отдаленныхъ пустынныхъ островахъ, какъ напр. на Новой Землѣ, и въ особенности на островахъ Новой Сибири, гдѣ этотъ лѣсъ попадается наваленнымъ цѣлыми горами въ нѣсколько саженъ вышины. Зимою, когда крайне низкое прибрежье нельзя бываетъ отличить отъ сосѣдняго льда, покрывающаго поверхность моря, граница между сушью и водою разузнается только по наносному лѣсу. Послѣдній замѣтно отличается отъ вывѣтрившагося Ноева дерева тѣмъ, что онъ совершенно свѣжій и внутренно остается неизмѣнившимся, хотя снаружи и пострадалъ. При изслѣдованіи Миддендорфомъ острова Бюра въ Таймурской Губѣ, обнаружены были, кромѣ лиственицы, сосна, ель, куски сибирскаго кедра, обдѣланные въ видѣ барочныхъ стѣнокъ, и лиственыя деревья, по-видимому осина. Подъ кучами Ноева дерева, находимаго между рѣками Яною и Индигиркою, равно подъ наноснымъ лѣсомъ, попадающимся въ таймурской тундрѣ, находили также и лиственыя деревья, а именно березу, на нѣсколько градусовъ сѣвернѣе границы ихъ произрастанія. *Янтарь*, и именно такого свойства, какимъ онъ добывается въ Европѣ, янтарь первоначальнаго періода происхожденія, попадается въ Сибири, хотя и небольшими кусочками, по всему берегу Ледовитаго моря. Якуты копаютъ янтарь изъ обрыва, образовавшагося на берегу рѣки Хеты, гдѣ онъ извѣстенъ у нихъ подъ названіемъ „миралада“ (отъ словъ — муро и ладанъ), что́ можетъ служить доказательствомъ, что туземцы научились употребленію янтаря только у русскихъ. Къ югу отъ

Берингова моря, янтарь хотя попадается и рѣже, но зато мелкіе куски замѣняются обломками побольше. Кромѣ янтаря, попадаются тамъ также *окаменѣлыя деревья*, залежи *каменнаго угля* и куски разнаго рода угля, принадлежащіе къ самымъ различнымъ эпохамъ; впрочемъ, уголь на открытомъ воздухѣ горитъ трудно, и безъ особыхъ приспособленій для усиленія тяги, состоящихъ въ значительной примѣси кремнезема и сѣрнистаго желѣза, онъ вовсе не загарается. Этому обстоятельству слѣдуетъ приписать *самовозгараніе залежей каменнаго угля* подъ землею, которое встрѣчается въ окрестностяхъ Енисея, въ области вѣчнаго замерзанія земной коры, и слѣды котораго, принадлежащіе различнымъ эпохамъ, замѣчаются во многихъ мѣстахъ. Къ особеннымъ явленіямъ дѣятельности великихъ сибирскихъ рѣкъ принадлежитъ накопленіе въ руслахъ ихъ *цѣлыхъ горъ лѣса*, образовавшихся изъ деревъ, вырванныхъ съ корнемъ напоромъ волнъ въ верхнемъ и среднемъ теченіяхъ, и нанесенныхъ ледяными глыбами во время весенняго разлива.

Растительное царство обширной области, простирающейся отъ Ледовитаго моря до Иссикула и отъ Уральскихъ горъ до Охотскаго моря, представляетъ весьма много разнообразія, смотря по различнымъ поясамъ теплоты, по возвышенію почвы надъ поверхностью моря и по изобилію или недостатку животныхъ и воды. Страны, лежащія внутри полярнаго пояса, отличаются, какъ въ Азіи, такъ въ Сѣверной Америкѣ и на крайней сѣверной оконечности Европы, однимъ и тѣмъ же характеромъ: болотные мхи, лишаи, осока, бѣлоголовица и альпійскія травы съ большими цвѣтами и крѣпкими корешками — вотъ всѣ представители господствующей въ нихъ растительности. Растенія, требующія за собою особаго ухода, не прозябаютъ вовсе, и изъ всего обширнаго царства растеній, тамъ имѣются только нѣкоторыя ягоды — голубица, клюква и мамура — да еще цынготная трава и чистотѣлъ, которыя можно употреблять въ пищу.

Флора обширной полосы, заключенной между холоднымъ поясомъ и степями, имѣетъ большое сходство съ нашею флорою. Хвойный лѣсъ преобладаетъ и состоитъ изъ большей части породъ, встрѣчаемыхъ въ Германіи, а именно изъ разныхъ видовъ сосны (Pinus sylvestris) или изъ сродственныхъ породъ, коихъ отличительныя свойства замѣчастъ только привычный глазъ. Изъ числа сихъ породъ заслуживаютъ вниманія: сибирская лиственница (Larix sibirica), даурская лиственница (Larix daurica), сибирская сосна (Pinus sibirica), сибирскій кедръ (Pinus Cembra), пихта (Pinus Picta). Лиственный лѣсъ попадается рѣдко, и притомъ рѣдко растетъ сплошными массами; чаще лиственныя деревья встрѣчаются по опушкѣ лѣсовъ, какъ напр. береза и рябина, или же растутъ по берегу рѣкъ, какъ тополи, рябина, осина, ива и т. п. Очень распространены тамъ злачныя породы зонтичныхъ растеній и истодовъ, преимущественно въ восточныхъ частяхъ страны. Породы акантовъ и хмелевыхъ растеній образуютъ тамъ настоящій лѣсъ травы.



Вѣтка степнаго солончаковаго растенія (Sarcozygium Xanthoxylum).

Отличительную черту степей составляетъ полное отсутствіе лѣсной растительности. Даже кустарникъ попадается только въ немногихъ, защищенныхъ мѣстностяхъ, и носитъ на себѣ особенный отпечатокъ; такъ напр. саксаулъ, имѣющій до 15 фут. вышины, лишенъ вовсе листьевъ, и походитъ видомъ на пукъ зеленыхъ прутьевъ, точно такъ же, какъ и тамариск и разныхъ видовъ червогонникъ. Впрочемъ, болѣе подробное изображеніе флоры, преобладающей въ горныхъ

странахъ и въ степныхъ мѣстностяхъ, читатель можетъ найти ниже, при описаніи путешествія Аткинсона и другихъ изслѣдователей.

Что касается до хлѣбопашества, то оно распространено сравнительно только въ немногихъ мѣстностяхъ, и поддерживается преимущественно русскими переселенцами, между тѣмъ, какъ туземныя племена, живущія болѣе къ сѣверу, кормятся произведеніями звѣринаго промысла, а степные номады — произведеніями своихъ стадъ.

То, что въ послѣдующемъ разсказѣ говорится о характерѣ западныхъ степей, относится въ главныхъ чертахъ и къ великой восточной степи *Гоби*, или *Шамо*. Послѣднюю ни въ какомъ случаѣ нельзя признать абсолютною пустынею; она скорѣе отличается особымъ степнымъ характеромъ, не похожимъ на характеръ степей Сибири и южной Россіи. Въ ней, во многихъ мѣстахъ, скрываются, раздѣленныя между собою большими пространствами, мѣстности съ тучными пастбищами, на которыхъ снискиваютъ себѣ пропитаніе кочующія племена, съ своими стадами, и куда приходятъ искать корма дикіе звѣри. Долины, такъ же какъ и горные кряжи внутренней высокой плоскости, покрыты большею частью булыжникомъ и хрящемъ, а пригорки обломками скалъ. Повсемѣстное безлѣсье составляетъ отличительный характеръ страны, и только въ видѣ исключенія попадаются мелкій кустарникъ и немного карликовыхъ акацій. Въ слѣдствіе недостатка постепенныхъ склоновъ и отсутствія рѣчныхъ долинъ, рѣдкіе ключи, бьющіе съ вершины холмовъ, вскорѣ по вступленіи въ сухую почву, исчезаютъ, не оказывая рѣшительно ни какого благодѣтельнаго вліянія на жалкую растительность мѣстности. Небольшія лужи и озерца содержатъ воду, по большей части солоноватую и невкусную, и обросли кругомъ только камышемъ и осокою или солончаковыми растеніями, безъ всякаго слѣда полезныхъ травъ или злаковъ. Въ низменной части, глубокія и широкія впадины покрыты кучами желтаго песку, образующаго то гряды или плотины,

то холмы; песокъ этотъ, хотя не такой сыпучій, какъ раскаленныя песчаныя волны Сахары, однако же, по выраженію, заимствованному у китайцевъ, „подобно рѣкѣ, течетъ отъ дуновенія вѣтра“, и, вздымаемый бурями, застилаетъ горизонтъ. Отъ этого песка караванамъ не было бы ни какой возможности ходить по этимъ мѣстностямъ, даже на верблюдахъ, если бы сырость и холодъ, продолжающіеся тамъ круглый годъ, за исключеніемъ едва двухъ мѣсяцевъ настоящаго лѣта, не парализировали дѣйствія песка, и если бы, въ извѣстныхъ пунктахъ, не были устроены хлѣбные магазины и колодцы. Колодцы эти, расположенные въ опредѣленномъ разстояніи, выложены камнемъ, но вода, накопляющаяся въ нихъ, имѣетъ не болѣе 8 до 10 фут. глубины. Часто эти колодцы разваливаются, и вода въ нихъ дѣлается солоноватою и горькою, оставаясь въ продолженіе половины года замерзшею. Между подобнаго рода песчаными пространствами, называемыми у китайцевъ „дурными жилами“, встрѣчаются широкія полосы глинистой почвы, а возлѣ нихъ опять попадаются оазисы съ хорошими пастбищами. Вообще видъ этой пустыни невольно приводитъ къ убѣжденію, что она есть высохшее дно морское. На сѣверѣ, Гоби окружена луговою степною полосою, точно такъ же, какъ и на югѣ, гдѣ, по направленію къ Китаю, тянется плодородное пространство; впрочемъ, эти отдаленныя мѣстности лишены постоянной осѣдлости, такъ какъ тамошніе ханы, съ подвластными имъ племенами, перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто. Тѣмъ не менѣе, область эта есть самое привольное и любимое убѣжище кочевниковъ, съ ихъ стадами, и мѣсто пребыванія многочисленнаго племени. Особаго рода кормовыя травы, злаки и кустарникъ, не теряющіе зелени даже подъ глубокимъ снѣгомъ, и не прекращающіе своего роста даже при сильной стужѣ, доставляютъ животнымъ, изъ породы жвачныхъ, достаточную пищу. Въ сѣверной части, горныя выси покрыты, хотя и скудно, пихтами, березами, тополями, вязами, кустами смородины и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже персиковыми и

миндальными деревцами. Въ глубокихъ долинахъ, ленъ и пенька попадаются въ дикомъ состояніи, и вообще хлѣбопашество было бы очень возможно въ южной части, чему служитъ доказательствомъ существующее тамъ кое-гдѣ разведеніе проса, если бы тому не препятствовали частью безпечность и отвращеніе монголовъ къ земледѣлію, а частью свойство почвы, которая камениста и хрящевата.

Сверхъ тѣхъ рѣкъ, которыя обязаны существованіемъ обильной снѣгомъ сѣверной окраинѣ плоскогорья или южной тибетанской горной системѣ, въ Монголіи есть еще множество степныхъ потоковъ, изъ которыхъ, правда, мелкія рѣчки теряются въ почвѣ пустыни, но за то крупные потоки изливаются во внутреннія озера, содержащія часто негодную, соленую воду, и не имѣющія стока; озера эти однако же имѣютъ иногда сообщеніе между собою, или удѣляютъ свою воду болѣе крупнымъ рѣкамъ. Самое обширное изъ таковыхъ озеръ есть Балкашъ, или Тенгисъ, котораго крайняя сѣверо-западная оконечность вдается въ область киргизовъ Большой орды; озеро это имѣетъ болѣе 170 квадр. миль въ объемѣ, и принимаетъ въ себя, кромѣ значительнаго числа маловажныхъ потоковъ, рѣку Или, самую значительную по обилію воды. Рѣка эта, получающая начало въ горахъ Тіанъ-Шанъ, протекаетъ, почти въ одномъ и томъ же сѣверо-западномъ направленіи, разстояніе до десяти градусовъ. Потомъ примѣчательны, по обширности своей, озера: Зайсанъ, съ поверхностью до 150 квадр. миль, черезъ которое протекаетъ Иртышъ, Ала-Кулъ, которое имѣетъ до 84 кв. м. поверхности, Убса-Нуръ, Илке-Аралъ-Нуръ, Босенгъ-Нуръ, Лопъ-Нуръ, Исси-Кулъ-Нуръ, только съ 29 $^1/_2$ кв. м. поверхности, лежитъ въ горахъ на значительной высотѣ, Коко-Нуръ, имѣющее до 33 кв. миль поверхности, съ двумя маленькими островами, но безъ замѣтнаго стока. Бо́льшая часть этихъ озеръ, которыхъ, — если только считать нѣкото́рыя изъ нихъ, имѣющія болѣе одной кв. м. поверхности, можно насчитать цѣлыя тысячи, — лежатъ на окраинѣ монгольской равнины,

а именно: самыя значительныя изъ нихъ на сѣверо-западной окраинѣ, а тѣ, которыя поменьше, южнѣе.

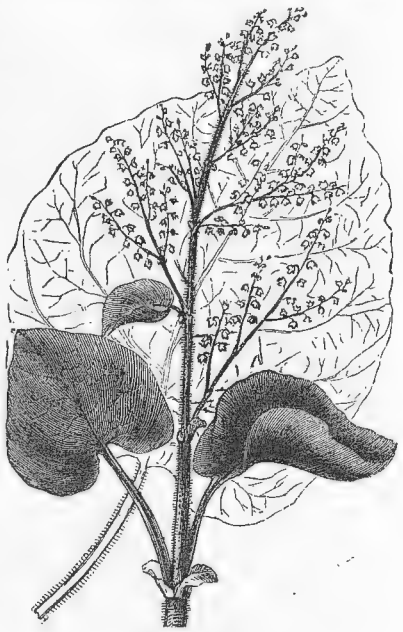
Не одинъ только недостатокъ воды и пищи возбуждаетъ здѣсь опасеніе, но и стужа, господствующая въ теченіе цѣлаго года; вообще холодъ, въ большей части степи, даетъ себя сильно чувствовать, такъ какъ лѣсу, за исключеніемъ низкаго, тернистаго кустарника, тамъ рѣшительно не имѣется, а сухой поземъ скота представляетъ скудный матеріялъ для топлива. Въ собственной пустынѣ Гоби, холодъ продолжается до конца іюня, и только тогда наступаетъ краткое двухмѣсячное лѣто, но и въ это время за весьма жаркими днями тамъ нерѣдко слѣдуютъ крайне холодныя ночи со снѣгомъ; точно такъ же случается, что въ самой срединѣ лѣта внезапно наступаетъ морозъ и поднимается снѣжная вьюга. Поэтому монголы круглый годъ ходятъ въ овчинныхъ шубахъ. Когда же наступаетъ настоящая зима, то холодъ нерѣдко бываетъ такъ силенъ, что ртуть замерзаетъ, обыкновенная же температура зимою бываетъ отъ 15 — 30° по Р.; при такомъ холодѣ, юрты нагрѣваются раскаленными угольями, ставимыми посрединѣ, и обиваются двойною войлочною обшивкою, а лошади покрываются попонами; человѣкъ тогда одѣвается въ мѣхъ. Еще во времена Чингисъ-Хана, монголы предпочитали воевать съ своими южными сосѣдями зимою, такъ какъ легкоодѣтые китайцы не въ состояніи были выносить стужу, а теплый и даже жаркій лѣтній воздухъ низменностей производилъ въ войскѣ горныхъ племенъ повальныя болѣзни, и доставлялъ такимъ образомъ побѣду китайцамъ. Самъ великій Чингисъ-Ханъ встрѣтилъ смерть у границы теплаго Китая.

Въ западныхъ горахъ зима сноснѣе, лѣто несравненно жарче, и растительность превосходная, а въ долинахъ, къ юго-востоку отъ Гоби и отъ горъ Сіолки, господствуетъ совершенно альпійскій климатъ, и воздухъ такъ чистъ и здоровъ, что повелители Китая проводятъ тамъ жаркое время года, при наступленіи котораго кочующее племя поднимается

на возвышенности, или переходитъ къ сѣверу, гдѣ воздухъ свѣжѣе. Впрочемъ нерѣдко и здѣсь дуютъ пронзительные холодные вѣтры, принося съ собою зиму среди лѣта. Въ особенности восточная Гоби славится, какъ разсадникъ страшныхъ бурь, и народная молва повѣствуетъ, что тамъ въ долинахъ хозяйничаютъ горные духи, которые появляются въ сопровожденіи урагановъ съ трескомъ и громомъ оружій, зовутъ людей, сбивая ихъ съ пути и заметая дорогу, по которой должны слѣдовать караваны, и уносятъ у кочующихъ хищниковъ ихъ богатства. Близъ озера Лопъ-Нуръ есть долина, въ особенности прослывшая мѣстопребываніемъ духовъ; въ долинѣ этой стоитъ храмъ, гдѣ всѣ караваны оставляютъ приношенія и подарки, чтобы не безпокоили ихъ бури. Многимъ сраженіямъ въ этихъ странахъ, какъ можно доказать исторически, былъ положенъ конецъ разыгравшеюся бурею, такъ какъ, вслѣдствіе вихря, сдвинувшаго съ мѣста всю сыпучую поверхность земли, сражающіеся лишены были возможности тронуться съ мѣста, и два раза случалось, что поднявшіяся облака песку и пыли нагоняли такой паническій страхъ на войска, что они бросались въ бѣгство, воображая, что окружены нападающимъ непріятелемъ. Эти внезапныя перемѣны погоды послужили поводомъ къ вымышленію между монгольскими астрологами особой науки, посредствомъ чаръ, предвидѣть и предрасполагать погоду, къ которой прибѣгалъ уже Чингисъ-Ханъ, и которая еще и теперь въ ходу, но имѣетъ только успѣхъ при возбужденіи бурь, а не хорошей погоды. Въ Гоби вовсе не бываетъ тѣхъ сырыхъ тумановъ, которые такъ часто повторяются въ сѣверныхъ странахъ, равно и проливныхъ дождей и сильнаго снѣга; причемъ постоянное колебаніе слоевъ воздуха отъ сильныхъ вѣтровъ избавляетъ ее отъ мучителей скота, населяющихъ степныя мѣстности, гдѣ есть лѣсная прохлада и влажность, отъ комаровъ, мошекъ и разныхъ жалящихъ мухъ.)

Монгольская флора, какъ не трудно заключить изъ приведенныхъ выше данныхъ, весьма бѣдна, да и тѣ немно-

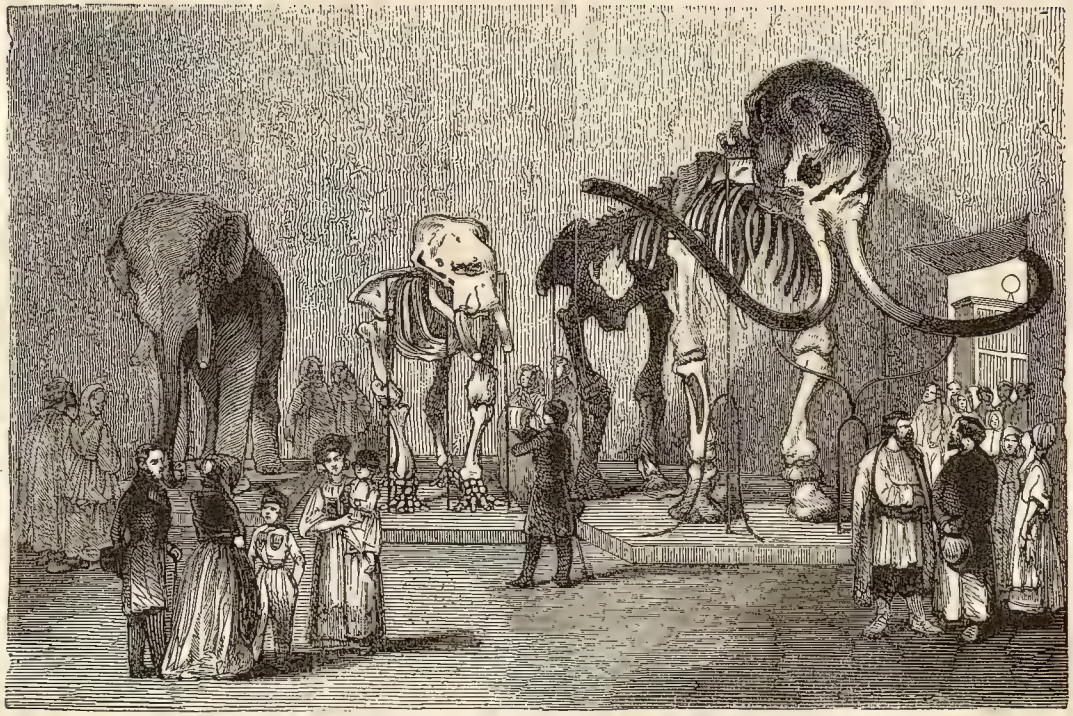
гіе дары природы, которые имѣются, распредѣлены скудно. На равнинѣ, характеръ растительности предс тавляетъ ползучій терновникъ и низкій кустарникъ, равно и въ долинахъ окружающихъ горъ, гдѣ древесная растительность ничтожна, и только небольшія рощи мелкихъ яблонь встрѣчаются кое-гдѣ; другихъ же плодовыхъ деревъ нѣтъ вовсе, даже сборъ лѣсныхъ, болотныхъ и степныхъ ягодъ бываетъ незначителенъ. Впрочемъ и эта страна производитъ два драгоцѣнныя растенія: настоящій ревень, имѣющій здѣсь свое отечество, и жинзенгъ (Panax quinquefolium). Корню этого растенія, находимаго преимущественно въ сѣверной части степи, обитаемой калками, китайцы приписываютъ особенную чудесную силу, считая этотъ корень за самое драгоцѣнное изъ всѣхъ цѣлебныхъ и полезныхъ растеній, и платятъ за него дорого. Корень этотъ сначала промываютъ; затѣмъ, проваривъ въ водѣ, сушатъ на солнцѣ или въ дыму; послѣ чего разсылаютъ въ аптечныя заведенія, гдѣ изъ него приготовляютъ отваръ, который уже даютъ больнымъ. Когда Монголія была завоевана, китайскіе императоры ежегодно посылали по 10,000 монголовъ на вершины горъ, для сбора жинзенга, который тамъ растетъ преимущественно. При сильномъ холодѣ, не имѣя почти вовсе топлива, и получая только съѣстные припасы, монголы вынуждены были, въ теченіе 5 мѣсяцевъ, производить на горахъ сборъ жинзенга, будучи обязаны представлять каждый до двухъ унцій этого



Ревень.

корня; за излишекъ же противъ этой нормы имъ платили серебромъ. Еще и теперь торговля жизенгомъ составляетъ императорскую регалію; впрочемъ много этого корня провозится также изъ Монголіи въ Китай контрабандою. Разведеніе и обработка, какъ этихъ, такъ и другихъ растеній, не пользуются въ Монголіи особымъ вниманіемъ, не смотря на то, что китайцы въ мѣстностяхъ, расположенныхъ по южной окраинѣ, гдѣ они, въ качествѣ повелителей страны, содержатъ военные посты, стараются ввести земледѣліе — преимущественно воздѣлываніе сухаго зерноваго хлѣба, какъ-то пшеницы, ячменя, проса и гречи — разными мѣрами, то насиліемъ и принужденіемъ, то искусственно, основывая колоніи ссыльныхъ.

Прибрежье великихъ сибирскихъ рѣкъ, служащее обиталищемъ для самаго малаго четвероногаго животнаго нашего времени, *енисейской землеройки*, скрываетъ съ тѣмъ вмѣстѣ въ нѣдрахъ своихъ, этомъ естественномъ ледникѣ, остовы величайшаго изъ извѣстныхъ земныхъ млекопитающихся, ископаемаго *мамонта;* экземпляры этого животнаго съ легко распознаваемыми или хорошо сохранившимися мягкими частями, были отрываемы совершенно неповрежденными, не взирая на то, что солнце вовсе не заходитъ на горизонтѣ тѣхъ мѣстностей въ теченіе цѣлаго лѣта. Въ 1771 году, подъ 64° с. ш., при обрывѣ, на одномъ мѣстѣ берега рѣки, Вилюя, открытъ былъ *первобытный носорогъ*, котораго голову и ноги можно видѣть и теперь еще въ прежнемъ состояніи, съ вполнѣ сохранившимися мягкими частями, покрытыми шкурою. Тридцать пять лѣтъ спустя, найденъ былъ, близъ устья Лены, тоже весьма загадочнымъ образомъ, хорошо сохранившійся другой свидѣтель первобытныхъ переворотовъ нашей планеты — громадный *мамонтъ*. Потомъ, опять черезъ 35 лѣтъ, при обрывѣ берега одного озера, лежащаго къ западу отъ устья Енисея, въ 1839 г., появился на свѣтъ Божій третій спутникъ прежнихъ гигантовъ. Къ сожалѣнію, послѣдній не былъ такъ хорошо сбереженъ, какъ два первые



Скелетъ мамонта въ С.-Петербургскомъ музеумѣ; слѣва слонъ настоящаго времени.

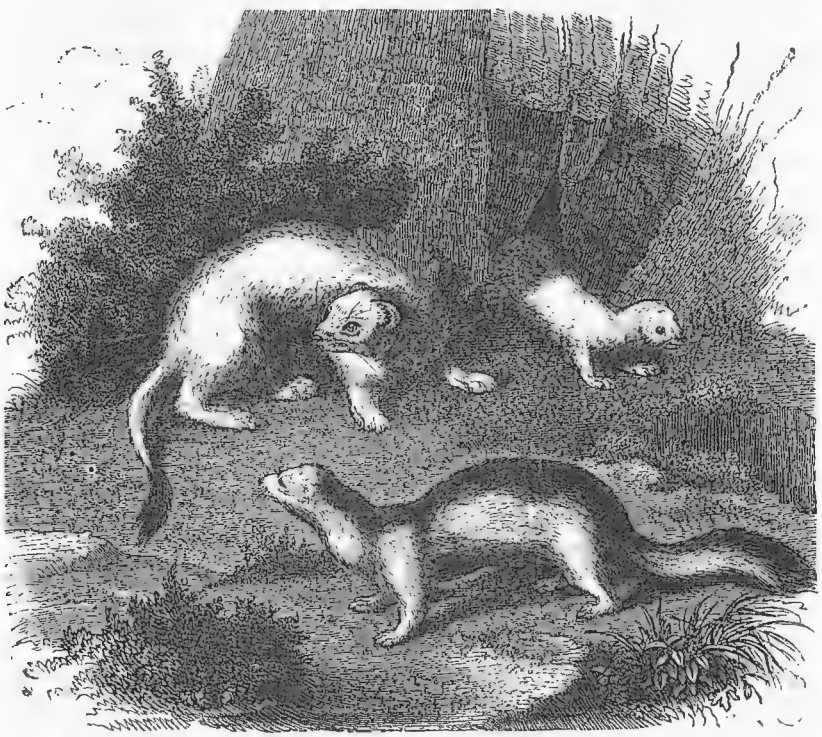
экземпляра. Самоѣды, замѣтивъ голову, торчащую изъ обмытаго водою береговаго обрыва озера Таса, въ 300 верстахъ отъ Ледовитаго моря, откололи обнаженный клыкъ животнаго, и продали его въ Обдорскѣ; причемъ разсказывали, что изъ пасти животнаго торчалъ черный языкъ, такой длины, какъ молоденькій олень (отъ 3 до $3^1/_2$ фут.), а въ томъ мѣстѣ, гдѣ должно быть уху, висѣлъ большой кусокъ кожи. Разсказъ этотъ заставляетъ предполагать, что это былъ не языкъ, а хоботъ.

Вѣроятно, съ теченіемъ времени, въ пустыняхъ сибирскихъ много хорошо сохранившихся первобытныхъ животныхъ выступали на свѣтъ, и потомъ истлѣвали, прежде чѣмъ образованное общество могло принять мѣры къ сохраненію ихъ отъ зубовъ медвѣдей, волковъ, россомахъ и лисицъ, или даже отъ покушенія голодныхъ тунгузовъ и ихъ прожорливыхъ собакъ. Еще при завоеваніи русскими Сибири, разнесся между ними слухъ о мамонтахъ, о которыхъ молва разсказывала, что они темнобураго цвѣта, и издаютъ отъ себя сильный запахъ. У туземцевъ существуетъ преданіе, что мамонты морскіе звѣри, или что они чудовищныя подземныя землеройныя животныя, которыя, какъ скоро увидятъ свѣтъ Божій, тотчасъ же умираютъ. Это преданіе раннихъ временъ перешло въ китайскія хроники, гдѣ къ этому разсказу присовокупляется ученое объясненіе, что вслѣдствіе движеній подъ землею этой чудовищной землеройки происходятъ землетрясенія. Въ другомъ подобномъ преданіи, оба рога первобытнаго сибирскаго носорога представляются клыками, а его черепъ—черепомъ огромной хищной птицы, которая, по мнѣнію Эрмана, извѣстна была грекамъ, и которую подразумѣвалъ Геродотъ въ своемъ разсказѣ, что аримаспы добывали золото изъ-подъ грифовъ. Подобные воображаемые клыки грифовъ сохранялись въ средніе вѣка, какъ особенная рѣдкость во всѣхъ музеумахъ западной Европы. О томъ, какъ превосходно сохраняются органическія составныя части мамонтовыхъ костей, разсказываетъ Геденштромъ,

описавшій Новую Сибирь. Геденштромъ положилъ въ тепломъ мѣстѣ большой мѣшокъ съ высохшимъ, повидимому, мозгомъ, добытымъ изъ костей мамонта, и самъ отлучился; по возвращеніи, онъ нашелъ, что маслянистый жиръ, во время его отсутствія, весь вытекъ. Мозгъ этотъ былъ извлеченъ изъ берцовыхъ и голеневыхъ костей мамонта, разбросанныхъ, во множествѣ, въ окрестностяхъ Устьянска, и даже въ растопленномъ состояніи не издавалъ дурнаго запаха. „Какимъ бы я могъ сдѣлаться крезомъ," замѣтилъ, посѣтившему его Миддендорфу, несчастный старикъ, лежавшій уже на смертномъ одрѣ, въ бѣдности, „если бы мое богатство не расплылось. Моею pommade au Mammouth я могъ бы снабжать весь земной шаръ". Въ такомъ случаѣ слава львинаго и медвѣжьяго жира, производящаго такое укрѣпляющее дѣйствіе на волосы, конечно должна была бы померкнуть.

По имѣющимся числовымъ даннымъ, можно предположить, что, въ теченіе послѣднихъ полутораста лѣтъ, отъ 5 до 6 экземпляровъ первобытныхъ животныхъ появились на свѣтъ, съ сохранившимися мягкими частями, и потомъ предались тлѣнію. Круглымъ числомъ, изъ нѣдръ земли, въ теченіе 30 лѣтъ, выступаетъ одинъ изъ такихъ удивительныхъ труповъ. Сѣверная Сибирь доставляетъ ежегодно торговлѣ около 40,000 фунт. ископаемой слоновьей кости, что составляетъ количество клыковъ по крайней мѣрѣ отъ ста слоновъ; слѣдовательно, въ теченіе двухсотлѣтняго періода торговыхъ сношеній съ этою страною, всего добыто клыковъ не менѣе какъ отъ 20,000 мамонтовъ, а можетъ быть и отъ вдвое большаго числа, такъ какъ круглымъ числомъ слѣдуетъ считать на каждое животное только до 200 фунт. клыковъ. Наибольшіе размѣры клыка бываютъ обыкновенно 7 пуд. при 14′ длины и $^4/_5$′ въ поперечникѣ. Находимые часто на поверхности тундръ клыки, иногда по десяти штукъ въ одномъ мѣстѣ, имѣютъ обыкновенно вѣса отъ 150 до 300 фунт. въ штукѣ, такъ какъ это бываютъ по большей части средніе, не вполнѣ доросшіе или вовсе небольшіе клыки.

Многіе клыки бываютъ слишкомъ рыхлые и, какъ негодные, бросаются на мѣстѣ; да притомъ, въ видахъ облегченія перевозки, клыки, до поступленія въ торговлю, подвергаются очисткѣ и распилкѣ на доски, причемъ, конечно, много бываетъ потери. Кромѣ того, много клыковъ остается



Сибирскій хорекъ и горностай (зимою).

у туземцевъ, которые изъ нихъ изготовляютъ домашнюю утварь, а много еще прежде было вывезено въ Китай. Слѣды производства издѣлій изъ мамонтовой кости можно найти въ древнѣйшія времена. Такъ, Плано Карпини, бывшій въ 1246 году у хана Золотой Орды, упоминаетъ о тронѣ хана, вырѣзанномъ изъ слоновьей кости и укра-

шенномъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Тронъ этотъ, работа русскаго мастера, какъ разсказываетъ Плано Карпини, надо полагать, былъ сдѣланъ изъ мамонтовыхъ клыковъ. Древнѣйшія извѣстія объ ископаемой слоновьей кости относятся ко временамъ Плинія и Θеофраста.

Что касается до изобилія мамонтовыхъ клыковъ, то мы замѣтимъ, что уменшенія этихъ запасовъ до сихъ поръ не ощущалось, и многія мѣстности точно усѣяны костями, вышедшихъ изъ своихъ могилъ, чудовищныхъ животныхъ. Въ 1821 году, одинъ промышленникъ изъ Якутска отыскалъ, только на островахъ Новой Сибири, до 500 пуд. мамонтовыхъ зубовъ, изъ коихъ, впрочемъ, клыки имѣли вѣса только по три пуда каждый. Не смотря на такую, конечно, необыкновенную находку, еще прежде того найдено было другимъ промышленникомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, до 250 пуд. На противоположномъ берегу материка, туземцы ежегодно собираютъ большія массы клыковъ, разбросанныхъ по тундрамъ, и на лодкахъ отправляютъ ихъ вверхъ по Ленѣ. Въ промежуткѣ времени, между 1825 — 1831 г., въ Якутскъ было доставляемо ежегодно по крайней мѣрѣ до $1^1/_2$ тысячъ пудовъ ископаемой слоновьей кости; изъ Туруханска, уже съ нѣкотораго времени, вывозится въ годъ отъ 80 до 100 пуд., и около того же количества доставляется изъ Обдорска.

О томъ, при какихъ условіяхъ и въ какомъ положеніи были находимы или отрываемы въ Сибири трупы мамонтовъ — извѣстно весьма мало. Нѣкоторые были находимы въ стоячемъ положеніи, изъ чего можно сдѣлать выводъ, что животныя эти въ то время, когда климатъ приближался къ нынѣшнему или соотвѣтствовалъ ему, спускаясь внизъ по рѣкѣ, погружались въ малыхъ слояхъ третичныхъ наносовъ, и такимъ образомъ погибали. При помощи микроскопическихъ изслѣдованій сохранившихся остатковъ мамонтовъ, стараются доказать, что первобытные носороги могли кормиться зеленью краснолѣсья, и что, слѣдовательно, очень возможно, что они проживали въ южныхъ мѣстностяхъ Си-

бири, и что для того вовсе нѣтъ нужды приписывать тѣмъ странамъ тропическую растительность.

Вмѣстѣ съ костями мамонта и носорога, попадаются часто кости *ископаемаго буйвола*, который еще ближе стоитъ къ живущему въ арктическихъ странахъ американскаго архипелага изубрю, нежели мамонтъ къ слону, или нежели ископаемый носорогъ съ большою головою, на низкихъ ногахъ и съ волосами, стоящими дыбомъ, къ ближайшему родственнику своему — нынѣшнему африканскому носорогу. Миддендорфу попалась, близъ Таймурской губы, нижняя лошадиная челюсть, а на островахъ Новой Сибири находимы были во множествѣ остатки лошадиныхъ костей, ничѣмъ не отличающихся отъ костей живыхъ породъ лошадей. На послѣднихъ островахъ, находится безчисленное множество *бараньихъ череповъ*, о которыхъ однако же не доказано, принадлежатъ ли они къ ископаемымъ породамъ, или къ породѣ дикаго барана (Ovis nivivola), обитающаго по берегамъ рѣки Колымы, вплоть до Ледовитаго моря.

На такомъ обширномъ пространствѣ, какъ Азіятская Россія, гдѣ соединены палящая температура южныхъ степей съ вѣчною стужею, естественно должны прозябать также всѣ произведенія, необходимыя для поддержанія жизни, и не только эти, но и самые благородные и драгоцѣнные продукты, служащіе для наслажденія. Наиболѣе заслуживаютъ вниманія доставляемыя Сибирью произведенія *изъ области царства животнаго*, и преимущественно *пушистые звѣри* холоднаго и арктическаго поясовъ. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежатъ представители такихъ породъ животныхъ, мѣхъ которыхъ въ болѣе тепломъ климатѣ обыкновенно остается безъ употребленія, а въ Сибири, напротивъ, получаетъ особенную цѣнность и значеніе.

Въ особенности семейство *бѣлокъ*, какъ далеко только растутъ деревья, доставляетъ весьма значительный запасъ матеріяловъ для одѣянія жителей Сибири, и даже немалое количество для отпуска за границу. Тунгузы особенно дорого

цѣнятъ и предпочитаютъ породу, такъ называемой, сигариулукъ, которая свою краснобурую шубку мѣняетъ зимою на отличный сѣрый мѣхъ, извѣстный подъ названіемъ

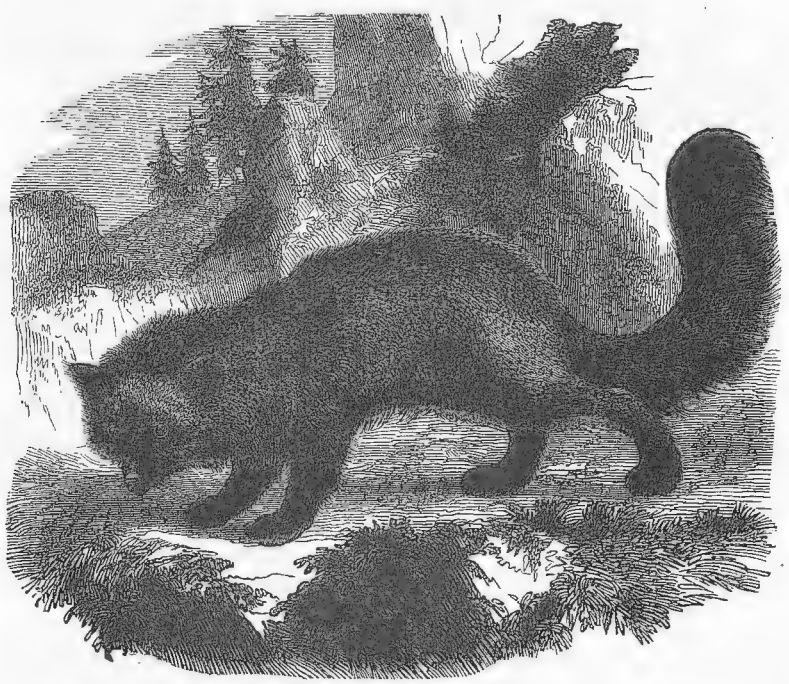
Соболь.

petit gris или Grauwerk. Къ востоку отъ Байкала, водится болѣе рѣдкая порода, имѣющая черноватый цвѣтъ, похожій на цвѣтъ соболя; по берегамъ р. Лены живетъ летучая бѣлка, а въ сѣверныхъ лѣсахъ въ земныхъ норахъ, полосатая бѣлка, мѣхъ которой даже въ Сибири въ большомъ требованіи. *Крысы* рѣдки и попадаются только въ степяхъ, но зато семейство мышей очень многочисленно, и якуты не пренебрегаютъ даже ловлею и этого звѣрка, ради его мѣха. Нѣкоторыя породы этого семейства, какъ напр. сибирская чесноковая мышь и даурская земляная мышь,

нерѣдко бываютъ весьма полезны для охотящихся на нихъ тунгузовъ, собирая для себя на зиму большіе запасы разныхъ припасовъ. Извѣстная странствующая мышь, *пеструшка*, принадлежитъ тоже Сибири, гдѣ ея родина. Различныхъ породъ землеройки доставляютъ богатую добычу мѣхомъ и мускусомъ. Двѣ близко сходственныя породы грызуновъ, изъ семейства сурковъ, *байбакъ* и *суслик*ъ, употребляются туземцами на жаркое, а пушистый мѣхъ ихъ желтоватаго цвѣта на одежду. *Заецъ* также служитъ предметомъ ловли, и бываетъ нѣсколькихъ родовъ, которые всѣ употребляются въ пищу, а мѣхъ ихъ, кромѣ внутренняго употребленія, вывозится въ такомъ множествѣ, что изъ одного С. Петербурга отправляется ежегодно на западъ болѣе полумилліона заечьихъ шкурокъ. Большой заецъ Dipus jaculus, принадлежащій собственно южной части Сибири, служитъ предметомъ ловли не столько изъ-за его мѣха, сколько ради мяса.

Бобръ держится въ средней и въ южной полосахъ холоднаго пояса Сибири, преимущественно тамъ, гдѣ народонаселеніе слабо. Тоже очень высоко и дорого цѣнится мѣхъ *выдры*, въ особенности же *морской выдры*, водящейся между 50 и 56° ш.; но послѣдняя стала попадаться теперь довольно рѣдко. Хищная порода ласток имѣетъ весьма многихъ представителей, доставляющихъ человѣку, въ вознагражденіе за опустошенія, производимыя этою кровожадною породою между домашнею птицею, значительную поживу, даже въ самыхъ холодныхъ полянахъ сѣвера. Въ торговлѣ извѣстны лѣтній и зимній мѣхъ ластки. *Хорекъ* извѣстенъ трехъ родовъ. *Куница* тоже раздѣляется на три вида, изъ коихъ подкаменная куница и сродственный ей *соболь* встрѣчаются нѣсколькими градусами сѣвернѣе, чѣмъ лѣсная куница. Несравненный мѣхъ соболя, отличающійся пушистостью, мягкостью и красивымъ бурымъ цвѣтомъ, придаетъ особенную цѣнность этому звѣрю, тѣмъ болѣе, что мѣстонахожденіе его ограничивается Сибирью, и число поступающихъ въ

продажу собольихъ шкурокъ, не очень значительно. Цѣна шкурки средняго достоинства въ Россіи бываетъ отъ 8 до 10 руб.; за мѣхъ же лучшаго качества, именно совершенно чернаго цвѣта, съ сѣдинками, или такъ называемый серебристый соболь, часто платятъ по 60 руб. за штуку, а такъ какъ все животное имѣетъ не болѣе $1^1/_2$ фут. въ длину и 1 фут. въ вышину, причемъ мѣхъ въ нижней части цѣнится уже дешевле, то на полную шубу требуется до 80 штукъ, и слѣдовательно шуба изъ такого дорогаго соболя



Чернобурая лисица.

можетъ обойтись въ 5,000 руб. Соболь преимущественно любитъ жить въ малонаселенныхъ гористыхъ мѣстностяхъ, и такъ какъ онъ отличается хитростью, быстротою и необыкновенною чуткостью, то охота за нимъ сопряжена съ

необыкновенными затрудненіями. Въ Восточной Сибири, гдѣ животное это водится больше, чѣмъ въ Западной Сибири, и гдѣ мѣхъ его лучше, охота за нимъ производится преимущественно зимою, по причинѣ высшаго качества мѣха въ это время года, цѣлыми обществами отъ 10 до 12 человѣкъ, преимущественно ссыльными поселенцами. Во избѣжаніе порчи мѣха, охотники стараются ловить животное посредствомъ капкановъ и силковъ, и только въ случаѣ необходимости, бьютъ его тупыми стрѣлами. Хитрые китайцы нерѣдко обманываютъ русскихъ, продавая имъ искусно поддѣланныя и подкрашенныя черныя шкурки за мѣхъ настоящаго чернаго соболя.

Животному царству Сибири принадлежитъ также *сѣверная россомаха*, оставляющая переходъ отъ породы ласток къ породѣ медвѣжьей; животное это служитъ предметомъ охоты не столько ради пользы, доставляемой мѣхомъ его, сколько по причинѣ опустошенія, причиняемаго имъ въ стадахъ оленей. Россомаха отличается особеннымъ искусствомъ, съ какимъ она умѣетъ уносить изъ разставляемыхъ ей западней приманку, не попадая туда сама, и неукротимою кровожадностью своею, съ которою она, нападая на соболей и куницъ, растерзываетъ ихъ безъ всякой для себя нужды. Сверхъ того много охотятся въ Сибири за горностаями.

Изъ породы медвѣдей, водится во всей Сибири, даже на крайнемъ сѣверѣ и въ Камчаткѣ, черный медвѣдь, мѣхъ котораго въ молодости бываетъ чернобураго цвѣта, съ бѣловатою полосою вокругъ шеи. *Бѣлый медвѣдь* попадается только вдоль полярнаго берега, до Енисея, и служитъ номадамъ предметомъ торговли только ради его мѣха, но вообще они его скорѣе избѣгаютъ, чѣмъ ищутъ. Барсукъ, часто попадающійся въ густыхъ лѣсахъ, ловится сѣверными номадами собственно для его шкуры, которою они любятъ покрывать свои колчаны; мясо же его, особенно отъ задней части, въ большой цѣнѣ только у народовъ, находящихся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ.

Псиная порода имѣетъ въ Сибири, кромѣ нѣсколькихъ измѣненныхъ культурою видовъ, еще особаго представителя въ сибирской собакѣ, составляющей средину между овчарною и эскимосскою собакою. Сибирская собака, въ домашнемъ быту у камчадаловъ, коряковъ, чукчей и у прочихъ сѣверныхъ номадовъ служитъ самымъ необходимымъ животнымъ. Вѣрный спутникъ своего хозяина на охотѣ, стражъ его дома и стада, сибирская собака, не смотря на свою страшную прожорливость, дѣлающую ее въ нѣкоторомъ отношеніи похожею на волка, вынуждена бываетъ довольствоваться только отбросками отъ рыбы и мяса. *Волкъ* нѣсколькихъ видовъ, попадающійся въ Сибири, живетъ тамъ стадами; *шакалъ*, который слабѣе волка, водится только въ южной части; зато *лисица*, которой водится въ Сибири нѣсколько видовъ, живетъ не только въ южныхъ степяхъ, но и на арктическихъ полянахъ сѣвера, и доставляетъ болѣе или менѣе драгоцѣнный мѣхъ. Шкурка полярной *черной лисицы* (canis lycaon) стоитъ отъ 60 до 70 руб., мѣхъ *голубой лисицы* цѣнится почти такъ же дорого, а мѣхъ *желтой степной* лисицы цѣнится въ Сибири особенно дорого.

Изъ *кошачьей* породы, водятся по южной границѣ Сибири ягуаръ и тигръ, рыщущій даже внѣ предѣловъ Алтая, и охотящійся за оленями. Разныхъ видовъ *дикія, степныя* и болотныя *кошки* и *рысь* водятся подъ различными градусами широты и доставляютъ мѣха, низкой цѣнности.

Семейство *однокопытныхъ*, имѣющее лишь немного видовъ, имѣетъ особенную важность для горной Азіи, своей настоящей родины. Лошадиная порода, имѣющая представителей изъ всѣхъ расъ, какія усиліямъ человѣка удалось произвести, отличается въ тѣхъ мѣстностяхъ особенною красотою; принадлежащіе монгольскимъ и татарскимъ князьямъ табуны лошадей, составляющіе ихъ главное богатство и мѣрило ихъ могущества, по своему числу, оставляютъ далеко за собою все, чѣмъ въ этомъ отношеніи обладаютъ народы прочихъ странъ, даже Африки и Америки; существованіемъ

многочисленныхъ табуновъ только и обусловливается бродячій образъ жизни кочевниковъ. Независимо отъ цѣнности, какую лошадь имѣетъ сама по себѣ, смотря по употребленію ея подъ верхъ или для перевозки, она доставляетъ номадамъ еще молоко, изъ котораго приготовляется любимый ими горячительный напитокъ, безъ котораго эти жители пустыни едва были бы въ состояніи перенесть всѣ трудности и невзгоды своего образа жизни. Сверхъ того кости и шкуры убитыхъ лошадей находятъ у номадовъ разнообразное примѣненіе. Въ степяхъ обыкновенно пасутся несмѣтные табуны дикихъ лошадей. Кромѣ лошади, въ пустыняхъ южной Сибири и Монголіи водится въ значительномъ количествѣ *чигатай*, цвѣта соловаго съ черною гривою. Монголы и татары, большіе охотники до его вкуснаго мяса, часто устраиваютъ на нихъ большія охоты. Дикій оселъ, или онагръ, шкура котораго употребляется калмыками на выдѣлку сафьяна, заходитъ часто до Иртыша.

Большая часть домашнихъ животныхъ въ Азіятской Россіи принадлежитъ къ семейству *жвачку отрыгающихъ*. Двугорбый верблюдъ, который здѣсь не такъ великъ, какъ въ сосѣдней родинѣ своей, служитъ у калмыковъ, ногайцевъ, киргизовъ, башкировъ и монголовъ, вплоть до 55° с. ш., преимущественно для перевозки, но и какъ полезное животное вообще; его мясо употребляется въ пищу, изъ молока приготовляются сыръ и горячительные напитки, изъ шкуры его дѣлаются мѣха и выдѣлываются подошвы, а волосъ идетъ на выдѣлку тканей и на разныя другія полезныя употребленія; впрочемъ внѣ пустыни, столь бѣдной растительностью, верблюдъ теряетъ все свое значеніе и важность. *Козы и каменный баранъ*, кожа которыхъ идетъ на выдѣлку сафьяна, ловятся рѣдко, и только на югѣ. *Овца*, коей водится нѣсколько породъ, служитъ для всѣхъ бродячихъ и полубродячихъ народовъ однимъ изъ полезнѣйшихъ домашнихъ животныхъ; лучшая изъ нихъ, киргизская порода, съ широкимъ хвостомъ. Киргизская овца ростомъ значительно больше обык-

новенной овцы, и отличается дикостью; она имѣетъ довольно красивую голову, обросшую длинными волосами, съ висячими ушами, но рѣдко съ рогами; ея большой широкій жирный хвостъ вѣситъ обыкновенно отъ 30 до 40 фунт. Шерсть у этой овцы бываетъ короткая и грубая, по большей части бѣлаго цвѣта, но иногда бураго и черноватаго; номады выдѣлываютъ для себя изъ этой шерсти войлоки. У ягнятъ шерсть бываетъ чистая, блестящая и курчавая, которая потому и цѣнится довольно дорого, особенно же самыхъ молодыхъ барашковъ. Въ самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ Сибири, преимущественно въ горахъ, водится *аргали*, дикая овца (ovis ammon), сродственная муфлону.

Изъ прочихъ животныхъ встрѣчаются въ сибирскихъ горахъ *дикія козы*, а въ Даурiи, равно и въ южныхъ степяхъ, *сайги* и *монгольскія антилопы*, за которыми тамошніе жители любятъ часто охотиться, пользуясь не только мясомъ, но и шкурами этихъ животныхъ. — Изъ числа бычьей породы, бизонъ, заходившій прежде въ сибирскія пограничныя горы, истребленъ нынѣ почти вовсе, а тангутскій быкъ или якъ (bos grunniens), отличающійся хвостомъ съ тонкими волосами, встрѣчается рѣдко, и заходитъ съ юга. Рогатый скотъ водится даже подъ 60°, но уже подъ 55° с. ш. онъ мельчаетъ, и якуты хотя и держатъ у себя скотъ, но весьма невидный.

Животныя съ развѣтвляющимися рогами имѣютъ особенное значеніе; между прочимъ, первое мѣсто въ числѣ животныхъ этого семейства занимаетъ *лось*, который начинаетъ попадаться теперь рѣже; изъ его шкуры выдѣлывается хорошая кожа, которая, подъ названіемъ половинокъ, высоко цѣнится въ торговлѣ; сверхъ того имѣютъ различныя примѣненія въ техникѣ рога и костъ лося; послѣдняя цѣнится почти такъ же высоко, какъ слоновья кость. Сибирскій олень, который больше европейскаго, и изюбрь держатся только въ умѣренномъ климатѣ южной полосы Сибири. Несомнѣнно важное значеніе для домашняго быта номадовъ,

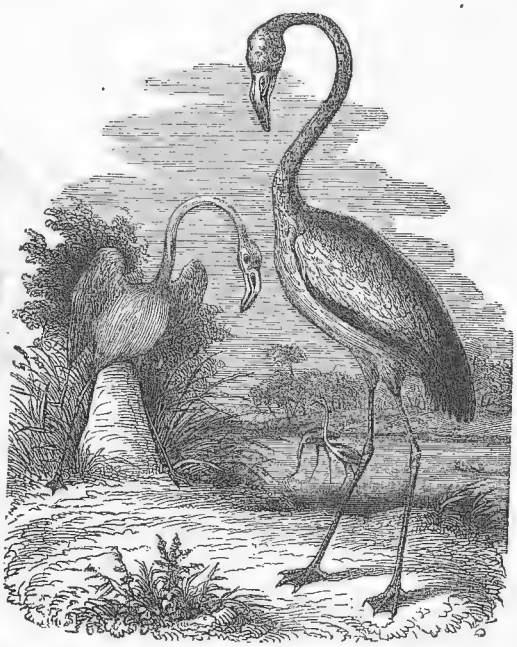
бродящихъ въ арктическомъ поясѣ, имѣетъ *сѣверный олень*, живущій впрочемъ даже подъ 45° с. ш.; номады стараются по возможности размножать этихъ полезныхъ животныхъ, такъ что если кто изъ нихъ имѣетъ только 800 оленей, то это немного, — про одного богача изъ коряковъ разсказываютъ, что у него было стадо до 40,000 оленей. Безъ сѣвернаго оленя, не только арктическій, но и холодный поясы Сибири были бы вовсе необитаемы. Сѣверный олень не только питаетъ человѣка, но и одѣваетъ его, и перевозитъ его съ имуществомъ, снабжая его вмѣстѣ съ тѣмъ, кромѣ предметовъ необходимости, даже предметами роскоши, между тѣмъ, какъ самъ питается самою плохою пищею, состоящею изъ болотныхъ мховъ и лишаевъ. Также большое значеніе для сибирскихъ жителей имѣетъ настоящій безрогій *изюбръ*, хотя его, въ этомъ отношеніи, и нельзя сравнить съ сѣвернымъ оленемъ. Такъ какъ онъ къ стужѣ мало чувствителенъ, то болѣе держится въ скалистыхъ мѣстностяхъ крайняго сѣвера; не смотря на то, его шкура, покрытая длиннымъ волосомъ, и сумочка, отдѣляющая мускусъ, привлекаютъ охотниковъ, устраивающихъ, не смотря на опасности и всевозможныя лишенія, повсюду западни и силки, отъ которыхъ онъ впрочемъ, при своей хитрости и быстротѣ, часто ускользаетъ. Лучшій мускусъ, находящійся въ торговлѣ, сибирскій, и цѣна его постоянно возрастаетъ.

Изъ числа *толстокожихъ*, водятся только *дикія свиньи* въ лѣсахъ южной Сибири, и *домашняя свинья*, попадающаяся не далѣе 55° ш., только у русскихъ поселенцевъ, такъ какъ номады не умѣютъ, ни кормить свиней, ни ухаживать за ними. Изъ земноводныхъ, плавающій ледъ прибиваетъ къ берегамъ Ледовитаго моря моржей, а изъ китородныхъ породъ попадаются нарвалы, дельфины и собственно киты какъ въ водахъ Сѣвернаго, такъ и Тихаго океановъ. Въ Байкалѣ водятся тюлени.

Изъ *царства пернатыхъ* въ Азіятской Россіи водится множество разныхъ породъ; изъ числа тамошнихъ *хищныхъ*

птицъ можно указать на нѣсколько видовъ коршуновъ и 35 видовъ соколовъ и орловъ. Ни тѣ, ни другіе не могутъ быть признаваемы за перелетныхъ птицъ, и если они, въ поискахъ за пищею, перелетаютъ изъ однихъ странъ въ другія, то все-таки весною навѣрное возвращаются на родину. Особенную породу соколовъ калмыки и татары пріучаютъ къ охотѣ. Еще имѣется въ Сибири *16 видовъ совъ*, совершающихъ тоже непродолжительные перелеты; *дятловъ* есть семь извѣстныхъ видовъ; красивая птица *зимородокъ*, старающаяся держаться тамъ, гдѣ есть открытая вода, принадлежитъ къ разряду птицъ, которыя не живутъ въ Сибири постоянно, а только залетаютъ на время; удоды и пищухи тоже водятся повсюду. Семейство *воронов* имѣетъ нѣсколько различныхъ видовъ; относительно *грачей* слѣдуетъ замѣтить, что не только яйца ихъ, которыя очень вкусны, но и самыя птички употребляются жителями въ пищу. *Кукушка*, постоянно перелетающая въ поискахъ за кормомъ, имѣетъ представителей всѣхъ видовъ своей породы. — Изъ породы воробьиныхъ, нѣкоторые виды птицъ принадлежатъ къ туземнымъ, другія же къ перелетнымъ птицамъ. Такъ, нѣкоторое число *жаворонковъ*, многіе виды *скворцовъ*, разные виды *дроздовъ* проводятъ тамъ только зимнее время, на лѣто же разлетаются по разнымъ направленіямъ. *Свиристель* составляетъ рѣдкость въ Сибири, зато *щуръ* имѣетъ много разныхъ видовъ; семейство *овсянокъ* раздѣляется на 19 видовъ, изъ нихъ особенно цѣнятся для стола подорожникъ, перемѣняющій свой цвѣтъ зимою на бѣлый, и ортоланъ, который впрочемъ въ Сибири встрѣчается рѣдко. *Черные дрозды* встрѣчаются въ трехъ видахъ. Изъ 14 разныхъ видовъ зябликовъ, наиболѣе любимая комнатная птица есть *щегленокъ*, а также *чижикъ* и *конопляпка*; *мухоловка* имѣетъ нѣсколько видовъ, которые всѣ держатся въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; *соловей* встрѣчается только въ умѣренномъ климатѣ, тогда какъ *малиновка*, которой имѣется нѣсколько видовъ, держится только тамъ, гдѣ она находитъ необходимыя для себя растенія, равно какъ и отличающіяся

разнообразностью красокъ, изящныя и щеголеватыя *трясогузки*; синицы, распространенныя по разнымъ мѣстностямъ, кладутъ свои гнѣзда преимущественно на образуемыхъ рѣкою островахъ, дѣлая ихъ изъ тонкой растительной ваты и укрѣпляютъ ихъ на вѣткахъ ивъ. — *Ласточки*, встрѣчающіяся тамъ въ качествѣ перелетныхъ птицъ, раздѣляются на нѣсколько видовъ; кромѣ того, въ Даурiи и на островахъ есть еще особые виды туземныхъ ласточекъ; въ умѣ-



Фламинго и гнѣздо ихъ, какъ ихъ себѣ представляли прежде.

ренной полосѣ Сибири водится повсюду европейская ласточка. Изъ голубей, *домашній голубь* встрѣчается до 60°; но голубь полевой, живущій на свободѣ, держится гораздо южнѣе, особенно зимою. Изъ семейства куриныхъ, имѣются тамъ представители почти всѣхъ видовъ домашнихъ птицъ, хотя только немногіе изъ нихъ считаютъ Азіятскую Россію

своею первоначальною родиною, и притомъ немногіе изъ нихъ принадлежатъ къ перелетнымъ птицамъ. *Тетерева* и *куропатки* водятся тамъ въ огромномъ количествѣ, а также превосходные *глухари* и *рябчики;* до 72° попадается бѣлая куропатка; *перепелъ* не заходитъ за 35° с. ш. Изъ семейства фазановъ, порода *домашнихъ куръ*, въ безчисленныхъ варіаціяхъ, распространена по всей Сибири вплоть до арктической полосы, настоящіе же фазаны населяютъ во множествѣ только южные лѣса. Изъ семейства *голенастыхъ* птицъ показываются отдѣльные *фламинго* на степныхъ озерахъ, *широконосы* въ южной части Сибири, а также цапли и журавли разныхъ видовъ. Красивая *„нумидійская дѣва“*, живущая въ Даурiи и по сибирскимъ соленымъ озерамъ, служитъ предметомъ тщательной ловли, такъ какъ шея ея идетъ на украшеніе головы киргизскихъ княженъ. *Кулики* и *бекасы* распространены во множествѣ, въ особенности послѣдніе, составляя любимое блюдо туземцевъ. Весьма часто попадается тамъ еще нѣсколько видовъ береговыхъ птицъ. Но особенную пользу приносятъ обитателямъ морскаго прибрежья невѣроятное число *плавающихъ птицъ*. Надъ открытыми водами, въ южныхъ мѣстностяхъ, держатся ласточки, а чайки покрываютъ рѣки, озера и моря вплоть до арктическихъ странъ, оспаривая кормъ у нырковъ, шкурки коихъ идутъ на одежду. Пингвины и албатросы населяютъ сѣверныя озера, а *пеликаны и морскіе коршуны* степныя озера и Байкалъ. *Гуси*, *утки* и *лебеди*, имѣющіе нѣсколько варіацій, встрѣчаются у всѣхъ осѣдлыхъ жителей, въ качествѣ домашней птицы. Тѣ изъ названныхъ здѣсь видовъ, которые не принадлежатъ къ домашней птицѣ, постоянно перемѣняютъ мѣстности, гдѣ они держатся. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ настоящая *гага*; впрочемъ въ Сибири нигдѣ не установились опредѣленныя правила для сбора гагачьяго пуха; гораздо важнѣе для всего арктическаго и холоднаго пояса бѣлый гусь, мясо котораго отличается пріятнымъ вкусомъ, а пухъ идетъ въ дѣло Водится эта порода

въ сѣверной Сибири въ такомъ количествѣ, что нѣкоторыя семейства туземцевъ убиваютъ этой птицы по 1,000 штукъ въ зиму.

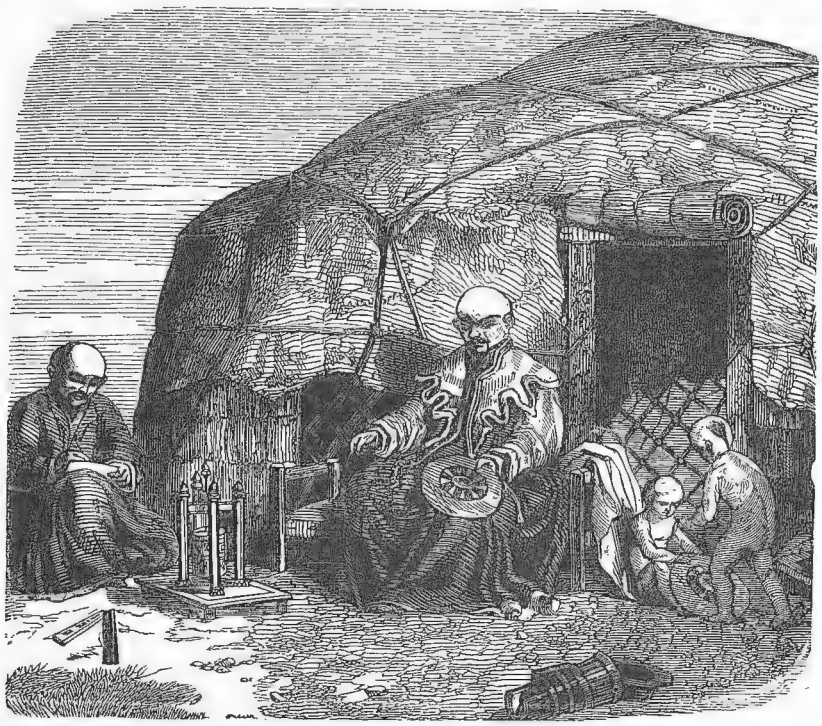
Изъ класса *пресмыкающихся*, на которыхъ человѣческій родъ смотритъ вообще съ отвращеніемъ, встрѣчается и въ умѣренной полосѣ Азіятской Россіи весьма немного представителей въ нѣкоторыхъ видахъ *лягушекъ*, въ *ящерицахъ*, живущихъ на степяхъ и въ маловредныхъ *ехиднахъ* и *ужахъ*, обитающихъ въ сырыхъ и холодныхъ лѣсахъ; впрочемъ утверждаютъ, что въ скалистыхъ хребтахъ южныхъ степей водится множество разныхъ змѣй, будто бы ядовитаго свойства.

Азіятская Россія, столь обильная водою, отличается также необыкновеннымъ богатствомъ *рыбы*, которой еще не всѣ виды достаточно извѣстны. Такъ напр. Байкальское озеро, осенью, послѣ сильныхъ бурь, выбрасываетъ рыбу изъ породы *голомянки*, callionymus, обитающую на самой глубинѣ озера, такъ какъ до сихъ поръ еще не удавалось ловить ее живою. Изъ семейства Gadus, заслуживаютъ особеннаго вниманія *вахня* въ Ледовитомъ морѣ, *треска* въ Тихомъ океанѣ и *новага* въ обоихъ этихъ моряхъ. *Налимъ*, въ сибирскихъ рѣкахъ и преимущественно въ Иртышѣ, ловится двухъ аршинъ длины. Всѣ эти рыбы употребляются туземцами въ пищу въ огромномъ количествѣ. Наиболѣе распространена порода *лососей*: рыба эта скопляется иногда въ такомъ количествѣ въ рѣкахъ, что задерживаетъ теченіе даже самыхъ быстрыхъ изъ нихъ, и замѣняетъ хлѣбъ какъ тунгузамъ, камчадаламъ и чукчамъ, такъ вообще всѣмъ рыболовнымъ племенамъ Сѣверной Азіи. Порода эта имѣетъ много разныхъ варіацій, начиная отъ самой нѣжной серебристой или золотистой *форели* горныхъ озеръ, до обыкновенной форели, вѣсящей среднимъ числомъ до 20 фунтовъ, и байкальской *лососи*, вѣсомъ въ 80 фунтовъ, а длиною въ 4 — 5 футовъ; но почти болѣе значенія для туземцевъ имѣетъ *окунь*, плодящійся въ Байкальскомъ Озерѣ и въ его

притокахъ въ такомъ множествѣ, что гребцы, сидящіе въ лодкахъ, гребя веслами, выбрасываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ вверхъ и рыбу. *Карпы* представляютъ ту важную особенность, что живутъ даже въ степныхъ озерахъ, содержащихъ по $1^1/_2$ золотника соли въ фунтѣ воды. Осетровая порода тоже имѣетъ большую важность, но только одно Байкальское озеро изобилуетъ этою рыбою въ такой же степени, какъ и каспійскія воды; въ рѣкахъ амурской системы, настоящій осетръ рѣдокъ, хотя въ Дауріи и водится особенная порода, имѣющая около 6 фут. длины и отъ 120 до 150 фунтовъ вѣса, и отличающаяся вкуснымъ мясомъ, хорошею икрою и рыбьимъ клеемъ.

Насѣкомыя распространены въ Сибири въ безчисленномъ множествѣ и въ разнообразныхъ видахъ. Такъ, жукъ Bostrichus губитъ иногда въ Сибири цѣлые словые лѣса. Нѣкоторыя изъ насѣкомыхъ употребляются кочующими племенами какъ врачебное средство, другія же извѣстны даже въ наукѣ производимымъ ими дѣйствіемъ. *Перелетная саранча*, случается, причиняетъ даже въ Сибири опустошенія; также значительный вредъ и много безпокойства производятъ *клопы* и *тараканы*, въ особенности послѣдніе, истачивая всѣ кожаныя и мѣховыя вещи. *Дневныя* и *ночныя бабочки* отличаются, если не красивымъ цвѣтомъ, то по крайней мѣрѣ своимъ разнообразіемъ. Настоящая *медовая пчела* водится и въ Сибири до 55°. Башкиры занимаются пчеловодствомъ и вообще стараются о распложеніи у себя пчелъ, тогда какъ киргизы ограничиваются тѣмъ, что вырываютъ земляныхъ пчелъ. *Слѣпни*, кладущіе свои яички въ шкурахъ животныхъ, *мухи*, производящія болѣзненныя укушенія и ужаленія, и безчисленные *комары* и *оводы*, въ буквальномъ значеніи слова затемняютъ солнце, и, не смотря на дымъ и разводимый огонь, посредствомъ которыхъ человѣкъ старается отъ нихъ избавиться, все-таки водворяются на свободныхъ мѣстностяхъ, въ лѣсахъ и по болотамъ. *Блохи*, *вши* и *разная тля* часто наводняютъ, до отвращенія, жилища

полудикихъ номадовъ. Изъ породъ *ракообразныхъ*, встрѣчаются не только морскіе, рѣчные и земляные раки, но и пауки и скорпіоны, попадающіеся въ степяхъ, лишенныхъ, какъ животной, такъ и растительной жизни.



Калмыки.

III.

Народонаселеніе Сибири и степныхъ мѣстностей.

Самая ранняя исторія Сѣверной Азіи. — Первоначальное появленіе русскихъ. — Чингисъ-Ханъ. — Шейбани и ханство Туранское. — Сибирь. — Едигеръ, царь сибирскій, и Иванъ IV Васильевичъ. — Донскіе казаки. — Ермакъ Тимоѳеевъ. — Китайскій пограничный договоръ. — Петръ Великій. — Управленіе Восточной и Западной Сибири. — Туземныя племена: татары, туралинцы. — Барабинцы. — Вогулы. — Остяки. — Калмыки. — Самоѣды. — Якуты. — Калки. — Буряты. — Тунгузы. — Коряки. — Чукчи. — Юкагивы. — Монголы. — Дзунгары. — Манчжуры.

Огромная страна, естественныя отношенія которой мы старались изобразить выше, сдѣлалась извѣстною Европѣ еще не такъ давно, и наука успѣла ознакомиться съ нею только вполовину. Свѣдѣнія о существованіи азіятскаго сѣ-

вера терялись до самаго XIII столѣтія во мракѣ неизвѣстности, ибо стужа не допускала изслѣдователей въ страну, оконченѣвшую отъ вѣчнаго льда. Арабы, изслѣдовавшіе и описавшіе Тибетъ уже въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова, и даже сами китайцы не были знакомы съ сѣверомъ Азіи; послѣдніе до XVII столѣтія полагали, что Ледовитое море находится у подножія великой стѣны. XIV столѣтіе привело наконецъ предпріимчивыхъ торговцевъ, увлекаемыхъ корыстолюбіемъ, и въ пустынную степь возвышенной Гоби; но хотя они, подобно безстрашнымъ и крѣпкимъ въ вѣрѣ посланнымъ святаго. Доминика и Франциска, и проникли до самаго отдаленнаго востока, однакоже не рѣшились идти далѣе на сѣверъ къ дикимъ ордамъ кочевниковъ. Россіи было предоставлено раскрыть завѣсу, скрывавшую сѣверную Азію отъ взоровъ Европы. Въ половинѣ XV столѣтія начались ея завоеванія въ пограничныхъ мѣстностяхъ обѣихъ частей свѣта, и къ концу этого столѣтія они были уже доведены до нижняго теченія рѣки Оби. Обитавшія въ южной Сибири манчжурскія племена, а также Самоѣды и чукчи на сѣверѣ, имѣвшіе соприкосновеніе съ Чингисъ-Ханомъ, вынуждены были ему подчиниться. Одинъ изъ его потомковъ, *Шейбани*, родственникъ хана *Бату*, основалъ, около средины XIII столѣтія, въ нынѣшней Киргизской степи, независимое *ханство Туранское*, которое вскорѣ увеличилось съ сѣвера, вслѣдствіе удачныхъ его походовъ. Его первая резиденція находилась на берегу рѣки *Туры*, тамъ, гдѣ теперь стоитъ *Тюмень*, и въ честь великаго хана монголовъ называлась *Чингидинъ*; въ послѣдствіи, городъ этотъ былъ покинутъ, и ханы перенесли свое мѣстопребываніе на восточный берегъ Иртыша, гдѣ, вблизи отъ нынѣшняго *Тобольска*, основанъ былъ городъ *Искеръ*, получившій потомъ названіе *Сибири*, названіе, которое позже перешло на всю огромную страну. *Монгольско-татарское государство это* продержалось вплоть до XVI столѣтія; послѣдній ханъ былъ *Кучумъ*, потомокъ Чингисъ-Хана изъ кипчакской линіи. Онъ

первый ввелъ исламъ въ Сибири, стараясь распространять его всѣми возможными мѣрами; но тутъ, на пути своемъ, онъ встрѣтился съ русскими, которые, начиная съ 1555 г., пришли въ соприкосновеніе съ сибирскими племенами. Въ этомъ году присланы были въ Москву отъ тогдашняго хана *Эдигера* послы, съ предложеніемъ русскому царю принять подъ свое владычество всю страну, и съ этого времени монархи Россіи приняли титулъ повелителей всѣхъ сибирскихъ странъ *). Когда затѣмъ Иванъ IV, для наказанія донскихъ казаковъ, за произведенные ими въ юго-восточныхъ провинціяхъ безпорядки, послалъ войско на Донъ, казаки, спасаясь отъ наказанія, разсѣялись въ разныя стороны. Одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ вождей ихъ, *Ермакъ Тимоѳеевъ*, собравъ около себя до 7,000 удальцевъ, перешелъ, въ 1577 г., съ этимъ воинственнымъ войскомъ Уральскій хребетъ, гдѣ передъ нимъ въ первый разъ открылись безконечныя страны, о которыхъ до него дошли слухи черезъ предпріимчиваго новгородскаго купца, *Никиту Строганова*. Здѣсь рѣшился Ермакъ основать новое государство, и, благопріятствуемый счастіемъ, смѣло предпринялъ борьбу съ ханствомъ Туранскимъ, ослабленнымъ внутренними неурядицами и раздорами: побѣдивъ хана *Кучума*, онъ отправилъ его въ 1581 г. въ оковахъ въ Москву, въ надеждѣ заслужить прощеніе отъ царя и получить отъ него помощь. Независимое отъ Кучума ханство *Тюменское* тоже было покорено Ермакомъ, послѣ чего, получивъ помощь, онъ распространилъ свои завоеванія вплоть до Тобола, Иртыша, Оби и Анабары. Съ тѣхъ поръ русскіе начали распространять свои владѣнія въ этой слабонаселенной странѣ. При царѣ Ѳедорѣ русское владычество уже было водворено по берегамъ Байкала и Енисея, а въ 1639 г. Россіи покорились *Юкагиры*, *Буряты*, *Тунгузы* и прочіе сибирскіе народы; причемъ вся огромная страна, заключающаяся между рѣками

*) Авторъ подразумѣваетъ здѣсь покореніе царства Казанскаго. *Прим. Перев.*

Анабарою, Енисеемъ и Обью, до Амура и Лены пріобрѣтены были русскими не столько силою, сколько искусными переговорами. Въ 1698 г. занята была русскими и *Камчатка*, и границы государства раздвинулись до Тихаго океана, а въ 1713 г. сдѣлались данниками Россіи и обитатели острововъ *Курильскихъ*.

Типы монгольской расы.

Эти быстрыя завоеванія, совершенныя въ пустынныхъ мѣстностяхъ, преимущественно при помощи небольшой толпы казаковъ, привели русскихъ въ соприкосновеніе съ китайцами, которые, покоривъ Манчжурію, распространили свое владычество до Амура.

Отъ проницательнаго взора великаго Петра не укрылась огромная важность этой страны, составлявшей провинцію его обширной Имперіи, и, во время его царствованія, положено было основаніе въ Сибири разнымъ фабрикамъ и горнымъ заводамъ. Въ слѣдствіе частыхъ переселеній природныхъ русскихъ, а также черезъ поселеніе ссыльныхъ, народонаселеніе въ Сибири поднялось на столько, что въ настоящее время тамъ считается болѣе трехъ милліоновъ жителей *), въ числѣ которыхъ туземцы, принадлежащіе къ

*) Но болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, народонаселеніе Сибири простирается въ настоящее время до 5,361,000 душъ. *Прим. перев.*

различнымъ племенамъ, составляютъ сравнительно бо́льшую часть населенія.

Обитаемая область занимаетъ нынѣ до 225,586 кв. миль, не считая новѣйшихъ значительныхъ завоеваній, такъ что на каждую квадратную милю приходится по 12 душъ. Все огромное пространство раздѣляется, въ новѣйшее время, на два генералъ-губернаторства: *Западную Сибирь* въ 56,070, и *Восточную Сибирь* въ 169,410 квадр. м. Къ первой принадлежатъ губерніи *Тобольская* и *Томская* и прежняя область *Омская*, а Восточную Сибирь составляютъ губерніи *Енисейская* и *Иркутская* и область *Якутская*, вмѣстѣ съ двумя приморскими управленіями: *Охотскимъ* и *Камчатскимъ*, земля *Чукчей* и острова *Новая Сибирь*, *Алеутскіе* и прочіе *). Въ прежнія времена столицею всей Сибири былъ *Тобольскъ*. *Народонаселеніе* состоитъ изъ разнородной смѣси переселенцевъ и полудикихъ номадовъ. Изъ сего числа къ туземцамъ, составляющимъ сравнительно бо́льшую часть народонаселенія, принадлежатъ *самоѣды*, *остяки*, *коряки*, *вогулы*, *якуты*, *чукчи*, *буряты* и *тунгузы* и т. п. Главное племя, Татары, суть отчасти магометане, монголы же преимущественно язычники. Число первыхъ простирается до 70,000, а послѣднихъ до 35,000 душъ. Между христіанами почти до 4,000 протестантовъ и римскихъ католиковъ; болѣе 5,000 евреевъ**), а осталь-

*) Приводимое выше раздѣленіе Сибири устарѣло. Въ слѣдствіе предпринятыхъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, преобразованій въ устройствѣ Сибири, къ Западной Сибири въ настоящее время принадлежатъ губерніи: Тобольская и Томская, области: Семипалатинская и Сибирскихъ Казаковъ, земли Малой Киргизской Орды или Оренбургскихъ Казаковъ, Алатаускій Округъ или земли Большой Киргизской Орды, и Черныхъ Киргизовъ или Бурутовъ, а въ Восточной Сибири находятся губерніи: Енисейская и Иркутская, области: Якутская, Забайкальская, Приморская и Амурская, и Чукотская земля. *Прим. перев.*

**) Сибирь до сихъ поръ принадлежала къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ евреямъ не дозволено было имѣть постоянную осѣдлость, а потому приведенная выше цифра о числѣ евреевъ въ Сибири неправдоподобна. *Прим. перев.*

ные жители принадлежатъ къ греко-россійскому православному вѣроисповѣданію, имѣющему тутъ епархіи: тобольскую, иркутскую и камчатскую. Такъ какъ изъ числа ежегодно прибывающихъ въ Сибирь ссыльныхъ, числомъ до 10,000 человѣкъ, едва только пятая часть бываетъ женщинъ, то мужское населеніе значительно превышаетъ женское, а именно процентами 20. Правда, часть этихъ ссыльныхъ принуждена бываетъ оставаться въ Сибири только нѣкоторое число лѣтъ, и собственно составляетъ только временное населеніе; но такъ какъ они отъ всякаго принужденія освобождены и состоятъ только подъ надзоромъ, то они нерѣдко богатѣютъ, натурализируются въ Сибири и переселяютъ туда свои семейства. Почти половина сибиряковъ русскаго происхожденія происходятъ отъ ссыльныхъ, которые впрочемъ не всегда бываютъ преступниками, ибо въ прежнее время, при частыхъ и продолжительныхъ войнахъ, въ Сибири были водворяемы на постоянное жительство даже военноплѣнные иностранцы. Равнымъ образомъ и въ новѣйшее время, въ обширныхъ размѣрахъ происходило добровольное выселеніе русскихъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь. Такъ, въ 1852 г. выселилось въ Западную Сибирь до 24,500 душъ обоего пола, а въ слѣдующемъ году еще нѣсколько тысячъ семействъ, причемъ сюда слѣдуетъ причислить еще около 14,500 мужчинъ и почти столько же женщинъ изъ числа государственныхъ крестьянъ, выселенныхъ по распоряженію правительства. Переселенцы эти, независимо отъ разныхъ другихъ льготъ, получили еще даромъ землю, которую они и обработываютъ въ качествѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ. Сверхъ того, во всѣхъ городахъ проживаетъ немалое число заѣзжихъ русскихъ изъ другихъ провинцій, занимающихся въ Сибири торговлею и промыслами. Существующее между сословіями различіе въ Сибири какъ-то сгладилось, такъ какъ настоящее дворянское сословіе, въ европейскомъ значеніи этого слова, у туземныхъ народовъ вовсе не существуетъ, за исключеніемъ развѣ татарскихъ племенъ, а граница, существующая у переселенцевъ

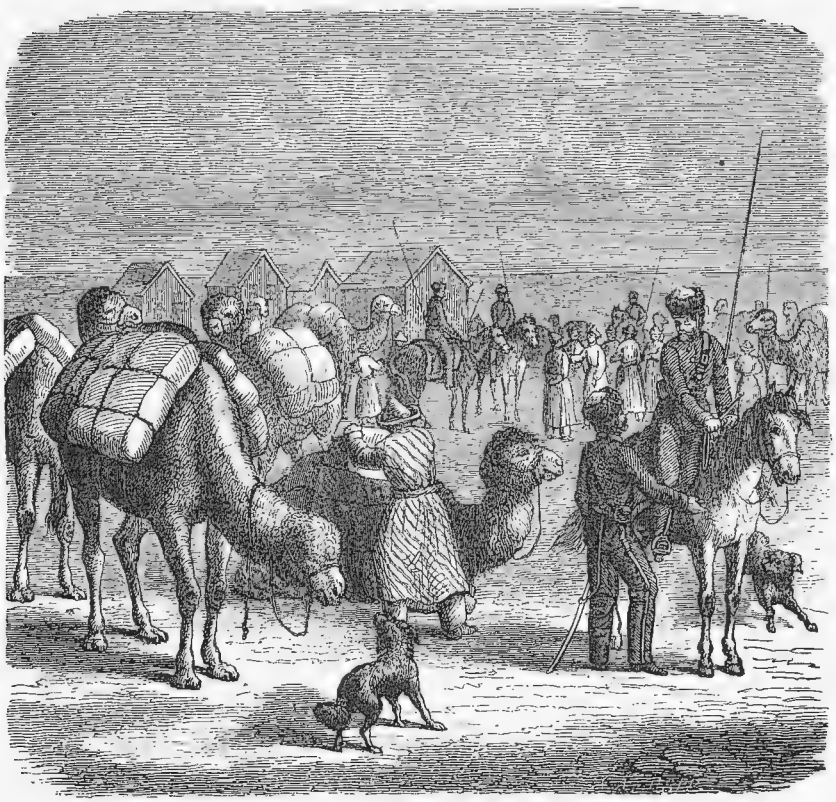
между-городскими и сельскими жителями, весьма неопредѣленна. Болѣе строгое различіе наблюдается между *сибирскими старожилами*, *вольными поселенцами* и *ссыльно-поселенцами*. Къ первымъ принадлежатъ потомки первоначальныхъ завоевателей и пришельцевъ, занимающіе, въ нѣкоторомъ смыслѣ, мѣсто американскихъ креоловъ, и владѣющіе значительными земельными участками; свободные, или вольные поселенцы переходятъ въ первый разрядъ только по прошествіи двадцатилѣтняго пребыванія ихъ въ Сибири, а изъ ссыльно-поселенцевъ часто набираются толпы тѣхъ отверженныхъ бѣдняковъ, которые, блуждая по лѣсамъ и пустыннымъ мѣстностямъ, нерѣдко нападаютъ на беззащитныхъ и одинокихъ путниковъ. Эти полудикіе преступники гораздо грубѣе и болѣе опасны, чѣмъ дикари-туземцы; въ ноздряхъ своихъ, вырванныхъ рукою палача, они носятъ на себѣ знаки отверженности, такъ какъ они большею частью принадлежатъ къ разряду преступниковъ, осужденныхъ на тяжкія работы въ рудникахъ.

Что касается до разныхъ разрядовъ *сибирскихъ казаковъ*, а также *калмыковъ* и *башкиръ*, то они, уже съ давнихъ временъ, имѣютъ особенное гражданское и военное устройство, и обязаны оберегать пограничную линію, отдѣляющую Азіятскую Россію отъ прочихъ странъ. Тамъ, гдѣ граница не пролегаетъ по какимъ либо непроходимымъ горамъ, которыя уже сами собою могутъ составить надежный оплотъ, пограничная линія распредѣлена на отдѣленія, по которымъ разставлены войска и выстроены редуты, крѣпостцы, военные форпосты и сторожевыя вѣхи. Такъ какъ во всѣхъ, вновь занимаемыхъ Россіею, мѣстностяхъ туземныя племена всегда получаютъ одну и ту же организацію и устройство, подобно организаціи, какую имѣютъ черноморскіе казаки, то въ русскихъ азіятскихъ владѣніяхъ имѣется, такимъ образомъ, для Россіи значительная сухопутная и морская сила, и число населенія, носящаго оружіе простирается тамъ приблизительно до 350,000 человѣкъ. Въ административномъ отно-

шеніи, Сибирь раздѣляется, по причинѣ значительнаго разстоянія между населенными мѣстностями, не на уѣзды, а на округи, которые называются по имени центральныхъ городовъ: таковыхъ городовъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе, насчитываютъ въ Западной Сибири 20, а въ Восточной около 25. Въ большей части изъ нихъ существуетъ горный промыселъ, добыча мѣховъ, и производится мелкій торгъ съ татарами и монголами. Фабричные и ремесленные промыслы ограничиваются только тѣми производствами, которыя находятся въ связи съ перевозкою товаровъ, сосредоточивающеюся по большому сибирскому почтовому тракту и по прилегающимъ къ нему путямъ.

Важнѣйшій городъ Западной Сибири, какъ уже сказано, *Тобольскъ* находится въ разстояніи 425 миль отъ С.-Петербурга, и расположенъ при впаденіи Тобола въ Иртышъ. Городъ имѣетъ болѣе 16,000 жителей, 23 церкви, 2 монастыря, гимназію, духовную семинарію, типографію и театръ. Здѣсь находится мѣстопребываніе гражданской администраціи и главное артиллерійское депо для Западной Сибири. Главное населеніе составляютъ русскіе и татары, которые составляютъ четвертую часть всего числа жителей Тобольска; есть тамъ тоже немало нѣмцевъ, которые имѣютъ лютеранскую церковь. Сюда обыкновенно направляются менѣе виновные ссыльные, которые пользуются въ городѣ значительною степенью свободы. Мануфактурная дѣятельность города, существующаго впрочемъ уже съ 1557 г., не очень значительна; хотя городъ лежитъ въ сторонѣ отъ большаго сухопутнаго тракта, но въ немъ значительно развито рыболовство, и кромѣ того находится главный складъ мѣховъ, поступающихъ по сборамъ казны; поэтому торговые обороты тамошнихъ жителей, въ особенности коммиссіонерскія дѣла, при весьма дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Китаемъ, со всею Сибирью, съ Москвою, Нижнимъ-Новымъ-городомъ, съ калмыками и бухарцами, караваны коихъ приходятъ въ Тобольскъ, замѣчательны необыкновенною оживленностью.

Въ 60 миляхъ на юго-востокъ, при сліяніи Иртыша съ Обью, лежитъ важный городъ *Омскъ* *), гдѣ есть нѣсколько школъ и казенная суконная фабрика; число жителей превы-



Караванъ торговцевъ на берегу Иртыша.

шаетъ 14,000 душъ обоего пола, которые ведутъ торговые обороты съ отдаленными мѣстностями внутренней Азіи, а

*) Такъ какъ въ Омскѣ въ настоящее время имѣетъ свое пребываніе генералъ-губернаторъ, атаманъ сибирскихъ линейныхъ казаковъ и военный губернаторъ сибирскихъ киргизовъ, то Омскъ считается центромъ управленія Западной Сибири. *Прим. перев.*

на ярмаркахъ производятъ мѣновой торгъ съ киргизами. Еще замѣчателенъ г. *Тюмень*, на Турѣ, къ сѣверо-западу отъ Тобольска, древнѣйшій русскій городъ въ Сибири (основанъ въ 1586 г.) и самый промышленный во всей странѣ, съ 11,000 жителей. Тюмень имѣетъ болѣе 100 фабрикъ и заводовъ юфтяныхъ, кожевенныхъ мыловаренныхъ, ковровыхъ и другихъ. Сверхъ того, въ Тюмени; бываетъ значительная ярмарка, и тамъ находится главный складъ всѣхъ товаровъ, идущихъ въ Европу и обратно въ Тюмень; товары доставляются водою, и здѣсь перегружаются на возы. Черезъ Тюмень ежегодно проходитъ болѣе 50,000 фуръ. Кромѣ того, нѣкоторую важность имѣютъ *Петропавловскъ*, главный таможенный пунктъ сибирской линіи по внутренней торговлѣ съ киргизами, и по внѣшней торговлѣ съ сосѣдними странами Средней Азіи и западнаго Китая; далѣе *Пелымъ*, при р. Тавдѣ, и *Березовъ* подъ 65° с. ш. на Оби, имѣющіе историческую извѣстность, первый какъ мѣсто ссылки Бирона и Миниха, а второй какъ мѣсто заключенія Меншикова и Остермана. Единственный промыселъ этихъ суровыхъ мѣстностей состоитъ въ торговлѣ драгоцѣнными мѣхами, въ продажѣ мамонтовой кости, въ рыболовствѣ и въ сборѣ ягодъ, морошки и клюквы.

Главный городъ *Томской* губерніи, къ юго-западной части коей принадлежатъ главнѣйшіе округи рудныхъ горъ, есть *Томскъ*, лежащій недалеко отъ устья Томи, впадающей въ Обь. Окрестность города красива, а близость золотосодержащихъ копей придаетъ ему особенное значеніе въ Западной Сибири. Городъ основанъ въ 1604 г., и въ настоящее время есть мѣстопребываніе губернской администраціи; имѣетъ 20,000 жителей, нѣсколько церквей различныхъ вѣроисповѣданій, мечеть, гимназію и много красивыхъ зданій, не только казенныхъ, но и частныхъ. Фабричная промышленность развита тамъ слабо, зато скотоводство и рыболовство гораздо значительнѣе; что же касается ремесленной промышленности, то она ограничивается изготовленіемъ снарядовъ и орудій, необходимыхъ для горнаго дѣла. Обусловливаемая близостью

большаго торговаго тракта дѣятельность, а также близость золотопромывалень развили значительные торговые обороты съ прочими западно-сибирскими округами. Важнѣйшій изъ нихъ *Колыванскій* округъ, въ коемъ находятся богатѣйшіе горные заводы и золотоносные рудники Алтая, съ народонаселеніемъ въ 350,000 душъ, преимущественно работниковъ, занимающихся въ рудникахъ и на заводахъ, и крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, для исполненія разныхъ работъ. Къ произведеніямъ этого горнаго округа принадлежатъ золото, серебро, свинецъ, мѣдь и желѣзо; но кромѣ того, мѣстность эта извѣстна весьма прибыльными звѣринымъ и рыбнымъ промыслами и удовлетворительнымъ состояніемъ земледѣлія. Городъ *Колывань* расположенъ близъ рѣки Оби, въ дикой, гористой мѣстности, и окруженъ серебряными, мѣдными и желѣзными рудниками; произведенія, добываемыя изъ этихъ рудниковъ, отсылаются черезъ Тобольскъ въ Екатеринбургъ. Къ городу приписаны 15,000 жителей, которые однако же работаютъ по большей части на заводахъ, такъ что городъ все-таки имѣетъ довольно пустынный видъ. Еще бо́льшую важность имѣетъ *Барнаулъ*, близъ Оби. Барнаулъ, въ коемъ считается до 12,000 жителей, есть мѣстопребываніе главнаго управленія Алтайскаго горнаго округа и вообще главный плавильный дворъ Сибири и средоточіе металлургической дѣятельности на Алтаѣ. Городъ занимаетъ пространство въ 4 кв. версты, и выстроенъ правильно и красиво, съ прямыми, широкими, подъ прямымъ угломъ пересѣкающимися улицами, съ бульваромъ, аллеями и гульбищами, и имѣетъ приблизительно до 2,000 домовъ, изъ коихъ многіе каменные. Важнѣйшее заведеніе въ городѣ есть заводъ для плавленія золотой, серебряной, мѣдной и свинцовой рудъ, съ разнаго рода мастерскими и магазинами, черезъ который протекаетъ рѣка Барнаулка; водою этой рѣки приводятся въ дѣйствіе заводскія мастерскія, для чего вода отведена плотинами въ пруды, гдѣ постоянно и находятся достаточные ея запасы. Въ Барнаулѣ есть также госпиталь, му-

зеумъ азіятскихъ древностей, минералогическій кабинетъ, ботаническій садъ, горное училище, и т. п. Въ ремесленникахъ ощущается недостатокъ, но частое сообщеніе съ Москвою и ежегодная ярмарка въ Ирбитѣ удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ, даже требованіямъ роскоши. Общество въ Барнаулѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ служащихъ горнаго, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ, которые по большей части ведутъ веселый и открытый образъ жизни; почти всѣ они держатъ красивые экипажи, лѣтніе и зимніе; тамъ нѣтъ недостатка ни въ новѣйшихъ модахъ, ни въ собраніяхъ съ музыкою, пѣніемъ и танцами, ни даже въ сочувствіи къ наукамъ и искусствамъ, такъ какъ Барнаулъ есть центръ всѣхъ умственныхъ силъ Западной Сибири, а съ другой стороны пунктъ, куда стекаются доходы казны отъ всѣхъ рудниковъ и горныхъ заводовъ, принадлежащихъ къ этому горному округу.

Къ сѣверо-востоку отъ Барнаула, на р. Томи, лежитъ окружной городъ *Кузнецкъ*, съ крѣпостью, въ коемъ числится до 2,500 жителей. Кузнецкъ славится сереброплавильнымъ заведеніемъ и нѣсколькими золотопромывальнями; далѣе, у подножія Змѣиной горы, лежитъ *Змѣиногорскъ*, горнозаводскій городъ, съ 15,000 жителей, извѣстный огромными сереброплавильными заводами.

Города: *Семипалатинскъ*, на Иртышѣ, важный своимъ мѣновымъ дворомъ для торга съ киргизами; *Устькаменогорскъ*, на той же рѣкѣ, укрѣпленный городъ; *Бійскъ*, на р. Біи, принадлежащій къ землѣ сибирскихъ линейныхъ казаковъ. Всѣ эти города занимаются производствомъ торговыхъ дѣлъ съ киргизами и выдѣлкою кожъ и мыла.

Въ *Восточной Сибири* главный городъ *Иркутскъ* лежитъ при сліяніи рѣкъ Иркута и Ангары; здѣсь имѣютъ свое пребываніе епископъ, генералъ-губернаторъ и главнѣйшія власти Восточной Сибири, и здѣсь же сосредоточивается промышленность этого края. Въ городѣ насчитываютъ до 20,000 жителей, въ средѣ коихъ существуетъ особенная нѣ-

мецкая община, съ собственною церковью; есть духовная семинарія, гимназія, гдѣ преподаются китайскій и японскій языки, училища для тунгузовъ и бурятъ; существуютъ ученыя собранія и театръ. Изъ числа промышленныхъ заведеній, тамъ есть казенная суконная фабрика *), стекольный заводъ, кожевенные заводы, мыловарни, солеварни и водочные заводы. Особенную важность имѣетъ городъ въ торговомъ отношеніи, такъ какъ тамъ находится контора Россійско-Американской компаніи и главный складъ китайскихъ товаровъ. Городъ имѣетъ довольно оживленный характеръ, и славится своимъ красивымъ мѣстоположеніемъ на великолѣпной рѣкѣ; хотя городъ выстроенъ въ русскомъ вкусѣ, съ широкими улицами и высокими домами, однако образъ жизни самихъ жителей, не имѣющихъ впрочемъ недостатка даже въ предметахъ роскоши, носитъ на себѣ какой-то китайскій отпечатокъ.

Особенную важность еще имѣетъ городъ *Нерчинскъ*, съ 5,000 жителей, близъ впаденія р. Нерчи въ Шилку, которыя обѣ принадлежатъ къ рѣчной системѣ Амура. Нерчинскъ лежитъ въ низменной мѣстности, подверженной наводненіямъ; его значеніе, какъ крѣпости, вслѣдствіе перемѣщенія китайской границы, нынѣ упало. Вокругъ него, среди группы Даурскихъ горъ, расположены до 33 рудниковъ, изобилующихъ серебромъ, свинцомъ, желѣзомъ и многими другими драгоцѣнными минералами. Въ рудникахъ этихъ заняты до 4,000 рабочихъ, изъ коихъ до 1,000 каторжниковъ, находящихся по большей части на страшной глубинѣ: значительнѣйшій есть *Шилкинскій* заводъ, существующій съ 1765 г. *Баргузинскъ*, хотя и окружной городъ, но имѣетъ всего немного болѣе 500 душъ жителей; впрочемъ лѣтомъ, онъ имѣетъ довольно оживленный характеръ, такъ какъ по близости его открыты горячіе *Туркинскіе* источники, при которыхъ устроены

*) Принадлежавшая казнѣ *тельминская* суконная фабрика, въ 1861 г., перешла въ частныя руки. *Прим. перев.*

купальни для пользованія ревматическихъ и скорбутныхъ больныхъ. *Верхнеудинскъ*, на рѣкѣ Селенгѣ, съ 4,000 жителей; *Селенгинскъ*, натой же рѣкѣ, съ 1,000 жителей, и *Нижнеудинскъ* имѣютъ значеніе, какъ складочныя мѣста для торговли съ туземцами и для торговыхъ сношеній по китайской торговлѣ черезъ *Кяхту*. Этотъ маленькій, неказистый городокъ лежитъ на р. Селенгѣ, на высотѣ 2,340 фут. надъ уровнемъ моря, въ безплодной, безлѣсной и сухой странѣ, и имѣетъ только 300 жителей. Извѣстностью своею и значеніемъ, которое, впрочемъ, въ нынѣшнее время, находится уже въ упадкѣ, Кяхта обязана своимъ торговымъ сношеніямъ съ Китаемъ. Съ 1727 г., въ Кяхтѣ ежегодно бываетъ въ декабрѣ ярмарка, на которой производится дѣятельный обмѣнъ товаровъ. Изъ русскихъ товаровъ сбываются мѣха, кожи, войлокъ, полотно, сукна, шерстяныя издѣлія, золото, серебро и желѣзо, а изъ Китая привозятъ чай, ревень, мускусъ, шелкъ, бумажныя и фарфоровыя издѣлія. Такъ какъ кратчайшее разстояніе Кяхты отъ С.-Петербурга 940 миль, то доставка товаровъ изъ одного мѣста въ другое требуетъ двухъ лѣтъ времени. Въ Кяхтѣ есть библейское общество для распространенія христіанства между туземцами, изъ коихъ многіе язычники. Главный городъ Енисейской губерніи, *Красноярскъ*, ведетъ оживленный сухопутный торгъ съ Китаемъ. *Енисейскъ* извѣстенъ какъ складочное мѣсто китайскихъ и сибирскихъ издѣлій, отправляемыхъ въ Европу. Въ августѣ, когда судоходство наиболѣе оживлено, въ Енисейскѣ бываетъ ярмарка.

Якутскъ, главный городъ соименной области, есть главное складочное мѣсто для восточно-сибирской мѣховой торговли, такъ какъ сюда доставляются всѣ продукты, идущіе черезъ Охотскъ, имѣющій важность для торговли съ Америкою и для сношенія съ Камчаткою. Ежегодные обороты Якутска мѣхами цѣнятся въ 70—80,000 руб.

Что касается до коренныхъ туземцевъ Сибири, то они численностью своею превосходятъ русскихъ, которые изъ пришельцевъ сдѣлались теперь господствующимъ классомъ.

Всѣ эти номады, распадающіеся на безчисленное множество подраздѣленій, нерѣдко состоящихъ только изъ нѣсколькихъ семействъ, суть отрасли одного великаго племени *монголовъ*, отчизна коихъ есть задне-азіятская возвышенность. Много сродства съ этими племенами, не столько относительно тѣлосложенія и очертанія лица, сколько въ отношеніи языка, имѣютъ *тунгузы* и *тюрки*, которые живутъ вообще въ перемежку на всемъ пространствѣ обширной Русской Имперіи. Въ предѣлахъ Тобольской губерніи, изъ числа *татарскихъ племенъ*, причисляемыхъ къ кавказской расѣ, живутъ *туралинцы* и *барабинцы*, занимающіеся ремеслами, скотоводствомъ и земледѣліемъ, и исповѣдующіе исламъ. Впрочемъ, послѣднее племя предано болѣе звѣриному промыслу и рыболовству, такъ что барабинцы, только зимою живутъ въ войлочныхъ юртахъ, лѣтомъ же кочуютъ съ своимъ скотомъ по степямъ и болотамъ: они имѣютъ своихъ собственныхъ старшинъ, и численность ихъ опредѣляютъ по числу котловъ.

Къ чудско-угрской отрасли великой семьи народовъ принадлежатъ малочисленныя племена *вогуловъ*, существующихъ преимущественно охотою, но занимающихся также земледѣліемъ и скотоводствомъ, такъ что, смотря по свойствамъ почвы, на которой живутъ, они держатъ или табуны лошадей, или стада оленей; зимою они складываютъ себѣ деревянныя избы, а лѣтомъ строятъ остроконечныя юрты, неохотно мѣняя мѣстность своихъ жилищъ. Хотя они весьма неопрятны и склонны къ пьянству, однако ведутъ тихій и порядочный образъ жизни; даже и тѣ изъ вогуловъ, которые приняли христіанство, имѣютъ обыкновеніе покупать своихъ женъ, не отличающихся впрочемъ красотою; бо́льшая же часть изъ нихъ исповѣдуютъ шаманство и поклоняются духу, присущему въ солнцѣ; они раздѣляются на нѣсколько родовъ, состоящихъ нерѣдко изъ небольшаго числа семействъ. Въ тундрахъ крайняго сѣвера обитаютъ обскіе *остяки*, племя малорослое, слабосильное и съ тонкими ногами; лице у остяковъ гладкое, безъ выраженія, волосы

рыжеватые; многіе изъ нихъ татуируются; одежда ихъ состоитъ изъ звѣриныхъ шкуръ и мѣха; зимою они живутъ въ деревянныхъ хижинахъ, а лѣтомъ въ пирамидальныхъ юртахъ. Образъ жизни ихъ отличается отвратительною неопрятностью; охота и рыбная ловля составляютъ ихъ главныя занятія. Остяки принадлежали прежде къ шаманской религіи, но въ настоящее время приняли святое крещеніе; не смотря на то, они и теперь еще оказываютъ религіозное почтеніе медвѣдю. Другую отрасль той же семьи народовъ составляютъ *самоѣды*, живущіе на самомъ крайнемъ сѣверѣ. Самоѣды бываютъ небольшаго роста, отъ 4 до 5 фут., и имѣютъ весьма непріятный видъ: коренасты, съ короткими ногами, толстою и плоскою головою, большими ушами и ртомъ, маленькими, продолговатыми глазами; кожа у нихъ жирная, блестящая, желтобураго цвѣта, а волосы черные и щетинистые, которые они на подбородкѣ вырываютъ. Женщины достигаютъ у нихъ весьма рано зрѣлости, дѣлаясь матерями уже въ 11 или 12 лѣтъ, и весьма плодовиты, но въ 30 лѣтъ становятся уже старухами. Характеръ этого народа добродушный и честный, но зато они необыкновенно какъ лѣнивы, нетрезвы и грязны. Живутъ они въ юртахъ, складываемыхъ изъ жердей, и покрываемыхъ березовыми вѣтвями и оленьими шкурами, и лѣтомъ мѣняютъ свое мѣстопребываніе по крайней мѣрѣ разъ 14. Все ихъ богатство составляютъ стада оленей, да еще рыбный промыселъ. Самоѣды почитаютъ верховное божество—*Нума* и другихъ подчиненныхъ ему боговъ, которыхъ они дѣлаютъ изъ дерева въ человѣческомъ образѣ, и имѣютъ нѣкоторыя, хотя довольно грубыя, понятія о будущей жизни, а также о наказаніи и наградѣ послѣ смерти. Женъ себѣ они покупаютъ и содержатъ ихъ по нѣскольку, заставляя ихъ исполнять бо́льшую часть работъ.

Въ Томскѣ смѣшеніе народовъ еще значительнѣе, такъ какъ однихъ татаръ, кочевыхъ и осѣдлыхъ, тамъ насчитываютъ до 12 различныхъ родовъ, между которыми есть дво-

Калмычки въ юртѣ.

рянскія и княжескія семейства. Различаясь между собою нравами и обычаями, а также нарѣчіемъ, они однако же схожи между собою общимъ очертаніемъ лица, доказывающимъ общность ихъ происхожденія; что касается до вѣроисповѣданія, то одни изъ нихъ исповѣдуютъ шаманскую религію, другіе христіане, а третьи мусульмане. Обитающіе тамъ монголы принадлежатъ преимущественно къ *западной* или *калмыцкой* отрасли этого племени, составляющей безспорно самую многочисленную и знаменитую часть монгольскаго народа, который, въ своихъ древнихъ осѣдлостяхъ, состоитъ подъ китайскимъ владычествомъ. Самъ народъ этотъ придаетъ себѣ названіе *Дербенъ-Эретъ*, т. е. четыре соединенныя народности. Главнѣйшая вѣтвь этой отрасли, *олеты* или *элеуты*, частью признала добровольно владычество Россіи, а частью еще и нынѣ ведетъ непостоянный, бродячій образъ жизни, платя дань то русскимъ, то китайцамъ. Отдѣльные роды и теперь еще управляются князьками или султанами, происходящими отъ Чингисъ-Хана. Откровенность и любопытство, нѣкоторая живость и раздражительность, равно какъ склонность къ воровству и къ мести, вообще же значительная степень добродушія и вѣрности, отличаютъ этотъ народъ, который, будучи приверженъ къ кочевой жизни, постоянно возитъ свои войлочныя юрты съ мѣста на мѣсто. Монголы эти ловко владѣютъ копьемъ и очень хорошо умѣютъ стрѣлять изъ луковъ; любимый ихъ напитокъ—кумысъ, изготовляемый изъ перебродившаго кобыльяго молока, которымъ они напиваются до-пьяна. Всѣхъ калмыковъ подъ русскимъ владычествомъ, отчасти перешедшихъ въ христіанство, отчасти исповѣдующихъ магометанскую и буддійскую вѣру, насчитываютъ теперь 120 — 125,000 душъ. Со стороны Россіи сдѣлано очень много для ихъ просвѣщенія: между прочимъ, для образованія хорошихъ переводчиковъ и служащихъ, знающихъ ихъ языкъ, учрежденъ былъ въ 1829 г. особенный калмыцкій институтъ. Впрочемъ, у калмыковъ есть самостоятельная литература, въ которой подвизается

буддійское духовенство, пользующееся у нихъ деспотическою властью.

Въ арктическомъ поясѣ бродятъ нѣсколько малочисленныхъ *самоѣдскихъ* племенъ, ведущихъ жизнь рыболововъ и охотниковъ, и говорящихъ различными, хотя и сродственными нарѣчіями. Живутъ они въ дикихъ мѣстностяхъ, въ

Шаманы во время религіозной пляски.

крайней бѣдности, питаясь преимущественно рыбою, дикими ягодами и произведеніями своихъ оленьихъ стадъ, и не только лѣто, но и зиму проводятъ въ бѣдныхъ хижинахъ и землянкахъ или зимовьяхъ. Значительная часть изъ нихъ крещены,

но прочіе принадлежатъ къ шаманству, и притомъ подъ самыми разнообразными и странными формами. Всѣ шаманы сходятся между собою въ поклоненіе одному верховному божеству, творцу всего существующаго, котораго они называютъ различными именами, и изображаютъ въ разныхъ видахъ. Этому верховному божеству придаютъ они много подчиненныхъ боговъ, добрыхъ и злыхъ, о которыхъ у нихъ существуютъ нелѣпыя понятія, и которыхъ они почитаютъ отчасти подъ видомъ созвѣздій и отчасти въ различныхъ явленіяхъ природы. Злые духи подчинены діаволу, который называется шайтаномъ, и послѣ верховнаго божества считается главнымъ. Храмовъ у нихъ не имѣется; поэтому они приносятъ жертвы своимъ богамъ подъ открытымъ небомъ, на камняхъ, въ лѣсахъ, или юртахъ; они изготовляютъ себѣ идоловъ изъ различнаго матеріяла. Продолженіе существованія послѣ смерти составляетъ у нихъ общее вѣрованіе; служители ихъ боговъ — ловкіе чародѣи, и пользуются большимъ вліяніемъ у суевѣрнаго народа. Женскій полъ у всѣхъ поклонниковъ шаманства считается нечистымъ, и многоженство распространено почти повсюду.

Въ Восточной Сибири, къ татарскому племени принадлежатъ *якуты*, превосходящіе въ ремеслахъ прочихъ сибирскихъ инородцевъ, — впрочемъ это народъ преимущественно пастушескій, хотя онъ кромѣ того еще занимается охотою, а также перевозкою товаровъ. Изъ нихъ многіе уже крещены, но шаманство, все еще господствуетъ у нихъ. На сѣверъ отъ *Гоби*, въ Дауріи и по Селенгѣ, живутъ *калки*, или настоящіе монголы, признаваемые за первобытный монгольскій народъ. Они до сихъ поръ еще сохраняютъ лучше, чѣмъ другое какое либо племя, всѣ особенности образа жизни, типа и образованности этого народа. По большей части калки бываютъ средняго роста, но крѣпкаго тѣлосложенія, и скорѣе сухощавы, чѣмъ жирны, отличаясь плоскимъ черепомъ, небольшими и узкими глазами, суженными къ концамъ, малымъ, приплюснутымъ носомъ, толстыми губами,

большими торчащими ушами и кривыми ногами, съ выгнутыми колѣнами, что происходитъ отъ постояннаго сидѣнья на лошади; волосъ на бородѣ у нихъ бываетъ весьма мало, а цвѣтъ кожи ихъ красноватый и изжелта бурый. Особенно славятся они тонкимъ слухомъ и острымъ зрѣніемъ, такъ что весьма далеко замѣчаютъ едва поднимающійся тонкій дымокъ или пыль, и слышатъ малѣйшій шумъ. По характеру своему, они—народъ смирный, отличающійся откровенностью, умѣренностью, спокойствіемъ, тихими чувствами и глубиною ощущеній; но зато къ дурнымъ сторонамъ ихъ характера слѣдуетъ причислить лѣность, неряшество, напыщенность и чванство. Главную ихъ добродѣтель составляетъ истинное, несомнѣнное гостепріимство. Одежда ихъ отличается вполнѣ восточнымъ характеромъ, а жилища ихъ состоятъ изъ круглыхъ переносныхъ войлочныхъ палатокъ, или юртъ, поддерживаемыхъ рядомъ жердей, которыя вверху соединены кольцомъ и переплетены волосяными веревками. Съ одной стороны такой палатки оставляется выходъ, который завѣшивается ковромъ. Присмотръ за домашнимъ хозяйствомъ предоставляется вполнѣ женамъ, число которыхъ бываетъ произвольно, и которыя нерѣдко, вмѣстѣ съ дѣтьми, живутъ отдѣльно отъ мужей, въ особыхъ палаткахъ. Подобно своимъ предкамъ, калки занимаются преимущественно скотоводствомъ, и ихъ главное богатство заключается въ стадахъ длиннохвостыхъ овецъ-курдюковъ, верблюдовъ, лошадей,ословъ и рогатаго скота, вслѣдствіе чего мясо, молоко, масло и сыръ составляютъ ихъ главное богатство. Изъ растительной пищи, у нихъ въ употребленіи одинъ только кирпичный чай, получаемый ими отъ китайцевъ, въ видѣ твердыхъ плитокъ. Калки въ одинаковой степени пренебрегаютъ земледѣліемъ и ремеслами, и, кромѣ удовлетворенія своихъ необходимыхъ потребностей, занимаются только выдѣлкою войлока и мѣховъ. Имѣя многочисленныя стада и табуны, они принуждены, для пріисканія имъ достаточнаго корма въ бѣдной и изсохшей странѣ, часто переносить свои кочевья, такъ что,

переходя постоянно съ мѣста на мѣсто, они до сихъ поръ еще не выступали изъ тѣсныхъ предѣловъ кочевой жизни, и раздѣляются на племена или аймаки, состоящіе подъ управленіемъ природныхъ князьковъ. За исключеніемъ небольшаго числа, принявшаго христіанство, весь народъ принадлежитъ къ буддійскому вѣроисповѣданію, и признаетъ Далай-Ламу своимъ верховнымъ религіознымъ главою. Далай-Ламѣ непосредственно подчинены прочіе ламы, раздѣляющіеся на три разряда, между коими есть и монашествующіе ламы. Обряды богослуженія совершаются у нихъ въ небольшихъ деревянныхъ храмахъ, устраиваемыхъ въ формѣ индійскихъ пагодъ.

Совершенно отдѣльно отъ калмыковъ живутъ *буряты*, распространившіеся далеко къ сѣверу, но преимущественно сосредоточенные вокругъ Байкальскаго озера и по Енисею; народъ этотъ состоитъ изъ 77 аймаковъ, или родовъ, въ которыхъ насчитываютъ до 100,000 душъ. По наружному виду и по строенію тѣла, буряты болѣе приближаются къ калмыкамъ, нежели къ калкамъ; впрочемъ, они не такъ неуклюжи и жирны, какъ калмыки, и менѣе ихъ неловки; не смотря на свое приземистое и плотное сложеніе, они имѣютъ гибкіе и хорошо развитые члены, и отличаются узкими, черными глазами, сближенными къ носу, плоскими, ровными бровями, тупымъ приплюснутымъ носомъ, выдающимися скулами, длинными торчащими ушами, весьма бѣлыми зубами и рѣдкою бородою. Характеръ у бурятъ подозрительный, сдержанный и непривлекательный; притомъ они лѣнивы и сонливы, но честны и непричастны ни скупости, ни жадности, ни кражѣ. Отличаясь вообще способностью къ тѣлеснымъ упражненіямъ, буряты извѣстны за хорошихъ наѣздниковъ и стрѣлковъ; они управляются природными старшинами, изъ числа которыхъ выбираются три князя или тайджи, утверждаемые въ своемъ достоинствѣ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Одежду носятъ они кожаную, обшитую дорогимъ мѣхомъ; вмѣсто прежнихъ войлочныхъ юртъ, они начинаютъ теперь все чаще строить себѣ

шести и осьми-угольныя деревянныя избы, и это обстоятельство способствуетъ переходу ихъ къ болѣе осѣдлой жизни, такъ что, вмѣсто прежнихъ, исключительныхъ занятій охотою и скотоводствомъ, они начинаютъ теперь учиться разнымъ ремесламъ, и преимущественно занимаются ковкою желѣза. Хотя число принявшихъ святое крещеніе постоянно увеличивается между ними, однако же, большая часть бурятъ признаютъ буддійскую вѣру особаго толка, и поклоняются верховному богу Окторгонъ-Бурхану или Тингири-Бурхану; подъ его начальствомъ, въ качествѣ подчиненныхъ боговъ, состоятъ планеты, а злое начало имѣетъ представителемъ Окодёля, повелителя злыхъ духовъ. Ламы ихъ могущественны и обладаютъ нѣкоторымъ познаніемъ въ словесности и въ медицинѣ; храмы ихъ строятся преимущественно въ видѣ красивыхъ пагодъ, въ китайскомъ стилѣ, и наполнены разными изображеніями идоловъ, которыя дѣлаются изъ дерева, жести, войлока и ягнячьихъ шкурокъ, и окрашиваются сажею. Женщины считаются у бурятъ нечистыми, и не смѣютъ приближаться къ алтарямъ; мужчина даже никогда не сядетъ на мѣсто, на которомъ прежде его сидѣла женщина, до тѣхъ поръ, пока мѣста этого не окурятъ. Хотя многоженство и допускается, но оно не въ общемъ обыкновеніи. Языкъ, на которомъ говорятъ буряты, есть нарѣчіе монгольскаго.

Между рѣками Енисеемъ и Леною, на сѣверъ и востокъ отъ Даурiи, до береговъ Тихаго океана, обитаетъ другая отрасль монгольскаго племени — *тунгузы*, число которыхъ простирается до 30,000 душъ. По занятіямъ и животнымъ, которыхъ они употребляютъ, ихъ раздѣляютъ на оленьихъ, собачьихъ, конныхъ, лѣсныхъ и береговыхъ. Тунгузы правильно сложены, статны и обыкновенно бываютъ средняго роста; лица у нихъ не такъ плоски, какъ у настоящихъ монголовъ, но зато тѣ же самые глаза, какъ у послѣднихъ, такой же носъ, черные волосы и желтый цвѣтъ кожи; они отличаются необыкновенно тонко развитыми чув-

ствами, очень веселы, живы и остроумны; языкъ, которымъ они говорятъ, отличается отъ прочихъ нарѣчій. При свойственной имъ энергіи и силѣ, они, безъ особыхъ затрудненій, преодолѣваютъ негостепріимную природу, среди которой живутъ. Лѣто и зиму проводятъ они въ постоянныхъ перекочевкахъ, перенося съ мѣста на мѣсто свои конусообразныя юрты, и только изрѣдка остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ болѣе недѣли, считая осѣдлую жизнь величайшимъ для себя несчастіемъ. Преимущественно занимаясь оленеводствомъ, а въ Дауріи коноводствомъ, они очень гордятся богатствомъ своихъ стадъ и табуновъ, и рѣдко рѣшаются на убой какого-нибудь животнаго, развѣ если оно подверглось поврежденію, вслѣдствіе котораго непремѣнно должно погибнуть. Пускаясь въ дорогу, они сами садятся на оленей, которые посильнѣе, а на прочихъ навьючиваютъ дѣтей, которыхъ усаживаютъ въ корзины, выложенныя мхомъ, одежду, домашнюю утварь, съѣстные припасы и свои юрты; навьюченныхъ, такимъ образомъ, животныхъ они обыкновенно ведутъ за собою связанными, слѣдуя за своими стадами, направляющимися туда, гдѣ виднѣются тучныя пастбища. Строя себѣ чумы, или юрты, они стараются придать имъ форму конусовъ, и вверху оставляютъ отверзтіе, черезъ которое постоянно выходитъ дымъ, такъ какъ посрединѣ чума бываетъ обыкновенно разведенъ огонь (чувалъ), вокругъ котораго тунгузы сидятъ, скорчившись, и нерѣдко даже засыпая въ этомъ положеніи. Хотя въ попыткахъ, имѣющихъ цѣлію обращеніе тунгузовъ въ христіанство, и нѣтъ недостатка, однако же бо́льшая часть изъ нихъ все еще остаются язычниками; даже прежніе ихъ повелители — буряты, не могли заставить ихъ принять ламайское богослуженіе: большинство тунгузовъ все еще привержено къ шаманству, и поклоняется солнцу и его изображенію, огню. Они отличаются необыкновенно точнымъ исполненіемъ даннаго обѣщанія, равно какъ совершеннымъ отсутствіемъ зависти, жадности и корыстолюбія. Мно-

гоженство у нихъ преобладаетъ, причемъ они довольно равнодушны, относительно исключительнаго обладанія своими женами. У тунгузовъ существуетъ странный обычай — вѣшать своихъ мертвецовъ между двумя деревьями, уложивъ ихъ въ ящики, въ роскошной одеждѣ. Языкъ ихъ раздѣляется на нѣсколько нарѣчій, изъ числа которыхъ особенно замѣчательно нарѣчіе племени ламутовъ, которое, въ числѣ 3,000 душъ, кочуетъ по берегамъ Тихаго океана. Признавая то же высшее благородное сословіе, они состоятъ подъ управленіемъ старшинъ, которыхъ избираютъ сами; у нихъ еще до сихъ поръ сохранились остатки прежней гражданственности.

На крайнемъ сѣверѣ Восточной Сибири обитаютъ, кромѣ коряковъ, изъ которыхъ одни осѣдлые, а другіе кочующіе, еще чукчи и юкагиры, приверженные по большей части къ шаманской вѣрѣ.

Къ югу отъ горы *Чокондо*, гигантской вершины великой горной системы, служащей не только водораздѣльнымъ узломъ значительныхъ рѣкъ, но и границею между Россійскою и Китайскою имперіями, разстилается далеко на западъ и востокъ плоская возвышенность Монголіи, поднимающаяся надъ моремъ отъ 8—10,000′, и только въ самыхъ низменныхъ долинахъ на 5,000′. Сѣверное пограничное очертаніе этого плоскогорья было указано нами выше, при описаніи сибирскихъ отраслей алтайской горной системы; юговосточная же граница ея, касающаяся китайскаго плоскогорья, этого продолженія горъ Тибета, на коихъ возвышается знаменитая китайская стѣна, опоясываетъ возвышенное плато, и подъ названіемъ горъ Ингана или Сіелки, вторгается въ сѣверовосточномъ направленіи въ Манчжурію, образуя своими оконечностями нѣсколько мысовъ, выдающихся въ воды Охотскаго моря. Впрочемъ, эта южная граница не входитъ въ предѣлы тѣхъ мѣстностей, описанію коихъ посвященъ нашъ настоящій трудъ. Что же касается до монгольскаго плоскогорья, то это высокое, широкое плато

отличается не только нѣсколькими, болѣе или менѣе широкими и постоянно длинными горными цѣпями, но и разными пониженіями.

Обитатели *великой Гоби*, этой страны, откуда вышли три наиболѣе удивительные поработителя рода человѣческаго, не смотря на многочисленныя орды, коими они наводняли Азію и Европу, ниспровергая цѣлыя государства и задерживая развитіе образованности, никогда, однако же, не достигали на своей родинѣ той значительной численности, которою отличались осѣдлые жители нѣкоторыхъ странъ Европы. Изъ своихъ первоначальныхъ мѣстъ осѣдлости, лежащихъ къ юго-востоку отъ озера Байкала, толпы этихъ кочевниковъ разливались, въ разныя времена, по всѣмъ странамъ свѣта, и, претерпѣвъ многообразныя перемѣны судьбы, возвращались опять назадъ, на родину, гдѣ и теперь бродятъ еще, по примѣру своихъ предковъ, по сѣверной и южной окраинамъ Гоби. Обитатели южной окраины всегда оказывали своимъ повелителямъ гораздо болѣе покорности, нежели свободный царственный народъ сѣвера, сохранившій нравы предковъ и независимость даже послѣ изгнанія изъ Китайской имперіи, которой они дали династію государей, царствовавшихъ съ наибольшею славою. Впрочемъ, въ теченіе послѣднихъ полутора столѣтій, русская политика, не столько оружіемъ и силою, сколько дѣйствіемъ своей высшей цивилизаціи, распространила вліяніе своего владычества и на обитателей Гоби. При господствующемъ у монголовъ образѣ жизни, каждое семейство требуетъ для себя такого участка земли, какого было бы достаточно для прокормленія ста осѣдлыхъ семействъ, занимающихся хлѣбопашествомъ. Изъ 90,000 кв. миль нынѣшней Монголіи, третья часть представляетъ негостепріимную пустыню, годную для того, чтобы доставить человѣку только временное пребываніе; остальное же затѣмъ пространство едва содержитъ до четырехъ милліоновъ населенія, такъ что если народонаселеніе въ прежнія времена возрастало на одинъ милліонъ, то

значительная часть его вынуждена была покидать свои кочевья въ сосѣднихъ долинахъ и переходить въ пустыню, для снисканія себѣ средствъ къ существованію, вслѣдствіе чего, при господствующемъ въ народѣ мощномъ національномъ духѣ, та часть населенія, существованію коей грозилъ голодъ, постоянно давала толчекъ къ выселенію. Только тогда, когда со вступленіемъ въ XIII столѣтіи въ управленіе Китайскою имперіею монгольской династіи Юнъ, къ монголамъ начала проникать болѣе кроткая буддійская религія, дикіе завоеватели отказались отъ своихъ кровожадныхъ обыкновеній, и превратились въ болѣе мирный пастушескій народъ. По своему виду и наружности мало отличаясь отъ описанныхъ нами выше сибирскихъ племенъ, обитатели Монголіи, безъ исключенія, носятъ на себѣ племенной отпечатокъ, который не только не исчезаетъ отъ примѣси чуждой крови, но даже легко и надолго сообщается другимъ племенамъ кавказской расы. Что касается до характера монголовъ, то онъ хотя и различается у различныхъ племенъ болѣе или менѣе рѣзкими оттѣнками, но вообще должно сказать, что заслуживаетъ похвалы. Монголы сохранили до сихъ поръ, свойственныя всѣмъ дѣтямъ природы, добродѣтели: гостепріимство, умѣренность, откровенность и честность, и отличаются не только мягкосердечіемъ, но и замѣчательнымъ спокойствіемъ духа. Оставаясь попрежнему воинственными, монголы гордятся славою, пріобрѣтенною ихъ племенемъ, и не пренебрегаютъ поэтическими занятіями. Однако жъ, ихъ наклонность къ покою нерѣдко вырождается въ лѣность и неряшество, и ихъ воинскій духъ часто переходитъ въ личный задоръ, служащій поводомъ къ междоусобнымъ раздорамъ. Занятія мужа ограничиваются обыкновенно охотою и воинскими предпріятіями, зато на обязанности жены лежитъ попеченіе о домашнемъ хозяйствѣ и о воспитаніи дѣтей, уходъ за скотомъ, изготовленіе одежды и прокормленіе всей семьи. Большимъ вліяніемъ между монголами пользуется Кутухта — представи-

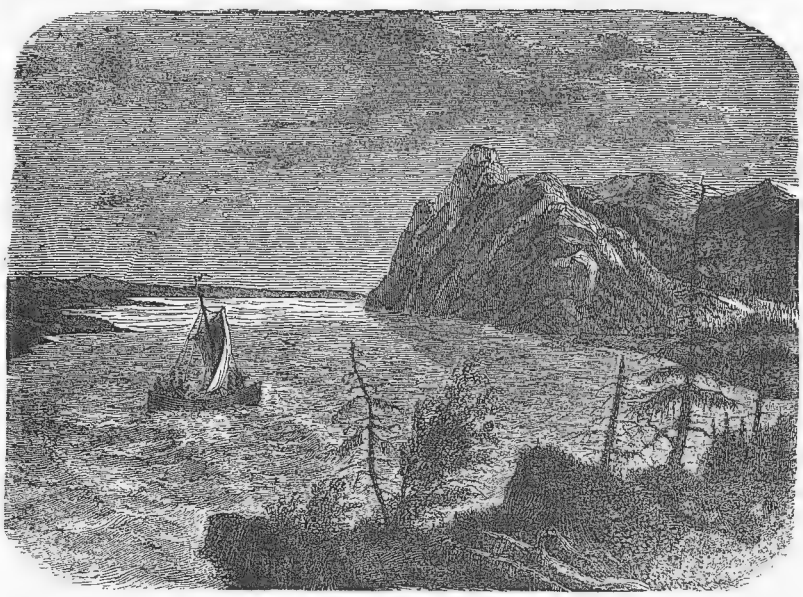
тель верховнаго священнослужителя Далай-Ламы, пребывающаго въ Тибетѣ, и служащаго видимымъ олицетвореніемъ Будды. Кутухта имѣетъ пребываніе въ богатомъ монастырѣ, при которомъ состоитъ многочисленный духовный персоналъ и цѣлый хоръ музыкантовъ съ длинными трубами, барабанами и разнаго вида тазами, извѣстными подъ названіемъ тамтамовъ. При храмахъ и у начальниковъ отдѣльныхъ племенъ нерѣдко имѣются книги, писанныя на древнемъ акшарскомъ нарѣчіи, состоящемъ изъ 98 различныхъ знаковъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣютъ значеніе слоговъ. Судъ производится у нихъ на основаніи сборника законовъ, составленнаго въ 1670 г. и утвержденнаго 44 князьями и главными начальниками. Этотъ сборникъ законовъ, между прочимъ, замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ за всѣ возможныя преступленія назначены наказанія. Дѣла особенной важности обсуждаются и рѣшаются сообща, причемъ созываемыя съ этою цѣлью собранія составляютъ, въ такихъ случаяхъ, судилища, которыя, въ нѣкоторомъ родѣ, походятъ на Божій судъ. У монголовъ существуютъ сословныя раздѣленія на князей съ различными титулами, на благородныхъ или зайсановъ, на свободныхъ и рабовъ; но кромѣ того, есть еще іерархическія подраздѣленія въ классѣ духовныхъ. У монголовъ въ большомъ употребленіи разнаго рода игры, стрѣльба въ цѣль, верховыя скачки, пантомимы и танцы, сопровождаемыя скрипками и флейтами. Монголы извѣстны, какъ хорошіе игроки въ шахматы. Къ числу ихъ религіозныхъ празднествъ принадлежатъ, между прочимъ, сожиганіе мертвыхъ тѣлъ знатныхъ особъ; зато мертвыхъ изъ низшаго класса погребаютъ безъ торжественныхъ обрядовъ, или ставятъ ихъ въ могилахъ, окруженныхъ стѣною. — Мужчины умѣютъ приготовлять только луки, стрѣлы и копья; женщины сами должны заботиться о своихъ потребностяхъ, выдѣлывая сукна, войлоки, а также одежду, сѣдла и узды изъ кожъ собственной обработки. Предметы, болѣе цѣнные, служащіе для украшенія женскаго

туалета, добываютъ мужья изъ Китая, и даже изъ Кашмира и Индостана. Торговыя сношенія монголовъ производятся посредствомъ каравановъ, которые ежегодно, въ опредѣленное время, приходятъ съ товарами, совершая переходъ черезъ пустыню по пути, на которомъ, въ извѣстныхъ разстояніяхъ, вырыты колодцы и устроены защищенныя изгородью мѣста для остановокъ. Распродавъ часть своихъ товаровъ по пути, караваны складываютъ остальные свои товары въ Маймачинѣ, для отправки въ Россію.

Хотя описанныя нами здѣсь кочующія племена и состоятъ подъ властью Китая, однако внутреннее ихъ управленіе находится въ рукахъ ихъ природныхъ князей; награждая послѣднихъ разными почетными титулами, китайское правительство требуетъ, чтобы они, съ своей стороны, вносили дань, состоящую обыкновенно изъ скота и разной рухляди, и чтобы они, кромѣ того, время отъ времени, являлись къ императору лично съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Степень зависимости этихъ племенъ отъ китайскаго правительства и дѣйствительный вносъ дани бываютъ весьма различны; но вообще можно сказать, что китайскіе гарнизоны, расположенные въ устроенныхъ ими крѣпостяхъ и городахъ, имѣютъ ничтожное значеніе. Въ административномъ отношеніи, управленіе раздѣляется теперь на 4 большія отдѣленія, состоящія каждое въ вѣдѣніи особаго ванга, или китайскаго генералъ-губернатора. Четыре отдѣленія эти суть: Шарра, составляющая юговосточную часть Монголіи, граничащую съ великою стѣною, и пользующуюся особенно счастливымъ мѣстоположеніемъ; обитатели Шарры принадлежатъ къ четыремъ, наиболѣе образованнымъ и достаточнымъ племенамъ монгольскаго народа, но они и ощущаютъ наиболѣе тяжесть владычества китайцевъ и манчжуровъ. Ихъ называютъ шарраиголами, по причинѣ желтаго цвѣта ихъ одежды. Въ южной части Шарры находятся нѣсколько китайскихъ городовъ и крѣпостей, а при ничтожномъ Джеголѣ, считающемся главнымъ городомъ, на-

ходятся знаменитые императорскіе сады и дворцы и богатый храмъ Будды. — Сѣверовосточная часть, простирающаяся отъ Алтайскихъ горъ до Манчжуріи, и граничащая на сѣверѣ съ Россіею, а на юго-западѣ съ Турфаномъ, есть Монголія халковъ, родина Чингисъ-Хана и всего народа, освященная его исторіею. Здѣсь лежитъ городъ *Урга* или *Куре*, мѣсто состоящее изъ 6,000 постоянныхъ юртъ, которыя раздѣлены лужайками и пустымъ пространствомъ на нѣсколько кварталовъ; кварталы эти окружены досчатыми заборами, съ воротами для прохода. Китайскій кварталъ, гдѣ имѣетъ пребываніе вангъ, состоитъ изъ крѣпкихъ домовъ съ садами. Въ кварталѣ этомъ также находится гарнизонъ, живутъ купцы и ремесленники, и имѣетъ свое пребываніе кутухта съ ламами; кромѣ того, тамъ много красивыхъ храмовъ. Мѣстоположеніе у подножья Кинганъ-Ула (царской горы) великолѣпно, и имѣетъ въ глазахъ монгола особенное значеніе по многимъ памятникамъ. Кромѣ Урги, важнѣйшаго города въ Монголіи, обитаемой халками, особенно замѣчателенъ Маймачинъ, небольшое торговое мѣстечко, расположенное почти на самой русской границѣ, напротивъ Кяхты. Самая большая и самая дикая часть Гоби приходится на долю этой провинціи. Къ западу отъ послѣдней, гранича съ горами Тарбагатая и Малаго Алтая, а также степями киргизскими, лежитъ *Джунгарія*, обширная мѣстность, составлявшая когда-то могущественное государство, но въ 1759 г., послѣ кровопролитной борьбы, покоренная Китаемъ. Народонаселеніе этой страны принадлежитъ къ калмыцкому племени въ разныхъ отрасляхъ его и видахъ. Въ сѣверной полосѣ, вокругъ озеръ Зайсана и Ала-Кула, ближе къ горамъ Тарбагатая и Ала-Тау, живутъ два кочующія киргизскія племени, хазаки и буруты, состоящія подъ властью собственныхъ князей, и пользующіяся значительною степенью независимости, хотя они платятъ дань то Китаю, то Россіи. Встрѣчающіеся въ этой землѣ города и крѣпости, выстроенные китайцами вдоль караваннаго пути, имѣютъ весьма ма-

лое значеніе. — Четвертую, юговосточную часть Монголіи составляетъ Кочотай, граничащій съ Тибетомъ, Турфаномъ и Китаемъ. Альпійская страна эта, отличающаяся красотою мѣстоположенія и заключающая внутри плодородныя степныя пространства, населена калмыцкими племенами. Племя, живущее наиболѣе къ югу, *кочоты* или *сифаны*, раздѣляющіеся, по цвѣту своихъ палатокъ, на желтыхъ или черныхъ, славятся мужествомъ и крѣпостью, и не платятъ дани. Въ землѣ этой тоже нѣтъ городовъ, изъ числа китайскихъ колоній, которые имѣли бы особенное значеніе.



Видъ по теченію Верхняго Амура.

IV.

Прибрежье Амура и его населеніе.

Амуръ. — Притоки. — Устье. — Истоки Амура: Ингода, Ононъ, Шилка, Керлонъ, Амуръ, Чикири, Зунгари, Нонни Уссури. — Свойства почвы. — Климатъ. — Флора. — Минеральное царство. — Животныя. — Народонаселеніе. — Манчжуры. — Ньютчи. — Владычество манчжуровъ въ Китаѣ. — Императоръ Канси. — Династія Тэинъ. — Манчжуры, даурцы и тагурцы. — Солонъ. — Махонъ Солонъ. — Талохонъ Солонъ. — Гумары. — Гиляки. — Юпитазе. — Орочоны и бичи. — Управленіе страною.

Къ западу отъ Монголіи и къ югу отъ владѣній Россіи, въ сѣверовосточной Азіи, простирается, на протяженіи 23° долготы и 15° широты, земля, омываемая съ восточной стороны Японскимъ моремъ; земля эта, получившая названіе отъ покорившаго ее народа, манчжуровъ, заключаетъ теперь, по увѣренію китайскихъ географовъ, до 36,780 кв. миль. Въ послѣднее время, почти все это обширное пространство

русское искусство и энергія сумѣли присоединить къ колоссальной славянской державѣ. Манчжурія принадлежитъ къ возвышенному плато Азіи, и достигаетъ высоты 5,000 ф. надъ уровнемъ моря, съ пониженіемъ къ востоку и къ берегу моря. Страна эта имѣетъ видъ правильнаго четвероугольника, заключеннаго со всѣхъ сторонъ коймовыми горами: съ сѣвера извѣстнымъ уже Становымъ хребтомъ, съ югозапада горною цѣпью, образующею границу съ Монголіею, а съ юга хребтомъ Сіелки. Всѣ эти горы не были еще до сихъ поръ никѣмъ изслѣдованы и измѣрены; повидимому онѣ представляютъ небольшія возвышенія, покрытыя болотами и топями, съ выдающимися голыми скалистыми наслоеніями; отдѣльныя вершины этого хребта едва поднимаются на 2 — 3,000′ надъ плоскогорьемъ. Къ системѣ горъ Сіелки принадлежитъ вершина Пехта, которую манчжуры считаютъ за самую высокую гору въ свѣтѣ, но которая, въ дѣйствительности, имѣетъ не болѣе 8,000′ абсолютной высоты. До этой высоты, кажется, достигаютъ и береговыя горы, такъ какъ въ ущельяхъ этихъ горъ, совершенно покрытыхъ лѣсомъ, еще въ іюнѣ и въ іюлѣ находили снѣгъ. Въ ущельяхъ этого возвышеннаго плато берутъ начало много рѣкъ, изъ которыхъ бо́льшая часть текутъ на югъ, въ Китай, пересѣкая большую стѣну; къ востоку же течетъ одинъ только мощный потокъ — царственный Амуръ, который, проложивъ себѣ путь черезъ систему береговыхъ горъ, изливаетъ всю массу своихъ водъ въ Восточный океанъ. Русское правительство не могло не обратить особеннаго вниманія на обладаніе этою рѣкою, представляющею единственную жизненную артерію, посредствомъ коей, заключенная со всѣхъ сторонъ Сибирь имѣетъ сообщеніе съ прочими странами. Представляя собою, въ полномъ смыслѣ, слова, гигантскій потокъ, Амуръ принимаетъ воды весьма многихъ рѣкъ, текущихъ съ сѣверовосточной окраины возвышенной Азіи. Въ Татарскомъ проливѣ, посредствомъ коего Охотское море соединяется съ Японскимъ моремъ, при-

сутствіе прѣсной воды Амура замѣчается на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Верховья Амура находятся на плоскогорьѣ Нерчинска, и образуются тремя рѣками, притекающими съ востока и запада. Самый сѣверный притокъ, *Ингода*, беретъ начало изъ горъ Чокондо; эта рѣка принадлежитъ вполнѣ Россіи, и течетъ въ сѣверозападномъ направленіи, на протяженіи 70 географическихъ миль; въ нижнемъ теченіи своемъ она судоходна. Средній истокъ, *Ононъ*, выходитъ изъ горъ Кентей-Хана, въ предѣлахъ китайскихъ, и на протяженіи 50 миль образуетъ сѣверную границу Гоби, Ононъ изобилуетъ рыбою и имѣетъ значеніе священной рѣки, какъ мѣсто рожденія Чингисъ-Хана. Пройдя въ предѣлахъ Россіи до 50 миль, Ононъ соединяется съ Ингодою и принимаетъ названіе *Шилки*, которая, совершивъ путь въ 75 миль въ сѣверовосточномъ направленіи, въ свою очередь, соединяется съ третьимъ истокомъ Амура, *Керлономъ* или *Аргунью*, самою южною и самою длинною изъ трехъ рѣкъ. — Эта вполнѣ степная рѣка вытекаетъ у южнаго подножья Кентея, въ видѣ пяти небольшихъ ручьевъ. Пройдя пространство въ 100 миль, Аргунь образуетъ озеро Кулунъ или Далай-Нуръ, имѣющее до 45 миль въ объемѣ, и, принявъ затѣмъ названіе Аргуни, медленно поворачиваетъ къ сѣверу уже въ видѣ широкаго, судоходнаго потока, съ малымъ паденіемъ, образующаго границу между русскими и китайскими владѣніями. Пройдя пространство до 260 геогр. миль, Аргунь соединяется съ Шилкою въ громадный потокъ. Подъ именемъ *Амура*, перерѣзавъ великолѣпнѣйшія лѣсныя области, неудержимо мчится вся эта страшная масса водъ къ востоку, и, принявъ отъ сопровождающихъ ее съ сѣвера и юга Яблоноваго хребта и Хинсана множество хотя небольшихъ, но весьма обильныхъ водою притоковъ, рѣзко поворачиваетъ къ юговостоку; пройдя въ этомъ направленіи до 80 географическихъ миль, Амуръ принимаетъ самую значительную свою побочную рѣку слѣва, *Зею* или *Чикири*, вытекающую изъ Яблоноваго хребта въ видѣ обширной дуги, открытой

къ югозападу. Пройдя въ этомъ направленіи еще до 70 миль, Амуръ усиливается соединеніемъ съ *Зунгари*, которая вытекаетъ съ лежащихъ къ югу пограничныхъ горъ Кореи, и сначала направляется къ сѣверозападу, а потомъ поворачиваетъ къ сѣверовостоку. Зунгари-Ула, млечная рѣка, велика и судоходна, но не такъ длинна, какъ Зея, и образуется изъ 6 истоковъ. Зунгари имѣетъ до 23 побочныхъ рѣкъ, между коими есть *Нонни-Ула*, весьма значительный притокъ. Нижнее теченіе Амура, начиная отъ впаденія въ него Зунгари, имѣетъ опредѣленное направленіе къ с.-с.-востоку, пролегая, на пространствѣ 25 миль, между возвышенными берегами, покрытыми густыми лѣсами, которые мѣстами переходятъ въ непроницаемыя чащи. Принявъ въ этомъ мѣстѣ, съ сѣверной стороны, *Уссури*, Амуръ продолжаетъ течь въ томъ же с.-с.-восточномъ направленіи еще около 700 миль, усиливаясь на этомъ протяженіи съ обѣихъ сторонъ 37 притоками, и наконецъ впадаетъ въ море, образуя, при устьѣ своемъ, широкій лиманъ, имѣющій до 5 миль ширины. Не смотря на быстрое теченіе Амура, суровая зима, господствующая близъ устья, каждый годъ покрываетъ рѣку на продолжительное время слоемъ льда, отъ котораго суда, къ счастью, могутъ находить защиту въ превосходныхъ гаваняхъ, расположенныхъ неподалеку вдоль параллельно идущаго съ рѣкою берега Татарскаго пролива. По мнѣнію европейцевъ, настоящую рѣку образуетъ сѣверный главный рукавъ рѣчной системой Амура, проходящій у Нерчинска и Сахалинъ-Улы. Китайцы же утверждаютъ, что южный рукавъ этой системы, Зунгари, есть главный потокъ, а сѣверный рукавъ есть только его притокъ. Который изъ этихъ двухъ рукавовъ наиболѣе изобилуетъ водою, это еще остается нерѣшеннымъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что теченіе русскаго Амура, начиная отъ истоковъ, длиннѣе, и что онъ судоходенъ на большомъ протяженіи; противъ послѣдняго обстоятельства приводятъ, однако же, тотъ фактъ, что бѣловатый оттѣнокъ водъ Зунгари, рѣзко отличающійся

въ общемъ ложѣ отъ почти черной воды Амура, замѣтно преобладаетъ въ нижнемъ теченіи рѣки и въ устьѣ. — Кромѣ рѣчной системы Амура и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Великій океанъ, въ Манчжуріи существуетъ множество внутреннихъ рѣкъ, не имѣющихъ, впрочемъ, особеннаго значенія.

Почва въ Манчжуріи, по своимъ свойствамъ, представляетъ всевозможные оттѣнки, въ особенности же преобладаетъ почва хорошаго качества, отличающаяся особеннымъ плодородіемъ, не смотря на значительное возвышеніе надъ моремъ. Рѣки окружены великолѣпными нивами, и гдѣ только нѣтъ недостатка въ способномъ или склонномъ къ земледѣлію сельскомъ населеніи, тамъ посѣвы пшеницы, ячменя, проса, гречи, овощей, маслянистыхъ растеній, табаку и красильныхъ растеній даютъ богатый урожай, не требуя особенныхъ усилій или большаго ухода. Не смотря на продолжительныя зимы, начинающіяся въ концѣ сентября и продолжающіяся до конца апрѣля, и на сильную стужу въ 30° Р., отъ которой рѣки и озера покрываются льдомъ, обыкновенно за кратковременною зимою слѣдуетъ весьма знойное лѣто, во время котораго растительность развивается гигантскими шагами. Жара, доходящая до значительной степени, умѣряется свѣжестью воздуха, а со стороны Японскаго моря густые туманы приносятъ съ собою влажность и освѣжающую прохладу. Восточное прибрежье славится своимъ райскимъ климатомъ, а глубокія долины Даурiи, точно такъ же, какъ и все теченіе Амура — умѣренною и пріятною температурою; даже надъ самымъ плоскогорьемъ возвышается болѣе прозрачное и чистое небо, чѣмъ въ сосѣдней Сибири. Повсюду произрастаютъ несравненно свѣжѣе и крѣпче, чѣмъ подъ нашимъ небомъ, тѣ же самыя растенія, которыя водворены и у насъ: розы, желтыя и красныя лиліи, голубые ирисы, ландыши, незабудки, баранчики, потентиліи, фіялки и пр. Горы покрыты лиственицею и прочими хвойными породами, а также дубами,

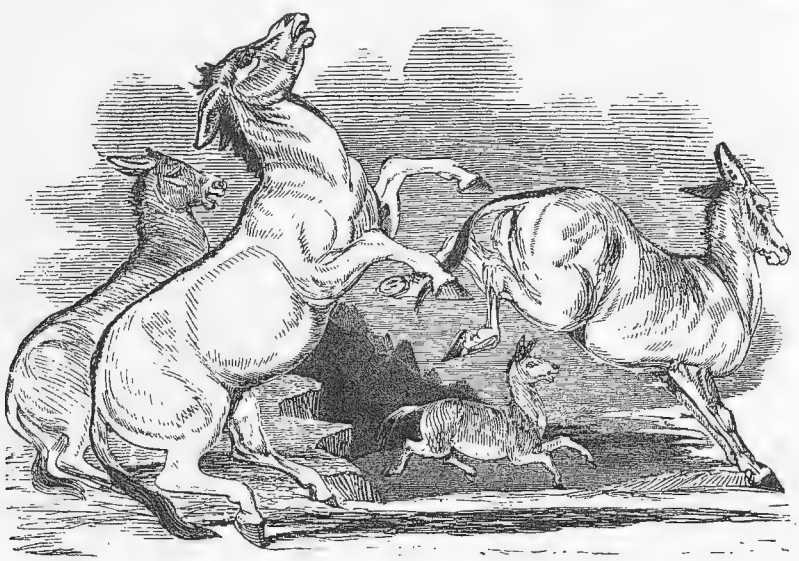
березами, вязами, орѣшникомъ и дикими абрикосами, яблонями и сливами. На склонахъ, среди самой темной зелени, виднѣются пурпуровые цвѣты олеандровъ и чишковыя деревья, увѣшенныя плодами. По берегамъ рѣкъ растутъ ивы, тополи и кленъ, и даже на самыхъ неблагопріятныхъ мѣстностяхъ плоскогорья попадаются еще вишни, илимовникъ и кустарниковыя растенія. Природа, столь щедро вознаграждающая здѣсь трудъ и знаніе человѣка дарами изъ царства растительнаго, не поскупилась бы, вѣроятно, надѣлить его и минеральными богатствами, если бы тамъ было населеніе, которое сумѣло бы ими воспользоваться. Изъ числа драгоцѣнныхъ камней, выбрасываются тамошними рѣками на берегъ куски яшмы, сердолика и халцедона, а тунгузскія дѣти часто употребляютъ въ играхъ самые красивые аквамарины, топазы и кварцы всѣхъ цвѣтовъ. Серебро, мѣдь, свинецъ, желѣзо и сѣра находятся тамъ тоже, а старые шурфы свидѣтельствуютъ о существовавшемъ встарину горномъ промыслѣ, которымъ нынѣшніе обитатели и не думаютъ заниматься. Впрочемъ, добыча соли и селитры изъ озеръ Дауріи и прочихъ мѣстонахожденій существуетъ и понынѣ у тамошнихъ жителей.

Что касается до царства животныхъ, то оно, при особенныхъ свойствахъ національнаго характера и образа жизни племенъ, населяющихъ Манчжурію, имѣетъ особую важность для обитателей этой страны. Скотоводство и здѣсь составляетъ главное средство пропитанія, а огромные табуны лошадей и многочисленныя стада рогатаго скота, овецъ и козъ составляютъ богатство жителей; въ сѣверной же части этой полосы водятся еще олени. Развитію и процвѣтанію этого промысла преимущественно благопріятствуютъ встрѣчающіяся повсюду тучныя пастбища, такъ что даже и тѣ племена, которыя кормятся преимущественно произведеніями рыбьяго промысла, тоже держатъ небольшія стада рогатаго скота и козъ, и разводятъ свиней. Изъ различныхъ видовъ рыбы, замѣняющей для ихтіофаговъ хлѣбъ, чаще другихъ

рыбъ попадается семга, которая, въ опредѣленные періоды времени, многочисленными стадами тянется изъ моря, поднимаясь вверхъ по теченію рѣкъ и прибрежныхъ потоковъ, и при этомъ случаѣ безъ всякаго труда становится добычею туземцевъ. Лѣтомъ семга бываетъ десяти фунтовъ, а зимою достигаетъ 30 и 50 фунтовъ вѣса; кожа ея нерѣдко идетъ въ дѣло, на одежду и покрышку хижинъ, возвышающихся по берегамъ рѣкъ, а кромѣ того на удочки и на иглы. Самыя крѣпкія жилы употребляются для луковъ. Еще много попадается разныхъ раковинъ, и въ томъ числѣ жемчужныя раковины значительной величины, а по берегу моря—вкусныя устрицы; кромѣ того, нѣтъ недостатка въ ракахъ, а изъ стоячихъ водъ раздаются крики пестрой черепахи. Часто также попадаются ящерицы и безвредныя змѣи; по верховьямъ же р. Онона водятся и ядовитыя змѣи, а на сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ скорпіоны съ тарантулами. По берегамъ рѣкъ и въ мѣстахъ болотистыхъ, жители ужасно страдаютъ отъ несмѣтнаго количества мошкары, а земледѣлію и скотоводству большой вредъ причиняетъ саранча, разводящаяся послѣ сильной засухи. Охота хотя и не составляетъ уже для кочующихъ здѣсь туземцевъ исключительнаго занятія, тѣмъ не менѣе она все-таки служитъ важнымъ подспорьемъ для племенъ, существующихъ произведеніями рыбнаго и пастушескаго промысловъ, а у манчжуровъ, религія которыхъ предписываетъ истребленіе дикихъ звѣрей, охота имѣетъ даже высшее религіозное значеніе. Впрочемъ, смѣлые и отважные звѣроловы и охотники пользуются у всѣхъ племенъ особеннымъ почетомъ.

Обширные лѣса и равнины плоской возвышенности представляютъ весьма много случаевъ для разныхъ видовъ охоты. Въ горахъ скрывается множество медвѣдей, дикихъ кошекъ, лисицъ, куницъ, бобровъ, соболей, горностаевъ, ласокъ, бѣлокъ и выдръ; въ лѣсахъ водится рысь, въ оврагахъ и ущельяхъ волки; по болотамъ держатся кабаны и дикіе буйволы, а въ степяхъ дикія лошади, различныя антилопы,

олени и множество другихъ звѣрей. Впрочемъ, мѣхъ звѣрей, которымъ изобилуетъ Манчжурія, много уступаетъ мѣхамъ сибирскихъ звѣрей въ мягкости, пушистости и прочихъ достоинствахъ, а потому въ торговлѣ манчжурскіе мѣха мало имѣютъ цѣны, и употребляются преимущественно для домашнихъ надобностей. Изъ семейства грызуновъ, кромѣ крота, имѣющаго представителей изъ разныхъ породъ, во множествѣ водится черная полевая мышь (mus œconomus), устраивающая себѣ норки подъ самымъ дерномъ, гдѣ она



Джигатаи.

роетъ себѣ настоящія камеры съ ходами во всѣ стороны, и порода маленькаго скачущаго или землянаго зайца (lepus pusillus), имѣющаго мѣхъ желтоватаго цвѣта и отличающагося еще тою особенностью, что онъ заготовляетъ осенью кучки сѣна, колосьевъ и разныхъ стеблей, которымъ потомъ выкладываетъ свои норки; безконечному размноженію этой породы зайцевъ препятствуетъ степная кошка (manul)—ихъ самый опасный врагъ. Кромѣ названныхъ нами

выше животныхъ, предметомъ охоты служитъ также тигръ. Но главное наслажденіе для охотниковъ въ степяхъ, по берегамъ Керлона, доставляетъ преслѣдованіе красиваго джигатая, легкаго и быстраго точно вѣтеръ, такъ что монгольская поговорка гласитъ про него, что ни одна лошадь не догнала еще джигатая. Только хитростью удается иногда изловить его, но и то съ величайшимъ затрудненіемъ, потому что онъ отличается необыкновеннымъ чутьемъ. Обыкновенно бываетъ легче ловить ихъ тогда, когда убитъ жеребецъ, всегда находящійся во главѣ табуна. Почуявъ приближеніе охотника, животное это тотчасъ бросается въ сторону, и въ мгновенье ока исчезаетъ вовсе изъ виду. До сихъ поръ, еще не удавалось ни одного изъ этихъ животныхъ сдѣлать ручнымъ, и только въ монгольской миѳологіи существуютъ разсказы о томъ, какъ богъ войны ѣздитъ на джигатаѣ, и какъ черезъ него, заблудившіеся въ степи, бѣглые князья спасены были отъ голодной смерти. Почти таковымъ же предпочтеніемъ пользуется, сопряженная съ немалыми трудностями, охота за *аргали* или каменнымъ бараномъ, скрывающимся обыкновенно въ скалистыхъ ущельяхъ и въ оврагахъ горъ. Аргали тоже отличается необыкновенною пугливостью, да притомъ онъ попадается весьма рѣдко, предпочитая всѣмъ прочимъ мѣстностямъ безлѣсныя полосы Гоби, покрытыя утесами. Изъ птицъ, на вершинахъ скалъ вьютъ себѣ гнѣзда страшные бородатые коршуны, и, кромѣ того, нерѣдко попадаются орлы; всѣ пруды и озера низменныхъ мѣстностей наполнены водяною дичью; цапли, индѣйскіе журавли и нумидійская дѣва, разные виды дрохвъ и т. п. гордо разгуливаютъ по берегамъ этихъ водъ. Утки, нырки и выпь попадаются всюду. Великолѣпный аргусъ и разноцвѣтные фазаны щеголяютъ своими красивыми перьями. Разные виды соколовъ и другихъ небольшихъ хищниковъ преслѣдуютъ толпы дятловъ, дроздовъ, ласточекъ, мухоловокъ, куропатокъ, голубей, горныхъ соловьевъ и прочихъ пѣвчихъ птицъ. Но, не смотря на все это изобиліе безчисленныхъ породъ пернатыхъ, природа здѣсь сравнительно мало

оживлена, и внутри тамошнихъ лѣсовъ, въ сравненіи съ лѣсами средней Европы, царствуетъ замѣтная тишь.

Численность народонаселенія Манчжуріи до сихъ поръ еще не была приведена въ извѣстность; впрочемъ, надо полагать, что страна населена слабо, потому что изъ среды здѣшнихъ обывателей выходило много завоевателей, которые, покоривъ обширную Китайскую имперію, дали ей повелителей, царствующихъ тамъ и доселѣ. За этими завоевателями потянулись, конечно, ихъ соплеменники съ своими семействами и имуществомъ, а за послѣдними устремились и прочія сродственныя племена, такъ что въ настоящее время манчжуры являются вполнѣ водворившимися въ Китайской имперіи, а ихъ прежнія стойбища заняты китайскими пришельцами и ссыльными переселенцами, или же стоятъ пустыми. Что касается до коренныхъ манчжуровъ или манчжу, то они, безъ сомнѣнія, принадлежали, по языку и по физическому сложенію, къ великому тунгузскому племени, составляющему отрасль монгольской расы, которое, по занимаемому имъ пространству, наиболѣе распространено въ сѣверовосточной Азіи. Племя это принадлежитъ къ кореннымъ азіятскимъ жителямъ, и носитъ на себѣ признаки правильнаго очертанія монгольской расы. Манчжуры, по большей части, средняго роста, хорошо сложены и стройны; лице у нихъ менѣе плоское, чѣмъ у монголовъ, глаза и носъ маленькіе, волосы чернаго цвѣта, а кожа желтоватая; притомъ они отличаются превосходнымъ зрѣніемъ и слухомъ. Что касается до ихъ образа жизни и характера, то какъ одно, такъ и другое, имѣетъ различные оттѣнки, происходящіе отъ мѣстныхъ условій ихъ родины; точно также и языкъ, которымъ они говорятъ, несмотря на одну общую связь, распадается на нѣсколько различныхъ нарѣчій, смотря по числу племенъ. Главное племя, у китайцевъ носящее названіе ніютчи, а у русскихъ извѣстное подъ именемъ богдой, господствуетъ теперь надъ Китаемъ и почти надъ всею азіятскою горною возвышенностью; впрочемъ, въ настоящее время, его сильно

тѣснитъ съ запада партія мятежниковъ. Предки ихъ, происходящіе изъ горной страны, лежащей къ сѣверу отъ великой стѣны, по верховьямъ Зунгари, успѣли было, еще въ X и XIII столѣтіяхъ, основать могущественныя державы; но опѣ скоро пришли въ упадокъ, и народъ этотъ опять появился въ исторіи только въ началѣ XVII столѣтія, въ качествѣ новаго, никому неизвѣстнаго горнаго племени. Спустившись съ своихъ горъ на южныя равнины, они успѣли присоединить къ себѣ всѣхъ своихъ соплеменниковъ и даже монголовъ, и, обогащенные огромною добычею, удалились опять назадъ, покоривъ предварительно всѣ племена, живущія до озера Куку-Нора. Въ 1644 г. приверженцы китайской династіи Мингъ, лишившейся престола вслѣдствіе возстанія Литчинга, призвали манчжуровъ къ себѣ на помощь, и послѣдніе, въ числѣ 80,000 душъ, избравъ себѣ въ ханы, полководца Таитзонга, немедленно вторглись въ Китай и покорили инсургентовъ. Въ послѣдствіи имъ удалось водворить свое господство въ Китаѣ на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что, въ 1662 году, сынъ Таитзонга былъ провозглашенъ императоромъ китайскимъ, подъ именемъ Канси. Канси считаютъ основателемъ царствующей нынѣ династіи Тзинъ, распространившей свое владычество далеко въ западной Азіи, такъ что манчжуры вскорѣ сдѣлались главною господствующею націею надъ всею горною половиною Азіи, начиная отъ Сибири до Бухары, Тибета и Тангустана, включая даже Гималайскія горы. Оставивъ неприкосновенными существовавшія установленія, манчжуры подчинились послѣднимъ сами, и, усвоивъ себѣ культуру, образованіе и науки покоренной страны, укрѣпились черезъ то твердо въ обладаніи своими завоеваніями. Вскорѣ изъ горъ восточной Азіи устремились въ плодородный Китай и прочія манчжурскія племена, а вслѣдъ за ними потянулись и сродственные имъ народы, такъ что въ настоящее время прежнее отечество ихъ совершенно обезлюдѣло. Вслѣдствіе такихъ продолжительныхъ переселеній, а также вслѣдствіе связей и столкновеній съ китай-

цами и покоренными монголами, въ земляхъ, сосѣднихъ съ Россіею, образовалось теперь особенное смѣшанное племя, отъ котораго, однако же, первобытные, коренные манчжуры отличаются какъ своимъ тѣлосложеніемъ, такъ и характеромъ. Манчжуры высоки ростомъ и сложены прекрасно, и отличаются характеромъ прямымъ и открытымъ, презираютъ

Китайскіе монголы.

обманъ и воровство; притомъ они горды, мужественны и воинственны, и вовсе не такъ жестоки и кровожадны, какъ китайцы и манчжуры смѣшаннаго происхожденія. Манчжуръ всегда смотритъ съ гордостью на китайца, хотя бы самъ

и былъ голымъ бѣднякомъ, почти не оказывая притомъ никакого повиновенія мандаринамъ и даже ненавидя всю націю. Оставаясь до нынѣшняго дня грубымъ сыномъ природы, онъ продолжаетъ еще и теперь, какъ въ первобытныя времена, питаться произведеніями своихъ стадъ или тѣмъ, что даетъ ему охота и рыбный промыселъ, пренебрегая всякою малѣйшею роскошью и удобствомъ, такъ что это доходитъ уже до невѣроятнаго неряшества, и придерживается крѣпко своей естественной религіи, поклоняясь одному только верховному богу, подъ именемъ императора неба, которому не строитъ храмовъ и не ставитъ ни какихъ изображеній.

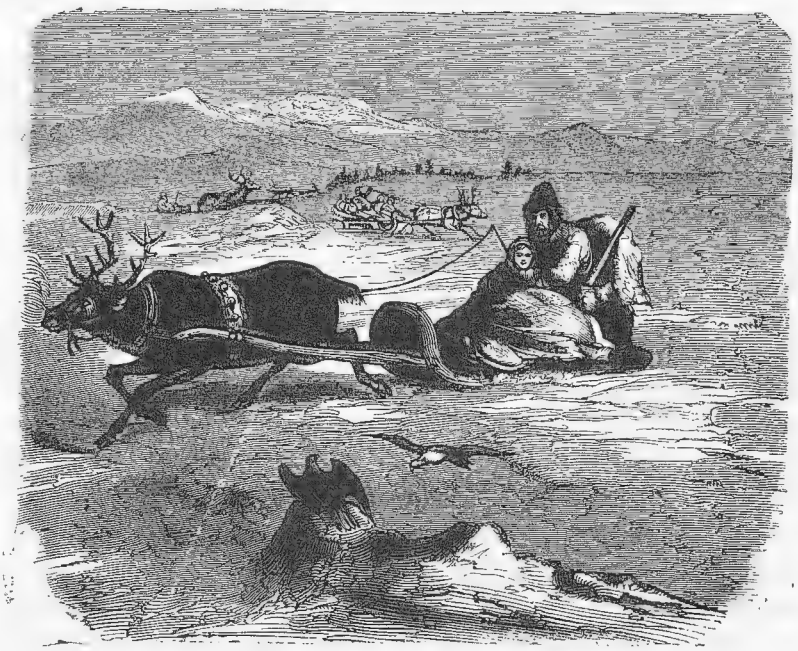
Съ одинаковымъ упорствомъ придерживаются манчжуры, не смотря на постоянное сообщеніе съ китайцами, своего роднаго языка, раздѣляющагося у нихъ на три главные діалекта: маджари, моко и ніютчи. Изъ числа отраслей этого народа, потерявшихъ свою первобытную чистоту, племена даурское и тагурское, живущія въ долинѣ Амура, усвоили себѣ въ образованности и въ нарѣчіи много монгольскаго элемента, и теперь сдѣлались послѣдователями ламайской религіи. Между рѣкою Керлономъ и горами Сіелки обитаютъ несмѣшанные тунгузы, носящіе тамъ названіе солоновъ, и извѣстные какъ самое мужественное и храброе племя изъ всего манчжурскаго народа. Они хотя и состоятъ на службѣ въ императорскихъ войскахъ, но имѣютъ собственныхъ начальниковъ. Принадлежа къ послѣдователямъ ламайской религіи, они почитаютъ въ лицѣ кутухты, живущаго въ Куре, своего олицетвореннаго бога. Къ сѣверу отъ нихъ обитаютъ вплоть до Амура, гумары, а еще далѣе на сѣверъ до склоновъ Становаго хребта, гиляки, говорящіе оба на различныхъ діалектахъ; послѣдніе владѣютъ огромными стадами оленей. Между горами восточнаго прибрежья и рѣкою Уссури, равно и по берегамъ послѣдней, до самаго Амура, сохранился замѣчательный народъ, говорящій на особомъ манчжурскомъ нарѣчіи и называющій себя самъ юпи или юпитазе. Племя это, отличающееся безхитростнымъ, откровеннымъ характе-

ромъ, не имѣетъ, впрочемъ, ни какого понятія ни о письменности, ни о религіи, и вообще чуждо всякой цивилизаціи. Не занимаясь, кромѣ разведенія табаку, ни какими земледѣльческими промыслами, юпитазе живутъ лѣтомъ по берегамъ рѣкъ, въ хижинахъ, выстроенныхъ изъ словыхъ кольевъ, а зимою скрываются въ землянкахъ, въ лѣсныхъ чащахъ, покрывающихъ склоны горъ. Такая перемѣна жилищъ обусловливается, съ одной стороны, присутствіемъ страшнаго множества мошкары, отъ которой они стараются защититься, разводя вокругъ себя огни, а съ другой стороны— наступленіемъ времени, удобнаго для лова рыбы. Во время занятія рыбною ловлею, вокругъ ихъ жилищъ распространяется отвратительная грязь и вонь отъ семги, составляющей ихъ главный уловъ, причемъ дымъ отъ постоянно разведенныхъ костровъ, пропитанный запахомъ рыбьяго жира, покрываетъ ихъ какою-то отвратительною копотью. Изъ кожъ убиваемой ими рыбы покрупнѣе, какъ, наприм., семги, осетра, сома и др., они довольно искусно умѣютъ изготовлять себѣ одежду, состоящую преимущественно изъ доходящаго до икръ балахона, который около шеи и внизу украшается мѣдными бляшками и т. п. Тѣ изъ нихъ, которые побогаче, носятъ лѣтомъ балахоны изъ нанки, получаемой отъ китайцевъ, а зимою одѣваются въ мѣхъ, сверхъ котораго изрѣдка надѣвается шелковая куртка; кромѣ того они носятъ сапоги изъ тюленьей кожи, употребленіе которыхъ заимствовали у живущихъ ближе къ морскому прибрежью сродственныхъ имъ орочей и бичей. Волосы на головѣ, мужчины заплетаютъ въ косы, но не брѣютъ ихъ подобно китайцамъ, а у женщинъ волосы свободно ниспадаютъ на плечи. Наружностью они значительно отличаются отъ настоящихъ манчжуровъ, и никогда не бываютъ выше 4′9″ ростомъ; голова у нихъ несоразмѣрно большая, лице плоское, почти четвероугольное, и маленкій, круглый, приплюснутый лобъ. Глаза у нихъ такъ плоско лежатъ на лбу, а рѣсницы такъ мало раздѣлены, что глаза почти вовсе остаются закрытыми; носъ имѣетъ такіе

малые размѣры, что онъ почти не замѣтенъ; скулы вздутыя, ротъ большой, губы толстыя, темнокоричневаго цвѣта, подбородокъ мало выдающійся, зубы небольшіе и красивые, но часто порченые, волосы же цвѣта чернаго или темнокаштановаго. Близъ устья Амура обитаетъ еще другое племя, кечи или кечитазе, говорящее на особомъ нарѣчіи, и живущее осѣдло, правильными деревнями; кромѣ рыбнаго промысла, они занимаются еще звѣроловствомъ, и уплачиваютъ постоянную дань мѣхами куницъ. Кечи несравненно стройнѣе и смышленѣе, чѣмъ юпитазе, и вовсе не такъ неопрятны; длинные волосы свои они прикрѣпляютъ лентою на макушкѣ головы, или свертываютъ узломъ. Что касается до религіозныхъ понятій всѣхъ этихъ племенъ или народовъ, то объ этомъ почти ничего неизвѣстно; впрочемъ, у нихъ у всѣхъ существуетъ обыкновеніе оказывать особое уваженіе старикамъ и мертвымъ, которымъ они по большей части устраиваютъ обширныя гробницы.

Въ административномъ отношеніи, Манчжурія раздѣляется на три провинціи, состоящія каждая въ управленіи особаго губернатора или генерала. Всѣ туземныя племена, кочующія и бродячія, безъ различія, управляются собственными родоначальниками и князьями, которые съ тѣмъ вмѣстѣ собираютъ дань для уплаты китайцамъ, а чиновники, состоящіе на службѣ правительства, имѣютъ на своей обязанности только попеченіе о китайскихъ переселенцахъ и надзоръ за сношеніями съ сосѣдними государствами. Купцы, пріѣзжающіе съ юга, производятъ торгъ на ярмаркахъ, и потомъ съ своими товарами разъѣзжаютъ отъ одного племени къ другому, продавая имъ желѣзныя издѣлія, полотна, бумажныя издѣлія и предметы роскоши, а взамѣнъ этого получая мѣха, звѣриныя кожи и рыбу, сушеную и соленую. Самая южная изъ трехъ провинцій, простирающаяся отъ залива Леаотонгъ и Желтаго моря до великой стѣны, на западѣ, и окруженная валами и цѣлыми рядами палисадовъ, носитъ названіе Фонъ-Ліе, а по своему главному городу Мукденъ.

Въ Мукденѣ имѣетъ свое пребываніе намѣстникъ; городъ окруженъ стѣною, и въ немъ находятся, кромѣ дворцовъ и роскошныхъ садовъ, великолѣпныя, съ особымъ тщаніемъ поддерживаемыя, гробницы царствующей династіи. Гористое мѣстоположеніе и значительная рѣка Гунугу дѣлаютъ климатъ этого города здоровымъ. Всѣ же прочіе города этой провинціи принадлежатъ къ низшему разряду: выстроены они всѣ плохо, населены слабо, а тѣ, которые были укрѣплены, находятся теперь въ состояніи разрушенія. Вторая провинція, Киринъ, расположенная къ сѣверо-востоку отъ предъидущей, граничитъ Японскимъ моремъ, рѣками Амуромъ и Зунгари и палисадами Мукдена. Главный городъ Киринъ, лежащій на рѣкѣ Зунгари, населенъ весьма мало и плохо укрѣпленъ; прежде онъ былъ, подобно многимъ другимъ небольшимъ мѣстечкамъ, мѣстомъ ссылки для китайцевъ. Торгъ производится въ городахъ Петунехѣ, на рѣкѣ Зунгари, и въ Нингунтѣ, лежащемъ на р. Гурзѣ, притокѣ Зунгари; послѣдній пунктъ имѣетъ особенное значеніе, какъ сосредоточіе торговыхъ сношеній съ юпитазе и прочими прибрежными племенами, за которыми имѣетъ наблюденіе живущій тамъ мандаринъ. Третья провинція, Цицикаръ, граничитъ на востокѣ рѣкою Зунгари, на сѣверѣ Амуромъ, а на югѣ и на западѣ степью Гоби. Главный городъ этой провинціи, тоже по названію Цицикаръ, лежитъ на рѣкѣ Нонни, окруженъ валомъ и палисадомъ, и считаетъ въ числѣ своихъ жителей, кромѣ чиновниковъ и ссыльныхъ, еще многихъ торговцевъ и ремесленниковъ, промышляющихъ на счетъ сосѣднихъ туземцевъ. Наунъ, тоже на рѣкѣ Нонни, замѣчателенъ своимъ каменнымъ храмомъ и ламайскимъ монастыремъ. Мерга, лежащая тоже на р. Нонни, немного сѣвернѣе, и Сахалинъ-Ула, на берегу Амура, когда-то главный оплотъ со стороны Манчжуріи противъ русскихъ, теперь представляютъ полуразрушенные города, имѣющіе только значеніе для торга мѣхами съ здѣшними туземцами.



Ѣзда на оленяхъ.

V.

Исторія открытій въ сѣверной Азіи и въ амурской земль.

Азіятскіе завоеватели въ Европѣ. — Европейцы въ Азіи. — Распространеніе русскаго могущества. — Изслѣдованія русскихъ. — Экспедиціи на сѣверъ. — Полярный берегъ. — Поѣздка внутрь страны. — Іезуитскія миссіи. — Екатерина II. — Гмелинъ. — Демиль и Мюллеръ. — Палласъ, Гюльденштедтъ, Лепухинъ, Соколовъ, Зуевъ, Рычковъ. — Пастыревъ, Головнинъ, Тимковскій. — Лаперузъ, Крузенштернъ, Врангель, Эрманъ, Ганстенъ, Фусъ и Ѳедоровъ, Лессингъ, Ледебуръ, Г. Розе, Эренбергъ и Гумбольдтъ, Турчаниновъ, Ф. ф. Геблеръ, Гельмерсенъ, Политовъ, ф. Шренкъ, Карелинъ, Карлъ Риттеръ. — Экспедиція въ Восточную Сибирь. — Миддендорфъ, Поярковъ, Хабаровъ. — Завоеваніе Амурской страны. — Война съ Китаемъ. — Трактаты о границахъ 1689 и 1728 гг. — Посольство Лодыженскаго — Миддендорфъ, экспедиція Муравьева въ 1854 г. — Англичане и китайцы въ 1855 г. — Мирный договоръ 1860 г.

Послѣ всего сказаннаго нами выше относительно обширныхъ странъ, входящихъ въ составъ сѣверной и средней

Азіи, намъ остается теперь только взглянуть на отношеніе этихъ странъ къ Европѣ и на ихъ постоянно возрастающее значеніе. Удивительно, какъ перемѣнились теперь эти отношенія! Между тѣмъ, какъ, нѣсколько столѣтій тому назадъ, воинственныя и свирѣпыя орды малоазіятскихъ народовъ, предводимыя преемниками Чингисъ-Хана и Тимура, наводнивъ всю Сарматскую равнину, огнемъ и мечемъ истребляли все, что имъ сопротивлялось, и ниспровергали цѣлыя государства, теперь потомки тѣхъ самыхъ племенъ заимствуютъ у могущественной Европы, гдѣ умственная жизнь развилась такъ чудно, элементы гражданственности и духовнаго развитія, измѣняющіе въ основаніи всю цивилизацію тѣхъ странъ. Теперь европейскій пришлецъ со всѣхъ сторонъ проникаетъ внутрь азіятскаго колосса, когда-то отдѣлявшаго избытки своихъ силъ въ сосѣднія страны, но потомъ погрузившагося въ лѣнивую дремоту и въ полную отчужденность. Съ тѣхъ поръ, какъ кораблямъ европейцевъ указанъ былъ морской путь къ берегамъ Остъ-Индіи, образованные народы Европы начали вводить съ собою въ прибрежныя страны азіятскаго материка новыя понятія о религіи, о государствѣ и о семействѣ, новые законы для торговли и промышленности и даже начала высшей науки. Вскорѣ въ этихъ странахъ появились развѣвающіеся флаги всѣхъ націй, господствовавшихъ тогда на морѣ: португальцевъ, испанцевъ, голландцевъ, французовъ, датчанъ и англичанъ. Вліяніе и власть, которыя эти націи пріобрѣли вскорѣ на дѣла азіятскихъ державъ, были совершенно въ зависимости отъ развитія ихъ могущества и матеріяльныхъ силъ въ Европѣ. Такъ, въ особенности быстро водворила свое вліяніе въ южныхъ земляхъ Азіи могущественная Англія, и основала тамъ новыя обширныя государства, стѣснивъ мало-по-малу колоніи прочихъ европейскихъ націй до такой степени, что теперь почти не можетъ быть и рѣчи о дѣйствительномъ вліяніи ихъ на материкѣ Азіи. Только одного опаснаго для себя соперника видитъ въ настоящее время

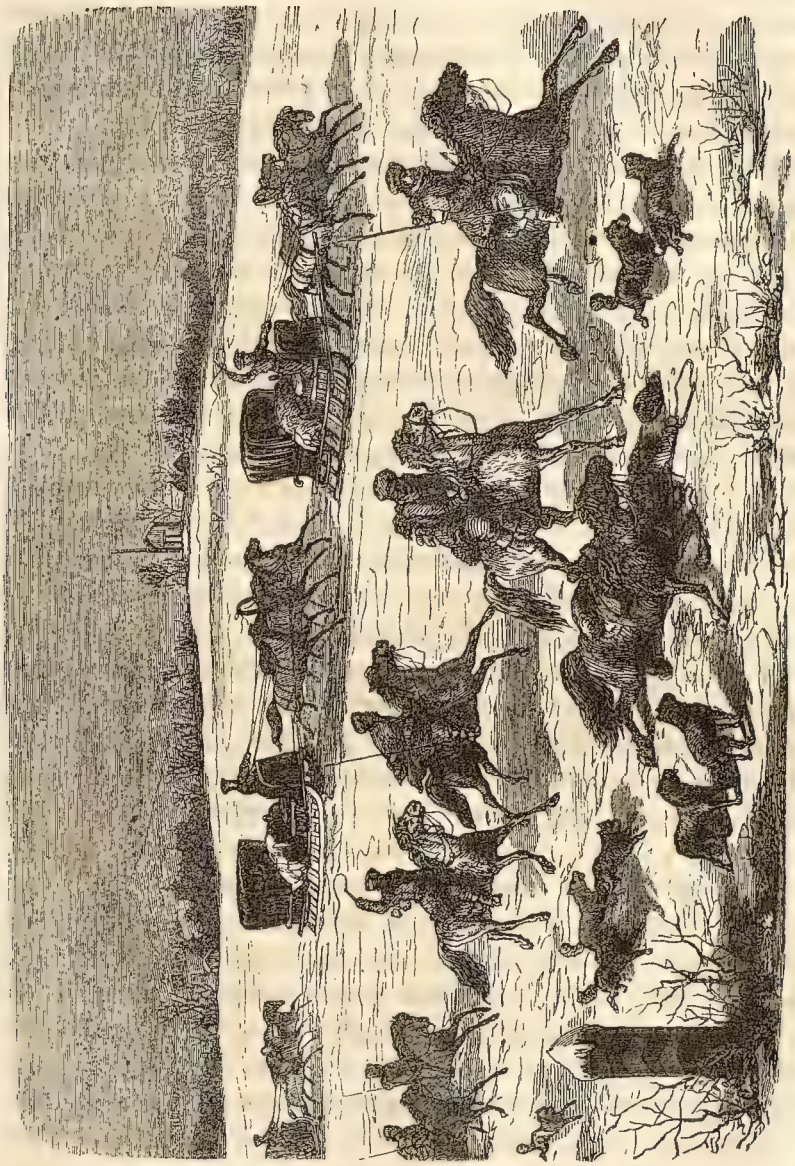
Англія, который грозно приближается къ ней съ сѣвера, готовый, развѣ только въ самомъ благопріятномъ случаѣ, подѣлиться съ нею властью и вліяніемъ своимъ въ Азіи. Россія распространяетъ свое владычество въ тѣхъ необозримыхъ мѣстностяхъ осторожно и искусно. Не обращая вниманія на рѣзкія противоположности существующихъ политическихъ отношеній, Россія твердо идетъ къ своей великой цѣли, умиротворенію среднеазіятскихъ ордъ, коихъ стремленіями къ внѣшнему распространенію нельзя теперь пока еще пренебрегать, и къ пріобрѣтенію для своего вліянія болѣе обширнаго поприща дѣятельности, направленной на ознакомленіе вновь покоряемыхъ народовъ съ плодами высшей гражданственности. Съ усиленною энергіею, сокрушая на Кавказѣ упорное сопротивленіе воинственныхъ горцевъ, окружая персидскій престолъ своими приверженцами, ведущими постоянную борьбу съ англійскими и французскими агентами, относительно первенства въ управленіи дѣлами страны, Россія, въ то же время, предоставляетъ кочующимъ племенамъ сѣвера, находящимся подъ непосредственнымъ управленіемъ собственныхъ родоначальниковъ, такую свободу, что они почти и не подозрѣваютъ, что называются подданными европейскаго государя. Зато номадовъ юга, обитающихъ въ странахъ, сосѣднихъ съ обширною Сибирью, Россія подчиняетъ себѣ умною политикою и мудрымъ разсчетомъ, осторожно воздерживаясь отъ организованія ихъ въ отдѣльныя государственныя общества, управляемыя на началахъ монархически неограниченныхъ, и оставляя имъ ихъ прежнюю патріархальную форму правленія, подъ властью ихъ природныхъ начальниковъ, которыхъ она старается привлечь къ себѣ подарками, орденами, титулами и другими отличіями, льстя, такимъ образомъ, ихъ корыстолюбивымъ и честолюбивымъ страстямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ строго наказывая всякую попытку къ предательству и къ измѣнѣ даннымъ обѣщаніямъ. Въ отношеніи къ племенамъ тунгузской и монгольской группы

народовъ, равно и чудскимъ или сибирскимъ племенамъ, Россія имѣетъ полное, законное право на подобное владычество, и вліяніе ея можетъ быть признано вполнѣ благодѣтельнымъ, медленно растворяя ледяную кору, окружающую Сибирь, и путемъ мирнаго завоеванія открывая въ нее доступъ европейской цивилизаціи. Даже и въ настоящее время пріобрѣтенія ея оказываются неоцѣненными собственно на поприщѣ науки, хотя другихъ прямыхъ выгодъ политическихъ или меркантильныхъ они Европѣ и не доставляютъ. Изслѣдованія, предпринимаемыя по распоряженію русскаго правительства и частными лицами, ежегодно обогащаютъ наши познанія о тѣхъ странахъ, представляющихъ еще много загадокъ, требующихъ разъясненія, такими значительными пріобрѣтеніями, которыя чувствительно превосходятъ умственныя добычи предшествовавшихъ столѣтій. Съ безпримѣрною щедростью, которую Россія всегда оказывала для ученыхъ цѣлей, снабженные всѣмъ необходимымъ, ежегодно отправляются молодые люди изъ среды арміи, флота и горнаго вѣдомства, послѣ продолжительнаго подготовленія и серіознаго изученія всѣхъ подробностей, относящихся до предположенной цѣли, въ далекія страны Западной и Восточной Сибири и сосѣднихъ съ нею земель, еще недостаточно изслѣдованныхъ, съ цѣлью разсѣять существующій тамъ мракъ, и указать вѣрныя и надлежащія средства для подготовленія почвы, способной принять сѣмена высшей цивилизаціи, проводникомъ которой является въ тѣхъ странахъ Россія. Впрочемъ, еще гораздо прежде, когда только началось знакомство съ сѣверною Азіею, первоначальныя свѣдѣнія о тѣхъ странахъ доставлены были русскими и нѣмцами, трудившимися помощью средствъ, доставленныхъ русскими и подъ защитою русскаго вліянія. Хотя съ открытіемъ морскаго пути, вокругъ Мыса Доброй Надежды, указаннаго знаменитымъ мореплавателемъ Васко-де-Гама, для науки открылась новая эпоха; однако же всѣ открытія, слѣдовавшія одно за другимъ въ теченіе XVI столѣтія, были обращены преимущественно

на изслѣдованіе восточнаго и южнаго береговъ азіятскаго материка. Но съ паденіемъ, во второй половинѣ XVI столѣтія, царства Сибирскаго, начался рядъ тѣхъ предпріятій со стороны русскихъ, которыя положили начало знакомству съ Сибирью: еще при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ собраны были, черезъ англичанина Дженкинсона и нѣкоторыхъ голландцевъ, болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о тѣхъ странахъ и о судоходствѣ на Каспійскомъ морѣ. Однимъ изъ первыхъ предпріятій въ этомъ родѣ былъ переходъ черезъ Уралъ атамана Петрова съ партіею. Но всѣ усилія перваго завоевателя Сибирскаго царства, Ермака Тимоѳеева, и его товарищей, равно и послѣдующія распоряженія московскихъ государей, имѣвшія цѣлію, вмѣстѣ съ водвореніемъ и расширеніемъ русскаго владычества, изслѣдованіе естественныхъ условій страны, все это представляется ничтожнымъ въ сравненіи съ обширными планами и предначертаніями Петра Великаго, коего неутомимый духъ стремился извѣдать во всѣхъ подробностяхъ еще малоизвѣстныя пространства, лежащія по ту сторону Уральскаго хребта. Только смерть могла удержать его отъ поѣздки въ Сибирь, для личнаго знакомства со страною. Впрочемъ, уже при немъ была изслѣдована и опредѣлена китайская граница, и составлены предположенія объ учрежденіи въ Иркутскѣ землемѣрскаго и штурманскаго училищъ; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ русскихъ экспедицій къ сѣверу, которыя, по обширности задуманныхъ цѣлей и предоставленныхъ въ распоряженіе ихъ средствъ, по неутомимому преслѣдованію цѣли, въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, при неослабной поддержкѣ правительства, по безстрашной отвагѣ и мужественному перенесенію участниками всякаго рода лишеній, могутъ быть поставлены на ряду съ попытками къ отысканію Франклина. Наука обязана этимъ предпріятіямъ тѣмъ, что она уже болѣе 125 лѣтъ тому назадъ пріобрѣла довольно достовѣрныя свѣдѣнія о сѣверномъ берегѣ Азіи и о раздѣленіи существующемъ, между материкомъ Азіи и западною Америкою, а

также о положеніи сѣверныхъ частей Японіи, такъ упорно ограждающей себя отъ всякаго сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Одновременно съ этими изслѣдованіями, предпринято было опредѣленіе широты и долготы важнѣйшихъ пунктовъ на астрономическихъ началахъ, которое и теперь еще, по прошествіи почти полутораста лѣтъ, за маловажными, едва заслуживающимъ рѣчи, ошибками, признается нормою въ этомъ отношеніи. Независимо отъ морскихъ экспедицій, съ которыми, около половины прошедшаго столѣтія, связалъ на вѣчныя времена свое имя знаменитый Берингъ, слѣдовали поѣздки тѣхъ героевъ науки, которымъ поставлено было задачею, на основаніи уже сдѣланныхъ открытій, произвесть болѣе глубокія изслѣдованія. Болѣе подробному и точному изслѣдованію подверглась также и внутренность сосѣднихъ странъ, знакомство съ которыми до того времени ограничивалось только свѣдѣніями, доставленными о нихъ іезуитами, которые, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, успѣли проникнуть въ тѣ страны съ востока и юга, дѣйствуя въ качествѣ неутомимыхъ проповѣдниковъ христіанства, съ такимъ невѣроятнымъ успѣхомъ, который можно объяснить только ихъ мудрою осторожностью и вѣрною оцѣнкою мѣстныхъ отношеній. Пути, которымъ они слѣдовали подъ защитою сопровождавшихъ ихъ китайскихъ отрядовъ, а именно караванная дорога, идущая черезъ степь Гоби, вдоль рѣкъ Керлона и Сахалина, или нынѣшней Шилки, къ Амуру, описаны ими съ замѣчательною подробностью, представляющею живую картину тѣхъ мѣстностей. Замѣчательный во всемъ, что касалось духовнаго прогресса, блистательной образъ Великой Екатерины, представляется и здѣсь окруженнымъ славою и блескомъ по тому участію, какое она оказывала подобнаго рода предпріятіямъ. Подобно тому, какъ прежде блистали имена Гмелина, Делиля и Миллера, прославились при ней имена: другаго Гмелина, снискавшаго себѣ извѣстность на одномъ поприщѣ съ дядею, Палласа, Гюльденштедта, Лопухина, Соколова, Зуева и Рычкова, въ качествѣ изслѣ-

дователей русскихъ областей въ Азіи. Кромѣ того, богатый запасъ свѣдѣній о тѣхъ странахъ собранъ былъ во время посольства и поѣздокъ Пастырева, Головнина и Тимковскаго, въ теченіе прошедшаго и въ началѣ настоящаго столѣтій. О восточномъ берегѣ азіятскаго материка доставлены были положительныя свѣдѣнія несчастнымъ Лаперузомъ, погибшимъ такою ужасною смертью; открытія, сдѣланныя имъ въ Японскомъ и Охотскомъ моряхъ, подстрекнули дѣятельность русскаго правительства, и побудили его къ повѣркѣ картъ, составленныхъ іезуитами, и къ пересмотру показаній китайскихъ географовъ объ этихъ странахъ. Послѣднее совершено было успѣшно въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія знаменитымъ русскимъ мореходцемъ Крузенштерномъ, начавшимъ свои изысканія съ того пункта, гдѣ кончилъ Лаперузъ. Онъ первый обогнулъ важный и обширный островъ Сахалинъ, названный у Лаперуза островомъ Чоко, и указалъ на благопріятныя условія, представляемыя этимъ островомъ для европейской колонизаціи. Онъ первый изъ европейцевъ достигъ на своемъ суднѣ прѣсныхъ водъ Амура, хотя собственно въ устье этой царственной рѣки онъ не успѣлъ войти. Изъ прочихъ путешественниковъ, особенную услугу наукѣ своими изслѣдованіями о Сибири оказали: адмиралъ Врангель, своею поѣздкою, между 1820 и 1824 г., вдоль сѣвернаго берега, въ теченіе которой онъ успѣлъ собрать цѣлую массу замѣтокъ и наблюденій, физическихъ, этнографическихъ и географическихъ; Эрманъ, сопровождавшій Гансена въ 1828 г., во время его поѣздки по Западной Сибири, цѣль коей состояла въ наблюденіяхъ надъ дѣйствіемъ магнита. Впрочемъ Эрманъ, воспользовавшись этимъ случаемъ, простеръ свою поѣздку черезъ всю сѣверную часть азіятскаго материка, и посѣтилъ оба океана. Съ подобною же цѣлью совершены были поѣздки русскими учеными Фусомъ, Ѳедоровымъ, берлинскимъ естествоиспытателемъ Лесингомъ и Ледебуромъ, снискавшимъ себѣ извѣстность своимъ „путешествіемъ въ Алтай“. Но самые богатые результаты на этомъ



Бѣда съ почтою зимою.

поприщѣ добыты были во время поѣздки 1829 г. къ горамъ Урала и Алтая и къ Каспійскому морю, совершенной тремя знаменитыми учеными Густавомъ Розе, Эренбергомъ и Александромъ Гумбольдтомъ, коихъ при семъ случаѣ сопровождали нѣсколько другихъ лицъ. Послѣ нихъ, русскіе уже вполнѣ овладѣли этимъ поприщемъ изслѣдованій, и изысканія ихъ, о которыхъ упомянуто въ началѣ этой главы, были продолжаемы еще въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Такъ, Александръ Бунге (бывшій въ послѣдствіи профессоромъ въ Казани и въ Дерптѣ), по порученію императорской академіи наукъ въ С.-Петербургѣ, сопровождавшій въ 1830 и 1831 гг., въ качествѣ естествоиспытателя русскую духовную миссію, отправлявшуюся въ Китай, имѣлъ возможность, во время переѣзда по этому пути, изучить флору южной Сибири и степи Гоби, а во время вторичнаго своего переѣзда, въ 1832 г., онъ производилъ наблюденія и въ восточной части Алтайскихъ горъ. Турчаниновымъ предприняты были изысканія въ окрестностяхъ Байкальскаго озера, въ Даѵріи и въ степяхъ Монголіи; Геблеръ, въ 1833 и 1835 гг., изслѣдовалъ Алтай, а Гельмерсенъ (въ 1834 г.), кромѣ этой горной системы, включилъ въ кругъ своихъ изысканій и альпійское озеро Алтынъ-Кулъ; Политовъ, въ 1838 г., объѣздилъ озеро Зайсанъ, верховья Иртыша и горы Тарбагатая; Шренкъ, въ 1840 г., подвергнулъ тщательному изученію озеро Балкашъ съ окрестностями, а Карелинъ посвятилъ 1839 и 1843 гг. поѣздкѣ по неизмѣримымъ пространствамъ Сибири. Къ какимъ чудеснымъ результатамъ привели эти энергическія усилія настоящаго времени, доказательствомъ служитъ исполинскій трудъ „Землевѣдѣнія Карла Риттера“, творца новѣйшей географіи, который первый возвысилъ ее на степень науки, разработалъ богатую, но безпорядочную груду, накопившагося съ давнихъ временъ, матеріяла, разобравъ его критически и соединивъ прочными нитями въ одно стройное цѣлое, въ которое онъ включилъ, какъ часть, и центральную Азію, и представилъ полную картину ея во всѣхъ

отношеніяхъ. Впрочемъ, со времени появленія этого сочиненія, часть котораго уже переведена Семеновымъ на русскій языкъ, и издана имъ съ дополненіями и объясненіями, равняющимися труду самого Риттера, матеріялъ для географіи этихъ странъ началъ скопляться въ такомъ количествѣ, что мы находимся вынужденными отказаться отъ возможности приводить частные выводы каждаго изслѣдователя. Въ настоящее время, колонизація южной окраины Сибири, отчасти при содѣйствіи правительства, но болѣе безъ его участія, подвигается весьма быстрыми шагами впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращаются разнаго рода изслѣдованія, измѣренія, и административныя распоряженія, имѣющія цѣлью соединить и связать, не смотря на отдѣляющія пустыни и почти необитаемыя пространства, новыя территоріяльныя пріобрѣтенія съ древнею государственною областью. Съ конца сороковыхъ годовъ въ Восточной Сибири производятся въ обширномъ размѣрѣ топографическія изслѣдованія и метеорологическія наблюденія, а съ тѣхъ поръ, какъ война съ западными державами обнаружила всю важность Амура для Сибири и для значенія русскаго могущества въ Восточномъ океанѣ, прежній планъ болѣе сильной колонизаціи въ Камчаткѣ отвергнутъ, и взамѣнъ этого вниманіе русскаго могущества обращено на восточный берегъ Сибири и на Амурскую область. Вмѣстѣ съ тѣмъ туда направились и усилія ученой экспедиціи, снаряженной русскимъ географическимъ обществомъ, въ помощь правительственнымъ изслѣдованіямъ. Цѣлыя тысячи переселенцевъ и солдатъ, назначенныхъ въ Камчатку, были направлены къ берегамъ Амура; изъ областей, лежащихъ по берегамъ и около устья этой рѣки, была образована особая „Приморская область“, съ отдѣльнымъ военнымъ губернаторомъ, имѣющимъ пребываніе въ Николаевскѣ на Амурѣ, и туда перенесено главное средоточіе гражданскаго и военнаго управленія морскихъ и военныхъ силъ. Результаты, добытые неусыпною дѣятельностью пытливаго духа и энергическими усиліями русскаго общества,

изложены А. Миддендорфомъ въ его обширномъ трудѣ, изданномъ подъ заглавіемъ „Путешествіе по Сибири“, вмѣстѣ съ его собственными изслѣдованіями въ негостепріимныхъ странахъ Сѣверной и Восточной Сибири. Сочиненіе Миддендорфа имѣетъ предметомъ изобразить не только географію Сибири, но и гидрографію, орографію и геогнозію, равно какъ и климатъ этой страны, а также царства растительное и животное и, въ особомъ томѣ, самаго человѣка въ Сибири. Указаніями Миддендорфа мы намѣрены руководствоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи прошедшихъ судебъ и предполагаемой будущности этихъ новоизслѣдываемыхъ странъ.

Въ 1636 году, въ первый разъ дошли до сибирскихъ властей слухи о какой-то обѣтованной землѣ, богатой естественными произведеніями и изобилующей дорогими соболями, шелковыми и бумажными тканями, золотомъ, серебромъ и благородными каменьями. Свѣдѣнія эти сообщены были русскимъ звѣроловамъ одновременно, и въ одномъ и томъ же духѣ, какъ тунгузами, съ береговъ Байкала и Витима, такъ и другими племенами тунгузовъ, живущими по берегамъ Охотскаго моря, и находящимися отъ первыхъ въ разстояніи тысячи верстъ; звѣроловы же донесли объ этомъ царскимъ воеводамъ въ Енисейскѣ и Томскѣ, которые и поспѣшили снарядить партію для удостовѣренія въ дѣйствительности дошедшихъ слуховъ. Но пока тѣ еще собирались, якутскій воевода поспѣшилъ выслать казацкаго атамана Василія Пояркова, съ партіею промышленниковъ, записавшихся въ казаки, въ числѣ 132 человѣкъ, поручивъ имъ собрать болѣе подробныя свѣдѣнія объ Амурской землѣ, столь привлекательной для ихъ корыстолюбія. Поярковъ поднялся съ своими охотниками вверхъ по теченію рѣки Алдана и его притоковъ, и, переваливъ черезъ Становой хребетъ, спустился по Зеѣ къ Амуру; продолжая путь далѣе внизъ по теченію Амура, Поярковъ вышелъ въ море, откуда возвратился уже послѣ трехлѣтняго плаванія, прошедши отъ устья Амура, вдоль берега Охотскаго моря, до устья р. Ульи, немного

южнѣе Охотска, причемъ, на обратномъ пути, у Тугурскаго залива замѣтилъ группу Шантарскихъ острововъ. Такимъ образомъ, Поярковъ былъ первый русскій, прошедшій Амурскую землю; впрочемъ, верхняго теченія этой рѣки Поярковъ не видалъ. Третья часть его партіи погибла въ этихъ страшно холодныхъ странахъ голодною смертью, не смотря на то, что спутники Пояркова питались трупами убитыхъ ими туземцевъ и павшихъ товарищей. Не взирая, однако же, на эти ужасы, повторившіеся въ послѣдствіи еще въ 1656 г., жажда, возбужденная къ завладѣнію Амуромъ, не ослабѣвала между русскими промышленниками, хотя серебряная руда, набранная Поярковымъ, во время его странствованія, при ближайшемъ изслѣдованіи, превратилась въ скудные кусочки этого металла, завезеннаго на берега Амура изъ Китая, путемъ торговыхъ сношеній. — Другой предпріимчивый искатель приключеній, Ерофей Хабаровъ, избравъ иной путь, вверхъ по теченію Олекмы, а потомъ внизъ по р. Уркѣ, достигъ, въ 1649 г., верхняго теченія Амура, и, утвердившись на берегахъ этой рѣки, спустился внизъ по теченію ея, а потомъ возвратился тѣмъ же путемъ. Ежегодно къ нему начали прибывать новыя партіи охотниковъ, и число казаковъ его увеличилось. Вдоль верхняго Амура и по нижнему теченію Зеи, Хабаровъ встрѣтилъ осѣдлыя племена, занимавшіяся хлѣбопашествомъ, и жившія соединенными обществами для взаимной защиты, подъ управленіемъ знатныхъ правителей; племена эти уже давно принуждены были платить дань манчжурамъ. Встрѣченныя ими деревни туземцевъ состояли иногда не болѣе какъ изъ 10, а въ другой разъ изъ 60 и до 80 хижинъ. Многія мѣстечки защищены были отъ нападенія валами и рвами съ потаенными ходами и корридорами, выходившими къ водѣ. Въ полѣ возвышались, господствовавшія надъ окрестностью, башни, а когда наружныя укрѣпленія были заняты русскими, то осажденные отступали въ находившіяся за ними внутреннія отдѣленія, и продолжали защищать ихъ съ замѣчательнымъ мужествомъ,

не будучи, однако жъ, въ состояніи противостоять воинскому искусству и храбрости русскихъ, имѣвшихъ съ собою, кромѣ ружей, три пушки. При занятіи перваго изъ значительнѣйшихъ острововъ даурскихъ, найдено было русскими до 660 убитыхъ, тогда какъ сами побѣдители лишились только четырехъ человѣкъ. Подобныя крѣпостцы попадались русскимъ также по верхнему теченію Амура, гдѣ существовавшее прежде хлѣбопашество было вовсе уничтожено послѣдовавшими затѣмъ столкновеніями значительныхъ военныхъ силъ. Но далѣе, на нижнемъ Амурѣ, русскіе встрѣтили у манчжуровъ до 15 пушекъ, трехъ и четырехъ-ствольныя ружья, разрывные горшки, для защиты укрѣпленныхъ остроговъ, и надлежащіе запасы пороха; тогда какъ русскіе искатели приключеній были дурно вооружены, терпѣли недостатокъ въ огнестрѣльномъ матеріялѣ, и пришли въ разстройство отъ пробудившагося между ними духа непокорности, отсутствія хорошаго руководителя и даже бѣгства нѣкоторыхъ. Нѣкоторое значеніе и важность пріобрѣли завоеванія казаковъ въ первый разъ въ 1653 г., когда имъ обѣщаны были награды за понесенные труды, и посулены были значительныя подкрѣпленія. Сорокъ лѣтъ продолжалась борьба пришлыхъ завоевателей съ китайцами, къ которымъ непрестанно прибывали на помощь новыя, хорошо вооруженныя и снабженныя всѣмъ необходимымъ многочисленныя толпы манчжурскихъ войскъ. Впрочемъ, нижній Амуръ былъ вскорѣ вовсе покинутъ русскими, и они стали появляться тамъ только наѣздами, собирая дань и отнимая у китайцевъ хлѣбъ; на верхнемъ же Амурѣ сосредоточеніемъ всѣхъ предпріятій сдѣлался Албазинъ; но такъ какъ прежніе посѣвы были истреблены, а жители были переведены китайцами на берега рѣки Нонни, да притомъ, вслѣдствіе безконечныхъ грабежей и жестокостей, были расположены враждебно къ русскимъ, то послѣдніе вынуждены были сами приняться за хлѣбопашество. Въ 1672 г. положено было основаніе первымъ колоніямъ. Во время обложенія Албазина китайцами (въ 1685 г.),

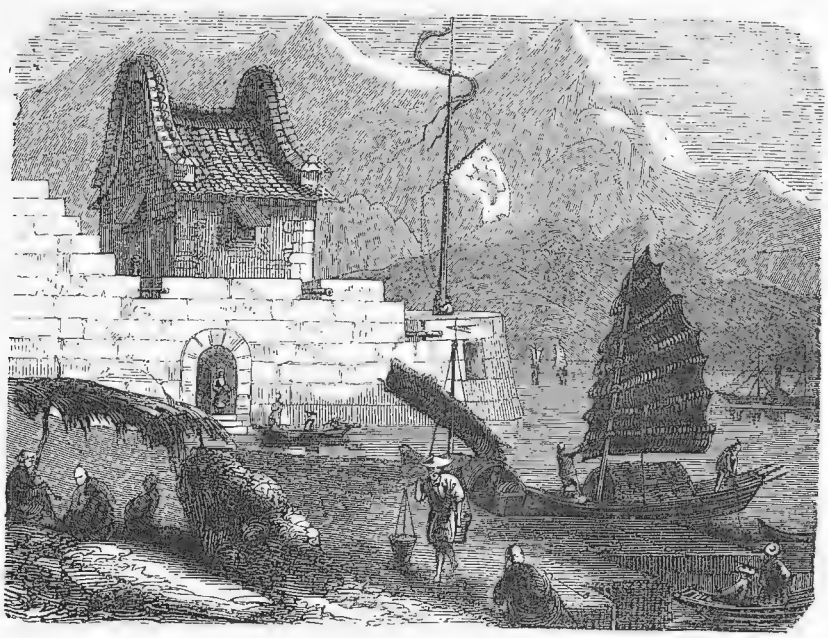
тамъ считалось уже до 40 домовъ съ церковью и, кромѣ того, при городѣ имѣлось до тысячи десятинъ обработанной земли подъ посѣвами. Изъ Албазина отправляемы были цѣлые склады мѣховъ и другихъ цѣнныхъ произведеній, съ неотступною просьбою о скорѣйшей присылкѣ помощи и военныхъ снарядовъ; но, вмѣсто того, правительство посылало награды и прощеніе бывшимъ бѣглецамъ и преступникамъ, съ предписаніемъ обратиться за помощью въ Иркутскъ, гдѣ всего на все было только четыре пушки, да и то двѣ изъ нихъ негодныя. Что касается до дипломатическихъ сношеній русскихъ съ китайцами, то, еще въ 1649 г., начаты были переговоры первыми завоевателями, и китайцы, повидимому, были согласны предоставить Албазинъ русскимъ, съ тѣмъ только, чтобы положенъ былъ конецъ грабежамъ казаковъ по Амуру. Но когда, нѣсколько лѣтъ спустя, найденъ былъ черезъ Байкалъ прямой путь къ Амуру (въ 1653 г.) по рѣкѣ Шилкѣ и за этимъ послѣдовало, въ 1658 г., основаніе Нерчинска, сдѣлавшагося посредникомъ между метрополіею и Амурскою землею, прибыло отъ китайцевъ, въ 1670 г., посольство съ жалобою на опустошенія, производимыя русскими промышленниками казаками по берегамъ Зунгари. Въ отвѣтъ на это, изъ Нерчинска отправленъ былъ посланникомъ Игнатій Милованов, съ четырьмя спутниками; въ Пекинѣ онъ былъ принятъ самимъ императоромъ, который его богато одарилъ, и, вручивъ Милованову письмо къ самому царю, отправилъ его назадъ подъ прикрытіемъ особаго мандарина съ 65 спутниками. Пять лѣтъ спустя, отправлено было новое русское посольство въ Китай, которое было поручено природному греку, Спафарію; переговоры ведены были имъ неудачно для русскаго правительства, и оно должно было запретить не только грабежи, производимые русскими по нижнему Амуру, но и сборъ ясака съ туземцевъ, живущихъ по р. Зеѣ, на берегахъ которой уже появился цѣлый рядъ укрѣпленныхъ остроговъ или улусовъ. Съ этого времени начались враждебныя дѣй-

ствія китайскаго правительства, и когда, въ 1682 г., вновь выслана была изъ Албазина вооруженная партія внизъ по Амуру къ берегамъ Буреи, то китайцы, разрушивъ всѣ маленькія крѣпостцы русскихъ, подступили къ Албазину съ многочисленнымъ войскомъ; между тѣмъ какъ у китайцевъ было до 10,000 войска, 100 полевыхъ и 40 осадныхъ орудій, у русскихъ едва насчитывали 450 человѣкъ, способныхъ защищать городъ, съ тремя пушками и 300 ружьями, при ощутительномъ недостаткѣ пороха. Не смотря на мужественную защиту, русскіе, ослабленные бѣгствомъ двадцати пяти человѣкъ, вынуждены были уступить китайцамъ и оставить городъ; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ русскіе возвратились съ свѣжими подкрѣпленіями и съ 5 пушками, и снова заняли Албазинъ. Въ слѣдующемъ году опять появилось китайское войско, и началась вторая осада Албазина. Русскій воевода Толбузинъ погибъ, но заступившій его мѣсто, полковникъ Аѳанасій Бейтонъ, мужественно выдержалъ осаду, не смотря ни на какія лишенія и скорбутъ, истребившій бо́льшую часть гарнизона; слишкомъ годъ продолжалась осада, и кончилась лишь тогда, когда начаты были переговоры о заключеніи пограничнаго договора (въ 1687 году).

Переговоры о заключеніи договора, коимъ опредѣлены были границы между обѣими великими державами, ведены были со стороны Россіи посланникомъ Головинымъ; но такъ какъ около этого времени монголы, по наущенію китайцевъ, осадили Селенгинскъ, то договоръ заключенъ былъ Головинымъ невыгодно для Россіи, не смотря на то, что, во время появленія русскихъ на берегахъ Амура, китайская династія Мингъ была низвергнута манчжурами, которые возвели на престолъ Поднебесной имперіи великаго Канъ-Си, природнаго манчжура. Однимъ изъ условій этого трактата, между прочимъ, было постановлено, провинившихся въ нарушеніи правилъ о соблюденіи границъ, выдавать начальствующимъ въ пограничныхъ городахъ, для преданія ихъ заслуженному на-

казанію, которое иногда состояло въ лишеніи жизни, если виновнымъ, кромѣ того, были произведены грабежи или убійства.

При возобновленіи договора о границахъ, подписаннаго графомъ Рагузинскимъ, въ 1728 г., наказаніе за нарушеніе границъ еще было усилено, и положено, что провинив-



Китайскій пограничный постъ.

шійся въ этомъ долженъ быть казненъ черезъ повѣшеніе на мѣстѣ самой поимки, между тѣмъ какъ воръ, пойманный въ кражѣ, наказывался въ первый разъ уплатою въ десять разъ болѣе стоимости похищеннаго, во второй разъ платежемъ двадцатикратной стоимости, а въ третій разъ подвергался смертной казни.

По заключеніи съ китайцами перваго договора, русское правительство устремило свои усилія на водвореніе своей власти въ Забайкальѣ, и, въ видахъ сохраненія мира съ ки-

тайскимъ правительствомъ, предписало наистрожайшее соблюденіе условій договора и неприкосновенности границъ. Впрочемъ, переходъ черезъ границу для отдѣльныхъ личностей сдѣлался вскорѣ затѣмъ весьма затруднителенъ, если не невозможенъ вовсе, потому что туземцы, такъ много страдавшіе отъ предшествовавшихъ набѣговъ русскихъ промышленниковъ и казаковъ, сдѣлались слишкомъ недовѣрчивы къ русскимъ, и рѣшились не давать пощады даже одинокимъ перебѣжчикамъ: вмѣсто того, чтобы выдавать подобныхъ нарушителей границъ китайскимъ властямъ, они стали, во избѣжаніе непріятностей со стороны послѣднихъ, расправляться съ такими преступниками сами. Съ своей стороны и китайцы, чтобы упрочить себѣ обладаніе Манчжуріею, принялись за постройку новыхъ городовъ и земледѣльческихъ колоній, за проведеніе лучшихъ путей сообщеній и т. п.; между прочимъ, открыли особое училище для изученія русскаго языка, въ которомъ постоянно содержали 24 мальчиковъ изъ манчжуровъ, назначивъ для этого 15-лѣтній срокъ. Между тѣмъ, при заключеніи договора въ 1689 году, вслѣдствіе незнанія мѣстности, граница между владѣніями русскими и Манчжуріею не могла быть опредѣлена съ точностью, и потому, когда русскіе ознакомились ближе съ направленіемъ Становаго хребта, долженствовавшаго, по настоянію китайцевъ, составлять гребнемъ своимъ пограничную черту на западѣ отъ рѣки Горбицы, то объявили рѣшительно, что рѣка Уда принадлежитъ исключительно Россіи, но притомъ изъявили готовность, при новомъ регулированіи границъ, устроить это дѣло дружественнымъ образомъ. Не смотря, однакоже, на неоднократныя напоминанія, со стороны китайцевъ, требованіе ихъ о регулированіи границы, по разнымъ причинамъ, не могло быть исполнено. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности, взаимныя отношенія пограничныхъ жителей устроились совершенно не такъ какъ постановлено было трактатомъ, и на дѣлѣ предполагаемаго герметическаго разъединенія обѣихъ державъ вовсе не су-

ществовало. Для тунгузовъ, наприм., и прочихъ бродячихъ народовъ въ Сибири, существованіе коихъ было въ зависимости отъ мѣстонахожденія оленей и другихъ звѣрей, было рѣшительно невозможно соблюдать пограничную черту, раздѣлившую по мирному трактату тѣ области, гдѣ они съ дѣтства привыкли охотиться. Постоянно гоняясь за дикими оленями, изюбрями и соболями, они безпрестанно вынуждены бывали переходить съ одного склона горнаго хребта на другой. Такое положеніе вещей осталось неизмѣннымъ почти въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ, и потомки инородцевъ, сообщившихъ казакамъ, въ началѣ прошедшаго столѣтія, описаніе Амура, имѣютъ обыкновеніемъ и теперь еще изъ окрестностей Охотска переходить къ берегамъ этой рѣки, спускаясь градусами девятью южнѣе. Такимъ образомъ, когда возникали со стороны китайцевъ жалобы на нарушеніе сибирскими жителями пограничной черты, въ оправданіе такихъ нарушеній приводилось всегда то обстоятельство, что бродячіе туземцы вынуждены были къ тому боязнью голода, между тѣмъ какъ истинная причина заключалась въ ложности самаго начала, коимъ руководствовались при опредѣленіи границъ. Притомъ же, вслѣдствіе предпринятаго китайцами переселенія хлѣбопашествующихъ племенъ съ лѣваго берега Амура на правый берегъ рѣки Нонни, пограничная область совершенно обнажилась отъ населенія, такъ что вскорѣ исчезло даже и воспоминаніе о существованіи границы, и вслѣдъ за русскими звѣроловами, подвинулись къ югу и прочіе номады, и даже нерчинскіе хлѣбопашцы. За тунгузами послѣдовали якутскіе промышленники, производившіе мѣновой торгъ съ туземцами, а имъ навстрѣчу стали приближаться китайскіе тунгузы, перекупавшіе у пограничныхъ казаковъ на верхнемъ Амурѣ муку, и продававшіе ее вмѣстѣ съ своими степными лошадками племенамъ, живщимъ по нижнему Амуру. Уже, градуса на четыре южнѣе, вся область занята была русскими номадами, которые стали напирать все болѣе къ югу, такъ что только пожары

лѣсовъ могли избавить обитателей Даурiи отъ окончательнаго стѣсненія ихъ русскими номадами. Китайскіе кочевники, стараясь доставить хорошія пастбища своимъ табунамъ, пускали по степи палы такъ неосторожно, что огонь, проникая въ лѣса, истреблялъ огромныя лѣсныя пространства, отчего конечно, на мѣсто старыхъ, высохшихъ листьевъ, вырастала молодая сочная травка, но зато вмѣстѣ съ старою травою пропадалъ и мохъ, которымъ питаются олени, а это и удерживало оленьихъ тунгузовъ отъ переселенія въ тѣ мѣстности. Между тѣмъ, пока все это происходило, у мѣстныхъ сибирскихъ властей господствовало полное разногласіе на счетъ границъ; нѣсколько разъ оказывалось необходимымъ посылать особыя экспедиціи, для отысканія затерянныхъ пограничныхъ знаковъ, разставленныхъ китайцами послѣ договора 1689 г. Такимъ образомъ, полковникъ Лодыженскій, совершивъ плаваніе по Амуру, предпринялъ надлежащія для сего съемки, и, изучивъ, во время пребыванія съ миссіею въ Пекинѣ, китайскіе источники, отыскалъ мѣстонахожденіе пограничныхъ знаковъ въ области, которая оставалась до тѣхъ поръ спорною; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приготовилъ проектъ для военнаго занятія Амура. Во время поѣздки, предпринятой Миддендорфомъ (съ 2 октября 1844 г. до половины января 1845 г.) отъ охотскаго берега и Тунгурскаго залива, вдоль южнаго склона Становаго хребта, до Забайкальскаго края, ему попадались въ китайскихъ лѣсахъ, вмѣстѣ съ пьяными тунгузами, небольшіе отряды сибирскихъ пограничныхъ казаковъ, вмѣстѣ съ своими непосредственными начальниками, которые съ замѣчательнымъ добродушіемъ прямо ему признались, что только страхъ передъ собственнымъ начальствомъ заставляетъ ихъ воздерживаться отъ перехода черезъ границу, но что для нихъ самый прибыльный промыселъ заключается въ торговлѣ пушнымъ товаромъ съ инородцами, въ предѣлахъ китайскихъ владѣній, и что они тамъ собираютъ даже ясакъ для русскаго правительства. Еще поразительнѣе было другое, сдѣланное Миддендорфомъ откры-

тіе, состоявшее въ томъ, что цѣлый рядъ китайскихъ пограничныхъ знаковъ найденъ былъ несравненно далѣе къ югу отъ гребня пограничныхъ горъ, что, по русскимъ понятіямъ, собственно приходилось далеко въ глубь китайскихъ владѣній. Впрочемъ, этими знаками довольно вѣрно была разграничена горная область русскихъ оленьихъ тунгузовъ отъ степныхъ пространствъ, представляющихъ великолѣпныя кочевья для китайскихъ номадовъ, и тунгузы, какъ очевидцы, засвидѣтельствовали, что повѣрка этихъ знаковъ производилась черезъ каждые три года особо пріѣзжавшею для того коммиссіею. Номады, встрѣченные Миддендорфомъ, состояли почти внѣ всякихъ отношеній къ китайцамъ, и платили имъ дань только тогда, когда сами хотѣли, но къ владычеству русскихъ питали сильный страхъ, храня въ памяти преданія о жестокомъ обращеніи съ ихъ племенами прежнихъ завоевателей, казаковъ.

Необходимость свободнаго плаванія по теченію Амура, для южной Сибири вообще, но въ особенности для Забайкальскаго края и для мѣстностей, лежащихъ по берегу Тихаго океана, обратила на себя вниманіе русскаго правительства еще въ 1681 г.; объ этомъ же хлопатали купцы въ 1716 г., а академикъ Миллеръ, въ 1741 г., предлагалъ планъ основать торговыя сношенія съ китайцами посредствомъ Зунгари; затѣмъ, въ 1746, 1753, 1757 и 1802 гг., подобныя предложенія поступили съ разныхъ сторонъ, причемъ въ 1802 г. мысль эта была въ первый разъ высказана печатно. Въ 1805 г., Крузенштернъ, во время своего кругосвѣтнаго плаванія, указалъ на возможность водворенія колонистовъ въ южной части Сахалина, подъ чѣмъ подразумѣвалось занятіе Амура. Головинъ, во время своего посольства въ Китай, въ 1806 г., домогался дипломатическимъ путемъ права на плаваніе по Амуру, для нѣкотораго числа транспортныхъ судовъ. Въ 1816 г., того же добивалась компанія сѣвероамериканскихъ торговцевъ пушными мѣхами. Въ 1830 г., отважный мореплаватель Геденштромъ съ юношескимъ жаромъ

и съ замѣчательнымъ увлеченіемъ требовалъ печатно осуществленія этого предположенія, а въ 1848 и 1849 гг. рѣчь объ этомъ вопросѣ возникала даже и въ офиціальныхъ органахъ. Одновременно съ этимъ, императорская академія наукъ и с.-петербургское географическое общество снарядили, для изслѣдованія Восточной Сибири, особыя экспедиціи, которыя, кромѣ ученыхъ цѣлей, имѣли задачею ознакомиться поближе съ политическою стороною тамошнихъ мѣстныхъ отношеній. Одной изъ таковыхъ экспедицій, состоявшей изъ одного офицера и четырехъ казаковъ, поручено было, между прочимъ, для изслѣдованія прибрежья Амура, спуститься внизъ по теченію этой рѣки. Такъ какъ люди эти были снабжены достаточнымъ запасомъ жизненныхъ припасовъ и имѣли оружіе, то можно было предполагать, что китайцы пропустятъ этотъ ничтожный отрядъ безпрепятственно. Сверхъ того, офицеру вручены были телескопъ, нѣкоторые инструменты для производства наблюденій и извѣстная сумма денегъ въ золотой монетѣ. Экспедиціи было предписано избѣгать сношеній съ китайскими властями, и наблюдать попадающіеся ей на пути города и села только издали, не вступая въ нихъ; съ другой стороны имъ поручено было заботиться объ установленіи добраго согласія съ жителями, съ каковою цѣлью экспедиціею взято было съ собою нѣкоторое количество такого рода предметовъ, которые могли бы быть розданы въ видѣ подарковъ. Ожидали, что экспедиція успѣетъ разрѣшить предположенную ей задачу въ теченіе 9 мѣсяцевъ, и что она, въ случаѣ если наткнется на какія-нибудь неожиданныя затрудненія, немедленно же возвратится. Но срокъ, назначенный для возвращенія миновалъ, а объ экспедиціи и слухъ пропалъ. Всѣ разспросы у оронченовъ и у тунгузскихъ звѣропромышленниковъ на счетъ того, не была ли экспедиція захвачена китайцами, не смотря ни на какія усилія, не привели ни къ чему. Въ 1852 г., кяхтинскій градоначальникъ сообщилъ китайскому губернатору въ Ургѣ, что одинъ русскій офицеръ, съ четырьмя рядовыми,

захвативъ значительную сумму денегъ и нѣкоторые инструменты, бѣжали въ китайскіе предѣлы, въ надеждѣ спуститься внизъ по Амуру; есть основаніе полагать, что бѣглецы были захвачены китайскими властями и задержаны гдѣ-нибудь въ одномъ изъ пограничныхъ городовъ китайскихъ, но русское правительство, желая само наказать преступниковъ, проситъ о выдачѣ ихъ. Однако и это средство оказалось безуспѣшнымъ. Между тѣмъ открытая Миддендорфомъ въ 1845 г. пограничная линія была вскорѣ занята русскими, которые мало-по-малу стали переносить свои сторожевые посты далѣе къ югу и къ востоку, а при удобномъ случаѣ закладывать и новыя крѣпостцы по берегу Амура и по морскому прибрежью.

Такъ какъ однако же о пропавшей безъ вѣсти экспедиціи, все еще не было никакого слуха, то тогдашній генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, генералъ Муравьевъ, рѣшился предпринять въ 1854 г. новую экспедицію въ обширныхъ размѣрахъ, для изслѣдованія Амурской страны. Экспедиціи этой предшествовалъ разнесшійся въ Европѣ слухъ, что китайскій императоръ, изъ особаго расположенія къ русскому государю, согласился предоставить ему всю Амурскую область, и въ то же время въ Манчжурію направленъ былъ конвой пушекъ, съ огромными запасами разнаго рода оружія и военныхъ снарядовъ, въ достаточномъ количествѣ для военнаго занятія страны. Вмѣстѣ съ тѣмъ на Амурѣ появились мирные колонисты съ плугомъ и лопатою. Продолжая дѣйствовать энергически, генералъ Муравьевъ занялъ всѣ пункты, въ которыхъ его проницательный взглядъ замѣчалъ особенную важность для упроченія новаго пріобрѣтенія, и такъ какъ китайскія власти не въ состояніи были воспрепятствовать ему, то вся страна, между Яблоновымъ хребтомъ и лѣвымъ берегомъ рѣки, пространствомъ по крайней мѣрѣ около 11,000 квадр. миль, то есть вдвое болѣе Великобританніи, сдѣлалась въ самое короткое время русскою областью, и такъ хорошо была упрочена за Россіею,

что китайцамъ нельзя было уже и подумать о вытѣсненіи русскихъ изъ занятыхъ ими владѣній. Манчжурскія войска пяти отдѣловъ (паки), противопоставленныя со стороны китайцевъ, въ 1855 г. расположились отъ новой линіи въ разстояніи 300 часовъ, такъ что почти вся Манчжурія, вмѣстѣ съ большею частью острова Сахалина, находились одно время во власти русскихъ. Англійская эскадра, подъ начальствомъ коммадора Элліота, сдѣлала было въ 1855 г. попытку произвесть нападеніе на русскія укрѣпленія, но, по незнакомству съ тамошними водами, претерпѣла пораженіе; точно такъ же не имѣли удачи предпріятія союзниковъ въ ту войну противъ новыхъ русскихъ поселеній, по берегу залива Кастри, гдѣ въ настоящее время производится уже довольно оживленный торгъ съ американскими кораблями. Хотя китайцы въ 1855 г. вздумали было оспаривать у русскихъ обладаніе занятою областью, но имъ указано было на возведенныя уже укрѣпленія, на войска и переходы, и они должны были примириться съ совершившимся фактомъ. Указомъ, обнародованнымъ въ 1858 г., образована была особая приморская область съ главнымъ городомъ Николаевскомъ на Амурѣ, въ которую былъ назначенъ особый военный губернаторъ, съ подчиненіемъ ему, вмѣстѣ съ Камчаткою, всего прибрежья между этимъ полуостровомъ и Амуромъ. Вскорѣ обладаніе вновь пріобрѣтенными областями было окончательно упрочено за Россіею путемъ дипломатическихъ сношеній. Особою конвенціею, заключенною въ Пекинѣ генераломъ Игнатьевымъ въ ноябрѣ 1860 г., китайское правительство согласилось признать за Россіею занятыя генераломъ Муравьевымъ земли, и утвердило сдѣланное русскою коммиссіею разграниченіе между владѣніями обѣихъ державъ. Границею принята была на будущее время линія, начинающаяся отъ сліянія рѣки Аргуни съ Шилкою, и идущая внизъ по Амуру до впаденія въ него Уссури. Все пространство на лѣвомъ берегу Амура признано было принадлежащимъ Россіи, а владѣнія, лежащія на южномъ или правомъ берегу, укрѣплены были

за Китаемъ. Далѣе граница проходитъ по теченію Уссури, и отъ верховьевъ этой рѣки къ морю, по направленію черты, проведенной русскою коммиссіею. Между прочимъ, трактатомъ этимъ было постановлено, что на будущее время по всей линіи должны существовать свободныя торговыя сношенія, не обремененныя ни какою пошлиною; что русскимъ купцамъ предоставляется право ѣздить безпрепятственно изъ Кяхты въ Пекинъ, и на этомъ пути заниматься торговыми дѣлами въ Ургѣ и Калганѣ. Въ Ургѣ дозволено было проживать русскому консулу. Русскій караванъ, идущій въ Китай, не можетъ превышать число 200 лицъ, и долженъ быть снабженъ особымъ пропускнымъ свидѣтельствомъ. Въ Кашгарѣ, дозволено было, въ видѣ опыта, открыть русскую факторію, и сверхъ того дозволено одинъ разъ въ мѣсяцъ отправлять легкую почту изъ Кяхты въ Пекинъ, и каждые два мѣсяца тяжелую почту.

Такимъ образомъ, послѣ двухвѣковыхъ усилій, Россія приближается къ достиженію своей цѣли — распространенію на дальнемъ востокѣ сѣверной Азіи европейскаго вліянія и образованности. Для окончательнаго выполненія этой миссіи, Россіи необходимо было спуститься на югъ, а необходимость факта исключаетъ необходимость юридическаго основанія. Извлечь какую-нибудь пользу изъ обладанія сѣверомъ Азіи было до сихъ поръ дѣломъ невозможнымъ, и точно такъ же останется неосуществимымъ на будущее время. Даже обыкновенныя поѣздки въ тѣ страны требуютъ нисхожденія путешественника на низшую степень человѣческой культуры, къ кочевничеству и замѣнѣ односторонности нашего образованія универсальностью способностей первобытныхъ народовъ. Изрѣдка только тишина сибирскихъ пустынь нарушается присутствіемъ странствующаго изслѣдователя, старающагося воспользоваться кратковременнымъ лѣтомъ, во время коего погруженная въ летаргическій сонъ природа пробуждается, чтобы собрать какія-нибудь данныя о странахъ, которыя, оставаясь безучастными къ вѣчному движе-

нію Европы, представляютъ картину первобытнаго состоянія нашей планеты и дѣтскаго возраста всего человѣчества. Вотъ примѣръ неизмѣнности пребыванія въ одномъ и томъ же состояніи въ тѣхъ ледяныхъ пространствахъ. Въ 174 г. Лаптевъ, вынужденный по мелководію бросить на рѣкѣ Хетѣ лодку, вытащилъ ее на берегъ, и черезъ столѣтіе спустя, лодка эта найдена была Миддендорфомъ на прежнемъ мѣстѣ на берегу, неповрежденною и сохранившею всю обшивку, гвозди и прочія принадлежности. Непогода и вѣтеръ не тронули ея, а объявленія Лаптева, что лодка „принадлежитъ царицѣ“, достаточно было, чтобы сохранить гвозди отъ расхищенія номадами. Такія же пустыни, но съ присутствіемъ лѣсной растительности, и расположенныя у моря, доступнаго судоходству, равно и такія же первобытныя отношенія жителей найдены были Миддендорфомъ, въ 1844 г., въ дикихъ мѣстностяхъ по Амуру. Но какъ тамъ все измѣнилось черезъ какихъ-нибудь пять лѣтъ! Точно какъ будто страна проснулась отъ очарованнаго сна, продолжавшагося тысячелѣтія. Туда уже проникла вереница славныхъ изслѣдователей; берега тамошнихъ водъ огласились выстрѣлами нарѣзныхъ пушекъ и бомбическихъ орудій, и человѣкъ, вступивъ въ открытую борьбу не только съ человѣкомъ, но и съ природою, бороздитъ уже своими гарпунами моря, огнемъ и мечемъ истребляетъ дѣвственные лѣса, и безъ отдыха продолжаетъ строить и хозяйничать. Вообще существующій тамъ порядокъ вещей измѣнился въ послѣднее время до такой степени, что не представляется ни какой возможности къ сравненію теперешнихъ отношеній съ тѣмъ, что было на Амурѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. И если прежняя отчужденность и замкнутость тѣхъ странъ нынѣ болѣе не существуетъ; если завѣса, скрывавшая до послѣдняго времени все, что происходило на берегахъ Амура, теперь уже разорвана, и если духъ времени съ лихорадочною дѣятельностью совершаетъ теперь свою работу въ юныхъ земляхъ приамурскихъ, то образованный міръ обязанъ этимъ

Муравьеву, графу Амурскому, записавшему имя свое навѣки въ историческія лѣтописи.

Могучая рѣка, единственный судоходный путь, посредствомъ коего Сибирь можетъ сдѣлаться участницею во всемірной торговлѣ, поставлена теперь границею, и такимъ образомъ ограда, существовавшая для варварства, устранена. Отличныя гавани, лежащія десятью градусами южнѣе устья рѣки, доставляютъ судамъ возможность находить защиту во время суровой зимы, свирѣпствующей около устья. Такимъ образомъ, подъ защитою европейской державы, сношенія могутъ производиться совершенно безопасно и безпрепятственно. И торговая дѣятельность принимаетъ замѣтные размѣры: дымящіеся пароходы уже доставляютъ въ самую глубь Забайкальскаго края роскошные дары тропической природы; учрежденное нѣсколько лѣтъ тому назадъ правильное почтовое сообщеніе находится въ полномъ дѣйствіи, и теперь съ увѣренностью можно ожидать, что въ скоромъ времени телеграфная нить соединитъ внутренность Россіи съ самыми крайними пунктами на Восточномъ океанѣ. Нѣкоторыми даже высказывается смѣлая надежда, увидѣть въ непродолжительномъ времени нижній Амуръ соединеннымъ съ океаномъ посредствомъ желѣзной дороги. Селенія, деревни и даже города возникаютъ съ изумительною быстротою; цѣлыя тысячи переселенцевъ слѣдуютъ другъ за другомъ внизъ по теченію, стремясь къ прибрежью Великаго океана, и рѣдкое населеніе Сибири еще болѣе раздается вширь, все болѣе и болѣе подвигаясь на востокъ. Такимъ образомъ, сильное, но въ тиши совершающееся переселеніе народовъ нашего времени обойдетъ кругомъ всего земнаго шара. Американцы и русскіе, съ двухъ противоположныхъ береговъ раздѣляющаго ихъ океана, являются сосѣдями другъ друга. Славяне, коихъ историческая судьба уже болѣе трехъ вѣковъ влечетъ впередъ по направленію, противоположному теченію солнца, сходятся теперь, сплоченные въ исполинскую державу, съ Сѣверо-Американскими штатами, — отраслью германскаго пле-

мени, которые между тѣмъ точно такъ же неудержимо стремились въ противоположномъ направленіи, слѣдуя за теченіемъ солнца. Граница, конечно, занята, но пространство, оставленное позади, еще очень пусто, и въ Сибири еще болѣе пусто, чѣмъ въ Америкѣ. Старый и новый свѣтъ трудятся надъ пополненіемъ этого пустаго пространства, а между тѣмъ въ серединномъ государствѣ совершается преобразованіе, и обновленіе окаменѣвшей и омертвѣвшей Азіи заставляетъ сжатое населеніе раздаться въ стороны, чтобы облегчить трудъ историческимъ судьбамъ новаго государства.

Послѣдующія главы нашего труда будутъ посвящены разсказу добродушнаго *Аткинсона* о его продолжительныхъ странствованіяхъ, совершенныхъ частью рука объ руку съ неустрашимою супругою, а частью въ сопровожденіи какого-нибудь казака, калмыка, киргиза или бурята, служившихъ ему проводниками по обширной области, заключенной между Уральскими горами и озерами Байкаломъ, Балкашемъ и Иссикулемъ и китайскимъ городомъ Бакуль (Чинъ-Си), лежащимъ на восточной окраинѣ небесныхъ горъ (Тіанъ-Шана). Впрочемъ, къ его разсказу мы предполагаемъ присовокупить и свѣдѣнія, сообщаемыя о тѣхъ странахъ новѣйшими изслѣдователями.

Китайскій императорскій гонецъ.

ТОМАСЪ УИЛЬЯМЪ АТКИНСОНЪ.

Путешествія по Азіятской Россіи и по степямъ киргизскимъ.

Аткинсонъ съ двумя киргизскими проводниками.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Томасъ У. Аткинсонъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ сильныхъ и въ высшей степени любопытныхъ натуръ, которыхъ въ старой Англіи любятъ называть „человѣкъ-самородокъ“. Родился онъ въ Іоркширѣ 6 марта 1799 г. Будучи еще мальчикомъ лѣтъ шести, лишился онъ своихъ родителей, не оставившихъ ему ни какого состоянія, и уже съ тѣхъ поръ вынужденъ былъ снискивать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ. Стараясь изучить какое-нибудь полезное ремесло,

онъ занялся архитектурою, и въ послѣдствіи ему пришлось выстроить церковь въ Манчестерѣ; между прочимъ особенное искусство пріобрѣлъ онъ въ выполненіи акварелей, преимущественно пейзажнаго рода.

Занимаясь изученіемъ избранной имъ спеціальности, Аткинсонъ старался въ то же время усвоить себѣ изящныя манеры, что впослѣдствіи доставляло ему благосклонный пріемъ даже въ самыхъ высшихъ кругахъ общества. Жилистый, сухощавый и ловкій, онъ своею наружностью представляетъ образъ настоящаго джентльмена изъ хорошаго старинаго семейства. Его поразительно мягкій характеръ ясно отражался въ его добродушныхъ чертахъ лица, а глаза его выражали тотъ оттѣнокъ поэзіи, который замѣтенъ въ его разсказѣ и сочиненіяхъ. Но съ этимъ соединялись также упругость воли, которая, не смотря ни на какія затрудненія, настойчиво преслѣдуетъ избранную однажды цѣль, и энергія, свойственныя настоящему сыну Альбіона. Обладая необыкновенною крѣпостью мускуловъ и замѣчательною мѣткостью, притомъ отличный наѣздникъ, онъ былъ постоянно готовъ смѣло идти навстрѣчу физическимъ опасностямъ и всякаго рода трудностямъ. Его обширная начитанность въ классикахъ, его способность вести увлекательный разсказъ, при огромномъ запасѣ опытности, дѣлали его всегда драгоцѣннымъ собесѣдникомъ. Сверхъ всѣхъ этихъ преимуществъ, Аткинсонъ умѣлъ еще очень хорошо играть на флейтѣ, такъ что могъ, подобно второму Орфею, смѣло странствовать по дикимъ пустынямъ, производя своею игрою на любимомъ инструментѣ чарующее дѣйствіе на грубыхъ дѣтей природы.

Аткинсонъ разсказываетъ, что мысль о поѣздкѣ въ Азію родилась у него вслѣдствіе случайнаго замѣчанія Александра Гумбольдта, что внутри Азіи предстоитъ еще разрѣшить множество географическихъ, этнографическихъ и другихъ тому подобныхъ вопросовъ. Этотъ знаменитый естествоиспытатель, какъ извѣстно, имѣлъ случай, въ сопровожденіи профессора Эренберга, проникнуть до горъ Алтайскихъ, причемъ

изъ разговоровъ съ русскими горными чиновниками и купцами, ходившими съ караванами въ степяхъ къ югу отъ русской границы, успѣлъ узнать кое-что интересное и о странахъ, которыхъ онъ не видалъ собственными глазами. Обстоятельство это пробудило въ Аткинсонѣ намѣреніе посвятить себя болѣе тщательному изслѣдованію тѣхъ странъ, не смотря на то, что онъ вовсе не былъ въ состояніи располагать значительными средствами. Какъ кажется, бо́льшую часть доходовъ своихъ онъ пріобрѣталъ помощью кисти. Во время пребыванія въ степи, его умѣнье владѣть ружьемъ помогало ему снабжать его столъ необходимою пищею, а въ отдаленныхъ рудникахъ и горныхъ округахъ, по всей вѣроятности, ему много помогало извѣстное гостепріимство русскихъ чиновниковъ.

Совершивъ, въ 1847 г., поѣздку изъ С.-Петербурга, черезъ Москву и Екатеринбургъ, къ Алтайскимъ горамъ, и обогативъ свои картоны коллекціею разныхъ эскизовъ, за которые онъ вѣроятно что-нибудь выручилъ, онъ возвратился обратно въ Петербургъ, и вскорѣ женился тамъ на англичанкѣ, бывшей прежде, въ теченіе восьми лѣтъ, наставницей въ домѣ генерала Муравьева, и руководившей воспитаніемъ его дочери. Надо полагать, что она обладала такою же натурою, какъ и онъ самъ, и съ дѣтства привыкла примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ жизни, обладая притомъ рѣдкою способностью замѣчать хорошія стороны вещей, даже когда ей приходилось быть въ неловкомъ или непріятномъ положеніи. Здоровье ея было до такой степени закалено, и она была такая почитательница холодной воды, что не боялась даже вскалы́вать ледъ для того, чтобы освѣжиться. Ѣздила она верхомъ какъ на конѣ, такъ и на верблюдѣ съ одинаковою отвагою; въ одномъ изъ своихъ писемъ къ пріятельницѣ, она разсказываетъ, что даже научилась ѣздить верхомъ на спинѣ киргизовъ, — именно при переправѣ черезъ рѣку, причемъ одинъ изъ этихъ сыновъ степей, съ замѣчательною услужливостью, согласился перенести даму черезъ

воду на своихъ плечахъ. Кромѣ того, она съ одинаковымъ искусствомъ умѣла заботиться о кухнѣ и о столѣ, и собственноручно приводить въ порядокъ свой гардеробъ. Своимъ необыкновеннымъ умѣньемъ владѣть иглою и ножницами, не смотря на малый ростъ и худощавое тѣлосложеніе, она успѣла внушить даже киргизскимъ князьямъ такое расположеніе къ себѣ, что одинъ изъ нихъ предложилъ ея супругу взять у него стадо скота или табунъ лошадей, съ тѣмъ, чтобы онъ, взамѣнъ этого подарка, уступилъ ему свою жену. Хотя Аткинсонъ, при случаѣ, и высказалъ насмѣшливое замѣчаніе, что относительно обращенія съ женщинами, англичанамъ не мѣшало бы поучиться многому у киргизовъ, однако же предложеніе того киргизскаго князя онъ счелъ благоразумнымъ отклонить.

Въ февралѣ 1848 г., Аткинсонъ выѣхалъ съ своею женою изъ С.-Петербурга, и уже въ мартѣ прибылъ въ Томскъ. Посѣтивъ вмѣстѣ озеро Алтынъ-Кулъ (Золотое озеро) въ Алтайскихъ горахъ, они предприняли поѣздку въ киргизскія степи, и пробрались до Копала, лежащаго у подошвы Алатау, въ то время крайняго русскаго форпоста на югѣ. Здѣсь семейство увеличилось появленіемъ на свѣтъ сына, котораго обрадованные родители окрестили по имени горы „Алатау“ и лежащаго по близости красиваго источника „Чимбулана“. Такое событіе со стороны англійскихъ путешественниковъ сильно озадачило тамошнихъ киргизовъ, которые, принявъ жену Аткинсона за мужчину, вообразили, что оба путешественника были братья и полагали, что аллахъ сотворилъ неслыханное чудо, благословивъ рожденіемъ союзъ двухъ мужчинъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе такого приращенія, Аткинсонъ вынужденъ былъ, вопреки своему первоначальному намѣренію, остаться на всю зиму въ Копалѣ, который тогда только что возникалъ, и потому во всемъ, что касалось до жизненныхъ удобствъ, далеко уступалъ даже поселеніямъ подъ экваторовъ на отдаленномъ западѣ. Въ теченіе 1849 года, семейство Аткинсонъ посѣтило сосѣднія горы: Каратау, Ала-

тау, Актау и Мустау, а въ началѣ сентября возвратилось въ горный Алтайскій округъ, гдѣ, въ городѣ Змѣиногорскѣ, встрѣтило радушный пріемъ. Пробывъ въ Змѣиногорскѣ и въ Барнаулѣ до іюня слѣдующаго года, мужъ и жена отправились къ берегамъ Енисея, а въ 1850 и въ 1851 г. предприняли поѣздку изъ Иркутска въ Саянскія горы и къ китайскому пограничному городу Маймачину. Наконецъ, въ 1852 г., пустились они изъ Иркутска въ обратный путь въ Барнаулъ, а оттуда далѣе къ Уралу, и, 24 декабря того же года, прибыли оба въ С.-Петербургъ. Аткинсонъ разсказываетъ самъ, что во время семилѣтнихъ разъѣздовъ своихъ по Россіи, онъ совершилъ 59,400 вёрстъ, или болѣе 8,000 географическихъ миль, изъ числа коихъ 32,000 верстъ въ экипажѣ, 7,100 верстъ на лодкѣ, а до 20,300 верстъ верхомъ.

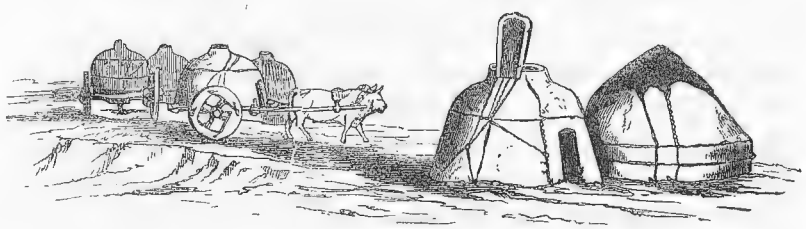
Впрочемъ, лишенія, испытанныя Аткинсономъ во время его разъѣздовъ, и потомъ самый возвратъ не остались безъ вліянія на его здоровье, такъ что когда въ 1860 году, уже бывши въ Англіи, ему случилось повредить себѣ ногу, то ему пришлось долго пролежать, пока онъ поправился. Для полнаго излеченія, онъ вынужденъ былъ даже посѣтить морскія купальни въ Лоуеръ-Уалмерѣ (въ графствѣ Кентскомъ). Тѣмъ не менѣе, силы его начали ему мало-по-малу измѣнять, и 13 августа слѣдующаго года онъ скончался, но такъ спокойно, какъ будто бы уснулъ, на 62 году отъ рожденія.

Такъ какъ ему не удалось оставить состоянія своему семейству, то его многочисленные друзья приняли участіе въ судьбѣ сироты, и на митингѣ въ британскомъ обществѣ для юнаго Алатау Чимбулана сдѣлана была немаловажная подписка. Аткинсонъ издалъ описаніе своего путешествія въ двухъ томахъ, украшенныхъ многочисленными рисунками, и этому примѣру послѣдовала его вдова, издавшая по смерти мужа, отдѣльнымъ томомъ свои воспоминанія во время путешествія по азіятской Россіи. Тогда какъ Аткинсонъ изображаетъ видѣнныя имъ страны и людей преимущественно

въ качествѣ живописца и любителя природы, его жена увлекаетъ насъ своимъ занимательнымъ разсказомъ о многихъ мелочныхъ происшествіяхъ ежедневной жизни, которыя, подобно стереоскопической картинкѣ, пополняютъ общую картину путешествія. Если принять въ соображеніе престарѣлость честнаго живописца, постоянно возраставшія болѣзненныя и другія побочныя несовсѣмъ пріятныя условія его жизненной обстановки, то нельзя не удивляться человѣку, который, вынесши всѣ невзгоды долговременныхъ странствованій по степямъ и дикимъ гористымъ мѣстностямъ, и достигнувъ уже старческаго возраста, сберегъ еще достаточный запасъ энергіи и силы для выполненія обширныхъ литературныхъ трудовъ, сохранившихъ еще тотъ поэтическій колоритъ юношескаго увлеченія, подъ впечатлѣніемъ коего было предпринято самое путешествіе.

Въ предлагаемыхъ здѣсь главахъ, мы старались соединить въ одну общую картину, разбросанныя въ обоихъ сочиненіяхъ Аткинсона и его жены, свѣдѣнія и замѣчанія объ азіятской Россіи и киргизскихъ степяхъ, присовокупивъ къ ихъ разсказу болѣе новѣйшія данныя другихъ путешественниковъ.

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній объ авторахъ предлагаемаго путешествія, приступимъ къ самому разсказу о ихъ приключеніяхъ во время ихъ долговременныхъ странствованій.



Палатки татаръ и ихъ орды.

Русскія дрожки въ Москвѣ.

I.

Поѣздка отъ С.-Петербурга до Екатеринбурга.

Паспортъ. — Возокъ. — Почтовыя дороги и устройство почтъ въ Россіи. — Москва. — Нижній-Новгородъ. — Кораблекрушеніе на сушѣ. — Телѣги и тарантасы. — Русскіе ломовые извощики. — Пермь. — Уралъ. — Екатеринбургъ.

Томасъ Уильямъ Аткинсонъ, какъ уже было замѣчено выше, выбралъ себѣ задачей, не только для собственнаго удовольствія выискать хорошія стороны столь худо ославленной азіятской Россіи, но и, при помощи кисти и карандаша, удержать ихъ образъ, для передачи другимъ. Его сочиненіе представляетъ глазамъ образованной Европы болѣе серіозную и болѣе пріятную картину тѣхъ отдаленныхъ странъ восточной Азіи, нежели къ чему привыкло до тѣхъ поръ наше воображеніе.

Такимъ образомъ онъ, по собственной волѣ, рѣшился отказаться отъ комфорта, встрѣчаемаго въ большихъ городахъ, чтобы идти въ ссылку въ Сибирь; впрочемъ, достиженіе этой цѣли было ему немного облегчено особенною рекомендаціею тогдашняго англійскаго посланника Буханана самому императору.

Изъ европейской Россіи проходитъ только одинъ большой почтовый трактатъ черезъ всю сѣверную Азію до *Охотска*, лежащаго на берегу Тихаго океана. Но этотъ путь, какъ будто съ намѣреніемъ, проложенъ въ сторонѣ отъ живописныхъ Алтайскихъ горъ, и наиболѣе пролегаетъ по однообразной сѣверной пустынѣ, не представляя такимъ образомъ много пищи художнику, любящему природу. Проѣзжающіе по этой дорогѣ обязаны предъявлять свои виды въ каждомъ губернскомъ городѣ, подвергаясь разнымъ непріятностямъ въ случаѣ отклоненія отъ почтоваго тракта, и въ особенности въ случаѣ желанія переѣхать черезъ границу. Поэтому Аткинсонъ былъ необыкновенно радъ тому обстоятельству, что въ его паспортѣ было именно упомянуто о дозволеніи ему переѣзжать съ своими снарядами и инструментами безпрепятственно черезъ китайско-русскую границу, во всякое время, когда бы ему захотѣлось. Конечно, при подобномъ переѣздѣ черезъ границу, онъ долженъ былъ брать особенныя предосторожности отъ китайскихъ сторожевыхъ постовъ, чтобы не быть вынужденнымъ, противъ своей воли, прогуляться до Пекина.

Такимъ образомъ, откланявшись, какъ человѣкъ порядочный, всѣмъ своимъ высокимъ покровителямъ и покровительницамъ въ С.-Петербургѣ, онъ усѣлся въ почтовый возокъ, и 16 февраля 1847 года пустился въ далекій путь. Благосклонный читатель, привыкшій во время совершаемыхъ имъ переѣздовъ, покоиться на мягко-набитыхъ подушкахъ съ пружинами и т. д., не знаетъ, конечно, что такое значитъ русскій возокъ и прочая его русская родня: кибитка, телѣга, и другіе экипажи. Уже русскія дрожки, замѣняющія въ

Петербургѣ мѣсто извѣстныхъ въ городахъ западной Европы фіакровъ, должны показаться неудобнымъ экипажемъ избалованному жителю Лондона, Парижа и Берлина; возокъ же отличается еще болѣе первобытнымъ и менѣе сложнымъ устройствомъ. Экипажъ этотъ состоитъ обыкновенно изъ простаго досчатаго ящика, поставленнаго на парѣ здоровенныхъ санныхъ полозьевъ. Спереди, къ возку прикрѣплены съ обѣихъ сторонъ двѣ оглобли, въ которыя, при помощи перекинутой черезъ шею дуги, запрягается коренная лошадь, а по бокамъ коренной прикрѣпляется пара другихъ лошадей; случается, что спереди такимъ же образомъ впрягается еще пара или тройка лошадей. Подъ дугой привязывается колокольчикъ, для удаленія, какъ утверждаютъ нѣкоторые, волковъ. Ямщикъ сидитъ обыкновенно на передкѣ, а если въ экипажъ впряженъ шестерикъ, то на одну изъ переднихъ лошадей усаживается мальчикъ или же рослый дѣтина, а самъ пассажиръ садится въ ящикъ возка на солому.

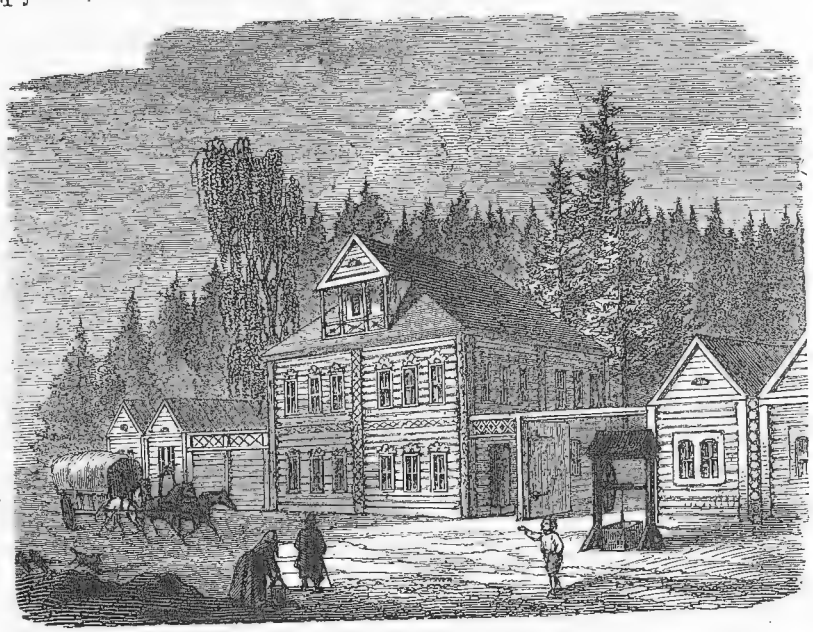
Каждому извощику хорошо извѣстно, что при ѣздѣ на почтовыхъ, точно такъ же, какъ и при ѣздѣ на частныхъ лошадяхъ, случаи кораблекрушенія на сушѣ бываютъ не рѣдки. По этому, садясь на свое мѣсто, ямщикъ прежде всего набожно творитъ крестное знаменіе, обращаясь съ нѣсколькими благочестивыми словами къ своему угоднику, а потомъ ударяетъ по лошадямъ и мчится такъ, какъ будто кто-нибудь за нимъ гонится. Каждый толчокъ, получаемой возкомъ, съ обыкновенною точностью передается сѣдоку, такъ что послѣдній получаетъ совершенно опредѣленное понятіе о свойствѣ земной поверхности Россійской имперіи. Аткинсонъ разсказываетъ, что дорога отъ С.-Петербурга до Москвы была необыкновенно плоха, ужасно какъ выѣзжена и полна выбоень; но, повидимому, такой рѣзкій отзывъ вызванъ былъ незнакомствомъ его въ то время, съ прочими дорогами въ Россіи. Въ сравненіи съ послѣдними, дорога отъ Петербурга до Москвы можетъ еще считаться одною изъ лучшихъ. На пространствѣ между этими городами нѣтъ

недостатка въ хорошемъ камнѣ, по этому направленію проведено шоссе, которое по большей части содержится въ довольно удовлетворительномъ состояніи. Черезъ рѣки перекинуты крѣпкіе мосты, а чрезъ болота построены деревянныя плотины. Зато въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ шоссе идетъ несплошное, встрѣчаются обширныя пространства, которыя на значительномъ разстояніи представляютъ известнякъ и мергель, весьма легко разсыпающійся и въ мокрую погоду превращающійся въ тонкую грязь. Въ мѣстахъ же, гдѣ почва болотистая, пролагаются часто бревенчатыя плотины; послѣдній способъ устройства дорогъ встрѣчается часто за Нижнимъ-Новгородомъ.

Пролагая въ подобныхъ мѣстностяхъ дорогу, прежде всего обыкновенно проводятъ по обѣимъ сторонамъ дороги водосточныя канавы, для того, чтобы хотя немного отвести воду въ сторону. Затѣмъ поперекъ дороги накладывается рядъ еловыхъ или березовыхъ бревенъ въ толщину человѣческой ноги, а сверхъ этого насыпается щебень или земля, смотря по тому, чѣмъ изобилуетъ мѣстность. Снова такая дорога можетъ удовлетворить самаго взыскательнаго путешественника. Экипажи катятся по такой дорогѣ обыкновенно безпрепятственно, въ особенности же зимою, когда установится хорошій санный путь. Но когда, по прошествіи извѣстнаго періода лѣтъ, червь времени подточитъ бревна дороги, когда они въ болотѣ подгніютъ лежа, или получатъ сильныя выбоины отъ колесъ извощичьихъ повозокъ или отъ подковъ лошадей, тогда подобная дорога становится весьма непріятною и безпокойною. Горе тогда путнику, который вынужденъ спѣшить безъ отдыху днемъ и ночью, и которому приходится избрать путь по такой дорогѣ! Ему приходится тогда выносить такія же муки, какъ преступнику при колесованіи. Съ пріятелемъ нашимъ Аткинсономъ случилось то же самое, но онъ, изъ безчисленнаго множества толчковъ и ударовъ, полученыхъ имъ въ своемъ возкѣ, вывелъ наконецъ то утѣшительное заключеніе, что его голова

должна быть особенно крѣпкаго устройства, такъ какъ не смотря на страшныя мученія, вытерпѣнныя имъ, все-таки осталась у него цѣла и не разсыпалась въ куски.

Особенно затруднительна бываетъ ѣзда по такимъ дряхлымъ бревенчатымъ дорогамъ для повозокъ съ большимъ грузомъ. Извощикамъ, сопровождающимъ повозки, ничего другаго, въ подобныхъ случаяхъ, не остается дѣлать, какъ



Станція Орловская, послѣдняя не доѣзжая Нижняго-Новагорода.

подражать судоходамъ, находящимся въ незнакомомъ имъ фарватерѣ, т. е. прежде чѣмъ пуститься по такой дорогѣ, предварительно изслѣдовать опасныя мѣста и самые трудные пункты и исправить ихъ.

По выѣздѣ Аткинсона изъ С.-Петербурга, поднялась страшная снѣжная вьюга и завыла настоящая зимняя буря. Впрочемъ хорошая теплая шуба достаточно защищала его отъ холода, а большая охотничья собака, служившая ему спут-

ницею въ возкѣ, разгоняла его скуку. Перемѣна лошадей на станціяхъ шла своимъ чередомъ весьма быстро; да и вообще существующій въ Россіи порядокъ устройства почтъ заслуживаетъ похвалы. Сообщеніе производится быстро и обходится недорого. За каждую лошадь на версту платится самое большое 3 коп., а на немногихъ пространствахъ только $1^1/_2$, 2 и $2^1/_2$ коп.; кромѣ того ямщикъ, проѣхавъ станцію, получаетъ на чай, копѣекъ 15 или 20. Разрѣшеніе на пользованіе почтовыми лошадьми получается въ каждомъ губернскомъ городѣ, за нѣсколько рублей, для чего путешественнику вручается свидѣтельство (подорожная), предоставляющее ему право обращаться съ своимъ требованіемъ на каждой станціи къ станціонному смотрителю.

Что касается до станціонныхъ домовъ, то всѣ они, за немногими исключеніями, подобно большей части деревенскихъ домиковъ въ Россіи, выстроены изъ бревенъ, но всегда отличаются чистотою и опрятностью внутри, а нерѣдко даже красивою наружностью. Путешественникъ можетъ всегда разсчитывать найти на станціи уютную комнату, съ мягкою постелью, и необходимыя кушанья, преимущественно же молоко, яйца, дичь, рябчиковъ и т. п. Самоваръ, составляющій одну изъ важнѣйшихъ принадлежностей въ пути, большая часть путешественниковъ возятъ съ собою.

Благодаря расторопности станціонной прислуги и быстротѣ почтовыхъ троекъ, Аткинсонъ, пробывъ въ дорогѣ три дня и три ночи, подкатилъ на третьи сутки къ воротамъ древней столицы, Москвы, гдѣ встрѣтилъ весьма радостный пріемъ въ нѣкоторыхъ семействахъ, къ которымъ былъ рекомендованъ изъ С.-Петербурга. Онъ прибылъ въ Москву въ благопріятное для себя время, потому что тамъ устраивались великолѣпныя торжества по случаю празднованія Москвою семисотъ-лѣтняго ея существованія. — Отдохнувъ въ Москвѣ вдоволь, Аткинсонъ пустился въ даль-

Ярмарка въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

нѣйшій путь, черезъ *Владиміръ*, въ лежащій при сліяніи рѣкъ Оки и Волги *Нижній-Новгородъ*, пользующійся въ торговлѣ всесвѣтною извѣстностью.

Въ настоящее время, въ особенности же лѣтомъ, поѣздку изъ С.-Петербурга въ Нижній, можно совершать несравненно удобнѣе и пріятнѣе, доѣхавъ до Твери по желѣзной дорогѣ, а оттуда до Нижняго на пароходахъ, которые, изяществомъ постройки и представляемыми ими удобствами, не уступаютъ западно-европейскимъ пароходамъ. Вообще, въ настоящее время на Волгѣ насчитываютъ до 300 пароходовъ. Но кто думаетъ не объ удовольствіи, а о поспѣшности, тотъ можетъ отправиться прямо до Нижняго, такъ какъ линія желѣзной дороги отъ Москвы туда уже открыта; что же касается до линіи электрическаго телеграфа, то онъ уже проведенъ теперь далеко за Уральскія горы.

Въ Нижнемъ-Новѣгородѣ стояла еще суровая зимняя стужа, такъ что Аткинсонъ рѣшительно не имѣлъ возможности снять хоть какой нибудь эскизъ: руки у него просто коченѣли, а разведенныя краски замерзали. Въ хорошее лѣтнее время городъ этотъ представилъ бы ему богатую пищу для занятій акварельною живописью, не только по значительному числу публичныхъ зданій разнороднаго стиля, не только живописностью береговъ Волги, но преимущественно по пестрому смѣшенію народныхъ типовъ и костюмовъ, которые, во время тамошней ярмарки, являются въ такомъ разнообразіи, какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ: тамъ сходятся татары и калмыки, киргизы и казаки, башкиры и хивинцы, персіяне и индусы, великоросы и малоросы различныхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ возможныхъ степеней образованности. На поверхности Волги, имѣющей у Нижняго до 5,000 фут. ширины, тѣснятся сотни судовъ самой разнообразной конструкціи, назначенныхъ, Богъ знаетъ, для какого употребленія: одни нагруженыя желѣзными издѣліями, другія пряжею и хлопкомъ, третьи рухлядью, четвертыя наконецъ саломъ, жизненными припасами, деревомъ, каменьями

и т. п. На берегу рѣки возникаетъ цѣлый городъ изъ досчатыхъ лавокъ и палатокъ. Увеселенія разнаго рода предлагаются публикѣ, утомленной дневными работами, смотря по вкусу и потребностямъ каждаго народа и сословія.

Нашъ пріятель, Аткинсонъ, однако же, какъ было замѣчено выше, нашелъ повсюду пустоту и тишину, окрестности, покрытыя со всѣхъ сторонъ глубокимъ снѣгомъ; къ тому же присоединилась ненастная буря, при 15° Ц. стужи, такъ что, уже порядочно наколотившій ему бока, возокъ, гдѣ онъ могъ спокойно сидѣть, грѣясь въ шубѣ, показался ему самымъ пріятнымъ уголкомъ на землѣ. Покрытая еще крѣпкимъ слоемъ льда, Волга представляла прекрасный санный путь, и въ извѣстныхъ разстояніяхъ на льду были выстроены небольшіе постоялые дворики; дворики эти, правда, представлялись Аткинсону какими-то отвратительными ямами, но зато ямщики особенно рады были имъ, и, завидя такой дворъ издали, гнали лошадей во всю прыть, въ надеждѣ согрѣться любимымъ своимъ напиткомъ — водкою.

Такимъ образомъ мчался Аткинсонъ нѣкоторое время безостановочно по трещавшему подъ нимъ льду; только на одной станціи ему объявили, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ того мѣста ледъ сдѣлался ненадеженъ, и что надо нѣкоторое пространство проѣхать по берегу, а потомъ уже спуститься опять на рѣку. Совѣтъ былъ хорошій, но не легко исполнимый. Правый или южный берегъ Волги, на который предстояло взобраться, весьма крутъ, и возвышается отъ 150 до 200 футовъ. Ямщикъ попытался было подняться въ указанномъ ему мѣстѣ прямо на берегъ, и счастливо взобрался уже на значительную высоту, такъ что ему оставалось не болѣе 40 фут.; вдругъ благородные кони его остановились, отказываясь отъ дальнѣйшаго повиновенія; ямщикъ начинаетъ сперва подгонять лошадей, потомъ ласкать ихъ, но ни какія понуканія, ни какія проклятія и удары кнута не могутъ ихъ подвинуть съ мѣста. Лошади стоятъ, какъ вкопанныя, а сани съ сѣдокомъ висятъ

безнадежно на обрывистой стѣнѣ, на высотѣ 150 фут. надъ Волгою. Уже рѣшено было одного изъ ямщиковъ послать на ближайшую станцію, чтобы привести свѣжихъ лошадей, какъ вдругъ, на счастіе нашего путешественника, на берегу послышался звонъ колокольчиковъ проходящаго обоза; при помощи этихъ обозчиковъ, согласившихся подпрячь въ возокъ Аткинсона своихъ лошадей, онъ былъ наконецъ избавленъ изъ своего непріятнаго положенія.

Взъѣхавъ благополучно на берегъ, ямщикъ Аткинсона погналъ опять лошадей стремглавъ, не смотря на вьюгу и на сугробы, къ тому мѣсту, гдѣ слѣдовало опять спуститься рѣку. Вдругъ раздается крикъ ужаса; сани получаютъ толчекъ, такъ что нѣкоторыя части съ трескомъ разлетаются; потомъ опять все смолкаетъ, а кругомъ водворяется тишина. Отъ сильнаго удара въ сани, дверцы возка растворились, и собака съ лаемъ бросилась вонъ. Выкарабкавшись тоже на свободу, вслѣдъ за своею собакою, Аткинсонъ увидѣлъ, что онъ съ своимъ разбитымъ возкомъ находится на самомъ краю отрывистаго берега Волги, — лошади же и ямщикъ исчезли. Пара сапоговъ, торчащихъ изъ снѣга, первые обнаружили близость человѣческаго существа. Вслѣдъ за тѣмъ, Аткинсонъ отрылъ и обладателя этихъ сапоговъ, валявшагося въ снѣгу, внизъ головою, а немного погодя и другаго ямщика, вмѣстѣ съ лошадьми, находившимися въ такомъ же положеніи. Высвободившись благополучно на свѣтъ Божій, наши путники принялись общими силами приводить въ порядокъ изломанный возокъ, который кое-какъ удалось перевязать веревками, послѣ чего уже тихонько и то съ трудомъ потащились къ ближайшей станціи. Оказалось, что ямщикъ, за глубокимъ снѣгомъ, не разглядѣлъ мѣстности, и сани, приблизившись слишкомъ плотно къ обрыву, разбились о пень срубленнаго дерева.

На постояломъ дворѣ, ямщики, при помощи другихъ крестьянъ, успѣли кое-какъ сколотить гвоздями разбитый возокъ на столько, что можно было безопасно ѣхать дальше. Рус-

Русскій тарантасъ; въ отдаленіи товарныя телѣги.

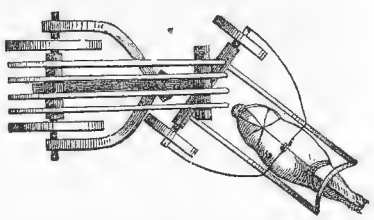
скій ямщикъ въ подобныхъ случаяхъ рѣдко потеряется. Вообще русскіе крестьяне еще съ малыхъ лѣтъ обнаруживаютъ особенную наклонность къ разнымъ практическимъ занятіямъ, выдѣлывая, при помощи какого-нибудь топора, молотка и ножа, такія штуки, для которыхъ другому понадобились бы, Богъ вѣсть какіе инструменты и орудія.

При ближайшемъ разсмотрѣніи своихъ вещей, Аткинсонъ, къ прискорбію своему, замѣтилъ, что отъ чрезмѣрнаго сотрясенія возка, оба его дорожные барометра разбились въ дребезги. Такимъ образомъ будущіе читатели его путевыхъ замѣтокъ лишились удовольствія знать, на высотѣ сколькихъ футовъ надъ поверхностью моря, нашъ путешественникъ пилъ ежедневно свой чай и ужиналъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что на путешествіи по Сибири нельзя требовать желаемой точности, и надо было благодарить судьбу еще за то, что, во время случившагося приключенія, никто изъ людей или изъ лошадей не былъ поврежденъ.

Подобно тому, какъ было до сихъ поръ, бѣшеная ѣзда Аткинсона продолжалась и далѣе, черезъ *Казань* и *Пермь*, до западныхъ склоновъ Уральскаго хребта. Для перемѣны, вмѣсто снѣжной вьюги, пошелъ дождь съ градомъ. Дорога, бывшая и безъ того довольно плохою, сдѣлалась совершенно бездонною, и хотя, вмѣсто прежнихъ трехъ лошадей, Аткинсону начали впрягать шестерикъ, однако же ѣхать скорѣе все-таки не было возможности. Стали попадаться мѣста, гдѣ снѣгъ уже сталъ, и на саняхъ нельзя было ѣхать дальше: тамъ Аткинсону приходилось пересаживаться вмѣстѣ съ своею поклажею въ телѣгу или въ тарантасъ, смотря по тому, что было подъ рукою. Впрочемъ, особенно большаго различія между этими обоими экипажами нѣтъ. Изъ колесныхъ экипажей, они точно такъ же относятся другъ къ другу, какъ между зимними экипажами возокъ относится къ обыкновеннымъ санямъ. *Телѣга* представляетъ самую простую форму повозки: обыкновенный кузовъ, самой простой конструкціи, на четырехъ колесахъ, съ связкой соломы вну-

три, вмѣсто сидѣнья, и подушка, а на соломѣ многострадальный сѣдокъ и все его имущество. *Тарантасъ* имѣетъ уже слабый намекъ на эластическія пружины, общее же устройство этого, тоже четырехколеснаго экипажа состоитъ въ томъ, что передокъ и задокъ соединены помощью не одной дроги, а шести рядомъ лежащихъ березовыхъ дрогъ, длиною отъ 10 до 12 футовъ. Посрединѣ этой пружинной рамки утвержденъ кузовъ съ верхомъ, въ которомъ помѣщается сѣдокъ съ вещами.

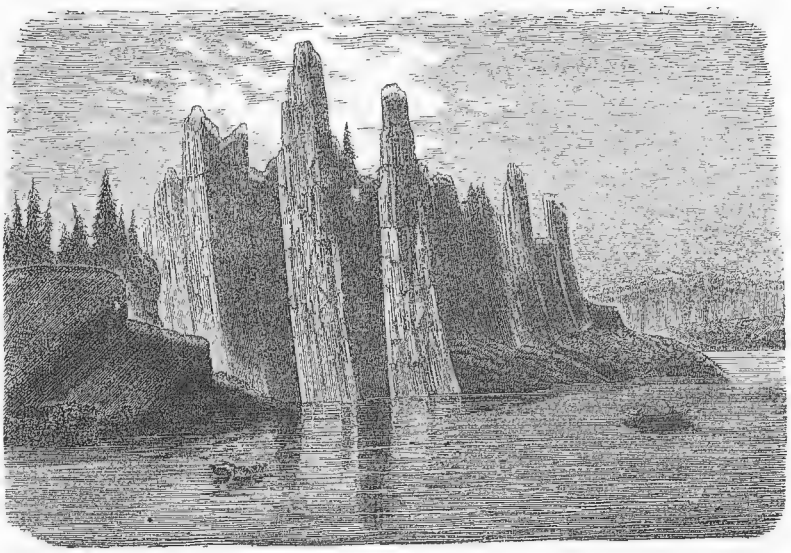
Подобно тому, какъ русскія почтовыя повозки не похожи на западно-европейскіе почтовые экипажи, точно такъ же отличаются и повозки русскихъ ломовыхъ извощиковъ, по причинѣ дурныхъ дорогъ, нѣкоторыми мѣстными особенностями. Нигдѣ въ Россіи путникъ не встрѣтитъ такихъ высокихъ и такъ тяжело нагруженныхъ повозокъ, какъ это бываетъ въ западной Европѣ. Если представляется надобность перевезти значительную тяжесть, то грузъ распредѣляется на нѣсколько телѣгъ и такъ, что лѣтомъ иногда встрѣчаются обозы, состоящіе изъ 150 телѣгъ и даже до 300. Изъ нихъ въ передней повозкѣ обыкновенно располагается подрядчикъ, взявшійся доставить обозъ. Въ нѣкоторыхъ повозкахъ колеса состоятъ просто изъ согнутыхъ молодыхъ березокъ; отъ каждой оси идетъ напередъ деревянная жердь, а грузъ лежитъ на рѣшеткѣ изъ гибкихъ досчинъ, подобно тому, какъ кузовъ тарантаса. На каждую лошадь накладывается отъ 40 до 125 пудовъ. Съ задняго конца каждой повозки прикрѣпляется родъ небольшихъ яслей, изъ которыхъ лошадь слѣдующей сзади повозки достаетъ сѣно или овесъ. Задняя лошадь всегда бываетъ привязана за узду къ яслямъ повозки, слѣдующей передъ нею; такимъ образомъ идутъ однѣ за дру-



Видъ въ планѣ телѣги для перевозки товара.

гими до шести телѣгъ вмѣстѣ, за которыми присматриваетъ всего только одинъ ямщикъ. Ямщики, сопровождающіе обозъ, надѣваютъ обыкновенно, сверхъ красной рубашки, короткій армякъ, высокіе сапоги, низкую, съ узкими полями шляпу, со множествомъ блестящихъ блестокъ, а за поясъ затыкаютъ топоръ, держа въ рукѣ длинную, толстую палку. Совершая перевозку товаровъ только лѣтомъ, обозы эти не останавливаются на постоялыхъ дворахъ, а проводятъ ночь подъ открытымъ небомъ.

Итакъ, при помощи возка, телѣги и тарантаса, Аткинсонъ, благополучно добрался до западнаго склона Уральскихъ горъ. Слыша еще на урокахъ географіи въ школѣ, что горы эти играютъ особенную роль, составляя границу между двумя частями свѣта, невольно привыкаешь съ названіемъ Уральскій хребетъ соединять представленіе объ исполинской горной цѣпи, въ видѣ мощнаго вала раздѣляющей востокъ отъ запада. Подобное представленіе объ этихъ горахъ сохранилось вѣроятно и у Аткинсона, не смотря на предварительные разспросы, и потому онъ очень удивился, когда узналъ, что уже переѣзжаетъ Уральскій хребетъ, не замѣчая и слѣда горъ. Впрочемъ, густыя облака и туманъ отчасти скрывали отъ него видъ вдаль, а рѣзко холодный дождь съ градомъ и снѣгомъ не дозволялъ ему высовывать голову изъ экипажа. Десять дней и ночей продолжалась его ѣзда безостановочно, съ единственною задержкою, происшедшею оттого, что сломалась повозка; наконецъ, въ десятую ночь, и ровно въ полночь, кибитка его въѣхала въ Екатеринбургъ, ближайшую цѣль его путешествія. Здѣсь Аткинсонъ рѣшился поотдохнуть нѣсколько дней, чтобы оправиться отъ безчисленныхъ толчковъ и ударовъ, полученныхъ имъ во время пути, и собраться съ свѣжими силами для дальнѣйшаго слѣдованія на сѣверъ и на югъ отъ Уральскихъ горъ, а потомъ внутрь обширной Сибири.



„Четверо братьевъ“, группа скалъ на берегу Чусовой.

II.

Плаваніе Аткинсона по Чусовой.

Отъѣздъ изъ Екатеринбурга. — Билимбаевскъ. — Уткинская пристань. — Барки для сплава грузовъ. — Пристань. — Спускъ барокъ на воду. — Спасительная палуба. — Мѣстность по Чусовой. — Группы утесовъ и пещеръ. — Дичь. — Уткинскій заводъ. — Русское гостепріимство и знакомство съ наливками. — Устройство сельскаго жилья. — Киновской заводъ. — Мѣсторожденіе Демидова. — Судоходство отъ Урала до Волги. — Конныя машины. — Пароходы и залежи каменнаго угля.

Недалеко отъ Екатеринбурга протекаетъ р. *Чусовая*. Безчисленными изгибами вьется этотъ значительный потокъ вдоль западнаго склона Урала, направляясь преимущественно отъ юга на сѣверъ, и только въ нижнемъ теченіи своемъ рѣзко поворачиваетъ къ западу, впадая, близъ губернскаго города *Перми*, въ *Каму*.

Аткинсонъ еще прежде много наслышался о живописныхъ окрестностяхъ этой рѣки, которая, по разсказамъ нѣ-

которыхъ, не только не уступаетъ Рейну, въ отношеніи дикой романтичности береговъ, но даже нѣкоторыми частями превосходитъ его. Сверхъ того, рѣка эта служитъ главнымъ путемъ, по которому богатства Урала и Сибири доставляются въ главные города Россіи, и играла еще значительную роль въ исторіи открытія и покоренія Сибири, ибо первые завоеватели явились именно съ береговъ Чусовой. Все это побудило Аткинсона предпринять плаваніе по Чусовой на лодкѣ, коль скоро тому не воспрепятствуетъ погода. Ко времени его пріѣзда въ Екатеринбургъ, рѣка была еще покрыта льдомъ; но пока онъ отдыхалъ въ этомъ городѣ, оттепель усилилась, и въ одинъ прекрасный день Аткинсонъ получилъ извѣстіе, что рѣка уже вскрылась, ледъ тронулся, и что слѣдовательно плаваніе по рѣкѣ на лодкѣ сдѣлалось возможнымъ. Недолго колеблясь, Аткинсонъ быстро рѣшился на подобное путешествіе, заранѣе гуляя фантазіею въ дикихъ, романтическихъ горахъ, и отыскивая пищи для своего карандаша, такъ давно уже залежавшагося безъ дѣла. Рѣшившись отказаться отъ удобствъ городской жизни, Аткинсонъ собираетъ свои путевыя принадлежности, укладываетъ свой рисовальный приборъ и самоваръ, охотничье ружье и непромокаемые сапоги, и на слѣдующее же утро, еще на разсвѣтѣ, прощается съ своею любезною хозяйкой. Въ сопровожденіи одного англичанина, своего пріятеля, Аткинсонъ опять усѣлся въ свой тряскій тарантасъ.

Ближайшею цѣлью поѣздки былъ *Билимбаевскъ*, желѣзодѣлательный заводъ графа Строганова, имѣющій пристань на берегу Чусовой. Дорога отъ Екатеринбурга, вслѣдствіе оттепели, сдѣлалась непроходимою, а потому едва Аткинсонъ выѣхалъ за ворота города, какъ возобновились прежнія мученія: грязь чуть не въ аршинъ глубиною, въ которой колеса вязли почти выше оси, такъ что пять сильныхъ лошадей едва были въ состояніи тащить легкій экипажъ. Не смотря на то, пріятныя ожиданія наполняли душу нашего путешественника. Уже на сѣверѣ показывались изъ-за обла-

ковъ горы Урала, которыя, впрочемъ, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, уменьшались до размѣровъ слегка округленныхъ холмовъ; зато болѣе отдаленныя цѣпи, съ несравненно рѣзче выдающимися формами и ослѣпительно бѣлымъ покровомъ снѣга, обѣщали любителю природы много разнообразныхъ картинъ.

Едва дорога начала наконецъ спускаться въ долину Чусовой, какъ уже поднимающіеся столбы дыма вскорѣ обнаружили близость *Билимбаевскаго* завода, и сильно забился пульсъ у нашего англичанина, когда онъ завидѣлъ высокія воды сердито надувшейся рѣки, — великолѣпный водный путь, по которому онъ быстро и спокойно надѣялся скользить въ лодкѣ, вмѣсто прежнихъ невыносимыхъ повозокъ.

У управляющаго заводомъ Аткинсонъ нашелъ самый дружественный и самый радушный пріемъ, какого только можно было ожидать, что потомъ повторялось съ нимъ на всѣхъ заводахъ, гдѣ онъ останавливался. Ночь ему привелось провести на той самой софѣ, на которой отдыхалъ Императоръ Александръ Павловичъ, во время своего посѣщенія уральскихъ заводовъ. Что касается до устройства постелей, то слѣдуетъ замѣтить, что постелей въ томъ родѣ, какія употребляются нѣмцами, въ Россіи вовсе не имѣется, не смотря на суровость климата: обыкновенно тамъ спятъ завернувшись въ платье, въ шубу или въ теплое одѣяло, иногда на мягко постланной кровати, а иногда просто на деревянной скамьѣ, въ жарко натопленной комнатѣ.

На слѣдующее утро, управляющій заводомъ повелъ своего гостя по разнымъ мастерскимъ, причемъ Аткинсонъ въ первый разъ получилъ возможность составить себѣ понятіе о желѣзодѣлательной промышленности Урала, съ которою онъ потомъ имѣлъ случай ближе ознакомиться во всѣхъ ея частностяхъ, равно какъ и съ прочими отраслями горнаго дѣла. Угостивъ Аткинсона хорошимъ завтракомъ, управляющій предоставилъ въ распоряженіе его лодку, съ тремя гребцами, которая должна была доставить его до ближайшей пристани,

Уткинской, лежащей внизъ по теченію, гдѣ Аткинсонъ намѣревался велѣть снарядить другую ладью побольше, для дальнѣйшаго плаванія внизъ по рѣкѣ.

Погода была превосходная, безоблачное небо было великолѣпнаго синяго цвѣта, а солнце свѣтило самыми яркими лучами; только плывшія еще по рѣкѣ льдины и снѣгъ, покрывающій сосѣднія горы, охлаждали воздухъ и напоминали, что зима не совсѣмъ еще миновала. Была уже половина апрѣля, но на окружающихъ поляхъ и въ лѣсу еще не было замѣтно особенныхъ признаковъ наступающей весны. Аткинсонъ, разгуливая по берегу Чусовой, наблюдалъ за дѣятельностью, происходившею на пристани. Цѣлыя кучи березоваго и сосноваго лѣса, съ корнями, назначеннаго для постройки барокъ, были тамъ свалены. Сотни народа возились вокругъ строящихся барокъ. Аткинсону разсказывали, что въ этомъ маленькомъ мѣстечкѣ по временамъ собирается до 4,000 рабочихъ, изъ коихъ одни бываютъ заняты при постройкѣ судовъ, а другіе нагрузкою барокъ. Нѣкоторые изъ этихъ рабочихъ живутъ верстъ за 500 или за 600. Барки играютъ роль собственно для укладки товаровъ, служа только для одного рейса, совершаемаго внизъ по теченію; по прибытіи же на мѣсто доставки товара продаются гдѣ-нибудь, въ отдаленномъ мѣстѣ, на дрова. Такимъ образомъ нѣкоторыя достигаютъ Оки и Клязьмы, по рѣкѣ Москвѣ доходятъ до Москвы, а по Невѣ до С.-Петербурга. Обратно не возвращается ни одна барка. По причинѣ безчисленнаго множества отмелей и скрытыхъ подводныхъ камней, дѣлающихъ рѣку, въ лѣтнее время, опасною для плаванія, барки строятся преимущественно плоскодонныя и съ малымъ водоизмѣщеніемъ. Бока и полъ барокъ складываются изъ почти необрубленныхъ деревъ, которыя притомъ кладутся такъ, что верхушками соприкасаются, а на концахъ ихъ оставляется еще часть корней, къ которымъ непосредственно и прибиваются поперечныя балки. Таковой оставъ обивается сперва крѣпкими досками, а потомъ хорошенько осмаливается. Впрочемъ,

иногда случается, что при постройкѣ подобной барки не употребляется ни одного желѣзнаго гвоздя, и все скрѣпляется деревянными болтами. Обыкновенныя грузовыя барки бываютъ до 125 футовъ длины, до 25 футовъ ширины, и вмѣщаютъ около 9,000 пуд. груза. Грузъ складывается въ барки прямо, безъ особенныхъ приспособленій. Такимъ образомъ, перевозятся не только произведенія горныхъ заводовъ всего Урала, но и драгоцѣнныя издѣлія екатеринбургскихъ гранильныхъ фабрикъ. Аткинсонъ видѣлъ огромные склады разнаго рода произведеній, назначенныхъ для нагрузки: желѣзо въ листахъ и въ полосахъ, оружіе самыхъ разнообразныхъ сортовъ, орудія различнаго калибра, начиная отъ ружья для стрѣльбы дробью и кончая пушками самаго тяжелаго калибра, которыя были предназначены для крѣпостей Чернаго моря, вмѣстѣ съ цѣлыми кучами ядеръ и бомбъ; сверхъ того желѣзныя издѣлія менѣе грубыя, вмѣстѣ съ предметами самой изящной отдѣлки. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что изъ числа ежегодно добываемыхъ въ Россіи 20 милл. пудовъ желѣза, уральскіе заводы доставляютъ бóльшую часть этого количества, которое, на описанныхъ выше баркахъ, сплавляется внизъ по Чусовой до Камы, а оттуда въ Волгу.

Крушенія судовъ, при подобныхъ плаваніяхъ, бываютъ нерѣдки, а при тяжести груза, всякое поврежденіе судна влечетъ за собою затопленіе его водою. Вслѣдствіе того верхней части барки придается такое устройство, что она не имѣетъ общей связи съ судномъ, причемъ къ ней прикрѣпляются борты судна, а полъ, по возможности, дѣлается непропускающимъ воду. При крушеніи судна, палуба отдѣляется отъ него и служитъ экипажу въ родѣ спасительнаго плота. Барки съ грузомъ въ 9,000 пудовъ требуютъ для себя 35 человѣкъ прислуги, а барки, поднимающія 10,000 пуд., 40 человѣкъ. На носу и на кормѣ судна находятся по два весла отъ 45 до 50 фут. длины, съ широкими и толстыми лопастями; при помощи этихъ веселъ направляется ходъ судна.

Однажды раздался въ мѣстечкѣ звонъ набатнаго колокола. Аткинсонъ, видя все народонаселеніе, старыхъ и малыхъ, выбѣжавшихъ изъ своихъ домовъ, съ длинными шестами, вообразилъ, что гдѣ-нибудь вспыхнулъ пожаръ, но вскорѣ узналъ, что недалеко отъ пристани разбилась барка о камень. Однако, при помощи плавающей палубы, весь экипажъ благополучно спасся на берегъ.

Въ одинъ веселый день, гуляя по берегу Чусовой, Аткинсонъ услышалъ вдали громкое пѣніе, происходящее какъ будто отъ соединеннаго хора сотни разнаго рода голосовъ. Нѣмцу при этомъ сейчасъ пришла бы мысль о гезангъ-ферейнѣ, и онъ очень обрадовался бы, вообразивъ, что слышитъ какой-нибудь русскій лидеръ-тафель, распѣвающій хвалебный гимнъ веснѣ. Аткинсонъ съ любопытствомъ спѣшитъ въ ту сторону, откуда несутся клики, и встрѣчаетъ на пристани до 400 мужчинъ и женщинъ, поющихъ вмѣстѣ, причемъ вся эта толпа вооружена шестами. Оказывается, что дѣло идетъ не о праздникѣ весны, а о спускѣ барки. Слѣдуетъ замѣтить, что барки на пристани лежатъ въ такомъ положеніи, что боками обращены къ рѣкѣ. Когда требуется спустить такую барку на воду, за дѣло принимается цѣлый полкъ народу, который, затянувъ общимъ хоромъ пѣсню, начинаетъ шестами толкать барку въ тактъ. На палубѣ, въ то время, стоитъ обыкновенно посреди, на возвышенномъ мѣстѣ, шкиперъ, а вокругъ него двѣнадцать его помощниковъ, которые, вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ, подтягиваютъ пѣсню. Съ каждою строфою, судно все болѣе и болѣе подвигается къ водѣ, причемъ собравшійся на немъ народъ не столько обращаетъ вниманія на спускъ барки, сколько на пѣніе, такъ что Аткинсону пришлось слушать пѣніе рабочихъ цѣлые три часа, пока наконецъ удалось стащить барку на рѣку.

При внезапно наступившей оттепели, вода въ Чусовой быстро поднялась на 6 футовъ вышины, и ея бѣшеныя волны, съ шумомъ и пѣною гоня передъ собою огромныя массы льда, произвели значительный вредъ между судами,

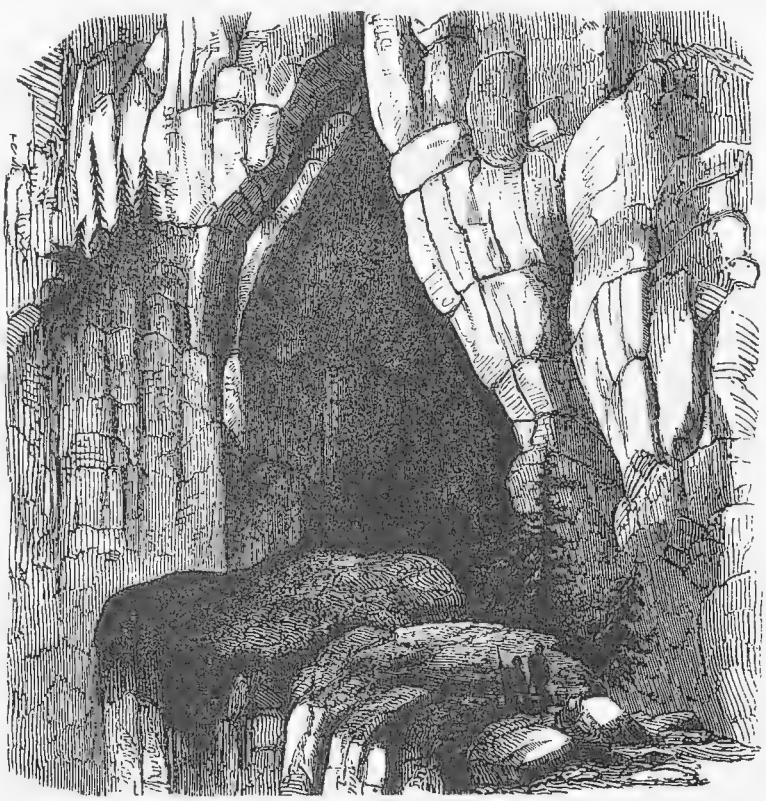
стоявшими на якорѣ. Изъ числа видѣнныхъ Аткинсономъ семи барокъ съ саломъ, которыя были назначены для отправленія въ Каму, двѣ, при проходѣ ледяныхъ массъ, получили такое значительное поврежденіе, что ихъ понадобилось во многихъ мѣстахъ исправить, но прочія барки снарядились къ отплытію. Явился судохозяинъ, купецъ изъ Екатеринбурга, который пригласилъ мѣстнаго священника, и весь экипажъ, торжественною процессіею, тронулся къ судну. Благословивъ судно и рабочихъ, священникъ прочиталъ молитву передъ образами святыхъ, которые помѣщались въ небольшой часовнѣ, устроенной по срединѣ судна. Всѣ, казалось, были сильно поражены мыслію объ опасностяхъ предстоящаго плаванія, но едва кончился молебенъ, какъ началась прощальная закуска, съ значительными возліяніями водки, и недолго длилось пиршество, какъ отъ благодатной силы спирта, всякое сословное различіе исчезло и замѣнилось общею братскою любовью и благодушествомъ.

Сильный дождь и теплый вѣтеръ, содѣйствовавшіе возвышенію воды въ рѣкѣ, принудили и Аткинсона отложить свой отъѣздъ на нѣсколько дней. Но наконецъ и погода и рѣка успокоились на столько, что, повидимому, не представлялось уже болѣе ни какихъ особыхъ препятствій къ отплытію.

Ладья, на которой рѣшился отправиться Аткинсонъ, снабжена была, кромѣ необходимаго запаса съѣстныхъ припасовъ, нѣкоторыми такими вещами, которыя могли понадобиться для ночлега въ лѣсу; для управленія баркою набрано было пять человѣкъ гребцовъ и одинъ мальчикъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день, помолившись на прощанье, экипажъ дружно принялся за дѣло, и барка быстро полетѣла внизъ по Чусовой, увлекаемая еще сильнымъ теченіемъ широко разлившейся рѣки.

Мѣстность, по которой плылъ Аткинсонъ, была живописна. Съ одной стороны, рѣка была обрамлена холмами, а съ другой лугами. Горы, по большей части, были слегка

округлены и вплоть до самыхъ вершинъ одѣты соснами, мѣстами же представляли формы страннаго, дикаго характера. Крутые утесы близко подходили къ водѣ, и волны съ пѣною разбивались объ изорванный берегъ. Изъ горныхъ породъ



Входъ въ пещеру на берегу Чусовой.

преобладалъ известнякъ. Аткинсонъ видѣлъ горизонтальные пласты, которые, изъ первоначальнаго своего положенія, поднявшись въ видѣ крутыхъ арокъ, потомъ надломились. Въ другихъ мѣстахъ, значительныя отверзтія обнаруживали присутствіе пещеръ. Одну изъ такихъ пещеръ нашъ англи-

чанинъ рѣшился осмотрѣть. Въ сопровожденіи четверыхъ изъ своихъ спутниковъ, вооруженныхъ горящими факелами, Аткинсонъ проникъ далеко вглубь пещеры, то пробираясь ползкомъ вдоль узкихъ, сжатыхъ галерей, то опять безпрепятственно и свободно продолжая шествіе въ обширныхъ и высокихъ подземныхъ пространствахъ. Конецъ одного хода былъ загражденъ массами обрушившихся скалъ, а въ глубинѣ другой пещеры зіяла пропасть, въ которую низвергался подземный водопадъ. Многочисленныя пещеры по берегамъ Чусовой служили, въ старыя времена, убѣжищемъ для первоначальныхъ покорителей Сибири, гдѣ они скрывались послѣ неудачныхъ схватокъ съ туземцами. Здѣсь, потерпѣвшіе пораженіе, казаки собирались, устраивались и отсюда выходили на новые подвиги. Нѣкоторыя же изъ пещеръ служили пристанищемъ для извѣстныхъ въ томъ краю разбойниковъ: одинъ, весьма живописный, утесъ носитъ еще и теперь, въ память прежнихъ своихъ обитателей, прозваніе „утеса четырехъ братьевъ“ или „четырехъ разбойниковъ“. Въ пещерахъ, которыя поменьше, говорятъ, скрываются медвѣди, встрѣчающіеся въ тамошнихъ лѣсахъ вообще довольно часто. Волки попадаются рѣже; зато, кромѣ краснаго звѣря, въ тѣхъ мѣстностяхъ находятся и лоси. Впрочемъ охота на нихъ представляетъ вообще много неудобствъ, и въ значительной степени затруднена свойствами почвы. Тамъ, гдѣ мѣстность не представляетъ непосредственно голаго камня, на значительномъ разстояніи простираются топь и болота, въ особенности же въ низменностяхъ. У кого же хватитъ духу пуститься лѣтомъ въ эти болота, гдѣ, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль, нѣтъ ни какого слѣда человѣческаго жилья, и гдѣ, напротивъ, кишатъ милліоны-сибирскихъ мошекъ! Съ другой стороны, зимою доступъ въ эти дикія мѣста затрудняютъ высокій снѣгъ и страшный холодъ.

Съ каменистыми утесами и покрытымй лѣсомъ возвышеніями, въ живописной послѣдовательности, перемежаются обширныя пространства нивъ, коихъ однообразная зелень

прерывается группами сосенъ и березъ, иногда съ такимъ изяществомъ, что невольно приходитъ на умъ, не распредѣлены ли эти группы искусственно какимъ-нибудь ученымъ садовникомъ. Единственное, чего недостаетъ этимъ нивамъ, для того, чтобы онѣ могли вполнѣ походить на настоящіе парки, это пасущіяся стада. Скотъ встрѣчается только вблизи селеній, которыя расположены другъ отъ друга далеко. Въ первый день Аткинсону привелось проплыть двѣнадцать часовъ, не замѣтивъ и слѣдовъ человѣческаго жилья.

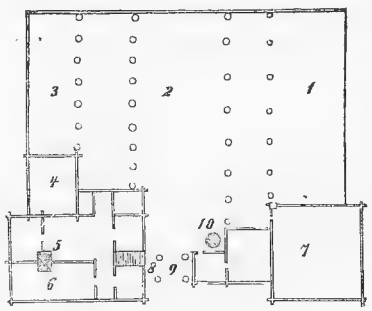
Къ вечеру погода сдѣлалась непріятною; поднялся рѣзкій вѣтеръ, который осыпалъ нашего путешественника снѣжною пылью, и уже начинало смеркаться, когда въ сторонѣ, въ лѣсу, показались свѣтъ огня и облака дыма, обнаружившія близость *Уткинскаго завода*. Скоро гребцы повернули изъ Чусовой въ боковую рѣчку. Но теченіе послѣдней было такъ быстро, что веслами нельзя было ничего сдѣлать противъ воды. Гребцы вышли изъ барки и потащили ее бичевою, но оказалось, что и этимъ способомъ не было возможности подвинуться много впередъ, такъ что вскорѣ Аткинсонъ вынужденъ былъ продолжать путь къ заводу пѣшкомъ. Шествіе это было весьма непріятно, потому что повсюду было безпрерывное болото, и на каждомъ шагу нога проваливалась въ топь по самое колѣно. Ночь была темная, хоть глазъ выколи, а снѣжная вьюга, смѣшанная съ дождемъ, еще болѣе затрудняла шествіе. Гребцы остались при баркѣ, и только одинъ рулевой пошелъ впередъ съ Аткинсономъ. Даже подойдя къ самому зданію, гдѣ Аткинсонъ льстилъ себя надеждою найти гостепріимный пріемъ, даже и тутъ представились разныя трудности получить въ него доступъ. Провожатый Аткинсона привелъ его къ небольшому отверзтію, не болѣе четырехъ футовъ вышины и только двухъ съ половиною футовъ ширины. Аткинсону не вѣрилось, чтобы это могла быть дверь, ведущая въ человѣческое жилье. Вообразивъ, что онъ не понялъ своего про-

водника, нашъ англичанинъ принялся щупать и искать вокругъ всего двора, пока опять не вернулся къ подозрительному отверзтію. Наконецъ отчаяніе придало ему смѣлость, и онъ рискнулъ ползкомъ пуститься въ черную пасть, стремясь навстрѣчу своей таинственной судьбѣ. Не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ слышитъ передъ собою яростное рычанье, за которымъ слѣдуетъ бѣшеный лай и завываньe. Но затѣмъ тотчасъ же появляется свѣтъ, и вся сцена освѣщается. На порогѣ полуотворенной двери, ведущей въ темный покой, показываются хозяинъ съ хозяйкою; вслѣдъ за ними выходятъ домочадцы и укрощаютъ разъяреннаго цербера. Нашего гостя принимаютъ съ радушіемъ и отводятъ въ особую комнату.

Чтобы понять описанное нами небольшое приключеніе Аткинсона, нужно читателю немного ознакомиться съ устройствомъ русскаго сельскаго жилья. Дворъ такого жилья состоитъ обыкновенно изъ четвероугольника, коего одна сторона бываетъ занята жилою избою и анбарами; прочее же пространство составляетъ дворъ, съ поломъ, выстланнымъ досками, и съ навѣсомъ для защиты отъ непогоды, поддерживаемымъ столбами. Налѣво и направо, вдоль двора идутъ сараи и стойла для лошадей. Дверь въ избу, по причинѣ сильной стужи, дѣлается обыкновенно какъ можно меньшихъ размѣровъ, и выходитъ прямо во дворъ, на который открываются двери и прочихъ комнатъ. Большая печь, похожая на существующія въ Германіи пекарныя печи, отапливаетъ всѣ помѣщенія. Комната, которая побольше, служитъ для сбора всего семейства, маленькій же покой есть свѣтлица хозяйки, а прислуга собирается преимущественно въ кухнѣ.

Самый входъ въ такую избу, для человѣка чуждаго, незнакомаго съ устройствомъ подобнаго рода домовъ, представляетъ много оригинальнаго, въ особенности если посѣтитель высокаго роста; въ подобныхъ случаяхъ для него лучше всего нагнуться, какъ можно ниже. Такимъ образомъ онъ избавится отъ опасности разбить себѣ голову о дверную при-

толоку. Дома строятся въ тѣхъ мѣстахъ почти исключительно изъ дерева, и сильно напоминаютъ конструкціею стѣнъ блокгаузы обитателей западныхъ штатовъ Сѣверной Америки. Сперва кладется на землю твердое основаніе изъ камней, которое вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ сухость всему строенію, а сверхъ этого складывается четвероугольный срубъ изъ сосновыхъ бревенъ. Бревна для этого употребляются уже очищенныя отъ коры, причемъ концы ихъ скрѣпляются между собою помощью соотвѣтствующихъ зубьевъ, а въ верхней части каждаго бревна выдалбливается небольшая выемка, въ которую плотно приходится нижняя часть слѣдующаго бревна. Сверхъ того, для большей плотности, всѣ щели и отверзтія забиваются паклею или мохомъ. Такимъ образомъ возводится срубъ, футовъ на десять отъ земли. Затѣмъ накладывается потолокъ тоже изъ перекладинъ, послѣ того, сообразно надобности, пристраивается еще одинъ этажъ, и наконецъ возводится крыша изъ досокъ. Въ мѣстностяхъ при-уральскихъ, изобилующихъ желѣзомъ, ее обиваютъ желѣзными листами, и, для предохраненія отъ ржавчины, окрашиваютъ зеленою масляною краскою.



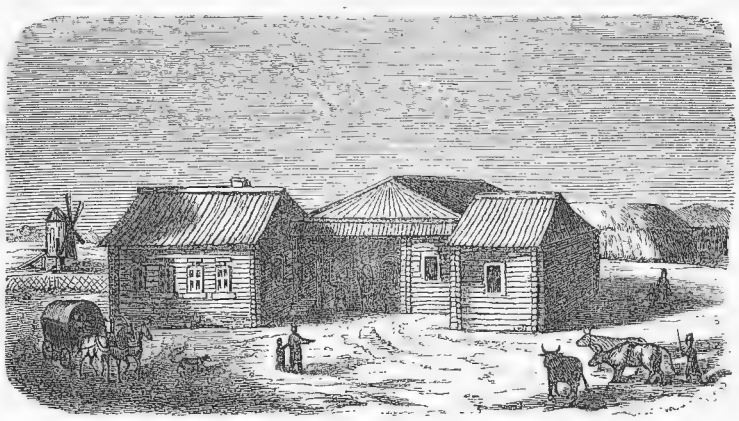
План сельскаго жилья.
1) сараи, 2) дворъ съ навѣсомъ, 3) стойла, 4) кухня, 5) печь, 6) жилой покой, 7) кладовая, 8) калитка съ лѣстницею, 9) ворота, 10) колодезь.

Двери и окна вколачиваются въ деревянный срубъ уже послѣ всего, и гладко обтесываются рубанкомъ. Окна, для защиты отъ холода, бываютъ обыкновенно зимою двойныя, и сверхъ того снабжаются ставнями; зато на дверяхъ почти никогда не бываетъ замковъ.

И такъ, пробравшись благополучно, послѣ нѣсколькихъ неизбѣжныхъ изгибовъ, въ спасительную гавань теплаго

покоя, Аткинсонъ вытащилъ изъ кармановъ, для представленія директору завода, — которымъ былъ, какъ вскорѣ оказалось, самъ хозяинъ дома, — разныя свои свидѣтельства и рекомендаціи. Его приняли съ распростертыми объятіями. Добрые хозяинъ и хозяйка были въ высшей степени обрадованы, что ихъ одиночество прервано такимъ неожиданнымъ образомъ посѣщеніемъ иностранца, принадлежащаго притомъ къ націи, которая доставляетъ для уральскихъ заводовъ не только множество машинъ, но и самыхъ лучшихъ мастеровъ. Россія и Англія не находились еще тогда въ тѣхъ непріязненныхъ отношеніяхъ, въ которыя поставила ихъ въ послѣдствіи ожесточенная Крымская война. По этому, едва директоръ узналъ, въ какомъ положеніи нашъ англичанинъ оставилъ своихъ спутниковъ, какъ тотчасъ же распорядился, чтобы послать къ нимъ на помощь. Рулевой взялъ съ собою лошадь съ однимъ рабочимъ, и они отправились къ тому мѣсту, гдѣ оставлена была лодка, чтобы прибуксировать ее къ самому заводу, гдѣ бы Аткинсонъ могъ перемѣнить свои платья, остававшіяся у него на лодкѣ. Между тѣмъ Аткинсону подали чашку горячаго чаю, чтобы немного согрѣть прозябшіе члены. Впрочемъ процесъ переодѣванья приводилъ нашего стыдливаго джентльмена въ немалое смущеніе, потому что добрая хозяйка каждую минуту выскакивала изъ одной двери въ другую, а изъ сосѣдней комнаты выглядывали шесть или семь паръ дѣтскихъ глазъ, съ необыкновеннымъ любопытствомъ подсматривавшихъ, къ какому разряду существъ принадлежитъ живой англичанинъ. Наконецъ онъ рѣшился удовольствоваться необходимымъ, и на первое время ограничился только перемѣною сапоговъ и носковъ. Между тѣмъ столъ былъ накрытъ, и Аткинсонъ, вооружившись англійско-русскимъ словаремъ, приступилъ къ подкрѣпленію своихъ силъ. Что за кушанья были всѣ тѣ блюда, которыя подавались на столъ, Аткинсонъ не въ состояніи пересказать; для него было достаточно того, что все это было хорошо приготовлено, и пришлось

ему по вкусу, особенно же послѣ такого продолжительнаго плаванія на лодкѣ въ холодную погоду, и послѣ такой пріятной прогулки по болоту. Зато несравненно подробнѣе разсказываетъ нашъ артистъ о напиткахъ, украшавшихъ столъ. Къ немалому его удивленію, тутъ появились, кромѣ настоящаго рейнвейна, мадера, малага и прочіе благородные напитки отдаленныхъ странъ. Аткинсона посадили на почетномъ мѣстѣ, на верхнемъ концѣ стола; рядомъ съ нимъ сѣлъ хозяинъ, а хозяйка дома, по свойственной русскимъ жен-



Сельское жилище.

щинамъ скромности, хотѣла было сначала усѣсться на нижнемъ концѣ стола, но нашъ галантерейный англичанинъ не согласился допустить этого, и она вынуждена была пересѣсть съ другой стороны. Общество очень скоро развеселилось, видя, какъ Аткинсонъ постоянно заглядываетъ въ свой словарь и съ трудомъ сочиняетъ русскія фразы, стараясь по возможности оживить бесѣду. Чувствуя потребность, изъ признательности къ хозяйкѣ за причиненныя ей хлопоты, оказать ей какое-нибудь особенное удовольствіе, Аткинсонъ выразилъ желаніе полюбоваться поближе ея дѣтьми. Этимъ,

кажется, онъ задѣлъ ее за самую чувствительную струну. Хозяйка исчезла на минуту, и потомъ опять появилась, держа на рукахъ самаго младшаго изъ своихъ чадъ, прехорошенькаго толстощекаго мальчугана. Не желая съ своей стороны отстать въ любезности отъ иностранца, хозяйка рѣшилась поподчивать гостя самымъ драгоцѣннымъ угощеніемъ. Положивъ ребенка въ сторону, она отправилась достать изъ самыхъ потаенныхъ хранилищъ такъ называемую *наливку*, и вскорѣ на сцену появился розоваго цвѣта ликеръ собственной фабрикаціи. Подобно тому, какъ въ прежнія времена въ Германіи, всякая порядочная хозяйка умѣла изготовлять у себя дома хорошее пиво, такъ въ Россіи, еще и до сихъ поръ, хорошая домоводка изготовляетъ разныя наливки, настаивая спиртъ ягодами. Изъ числа такихъ ягодъ, которыми изобилуютъ лѣса Урала, наиболѣе славится *мамура* (rubus arcticus). Вкусомъ ягода эта сладковато-кислая, но запахомъ и ароматомъ она далеко превосходитъ нашу землянику, и немного походитъ на тропическій ананасъ.

Будучи вынужденъ отвѣдать рюмочку этого ликера, Аткинсонъ нашелъ, что вкусъ его очень хорошъ, и уже не могъ отказаться, когда хозяйка предложила ему еще нѣсколько капель наливки. Польщенная, въ свою очередь, такимъ предпочтеніемъ, оказываемымъ къ наливкѣ со стороны опытнаго, много изъѣздившаго иностранца, хозяйка поспѣшила вытащить еще четыре или пять разныхъ сортовъ этого напитка. Такимъ образомъ подчиванье не прекращалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала усиливаться и общая веселость.

Наконецъ, наступилъ самый торжественный моментъ, — поднялся съ своего мѣста самъ хозяинъ, не съ тѣмъ, чтобы встать совсѣмъ изъ-за стола, а чтобы достать бутылку шампанскаго. Принесли бокалы, пробка хлопнула и пѣна брызнула изъ бутылки. Одинъ изъ принесенныхъ бокаловъ былъ налитъ для гостя, а другой для хозяина, но развеселившійся Аткинсонъ настоялъ, чтобы хозяйка тоже отвѣдала шампанскаго, и добился наконецъ, что она выпила

весь его бокалъ. Аткинсону подали другой стаканъ, и полночь еще не наступила, какъ уже бутылка была осушена. Тутъ опять появилась хозяйка съ новымъ запасомъ наливки другаго издѣлія и цвѣта, но тоже превосходнаго вкуса и аромата, и веселые собесѣдники продолжали свои упражненія въ отвѣдываніи наливокъ до тѣхъ поръ, пока въ заключеніе всего не роспили еще другой бутылочки шампанскаго.

Послѣ такъ пріятно проведеннаго вечера, Аткинсонъ заснулъ превосходно. На слѣдующее утро, часовъ въ семь, напившись чаю съ печеньями, отправился онъ осматривать, подъ руководствомъ директора, разныя устройства завода; затѣмъ къ 10 часамъ изготовлена была плотная закуска, состоявшая изъ чая, пирога съ рыбою, разныхъ видовъ мяса, дичи, варенья съ приправою наливокъ, и въ заключеніе съ бутылкою шампанскаго. Когда, наконецъ, наступилъ часъ отъѣзда, къ Аткинсону явились прощаться всѣ члены семейства, изъ коихъ старшей, двѣнадцати-лѣтней дѣвочкѣ, онъ подарилъ иллюстрированную англійскую книгу, надписавъ свою фамилію: ему пріятно было думать, что память о немъ сохранится у этихъ добрыхъ людей и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. При прощаньѣ Аткинсонъ долженъ былъ перецѣловать всѣхъ по порядку; наконецъ, когда и нанятые имъ барочники помолились Богу, ничего уже болѣе не оставалось, какъ усаживаться, и нашъ путешественникъ отправился въ дальнѣйшее плаваніе. Изъ этого маленькаго событія благосклонный читатель можетъ видѣть, что и пресловутая Сибирь можетъ представить нѣкоторыя любопытныя и веселыя стороны жизни.

Къ большому удовольствію Аткинсона, его гостепріимный хозяинъ сѣлъ тоже съ нимъ въ лодку, объявивъ ему, что у него есть дѣло за нѣсколько верстъ, внизъ по теченію, и что онъ намѣренъ проѣхать нѣкоторое пространство съ нимъ вмѣстѣ. Спустя полчаса, на берегу показались его сани, гребцы пристали къ берегу, и директоръ вытащилъ изъ своего

поставца бутылочку шампанскаго, чтобы сказать своему гостю еще послѣднее прости.

Дальнѣйшее плаваніе до *Шайтанска* пролегало по чрезвычайно красивой и живописной мѣстности; но сопровождалось дождемъ и сильнымъ вѣтромъ, съ необыкновенно холодною погодою. Прибывъ въ это мѣсто, они нашли все населеніе въ необыкновенномъ переполохѣ: оказалось, что только передъ ихъ прибытіемъ три человѣка потонули въ бурныхъ волнахъ разлившейся рѣки. Они хотѣли было переѣхать черезъ рѣку, но ихъ легонькая лодка опрокинулась, и пока успѣли подплыть къ нимъ на помощь, ихъ уже увлекло теченіемъ внизъ. Намѣреваясь еще разъ посмотрѣть на наиболѣе живописныя мѣстности, мимо которыхъ онъ плылъ, для того, чтобы лучше снять ихъ на бумагу, Аткинсонъ приказалъ протащить свою лодку по берегу вверхъ противъ теченія, но вскорѣ оказалось, что такое дѣло было не по силамъ его гребцамъ, по причинѣ сильнаго теченія. По возвращеніи домой, онъ нашелъ у себя своего радушнаго хозяина изъ Уткинскаго завода, который, узнавъ о его неудачѣ, рѣшился отвезти его въ своемъ тарантасѣ обратно къ заводу, для того, чтобы дать ему возможность опять совершить тотъ же самый путь на лодкѣ. Но злая судьба и на этотъ разъ послала ему самую отвратительную погоду съ снѣгомъ, съ проливнымъ дождемъ, смѣшаннымъ съ градомъ и съ необыкновенно рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ.

Совершивъ еще, въ сопровожденіи свѣдущаго проводника, небольшой переходъ пѣшкомъ къ одному живописному водопаду, находящемуся въ горахъ, причемъ достаточно ознакомился со всѣми случайностями, соединенными съ прогулкою по глубокимъ снѣжнымъ сугробамъ безъ тропинки, черезъ повалившіяся деревья и скрытые каменья, — Аткинсонъ пустился въ своей лодкѣ далѣе къ Ишимску, а въ слѣдующіе дни, къ Качекѣ, Киновскому заводу и Оламску.

Мѣстность носила все прежній живописный характеръ: поросшія лѣсомъ возвышенности, живописно крутыя скалы,

испещренныя ущельями, водопадами, и пропастями, въ привлекательномъ порядкѣ смѣнялись луговымъ пространствомъ, а мѣстами, и въ особенности вокругъ населенныхъ мѣстечекъ, нивами, на которыхъ уже показывалась молодая озимь. Вообще наступившая теплая погода пробудила и прочую природу изъ ея зимняго сна. Изъ потемнѣвшей, прошлогодней травы начали уже проглядывать свѣженькіе кончики, и луговой коверъ запестрѣлъ цвѣтами. Березы стали покрываться благоухающею зеленью, и однажды ночью сдѣлалось такъ тепло, что Аткинсонъ безъ затрудненія рѣшился ночевать съ своими людьми въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ. Впрочемъ бывали случаи, что погода измѣнялась, и за 22° Ц. тепла слѣдовало по 6° мороза съ снѣгомъ.

Всѣ мѣстечки, мимо которыхъ проѣзжалъ Аткинсонъ, плывя по Чусовой, были или желѣзодѣлательные заводы, или пристани заводовъ, лежащихъ далѣе въ горахъ. Одни изъ нихъ принадлежатъ графамъ Строгановымъ, а другіе семейству Демидовыхъ. На одномъ прекрасномъ романтическомъ пунктѣ, лежащемъ близъ Качеки, нашему путешественнику показали простой памятникъ, состоящій изъ каменнаго креста. Памятникъ этотъ указываетъ мѣсто рожденія родоначальника нынѣшней фамиліи Демидовыхъ. Мать его, какъ разсказываютъ, во время беременности, проѣзжала по безлюдной степи, и бывшіе съ нею на лодкѣ гребцы приготовили для нея постель у подножія одного утеса; на этомъ самомъ мѣстѣ и увидѣлъ юный Демидовъ свѣтъ Божій, посреди пустыни, въ которой въ послѣдствіи онъ и его потомки сумѣли извлечь столько богатствъ изъ нѣдръ земли. Родоначальникъ знаменитаго семейства, носящаго теперь эту фамилію, былъ Демидъ Антуфіевъ, жившій во время Петра Великаго. Хотя онъ былъ собственно не болѣе, какъ простой кузнецъ, но своимъ искусствомъ и смышленостью сумѣлъ обратить на себя вниманіе царя, который нѣсколько разъ посѣщалъ его, и, убѣдившись въ несовсѣмъ обыкновенныхъ способностяхъ его, подарилъ ему участокъ земли близъ *Тулы*, изо-

биловавшій желѣзною рудою. Здѣсь возникъ первый желѣзодѣлательный заводъ и первое начало того огромнаго состоянія, которое Демидовы пріобрѣли мало по малу. Петръ возвелъ Антуфіева въ дворянское званіе и освободилъ его семейство отъ обязанности нести государственную службу, для того, чтобы члены его имѣли полную возможность разрабатывать богатства Урала для пользы государства. Не смотря на то, когда представлялась необходимость, Демидовы никогда не уклонялись отъ служенія своему отечеству; такъ, въ 1812 г., Николай Демидовъ вооружилъ на собственныя средства цѣлый полкъ.

Замѣчательную особенность Демидовыхъ составляло то, что они, достигнувъ огромнѣйшихъ богатствъ, не предавались наслажденіямъ праздности и разслабляющей роскоши, но продолжали сами слѣдить за успѣхами наукъ и искусствъ, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ побуждать къ тому же и тѣхъ, кто находился отъ нихъ въ зависимости, и постоянно обращая особенное вниманіе на умственное и вещественное преуспѣяніе послѣднихъ.

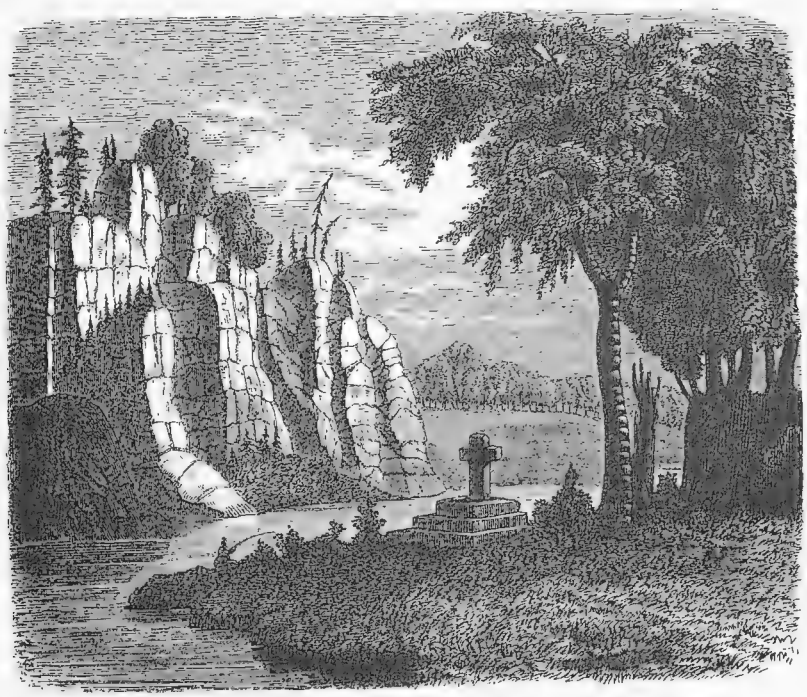
Блестящимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить находящійся еще въ живыхъ Анатолій Николаевичъ Демидовъ, графъ Санъ-Донато и владѣлецъ Нижне-Тагильскихъ чугуноплавильныхъ заводовъ. Онъ родился въ 1813 году въ Москвѣ, но еще отрокомъ былъ привезенъ въ Парижъ для довершенія своего образованія. Въ Парижѣ, онъ предался съ такимъ рвеніемъ своимъ занятіямъ, какъ будто дѣло шло о снисканіи ему средствъ къ пропитанію. Кромѣ коллегій С-тъ-Барбъ и С-нъ Луи, онъ посѣщалъ въ Парижѣ еще школу правовѣдѣнія, и наконецъ политехническую школу, и былъ однимъ изъ жаркихъ приверженцевъ Араго.

Возвратившись, на осьмнадцатомъ году, обратно въ Россію, онъ вскорѣ затѣмъ вынужденъ былъ, по случаю смерти отца, вступить въ управленіе дѣлами по имѣнію. Употребленіе, какое онъ сдѣлалъ изъ своихъ обширныхъ помѣстій

доказываетъ, въ какой мѣрѣ соединена была въ немъ сердечная теплота съ обширными познаніями. Такимъ образомъ, купивъ въ С.-Петербургѣ огромное зданіе, онъ устроилъ въ немъ благотворительное учрежденіе, съ пятью отдѣленіями, предназначенными для различныхъ цѣлей, и дѣтскую больницу. Въ эпоху страшной холеры, свирѣпствовавшей въ Пебургѣ, онъ устроилъ обширную больницу, и лично подвергался опасностямъ при уходѣ за больными.

Усердно занимаясь всѣмъ, что имѣло соприкосновеніе съ науками, онъ преимущественно изучалъ минералогію, геогнозію и географію, и совершилъ съ этою цѣлью нѣсколько путешествій, находясь въ то же время въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ извѣстнѣйшими учеными обществами. Кромѣ того, онъ положилъ основаніе различнымъ ученымъ коллекціямъ, и на его же счетъ посылаются ежегодно восемь молодыхъ людей изъ наиболѣе способныхъ и лучше подготовленныхъ, для того, чтобы образовать себя для строительнаго искусства, а также для горнаго и заводскаго дѣла. Установленіемъ ежегодныхъ премій, онъ поощряетъ тѣхъ изъ русскихъ писателей, которые отличатся особыми общеполезными сочиненіями, и продолжаетъ оказывать подобными же преміями помощь разнымъ другимъ ученымъ обществамъ, но преимущественно тѣмъ изъ нихъ, которыя пекутся о развитіи естественныхъ наукъ. Когда въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, которыя не изобилуютъ древеснымъ топливомъ, возникла потребность въ каменномъ углѣ, Демидовъ содѣйствовалъ къ снаряженію въ 1837 и 1840 годахъ ученой экспедиціи для изслѣдованія южной Россіи, и самъ, лично, руководилъ предпринятыми изысканіями. Весь бассейнъ Чернаго моря подвергнутъ былъ при этомъ основательному и всестороннему изслѣдованію, результаты коего были собраны впослѣдствіи въ великолѣпномъ изданіи, состоящемъ изъ четырехъ большихъ томовъ, съ богатыми гравюрами. Сочиненіе это было переведено на большую часть европейскихъ языковъ.

На посѣщеніи принадлежащихъ фамиліи Демидовыхъ, владѣній на Уралѣ, Аткинсонъ нерѣдко имѣлъ случай одобрять разныя гуманныя учрежденія, обязанныя своимъ существованіемъ этой знаменитой фамиліи, причемъ онъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ вспоминалъ каждый разъ о простомъ каменномъ крестѣ въ пустынѣ на берегу Чусовой,

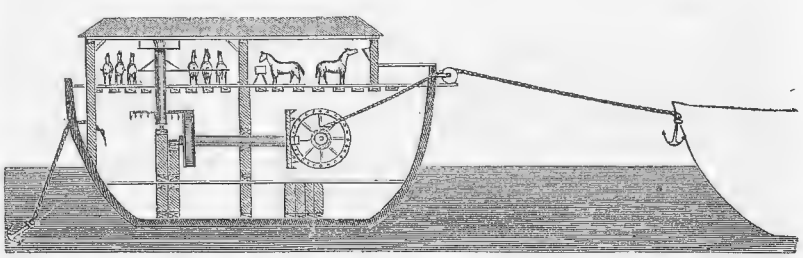


Мѣсто рожденія Демидова на берегу Чусовой.

напоминающемъ событіе, послужившее началомъ для знаменательнаго движенія человѣческихъ судебъ.

За исключеніемъ одного раза, что Аткинсонъ ночевалъ въ лѣсу, о чемъ было уже упомянуто, онъ постоянно останавливался для ночлега у управляющихъ заводами, и всегда въ одномъ только мѣстѣ встрѣчалъ дружественный пріемъ. Ему очень не нравилось, именно, въ Качекѣ. Вся обстановка была

очень грязная, а вмѣсто наливки, ему подали простой сивухи, и въ добавокъ, во время стола, Аткинсонъ, къ великому своему ужасу, вынужденъ былъ хлебать супъ изъ одного общаго горшка, съ двумя другими личностями. Зато необыкновенно блестящій и роскошный пріемъ сдѣланъ былъ ему на Киновскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ графа Строганова. Онъ нашелъ въ управляющемъ заводомъ человѣка весьма образованнаго, отлично говорившаго на нѣмецкомъ языкѣ, который Аткинсонъ немного понималъ, и который въ образованномъ сословіи въ Россіи также распространенъ, какъ прежде былъ распространенъ въ Германіи французскій языкъ.



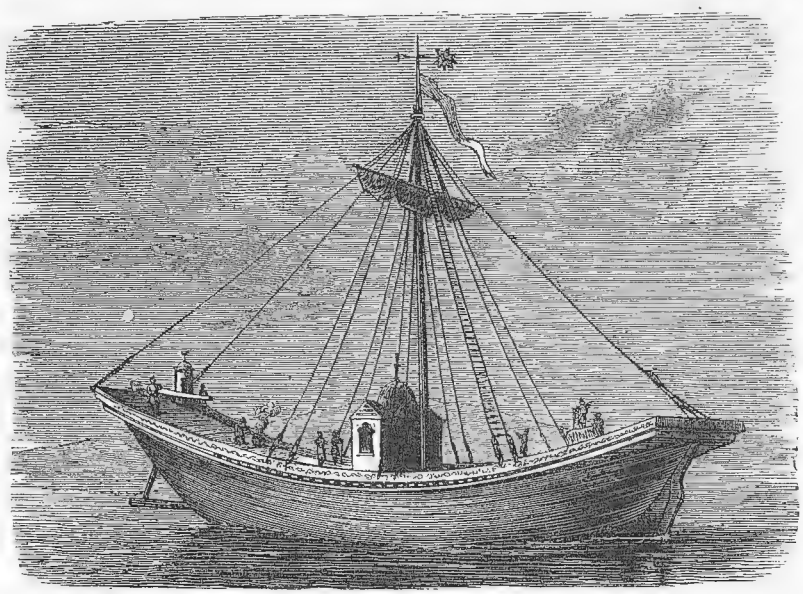
Барка, приводимая въ дѣйствіе коннымъ приводомъ (въ разрѣзѣ).

Что касается до пищи для своихъ художественныхъ занятій, то нашъ артистъ былъ въ этомъ отношеніи весьма доволенъ своею поѣздкою по рѣкѣ: ему удалось снять до 28 эскизовъ. Въ Оланскѣ, Аткинсонъ отпустилъ наконецъ своихъ гребцовъ, намѣреваясь продолжать поѣздку далѣе въ экипажѣ, въ сѣверовосточномъ направленіи, между тѣмъ, какъ рѣка осталась у него на западѣ. Тутъ онъ надолго отказался отъ всякой поѣздки водою, и только мысленно прослѣдовалъ нагруженныя желѣзомъ барки, направлявшіяся къ Камѣ и Волгѣ, между тѣмъ какъ онъ самъ повернулъ къ Азіи.

На этихъ баркахъ, какъ уже объяснено, сплавляются богатства Урала, преимущественно на Нижегородскую ярмарку. Пока барки идутъ по теченію рѣки, до тѣхъ

поръ для нихъ достаточно движущей силы воды, но когда онѣ вступятъ въ Волгу, и должны подвигаться впередъ противъ теченія, тогда имъ приходится прибѣгать къ посторонней помощи. Такимъ образомъ много барокъ волокутся людьми при помощи бичевы, и хотя въ тѣхъ мѣстностяхъ нѣтъ недостатка въ лошадяхъ, но ихъ нельзя употреблять всегда для передвиженія барокъ, потому что фарватеръ Волги безпрестанно измѣняется, проходя то близъ одного берега, то у противоположнаго. Люди при этомъ случаѣ могутъ безъ труда переправляться на лодкахъ; лошадей нельзя было бы съ такою же легкостью перевозить на другой берегъ; сверхъ того весьма затруднительно было бы переводить ихъ черезъ побочные притоки, не имѣющіе большею частью мостовъ. Вмѣсто того, на Волгѣ находятся въ употребленіи особаго рода буксирныя суда, приводимыя въ движеніе силою лошадей, неизвѣстныя въ другихъ странахъ. На судахъ этихъ имѣется помѣщеніе для значительнаго числа лошадей, которыя приводятъ въ дѣйствіе воротъ, навивающій канатъ. Между-тѣмъ легкая лодка завозитъ якорь коноводнаго судна на нѣкоторое разстояніе впередъ, и опускаетъ его въ землю. Сначала къ этому мѣсту завозятъ коноводное судно, которое уже потомъ, посредствомъ коннаго привода, тянетъ за собою другія барки съ грузомъ. Послѣднія бываютъ часто большихъ размѣровъ и значительной помѣстительности. На Волгѣ попадаются грузовыя барки, длиною отъ 4 до 500 футовъ, а шириною отъ 30 до 40 футовъ. Предназначаемыя для перевозки товара барки строятся съ высокими бортами, съ платформой наверху, и имѣютъ высокія мачты, со множествомъ снастей. На платформѣ у самой мачты, строится обыкновенно не только на судахъ у христіанъ, но и у магометанъ, маленькая часовня для совершенія божественной службы и для молитвъ. Впрочемъ въ настоящее время, когда на Волгѣ плаваетъ множество пароходовъ по всѣмъ направленіямъ, конечно, большая часть барокъ буксируется послѣдними, и хотя пароходы топятъ

преимущественно дровами, а приволжскіе лѣса не въ состояніи доставлять топлива въ такомъ изобиліи, какъ прежде, однако жъ это обстоятельство, по всей вѣроятности, не будетъ имѣть большаго вліянія на развитіе пароходства, потому что на Уралѣ уже открыты богатыя мѣстонахожденія каменнаго угля, до сихъ поръ еще мало разработанныя.



Судно для перевозки грузовъ.

На западной сторонѣ Урала, между горами и Камою, найдены пять каменноугольныхъ залежей значительнаго объема, содержащія пласты угля въ пятнадцать фут. толщины, и, можетъ быть, не далеко то время, когда не только одни металлы и дерево будутъ служить предметомъ сбыта изъ пріуральскихъ мѣстностей, но когда Уралъ станетъ снабжать и минеральными богатствами страны, терпящія недостатокъ въ топливѣ.

Группа утесовъ въ горѣ Урала (Крестовая Гора).

III.

Восхожденіе на Кашканаръ.

Серёбрянскій заводъ. — Охота на тетеревовъ. — Кушвинскъ. — Леченіе отъ лихорадки. — Нижнетуринскъ. — Сибирскія мошки. — Поѣздка на Кашканаръ. — Медвѣдь. — Анна Петровна, охотница на медвѣдей. — Высѣченный мишка. — Кедры. — Первобытный лѣсъ. — Переправа черезъ рѣки. — Дорога въ горахъ. — Ночлегъ на Кашканарѣ. — Поѣздка на вершину. — Сѣверный Уралъ. Возвращеніе.

Послѣдняя часть плаванія на лодкѣ по Чусовой, по случаю дурной погоды, не представляла ничего пріятнаго. Установившаяся теплая погода смѣнилась снѣжною вьюгою, соединенною съ рѣзкимъ холоднымъ вѣтромъ, противъ котораго небольшая, совершенно открытая ладья Аткинсона не представляла рѣшительно ни какой защиты. Поэтому Аткинсонъ былъ очень радъ, когда плаваніе его окончилось, и

представилась возможность, для перемѣны, пересѣсть опять въ тарантасъ и телѣгу.

Слѣдуя теченію небольшаго притока Чусовой, Аткинсонъ направился къ ближайшему значительному пункту, чугуноплавильному заводу *Серебрянскому*. Мѣстность, окружавшая его при этомъ, была вполнѣ очаровательная. Дорога пролегала по долинѣ, въ которой наваленные другъ на друга известковые утесы разныхъ формъ и величины образовали живописныя группы. Тутъ можно было различить всевозможные оттѣнки цвѣтовъ, отъ ослѣпительно бѣлаго до самаго глубоко-чернаго, а пробивавшаяся между скалъ рѣчка на каждомъ шагу пѣнилась самыми живописными каскадами. Изъ молодой, свѣжей травы выглядывали уже ранніе весенніе цвѣтки, а свѣтлая зелень березъ, вмѣстѣ съ сочными отпрысками сосенъ, придавала окружающей природѣ веселый видъ. Такъ какъ притомъ погода опять приняла характеръ болѣе весенній, то Аткинсонъ былъ очень радъ, когда директоръ завода, предложилъ ему, послѣ надлежащаго отдыха, принять участіе въ предполагаемой охотѣ въ сосѣднихъ лѣсахъ. Дѣло было въ томъ, что окрестности изобиловали тетеревами, и тогда было самое удобное время для стрѣлянья этой птицы. Одному опытному охотнику поручено было растолковать Аткинсону, какимъ образомъ онъ долженъ былъ, при помощи свистка изъ обыкновеннаго гусинаго пера, подражать голосу тетерекъ. Послѣ нѣсколькихъ уроковъ, дѣло пошло на ладъ, и Аткинсонъ имѣлъ случай вкусить высшее удовольствіе охотника, застрѣливъ въ первый же день одиннадцать паръ тетеревовъ. Впрочемъ директоръ завода охотился еще удачнѣе, застрѣливъ шестнадцать паръ тетеревовъ — оказательство тому, въ какой степени страна должна была изобиловать дичью. Охота началась тѣмъ, что охотники, скрывшись за дуплами деревъ и обломками камней, поросшихъ мохомъ и лишаями, стали манить дичь соблазнительными звуками свистка. Дѣйствительно, не много прошло времени, какъ стали появляться

тяжело и съ шумомъ летѣвшіе тетерева, стараясь опускаться преимущественно на нижнія вѣтви. Это доставляло охотникамъ возможность легче и лучше цѣлить въ птицу, и директору удалось подстрѣлить великолѣпнаго тетерева, который въ свистѣвшемъ охотникѣ вѣроятно почуялъ себѣ соперника, и вскорѣ дорого поплатился за свою ревность. Нѣтъ ничего забавнѣе видѣть, какъ такой влюбленной тетеревъ, гдѣ-нибудь въ лѣсу на просѣкѣ выдѣлываетъ разные смѣшные прыжки и другія преуморительныя штуки. Растопыривъ всѣ перья, вытаращивъ глаза, и опустивъ хвостъ и крылья, онъ начинаетъ формальнымъ образомъ танцовать вокругъ своихъ тетерекъ, которыхъ у него иногда бываетъ до двадцати штукъ, такъ что онъ точно султанъ гуляетъ посреди нихъ, и съ яростью отгоняетъ всякаго другаго дерзкаго, осмѣлившагося приблизиться къ его семьѣ.

Тетеревъ.

На слѣдующій день, нашъ англичанинъ отправился далѣе на заводъ *Кушвинскій*, расположенный на азіятской сторонѣ Урала. Мѣстность на этомъ переѣздѣ мало представляла привлекательнаго: мягко округленные холмы мѣшались съ долинами, въ которыхъ мѣстами попадались засѣянныя нивы, но не было ни какого живописнаго горнаго хребта, ни другаго какого-либо величественнаго признака, которые свидѣтельствовали бы о существованіи границы между двумя материками, которая проложена по гребню Уральскихъ Горъ вообще довольно произвольно. Еще дорогою Аткинсонъ почувствовалъ непріятныя послѣдствія рѣчнаго плаванія въ холодную погоду: вскорѣ обнаружились признаки приближающейся лихорадки, и онъ пріѣхалъ на заводъ уже больнымъ.

Директоръ завода, человѣкъ весьма предупредительный и любезный, подобно большей части другихъ заводскихъ директоровъ, сейчасъ замѣтилъ, въ какомъ положеніи находится его заѣзжій гость, и тутъ же принялъ необходимыя мѣры для оказанія ему пособія. Велѣно было тотчасъ же вытопить паровую баню. Надо знать, что въ Россіи при большей части усадебъ имѣются особо устроенныя бани, служащія для того, чтобы мыться въ нихъ, такъ какъ большая часть русскихъ отличаются чистоплотностью. Для прислуживанія Аткинсону, откомандировано было два казака, которые и отхлестали нашего джентельмена березовыми вѣниками, сохранявшими еще пахучій листъ, такъ энергически, что онъ вскорѣ превратился въ варенаго рака. Окативъ его затѣмъ нѣсколькими ведрами холодной воды, въ замѣнъ души, они закутали Аткинсона въ шерстяныя одѣяла для того, чтобы дать ему пропотѣть ночью. Между тѣмъ посланъ былъ особый верховой, чтобы привезть доктора съ лекарствомъ который дѣйствительно и явился вскорѣ, но съ такою огромною склянкою микстуры, что, по мнѣнію Аткинсона, ея хватило бы на цѣлый полкъ.

Благодаря заботливости и попеченіямъ своего хозяина, Аткинсонъ уже черезъ десять дней совершенно поправился, и сталъ опять съ любопытствомъ прислушиваться къ предложенію заѣхавшаго на время къ его хозяину директора Нижнетуринскаго завода, относительно поѣздки на гору *Кашканаръ*.

Названіе Кашканаръ принадлежитъ одной изъ тѣхъ умѣренно высокихъ горъ (2,600 фут. вышины), которыя возвышаются надъ цѣпью Уральскаго хребта. Вершина эта находилась отъ Кушвинскаго завода въ разстояніи 120 верстъ, считая тутъ всѣ изгибы, которые дѣлаетъ ведущая туда дорога. Надѣясь съ ея голыхъ, торчащихъ зубьями верхушекъ полюбоваться интереснымъ видомъ на живописныя окрестности, Аткинсонъ съ радостью согласился на предложеніе директора Нижнетуринскаго завода, и первоначально

отправился съ нимъ вмѣстѣ въ Нижнетуринскъ. Хотя они выѣхали съ Кушвинскаго завода поздно вечеромъ, но дни сдѣлались уже столь продолжительными, что сумерекъ почти вовсе не было, и между захожденіемъ и восходомъ солнца, едва было нѣсколько часовъ промежутка.

Описываемая здѣсь часть Уральскаго хребта, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, имѣетъ поразительное сходство съ Верхнимъ Гарцомъ. Тамъ встрѣчаются тѣ же плоско округленныя горныя вершины, одѣтыя густыми чащами елей и сосенъ, только съ тою разницею, что на Уралѣ сверхъ того мѣстами попадаются лиственица и знаменитый сибирскій кедръ (pinus cimbra); впрочемъ сибирскій кедръ тождественъ съ деревомъ, которое въ Альпійскихъ Горахъ извѣстно подъ названіемъ Arve, и встрѣчается тамъ на высотѣ 4 — 7,000 фут. надъ моремъ, а на Уралѣ оно растетъ на высотѣ 800 фут. Сверхъ того, Уралъ похожъ на Верхній Гарцъ характеромъ мѣстности, строгимъ, даже почти грустнымъ, такъ что все время, пока повозка Аткинсона катилась по безмолвнымъ лѣснымъ чащамъ, самъ владѣлецъ ея былъ настроенъ какъ-то особенно торжественно. Кое-гдѣ дорога проходила просѣками, изъ коихъ представлялся свободный видъ на окрестности, и нашъ путешественникъ видѣлъ передъ собою долину Туры. Рѣка серебряною лентой извивалась по зеленѣющимся лугамъ, по которымъ были живописно разбросаны бѣлыя группы березъ. Бока долины образовали горныя цѣпи, до самаго верха покрытыя лѣсомъ черныхъ сосенъ, на опушкѣ коего, при вечернемъ освѣщеніи, рѣзко выдавались гранитные и сіенитовые утесы, облитые краснымъ свѣтомъ, точно какъ будто они были окрашены пурпуромъ. Вдали виднѣлась, освѣщенная солнечнымъ сіяніемъ, вершина Кашканара, къ которой повозка нашихъ путешественниковъ быстро приближалась, благодаря усердію добрыхъ коней. Солнце уже скрывалось за горизонтомъ, и когда путешественники наши подъѣхали къ заводу, спутникъ Аткинсона спалъ крѣпко. Въ долинѣ можно было еще различить

поверхность обширнаго озера, на одной сторонѣ котораго возвышался красивый, съ острыми верхушками, утесъ Шайтана. Уже издали можно было слышать шумъ молотовъ на заводѣ. Въ долинѣ мѣстами стоялъ бѣлый туманъ, такъ что неопытный глазъ воображалъ видѣть озера, изъ которыхъ верхушки сосенъ поднимались въ видѣ мачтъ отъ затонувшихъ судовъ. Тамъ, гдѣ дорога пролегала лощинами, повозка совершенно погружалась въ туманъ, но когда дорога взбиралась на гору, глазъ, озирая сгустившійся внизу туманъ, свободно проникалъ въ даль, освѣщенную солнечнымъ заревомъ. Къ полуночи наши путешественники миновали озеро, и вскорѣ въ окружающемъ мракѣ показались огненные столбы, выходящіе изъ завода, гдѣ назначенъ былъ отдыхъ. Здѣсь Аткинсону предстояло потерять дня два, потому что пріятель его долженъ былъ прежде собрать участниковъ, желавшихъ ѣхать на Кашканаръ, и сдѣлать надлежащія для того приготовленія. Между тѣмъ Аткинсонъ принялся срисовывать нѣкоторыя очаровательныя сцены въ долинѣ, причемъ имѣлъ случай узнать и дурныя стороны уральскаго края. Величайшую непріятность этихъ мѣстностей составляютъ не медвѣди и волки, а мошки. Едва было только нашъ живописецъ успѣлъ разложить бумагу, и взять въ руку карандашъ, какъ уже густое облако этихъ мучителей опускается на него, покрывая его совсѣмъ вмѣстѣ съ рисункомъ, и находя вѣроятно древнесаксонкую кровь столько же вкусною, какъ и русскую. Прійдя въ совершенное отчаяніе, Аткинсонъ наконецъ схватился за крайнее средство. Чтобы какъ-нибудь отогнать отъ себя этихъ жужжащихъ мучителей, онъ рѣшился привѣсить къ себѣ жестянку съ горящими угольями, разсчитывая на дѣйствіе дыма. Средство это не осталось безъ желаемыхъ послѣдствій, но ѣдкій дымъ произвелъ такое дѣйствіе, что у Аткинсона потекли слезы изъ глазъ: такимъ образомъ, сначала онъ не могъ только рисовать, а потомъ уже вовсе лишился возможности видѣть, и вынужденъ былъ закрыть свою маппу.

Наконецъ всѣ приготовленія къ поѣздкѣ въ горы были покончены. Между прочимъ къ обществу Аткинсона и его хозяина присоединился еще одинъ англичанинъ, въ теченіе уже семи лѣтъ завѣдывавшій сосѣднимъ желѣзодѣлательнымъ заводомъ; услышавъ о пріѣздѣ соотечественника и о затѣянномъ имъ планѣ, онъ поспѣшилъ пріѣхать, чтобы присоединиться къ обществу. Англичанинъ этотъ былъ хорошо знакомъ съ мѣстными условіями, такъ что его ничто не могло привести въ страхъ, ни гроза, ни болота, ни горы, ни даже медвѣди; къ одному только онъ питалъ ужасъ: то были опять безжалостныя сибирскія мошки.

Въ проводники выбранъ былъ старый охотникъ, посѣдѣвшій въ уральскихъ лѣсахъ, и знавшій каждый оврагъ, каждый пригорокъ, каждый ручей. Кромѣ того, два молодые парня взяты были для прислуги. Наконецъ, усѣвшись на коней, перекинувъ ружья черезъ плечо и захвативъ съ собою необходимый запасъ съѣстнаго, компанія, въ одно прекрасное утро, тронулась въ путь, въ прекрасномъ расположеніи духа, направляясь къ горамъ, которыя виднѣлись вдали, покрытыя лѣсомъ. Первыхъ нѣсколько верстъ они проѣхали довольно пріятно и безъ особыхъ затрудненій, но это длилось не долго: вскорѣ начались трудности горной дороги.

Аткинсоново описаніе восхожденія на Кашканаръ представляетъ читателю вѣрную картину поѣздки на Брокенъ, въ тѣ времена, когда на вершинѣ его не существовало еще заоблачнаго домика, и когда путешественники еще лишены были возможности находить пристанище въ хижинахъ торфокопателей на Генриховой высотѣ.

Вскорѣ общество достигло горнаго потока, на которомъ незадолго передъ тѣмъ мостъ былъ сорванъ весеннею водою; остатки моста валялись еще въ рѣкѣ немного ниже того мѣста, гдѣ онъ прежде стоялъ. Наши всадники попытались было сначала перебраться вбродъ черезъ холодный потокъ; но вода была такъ глубока, а наносный песокъ до

того сыпучъ, что лошади не находили для себя достаточной опоры, и переправа была довольно опасна, но наконецъ, помощью обломковъ моста, дѣло пришло къ благополучному концу.

Чѣмъ далѣе впередъ подвигались путешественники, тѣмъ затруднительнѣе становился путь. Собственно настоящей дороги не имѣлось, а проводникъ долженъ былъ самъ отыскивать проходъ въ густой чащѣ, что было весьма обременительно. Изъ земли повсюду выступала вода, а скатъ горы былъ покрытъ глубокимъ болотомъ, въ коемъ лошади погружались по самое колѣно. Вѣтви старыхъ деревъ разрослись до того, что изъ нихъ образовался совершенно плотный навѣсъ. Во многихъ мѣстахъ, поперекъ дороги, валялись въ болотѣ цѣлыя деревья съ корнями, вырванныя бурею или свалившіяся отъ старости. Нѣкоторыя изъ этихъ деревъ, подряхлѣе другихъ, были облѣплены сплошнымъ мохомъ, и обросли папоротниковыми растеніями; стволы ихъ на половину уже сгнили, а вѣтви высохли и разсыпались; другія же разстилали свои вѣтви, наподобіе рукъ, во всѣ стороны, и казалось, старались воспретить постороннимъ доступъ въ это святилище. Голыя, вовсе лишенныя коры, вѣтви и прутья, побѣлѣвшіе отъ погоды, походили на скелеты, и, точно привидѣнія, выглядывали изъ лѣсныхъ чащей на путниковъ, а пригнутыя книзу деревца рябины несомнѣнно свидѣтельствовали о бывшихъ посѣщеніяхъ медвѣдей, которые большіе лакомки до рябиновыхъ ягодъ. Общество повстрѣчало въ лѣсу всадника, у котораго черезъ сѣдло была перекинута шкура еще недавно убитаго медвѣдя. Всадникъ разсказалъ, что, выслѣдивъ въ лѣсу медвѣдя, онъ долго его поджидалъ, и уже почти отчаиваясь подстеречь звѣря, хотѣлъ было возвратиться домой, какъ вдругъ изъ-за угла утеса услышалъ яростное рычаніе косматаго мишки, который, поднявшись на заднія лапы, шелъ къ нему навстрѣчу. Безстрашно подпустивъ его къ себѣ на разстояніе 15 шаговъ, смѣльчакъ всадилъ ему пулю въ самое сердце, и трофеемъ

его отваги сдѣлались, кромѣ великолѣпнаго мѣха, пара отличныхъ медвѣжьихъ окороковъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что для того, чтобы охотиться въ чащахъ уральскихъ лѣсовъ, не требуется особаго разрѣшенія: въ красномъ звѣрѣ и въ дичи тамъ нѣтъ недостатка, а населеніе довольно рѣдкое, такъ что у кого есть достаточно отваги и свободнаго времени, тотъ имѣетъ полную возможность набрать хорошій запасъ медвѣжьихъ окороковъ; и дѣйствительно, въ тамошнемъ краѣ есть семейства, которыя страстно преданы охотѣ за медвѣдями; къ числу такихъ отчаянныхъ охотниковъ принадлежатъ и женщины. Между прочимъ, особенно много разсказывали тамъ объ одной охотницѣ на медвѣдей, Аннѣ Петровнѣ, простой крестьянской дѣвушкѣ. Аткинсонъ имѣлъ случай послѣ видѣть ее самъ, и разсказываетъ про нее, что она была средняго роста, но крѣпкаго тѣлосложенія, съ темными глазами, полными отваги. Про отца и брата Анны Петровны извѣстно было, что отъ ихъ мѣткаго глаза пало много краснаго звѣря, и не одинъ медвѣжій мѣхъ украшалъ ихъ избу. Вообще приключенія, случавшіяся на охотѣ за медвѣдями и другимъ звѣремъ, служатъ въ тамошнихъ мѣстностяхъ постоянною темою для разговоровъ въ зимніе вечера. Между прочимъ, про Анну Петровну разсказываютъ слѣдующее: однажды братъ ея пришелъ домой съ извѣстіемъ, что въ одномъ мѣстѣ, въ лѣсу, онъ открылъ слѣды медвѣдя. Эта вѣсть такъ на нее подѣйствовала, что отъ нетерпѣнія поохотиться на медвѣдя ее начала трясти лихорадка; много уже перелетной дичи удалось ей до тѣхъ поръ настрѣлять, наконецъ ей захотѣлось поохотиться на краснаго звѣря. Не сказавъ никому ни слова, не подавъ знака о томъ, что она задумала, наша героиня на слѣдующее утро, на разсвѣтѣ, взяла тихонько ружье, захватила кое-чего поѣсть, сѣла на лошадь, и отправилась на поиски медвѣдя. Не успѣли ея еще спохватиться дома, какъ она уже была на указанномъ мѣстѣ. Привязавъ лошадь къ дереву, она пустилась въ лѣсъ. Недолго искала она напрасно; скоро пока-

зались слѣды близкаго присутствія медвѣдя, и Анна Петровна, взведя курокъ, отважно пустилась впередъ. Однако же оказалось, что Михаилъ Васильевичъ, вѣроятно, изволилъ ночью совершить хорошую прогулку, потому что Аннѣ Петровнѣ пришлось долго идти по его слѣдамъ безуспѣшно. Наконецъ, сильно проголодавшись, она присѣла къ ручейку, и съ совершеннымъ спокойствіемъ духа покушавъ, чѣмъ Богъ послалъ, пустилась опять слѣдить медвѣдя. Вскорѣ ей попалась кучка рябиновыхъ деревъ; подозрѣвая, что медвѣдь, какъ большой охотникъ до ягодъ рябины, скрывается гдѣ-нибудь поблизости, она едва успѣла приготовиться стрѣлять, какъ дѣйствительно изъ-за кустовъ поднялся огромный медвѣдь, разъяренный тѣмъ, что его потревожили. Яростно щелкая зубами, звѣрь прямо кинулся на нее, но наша героиня не струхнула, и спокойно подпустила его къ себѣ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ. Тихо опустилась она на колѣно, и прицѣлилась какъ только медвѣдь поднялся на заднія лапы, пытаясь передними обхватить своего врага, раздался выстрѣлъ и — звѣрь, пораженный на-смерть, опрокинулся навзничь. Вскочивъ немедленно на лошадь, Анна Петровна поспѣшила домой, и съ торжествомъ возвѣстила о своей побѣдѣ. До того времени, когда Аткинсонъ видѣлъ ее, она успѣла уже подстрѣлить до шестнадцати медвѣдей.

Точно такъ же, какъ повсюду, любятъ и уральскіе охотники разсказывать о своихъ приключеніяхъ въ тамошнихъ лѣсахъ, преимущественно во время охоты на медвѣдей. Между прочимъ Аткинсонъ слышалъ слѣдующій разсказъ. У одной старухи пропала корова, которую она обыкновенно пускала пастись вокругъ своей избы. Захвативъ съ собою крѣпкую березовую палку, старуха пустилась отыскивать пропавшую корову. Въ этихъ поискахъ старуха зашла довольно далеко въ горы, и наконецъ вышла на лужайку, окруженную небольшими деревьями. Тутъ, между кустарниками, она замѣтила бурую голову своей бѣглянки, и тихо подкралась поближе, намѣреваясь отсчитать ей, по заслугамъ, нѣсколько

хорошихъ ударовъ. Наконецъ, подойдя совершенно близко, и отогнувъ въ сторону вѣтви кустарника, она принялась порядочно колотить по бокамъ — медвѣдя, который преспокойно отдыхалъ себѣ на лужайкѣ. И звѣрь и баба сначала какъ-будто остолбснѣли отъ такой неожиданной встрѣчи, съ ужасомъ глядя другъ на друга, потомъ разомъ бросились безъ оглядки въ разныя стороны. Слышалъ Аткинсонъ отъ тамошнихъ разскащиковъ, кромѣ того, старую исторію про дѣтей, которыя искали въ лѣсу ягодъ, и, наткнувшись на медвѣдя, стали подчивать его ягодами, и разныя другія охотничьи сказки.

Нѣсколько часовъ сряду приходилось нашему обществу съ величайшими затрудненіями пробираться по топкому болоту; причемъ въ одномъ мѣстѣ они даже вынуждены были переправляться черезъ лѣсной потокъ. Поднявшаяся гроза принудила путешественниковъ искать защиты подъ нѣсколькими могучими кедрами. Деревья эти пользуются въ народѣ особеннымъ почетомъ, ради своихъ орѣховъ, составляющихъ одно изъ любимыхъ лакомствъ во всей Россіи. Въ иные годы кедры бываютъ обвѣшены въ такомъ изобиліи шишками, заключающими въ себѣ маленькіе орѣшки, что занимающіеся сборомъ этихъ орѣховъ прямо срубаютъ деревья, находя, что не стоитъ труда снимать кедровыя шишки поодиночкѣ. Въ урожайные годы, кедровые орѣхи продаются на мѣстѣ иногда по двадцати копѣекъ за пудъ. Тамошніе жители умѣютъ изготовлять изъ кедровыхъ орѣховъ отличную наливку, мало уступающую хорошему мараскино.

Обождавъ подъ деревьями около часу, пока кончилась гроза и прекратился ливень, наши путешественники пустились опять въ путь. Мѣстами лѣсная чаща становилась до того непроходима, что они вынуждены были прибѣгать къ своимъ охотничьимъ ножамъ, чтобы помощью ихъ прокладывать себѣ дорогу, и такъ какъ ихъ къ тому же обдавало настоящимъ дождемъ съ вѣтвей деревъ, то они очень обрадовались, когда ихъ проводникъ наконецъ покинулъ лѣсъ

и вывелъ ихъ на тропинку, проложенную по гребню горы; однако же оказалось, что они немного выиграли отъ такой перемѣны. Вмѣсто болота и опрокинутыхъ деревъ, имъ пришлось теперь пробираться черезъ скалы и каменья разныхъ формъ и величины, отчасти покрытые уже мохомъ и травою, и какъ будто разбросанные тамъ именно для того, чтобъ ломать о нихъ ноги. Пробывъ такимъ образомъ около одиннадцати часовъ въ пути, наши путешественники достигли наконецъ бурнаго потока, съ множествомъ великолѣпнѣйшихъ водопадовъ. Не смотря однако же на живописные берега этой рѣки, общество было недовольно тѣмъ, что ему пришлось переправляться черезъ нее, потому что переправа была затруднительна. Наконецъ путешественники приблизились къ вершинѣ Кашканара, и такъ какъ все общество уже сильно проголодалось и измучилось отъ продолжительной ѣзды, то, по совѣту проводника, рѣшено было расположиться у подножія утеса, чтобы хорошенько отдохнуть и переночевать, и затѣмъ уже на слѣдующее утро начать восхожденіе на вершину.

Вскорѣ запылалъ большой костеръ, но тутъ вдругъ, къ общему неудовольствію, сдѣлано было открытіе, что передъ отъѣздомъ съ завода забыты были котелки, и не въ чемъ было варить чай. Такимъ образомъ ничего болѣе не оставалось, какъ довольствоваться стаканомъ наливки или водки съ кускомъ хлѣба и холодною закускою. Пока прочіе отдыхали вокругъ разведеннаго костра и грѣлись у пылавшаго огня, Аткинсонъ взобрался на ближайшую вершину, чтобы полюбоваться на картину заходящаго солнца, которое самыми удивительными оттѣнками освѣщало отдаленные лѣса и окружавшую дикую мѣстность, испещренную обломками скалъ. Куда ни обращалъ онъ свой любопытный взоръ, нигдѣ глазъ его не могъ отыскать присутствія человѣческихъ жилищъ; сосѣдніе заводы были совершенно скрыты лѣсомъ, и только далеко, очень далеко, сквозь туманъ, застилавшій глубокія долины, проглядывало зеркало обширнаго озера. Аткинсонъ заинте-

ресовался этимъ зрѣлищемъ до того, что только наступившая темнота ночи принудила его возвратиться къ ночлегу своихъ спутниковъ. Здѣсь его опять встрѣтила рембрандтовская картина: красное пламя разведеннаго костра обдавало ближайшіе утесы какими-то дикими бѣглыми огнями. Вокругъ костра лежали, закутавшись въ верхнюю одежду, бородатые спутники Аткинсона, и дружно храпѣли; въ сторонѣ разставлены были ружья, а на заднемъ планѣ, въ тѣни, стояли лошади. Однимъ словомъ, это былъ видъ ночлега разбойниковъ. Посреди самаго густаго дыма, Аткинсонъ наткнулся на своего земляка, который, надвинувъ на уши свой плащъ, ругался по-англійски и по-русски на несносныхъ комаровъ, которые, не смотря на дымъ, окружали его цѣлыми массами и жужжали невыносимо. Не желая отдать себя точно такъ же на жертву этимъ кровожаднымъ насѣкомымъ, Аткинсонъ предложилъ своему товарищу перейти на другое болѣе возвышенное мѣсто, гдѣ они могли бы быть болѣе безопасны отъ преслѣдованія своихъ мучителей. Разбудивъ прочихъ товарищей, и захвативъ, каждый, по горячей головнѣ въ руки, общество вскарабкалось немного повыше, стараясь какъ-нибудь заснуть. Не смотря на то, оба англичанина продолжали жаловаться другъ другу на свое горе до перваго часа ночи. Еще не было трехъ часовъ утра, какъ уже холодный вѣтеръ прогналъ охоту ко сну, и Аткинсонъ вынужденъ былъ подняться, чтобы согрѣть свое продрогшее тѣло глоткомъ водки. Разбудивъ потомъ товарища, и пригласивъ его вмѣстѣ полюбоваться восходомъ солнца, они стали оба карабкаться на ближайшій утесъ, откуда удобно было слѣдить за постепеннымъ восхожденіемъ дневнаго свѣтила, пока наконецъ горизонтъ не освѣтился со всѣхъ сторонъ яркими лучами въ самомъ поэтическомъ расположеніи, такъ что полузамерзшіе англичане, сидя на вершинѣ Кашканара, не могли воздержаться отъ выраженія удивленія. „Ей Богу!“ воскликнулъ спутникъ Аткинсона, „здѣсь очень хорошо, и

я былъ бы готовъ оставаться на этомъ мѣстѣ хоть цѣлый мѣсяцъ, если бы только не проклятые комары!“

Почти весь тотъ день проведенъ былъ Аткинсономъ въ карабканьѣ по вершинамъ Кашканара. Верхушка этой горной уральской вершины, точно какъ и Брокенъ въ Германіи, усыпана огромными, отдѣльно стоящими обломками скалъ, которыя имѣютъ весьма много сходства съ кремнистыми утесами Гарца. Онѣ состоятъ, по большей части, изъ магнитнаго желѣзняка, и по бокамъ ихъ выдаются, длиною въ дюймъ, желѣзные кристаллы краснаго цвѣта; небольшаго куска изъ этой породы камней достаточно, чтобы отклонить въ сторону магнитную стрѣлку. Аткинсонъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи, вскарабкаться на одну изъ ближайшихъ крутыхъ вершинъ. Взобравшись благополучно на одну изъ самыхъ возвышенныхъ точекъ, онъ съ торжествомъ опустился на камень, чтобы внести въ свою записную книгу нѣсколько восторженныхъ привѣтствій одному хорошему пріятелю, котораго онъ оставилъ въ Англіи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, верхняя часть Кашканара представляетъ картину дикаго опустошенія. Обломки скалъ всѣхъ видовъ и величинъ навалены кучами одинъ на другомъ. То были обломки прежней горной вершины, вывѣтрившейся мало по малу: болѣе мягкія части уступили вліянію времени, и въ раздробленномъ видѣ унесены были водою въ нижнія долины, а болѣе твердыя массы продолжали еще сопротивляться дѣйствію погоды. По временамъ, можетъ быть, присоединялось къ этому дѣйствіе удара молніи или землетрясенія. Между прочимъ, въ началѣ апрѣля, передъ начатіемъ еще плаванія по Чусовой, Аткинсону пришлось быть свидѣтелемъ такого землетрясенія, дѣйствіе котораго, какъ онъ узналъ позже, обнаружилось по всему Уралу. Въ шахтахъ рудниковъ слышенъ былъ шумъ, похожій на подземный громъ, что привело въ немалый страхъ всѣхъ рабочихъ.

Продолжая свои карабканья по Кашканару, нашъ артистъ подмѣтилъ на вѣтви одного дерева превосходнаго глу-

харя, и мѣткимъ выстрѣломъ сваливъ его наземь. Въ небольшой лощинѣ лежало еще множество снѣгу, а тутъ же рядомъ цвѣли и распускались чудесныя альпійскія растенія — очаровательный цвѣтникъ посреди дикой пустыни!

На дальнемъ сѣверѣ, надъ черною цѣпью горъ, покрытыхъ лѣсомъ, гордо возвышалась снѣжная глава *Павдинскаго Камня*, одной изъ самыхъ возвышенныхъ точекъ Урала, увлекая фантазію путника въ негостепріимныя страны холоднаго сѣвера. Такъ какъ Уральскій хребетъ доходитъ до самаго Ледовитаго моря, то онъ во многихъ мѣстахъ посѣщается только охотниками, да бродячими номадами. Между тѣмъ, какъ средняя полоса, болѣе умѣренная, населена русскими, занимающимися разработкою минеральныхъ богатствъ, сѣверная часть остается еще пока въ неприкосновенномъ обладаніи первоначальныхъ обитателей, принадлежащихъ къ финно-монгольскому племени. Между прочимъ, тамъ еще до сихъ поръ обитаютъ *зыряне*, добывающіе себѣ пропитаніе отчасти землепашествомъ, отчасти же рыбнымъ промысломъ и оленеводствомъ. Далѣе къ сѣверу живетъ веселое, склонное къ пѣнію, племя *остяковъ;* мрачный, сосредоточенный въ себѣ народъ — *вогулы,* занимающіеся преимущественно охотою, и на самомъ крайнемъ сѣверѣ, лѣнивые и тупоумные самоѣды.

Начиная съ 67° широты, къ сѣверу, лѣсная растительность на Уралѣ совсѣмъ исчезаастъ, и только въ особенно благопріятно расположенныхъ долинахъ рѣкъ, выдаются впередъ еще до 68° с. ш. отдѣльныя березовыя рощицы, точно аванпосты какой-нибудь арміи. Далѣе къ сѣверу средства къ прокормленію оленьихъ стадъ, съ благосостояніемъ коихъ тѣсно связано самое существованіе обладателей оныхъ, вполнѣ зависитъ отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ свойствъ обширныхъ тундръ и степей, покрытыхъ мохомъ и кое-какими сѣверными травами. Еще кое-какое пропитаніе доставляетъ рыба, между тѣмъ какъ мука и прочія произведенія болѣе теплыхъ широтъ, вмѣстѣ съ всесильною водкою, доходятъ къ берегамъ Ледовитаго моря только путемъ торговыхъ сно-

шеній, въ обмѣнъ на сушеную рыбу и нѣкоторые другіе предметы.

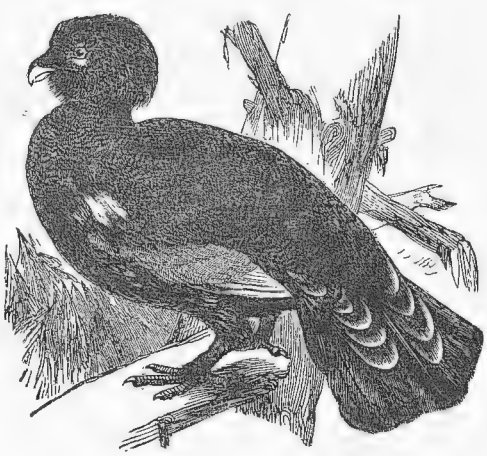
Дикіе олени и лоси, красный звѣрь и нѣкоторыя мелкія животныя, а также выдра, соболь, лисицы, бѣлки и прочіе драгоцѣнные пушные звѣри, держатся преимущественно въ болотистыхъ лѣсахъ несравненно далѣе къ югу, такъ что Аткинсонъ, во время своихъ разъѣздовъ, рѣдко имѣлъ случай встрѣчать ихъ. Для того, чтобы преслѣдовать дикаго звѣря въ тамошнихъ пустыняхъ, надо имѣть терпѣніе и переносчивость вогула или отчаянную энергію ссыльнаго. Въ этомъ уголкѣ земнаго шара лежитъ между прочимъ городъ *Березовъ*, одно изъ самыхъ печальныхъ и запустѣлыхъ мѣстечекъ, куда въ прежніе годы ссылались важные политическіе преступники или лица, заслужившія царскую опалу. Тамъ провелъ послѣдніе дни своей бурной жизни князь Александръ Меншиковъ, когда-то всемогущій любимецъ Петра Перваго, и тамъ же покоятся его бренные остатки. Когда, въ 1825 г., по настоянію русскаго исторіографа, Бантышъ-Каменскаго, вздумали было отрыть могилу, въ которой былъ погребенъ Меншиковъ съ прочими членами своего семейства, трупъ его былъ найденъ вполнѣ сохранившимся, не смотря на долговременное пребываніе въ землѣ. Кромѣ того въ Березовѣ жили и другіе знаменитые изгнанники, какъ напримѣръ графъ Остерманъ и князь Долгоруковъ.

Конечно, туземцамъ или русскимъ, поселившимся тамъ добровольно, или наконецъ состоящимъ тамъ на службѣ чиновникамъ, жизнь въ Березовѣ не представляетъ ничего отталкивающаго, но тѣмъ, коимъ пребываніе въ Березовѣ вмѣнено въ наказаніе, Березовъ представляется просто тюрьмою. Что касается до тамошнихъ туземцевъ, то жены ихъ точно также страстно любятъ наряжаться, какъ и дамы прочихъ городовъ. Въ особенности любятъ онѣ щеголять лѣтомъ въ красныхъ юпкахъ, украшая грудь бляхами и колокольчиками; сверху же набрасывается большое покрывало, яркокраснаго цвѣта, съ синими краями. Притомъ не только муж-

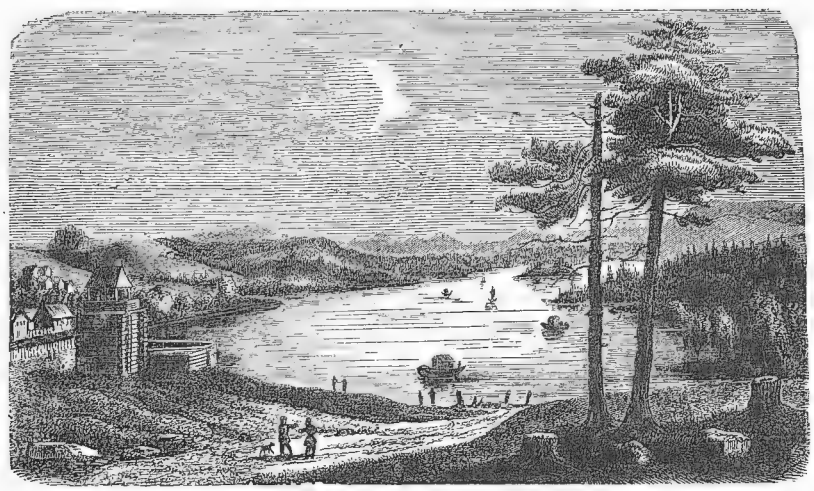
чины, но и женщины любятъ татуироваться. Когда молодой парень задумываетъ обзавестись собственной семьей, онъ покупаетъ себѣ невѣсту, для чего предварительно похищаетъ ее. И уже потомъ слѣдуетъ вѣнчаніе и свадьба по христіанскому обряду; точно такъ же исполняется святое крещеніе надъ дѣтьми и прочія предписанія православной церкви; но не забываются также и старые боги. Всякій добрый остякъ, садясь въ полдень за столъ, прежде всего непремѣнно помажетъ свѣжею кровью губы своему домашнему божку, а когда ему случается убить медвѣдя, то онъ обыкновенно жертвуетъ всѣ четыре лапы своему патрону, съ тѣмъ, чтобы тотъ и на будущее время не лишалъ его своей помощи. Впрочемъ, помощь и покровительство такого патрона охотниковъ весьма необходимы этимъ нимвродамъ сѣвернаго Урала, ибо нерѣдко они отправляются на медвѣдя съ однимъ ножемъ. Обыкновенный маневръ, при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, состоитъ въ томъ, что охотникъ, всовываетъ въ пасть медвѣдю лѣвую руку, обвернутую сукномъ или мѣхомъ, и, пользуясь этимъ моментомъ, быстро вонзаетъ ему въ то же самое время прямо въ сердце ножъ или другое острое оружіе.

Поѣздка на Кашканаръ вполнѣ удовлетворила Аткинсона; ему удалось при этомъ основательно ознакомиться не только съ неудобствами горныхъ тропинокъ, но и со всѣми трудностями переходовъ черезъ болотныя топи. У него и у земляка его пробѣгалъ трепетъ по всему тѣлу, при одной мысли о сибирскихъ комарахъ. Проводникъ ихъ, осмотрѣвъ внимательно горизонтъ во время заката солнца, объявилъ имъ, что на слѣдующіе дни предстоитъ ожидать дурную погоду, а потому общество рѣшило на другой день выступить въ обратный путь. Второй ночлегъ представлялъ такъ же мало удобства и пріятностей, какъ и первый, а на слѣдующее утро поднялась буря, съ проливнымъ дождемъ, громомъ и молніей. Страшно измученные и промокшіе до костей, возвратились наши путешественники уже поздно вечеромъ на *Нижнетуринскій заводъ* и, переодѣвшись

въ сухія платья, согрѣлись наконецъ за чашкою горячаго чаю. Въ продолженіе трехъ дней непогода не прекращалась, но наконецъ небо прояснилось и дозволило нашему художнику продолжать начатое имъ странствіе по горнымъ заводамъ и рудникамъ Восточной Сибири.



Глухарь.



Черностопинской заводъ съ видомъ на Уралъ (рис. съ натуры Людвигомъ).

IV.

Посѣщеніе горныхъ заводовъ и рудниковъ на Уралѣ.

Кушвинскъ. — Туринскъ, — праздникъ въ рудникахъ. — Отношенія рабочихъ. — Религіозныя секты. — Магнитная гора Благодать. — Сожженіе Чумпина. — Магнитная гора „Высокая“. — Малахитовыя каменоломни. — Баранчинскъ. — Висимо-Шайтанскъ. — Платиновые пріиски. — Золотистая глина. — Нижнетагильскъ. — Ремесленныя издѣлія. — Бѣлая гора. — Невьянскъ. — Екатеринбургъ. — Гранильныя фабрики. — Драгоцѣнные камни Урала. — Башкиры въ южномъ Уралѣ.

За днями, проведенными среди разнаго рода трудностей и непріятностей, сопряженныхъ съ переѣздомъ по горамъ, переправами черезъ рѣки и странствіями по лѣсистымъ болотамъ, наступили для нашего путешественника дни веселія и разныхъ празднествъ: семейныхъ и народныхъ. Сначала ему пришлось, на Кушвинскомъ заводѣ, присутствовать на праздникѣ, устроенномъ въ день рожденія одного по-

четнаго лица, гдѣ Аткинсонъ имѣлъ случай участвовать въ развлеченіяхъ образованнаго сословія, а послѣ того онъ былъ приглашенъ на праздникъ основанія Туринскаго завода, гдѣ присутствовалъ при увеселеніяхъ простаго народа.

Высшіе чиновники и завѣдывающіе заводскою частью на Уралѣ до того отчуждены отъ всякаго духовнаго общенія съ образованною Европою, что вынуждены, чтобы доставить себѣ хоть какое-нибудь вознагражденіе, за всѣ наслажденія общественной жизни, сдѣлавшіяся для нихъ недоступными, составлять между собою тѣсные кружки. Удобный случай для сего представляетъ лѣтомъ празднованіе имянинъ или другихъ подобныхъ памятныхъ для семействъ событій; зимою же особенное предпочтеніе оказывается баламъ, вечеринкамъ и другимъ подобнымъ развлеченіямъ, причемъ нерѣдко предпринимаются довольно отдаленныя и продолжительныя поѣздки. Подобныя собранія часто представляютъ хозяину, у котораго они устраиваются, удобный случай похвастать своимъ богатствомъ. Хотя для этакихъ случаевъ и не привозятъ, какъ это любятъ разсказывать про Демидова, рыбу изъ-за тридевяти земель, такъ что каждая штука ея обходится въ 1,000 руб., однако же при торжествахъ на уральскихъ заводахъ зачастую подаются рѣдкія и дорогія блюда, причемъ особенное вниманіе обыкновенно обращается на выборъ тонкихъ и дорогихъ винъ и наливокъ. Послѣ стола обыкновенно бываетъ такъ, что молодежь затѣваетъ танцы, а почтенные господа садятся за карты. Игра ведется высокая и съ увлеченіемъ. Въ Екатеринбургѣ Аткинсонъ слышалъ про одну богатую даму, которая все время проводила въ томъ, что цѣлый день спала, пила, ѣла и играла въ карты. Хотя у нея было одиннадцать человѣкъ дѣтей, но они для нея какъ будто не существовали. Кромѣ того онъ сошелся тамъ еще съ другою дамою, которая въ теченіе получаса проиграла половину своего годоваго дохода. Когда Аткинсону случилось, по поводу такого препровожденія времени, выразить свое крайнее удивленіе нѣкоторымъ госпо-

дамъ изъ образованнаго класса, они ему возразили: „Вы, англичане, живете при совершенно иныхъ условіяхъ. У васъ существуютъ ежедневныя газеты, разные ученые и неспеціальные журналы и сборники; такимъ образомъ вы никогда не находитесь въ затрудненіи на счетъ предмета разговора, такъ какъ политика ежедневно доставляетъ вамъ что-нибудь новое. У насъ же ничего этого нѣтъ, и намъ ничего другаго не остается дѣлать, какъ только пить, ѣсть и играть въ карты!“ Въ новѣйшее время, когда всѣ условія соціяльной жизни въ Россіи измѣнились и когда отмѣна крѣпостнаго права подѣйствовала возбудительно и на прочіе классы, многое въ этомъ отношеніи обратилось къ лучшему. Во всѣхъ городахъ образуются читальные кружки одинъ за другимъ, причемъ замѣчательно то, что сибирскіе города отличаются особенно выгодно въ этомъ отношеніи отъ городовъ европейскихъ. Изъ книгъ, наиболѣе предпочитаемыхъ читающею публикою, первое мѣсто занимаютъ беллетристическія сочиненія, потомъ слѣдуютъ газеты, и затѣмъ наибольшее требованіе существуетъ на историческія и географическія сочиненія (путешествія), и наконецъ на книги по предмету естествознанія.

Тогда какъ богатые заводовладѣльцы на Уралѣ считаютъ свои годовые доходы иногда милліонами, рабочій классъ едва набираетъ въ годъ нѣсколько копѣекъ. Правда, рабочій имѣетъ свой домъ и получаетъ за умѣренную плату одежду изъ магазиновъ заводовладѣльца, а кромѣ того ежемѣсячно по два пуда ржаной муки и, если онъ женатъ, то и на жену столько же, а на каждаго ребенка половину, но зато наличныхъ денегъ ему даютъ очень мало. Въ рудникахъ работа продолжается утромъ съ $^1/_2 5$ до 11 часовъ, затѣмъ часъ времени дается для обѣда, послѣ чего работа продолжается опять до 7 часовъ вечера, и за такую работу по закону установлена плата по $8\,^3/_4$ коп. въ день. Даже на гранильной фабрикѣ въ Екатеринбургѣ, задѣльная плата, какъ нашелъ Аткинсонъ, немного лучше. Между прочимъ мастеръ, имѣ-

ющій у себя подъ надзоромъ до 160 человѣкъ рабочихъ, получаетъ ежегодно всего около 80 руб. сер. Рабочіе на этомъ заводѣ раздѣляются на четыре разряда, изъ коихъ тѣ, которые принадлежатъ къ высшему разряду, получаютъ по 1 талеру 10 сер. грошей платы, а тѣ, которые принадлежатъ къ послѣднему разряду, только по 9 ср. грошей.

Простой русскій рабочій, по бо́льшей части, отличается необыкновенною смышленостью и ловкостью. Обыкновенный крестьянинъ, который прежде нигдѣ не бывалъ и ничего не видалъ, кромѣ своей одинокой избы, нерѣдко внезапно попадаетъ на какой-нибудь машиностроительный заводъ. Приглядѣвшись недолго, какъ работастъ его сосѣдъ, новичокъ схватываетъ молотокъ или пилу, и начинаетъ ими работать такъ же свободно, какъ будто бы онъ владѣлъ ими всю свою жизнь.

Не смотря на такія странныя отношенія, представляющіяся вообще совершенно непонятными всякому нѣмцу, а тѣмъ болѣе англичанину, Аткинсону казалось, что большая часть этихъ рабочихъ (тогда еще крѣпостныхъ), считали себя счастливыми и довольными. Повидимому, такое явленіе составляетъ одно изъ особенныхъ свойствъ русскаго національнаго характера, совершенно чуждыхъ натурѣ нѣмца. Нѣмцевъ не безъ основанія упрекаютъ въ томъ, что они не могутъ долго уживаться съ равными себѣ, и что каждый, по мѣрѣ возможности, старается о томъ, чтобъ быть самостоятельнымъ, такъ что, только вслѣдствіе борьбы различныхъ мнѣній, вырабатывается соглашеніе и единомысліе. Русскій же, напротивъ, въ сознаніи своей слабости какъ отдѣльное лицо, чувствуетъ всегда, во всѣхъ отношеніяхъ, потребность составлять общества, и, выбравъ старшину общества, подчиняется слѣпо всѣмъ его приказаніямъ и распоряженіямъ. Своею общественною дѣятельностью онъ напоминаетъ жизнь муравьевъ и пчелъ. Каждый отдѣльно исчезаетъ въ общинѣ. Уже въ древнія времена, каждый отдѣльный членъ общин-

наго союза, отказавшись отъ своего частнаго права на владѣніе землею, тѣмъ самымъ соглашался удовлетворять свои потребности только изъ общиннаго участка земли. При введеніи крѣпостнаго права, перемѣнилъ свое названіе только глава общины, а самыя отношенія вещей остались въ сущности почти въ томъ же положеніи, какъ и прежде. Каждый годъ общинѣ давались опредѣленные дни для уборки сѣнокоса, которая и производилась сообща, точно такъ же, какъ зимою доставка дровъ и хвороста. Чѣмъ богаче былъ помѣщикъ, тѣмъ болѣе оказывалось ему почету. Какъ устроятся всѣ эти отношенія въ послѣдствіи — сказать трудно.

Аткинсону показалось, какъ мы замѣтили уже выше, что публика была очень довольна тѣми увеселеніями, которыя были приготовлены для народнаго праздника въ Туринскѣ. Женщины и дѣти забавлялись качаніемъ на огромнѣйшихъ качеляхъ, а мужчины пробовали свою силу и ловкость въ рукопашной борьбѣ, причемъ каждый изъ борцовъ употреблялъ всѣ возможныя старанія, чтобы схватить своего противника лѣвою рукою за плечо, а правою обхватить его поясъ. Въ особенности любопытство Аткинсона возбуждено было толпою молодыхъ дѣвушекъ, забавлявшихся качаньемъ съ подбрасываньемъ. Подобнаго рода качели состояли изъ совершенно простой доски, длиною въ семь аршинъ; средина ея была укрѣплена на полукруглой подпоркѣ около шести дюймовъ вышины. На каждомъ изъ концевъ такой доски становилась одна изъ дѣвицъ, и обѣ попеременно подбрасывали другъ друга, фута на три отъ земли.

Незамужнихъ дѣвушекъ можно было сейчасъ узнать по ихъ длиннымъ косамъ, которыя въ день свадьбы расплетаются; у замужнихъ же голова обыкновенно бываетъ прикрыта особымъ нарядомъ, который образуетъ подобіе сіянія вокругъ головы. У зажиточныхъ, края такого убора дѣлаются изъ бархата и вышиваются золотомъ. Праздничная одежда молодыхъ женщинъ отличается живописностью и яркими, пестрыми цвѣтами. По праздникамъ, обыкновенно

устраиваются пляски, изъ коихъ нѣкоторыя сопровождаются хоровыми пѣснями. Въ иныхъ деревняхъ, еще до сихъ поръ сохранились плясовыя пѣсни, въ которыхъ восхваляются побѣды надъ турками, одержанныя при Императрицѣ Екатеринѣ Второй. Когда наступаетъ ненастное время года и уже нельзя бываетъ веселиться на открытомъ воздухѣ, устраиваются сборища молодежи по домамъ, причемъ являются на сцену разныя сказки, круговыя пѣсни, съ прибавленіемъ переодѣваній и разныхъ другихъ затѣй. Съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что простой русскій крестьянинъ отличается замѣчательною религіозностью: такъ онъ никогда не тронется въ путь, не сотворивъ предварительно молитвы, и никогда не войдетъ въ комнату, не перекрестившись и не поклонившись образамъ святыхъ; во время же пожара первое, что хозяинъ старается спасти, бываетъ обыкновенно кивотъ съ образами.

При такой наклонности народа къ религіозному настроенію, неудивительно, что среди господствующей церкви образовались различныя секты, изъ коихъ нѣкоторыя приняли странное направленіе. Такъ, напримѣръ, секта старовѣровъ, придавая особое значеніе выраженіямъ Библіи, что человѣка оскверняетъ только то, что выходитъ у него изъ рта, считаетъ куреніе табаку однимъ изъ самыхъ тяжкихъ прегрѣшеній. Случается и такъ, что одна секта возстаетъ противъ другой, стараясь представить членовъ ея въ смѣшномъ или дурномъ видѣ. Такъ членовъ одной изъ сектъ прочіе называютъ „сусленскими“, производя это названіе отъ сусла, и намекая этимъ на то, что члены этой секты приводятъ себя въ духовный экстазъ употребленіемъ значительнаго количества пива. Другіе раскольники носятъ прозваніе корытниковъ за то, что они, будто бы, для покаянія, ложатся на время въ корыта изъ березовой коры. Молоканы принадлежатъ къ самымъ ярымъ фанатикамъ, и про нихъ разсказываютъ исторіи, которыя напоминаютъ фанатизмъ индѣйскихъ факировъ. Въ окрестностяхъ Минска, какъ разсказываютъ, одинъ изъ

членовъ этой секты подвергся заживо сожженію, для того, чтобы этимъ путемъ избавиться отъ адскихъ мученій на томъ свѣтѣ. Ученые богословы утверждаютъ, что въ Россіи существуютъ болѣе 70 различныхъ религіозныхъ сектъ.

Когда наконецъ пляски и пиршества прекратились, а музыка умолкла, Аткинсонъ взялъ подъ мышку свою рисовальную папку, и отправился въ путь, направивъ свою поѣздку къ магнитной горѣ Благодати. Когда-то, въ юношествѣ, слышалъ онъ, точно такъ же, какъ и всякій другой въ западной Европѣ, много разныхъ сказокъ о магнитныхъ горахъ, которыя будто бы находятся среди моря, и отъ дѣйствія которыхъ всѣ гвозди въ приближающихся къ нимъ корабляхъ выскакиваютъ, а также о магнитныхъ очарованныхъ замкахъ, притягивающихъ съ неудержимою силою закованныхъ въ латы рыцарей, которые прилипаютъ къ нимъ какъ мухи; — теперь ему захотѣлось взобраться на истинную, настоящую магнитную гору.

Такъ какъ гора Благодать лежитъ отъ Туринска въ разстояніи лишь нѣсколькихъ верстъ, то Аткинсону пришлось недолго ѣхать, и онъ очень скоро очутился у подошвы ея. Гора эта возвышается, въ видѣ красиваго конуса, на 420 футовъ надъ равниною (надъ поверхностью моря въ 1,284 футовъ), разстилающеюся вокругъ нея, и въ верхней части своей раздѣляется обрывистымъ ущеліемъ на двѣ верхушки, изъ коихъ одна побольше. На меньшую ведутъ довольно правильныя ступени, изсѣченныя въ скалѣ, а черезъ пропасть перекинутъ мостъ на верхній шпицъ, на вершинѣ коего выстроена хорошенькая часовня. Аткинсонъ тотчасъ же принялся срисовывать живописные виды, которые ему болѣе нравились. Вдали, въ горахъ виднѣлась бушевавшая гроза, и окрестность была освѣщена великолѣпно. Но вдругъ на горизонтѣ появилась черная громовая туча, съ пурпурно-красными отливами по краямъ, и притомъ въ такомъ мѣстѣ, что нашему художнику появленіе ея показалось особенно зловѣщимъ. Поспѣшно бро-

сился онъ въ часовню, стараясь какъ-нибудь спрятать свои рисунки, и едва онъ успѣлъ добраться до маленькой часовни, которая была десяти фут. въ поперечникѣ, какъ уже сильный порывъ вѣтра, просвистѣвъ надъ лѣсомъ, преклонилъ верхушки деревъ. Грозныя черныя тучи нависли со всѣхъ сторонъ, покрывая всю окрестность мракомъ и темнотой, и низвергая цѣлые потоки ливня. Потомъ вдругъ сверкнула ослѣпительная молнія, и раскаты грома огласили горы. Нашъ бѣдный художникъ немного струхнулъ. Сидя на вершинѣ магнитной горы, онъ возъимѣлъ опасеніе на счетъ того, не послужитъ ли онъ, какъ англичанинъ, особенно хорошимъ проводникомъ для электричества, скопившагося въ громовыхъ тучахъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что разработкою магнитнаго желѣза на горѣ Благодати уже давно занимались жившіе тамъ вблизи вогулы. Одинъ изъ среды этого народа, Чумпинъ, какъ гласитъ преданіе, какъ-то неосторожно выдалъ русскимъ секретъ о скрывающихся въ нѣдрахъ этой горы богатствахъ, и въ началѣ прошедшаго столѣтія, къ великому смущенію вогуловъ, къ нимъ явились русскіе искатели магнитной руды. Превосходство русскаго оружія было уже извѣстно вогуламъ, и потому они не могли обманываться на счетъ предстоящей имъ судьбы. Раздраженіе народа обратилось противъ Чумпина, выдавшаго русскимъ опасную для вогуловъ тайну, и Чумпинъ сдѣлался жертвою мести своихъ озлобленныхъ единоплеменниковъ. Вогулы встащили его на вершину горы, и сожгли тамъ живаго. Впослѣдствіи русскіе воздвигли на этомъ самомъ мѣстѣ часовню для спасенія души бѣднаго страдальца. Въ этой-то самой часовнѣ и сидѣлъ теперь нашъ англичанинъ, опасаясь каждую минуту, чтобы ударъ молніи не подвергъ его одинаковой судьбѣ съ Чумпинымъ.

Къ счастью, боязнь Аткинсона оказалась неосновательною: непогода улеглась, и солнце опять просіяло, такъ что хотя ему и не удалось окончить свои рисунки въ тотъ

же день, однако же онъ успѣлъ додѣлать ихъ при вторичномъ посѣщеніи часовни, на слѣдующій день.

Въ нѣдрахъ горы Благодати выведены многочисленные ходы, изъ которыхъ и извлекается на свѣтъ Божій столь высоко цѣнимая желѣзная руда. Главную массу горы составляетъ красноватый полевой шпатъ, который пересѣкается толстыми слоями блестящаго чернаго магнитнаго желѣза. Желѣзо это добывается безъ особенныхъ усилій, при помощи обыкновенныхъ горныхъ пріемовъ, а для того, чтобы удобнѣе было отвозить добытый металлъ, къ горѣ проложены деревянные рельсы.

Въ восточной части Урала есть нѣсколько таковыхъ магнитныхъ горъ, къ числу коихъ долженъ быть отнесенъ также описанный выше Кашканаръ, но послѣдній не былъ еще до сихъ поръ разработанъ по правиламъ горнаго искусства. Двѣ другія магнитныя горы, расположенныя близко одна возлѣ другой, находятся недалеко отъ Нижне-Тагильска, и извѣстны своимъ изобиліемъ мѣдной руды.

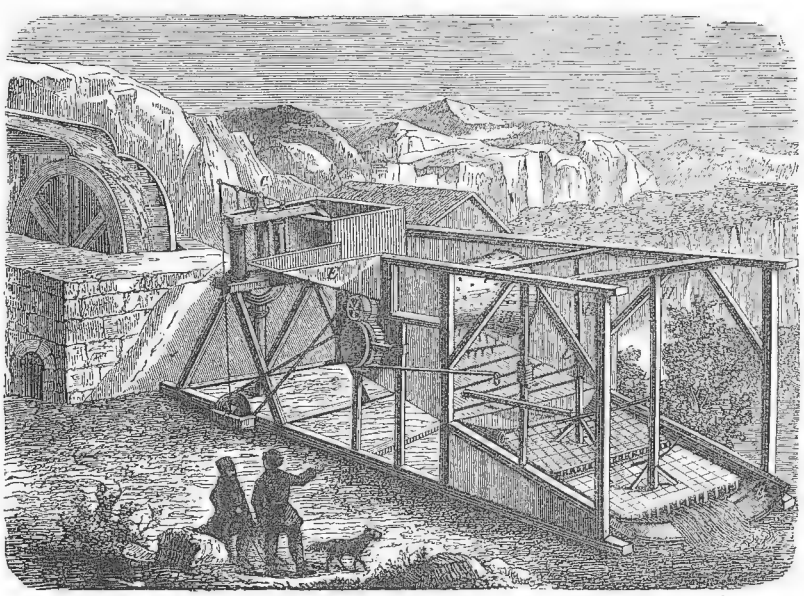
Одна изъ нихъ лежитъ на самомъ берегу обширнаго, похожаго скорѣе на озеро, пруда, образуемаго вслѣдствіе устройства искусственной плотины въ р. Тагилѣ, для приведенія въ дѣйствіе нижнетагильскихъ горныхъ заводовъ. Гора эта носитъ названіе Высокой горы и имѣетъ около 2,000 фут. длины, 1,500 фут. ширины и 250 фут. вышины. Мѣстами она поросла лѣсомъ и покрыта слоемъ известняка, толщиною отъ 10 до 30 фут.; въ изрытыхъ бокахъ ея виднѣются пласты желѣзной руды, идущіе въ ширину на 80 фут., а въ длину на 400 фут. Верхній слои составляетъ мягкій бурый желѣзнякъ, а подъ нимъ лежитъ зернистый магнитный желѣзнякъ, который, чѣмъ далѣе въ глубину, тѣмъ становится тверже, такъ что разработка его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была вовсе оставлена, потому что издержки на бурава, которые постоянно ломались, вскорѣ оказались слишкомъ значительными.

Близъ Высокой горы лежитъ Лебашка, имѣющая въ длину до 3,000 фут., въ ширину до 1,000, и около 100 фут. въ вышину. Шурфовыя развѣдки обнаружили, что гора эта тоже состоитъ изъ магнитнаго желѣзняка. Тамъ, гдѣ камни выдаются наружу, образуются, вслѣдствіе силы притяженія, на поверхности этихъ камней возвышенія изъ желѣзистой пыли. Въ отдѣльныхъ камняхъ тоже обнаруживается дѣйствіе полярнаго притяженія, которое замѣтно усиливается, если положить камни на самую гору.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ находящееся близъ Тагильска, между обѣими, названными выше, магнитными горами, мѣсторожденіе мѣдной руды, открытое въ 1812 г. Рудникъ этотъ заключенъ между кристаллическимъ известнякомъ и известковымъ діабазомъ, имѣетъ эллиптическую форму, и идетъ въ глубину, на разстояніи 500 футовъ, тонкимъ штокомъ; ширина его 1,800 фут., а длина 290 футовъ. Здѣсь добывается чудеснѣйшій малахитъ. Хотя большая часть кусковъ имѣютъ только умѣренную величину, но попадаются также куски весьма значительныхъ размѣровъ, такъ что изъ нихъ отшлифовываются великолѣпныя издѣлія. Между прочимъ, изъ этихъ каменоломень добыты знаменитыя малахитовыя колонны, украшающія теперь соборъ св. Исаакія въ С.-Петербургѣ. Одинъ изъ найденныхъ тамъ кусковъ имѣлъ вѣсу до 720 центнеровъ, и былъ оцѣненъ въ 1,200,000 руб. сер. Изъ рудниковъ этихъ, въ теченіе 47 лѣтъ, добыто болѣе 103 милліоновъ пудовъ руды, изъ коей получено 3,600,000 пуд. чистой мѣди.

Посѣтивъ описанныя выше мѣстности, Аткинсонъ опять повернулъ на югъ, къ Екатеринбургу, и по дорогѣ осмотрѣлъ главнѣйшіе изъ рудниковъ и горныхъ заводовъ, а при этомъ случаѣ и нѣкоторыя живописныя мѣстности, гдѣ онъ надѣялся найти пищу для своихъ художническихъ занятій. Между прочимъ, во время пребыванія въ Баранчинскѣ, онъ успѣлъ посѣтить Синюю гору, въ сопровожденіи веселой компаніи горныхъ чиновниковъ, съ ихъ женами и до-

черьми. Несравненно болѣе затрудненій представляла ему другая поѣздка, черезъ цѣпь уральскихъ горъ, на заводъ Висимо-Шайтанскій, лежащій на европейской сторонѣ. При этомъ случаѣ ему удалось также осмотрѣть платиновый рудникъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что платина встрѣчается несравненно рѣже, чѣмъ золото. До сихъ поръ металлъ этотъ попадался только въ Бразиліи и на островѣ Борнео, въ малыхъ листахъ и кусочкахъ, такъ что Урал-



Центробѣжная машина для отмывки золота и платины.

есть единственная мѣстность, гдѣ платина добывается въ болѣе значительномъ количествѣ. Подобно золоту, она добывается въ небольшихъ логахъ и узкихъ горныхъ долинахъ, по которымъ протекаютъ ручейки. Дно этихъ долинъ обыкновенно покрыто пескомъ и хрящемъ, въ особенности же кусками серпентина и хлоритоваго сланца. Для отдѣленія платины, породы эти промываются или на простыхъ дере-

вянныхъ вашгердахъ или же въ центробѣжныхъ машинахъ, при помощи коихъ тяжелый металлъ отдѣляется отъ болѣе легкихъ каменныхъ породъ. Золото и платина получаются преимущественно въ видѣ малыхъ зеренъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаются болѣе значительные куски. Разсказываютъ, что какъ-то разъ только найденъ былъ кусокъ платины въ 10 фунтовъ вѣсу, напротивъ золото нерѣдко попадалось самородками отъ 20 до 50 фунт. вѣсу.

Наиболѣе изобилуютъ содержаніемъ золота тѣ долины, въ которыхъ, подъ верхнимъ слоемъ торфообразнаго перегноя, лежитъ темнокрасный глиноземъ, и обитатели Урала утверждаютъ не безъ основанія, что красная глина, прилипающая къ колесамъ экипажей, которые проѣзжаютъ по горной дорогѣ черезъ Уралъ, всегда содержитъ немного золота. Вмѣстѣ съ золотомъ встрѣчаются также цирконъ и гранаты. Въ наиболѣе богатыхъ рудникахъ крупинки металла составляютъ около одной десятой части всей промываемой массы, и геологи объясняютъ происхожденіе этихъ отложеній металла въ настоящее время слѣдующимъ любопытнымъ образомъ. Уральскій хребетъ, имѣющій, въ своей южной и средней частяхъ, среднимъ числомъ, немного болѣе 1—2,000 футовъ возвышенія надъ уровнемъ моря, принадлежитъ безспорно къ наиболѣе древнимъ горамъ, именно древнимъ въ геологическомъ смыслѣ слова. По обѣимъ сторонамъ его, на разстояніи миль сорока въ ширину, можно достаточно ясно прослѣдить вывѣтрившіеся и разложившіеся продукты его, образующіе мѣстами наслоенія въ 500 футовъ вышины. Если бы эти массы сохранили свое прежнее положеніе на горахъ, то высота Уральскаго хребта была бы на 2,000 футовъ значительнѣе, нежели теперь. Въ нѣкоторыхъ его гранитовыхъ породахъ, въ серпентинахъ и въ хлористовомъ сланцѣ содержатся и теперь еще золото и платина въ небольшихъ количествахъ.

Извѣстно, какимъ образомъ даже самыя твердыя горныя породы, подвергаясь дѣйствію атмосферы, вывѣтриваются и

распадаются на составныя части. Между тѣмъ, какъ болѣе легкія части этихъ массъ уносятся далѣе дождемъ и текучею водою, болѣе тяжелыя крупинки металловъ, оставаясь назади, точно какъ на вашгердѣ рудника, мало-по-малу образуютъ значительныя массы; и потому металловыя отложенія должны быть признаваемы за болѣе тяжелые металлическіе осадки вывѣтрившагося горнаго наслоенія.

Впрочемъ, къ вліянію механическихъ силъ, въ большей или меньшей степени, присоединяется также дѣйствіе силъ химическихъ, а иногда и органическихъ, т. е. дѣйствіе растительныхъ организмовъ. Между прочимъ очень можетъ статься, что не только значительныя массы желѣза и мѣди, о которыхъ было говорено выше, но и благородные металлы находились прежде въ растворахъ и уже впослѣдствіи отдѣлились при благопріятныхъ для сего условіяхъ. Такое предположеніе неопровержимо подтверждается нѣкоторыми особенностями ихъ мѣстонахожденія. Такъ, близъ Тагильска, есть золотой пріискъ, гдѣ въ теченіе недѣли добывается промывкою до сорока фунтовъ этого металла. Пріискъ этотъ долженъ считаться однимъ изъ богатѣйшихъ, ибо на другихъ пріискахъ одинаковое количество металла получается только въ теченіе мѣсяца и даже въ теченіе года.

Прибывъ благополучно въ Нижне-Тагильскъ, Аткинсонъ встрѣтилъ тамъ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ помѣстьяхъ Демидовыхъ, самый радушный и привѣтливый пріемъ; пріятное впечатлѣніе, произведенное на него этимъ пріемомъ, еще болѣе усилилось видомъ дѣятельной заводской жизни, проглядывавшей повсюду въ этомъ городкѣ (имѣющемъ, по мнѣнію Аткинсона, до 25,000 жителей), напомнившемъ ему, своими красивыми зданіями и общеполезными учрежденіями, дорогое его отечество.

Въ мастерскихъ этого завода обрабатываются металлическая руда и минералы, добываемые въ описанныхъ нами горахъ, и издѣлія, получаемыя съ нижнетагильскихъ заводовъ, соперничаютъ съ издѣліями Англіи и Германіи.

Тамъ выдѣлывается листовое желѣзо не толще почтовой бумаги, которое можно скатывать по произволу, не опасаясь сломать. Точно также тамъ приготовляются превосходныя литыя и чеканныя издѣлія. По распоряженію владѣльца заводовъ, Демидова, молодые, способные люди посылаются, на его счетъ, въ Италію, Францію и Англію, для болѣе полнаго образованія, чтобы произведенія его заводовъ, и въ отношеніи вкуса, не отставали отъ издѣлій прочихъ странъ. Жестяныя издѣлія лакируются на его заводахъ съ такимъ искусствомъ, что они ни въ чемъ не уступаютъ японскимъ и китайскимъ произведеніямъ подобнаго рода, и даже на жарѣ ни мало не подвергаются поврежденію.

Для поддержанія правильнаго дѣйствія горныхъ заводовъ, состоящіе при нихъ обширные лѣса (во владѣніи Демидовыхъ, говорятъ, находится до 234 квадратныхъ миль лѣса), раздѣлены на участки, подлежащіе срубкѣ въ теченіе 60 до 80 лѣтъ. Участками этими завѣдываютъ образованные лѣсничіе. Цѣлыя деревни, населенныя прежними крѣпостными, обязаны были прежде доставлять для заводовъ уголь, причемъ на каждаго человѣка приходилось заготовить въ годъ до 100 кулей угля (по 20 пудовъ въ кулѣ).

По случаю того, что на вершинѣ одной, живописно лежащей, горы—Бѣлой горѣ—производилась рубка лѣса, бывшій путеводителемъ при Аткинсонѣ, одинъ изъ горныхъ чиновниковъ, предложилъ ему посѣтить эту вершину. Поѣздка эта обѣщала быть пріятною тѣмъ, что всю дорогу можно было ѣхать въ экипажѣ. Общество ихъ увеличилось нѣсколькими посторонними дамами и кавалерами. Путь къ Бѣлой горѣ пролегалъ черезъ Черносточинскъ, тоже чугуннолавильный заводъ Демидовыхъ, такъ что поѣздка эта скорѣе походила на прогулку по парку. Лѣса красивыхъ пихтъ и лиственницъ смѣнялись великолѣпными лугами и березовыми рощами. Кустарникъ пестрѣлъ красивыми цвѣтами сибирской лѣсной лозы, орхидіями (cypripedium) и анамоніями, а азіятскій хмель въ такомъ множествѣ покрывалъ долину, что

мѣстность эта походила на цвѣтникъ. Ко всему этому слѣдуетъ присоединить видъ великолѣпнаго озера, простиравшагося до самаго подножія Бѣлой горы, и имѣвшаго около географической мили протяженія въ длину и въ ширину Изъ средины озера поднималось нѣсколько острововъ, покрытыхъ группами деревъ; на одномъ изъ нихъ возвышалось древнее зданіе, извѣстное подъ названіемъ замка, гдѣ въ прежнія времена складывалось все серебро, добываемое въ Алтайскихъ горахъ.

Восхожденіе на гору совершено было безъ всякихъ затрудненій. Близъ самой вершины, выстроенъ былъ домикъ изъ бревенъ и толстыхъ вѣтвей, а полъ былъ покрытъ ковромъ; вскорѣ подлѣ домика запылалъ веселый костеръ, а черезъ нѣсколько минутъ зашипѣлъ и котелокъ съ чаемъ. Въ винахъ, холодномъ жаркомъ и разныхъ другихъ съѣстныхъ припасахъ недостатка не было, и когда стемнѣло, уже все общество расположилось на землѣ вокругъ утеса и деревъ, представляя, при свѣтѣ пламени, самую привлекательную картину. Веселыя шутки и пѣсни продолжались до глубокой ночи, и единственная непріятность заключалась только въ томъ, что, не взирая на теплое время года, температура вдругъ сдѣлалась холодною, а къ утру даже выпала сильная роса. Когда на слѣдующій день пришлось спускаться съ горы, Аткинсонъ выбралъ дорогу вдоль русла почти высохшаго горнаго потока. Путь этотъ, романтическою дикостью своихъ наваленныхъ другъ на друга скалъ, превосходилъ все, что ему до сихъ поръ приходилось видѣть.

Слѣдующій затѣмъ пунктъ, который посѣтилъ Аткинсонъ, былъ Невьянскъ, — городъ, заключающій до 10,000 жителей (по увѣренію Аткинсона — 18,000) и притомъ исторически замѣчательный въ томъ отношеніи, что онъ древнѣйшій изъ чугуннолавильныхъ заводовъ фамиліи Демидовыхъ. Заводъ этотъ былъ построенъ около 1700 г., въ царствованіе Петра Великаго, и старинное зданіе это еще и теперь напоминаетъ своими оригинальными украшеніями и

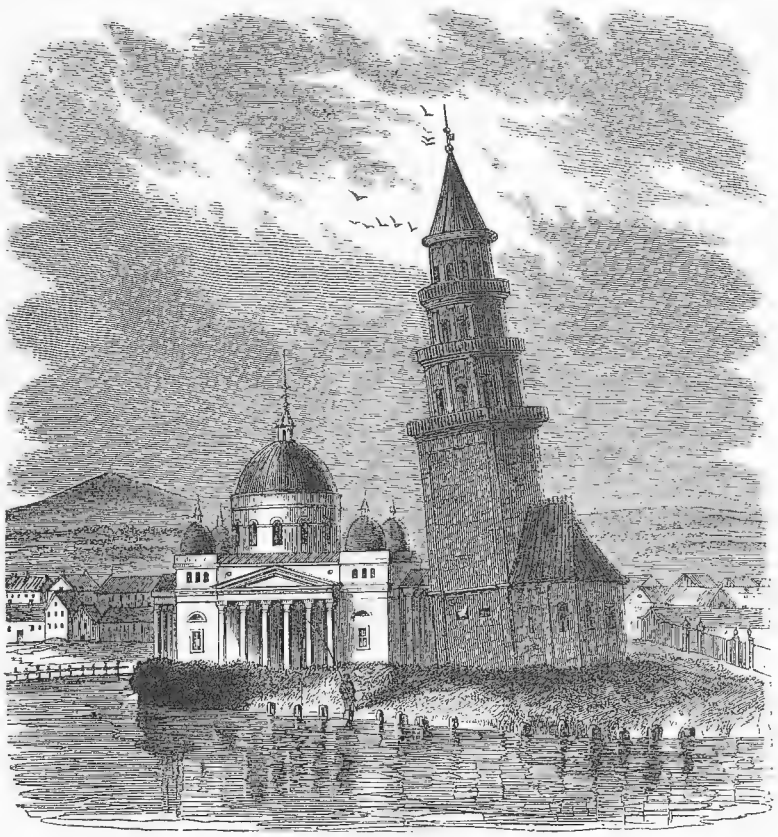
старомодною внутреннею отдѣлкою тѣ давно прошедшія времена, когда умственное вліяніе Голландіи господствовало въ Россіи.

Вмѣсто того, чтобы остановиться въ гостиницѣ для пріѣзжающихъ, ямщикъ подкатилъ своего сѣдока прямо къ главному заводскому корпусу. Бородатые правители (тогда еще крѣпостные) услужливо встрѣтили пріѣзжаго господина, и повели его въ высокіе, на сводахъ, покои сумрачнаго зданія. По стѣнамъ главной залы развѣшаны были портреты Демидовыхъ въ старинной одеждѣ, глядѣвшіе сурово на желѣзную мебель, украшавшую комнаты. Но вдругъ, передъ удивленнымъ гостемъ появился столъ съ жареною дичью, бургундскимъ, рейнвейномъ, мадерою, шампанскимъ и прочими великолѣпіями, такъ что онъ вообразилъ, не разыгрывается ли передъ нимъ какая-нибудь сцена изъ Тысячи одной ночи или изъ сказки, гдѣ все совершается по велѣнію невидимаго чародѣя, и онъ уже возъимѣлъ опасеніе, чтобъ чародѣй этотъ не повелѣлъ его потомъ, при отъѣздѣ, подвергнуть какимъ нибудь истязаніямъ. Но оказалось, что опасенія его были излишни: на Невьянскомъ заводѣ издавна заведено обыкновеніе всѣхъ пріѣзжихъ принимать и угощать по-княжески. Только къ концу года въ отчетѣ показывается кругленькая сумма на угощеніе и содержаніе почтенныхъ благопріятелей.

Недалеко отъ главнаго корпуса, возвышается довольно большая башня изъ кирпича. Почва подъ этою башней съ одной стороны осѣла, и башня покосилась на бокъ, точно какъ будто бы она предчувствовала приближеніе времени, когда основаніе этихъ княжескихъ богатствъ, накопившихся у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ въ Россіи, должно пошатнуться. Прежде, когда-то, башня эта служила тюрьмою для арестантовъ, и къ ней были проложены ходы подъ землею.

Промышленная дѣятельность точно также оживлена въ Невьянскѣ, какъ и въ Тагильскѣ. Желѣзная руда добывается тамъ очень легко. Недалеко отъ завода находится руд-

никъ краснаго желѣзняка, который разрабатывается самымъ простымъ способомъ. — Руда, разбросанная тамъ кусками, лежитъ въ желтой и зеленой извести, такъ что ее, безъ особенныхъ усилій, просто выбираютъ и отвозятъ на тач-



Покосившаяся на бокъ башня Невьянскаго завода.

кахъ или въ корзинахъ. Изъ числа металлическихъ производствъ наиболѣе развита фабрикація нарѣзныхъ ружей; но кромѣ того производится много деревянныхъ издѣлій, въ особенности же сундуковъ, которые потомъ покрываются

красною или синею краскою, и обиваются полированнымъ желѣзомъ. Сундуки эти, въ огромномъ количествѣ, разсылаются черезъ Ирбитъ по всѣмъ частямъ Сибири, и составляютъ необходимую принадлежность каждаго хозяйства.

Совершивъ затѣмъ продолжительный переѣздъ черезъ дремучіе лѣса, Аткинсонъ возвратился наконецъ опять въ Екатеринбургъ — столицу всего уральскаго края. Городъ этотъ имѣетъ до 15,000 жителей и наружностью своею производитъ пріятное впечатлѣніе. Кромѣ восьми церквей, украшающихъ городъ своими многочисленными главами, значительное число частныхъ зданій выстроены въ такомъ изящномъ стилѣ и съ такимъ вкусомъ, что могли бы съ полнымъ правомъ занять мѣсто въ каждомъ большомъ европейскомъ городѣ. Что касается до улицъ, то хотя онѣ и не мощеныя, однако же содержатся въ удовлетворительномъ состояніи, а для удобства пѣшеходовъ, выстроены, вдоль улицъ, по сторонамъ, возвышенные деревянные мостки. Въ центрѣ города разведенъ публичный садъ, служащій прекраснымъ гульбищемъ, но кромѣ того изъ частныхъ лицъ, которыя побогаче, нѣкоторыя тоже допускаютъ публику въ свои сады и парки, на поддержаніе которыхъ тратятся не малыя суммы.

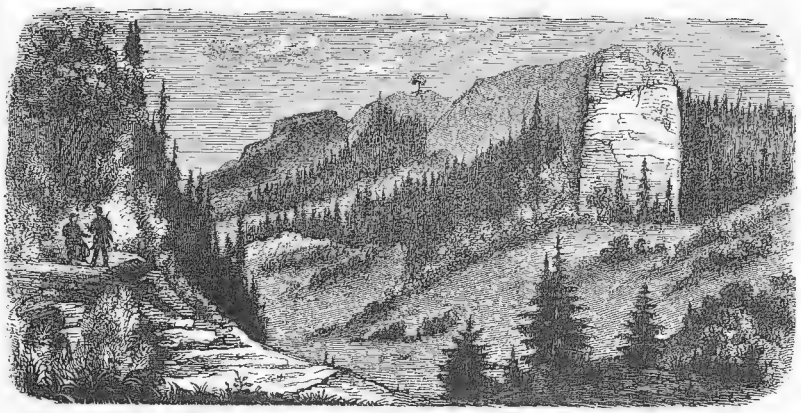
Особенно красивъ видъ на городъ со стороны озера, берега котораго частью обсажены деревьями, частью же обстроены красивыми, видными зданіями. На берегу этого озера лежитъ также чугуннолавильный заводъ Верхне-Исетскій, съ красивыми церквами и многочисленными постройками, принадлежащими фамиліи Яковлевыхъ.

Посреди самаго города протекаетъ рѣка Исеть, черезъ которую перекинутъ красивенькій мостикъ. Водою этой рѣки приводятся въ дѣйствіе всѣ промышленныя заведенія, расположенныя по берегамъ. Къ числу наиболѣе замѣчательныхъ изъ послѣднихъ принадлежатъ безспорно казенныя фабрики, на которыхъ производится обдѣлка драгоцѣнныхъ минераловъ уральскихъ. Тамъ распиливаются, шлифуются, пробуравливаются и полируются драгоцѣнные уральскіе ма-

лахиты, агаты, ясписы, аметисты, топазы, порфиры, горный хрусталь, мраморъ, гранитъ и прочія рѣдкія породы камней. Изъ кусковъ большихъ размѣровъ выходятъ колонны, піедесталы, карнизы, столы, вазы и т. п., а изъ камней малыхъ размѣровъ, разныя драгоцѣнныя украшенія.

Вообще Уралъ служитъ неистощимымъ источникомъ обогащенія для ювелира, но съ тѣмъ вмѣстѣ и представляетъ неоцѣненное сокровище для минералоговъ. Въ 1830 г. одному крестьянину случилось проходить лѣсомъ близъ Екатеринбурга; въ сторонѣ онъ замѣтилъ огромную старую ель, вырванную съ корнями изъ земли; подойдя поближе, чтобы взглянуть на дерево, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ между корнями блестящіе камни самаго великолѣпнаго зеленаго цвѣта. То были чудесные изумруды. Завѣдывавшій тогда гранильною фабрикою, Каковинъ приказалъ произвести болѣе тщательныя разысканія и вскорѣ открытъ былъ цѣлый пріискъ изумрудовъ. Драгоцѣнные камни эти лежатъ цѣлыми гнѣздами въ слюдовомъ сланцѣ, причемъ тутъ же рядомъ попадаются и разные другіе драгоцѣнные минералы; такъ напримѣръ: фенакитъ, благородный камень новѣйшаго открытія, бывающій прозрачно водянистаго цвѣта и блѣднаго, винно-желтаго цвѣта или же розоватый; но отшлифованный на огнѣ, камень этотъ мало отличается отъ алмаза. Еще высоко цѣнятся берилы, попадающіеся и въ другихъ мѣстахъ; камень этотъ отличается пріятнымъ желтовато-зеленымъ цвѣтомъ. Въ 1828 г., близъ Мурзинска, найденъ былъ берилъ, 9 дюймовъ въ длину и 3 дюймовъ въ толщину, который оцѣненъ былъ въ 45,000 рублей. Къ числу цѣнныхъ камней принадлежатъ также аквамарины; въ 1796 году найдено было на одномъ мѣстѣ до 175 фунтовъ аквамариновъ. — Знаменитый Александръ Гумбольдтъ, во время своего посѣщенія Уральскихъ горъ, призналъ вѣроятнымъ, что въ горахъ этихъ должны находиться алмазы, и это предположеніе оправдалось блистательнымъ образомъ. Кромѣ того въ Уральскихъ горахъ встрѣчаются куски циркона,

отъ 1/2 до 3/4 фунт. вѣсомъ; камень этотъ, имѣющій желтобурый цвѣтъ, при накаливаніи, теряетъ всякій цвѣтъ, и тогда не трудно бываетъ принять его за брилліантъ. Еще добываютъ на Уралѣ гіацинты и топазы; близъ Екатеринбурга и Нерчинска попадались экземпляры топазовъ въ 25 и до 30 фунтовъ вѣсомъ. Гранаты являютъ тамъ замѣчательное разнообразіе цвѣтовъ, сообразно коимъ они и извѣстны подъ разными названіями. Одинъ очень красивый сортъ хромовыхъ гранатъ зеленаго изумрудоваго цвѣта названъ уваровитомъ въ честь бывшаго министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова; изъ прочихъ же видовъ гранатъ особенно цѣнятся альмадины и аллохраты. Турмалины чернаго цвѣта идутъ преимущественно на дамскія украшенія, какія надѣваются при траурѣ; краснорозовые же рубелиты, изъ шайтанскихъ пріисковъ, назначаются для свадебныхъ украшеній. Еще въ большемъ уваженіи находятся голубые сапфиры, присутствіе которыхъ въ нѣдрахъ Урала открыто въ первый разъ близъ Міяска, въ 1828 году. Впрочемъ, весьма трудно перечесть вполнѣ всѣ виды каменныхъ породъ, представляющихъ для минералога такъ много заманчиваго интереса; глаза же непосвященныхъ достаточно очаровываются разноцвѣтными агатами и яшмами, изъ коихъ гранильщики въ Екатеринбургѣ умѣютъ изготовлять превосходныя вещицы по древнимъ образцамъ, продавая ихъ даже мало достаточнымъ людямъ, за весьма умѣренную плату. Но самыя художественныя и болѣе драгоцѣнныя произведенія мозаиковой работы предназначаются для дворцовъ государей и княжескихъ палатъ, и разсылаются во всѣ большіе города Европы.



Могильный камень въ уральскихъ горахъ (рисов. съ нат. Людвигомъ).

Башкиры въ южной части Урала.

Болѣе значительные города уральскаго края отличаются почти всѣ европейскимъ характеромъ; точно также и жители этихъ городовъ русскаго происхожденія не имѣютъ въ своей наружности ничего особенно бросающагося въ глаза, въ особенности же тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ высшимъ сословіямъ и одѣваются по парижской модѣ. Но вскорѣ, окончивъ довольно благополучно свои странствованія въ сѣверной части Урала, и перенеся кругъ своей дѣятельности въ южную область этого горнаго хребта, Аткинсонъ имѣлъ случай ознакомиться съ зрѣлищемъ совершенно инаго рода. Ему представилась возможность, между прочимъ, поближе изучить внутренній бытъ башкировъ, народа, который, во времена еще нашего дѣтства, частенько служилъ пугаломъ и страшилищемъ для дѣтей, и память о которомъ въ то время сохранялась еще свѣжо въ вспоминаніи нѣмцевъ. Въ 1813 г., во время преслѣдованія французовъ, башкиры не только имѣли случай посѣтить нѣмецкія владѣнія, но даже пробрались до Парижа.

Въ прежнія времена, кочевья башкирскія простирались даже къ сѣверу отъ Екатеринбурга, но когда этими странами овладѣли русскіе, тогда первые вынуждены были удалиться болѣе къ югу.

Итакъ къ мѣстамъ, обитаемымъ этимъ народомъ, направилъ свое странствованіе нашъ художникъ, переѣзжая отъ завода къ заводу, и отъо дного пріиска къ другому, пока наконецъ не достигъ сѣверной границы татарской степи. Во время этихъ разъѣздовъ, онъ посѣтилъ Нижне-Исетскъ, проѣхавъ вдоль всей долины Исети, и Арамильскъ, расположенный въ красивой мѣстности, среди луговъ и покрытыхъ лѣсомъ холмовъ. Тутъ онъ повернулъ въ долину рѣки Сысерта, гдѣ встрѣтилъ радушный пріемъ на Сысертскомъ заводѣ. Наиболѣе всего поразилъ его на этомъ заводѣ видъ оранжерей, въ которыхъ, вмѣстѣ съ яблоками, вишнями и прочими овощами, зрѣли и южные плоды весьма нѣжные и дорогіе. Точно также съ необыкновеннымъ вкусомъ и роскошью разведенъ былъ и садъ, принадлежащій владѣльцу завода. Въ дополненіе ко всей этой роскоши, на конюшнѣ красовались англійскіе скакуны чистой крови.

Чѣмъ далѣе Аткинсонъ приближался къ югу, тѣмъ богаче становились луга, разстилавшіеся среди зеленѣющихся лѣсовъ, изъ коихъ первые были покрыты стадами овецъ, лошадей и рогатаго скота, а послѣдніе изобиловали цѣнною дичью, охота за коею не воспрещалась никому. Наконецъ ему удалось также посѣтить и златоустовскіе заводы — этотъ Бирмингамъ и Шеффильдъ Россіи, съ ихъ оружейными фабриками, на которыхъ выдѣлываются клинки, не уступающіе знаменитымъ дамаскированнымъ клинкамъ.

При посѣщеніи Александровскаго завода, ему разсказывали, что въ 1824 г. тамъ найдены были золотые самородки, вѣсомъ отъ 15 до 24 фунтовъ, а въ 1843 г. даже вырытъ былъ кусокъ въ 70 фунтовъ. Тутъ Аткинсонъ приблизился наконецъ къ священному озеру башкирскаго народа, къ Аушкулю или Аушу, — водяной поверхности, занимающей

пространство въ одну милю длины и въ полмили ширины, гдѣ онъ, у подошвы священной горы Ауштау, встрѣтилъ первое башкирское поселеніе. Мѣстность эта была весьма привлекательно окоймлена лѣсомъ березъ, ивъ и черемухи, подъ защитою коихъ расположены были зимовья монголовъ. То были блокгаузы, имѣющіе до 12 футовъ въ квадратѣ и около 8 футовъ вышины, съ плоскими крышами, покрытыми дерномъ и землею.

Рѣшившись просунуть голову сквозь дверь, т. е. небольшое отверзтіе, около 3 футовъ въ ширину и около $4^1/_4$ фут. въ вышину, ведущее внутрь жилья, онъ увидѣлъ посрединѣ, на полу, мѣсто для очага, надъ которымъ было сдѣлано вверху отверзтіе для выхода дыма, а кругомъ деревянныя, скамьи, служащія для спанья и для сидѣнія; вся же прочая внутренность представляла непроницаемый мракъ и темноту, такъ что подобное башкирское жилье скорѣе походило на коптильню, гдѣ отъ 6 до 8 человѣкъ башкировъ безвыходно проводятъ зиму, сидя на корточкахъ или поджавъ подъ себя ноги. Не взирая однако же на такое жалкое состояніе башкирскихъ зимнихъ жилищъ, строители ихъ вполнѣ вѣруютъ, что лѣтомъ, когда хозяева бываютъ принуждены покинуть свои жилища, чтобы пасти стада гдѣ-нибудь вдали отъ домовъ, чортъ съ своею свитою завладѣваетъ ихъ жилищами. Когда, при наступленіи зимы, башкиры возвращаются домой, то посылаютъ своихъ женъ впередъ, которыя поднимаютъ страшный шумъ и неистовые крики, стараясь этимъ способомъ прогнать духовъ изъ жилищъ. Конечно, при страшномъ завываніи башкирскихъ бабъ, и нечистая сила не въ состояніи долго сопротивляться, и вскорѣ даетъ тягу. Когда уже остается очистить послѣдній домъ, куда, по увѣренію башкировъ, нечистые духи сгоняются изъ прочихъ домовъ, тогда появляются и мужья, съ визгомъ и гиканьемъ крутясь на своихъ степныхъ скакунахъ, и развѣ немногимъ отличаясь отъ толпы бѣшеныхъ чертей.

Въ лѣтнее время, башкиры живутъ жизнью пастуха, почти ни на минуту не слѣзая съ коня. Лошадь башкира — это его движущаяся половина. Работы, которыя можно выполнять не слѣзая съ коня, онъ выполняетъ ревностно, но прочими занятіями пренебрегаетъ, считая ихъ для себя слишкомъ низкими. Разъѣзжая на своемъ косматомъ, невзрачномъ скакунѣ съ длинною гривою и хвостомъ, онъ внимательно наблюдаетъ за принадлежащими ему стадами овецъ, лошадей и рогатаго скота, и не упускаетъ надлежащаго времени для вывода ихъ на зеленѣющееся, сочное пастбище или къ водопою. Жены же и дочери башкировъ занимаются доеніемъ коровъ и кобылъ, и собираютъ молоко въ длинные кожаные бурдюки, съ узкими горлышками, оставляя его тамъ до тѣхъ поръ, пока оно сквасится. Приготовленнымъ такимъ образомъ освѣжительнымъ напиткомъ онѣ угощаютъ своихъ повелителей. Напитокъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ кумыса, составляетъ любимое питье всѣхъ башкировъ. Кромѣ того, русскіе врачи приписываютъ ему особенную цѣлебную силу, и рекомендуютъ, какъ надежное средство, всѣмъ чахоточнымъ и одержимыми накожными болѣзнями. Можетъ быть, когда желѣзныя дороги соединятъ западную Европу съ степями башкирскими, и наши эскуланы вздумаютъ тогда посылать своихъ паціентовъ лечиться кумысомъ, въ особенности когда падетъ слава нашихъ отечественныхъ заведеній, гдѣ теперь лечатся сывороткою и молокомъ.

Что касается до средствъ къ прокормленію, то въ этомъ отношеніи у башкировъ нѣтъ ни малѣйшая недостатка. Стадо овецъ замѣняетъ для нихъ вполнѣ поле съ хлѣбомъ. Надъ разведеннымъ огнемъ у нихъ постоянно виситъ котелокъ съ мелко нарѣзанными кусочками баранины, съ киселемъ. Вокругъ котелка сидятъ на корточкахъ женщины и мужчины съ огромною головою, широкимъ носомъ и маленькими узкими, наискось прорѣзанными, глазками: изъ нихъ первые обыкновенно бываютъ въ плотно прилегающихъ, шерстяныхъ кафтанахъ бѣлаго цвѣта, съ красною

коймою по краямъ, съ остроконечными широкополыми шляпами изъ бѣлаго войлока на головѣ. Каждый изъ нихъ обмакиваетъ всѣ свои пять пальцевъ въ стоящее передъ нимъ, вкусно изготовленное блюдо, къ которому обыкновенно хорошую приправу составляютъ лѣсныя ягоды, и между прочимъ ягоды черемухи (prunus Padus).

Мужчины любятъ преимущественно заниматься тѣлесными упражненіями, и часто проводятъ время въ метаніи копій и стрѣльбѣ изъ лука. Подобно баронамъ и рыцарямъ среднихъ вѣковъ, они умѣютъ пріучать соколовъ и ястребовъ къ охотѣ не только на пернатую дичь, но и на зайцевъ и даже на волковъ, изъ коихъ послѣдніе нерѣдко производятъ чувствительныя опустошенія въ стадахъ овецъ и мелкаго скота, и требуютъ отъ пастуховъ особенной бдительности; впрочемъ лѣтомъ, когда у волковъ нѣтъ недостатка въ кормѣ, они бываютъ не такъ опасны, какъ зимой. Хорошо пріученные соколы цѣнятся въ 50 руб. сер. штука.

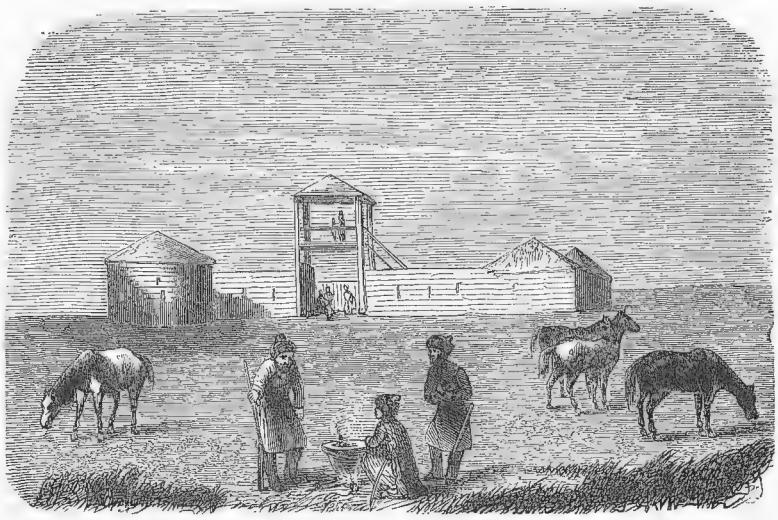
Всѣ занятія по домашнему хозяйству состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи женщинъ, которыя впрочемъ не столько заботятся о чисткѣ и о мытьѣ, сколько объ изготовленіи одежды и войлока. Этотъ послѣдній матеріялъ употребляется для лѣтнихъ палатокъ, которыя устраиваются весьма легко и просто: сначала утверждаются въ землѣ нѣсколько деревянныхъ жердей, затѣмъ жерди эти покрываются войлоками, которые скрѣпляются вмѣстѣ, и палатка готова. Когда избранная мѣстность не годится болѣе для пастбища, то вся толпа двигается далѣе, причемъ въ нѣсколько часовъ все племя бываетъ готово къ отправленію; войлоки складываются и навьючиваются на лошадей и быковъ, на которыхъ укладывается и все прочее имущество. Вмѣстѣ съ тѣмъ убираютъ свои акты и русскіе чиновники, сопровождающіе каждаго башкирскаго родоначальника и захвативъ свою чернилицу и прочія принадлежности, отправляются за ордою кочевниковъ.

Весь башкирскій народъ раздѣляется на три орды или кантона. Каждый изъ нихъ управляется особымъ старшиною, при которомъ состоитъ русскій чиновникъ, въ качествѣ блюстителя правительственныхъ интересовъ. Хотя башкиры принадлежатъ къ магометанской религіи, тѣмъ не менѣе однако же они много сохранили изъ своихъ прежнихъ языческихъ обычаевъ. Такъ они не предаютъ своихъ покойниковъ землѣ на общемъ кладбищѣ, но погребаютъ ихъ всюду, гдѣ только къ тому представляется возможность, или гдѣ пожелалъ этого самъ умершій. Аткинсону удалось посѣтить, недалеко отъ названной нами выше деревни, нѣсколько подобныхъ могилъ. То были могилы трехъ военачальниковъ, и состояли изъ огромныхъ кучъ насыпанныхъ камней, а мѣстностью для этого служила вершина горы, откуда открывался великолѣпный видъ. Могилы эти строятся слѣдующимъ образомъ: сначала роется вертикальная шахта, а за тѣмъ поперечный ходъ, конецъ коего расширяется въ видѣ камеры. Въ этой послѣдней складывается нѣсколько камней, въ видѣ сѣдалища, на которое и кладется покойникъ, затѣмъ шахта засыпается, а выходъ изъ нея обозначается каменьями. Разумѣется всѣ эти погребальныя церемоніи не обходятся безъ пиршества.

Впрочемъ башкиры не знаютъ другихъ безмятежныхъ развлеченій, и веселіе ихъ имѣетъ всегда особенный самобытный отпечатокъ. Очень оригинальнымъ характеромъ напр. отличается ихъ музыка. Главный инструментъ у нихъ флейта съ четырьмя отверзтіями. Играющій на такой флейтѣ обыкновенно сопровождаетъ звуки инструмента другими звуками, выходящими у него черезъ горло, втягивая для этого воздухъ черезъ носъ. Выдержавъ такой двойной тонъ въ продолженіе полуминуты, играющій опять выпускаетъ прежній воздухъ носомъ, такъ что слушателю приходится наслаждаться какимъ-то терцетомъ, состоящимъ изъ звуковъ флейты, мычанья и сопѣнья.

Что касается до характера башкировъ, то Аткинсонъ отзывается объ этомъ вопросѣ не совсѣмъ для нихъ лестно. Прежде, говоритъ онъ, путешественнику приходилось трепетать за себя и за свое имущество только на большихъ дорогахъ или въ степи, но, сдѣлавшись однажды ихъ гостемъ, онъ могъ вполнѣ имъ довѣриться и считалъ себя уже въ безопасности. Теперь же, хотя насильственныхъ нападеній на путешественниковъ и не случается, но зато башкиры лишились и прежнихъ своихъ похвальныхъ свойствъ и, удержавъ всѣ свои дурныя качества, усвоили себѣ разныя дурныя привычки отъ русскихъ. Такимъ образомъ теперь они стоятъ на ступени полуобразованности, соединяя всѣ невыгоды этого положенія. Пока они успѣютъ выйдти изъ теперешняго положенія и подняться на высшую степень образованности, до тѣхъ поръ пройдетъ еще много времени.

Кочевье номадовъ по плану Марко Поло.



Казацкій караулъ.

V.

Отъ Урала до Алтая.

Прощаніе Аткинсона съ Ураломъ. — Переѣздъ черезъ Тоболъ. — Транспортъ арестантовъ. — Казацкій караулъ. — Поѣздка Аткинсона въ Барнаулъ.

Ознакомившись довольно близко со всѣми прелестями и неудобствами, представляемыми Ураломъ, Аткинсонъ возъимѣлъ неудержимое желаніе посѣтить и алтайскій горный край.

Во время пребыванія его на Каменскомъ заводѣ, управляющій заводомъ былъ столь любезенъ, что самъ принялъ на себя попеченіе о снаряженіи его въ дальнѣйшее путешествіе. Между прочимъ ему былъ данъ также хорошій совѣтъ, взять съ собою особаго служителя, на котораго онъ могъ бы положиться въ случаѣ болѣзни или при другомъ несчастномъ событіи, и который вмѣстѣ съ тѣмъ могъ бы

служить ему переводчикомъ. Кромѣ того, по совѣту, знакомыхъ, онъ запасся еще на двѣ недѣли съѣстными припасами, преимущественно же чаемъ, такъ какъ на почтовыхъ станціяхъ не всегда можно было достать чѣмъ подкрѣпить или даже освѣжить свои силы.

Въ заключеніе всего, отпраздновавъ день рожденія управляющаго заводомъ, въ кругу его семейства и образованныхъ горныхъ офицеровъ, Аткинсонъ распрощался наконецъ съ добрыми и гостепріимными обитателями Урала.

Первоначально путь его пролегалъ по долинѣ Исети. Легонькій тарантасъ его, запряженный бойкими сибирскими конями, не останавливался ни днемъ, ни ночью; если же и приходилось изрѣдка останавливаться, то это дѣлалось единственно для перемѣны лошадей, да два раза въ день для питья чая.

Хотя тарантасъ, въ которомъ ѣхалъ Аткинсонъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить ему постелью, но и подобнымъ образомъ проведенныя ночи представляли не мало привлекательнаго человѣку, который умѣлъ подмѣчать поэтическія мгновенія даже въ самыхъ непріятныхъ случаяхъ жизни. Дорога въ началѣ проходила, по большей части, черезъ хвойный лѣсъ, который въ ночное время представлялся еще болѣе чернымъ и мрачнымъ. Луна, бросавшая свой магическій свѣтъ сквозь вершины деревъ, ярко отражалась въ водѣ, наполнявшей канавы по сторонамъ дороги, но вокругъ господствовала мертвая тишина, и только однообразный топотъ лошадей вызывалъ ночное эхо. Вообще въ подобной ночной поѣздкѣ замѣчалась какая-то особенная меланхолія, и элегическій характеръ этой картины нарушался только фырканіемъ коней, которые, разметавъ свою гриву и длинные хвосты, скакали мѣрнымъ шагомъ. Волки въ лѣтнее время не представляли ни какой опасности.

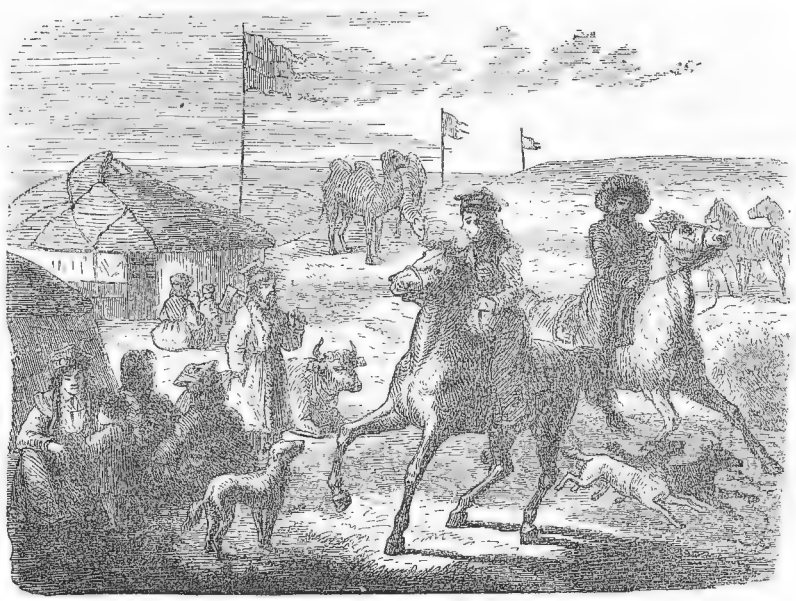
Днемъ, мѣстность, по которой ѣхалъ Аткинсонъ, представляла характеръ веселый и привлекательный. Рѣка Исеть, въ видѣ серебряной ленты, извивалась многочисленными из-

гибами между сочными лугами, которые съ обѣихъ сторонъ были окоймлены цѣпью холмовъ. Возвышенія эти составляютъ собственно внѣшніе берега рѣки, такъ какъ весною, во время таянія снѣга, Исеть заливаетъ всю долину, какъ и прочія рѣки Сибири. Теперь же, въ жаркое лѣтнее время, воды скопились только въ узкомъ руслѣ рѣки, и луга были оживлены присутствіемъ поселянъ, которые, при звукахъ пѣсень, прилежно косили траву, стараясь заготовить сѣно на зиму.

Тамъ, гдѣ рѣка Теча впадаетъ въ Исеть, возвышаются развалины монастыря св. Далматія. Нашъ путешественникъ съ удивленіемъ увидѣлъ передъ своими глазами, въ глуши Сибири, великолѣпное строеніе, весьма замѣчательное въ архитектурномъ отношеніи, существованіе какого онъ вовсе не считалъ возможнымъ въ этой странѣ. Недалеко отъ этого мѣстечка лежитъ Долматовъ, маленькій городокъ, окруженный со всѣхъ сторонъ обширными лугами и плодородными полями съ хлѣбомъ. Далѣе луговыя пространства смѣнялись уже группами елей, березъ и тополей, за которыми виднѣлись бѣлыя зданія и позлащенные куполы церквей Шадринска, рѣзко отдѣлявшихся надъ черною полосою лѣса. По ту сторону этого промышленнаго городка, начинались уже каменные столбы, обозначавшіе границы губерній Пермской и Тобольской.

Переправившись черезъ Исеть и Тоболь, Аткинсонъ вступилъ, при Илюстринскѣ, въ Ишимскую степь, — весьма непривлекательный край, заключенный между рѣками Тоболомъ и Ишимомъ. Песчаные холмы, поросшіе хвойникомъ, перемежались тутъ съ небольшими озерами, и только мѣстами попадались отдѣльныя пастбища, на которыхъ пасся рогатый скотъ. Тутъ, въ непривѣтливой печальной пустынѣ, нашъ путешественникъ встрѣтилъ транспортъ съ 96 арестантами или несчастными, какъ ихъ называютъ въ Сибири. Обыкновенно принимаютъ, что этимъ путемъ изъ Европейской Россіи ежегодно переселяются въ Сибирь около пяти

тысячъ человѣкъ. Транспортъ состоялъ изъ двухъ партій: одна изъ нихъ, состоявшая изъ 17 мужчинъ и 3 женщинъ, назначена была въ Нерчинскъ, вторая же партія отправлялась въ Иркутскъ. Въ послѣдней партіи находилось одиннадцать женщинъ, которыя послѣдовали добровольно въ ссылку, чтобы не разставаться съ своими мужьями. Поѣздъ заключался нѣсколькими телѣгами, навьюченными поклажею. Въ главѣ и по сторонамъ транспорта ѣхали верховые казаки.



Внутренность казацкаго пикета.

Такъ какъ транспорты арестантовъ слѣдуютъ въ извѣстные періоды, по одному и тому же пути, то по тракту этому въ разстояніи отъ 3 до 4 нѣмецкихъ миль, смотря по мѣстности, выстроены деревянные бараки, окруженные палисадомъ въ 15 футовъ вышины, въ которыхъ арестанты находятъ для себя помѣщеніе на ночь. Чтобы дойти до Нерчинска, подобной партіи требуется около восьми мѣсяцевъ

времени, Иркутска же они достигаютъ обыкновенно въ шесть мѣсяцевъ. Дорогою арестантамъ часто даютъ отдыхъ, и вообще обращаются съ ними не сурово. Большая часть изъ нихъ остаются уже въ Тобольскѣ, гдѣ существуетъ особенное присутственное мѣсто, такъ называемый приказъ для ссыльныхъ, распредѣляющій арестантовъ, куда кого слѣдуетъ послать, сообразно степени его преступленія и мѣстнымъ требованіямъ того пункта, куда ссыльные предназначаются. Только самые отъявленные преступники попадаютъ на нерчинскіе заводы, прочіе же причисляются къ разряду такъ называемыхъ поселенцевъ, т. е. они размѣщаются по деревнямъ, гдѣ имъ дозволяется проживать въ указанныхъ мѣстностяхъ, не выходя за извѣстную границу. Многіе изъ нихъ устраиваются тамъ прочно, обзаводятся домами, засѣваютъ поля, женятся и дѣлаются порядочными людьми; другіе же предаются нищенству, бродяжничеству, и пускаются во всѣ тяжкія, такъ что кончаютъ свое существованіе въ рудникахъ, въ тюрьмахъ или подъ кнутомъ.

Лишь изрѣдка удается немногимъ арестантамъ спастись бѣгствомъ изъ предѣловъ Сибири, ибо бдительности пограничной стражи, въ значительной степени, содѣйствуютъ свойства страны и самый климатъ. Наименѣе вѣроятностей къ спасенію для бѣглеца представляетъ большой трактъ. Въ особенности формальную погоню за этими несчастными устроиваютъ, живущіе близъ большаго сибирскаго тракта, тамошніе туземцы, утверждая, что подобный ловъ выгоднѣе охоты на бѣлокъ. „Если застрѣлить бѣлку,“ говорятъ они обыкновенно, „то получишь только шкурку; если же словить бѣглаго каторжника, то добудешь кафтанъ и рубашку.“

По вступленіи Аткинсона въ Томскую губернію, его вдругъ начали преслѣдовать разныя путевыя непріятности. Такъ, уже на одной изъ первыхъ станцій, Турумовѣ, его стали стращать тѣмъ, будто проѣздъ по лѣсу опасенъ для путешественниковъ отъ бродящихъ по дорогамъ разбой-

никовъ, такъ что находившійся при немъ слуга началъ его заклинать всѣмъ святымъ не пускаться ночью въ дальнѣйшій путь. Но въ отвѣтъ на всѣ эти предостереженія, Аткинсонъ велѣлъ перемѣнить пистоны въ ружьѣ, и только крикнулъ ямщику „пошелъ впередъ!“ Когда имъ приходилось проѣзжать лѣсомъ, Аткинсонъ каждый разъ приказывалъ гнать лошадей, на сколько хватало у нихъ силы; на открытыхъ же мѣстностяхъ, приказывалъ давать своей тройкѣ немного вздохнуть и ѣхать небольшою рысцою. Отъ этой ли уловки или же вслѣдствіе того, что лѣсные шалуны заняты были гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но Аткинсону все-таки удалось миновать опасныя мѣста безъ несчастныхъ приключеній, и онъ благополучно прибылъ въ Кіянскъ, городъ, не пользующійся хорошею молвою, какъ по причинѣ своего нездороваго положенія среди болотъ, такъ и по причинѣ множества мошкары (Bibio sanguinarius, Pall.). Не менѣе того и самые обитатели выказали себя относительно путешественника не съ самой выгодной стороны. Дѣло въ томъ, что содержатель почтовыхъ лошадей въ Кіянскѣ, родомъ польскій еврей, желая воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ заѣзжаго путешественника, и незнакомствомъ его съ мѣстными постановленіями, вздумалъ было стянуть съ Аткинсона двойную плату за прогоны, и только послѣ надлежащихъ увѣщаній полицейскаго чиновника и хорошаго урока хлыстомъ, полученнаго евреемъ, приведены были лошади, такъ что Аткинсонъ могъ уже безъ всякихъ препятствій продолжать свой путь къ югу, по направленію къ озеру Сартынъ, или Чаны. Вообще, начиная отъ Кіянска, въ южномъ направленіи, тянется цѣлый рядъ внутреннихъ озеръ, на разстояніи до тридцати нѣмецкихъ миль въ длину и до семи миль въ ширину. Когда Аткинсонъ приблизился къ этимъ озерамъ, глазамъ его представился цѣлый лѣсъ камышей и тростника, колыхавшагося во всѣ стороны вокругъ озеръ; надъ водяною ихъ поверхностью парило безчисленное множество птицъ, а на вѣтвяхъ бли

жайшихъ деревъ сидѣли орлы, сторожившіе свою добычу, и тутъ же не далеко, на покрытыхъ зеленью луговыхъ пространствахъ, гуляли степныя драхвы, до того смѣлыя и въ такомъ множествѣ, что Аткинсону удалось разомъ положить три штуки. Трава на лугахъ пестрѣла разнаго рода красивыми цвѣтками, а по водамъ плавали бѣлыя и золотожелтыя морскія лиліи.

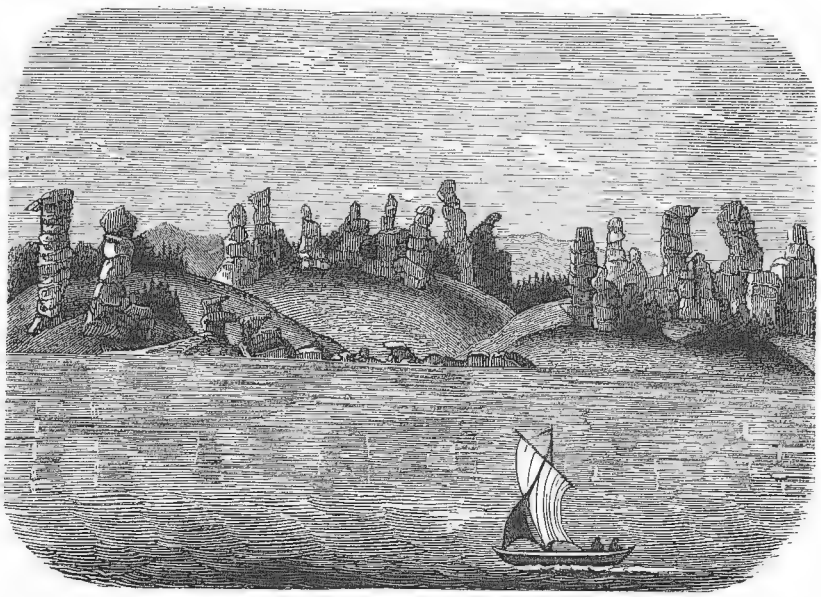
Но не долго пришлось Аткинсону ѣхать по такой идиллической мѣстности, съ веселенькими, опрятными домиками и съ полями, благословенными хорошимъ урожаемъ, красиво разбросанными рощицами, походившими скорѣе на роскошный паркъ; вскорѣ, за горькими озерами, начался самый отвратительный конецъ дороги, какую только ему приходилось проѣзжать. Въ самую темную, черную ночь, при громѣ, молніи и проливномъ дождѣ, ему пришлось проѣзжать черезъ болото, идущее на значительномъ пространствѣ; экипажъ на каждомъ шагу погружался въ тину, по самыя оси, такъ что Аткинсонъ вынужденъ былъ распорядиться такимъ образомъ, чтобы впереди лошадей, впряженныхъ собственно въ экипажъ, пристегнута была еще другая упряжка лошадей, для того, чтобы при помощи длинныхъ веревокъ пособлять вытаскивать тарантасъ изъ наиболѣе опасныхъ мѣстъ. Въ обѣ стороны направо и налѣво, лѣсъ камыша точно плавалъ въ водѣ и тинѣ, такъ что при малѣйшемъ уклоненіи въ сторону съ болотной тропинки, носившей названіе дороги, можно было опасаться потонуть въ тинѣ и вовсе погибнуть.

Не смотря однако же на всѣ означенныя трудности и опасности, Аткинсонъ выбрался наконецъ кое-какъ изъ болотъ, безъ несчастнаго случая, и опять попалъ на твердую почву. Дальше дорога опять сдѣлалась лучше. Когда же Аткинсонъ миновалъ страшную *Барабинскую степь*, страна опять начала представлять мѣстами лѣсистыя пространства, а мѣстами луговыя поля съ стадами рогатаго скота и лошадей.

Вскорѣ глазамъ нашего путешественника представилась долина Оби, шириною отъ 1 до 2 нѣмецкихъ миль, и самая рѣка, извивавшаяся, точно змѣя, со множествомъ раздѣленій въ видѣ самостоятельныхъ рукавовъ. Пространства по направленію къ городу Колывани были украшены лѣсными чащами хвойныхъ породъ, вмѣсто которыхъ по теченію рѣкъ разбросаны были группы лиственичныхъ деревъ, какъ напримѣръ тополей, осины и ракитъ, и все это было окружено хорошо обработанными полями и лугами, испещренными всѣми возможными цвѣтами. Длинные ряды тянувшихся телѣгъ, навьюченныхъ углемъ, свидѣтельствовали, что путникъ находится уже недалеко отъ рудныхъ дистриктовъ, извѣстныхъ своимъ богатствомъ. Дѣйствительно, вскорѣ затѣмъ онъ миновалъ важный мѣдиплавильный заводъ *Суксунскій*, при которомъ состоитъ также монетный дворъ для чеканки монеты. За Суксунскимъ заводомъ послѣдовалъ и Павловскій серебросный заводъ; наконецъ, совершивъ еще порядочный переѣздъ лѣсомъ по песчаной мѣстности, Аткинсонъ добрался и до столь желаннаго *Барнаула*, самаго значительнаго города въ Алтайскомъ горномъ округѣ. Въ Барнаулѣ находится мѣстопребываніе горнаго правленія, а въ высшихъ слояхъ тамошняго общества распространена довольно значительная степень образованности и наружной вѣжливости, соединенныхъ съ необыкновенною привѣтливостью и гостепріимствомъ, такъ что на заѣзжаго иностранца, не ожидавшаго встрѣтить что-либо подобное въ глуши Сибири, пріемъ, дѣлаемый ему въ Барнаулѣ, производитъ самое пріятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и поражающее впечатлѣніе. Въ Барнаулѣ Аткинсонъ наконецъ отдохнулъ отъ своей долгой и утомительной поѣздки, продолжавшейся цѣлыхъ двѣнадцать дней и столько же ночей. Вообще ему удалось тамъ не только расправить свои окоченѣвшіе члены, но и отдохнуть умственно и душевно въ обществѣ образованныхъ горныхъ офицеровъ и чиновниковъ; послѣднее чуть ли не было для него важнѣе перваго, потому что передъ тѣмъ, почти въ теченіе двухъ недѣль, онъ не ви-

далъ другаго общества кромѣ извощиковъ и ямщиковъ, говорившихъ по-русски.

Впослѣдствіи, во время вторичнаго путешествія изъ Томска въ Барнаулъ, въ обществѣ жены, путникамъ нашимъ пришлось переносить, во время переѣздовъ черезъ болотистыя мѣстности, такія страшныя страданія отъ постоянныхъ нападеній мошекъ, что жена Аткинсона, не имѣя силъ болѣе терпѣливо переносить эти страданія, стала просить мужа, чтобы онъ началъ курить, надѣясь хоть этимъ способомъ прогнать своихъ мучителей, и наконецъ, просто придя въ отчаяніе, стала молить, чтобы поднялась буря, которая бы помогла разогнать живыя тучи. Дѣйствительно судьба какъ будто услышала эту мольбу и сжалилась надъ путниками: вскорѣ поднялся сильный вѣтеръ, который разогналъ тучи насѣкомыхъ, но зато, вслѣдствіе усилившейся бури, переѣздъ черезъ Обь сдѣлался невозможенъ. Путешественники были уже недалеко отъ города, и радовались, что скоро имъ удастся хорошо поужинать и отдохнуть на порядочной постели — и вдругъ, находясь уже близехонько отъ цѣли своей поѣздки и еще среди бѣлаго дня, они вынуждены были остановиться и распрячь своихъ лошадей. Разыгралась страшная непогода. Ночь еще не наступала, какъ буря яростно завыла, полилъ страшный дождь, и провожавшій Аткинсона казакъ едва успѣлъ скрыться, вмѣстѣ съ перевозчикомъ, подъ свернутымъ парусомъ на лодкѣ, а наши путники остались коротать непріятную ночь въ экипажѣ. Даже на слѣдующій день потребовались полные три часа, чтобы благополучно переправить повозку черезъ страшно вздымавшіяся волны разъяренной рѣки.



Видъ Колыванскаго озера.

VI.

Поѣздка по Алтаю.

Барнаулъ. — Степь по берегу р. Чарыша. — Гроза. — Колыванское озеро. — Болотные орѣхи. — Змѣиногорскъ. — Риддерскъ. — Горный промыселъ въ Алтайскихъ горахъ. — Ивановскіе бѣлки. — Алтайская деревня. — Пчеловодство. — Стремительность алтайскихъ рѣкъ. — Бѣглые рабочіе въ рудникахъ. — Переправа черезъ горы. — Ночлегъ. — Алтайскіе лѣса. — Коксунскія горы. — Р. Кокса. — Нападенія мошекъ. — Спасеніе часовъ. — Холзунскія горы. — Упражненія въ живописи съ перерывами. — Непогода. — Туманъ въ горахъ. — Холзунскій проходъ. — Долина р. Бухтармы. — Зыряновскъ. — Деревни разбойниковъ.

Въ Барнаулѣ, высшія мѣстныя власти, самымъ дружественнымъ и любезнымъ образомъ, снабдили Аткинсона рекомендательными письмами къ горнымъ чиновникамъ, завѣдывавшимъ алтайскими заводами, такъ что Аткинсонъ имѣлъ полную возможность продолжать свое путешествіе безоста-

новочно. Не смотря на то, что онъ уже успѣлъ совершить значительный переѣздъ, ему непремѣнно хотѣлось воспользоваться остающимся благопріятнымъ временемъ года, чтобы посѣтить *западный Алтай* и сосѣднюю съ нимъ Джунгарскую степь, въ надеждѣ обогатить свою коллекцію рисунковъ нѣсколькими снимками живописныхъ видовъ, которыми тамошняя мѣстность, какъ ему говорили, была очень богата.

Въ началѣ дорога, ведущая къ югу отъ Барнаула, пролегала по мѣстности однообразной и кое-гдѣ покрытой такимъ глубокимъ пескомъ, что лошади только съ затрудненіемъ могли подвигаться впередъ, но далѣе пошли уже обширныя плоскости, покрытыя густымъ и частымъ лѣсомъ. Еще далѣе лѣсныя пространства совсѣмъ прекратились и затѣмъ началась степь, — та самая степь, которая, простираясь по ту сторону Иртыша, вдоль лѣваго берега этой рѣки, тянется къ Джунгаріи до озера Зайсана и по направленію къ великому озеру Балкашу.

Подобную степь, ни въ какомъ случаѣ, нельзя сравнивать ни съ африканскою пустынею, ни съ американскими преріями. Степь эта представляетъ плоскіе, далеко простирающіеся, холмы гранитнаго камня, кое-гдѣ перемежающагося съ другими каменными породами, поросшіе особеннаго свойства низкими травами, преимущественно изъ семейства полыни и чернобыльника, а кое-гдѣ злаками. Нѣкоторыя пространства однако же вовсе лишены растительности, и обнаженные камни совсѣмъ выходятъ наружу. На гребняхъ этихъ холмовъ нерѣдко попадаются обломки гранитныхъ массъ. Главное отличіе степи состоитъ въ отсутствіи древесной растительности. Только по берегамъ рѣкъ, извивающихся по нѣкоторымъ долинамъ, попадаются по опушкамъ небольшія кучки тополей и ракитъ. Кромѣ того по степи разбросано немалое число озеръ разныхъ размѣровъ, изъ коихъ большая часть изобилуетъ поваренною и горькою солью.

Съ настоящею жизнью въ степи Аткинсонъ имѣлъ случай поближе ознакомиться уже позже, теперь же онъ только

выглядывалъ возвышенные пункты Алтая — почтенныя горныя вершины, на которыя онъ намѣревался подняться. Уже нѣсколько дней сряду онъ напрасно искалъ ихъ глазами, ничего не замѣчая вдали, и вдругъ онѣ возстали надъ горизонтомъ, точно какой-нибудь посеребренный исполинскій замокъ, на половину заслоненныя грозовыми тучами, которыя быстро бѣжали навстрѣчу путешественнику, не предвѣщая ничего хорошаго. Еще не успѣлъ онъ добраться до спасительнаго пристанища на берегу рѣки Чарыша, какъ уже черныя тучи обложили весь небосклонъ и совершенно затмили дневной свѣтъ. Поднявшійся вихрь пронесся по долинѣ рѣки, ослѣпительная молнія мгновенно озарила всю окрестность, страшные раскаты грома потрясли весь воздухъ — и вдругъ въ ту самую минуту, когда трепещущій ямщикъ, боязливо крестясь, предавалъ свою душу защитѣ всѣхъ святыхъ, и даже Аткинсону немного измѣнило присутствіе духа, въ то самое мгновеніе, какъ будто по мановенію какой нибудь высшей силы, страшный клубокъ черныхъ тучъ раздѣлился, облака повернули назадъ, и ясные лучи солнца, выглянувъ опять сквозь разорванныя громовыя тучи, облили яркимъ пурпуромъ темныя массы. Сильный вѣтеръ погналъ черные клубы въ противоположную сторону, точно будто это было стадо черноруныхъ барановъ спасающихся отъ преслѣдованія кровожаднаго волка. Такимъ образомъ Алтай выслалъ тутъ навстрѣчу чуждому пришельцу вѣстника, который долженъ былъ предупредить его, что онъ приближается къ святынѣ природы, величественной и торжественной, живописно красивой, но съ тѣмъ вмѣстѣ дикой, гдѣ опасность слѣдуетъ по пятамъ странника, и гдѣ ничто еще не обуздываетъ силы элементовъ.

Привлекательную противоположность съ этими мрачными горными великанами, представляло небольшое *Колыванское озеро*, пользующееся, не смотря на свой незначительный объемъ, большою извѣстностью, которую ему доставила красота его окрестностей.

На сѣверномъ, а еще болѣе на восточномъ берегу этой водяной поверхности, имѣющей видъ почти ровнаго круга, возвышаются гранитные утесы весьма странныхъ формъ, поднимающіеся на южной сторонѣ до 700 фут. высоты. Многіе изъ нихъ представляютъ такія глубокія трещины, что на нѣкоторомъ разстояніи совершенно походятъ на развалины какого-нибудь города, преданнаго разрушенію. Тѣ изъ нихъ, которые пониже, вовсе обнажены; другіе же болѣе высокіе, увѣнчаны пихтами. Вдали, на заднемъ планѣ, видѣются надъ ними темныя, водяныя массы болѣе отдаленныхъ горъ, а изъ-за послѣднихъ выглядываютъ снѣжныя вершины Алтайскаго хребта. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по берегамъ озера, растетъ цѣлый лѣсъ камыша; самая же поверхность озера, кое-гдѣ, запружена водяными розами, а въ юго-восточной части сплошь покрыта болотными орѣшками. Жители прибрежныхъ мѣстъ, занимающіеся собираніемъ плодовъ этого растенія, зрѣющихъ на глубинѣ озера, привязываютъ для этого на конецъ длиннаго шеста кусокъ какой-нибудь матеріи, которымъ и проводятъ по дну озера. Болотные орѣшки, снабженные шипами, зацѣпляютъ послѣдними за кусокъ, и такимъ образомъ вытаскиваютъ ихъ наверхъ.

Равнымъ образомъ и цѣпи холмовъ, проходящихъ по близости Колыванскаго озера, покрыты страннаго вида гранитными утесами, совершенно истрескавшимися. Нѣкоторые изъ этихъ утесовъ сильно поразили Аткинсона своею удивительною формою, имѣвшею сходство съ исполинскою головою, въ сравненіи съ которою египетскій сфинксъ конечно показался бы малымъ дитятею. Нѣкоторые другіе утесы состоятъ изъ гранитныхъ плитъ, изъ коихъ верхнія такъ далеко выдаются впередъ, что имѣютъ видъ, какъ будто они соскользнули съ своихъ мѣстъ и въ своемъ паденіи были остановлены какою нибудь постороннею силою; столбы этихъ развалинъ бываютъ въ вышину отъ 1 — 200 футовъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ зеленѣются сосны, на другихъ же

красуются дикія розы, жимолость (Lonicera Tatarica) или робиніи.

Проѣхавъ черезъ Салаирскъ, Аткинсонъ добрался до *Змѣиногорска*, гдѣ сильный припадокъ болѣзни принудилъ его оставаться восемь дней. Къ счастью его однако же, онъ и на этотъ разъ окруженъ былъ, въ домѣ управляющаго сереброплавильнымъ заводомъ, самымъ внимательнымъ попеченіемъ и заботливостью, такъ что скоро поправился и могъ уже безъ опасенія предпринять дальнѣйшее странствованіе въ горахъ.

Изъ Змѣиногорска Аткинсонъ направился къ *Убинскому* заводу, находящемуся въ долинѣ Убы, а оттуда къ *Сокольниковскому руднику*, откуда прибылъ въ *Риддерскъ*, славящійся изобиліемъ своихъ серебряныхъ рудъ. Окрестность послѣдняго завода до того бѣдна лѣсомъ, что многія вершины совершенно обнажены. Вообще невыгодную сторону горнаго промысла въ Алтаѣ составляетъ то обстоятельство, что именно большая часть мѣстностей, изобилующихъ благородными металлами, вовсе не имѣютъ лѣса или же по крайней мѣрѣ не имѣютъ вблизи такихъ значительныхъ запасовъ топлива, какіе требуются для производства горнаго дѣла въ значительныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ и приходится болѣе значительные металлоплавильные заводы устроивать въ сѣверной части Алтая, богатой лѣсомъ, а руду перевозить туда на телѣжкахъ или на баркахъ. На баркахъ руда сплавляется преимущественно по Иртышу; что же касается перевозки руды на телѣгахъ, то при нѣкоторыхъ рудникахъ для этой цѣли содержится отъ 2 — 3,000 лошадей, и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ серебро отправляется для проплавки верстъ за семьсотъ въ сторону.

До Риддерска Аткинсонъ ѣхалъ еще въ тарантасѣ, но далѣе въ горахъ не представлялось уже ни какой возможности продолжать путешествіе въ экипажѣ; оставалось единственное средство — ѣхать верхомъ. Ближайшая цѣль его поѣздки была *Ивановскій* бѣлокъ, мощный горный узелъ алтайской си-

стемы, высоко поднимавшій къ облакамъ свою убѣленную снѣгомъ голову. Для того, чтобы не ѣхать туда одному, Аткинсонъ набралъ себѣ въ провожатые около пятнадцати молодцевъ съ самыми отчаянными физіономіями, изъ коихъ пятеро были вооружены ружьями, а прочіе имѣли топоры, такъ что поѣздъ его скорѣе походилъ на шайку разбойниковъ, нежели на спутниковъ порядочнаго джентльмена. Сверхъ того нанято было до двадцати лошадей, частью для верховой ѣзды, а частью для перевозки тяжестей и съѣстныхъ припасовъ.

Въ такомъ составѣ поѣздъ скоро достигъ селенія Проперчнаго, послѣдняго населеннаго мѣстечка по сю сторону горъ, обитаемаго только восемнадцатью семействами. Пріемъ Аткинсону съ его спутниками былъ сдѣланъ самый радушный. Войдя въ одну изъ избъ, Аткинсонъ встрѣтилъ тамъ старика, который ему показался образцомъ патріарховъ. Длинные сѣдые волосы серебристаго оттѣнка и такая же борода, ниспадая съ головы, почти покрывали всю грудь старика; бѣлый зипунъ перетянутъ былъ краснымъ поясомъ, а широкіе голубаго цвѣта шаравары заткнуты были въ сапоги, доходившіе до половины икръ. Такою же чистенькою и опрятненькою показалась ему хозяйка, повидимому, наблюдавшая такую же чистоплотность и порядокъ во всемъ домашнемъ быту. Костюмъ ея состоялъ изъ краснаго пестраго платья и бѣлаго платка, которымъ была повязана голова.

Особеннымъ деликатесомъ показался нашему англичанину поданный ему медъ. Медъ этотъ отличался необыкновенно пріятнымъ запахомъ лѣсныхъ цвѣтовъ, и ни сколько не имѣлъ непріятнаго вкуса, свойственнаго ему во многихъ другихъ странахъ. Цвѣтомъ медъ этотъ былъ совершенно бѣлый, а воскъ былъ такъ тонокъ, что его можно было очень легко ѣсть вмѣстѣ съ медомъ. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что пчеловодство въ тѣхъ мѣстностяхъ существуетъ сравнительно еще не очень давно, собственно не далѣе какъ полстолѣтія. Пчеловодство было введено тамъ полковникомъ *Аршеневскимъ*,

бывшимъ командиромъ иркутскаго драгунскаго полка. Первыя двѣ попытки этого рода не имѣли успѣха, и дѣло только тогда пошло на ладъ, когда, вмѣстѣ съ ульями, выписаны были и люди, понимавшіе какъ надлежащимъ образомъ ухаживать за этими полезными насѣкомыми. Съ того времени пчеловодство распространилось въ краѣ въ удивительныхъ размѣрахъ. Уже въ 1826 году въ одномъ Змѣиногорскомъ округѣ насчитывали до 80,000 ульевъ, а въ окрестностяхъ Бухтармнска были деревни, въ которыхъ нѣкоторые изъ крестьянъ имѣли у себя до 400 ульевъ. Въ селѣ Секисовскомъ добывалось тогда ежегодно отъ двухъ до трехъ тысячъ пудовъ меду; пудъ меду продавался отъ 7 до 8 рублей ассигнаціями, а пудъ воску стоилъ отъ 36 до 40 рублей на тогдашнія деньги. Съ тѣхъ поръ многіе пчелиные рои живутъ теперь въ дикомъ состояніи, такъ что казаки считаютъ для себя выгоднымъ дѣломъ осенью отыскивать мѣста, гдѣ роятся дикія пчелы, и отбирать у нихъ медъ. По словамъ крестьянъ, вкусный продуктъ этотъ полюбился и тамошнимъ медвѣдямъ, которые, какъ разсказываютъ, умѣютъ его выбирать очень искусно. Крестьяне увѣряютъ даже, что когда медвѣди забираются къ нимъ въ насѣку, то они сначала поднимаютъ ульи и пробуютъ ихъ тяжесть: если улей кажется имъ слишкомъ легкимъ, то они оставляютъ для будущаго времени; другіе же ульи, которые имъ кажутся достаточно тяжелыми, они бросаютъ наземь, и прежде прокатываютъ ихъ нѣсколько разъ по землѣ, для того чтобы оглушить пчелъ, а потомъ уже открываютъ ульи и очень ловко выбираютъ оттуда весь медъ.

Обитатели Проперчнаго показались Аткинсону вполнѣ довольными своею судьбою. У каждой семьи было достаточное число лошадей и коровъ; скотъ этотъ и лошади не имѣли недостатка въ кормѣ, насясь лѣтомъ на окрестныхъ лугахъ, а на зиму хозяева запасали надлежащее количество сѣна, сосѣдній лѣсъ доставлялъ имъ даровое топливо, а кому не лѣнь было поохотиться, тотъ могъ во всякое время имѣть

вдоволь дичи и рыбы. Рыбою въ особенности изобиловала рѣчка Проперть, подобно большей части другихъ алтайскихъ рѣчекъ. Въ бытность свою на Убинскомъ заводѣ, Аткинсонъ поручилъ двумъ рабочимъ наловить для себя рыбы въ рѣкѣ Убѣ, и они черезъ какіе-нибудь полчаса принесли ему отъ 60 до 70 рыбъ, вѣсомъ въ $^1/_2$ и въ $1^1/_2$ фунта каждая.

Рѣка Проперть собственно принадлежитъ къ числу незначительныхъ горныхъ потоковъ; не смотря на то однако же, она отличается необыкновенною стремительностью, подобно большей части прочихъ рѣкъ Алтая. Желая воспользоваться силою воды, для приведенія въ дѣйствіе мукомольни, сосѣдніе крестьяне запрудили было рѣку выше деревни плотиною. И дѣйствительно нѣкоторое время дѣла шли недурно; но однажды разгнѣванные горные духи нагнали одну изъ самыхъ грозныхъ громовыхъ тучъ, и низвергшаяся сверху страшная масса воды, въ нѣсколько мгновеній, превратила небольшую рѣчку въ бурный потокъ, который, сдвигая съ мѣста скалы и вырывая деревья съ корнями, разметалъ во всѣ стороны не только плотину, но и самую мельницу. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что едва ли есть другая горная страна, гдѣ бы рѣки отличались такою стремительностью, какъ въ Алтаѣ. Недалеко отъ села Проперчнаго протекаетъ рѣчка, которую окрестные крестьяне прозвали Громотухою, за производимый ею шумъ, похожій на яростные раскаты грома. О рѣкѣ *Коргонѣ* отзываются точно такимъ же образомъ. Шумъ, производимый ревомъ пѣнящихся волнъ, разбивающихся о берегъ, бываетъ такъ силенъ, что на берегу невозможно разслышать даже крики стоящихъ возлѣ лицъ; путешественники же разсказываютъ, будто и пистолетныхъ выстрѣловъ нельзя бываетъ разслышать вблизи. Безчисленные утесы сжимаютъ разливъ воды, а изъ ложа его торчитъ множество острыхъ каменьевъ. Вода, почерпнутая изъ рѣки, бываетъ совершенно чиста и прозрачна, между тѣмъ какъ въ руслѣ она имѣетъ видъ мутной пѣны. Паденіе воды въ подобныхъ рѣкахъ весьма сильно,

и попытка переправиться вбродь на лошади всегда бываетъ опаснымъ дѣломъ. Если лошадь не удержится на твердомъ грунтѣ, пиши пропало.

Не смотря на миръ и тишину, господствующіе между жителями названной нами деревеньки, благополучіе ихъ все-таки иногда омрачается въ особенности тѣмъ, что молодежь вынуждена бываетъ работать въ рудникахъ. Бывали такіе случаи, что цѣлыя толпы, состоявшія изъ 10 или 20 человѣкъ, уходили и спасались бѣгствомъ въ трудно доступныя горныя ущелья и трущебы, гдѣ имъ однако же были извѣстны всѣ выходы и проходы. Снискивая себѣ существованіе первоначально подаяніями родныхъ и тѣмъ, что добывали изъ сосѣднихъ деревень, они мало-по-малу становились смѣлѣе, и наконецъ доходили до того, что, соединившись подъ начальствомъ какого-нибудь смѣльчака, нападали на проѣзжихъ и на селенія, даже грабили казенные запасы. Наконецъ, правительство вынуждено бывало высылать противъ нихъ отряды войскъ, которые, загородивъ всѣ выходы, и отрѣзавъ всякое сообщеніе, морили ихъ голодомъ или же оружіемъ принуждали къ сдачѣ.

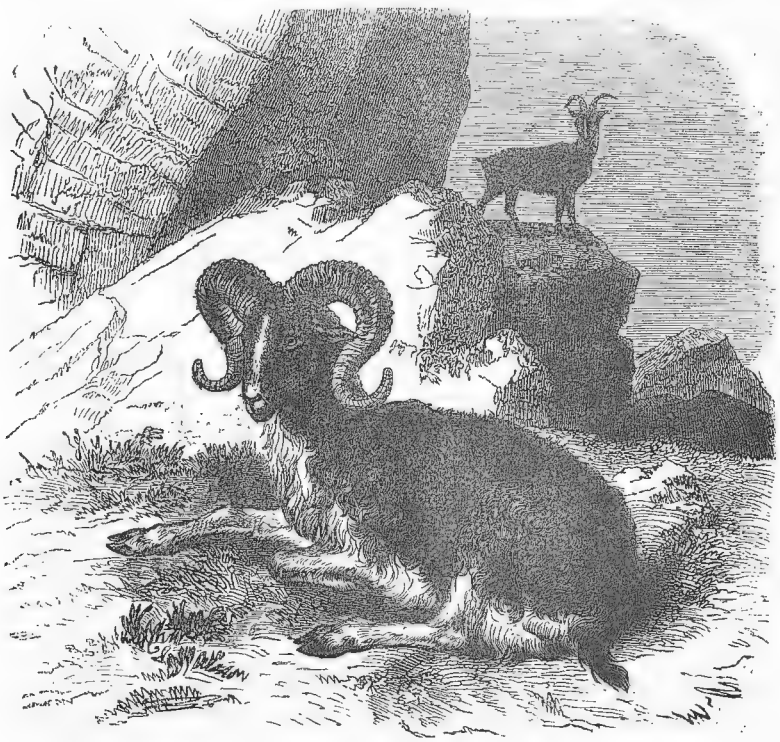
Сынъ того старика, у котораго остановился Аткинсонъ, вызвался быть его провожатымъ, и сопровождавшее нашего путешественника общество двинулось съ весельемъ и съ пѣснями на горы, хотя предпріятіе и обѣщало немало трудностей и опасностей. Перевалы черезъ горныя цѣпи Алтая представляютъ очень много трудностей. Многія мѣстности принадлежатъ къ тѣмъ, куда человѣкъ, можетъ быть, никогда не заходилъ. Тамъ и до сихъ поръ еще безпрепятственно разгуливаетъ дикая горная овца, аргали, вмѣстѣ съ сибирскимъ каменнымъ бараномъ, оленемъ и серною, которая у сибирскихъ туземцевъ извѣстна подъ названіемъ дикой козы.

Въ лѣтнее время тамъ гнѣздятся волки, медвѣди и россомахи. Соболи подкарауливаютъ въ лѣсахъ черныхъ и бѣлыхъ бѣлокъ, а горныя поляны оживляются присутствіемъ

куропатокъ и перепеловъ. Существующія тамъ русскія поселенія, по большей части, основаны весьма недавно. Обитатели этихъ селеній преимущественно заняты выполненіемъ работъ въ ближайшей окрестности, такъ что даже и тѣ изъ нихъ, которые любятъ охотиться въ горахъ, вынуждены бываютъ обыкновенно ограничиваться ближайшимъ сосѣдствомъ. Разумѣется, о странствованіяхъ съ цѣлью ознакомленія съ страною они вовсе и не помышляютъ. Даже калмыки, предпочитающіе для своихъ стадъ нѣсколько горныхъ долинъ, выбираютъ каждый годъ одни и тѣ же опредѣленныя мѣста, поднимаясь лѣтомъ на горы, а при наступленіи зимы возвращаясь опять въ долины, къ своимъ всегдашнимъ юртамъ. Такимъ образомъ они постоянно слѣдуютъ по тѣмъ же самымъ дорогамъ, по которымъ ходили ихъ предки.

Поэтому, настоящихъ торныхъ путей въ отдаленныхъ и притомъ болѣе возвышенныхъ частяхъ горъ вовсе не существуетъ. Караваны путниковъ обыкновенно пролагаютъ себѣ дорогу, въ избранномъ направленіи, наугадъ, стараясь первоначально слѣдовать вверхъ по долинамъ рѣкъ. Когда же береговые утесы сходятся уже слишкомъ близко къ водѣ, тогда путники переправляются черезъ пѣнящуюся влагу или переплываютъ ее верхомъ. Потомъ шествіе такимъ же путемъ продолжается далѣе, пока опять какое-нибудь препятствіе не принудитъ каравана возвратиться на прежній берегъ. Но когда, наконецъ, обѣ стѣны, образующія долину, станутъ подходить слишкомъ тѣсно одна къ другой, такъ что рѣка, пріобрѣтая все болѣе силы, начинаетъ съ яростью и силою пробивать себѣ дорогу впередъ, тогда каравану ничего другаго не остается дѣлать, какъ стараться взобраться на высоту, чтобы продолжить путь по окраинѣ долины. Въ подобныхъ случаяхъ, приходится пробираться по окраинѣ утесовъ, нерѣдко имѣющей въ ширину отъ 3 до 4 фут., и то поднимающейся, то спускающейся ступенями. По одну сторону всадника часто проходитъ совершенно перпендику-

лярно стѣна, вышиною футовъ во сто, тогда какъ съ другой стороны глазамъ его представляется пѣнящійся потокъ,



Аргали, дикая горная овца.

на глубинѣ тысячи и болѣе футовъ. Счастіе еще путниковъ, что лошади въ окрестныхъ деревняхъ привычны къ такимъ горнымъ тропинкамъ. Въ мѣстахъ опасныхъ онѣ обыкновенно съ особенною осторожностью ступаютъ копытомъ на зыбкій булыжникъ, и пробуютъ его прочность, прежде чѣмъ поставятъ ногу. Только вьючныя лошади подвергаются иногда большой опасности, легко пугаясь, если лежащій на бокахъ ихъ вьюкъ ударяется въ скалы.

Мѣстами, путешественникамъ приводится пробираться даже по совершенно дикимъ тропинамъ, проложеннымъ въ

теченіе столѣтій оленями и сернами. Впрочемъ, эти горныя тропины приносятъ гибель даже и дикимъ животнымъ, особенно зимою, когда онѣ покрываются льдомъ, и когда ихъ заноситъ снѣгомъ. Разсказываютъ, что однажды партіи калмыковъ случилось замѣтить, зимою, на берегу рѣки, подъ обрывомъ, торчащіе изъ снѣга рога серны; когда одинъ смѣльчакъ по замерзшей рѣкѣ приблизился къ этому мѣсту, чтобы разсмотрѣть, въ чемъ дѣло, то увидѣлъ тринадцать убившихся сернъ, лежащихъ одна подъ другою.

Дорога, по которой слѣдовали спутники Аткинсона, была вначалѣ довольно сноснаго качества, поднимаясь вверхъ по долинѣ рѣки Проперти. Вообще, всѣ горные кряжи Алтая отличаются тѣмъ, что на сѣверной сторонѣ имѣютъ мягкіе склоны, поросшіе лѣсомъ, а на южной — крутые обрывы, вовсе лишенные древесной растительности. То же самое свойство обнаруживается и въ горныхъ странахъ, пересѣкающихъ степи, которыя окружаютъ Алтай. Къ вечеру нашлось красивое мѣстечко, годное для ночлега. Небольшой ручей доставилъ вкусную воду для чая; кругомъ было много сочной травы, такъ что провожатые Аткинсона, напоивъ своихъ лошадей изъ ручья, стреножили ихъ и пустили пастись на траву. Нѣсколько величественныхъ лиственицъ (Larix Sibirica) замѣнили утомленнымъ путникамъ палатки, а войлокъ и бывшіе у нѣкоторыхъ изъ нихъ полушубки — постели и одѣяла. Изъ лежавшаго во множествѣ кругомъ валежника набранъ былъ костеръ, и вскорѣ разгорѣвшійся огонь освѣтилъ живописную ночную картину. Кругомъ покоились въ глубочайшей тиши верхушки лѣса и скалъ, освѣщаемыя серебристымъ луннымъ свѣтомъ; у деревъ стояли прислоненныя къ нимъ ружья, и сибиряки спокойно пѣли свои пѣсни. То была дико-романтическая сцена, представлявшая какъ бы роздыхъ шайки разбойниковъ, которые послѣ удачнаго дѣла заняты дѣлежемъ добычи. Для защиты себя отъ ужасныхъ мошекъ, тамошніе туземцы имѣютъ обыкновеніе надѣвать на лицо маски изъ лошадиныхъ во-

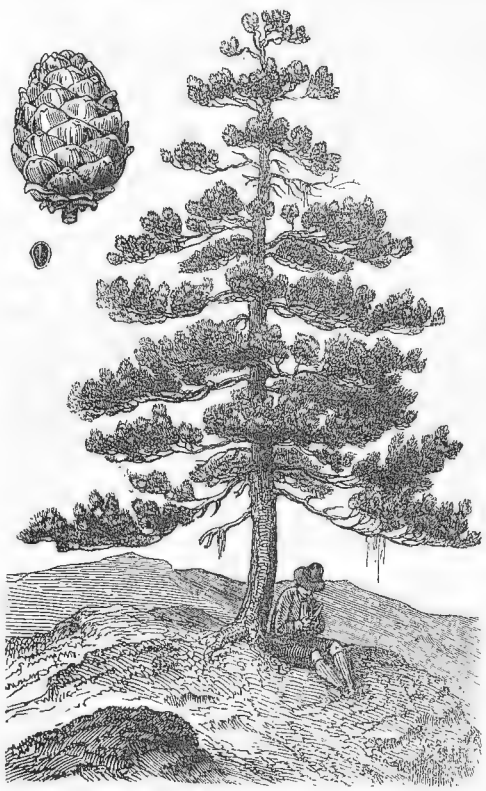
лосъ, потому что эти мелкія кровожадныя животныя преимущественно выбираютъ края глазныхъ вѣкъ, гдѣ они съ яростью впиваются въ кожу.

Ночь была холодная; вся трава покрылась густымъ инеемъ, и утренняя свѣжесть заставила спутниковъ подняться довольно рано.

На слѣдующій день дорога была несравненно затруднительнѣе. Отлогіе склоны горы были болотисты и совершенно покрыты высокимъ лѣсомъ. Аткинсону попадались кедры такихъ огромныхъ размѣровъ, что въ сравненіи съ ними всѣ прочія деревья Урала казались ему карликами. Въ особенности преобладала тамъ порода Pinus cembra, которая составляла мѣстами сплошной лѣсъ. Сосна, преобладающая у подножія горъ, въ высшихъ регіонахъ уже исчезала, а вмѣсто нея встрѣчались пихтовые лѣса (Abies excelsa), рядомъ съ которыми расла особая порода сибирской пихты (Pinus Sibirica). На высотѣ 4 или 5,000 фут., послѣдняя порода становится даже преобладающею. Высшій предѣлъ для древесной растительности на Алтаѣ измѣняется, сообразно породѣ лѣса, между 6,000 и 6,500 фут. надъ поверхностью моря.

Грунтъ подъ тамошними лѣсами, по большей части, состоитъ изъ отвратительнаго болота, мѣстами заваленнаго обломками скалъ и изломанными деревьями. Большая часть тамошнихъ хвойныхъ породъ не имѣютъ глубоко проникающихъ въ землю корней: корни ихъ образуютъ вѣнецъ плосколежащихъ развѣтвленій. Эта особенность представляетъ имъ возможность крѣпко держаться даже на твердой каменистой почвѣ; иногда бываетъ и такъ, что стволъ держится на корняхъ, которые немного вышли изъ земли. Но зато, если сильная буря сорветъ верхушки, то и самыя деревья падаютъ тѣмъ легче, образуя естественную преграду, черезъ которую путники перебираются съ большимъ трудомъ. Сгнившіе стволы на каждомъ шагу обламываются подъ копытами, и дѣло рѣдко обходится безъ бѣды, если

нога лошади застрянетъ между обломкомъ скалы и вѣтвями дерева. Случается, что лошади вязнутъ въ болотѣ по самое брюхо, — тогда всаднику приходится приподнимать свои ноги на сѣдло; въ другихъ мѣстахъ лошадь вынуждена бываетъ перескакивать черезъ свалившееся дерево, такъ что всадникъ долженъ волей-неволей упражняться въ высшихъ пріемахъ верховой ѣзды.



Кедръ (сверху налѣво, кедровая шишка съ орѣхомъ).

Достойно замѣчанія, что если тамошніе лѣса отличаются густотою, зато почва лѣсовъ совсѣмъ обнажена, и трава не растетъ на ней вовсе. Въ особенности замѣчается это въ пихтовыхъ лѣсахъ. Зато въ тѣхъ лѣсахъ, которые менѣе густы, трава растетъ такая роскошная и высокая, что достигаетъ головы всадника. Преобладающія породы травъ суть: лютикъ, вонючка (Cimicifuga foetida), желтуха (Senecio Saracenicus) и недоспѣлка (Cacalia hastata). Между ними красуются великолѣпные цвѣтки чудесно розовыхъ пеоній (Poeonia hybrida), сочевицы (Orobus luteus) и голубой троецвѣтки (Polemonium coeruleum).

Но удивительно то, что въ западномъ Алтаѣ вовсе нѣтъ

лиственыхъ лѣсовъ. Въ лѣсахъ западнаго Алтая путешественникъ не увидитъ ни дуба, ни бука, ни вяза, ни даже липы, и только по берегамъ степныхъ рѣчекъ попадаются березы, осины, сибирскіе бальзамовые тополи (Populeus laurifolia) и ивы. Нѣкоторые виды этой послѣдней породы, вмѣстѣ съ березами, попадаются на вершинѣ горъ, выше даже хвойныхъ лѣсовъ, но уже въ видѣ кустарника.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ самаго затруднительнаго подъема на гору черезъ густой лѣсъ, общество, наконецъ, взобралось на вершину гребня. Глазамъ путниковъ, вышедшихъ, наконецъ, на твердую почву, представился великолѣпный видъ на долину рѣки *Коксы*. Пройденная цѣпь горъ составляла отрасль *Коксунскаго снѣговаго хребта*, подымающагося до 7,000 фут. высоты. По ту сторону Коксы возвышались новыя горныя цѣпи, и наконецъ горизонтъ замыкали вершины *Хаиръ-Кумына*.

Наконецъ дорога начала понижаться, и путники достигли до истоковъ Коксы, небольшаго озера, которое, повидимому, въ прежнее время, когда рѣка не успѣла еще проложить себѣ пути черезъ расщелину горъ, имѣло довольно значительные размѣры. Взоръ Аткинсона пораженъ былъ видомъ цѣлыхъ утесовъ изъ яшмы и порфира; въ другомъ мѣстѣ утесы эти обогатили бы цѣлую страну, и послужили бы великолѣпнымъ матеріяломъ для произведеній художества, а въ отдаленной пустынѣ они пропадаютъ безъ пользы.

Въ долинѣ попались Аткинсону жерди зимнихъ юртъ нѣкоторыхъ калмыцкихъ родовъ. Покрывавшая ихъ первоначально березовая кора вывѣтрилась, а обитатели удалились весною съ своими ордами въ болѣе отдаленныя долины, гдѣ мошки не могли ихъ безпокоить. Точно тѣхъ же обыкновеній держатся и дикія животныя. Только когда на вершинахъ выпадаетъ глубокій снѣгъ, а стужа становится очень чувствительною, только тогда олени, медвѣди и калмыки спускаются въ долины и ищутъ себѣ защищенныхъ мѣстностей, гдѣ и зимою не бываетъ недостатка въ злакахъ и

въ травѣ. Въ продолженіе долговременныхъ зимъ, глубокій снѣгъ часто вовсе отрѣзываетъ зимнія стоянки этихъ кочевниковъ отъ сообщенія съ прочими людьми.

Спутники Аткинсона остановились на ночлегъ тоже въ сосѣдствѣ съ юртами; хотя во время ночлега опять появился иней, но зато это же самое обстоятельство могло вмѣстѣ съ тѣмъ служить пріятнымъ утѣшеніемъ, что несноснымъ мошкамъ скоро долженъ быть конецъ. На слѣдующій день мошки появлялись только на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ грѣло солнце.

Пока караванъ слѣдовалъ по избранному направленію, медленно подвигаясь впередъ, Аткинсонъ взялъ съ собою двухъ провожатыхъ и направился въ долину рѣки *Аракыма* и къ горному кряжу, отдѣляемому этимъ горнымъ потокомъ отъ Карачуя. Въ замкнутой такимъ образомъ мѣстности преобладаютъ сосны, лиственицы и березы, и взоръ путника можетъ съ удовольствіемъ слѣдить за веселыми играми черныхъ бѣлокъ, гоняющихся другъ за другомъ, съ одного берега на другой. Далѣе, долина, суживаясь постепенно, переходитъ въ узкое ущелье, черезъ которое съ яростью и ревомъ прорывается потокъ. Переваливъ черезъ гребень, Аткинсонъ увидѣлъ удивительно живописные пункты, которые такъ и просились на бумагу. Употребивъ нѣсколько часовъ на срисовыванье этихъ видовъ, Аткинсонъ направилъ свою лошадь назадъ, вдоль ужасно глубокаго обрыва, по самому его краю. Въ это самое время одинъ изъ его спутниковъ обратился къ нему съ вопросомъ о томъ, который часъ? но едва только Аткинсонъ вынулъ часы изъ кармана, какъ они у него выскользнули изъ рукъ и покатились въ пропасть. Часы эти для него имѣли особенную цѣнность, какъ подарокъ одного дорогаго друга. Но, къ радостному удивленію своему, онъ тотчасъ же убѣдился, что цѣпочка часовъ зацѣпила за маленькую вѣтку, торчащую изъ скалы. Нисколько не потерпѣвъ поврежденія, часы повисли, качаясь надъ зіяющею пропастью и яростнымъ потокомъ. Ни мало не

колеблясь, Аткинсонъ принялъ свое рѣшеніе. Приказавъ связать вмѣстѣ концами три длинные ремня, которыми обыкновенно стреноживаютъ лошадей, онъ крѣпко обмоталъ одинъ изъ концовъ около своего туловища, и велѣлъ спустить себя внизъ, держа за другой конецъ ремня. Съ ужасомъ посмотрѣли на него проводники, но повиновались. Такимъ образомъ, при помощи ремня, Аткинсонъ былъ спущенъ до того мѣста, гдѣ висѣли часы, и тѣмъ же способомъ благополучно былъ вытащенъ назадъ съ своею драгоцѣнною добычею. Внизу, въ долинѣ, Аткинсонъ нагналъ прочихъ своихъ путниковъ, которые успѣли уже расположиться отдыхать и, разведя огонь, принялись согрѣвать себя благодѣтельнымъ чаемъ. Ночью выпалъ опять сильный иней.

Поднявшись на другое утро, Аткинсонъ отправился съ своими спутниками умываться водою изъ огромнаго гранитнаго обломка, около 10 фут. въ поперечникѣ. Вода, скопившаяся въ этомъ удивительномъ умывальникѣ, была холодна, какъ ледъ. Поднимаясь затѣмъ въ гору, мимо того самаго ущелья, которое могло сдѣлаться для него роковымъ, Аткинсонъ повсюду встрѣчалъ, чѣмъ выше, тѣмъ болѣе живописныя сцены: утесы всѣхъ возможныхъ величинъ, цвѣтовъ и формъ, то возвышались наподобіе старыхъ развалинъ замковъ или древнихъ зданій, то представляли головы великановъ или иныхъ фантастическихъ фигуръ. Продолжая путь далѣе, онъ встрѣчалъ то небольшое горное озеро въ глубокой котловинѣ, то красивыя поляны, испещренныя низкою травою, въ перемежку съ кустиками полыни и раздробленными каменьями. Заслышавъ неподалеку, въ сосѣдней долинѣ, журчаніе потока, Аткинсонъ направилъ туда своего коня. Трудъ его не былъ потерянъ: глазамъ его представился красивенькій водопадъ, низвергавшійся тремя уступами съ вышины 60 футовъ, причемъ съ нижняго уступа вода разсыпалась въ видѣ очаровательнаго газоваго покрова.

Далѣе Аткинсонъ сталъ подниматься уже къ вершинамъ

Холзунскихъ горъ. Когда миновали границу древесной растительности, началась область альпійскихъ ковровъ, покрытыхъ цвѣтами. Земля была устлана низкими стелющимися растеніями, можжевеловымъ кустарникомъ, березнякомъ, мелкимъ ракитникомъ и одноцвѣтнымъ кизильникомъ (Mespilus uniflorus); рядомъ съ ними красовалось бѣлоснѣжное растеніе, извѣстное у Палласа подъ названіемъ устели-камень (Dryas octopetala), разные виды звѣробоя (Gentiana algida, nutans, rotata), Biebersteinia odora, куреслепъ (Cerastium pauciflorum), барская спѣсь (Lychnis uniflora tristis), разные виды бодана или разрывъ-травы (Saxifraga cernua, glandulosa, quadrifidum), пятипаловникъ (Potentilla grandiflora, nivea), желтый альпійскій макъ (Papaver nudicaule), нарывная трава (Ranunculus isopyroides), альпійскіе василиски (Thalictrum alpinum), быльникъ (Draba carnosula, hydrophila, lactea), головастикъ (Corydalis pauciflora), отличающійся своимъ шафраннымъ цвѣтомъ молочай (Hieracium crocertum), пурпурный первоснѣжникъ (Primula, Pallasii), черная трава (cypripedriem guttatum) съ желтенькими цвѣточками, усѣянными красными крапинками, колокольчики (Aquilegia glandulosa), анемоніи съ цвѣточками наподобіе нарцисовъ, и множество другихъ красивыхъ растеній; сверхъ того, много разныхъ альпійскихъ злаковъ.

До этихъ альпійскихъ луговыхъ полянъ была еще возможность добраться верхомъ на лошади, но далѣе необходимо было слѣдовать вдоль горнаго гребня, ибо къ югу изъ всей цѣпи Холзунскихъ горъ велъ только одинъ безопасный проходъ, и этотъ находился въ разстояніи болѣе одной мили Въ прочихъ же мѣстахъ горы понижались такъ круто, что нерѣдко утесы образовали совершенно отвѣсныя стѣны. По самому гребню горъ, вдоль всего его протяженія, тянулась странаго рода стѣна изъ гранитныхъ утесовъ. Подобно ряду столбовъ, возвышались со всѣхъ сторонъ разорванныя массы камней самыхъ разнообразныхъ размѣровъ и величины, часто представлявшія поразительныя формы.

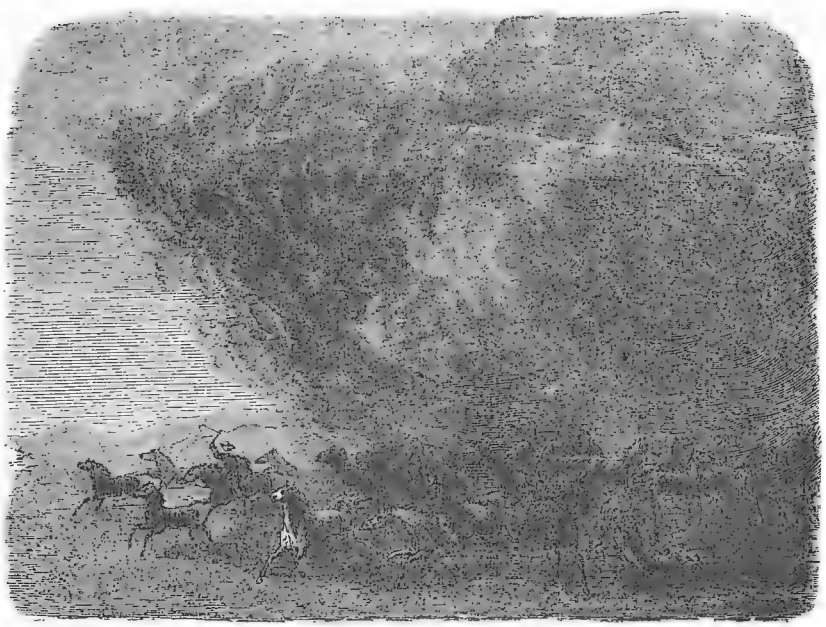
Увлеченный несравненною оригинальностью раскрывшейся передъ нимъ картины, Аткинсонъ рѣшился срисовать нѣкоторые изъ наиболѣе понравившихся ему видовъ. Оставивъ при себѣ, изъ числа сопровождавшей его толпы, только двухъ проводниковъ, онъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ прочіе отправились впередъ и остановились обождать его въ Холзунскомъ проходѣ. Какъ истинный сынъ искусства, Аткинсонъ вскорѣ до того углубился въ свое занятіе, что совершенно позабылъ о положеніи, въ которомъ находился. На переднемъ планѣ, вокругъ него, разбросаны были растрескавшіеся утесы, а далѣе возвышались почти сплошныя массы горъ, поднимаясь одна надъ другою, изъ коихъ нѣкоторыя увѣнчаны были снѣжными вершинами, сливавшимися съ туманнымъ горизонтомъ въ одно цѣлое. Между тѣмъ проносившіяся мимо облака покрывали густою тѣнью нѣкоторыя части разстилавшагося передъ нимъ ландшафта, оставляя все прочее освѣщеннымъ яркими лучами солнца. Наконецъ, часа черезъ два, Аткинсонъ былъ выведенъ изъ забытья восклицаніями своихъ проводниковъ: „Баринъ, гроза приближается!“ кричали они ему. Оглянувшись, Аткинсонъ увидѣлъ, что надъ ними со всѣхъ сторонъ повисли грозныя тучи, закрывшія собою даже вершины горъ. Нельзя было медлить ни минуты: вскочивъ на лошадь, Аткинсонъ помчался съ своими проводниками во всю быстроту конскаго бѣга, по зеленому ковру, покрывавшему гребень горы, къ отдаленному проходу, который одинъ могъ обѣщать хоть какую-нибудь защиту. Не смотря однако же на быстроту коней, которые, казалось, чуяли грозившую опасность, — буря нагоняла путниковъ еще быстрѣе. На этой бѣшеной скачкѣ, Аткинсонъ замѣтилъ въ сторонѣ группу скалъ, напомнившую ему знаменитые утесы его родины, образующіе природные навѣсы, — но такъ какъ время было неудобно для остановокъ, то Аткинсонъ положилъ осмотрѣть это мѣсто на слѣдующій день.

Вскорѣ всадники услышали за собою страшный свистъ

и вой; оглянувшись, они увидѣли, какъ яростный вихрь, съ ревомъ вырываясь изъ ущелій, швырялъ почти подъ самыя облака цѣлыя массы изломанныхъ вѣтвей сосенъ и лиственицъ. Наконецъ, разыгравшаяся непогода разразилась проливнымъ дождемъ и крупнымъ градомъ. Страшно ослѣпительная молнія ударила возлѣ самыхъ всадниковъ, такъ что огненный потокъ, казалось, хотѣлъ ихъ потопить. Непосредственно за этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ ударовъ грома, потрясшихъ всю окрестность. Въ такой крайности всадники замѣтили въ сторонѣ углубленіе, которое они признали за давно ожидаемый проходъ, и повернули туда. Проскакавъ нѣсколько шаговъ, они примѣтили мѣстечко, гдѣ нависшія скалы и деревья представляли достаточную защиту противъ злобы разъяренныхъ элементовъ, которые съ визгомъ и ревомъ продолжали свою адскую игру надъ ихъ головами. Пріютившись въ этомъ мѣстечкѣ, всадники набожно перекрестились, и черезъ нѣсколько минутъ все кругомъ покрылось градомъ, точно какъ будто совершился мгновенный переходъ отъ лѣта къ зимѣ.

Что касается бурь, то слѣдуетъ замѣтить, что степныя бури составляютъ одно изъ величайшихъ, можетъ быть, даже самое величайшее бѣдствіе тамошнихъ жителей и всѣхъ сосѣднихъ мѣстностей. Въ нихъ между прочимъ кроется, кажется, причина того, что обширныя плоскости нагорной Азіи и граничащіе съ ними скаты горъ лишены лѣсной растительности. Впрочемъ, номады не столько опасаются бывающихъ зимою снѣжныхъ вихрей или пургъ, сколько лѣтнихъ бурановъ, которые, въ жаркое время года, проносясь надъ песчаными равнинами, вздымаютъ цѣлыя облака песку, степныхъ растеній и пыли, и, наводя паническій страхъ на стада животныхъ, разгоняютъ ихъ во всѣ стороны, до того, что нерѣдко бѣдныя твари отъ изнеможенія падаютъ мертвыми. Опытные пастухи внимательно наблюдаютъ за приближеніемъ этихъ бурь; едва только пастухъ издали замѣтитъ вѣтряное облако, какъ тотчасъ же спѣшитъ отогнать свое

стадо или табунъ въ сторону, стараясь, по возможности, уклониться отъ главнаго напора бури. Лучшими убѣжищами при подобныхъ случаяхъ, обыкновенно, служатъ углубленія долинъ.



Степной буранъ.

Не прошло еще часа, какъ разыгравшаяся буря, отъ которой Аткинсонъ долженъ былъ искать спасенья, утихла и сцена перемѣнилась. Только издали слышны были еще раскаты грома, но уже солнце опять выглянуло привѣтливо изъ-за тучъ, и Аткинсонъ сталъ помышлять о продолженіи пути. Воображая, что онъ находится въ Холзунскомъ проходѣ, Аткинсонъ тронулся вдоль по долинѣ, но не успѣлъ сдѣлать и ста шаговъ, какъ вынужденъ былъ остановиться на краю обрывистой горной стѣны, которая совершенно отвѣсно спускалась внизъ, а рядомъ шумѣлъ низвергающійся въ глубину водопадъ, пѣна отъ котораго высоко разлеталась во всѣ

стороны. Аткинсонъ повернулъ назадъ и вскорѣ встрѣтилъ одного изъ своихъ спутниковъ, который посланъ былъ, чтобы отыскать заблудившихся, и привести къ Холзунскому проходу, лежавшему немного въ сторонѣ. Нашимъ путешественникамъ пришлось провести тамъ несовсѣмъ пріятный ночлегъ; ночью было довольно свѣжо, и на утро у всѣхъ зубы стучали отъ холода. Не смотря однако же на это, Аткинсонъ, въ надеждѣ на хорошій день, все-таки рѣшился посѣтить группу скалъ, напомнившую ему его родные стонегенге. Наказавъ провожавшимъ его людямъ не спѣшить, двигаясь впередъ Холзунскимъ проходомъ, съ тѣмъ, чтобы часа черезъ три или четыре вовсе остановиться на ночлегъ, Аткинсонъ самъ съ двумя провожатыми повернулъ сквозь густой туманъ къ возвышенному горному гребню, довѣряясь вполнѣ только своему компасу. Сначала всадникамъ пришлось пробираться низкимъ, совершенно заросшимъ лѣсомъ, причемъ тяжелыя капли росы, покрывавшей деревья, очень скоро измочили путешественниковъ до того, что ихъ начало трясти точно въ лихорадкѣ. Между тѣмъ, туманъ все еще не прояснялся, и Аткинсонъ съ спутниками продолжалъ блуждать по горамъ, не находя утесовъ, которые ему непремѣнно хотѣлось срисовать. Относительно тумановъ, повторяющихся нерѣдко въ Холзунскихъ горахъ, слѣдуетъ замѣтить, что они иногда бываютъ совершенно непроницаемы. Достовѣрный путешественникъ и натуралистъ Ледебуръ разсказываетъ, что однажды ему случилось быть окруженнымъ въ этихъ горахъ такимъ густымъ туманомъ, что когда его служитель держалъ передъ нимъ барометръ, то онъ могъ видѣть только его руки.

Наконецъ, густыя массы туманныхъ облаковъ, застилавшія горизонтъ, стали рѣдѣть, и путешественники съ ужасомъ увидѣли, что они уже нѣсколько времени находились на самомъ краю обрыва, имѣющаго нѣсколько сотъ футовъ вышины. Если бы лошади поскользнулись или сдѣлали одинъ невѣрный шагъ, то они полетѣли бы неминуемо въ про-

пасть, гдѣ ожидала ихъ неизбѣжная смерть. Вскорѣ, къ великому своему удовольствію, путешественники замѣтили утесы, которыхъ такъ долго искали, и Аткинсонъ, усѣвшись на солнцѣ, чтобы посушить свое насквозь промокшее платье, принялся срисовывать эти утесы.

Самый очаровательный видъ на окружность, открывшійся глазамъ нашего художника, служилъ наградою за претерпѣнныя имъ бѣдствія и ужасы. На юго-востокѣ величавая *Бѣлуха* гордо возвышала свою двурогую вершину, ярко ослѣпительной бѣлизны отъ покрывающаго ее снѣга; нѣсколько другихъ горныхъ цѣпей пониже окружали ее, какъ дѣти своего сѣдовласаго дѣда, представляя въ свидѣтельство своего высокаго происхожденія множество снѣжныхъ пятенъ. А возлѣ разстилалось цѣлое озеро горныхъ вершинъ и кряжей, раздѣленныхъ между собою зіяющими ущельями и черными долинами, изрытыми яростно пѣнящимися протоками. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ скрывались запасы благородныхъ металловъ. Горы, которыя находились ближе, представляли самые разнообразные оттѣнки бураго, сѣраго и зеленаго цвѣта. Многія изъ нихъ представляли формы заостренныхъ гребней, другія имѣли видъ гигантскихъ головъ, покрытыхъ темнаго цвѣта карликовыми кедрами; прочія же казались совершенно пурпуровыми отъ покрывавшихъ ихъ альпійскихъ скороспѣлокъ.

Окончивъ свой эскизъ, нашъ художникъ опять вскочилъ на лошадь и повернулъ назадъ къ Холзунскому проходу. Достигнувъ того мѣста, гдѣ проведена была предыдущая ночь, Аткинсонъ, съ находившимися при немъ проводниками, повернулъ въ ту сторону, куда направились слѣды опередившихъ ихъ товарищей. Однако же начинало уже смеркаться, а спутниковъ Аткинсона еще не было видно, и когда, наконецъ, онъ достигъ широкаго, сердитаго, горнаго потока, на берегахъ котораго видны были явные слѣды переправившихся въ томъ самомъ мѣстѣ, незадолго передъ тѣмъ, всадниковъ, то уже стемнѣло до такой степени, что не пред-

ставлялось никакой возможности, не рискуя жизнью, переправиться черезъ потокъ. Видя, что ничего не остается дѣлать, какъ покориться обстоятельствамъ, Аткинсонъ рѣшилъ отложить переправу на ту сторону рѣки до утра, и расположился на ночлегъ въ лѣсу. Правда, ночлегъ этотъ былъ для него весьма непріятенъ, потому что небольшой запасъ съѣстныхъ припасовъ, захваченныхъ утромъ его проводниками, весь уже вышелъ, а драгоцѣнный чайникъ спрятанъ былъ вмѣстѣ съ прочими вещами во вьюкѣ, оставшемся у опередившихъ его спутниковъ. Итакъ, чтобы какъ нибудь помочь горю, Аткинсонъ велѣлъ развести огонь, чтобы немного отогрѣться, и сталъ утѣшать свой желудокъ надеждою на будущія лучшія времена, завидуя въ тиши своимъ лошадямъ, щипавшимъ подлѣ нихъ великолѣпную, сочную траву. Послѣ кратковременнаго отдыха, Аткинсонъ поднялся совершенно голодный и трясясь всѣми членами отъ холода; притомъ, къ немалому своему удивленію, онъ увидѣлъ, что незадолго передъ тѣмъ выпавшій снѣгъ покрылъ всю окрестность. Обождавъ немного, пока совсѣмъ разсвѣло, онъ благополучно переправился черезъ рѣку и вскорѣ затѣмъ нагналъ своихъ спутниковъ. За освѣжительнымъ завтракомъ Аткинсонъ и бывшіе съ нимъ провожатые постарались вознаградить себя за лишенія, испытанныя ими наканунѣ.

Чѣмъ далѣе по долинѣ подвигались путешественники, тѣмъ привлекательнѣе становилась мѣстность. Кромѣ хвойнаго лѣса, стали попадаться березы и тополи, а мѣстами рябина и черемуха; изъ мелколѣсья встрѣчались кустарникъ боярышника (Crataegus sanguinea), калина (Viburnum opulus), карликовая акація (Robinia pygmæa), черная и красная смородина, жимолость (Lonicera tatarica и Pallasii), дикій перецъ (Daphne altaica), а кое-гдѣ даже мелкія миндальныя деревья (Amygdalus nana). Изъ долины рѣки Хаиръ Кумыка, по которой онъ слѣдовалъ сначала, Аткинсонъ вскорѣ перешелъ въ долину *Бухтармы*. Послѣдняя рѣка, при значительной ширинѣ, отличается глубиною и быстротою; по-

этому наши путешественники были весьма довольны тѣмъ, что имъ удалось найти тамъ двѣ лодки, сдѣланныя, правда, весьма грубо, просто на-просто изъ выдолбленныхъ деревъ. Въ Сибири для этого обыкновенно употребляются стволы сибирской душистой осокори (Populus laurifolia); для этого, пока дерево еще сыро, его растягиваютъ поперечными распорками, которыя вставляются въ середину.

Совершивъ трудный переходъ черезъ голую, непривлекательную степь, а потомъ по обширнымъ болотамъ, Аткинсонъ, уже при наступленіи ночи, прибылъ съ своимъ караваномъ къ горному заводу Зыряновскому, и при вступленіи въ заводъ встрѣченъ былъ такою массою свирѣпыхъ собакъ, что только съ большими усиліями избавился отъ грозившей ему опасности быть ими растерзаннымъ. Впрочемъ, управляющій заводомъ велѣлъ отвести ему помѣщеніе, и позаботился, чтобы ему доставили все необходимое.

Зыряновскій рудникъ былъ открытъ въ 1791 году слесарныхъ дѣлъ подмастерьемъ Зыряновымъ, отъ котораго и получилъ свое названіе. Рудникъ этотъ, въ теченіе нѣкотораго времени, считался богатѣйшимъ въ Алтаѣ, а добываемая въ немъ серебряная руда, сверхъ того, содержитъ иногда немного золота и довольно много свинца. Къ сожалѣнію, мѣстность, окружающая Зыряновскій заводъ, весьма непріятнаго свойства. Находящіяся по близости болота, заражая воздухъ и воду, употребляемую въ питье, дѣлаютъ климатъ нездоровымъ. Притомъ же въ лѣсѣ ощущается большой недостатокъ, такъ что руду приходится отвозить къ Иртышу, откуда она на баркахъ доставляется въ *Усть-Каменогорскъ*, *Барнаулъ* и *Павловскъ*. Во время пребыванія Аткинсона на заводахъ, вода изъ рудниковъ была удаляема посредствомъ разныхъ приспособленій, дѣйствовавшихъ водяною силою, но, по мнѣнію Аткинсона, для этого было необходимо употребить паровыя машины.

Между Зыряновскимъ заводомъ и китайскою границею расположеніе нѣсколько деревень, замѣчательныхъ исторіею

своего происхожденія. Дѣло въ томъ, что въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ наиболѣе дикихъ частяхъ тамошнихъ горъ, набралось цѣлое поселеніе изъ рабочихъ, бѣжавшихъ съ заводовъ, съ своими женами и дѣтьми, и прочихъ молодцовъ, охотниковъ до чужаго добра. Устроивъ себѣ пристанища, въ мѣстахъ, куда доступъ былъ крайне затруднителенъ, они довольно долго поддерживали свое существованіе охотою, разбоями и вообще чѣмъ ни попало. Но наконецъ имъ прискучилъ такой безтолковый образъ жизни. При посредничествѣ тогдашняго мѣстнаго губернатора, человѣка добродушнаго, они обратились съ повинною къ императрицѣ, и вымоливъ прощеніе за прежнія свои преступленія, получили съ тѣмъ вмѣстѣ дозволеніе поселиться сплошными деревнями. Сначала они были даже освобождены отъ всѣхъ налоговъ, и только были обязаны вносить небольшое количество мѣховъ, но въ послѣдствіи были обложены обыкновенною податью наравнѣ съ прочими жителями. Мало-по-малу къ нимъ пришло еще нѣкоторое число крестьянъ, изъ коихъ одни присоединились добровольно, а другіе были выселены изъ своихъ деревень по распоряженію начальства въ эти малообитаемыя мѣстности, которыя правительство желало заселить.

Во время пребыванія на Зыряновскомъ заводѣ, Аткинсонъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по окрестностямъ, которыя доставили ему матеріялъ для нѣсколькихъ изящныхъ рисунковъ. Впрочемъ, погода начала уже становиться крайне холодною, и вскорѣ наступили проливные дожди, за которыми послѣдовали снѣжныя вьюги, такъ что Аткинсонъ вынужденъ былъ нерѣдко проводить цѣлые дни безвыходно въ комнатѣ.

Между прочимъ, Аткинсонъ совершилъ одну поѣздку по направленію къ китайской границѣ вплоть до самаго крайняго казацкаго форпоста; но тутъ ему серіозно отсовѣтовали ѣхать далѣе, такъ какъ въ пограничныхъ горахъ нанесло уже цѣлые сугробы снѣга. Зато онъ узналъ тамъ, что еще была возможность посѣтить часть степей, простирающихся

по направленію къ озеру *Зайсанъ-Ноору*, и начальникъ пограничныхъ казаковъ самымъ обязательнымъ образомъ предложилъ ему свое дѣятельное содѣйствіе.

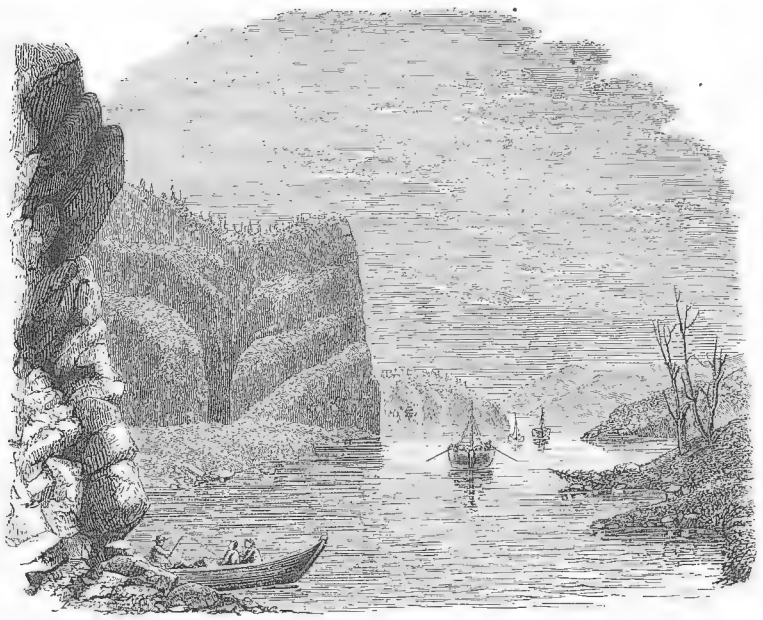
Мѣстность, которую Аткинсону пришлось проѣзжать въ безпокойной телѣгѣ, не представляла рѣшительно ничего любопытнаго. Въ самой большой изъ жалкихъ деревушекъ, которыя ему удалось посѣтить на пути, въ *Мурзинскѣ*, его было напугали, что горный проходъ, которымъ ему предстояло пробираться, сдѣлался совершенно непроходимымъ отъ нанесеннаго снѣга. И дѣйствительно, подвигаясь впередъ, онъ вскорѣ замѣтилъ, что снѣгу навалило довольно, но, къ счастью, все-таки не такъ много, чтобы это могло задержать его. Цѣпь *Курчумскихъ горъ* обрисовалась передъ нимъ во всемъ своемъ исполинскомъ величіи по правую сторону дороги. Горы эти, поднимаясь совершенно отвѣсно, представляютъ очень немного удобныхъ проходовъ, и образуютъ какъ бы естественную границу между Россіею и Китайскою имперіею; но въ послѣднее время Русскіе обошли эти горы, и подвинулись далеко впередъ. Такъ какъ горы до самой подошвы были покрыты массами снѣга, то показались нашему путешественнику не очень привлекательными. Предоставивъ себѣ посѣтить эти горы въ другой разъ, Аткинсонъ велѣлъ ямщику повернуть лошадей по направленію къ *Малому Нарыму* — небольшому казацкому пикету, служившему въ то время однимъ изъ крайнихъ пограничныхъ постовъ съ этой стороны. Дорога пролегала здѣсь вдоль подошвы цѣпи горъ, въ разстояніи только нѣсколькихъ верстъ, такъ, что Аткинсону часто попадались обломки скалъ и каменьевъ, которые, вѣроятно, отдѣлившись отъ главной массы, скатились съ горъ внизъ.

Добравшись до рѣчки Нарыма, впадающей въ Иртышъ, нашъ путешественникъ рѣшился остановиться въ *Большомъ Нарымѣ*, расположенномъ на берегу первой изъ названныхъ здѣсь рѣкъ. Замѣтивъ въ окрестностяхъ нѣсколько живописныхъ видовъ, онъ тотчасъ же принялся срисовывать тѣ

пункты, которые ему наиболѣе бросались въ глаза. Въ особенности привлекли его вниманіе возвышавшіеся подлѣ самаго селенія, совершенно обнаженные, крутые утесы изъ гранита, въ которыхъ были изсѣчены человѣческія фигуры. Какому народу, или какому поколѣнію, обязаны своимъ происхожденіемъ эти грубыя произведенія искусства — остается до сихъ поръ неразрѣшенною загадкою. Недалеко отъ этого же мѣста, въ одной боковой долинѣ, поднималось нѣсколько утесовъ, въ видѣ столбовъ, относительно коихъ Аткинсонъ выразилъ предположеніе, что они получили такую странную форму въ слѣдствіе дѣйствія подземнаго огня. Конечно, въ достовѣрности этой гипотезы намъ довольно трудно убѣдиться.

Большой Нарымъ былъ населенъ исключительно одними казаками.

Казаки, обязанные исполнять сторожевую службу въ пограничныхъ пикетахъ, ведутъ довольно сносный образъ жизни. Живя вмѣстѣ съ своими семействами небольшими поселеніями, они воздѣлываютъ рожь и пшеницу, пользуются правомъ свободнаго рыболовства по Иртышу съ его притоками и могутъ безпрепятственно охотиться въ лѣсахъ, да сверхъ того имѣютъ значительное количество скота и лошадей: у нѣкоторыхъ изъ зажиточныхъ казаковъ имѣются табуны, состоящіе изъ пятисотъ головъ.



Барка на Иртышѣ.

VII.

Посѣщеніе Джунгарской степи.

Плаваніе по Иртышу. — Селеніе Черемшанка. — Плоты. — Жалкія пристанища въ избахъ. — Усть-Каменогорскъ. — Джунгарская степь. — Могилы. — Золотоносные и сереброносные рудники въ горахъ Чингисъ-Тау. — Казацкіе форпосты. — Баранта. — Утесъ Колмакъ-Тологутъ; преданія. — Право пастбища въ степяхъ. — Одинокія юрты. — Степная мѣстность. — Устройство юртъ. — Аулъ на берегу Зайсана. — Рыболовный промыселъ казаковъ. — Поѣздка ночью въ степи. — Кохбухта и золотоносный рудникъ. — Разбойники близъ Тзильхзу. — Усть-Каменогорскъ. — Новая поѣздка къ горамъ Мантильскимъ. — Разбойничій аулъ. — Султанъ Магометъ. — Кумысъ. — Огненная вода. — Ночное нападеніе разбойниковъ. — Непріятное возвращеніе въ Барнаулъ. — Природа джунгарской степи, ея географическія свойства и растительное царство, фауна и обитатели.

Для того, чтобы сдѣлать нѣкоторыя необходимыя приготовленія для поѣздки въ *Джунгарскую степь* и къ берегамъ лежащаго тамъ озера *Зайсана*, Аткинсону непремѣнно

слѣдовало прежде вернуться въ Усть-Каменогорскъ. Притомъ же, спустившись внизъ по теченію Иртыша, онъ получилъ бы возможность увидѣть такія мѣстности, которыя ни въ чемъ не уступали лучшимъ частямъ Рейна, за исключеніемъ только романтическихъ замковъ и тѣхъ матеріяльныхъ удобствъ, которыми славится знаменитая германская рѣка. Въ особенности на правомъ берегу Иртыша, на нѣкоторыхъ мѣстахъ, отроги Алтая подходятъ вплоть къ самой поверхности рѣки, и круто опускаются внизъ, образуя живописныя группы утесовъ, представляющія самыя интересныя формы и оттѣнки. Тамъ и сямъ попадаются группы пихтъ (Pinus Sibirica), березъ, алтайской осокори (Populus laurifolia) и осинъ, а гдѣ нѣтъ этого, тамъ мѣстности придаютъ болѣе оживленный и пестрый колоритъ низкій кустарникъ, разныя травы, мхи и лишаи.

Начиная отъ деревни *Черемшанки*, Аткинсонъ поплылъ въ лодкѣ внизъ по теченію. Была чудная, тихая и теплая ночь; полная луна освѣщала всю окрестность. Какое-то необыкновенное очарованіе окружало сверкающую поверхность пространнаго водянаго зеркала и ближайшія къ нему черныя массы горъ, изъ среды которыхъ таинственно выглядывали снѣжные бѣлки Алтая. Когда лодка плыла мимо одного острова, поросшаго ивнякомъ, то плескъ волнъ и шумъ, производимый ударами веселъ, вспугнули безчисленныя стаи водяныхъ птицъ, скрывавшихся за кустами; разомъ поднявшись на воздухъ, онѣ подняли такой шумъ, что путешественники были сами не рады, что потревожили ихъ покой. Къ двумъ часамъ ночи путники прибыли наконецъ благополучно къ мѣстечку Верхней Пристани, гдѣ были приняты весьма радушно. Для дальнѣйшаго плаванія приступлено было къ устройству чего-то въ родѣ плотовъ; для того употреблены были двѣ небольшія лодки, соединенныя поперечными досками. Недовѣріе, которое Аткинсонъ возъимѣлъ къ этому новѣйшему ковчегу, къ несчастію, очень скоро оправдалось на дѣлѣ, ибо едва только это, хитро

устроенное, судно отчалило отъ берега, какъ уже вскорѣ одна изъ лодокъ стала черпать воду, и путешественники съ трудомъ добрались назадъ до берега, гдѣ опять принялись чинить плотъ.

Къ сожалѣнію, вскорѣ опять наступила сырая, холодная, осенняя погода, сопровождаемая бурями, съ дождемъ, градомъ и снѣжною вьюгою. Первую ночь Аткинсону пришлось провести на казацкомъ пикетѣ въ избѣ, гдѣ тараканы такъ и пищали. Но еще хуже провели путешественники слѣдующую ночь. Будучи вынуждены страшною непогодою искать гдѣ-нибудь убѣжища, они остановились на ночлегъ на берегу рѣки, въ хижинѣ, до того отвратительной, что Аткинсону другой подобной прежде и не случалось видѣть. Оконныя рамы, вмѣсто стекла, были завѣшены кое-какъ затрапезными тряпками. Вѣтеръ безпрепятственно гулялъ по всей избѣ, проходя въ безчисленныя щели между бревнами стѣнъ, а сквозь дирявую крышу дождь лилъ ручьями, такъ что Аткинсонъ вынужденъ былъ растянуть надъ головою платокъ въ видѣ дождеваго зонтика, чтобы хоть немного защитить себя отъ падающихъ капель. Что же касается до обычныхъ обитателей этой хижины, то они показались Аткинсону самыми жалкими существами — больными, бѣдными и грязными, и Аткинсонъ благодарилъ Бога, когда на слѣдующій день ярость непогоды улеглась, и онъ опять получилъ возможность подышать свѣжимъ воздухомъ, ибо онъ едва не задохся отъ атмосферы, наполнявшей избу.

На слѣдующій вечеръ, поздно къ ночи, путешественники достигли *Туловскаго Зимовья*, гдѣ, какъ оказалось, злая судьба опять забросила ихъ въ избушку, чуть ли не хуже и отвратительнѣе прежней. На пространствѣ, имѣющемъ до 15 футовъ въ квадратѣ, помѣщалось двое при смерти больныхъ хозяевъ избы, четыре жалкихъ и въ высшей степени грязныхъ женщинъ и трое дѣтей, — настоящіе живые скелеты. Къ нимъ присоединилось еще шестеро барочниковъ, которыхъ буря вынудила искать убѣжища, а тутъ явился

еще Аткинсонъ съ своими девятью спутниками, такъ что набралось всего до двадцати пяти человѣкъ, которые всѣ добивались мѣстечка, гдѣ бы пріютиться. Говоря по правдѣ, необыкновенно густое населеніе для такого ограниченнаго пространства!

Полъ въ избушкѣ былъ высоко устланъ пропрѣвшею соломою, которая издавала такую вонь, что скорѣе походила на навозную кучу; къ тому же, мокрое платье набравшейся туда толпы людей, изъ коихъ нѣкоторые были тяжко больны, отдѣляло отъ себя самыя удушливыя испаренія, а въ заключеніе всего каждый новый порывъ вѣтра нагонялъ изъ печной трубы цѣлое облако самаго ѣдкаго дыма и копоти, отчего пребываніе въ этой трущобѣ становилось еще невыносимѣе. Хотя добродушные хозяева и предложили путешественникамъ ночлегъ на одной изъ палатей, устроенныхъ вдоль всей стѣны, но Аткинсонъ не могъ рѣшиться оставаться на всю ночь въ этомъ мѣстѣ. Напившись чаю, онъ отправился въ свою лодку, и тамъ, закутавшись въ шинель, расположился коротать ночь подъ открытымъ небомъ.

За всѣ непріятности этой безпокойной ночи, Аткинсонъ былъ съ избыткомъ вознагражденъ на слѣдующую ночь, которую онъ провелъ уже въ Усть-Каменогорской пристани у гостепріимнаго управляющаго пристанью. При помощи его и названнаго выше казацкаго офицера, Аткинсонъ успѣлъ окончить всѣ необходимыя приготовленія для поѣздки въ степи, и собрать много полезныхъ для себя свѣдѣній о предстоящемъ пути.

Наконецъ, Аткинсонъ вполнѣ снарядился для поѣздки въ степи. Запасы всѣ были упакованы, драгоцѣнная манна съ рисунками уложена въ кожаный мѣшокъ, и оружіе приведено въ порядокъ. Едва ли послѣдняя предосторожность могла быть въ тогдашнее время названа лишнею. Наконецъ, въ одно прекрасное осеннее утро, переправившись на другой берегъ Иртыша, онъ нашелъ тамъ поджидавшихъ его телѣгу съ ямщикомъ и двухъ хорошо вооруженныхъ людей,

которымъ поручено было сопровождать его до ближайшаго казацкаго форпоста.

Джунгарская степь разстилается между лѣвымъ берегомъ Иртыша, озеромъ Зайсаномъ и горами Тарбагатайскими. Переступивъ границу степи, Аткинсонъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, вынужденъ былъ проѣзжать черезъ обширные скучные гранитные холмы, на которыхъ почти вся растительность уже высохла. Недалеко отъ Иртыша увидѣлъ онъ могилы, сложенныя изъ дикаго камня: въ серединѣ самая большая, а кругомъ другія поменьше, точно какъ будто въ этомъ мѣстѣ были погребены, какой-нибудь князекъ съ своею семьею и вассалами. Но ни объ этихъ могилахъ, ни о бо́льшей части прочихъ надгробныхъ памятниковъ, разбросанныхъ въ степи, не удалось еще пока никому собрать достовѣрныхъ свѣдѣній: письменныхъ памятниковъ у тамошнихъ обитателей не имѣется вовсе, а сказанія, которыя сохранились въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ, отчасти слишкомъ сбивчивы и темны, отчасти же весьма мало разработаны.

На нѣкоторыхъ гранитныхъ нагорьяхъ сохранились на вершинахъ разбросанныя массы камней, имѣющія нѣкоторое сходство съ развалинами старинныхъ зданій, а заключенные въ промежуткахъ обширные и плоскіе лѣса долинъ перерѣзаны разсѣлинами, расходящимися отъ одного общаго центра въ разныя стороны, въ видѣ лучей. На сколько подобнаго рода образованія могутъ быть интересны для геолога, на столько же невыносимыми кажутся они путнику, которому приходится трястись по нимъ въ своей жалкой телѣженкѣ.

Къ ночи Аткинсонъ остановился на одномъ небольшомъ золотоносномъ пріискѣ, гдѣ, какъ оказалось, былъ директоромъ ссыльный Полякъ — человѣкъ весьма образованный и необыкновенно предупредительный. Хотя вплоть до самой русской границы, которая теперь мало-по-малу все болѣе и болѣе подвигается къ югу, есть нѣсколько пріисковъ, богатыхъ золотомъ; но тотъ пріискъ, гдѣ остановился нашъ пу-

тешественникъ, кажется, обязанъ былъ своимъ существованіемъ не столько изобилію благороднаго металла, сколько спекулятивной горячкѣ. Какой-то важный господинъ, привезъ съ собою въ Петербургъ великолѣпныя пробы золота, утверждалъ, что онѣ добыты изъ этого самаго пріиска и притомъ разсказывалъ такія чудеса, что вскорѣ соблазнилъ многихъ принять участіе въ затѣянномъ имъ предпріятіи. Собравъ такимъ образомъ въ С.-Петербургѣ около 100,000 руб., онъ составилъ компанію, и отправилъ несчастнаго Поляка, въ качествѣ директора, въ болотистую низменность, лежащую въ степи, откуда тотъ, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ, въ теченіе восемнадцати-мѣсячныхъ работъ, добыть ни одного фунта золота. Такимъ образомъ, несчастный директоръ чуть-чуть не сдѣлался искупительною жертвою раздраженныхъ акціонеровъ, которые рѣшились-было излить на немъ свой справедливый гнѣвъ, и если онъ былъ спасенъ, то только благодаря убѣдительнымъ доказательствамъ и энергическому заступничеству Аткинсона, который впослѣдствіи хлопоталъ за него у нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ.

Несравненно выгоднѣе и полезнѣе этой частной спекуляціи оказалось заложеніе и разработка серебряныхъ рудниковъ въ южной части этой степи, въ *Чингисъ-Тау* — горномъ кряжѣ, который лежитъ на сѣверо-востокъ отъ озера Балкаша. Крымская война вызвала особенную потребность въ серебрѣ и свинцѣ, и горнымъ инженерамъ поручено было приложить всѣ возможныя старанія къ отысканію новыхъ рудниковъ, которые были бы расположены къ Европейской Россіи ближе, нежели отдаленные нерчинскіе рудники. И дѣйствительно, одной партіи горныхъ инженеровъ удалось открыть, лѣтомъ 1852 г., въ отрасляхъ Чингисъ-Тау, слѣды богатыхъ и обширныхъ сереброносныхъ жилъ. Къ счастію для Русскихъ, Киргизы, которымъ принадлежала эта область, хотя и знали про существованіе тамъ руды, но принимали ее за ничего нестоящую каменную породу. Родоначальнику кочевавшаго тамъ племени, пользо-

вавшемуся титуломъ султана, предложено было весь требуемый участокъ продать Русскимъ, и съ этою цѣлью положено было устроить обоюдный съѣздъ, причемъ предполагалось и заключить условіе о продажѣ. Хотя сереброносная область расположена была недалеко отъ казацкаго форпоста *Аягуза*, но русское правительство не хотѣло прибѣгать къ насилію для овладѣнія этими горами, опасаясь возбудить общую вражду кочевыхъ племенъ, и лишиться черезъ то возможности производить разработку самыхъ рудниковъ. Начальникъ алтайскаго горнаго округа, въ торжественной процессіи, посѣтилъ султана Киргизовъ, стараясь при этомъ выказать столько блеска, сколько только было возможно при продолжительномъ переѣздѣ черезъ степь. Пока на перемѣнахъ можно было получать казацкихъ лошадей, до тѣхъ поръ онъ ѣхалъ въ великолѣпномъ экипажѣ — каретѣ со стеклами, — для номадовъ совершенно невиданное зрѣлище. Но когда пришлось впрячь въ карету дикихъ степныхъ скакуновъ, оказалось невозможнымъ продолжать путь не только въ каретѣ, но даже и въ легкомъ тарантасѣ. Не смотря, однако жъ, на всѣ эти затрудненія, горный начальникъ прибылъ благополучно съ своимъ поѣздомъ къ султану. Киргизы, сдѣлавшіе тоже съ своей стороны различныя приготовленія для торжественнаго пріема важныхъ гостей, были сильно поражены блескомъ вышитыхъ золотомъ и серебромъ мундировъ и эполетъ русскихъ офицеровъ. Для помѣщенія гостей было даже построено нѣсколько новыхъ юртъ, и въ тѣхъ юртахъ, которыя предназначались для болѣе знатныхъ лицъ, полъ былъ устланъ дорогими коврами, а стѣны выложены шелковыми тканями. Первоначально подана была закуска, состоявшая изъ чая, высушенныхъ априкосъ и изюма, а потомъ слѣдовало и главное угощеніе — разныя кушанья изъ конины, баранины и риса. Особенно деликатнымъ угощеніемъ служилъ рисъ съ отваренными априкосами. Кромѣ того нижнимъ чинамъ подавался супъ изъ кирпичнаго чая (китайскій чай вмѣстѣ съ бычачьею кровью, приготовляемый

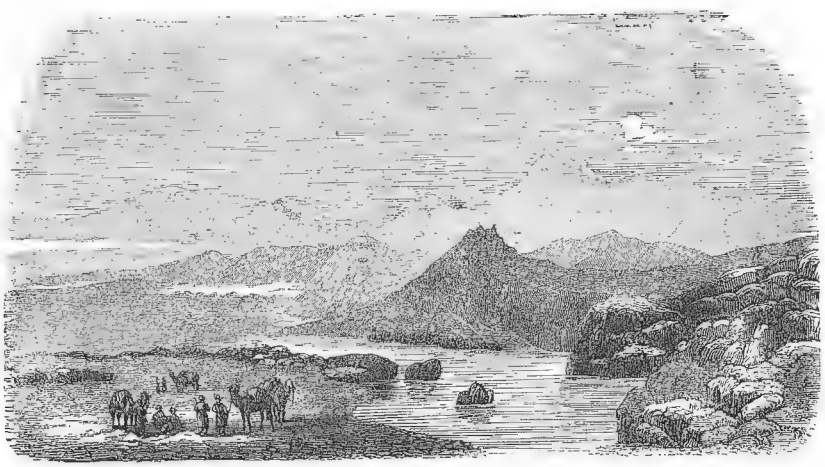
въ видѣ темныхъ плитокъ, имѣющихъ форму кирпичей) съ молокомъ и мукою.

Для желающихъ приготовленъ былъ кумысъ (перебродившее кобылье молоко) и ядранъ (отваренный въ молокѣ и высушенный сыръ).

За такое радушное гостепріимство Русскіе отблагодарили Киргизовъ обѣдомъ на европейскій ладъ, на сколько это вообще было возможно при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ они находились. Столовъ, на которыхъ можно было бы накрыть обѣдъ, не нашлось, а потому вмѣсто этой мебели употреблено было нѣсколько сдвинутыхъ вмѣстѣ сундуковъ. Зато множество различныхъ вкусныхъ вареній и другихъ рѣдкостей привели въ изумленіе дикарей, и дали имъ высокое понятіе, какъ о поваренномъ искусствѣ Русскихъ, такъ и богатствѣ ихъ отечества. Но еще въ бо́льшее удивленіе пришли эти сыны степей, увидѣвъ серебряные приборы, тарелки, ложки, ножи и вилки: привыкнувъ брать пищу изъ деревянныхъ чановъ и корытъ, при помощи орудій, данныхъ имъ отъ природы, т. е. пальцевъ, Киргизы не имѣли ни какого понятія о тѣхъ утонченностяхъ, которыя вошли въ ежедневныя привычки людей въ другихъ болѣе образованныхъ странахъ.

Послѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ любезностей и изъявленій взаимнаго уваженія, горный начальникъ прямо обратился къ султану съ вопросомъ о цѣнѣ покупаемаго участка. Султанъ, который, вмѣстѣ съ главными своими совѣтниками, муллами и прочими вліятельными лицами, уже осмотрѣлъ надлежащимъ образомъ эту мѣстность, ни сколько не колебался на счетъ продажи области, не представлявшей для его подданныхъ ни малѣйшихъ выгодъ, и объявилъ, что онъ соглашается продать избранный участокъ, съ тѣмъ, чтобы ему за это было заплачено серебряною монетою 250 рублей, да сто рублей было бы дано на долю мулловъ и прочихъ старшинъ, и сверхъ того, чтобы онъ получилъ еще для себя большую золотую медаль. Точно такъ же онъ соглашался и

на то, чтобы Русскимъ была уступлена полоса земли вдоль подошвы горъ, служащая пастбищемъ для скота; но зато не малыя затрудненія со стороны Киргизовъ возникли тогда, когда дѣло коснулось продажи нѣкоторой части рѣки, омывающей сказанную мѣстность. Киргизы утверждали, что рѣка имъ необходима для водопоя скота. Впрочемъ, видя, что Русскіе настаиваютъ на непремѣнной уступкѣ имъ части рѣки, султанъ объявилъ горному начальнику, что ему не-



Серебряные рудники въ горѣ Чингисъ-Тау.

обходимо объ этомъ посовѣтоваться съ прочими старшинами. На это ему возразили, что нѣсколькихъ мѣсяцевъ времени было ему достаточно, чтобы обдумать дѣло основательно и придти къ какому-нибудь рѣшенію, и что если онъ не дастъ положительнаго согласія своего на эту сдѣлку немедленно же, не выходя изъ комнаты, то Русскіе прекратятъ дальнѣйшіе переговоры и уѣдутъ домой. Впрочемъ, Киргизамъ было замѣчено, что они могутъ поить свой скотъ въ рѣкѣ, сколько имъ угодно, но только выше и ниже того мѣста, гдѣ будутъ производиться горныя работы, и что Русскіе не

будутъ имъ въ этомъ ни сколько мѣшать. Такая энергическая рѣчь и рѣшительное обращеніе горнаго начальника были для Киргизовъ совершенно новы, и не могли ихъ не поразить. Но, впрочемъ, одновременно съ угрозами, Русскіе прибѣгли къ другому, несравненно болѣе дѣйствительному способу склонить упорствующаго султана на соглашеніе, задѣвъ его жадность и тщеславіе. Двѣсти пятьдесятъ блестящихъ серебряныхъ кружковъ было выложено на столъ передъ султаномъ, а сто рублевиковъ передъ муллами. Сверхъ того, передъ султаномъ еще была выложена большая золотая медаль на широкой красной шелковой лентѣ, а тутъ же подлѣ великолѣпная одежда изъ тяжелой шелковой матеріи яркокраснаго цвѣта, вмѣстѣ съ отличною дорого-оправленною саблею; подобная же сабля была назначена въ подарокъ и муллѣ, а прочимъ почетнымъ лицамъ, каждому — по яркому шелковому халату и по золотой монетѣ совершенно свѣжаго чекана. Такое великолѣпіе и щедрость преодолѣли всѣ сомнѣнія и колебанія султана и его правовѣрныхъ совѣтниковъ. Не было ни какой возможности удержаться отъ соблазна, чтобы не примѣрить роскошныхъ подарковъ, и не посмотрѣть, какъ они пристанутъ къ наружности тѣхъ, кому они назначались. Когда же султанъ, нарядившись съ своею свитою въ новую одежду, украсилъ грудь свою золотою медалью, привязалъ дорогую саблю, то дѣло Русскихъ можно было считать выигранымъ. Никакая сила на землѣ не могла бы принудить Киргизовъ разстаться съ великолѣпными подарками! Такимъ образомъ, планъ горнаго начальника удался отлично: условіе о продажѣ рудной мѣстности было скрѣплено приложеніемъ печати султана, мулла подписалъ его, и Русскіе очутились обладателями сребоносныхъ рудниковъ. — Тщательно убравъ серебряные рублевики въ сокровенные карманы, султанъ съ своею свитою во всемъ великолѣпіи покинулъ палатку, чтобы показаться глазамъ удивленныхъ подданныхъ, которые, при видѣ необыкновеннаго блеска,

готовы были всѣ по-одиночкѣ клясться, что султанъ ихъ величайшій изъ владѣтелей всей Азіи.

По близости того грустнаго эльдорадо, гдѣ мы оставили Аткинсона, находился казацкій караулъ, состоявшій изъ восьми человѣкъ, гдѣ слѣдовало получить свѣжихъ лошадей и новыхъ провожатыхъ. Кромѣ того, изъ числа работавшихъ въ рудникѣ киргизовъ, полякъ-директоръ далъ Аткинсону въ проводники, для указанія мѣстности къ озеру *Зайсану*, двухъ молодцовъ, замѣчательныхъ необыкновенно дикою наружностью. Между прочимъ, нашъ путешественникъ узналъ отъ любезнаго хозяина много подробностей объ удивительномъ обычаѣ, существующемъ между Киргизами, подъ названіемъ *баранты* — этой страшной язвѣ, опустошающей ряды номадовъ, населяющихъ тамошнія степи.

Барантою называются, сопровождаемые грабежемъ и разбоемъ, наѣзды, при случаѣ которыхъ киргизская молодежь старается выказать свою ловкость и удальство; баранта доставляетъ возможность наживы и отличія младшимъ сыновьямъ зажиточныхъ семействъ; наконецъ, подъ барантою разумѣется наслѣдственная месть, переходящая изъ рода въ родъ, и сопровождаемая взаимнымъ кровопролитіемъ и убійствомъ, продолжающимся до тѣхъ поръ, пока роды, находящіеся въ барантѣ, не придутъ въ окончательное истощеніе. Управляющій заводомъ разсказывалъ Аткинсону, что, мѣсяца за два передъ тѣмъ, довольно многочисленное общество Киргизовъ едва только расположилось станомъ, недалеко отъ Иртыша, какъ вскорѣ пастухи, сторожившіе стада общества, перепуганы были появленіемъ на отдаленномъ горизонтѣ нѣсколькихъ всадниковъ. Опасаясь, что то были передовые разъѣздчики какой-нибудь разбоничьей шайки, они произвели тревогу по своему стану; но слѣдующій день прошелъ совершенно спокойно. Спустя послѣ того нѣсколько времени, въ одну изъ наиболѣе темныхъ ночей, вдругъ раздался яростный лай киргизскихъ собакъ, и въ станъ ворвалась шайка разбойниковъ. Завязалась отчаянная схватка. Но

между тѣмъ, какъ всѣ вооруженные люди обратились въ одну сторону стана, съ другой стороны появилась новая шайка разбойниковъ, которые принялись на свободѣ грабить все, что имъ ни попадалось. Когда нападеніе кончилось и разсвѣло, то оказалось, что разбойниками было отбито 300 лошадей и 42 верблюда. Кромѣ того, четверо Киргизовъ изъ лагеря были убиты, да двѣ женщины и трое дѣтей были уведены разбойниками; зато изъ числа участниковъ въ ночномъ нападеніи трое лежало распростертыми на полѣ битвы, и двое были такъ тяжело ранены, что въ тотъ же самый день померли.

Но бо́льшей части, разбойники имѣютъ обыкновеніе, во время производимыхъ ими нападеній, одѣваться въ самыя худшія платья, и вообще употребляютъ особыя старанія, чтобы ихъ невозможно было узнать. Этимъ способомъ они обыкновенно надѣются избавиться отъ мести лицъ, пострадавшихъ отъ ихъ грабежа. Хотя они при этомъ, правда, и стараются избѣгать напраснаго убійства, но тѣмъ не менѣе подобныя схватки рѣдко обходятся безъ смертныхъ случаевъ, какъ можно, между прочимъ, заключить и изъ приведеннаго выше разсказа; вообще же они стараются ограничиваться употребленіемъ въ дѣло копій, дубинокъ и аркановъ, при помощи коихъ угоняютъ лошадей, и не допускаютъ пастуховъ защищаться. Въ случаѣ надобности, при рукопашныхъ схваткахъ, страшную роль играетъ ручной топоръ. Если при подобномъ нападеніи случается убійство, то убійца, въ случаѣ поимки, наказывается смертью. Впрочемъ, иногда ему дозволяется откупаться деньгами. Во время одной баранты, молодому Киргизу, отыскивавшему похищенное у него стадо, удалось нагнать грабителей. Одинъ изъ послѣднихъ бросилъ въ преслѣдователя копьемъ, которое прокололо его навылетъ, такъ что тотъ палъ мертвымъ на мѣстѣ. Убійцу тотчасъ же схватили и связаннаго выдали родственникамъ убитаго. Всѣ надѣялись, что родственники удовольствуются выкупомъ, но молодая жена убитаго была

приведена въ такое раздраженіе своею потерею, что рѣшительно отказалась отъ всякой мировой. Убійца былъ выданъ ей, и она собственноручно заколола его кинжаломъ. Его похоронили одновременно съ его жертвою.

Когда, во время своего вторичнаго путешествія, Аткинсонъ колесилъ по степямъ между Семипалатинскомъ и Аягузомъ, ему случилось однажды заѣхать къ султану *Батыру*, еще бодрому старику, обладавшему довольно значительнымъ состояніемъ, съ многочисленною семьею. Старикъ разсказалъ ему, между прочимъ, объ одномъ трагическомъ событіи, случившемся задолго передъ тѣмъ въ его аулѣ.

Старшій изъ сыновей султана, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, изъявилъ желаніе отдѣлиться отъ отца и жить собственнымъ домомъ. Отецъ выдѣлилъ ему, на первыхъ порахъ, для обзаведенія хозяйствомъ, табунъ въ 1,000 лошадей, съ соотвѣтствующимъ числомъ верблюдовъ, 2,000 головъ рогатаго скота и 5,000 овецъ. Оказалось, однако же, что этого было недостаточно для честолюбія молодаго князька: онъ разсчитывалъ получить половину всего имущества своего родителя, и потому, чтобы имѣть возможность въ самомъ скорѣйшемъ времени увеличить свое богатство, молодой князекъ удалился съ своими стадами въ отдаленную, пустынную мѣстность, откуда могъ удобно производить грабежи. Множество отчаянной сволочи присоединилось къ нему, и шайка его вскорѣ сдѣлалась ужасомъ степей, на нѣсколько миль въ окрестности. Подданные султана знали о занятіяхъ молодаго наслѣдника, но не страшились за добро своего господина, такъ какъ вообще почтеніе къ предкамъ признается у киргизовъ за главную добродѣтель. Однажды, ночью, въ аулѣ султана распространилась тревога: собаки подняли сильный вой и лай, а пастухи, припавъ ухомъ къ землѣ, вскорѣ услышали отдаленный топотъ лошадей, которыя приближались по направленію къ аулу. Всѣ начали тотчасъ же готовиться къ отпору, ожидая ночнаго

нападенія, и какъ предполагали, такъ и случилось. Нападеніе произведено было конною шайкою грабителей, и въ ночной темнотѣ, только при слабомъ мерцаніи огней, еще не загашенныхъ въ нѣкоторыхъ юртахъ, возгорѣлась жаркая борьба, гдѣ главную роль играли ручные топоры. По между тѣмъ, какъ бой все болѣе и болѣе сосредоточивался на одномъ концѣ аула, и туда устремлялись всѣ способные защищаться, съ другаго конца аула внезапно ворвалась вторая шайка, которая, пользуясь общимъ смятеніемъ, стала безпрепятственно отгонять стада. Въ то время, какъ самая жаркая схватка происходила у ставки султана, одинъ изъ грабителей, пораженный топоромъ, свалился съ своей лошади возлѣ самыхъ дверей султанской юрты, и вдругъ, при свѣтѣ огня, султанша узнала въ раненомъ разбойникѣ своего сына. Отчаянные вопли ея возвѣстили всему аулу это нечестивое дѣло; всѣ киргизы пришли въ ужасъ, услышавъ о такомъ безбожномъ поступкѣ безстыднаго сына, осмѣлившагося осквернить отцовскій кровъ. Между тѣмъ, прочіе грабители воспользовались паническимъ страхомъ, овладѣвшимъ большею частью киргизовъ, и угнали цѣлый табунъ изъ 3,000 лошадей, захвативъ, въ то же время, нѣсколько женщинъ и своего раненаго атамана. Съ обѣихъ сторонъ оказалось нѣсколько избитыхъ, а нечестивый сынъ признанъ былъ подданными султана за чорта.

Что касается до огнестрѣльнаго оружія, то киргизы имѣютъ его у себя немного, и употребляютъ рѣдко во время производимыхъ ими грабежей. Порохъ, употребляемый ими, очень плохъ, а получаемый отъ китайцевъ и того хуже. Русскимъ очень строго воспрещается продавать этотъ продуктъ своимъ безпокойнымъ сосѣдямъ. Было время (въ началѣ нынѣшняго столѣтія), когда киргизы были такъ смѣлы, что даже рѣшались производить вторженія въ предѣлы русскихъ владѣній, но вскорѣ противъ нихъ приняты были такія рѣшительныя и сильныя мѣры, что они присмирѣли.

Ночное нападеніе на аулъ.

Съ тѣхъ поръ киргизы, по возможности, стараются избѣгать столкновенія съ своими сосѣдями. Однажды случилось, что небольшой отрядъ казаковъ, изъ 18 человѣкъ, посланный съ какими-то вѣстями къ султану, вынужденъ былъ остановиться на ночлегъ въ степи; когда стемнѣло, на нихъ напали разбойники, которые и успѣли было угнать часть казацкихъ лошадей, но тѣ послали вслѣдъ своимъ грабителямъ нѣсколько хорошихъ зарядовъ, которыми ссадили до десяти человѣкъ киргизскихъ всадниковъ. Это навело такой страхъ на грабителей, что они на другой же день явились съ повинною и привели съ собою украденыхъ лошадей, извиняясь тѣмъ, что они приняли казаковъ за проѣзжихъ купцовъ.

Впрочемъ, самый большій вредъ и убытки своими барантами причиняютъ киргизы самимъ себѣ. Торопясь угнать поскорѣе и подальше отбитый скотъ, во время своихъ нападеній, киргизы ни сколько не обращаютъ вниманія на то, что много скота и лошадей, при этомъ, вовсе гибнетъ, да кромѣ того, много въ темнотѣ разбѣгается въ разныя стороны. Притомъ же и хозяева и прислуга постоянно должны быть наготовѣ къ отпору, и не могутъ ни одной ночи провести беззаботно, во снѣ.

На второй день своего странствованія по степи, въ направленіи къ озеру Зайсану, Аткинсонъ добрался до казацкаго пикета *Кокбекта*. Окрестности этого караула представляли такъ же мало любопытнаго, какъ и мѣстности, видѣнныя имъ наканунѣ; единственнымъ пріятнымъ разнообразіемъ служила небольшая горная цѣпь, на гребнѣ которой разбросаны были большіе камни. Видъ одного изъ этихъ камней былъ въ особенности замѣчателенъ: точно исполинская голова монаха, покрытая клобукомъ и украшенная распущенными по бокамъ волосами. Это оригинальное геологическое образованіе извѣстно у киргизовъ подъ названіемъ *Калмыкъ-Тологуй;* о происхожденіи его преданіе сохранило слѣдующую сказку. Когда-то, очень давно, жили въ тѣхъ мѣстно-

стяхъ два необыкновенно сильные исполина: отецъ и сынъ. Разъ какъ-то вздумали они строить мостъ черезъ Иртышъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Усть-Каменогорскъ. Для этого каждый изъ нихъ, выбравъ изъ возвышающагося къ югу оттуда хребта Тарбагатая по одной горѣ, взвалилъ ее себѣ на спину и потащилъ черезъ степь. Къ вечеру они остановились отдыхать и сложили свою ношу. Между тѣмъ, юнымъ голіаѳомъ овладѣли любовныя мечты, и онъ сталъ проситься у папаши, чтобы тотъ отпустилъ его повидаться съ невѣстою, жившею около озера Зайсана. Старикъ разсердился, и хотя не отказалъ въ просьбѣ сына, но приказалъ ему не долго отлучаться, и тутъ же упрекнулъ его, что калымъ за невѣсту еще не заплаченъ. Сынъ конечно не поперечилъ ни въ чемъ отцу, и обѣщалъ ему возвратиться какъ можно скорѣе. Между тѣмъ прелести его красавицы-невѣсты такъ сильно на него подѣйствовали, что онъ долго засидѣлся на берегу озера Зайсана, и только тогда вспомнилъ объ обратномъ пути, когда утреннее солнце освѣтило весь горизонтъ.

Старикъ отецъ, внѣ себя отъ раздраженія за поступокъ сына, взвалилъ уже свою ношу на плечи, и, когда прибѣжалъ сынъ, съ бѣшенствомъ обратился къ нему, приказывая ему присѣсть, чтобы и на него взвалить половину горы. Повинуясь этому приказанію, сынъ присѣлъ на землю, но старикъ отъ злости выпустилъ изъ рукъ исполинскую ношу — и страшная масса, въ паденіи своемъ, раздавила разомъ отца и сына, погребя ихъ обоихъ подъ своими развалинами.

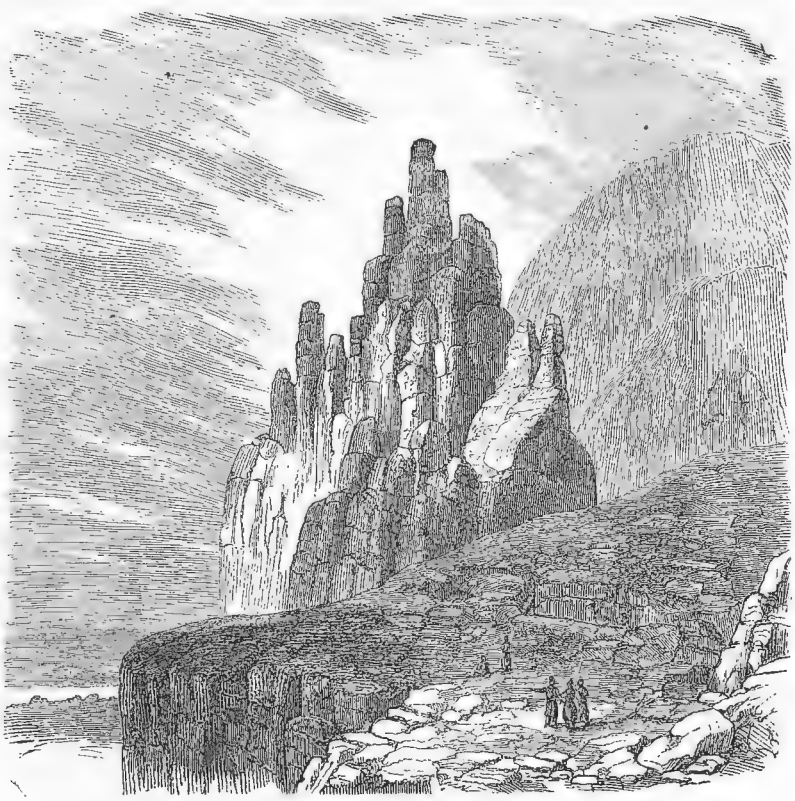
Между тѣмъ мать-великанша, которая оставалась дома, послѣ долгаго и тщетнаго ожиданія, волнуемая злыми предчувствіями, рѣшилась наконецъ отправиться на поиски за мужемъ и сыномъ, и вскорѣ узнала о случившемся несчастіи. Въ страшномъ отчаяніи, она упала на землю и начала плакать такъ горько, что, по временамъ, вмѣсто слезъ, изъ глазъ ея лились капли крови. Наконецъ, несчастная отъ

сильнаго горя превратилась въ камень, и киргизы, передавая теперь этотъ разсказъ путешественникамъ, указываютъ на утесъ Акташъ, — что значитъ въ переводѣ бѣлый камень,— находящійся въ разстояніи часа времени къ югу отъ той же самой группы.

При послѣдующемъ посѣщеніи степи, когда Аткинсонъ проѣзжалъ изъ Семипалатинска, направляясь вдоль ряда казацкихъ постовъ къ Лягузу, ему удалось видѣть другой такой же горный гребень, воздымавшійся надъ плоскою равниною, въ видѣ ряда обрывистыхъ скалъ, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ поднимавшійся до высоты 2,000 футовъ. Повидимому, онъ состоялъ изъ гранитныхъ породъ. Мѣстность эту часто посѣщали въ то время казаки съ ближайшаго поста, пріѣзжая для охоты за дикими баранами, которыхъ не мало водилось въ тѣхъ горахъ. Большая часть отдѣльныхъ горныхъ массъ, вообще отличающихся странными формами, получила отъ казаковъ особыя прозванія, довольно удачно соотвѣтствующія дѣйствительному ихъ виду: такъ одна скала, имѣющая около 250 фут. длины и 100 фут. вышины, носила названіе тигра, другая верблюда, третья пѣтуха, а одна масса гранитныхъ столбовъ, имѣвшая весьма оригинальный наружный видъ, извѣстна была подъ прозваніемъ: „чортъ съ братіею“. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что чортъ, по-киргизски шайтанъ, играетъ важную роль въ разсказахъ и въ объясненіяхъ киргизовъ.

На слѣдующій день, Аткинсонъ продолжалъ свою поѣздку, въ сопровожденіи шести казаковъ и своего слуги; сверхъ того, при немъ находилось шесть лошадей для перемѣнъ и для перевозки тяжестей. Русскія начальства даже запрещаютъ, особыми предписаніями, разъѣзжать по степямъ иначе, какъ небольшими караванами, не менѣе восьми человѣкъ вмѣстѣ, для того, чтобы, въ случаѣ нападенія со стороны киргизовъ, имѣть возможность дать имъ отпоръ. Въ теченіе этого дня, Аткинсону нѣсколько разъ попадались мѣста, на которыхъ, какъ можно было ясно различить, прежде

были расположены аулы, но обитатели этихъ ауловъ уже перешли на зиму къ берегамъ озера Зайсана и въ горы Тарбагатая.



Чортъ съ братіею.

По тѣмъ понятіямъ, которыя имѣемъ мы, степное пространство не можетъ принадлежать никому исключительно, и не имѣетъ опредѣленнаго владѣтеля, но у киргизовъ и монголовъ, вслѣдствіе долголѣтняго пользованія этою степью, вошло въ правило, что каждый родъ и даже каждый аулъ имѣетъ свой опредѣленный округъ, въ предѣлахъ котораго

онъ можетъ, въ теченіе года, пасти исключительно свои стада. Запасовъ сѣна на зиму кочевыя племена не дѣлаютъ, но зато каждый аулъ удерживаетъ за собою находящійся въ его пользованіи участокъ пастбища на худое время года. Киргизы, живущіе въ западной части степи, переселяются на лѣто въ открытыя пространства, а на зиму перекочевываютъ къ берегамъ озера и въ долины горъ. Другія же племена, живущія далѣе къ востоку, придерживаются обратнаго порядка, выгоняя свои стада на лѣто въ долины алтайскихъ горъ, гдѣ находятъ изобиліе въ водѣ и защиту отъ мошекъ.

На географическихъ картахъ, въ окрестностяхъ Зайсана показывается, кромѣ Иртыша, еще нѣсколько другихъ рѣкъ, впадающихъ въ это озеро. Черезъ русло одной изъ этихъ рѣкъ Аткинсону пришлось проѣзжать въ эту поѣздку, но въ тогдашнее время года не было и слѣдовъ воды въ этой рѣкѣ, а виднѣлись лишь нѣсколько маленькихъ лужицъ; между тѣмъ, весною, когда снѣгъ таетъ, рѣчка эта, вѣроятно, тоже превращается въ бурный потокъ, футовъ двадцати или тридцати въ глубину и на четверть часа пути въ ширину.

Путешественники надѣялись къ вечеру доѣхать до ближайшаго киргизскаго аула; между тѣмъ, когда они добрались до указанной имъ мѣстности, то нашли на мѣстѣ, занимаемомъ ауломъ, одну только юрту, въ которой оставалась старая баба, для присмотра за своими больными дѣтьми. Пришлось довольствоваться этимъ ночлегомъ, но зато, правда, ничего болѣе и нельзя было получить, кромѣ слабой защиты, представляемой жалкою палаткою отъ ночной прохлады. Старуха была въ длинной бараньей шубѣ, сквозь многочисленныя диры которой можно было ясно видѣть, что кромѣ пары широкихъ кожаныхъ штановъ, на ней не было ничего, а что она была женщина, это можно было видѣть по платку, обвернутому вокругъ головы, въ видѣ чалмы. Изъ ея четверыхъ дѣтей, трое были больны. Не-

счастныя созданія валялись совершенно голыми на войлочныхъ попонахъ, сдѣланныхъ изъ верблюжьяго волоса, покрытыя половинками старыхъ полушубковъ. При такомъ варварскомъ обращеніи съ дѣтьми, неудивительно, что большая часть изъ нихъ умираетъ еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Необходимое послѣдствіе всего этого то, что киргизскія племена никогда не достигали многочисленности. Аткинсону доставило истинное удовольствіе то, что онъ могъ напоить бѣдныхъ дѣтей чаемъ съ сахаромъ, послѣ чего, не смотря на сумерки, онъ рѣшился взобраться на лежащее по близости возвышеніе, на которомъ было разбросано нѣсколько могильныхъ памятниковъ. Открывшійся ему оттуда видъ во всѣ стороны на широкую пустынную степь показался ему заслуживающимъ вниманія. Еще при дневномъ свѣтѣ онъ замѣтилъ въ отдаленіи поднимающійся дымокъ, и вообразилъ, что то былъ признакъ близости аула, но проводники скоро его разубѣдили въ томъ, объяснивъ, что замѣченный имъ дымъ происходилъ отъ пожара въ степи. Киргизы пускаютъ подобные палы въ степи съ намѣреніемъ, въ особенности весною. Огонь, раздуваемый вѣтромъ, быстро распространяется по всей степи и легко истребляетъ всю старую высохшую траву, а оттого земля получаетъ хорошее удобряющее средство въ золѣ и неплѣ, остающемся послѣ пожара, и вмѣстѣ съ тѣмъ молодая, свѣжая трава можетъ безпрепятственно расти, не заглушаемая старою травою. Когда совершенно стемнѣло, Аткинсонъ могъ ясно различить огромныя полосы огня, на нѣсколько миль въ ширину, которыя, то быстро, то медленно подвигаясь, все болѣе и болѣе расширялись и приближались, смотря по силѣ и направленію вѣтра. Высохшія русла рѣкъ, а также попадающіяся на пути голыя каменистыя пространства, полагаютъ предѣлы распространенію пожара въ тѣхъ случаяхъ, когда огонь не тухнетъ отъ внезапнаго дождя.

Проведя ночь въ юртѣ старой киргизки, путешественники поднялись на слѣдующій день въ путь, во слѣдъ ушед-

шему впередъ аулу. Вскорѣ затѣмъ и старуха, захвативъ свои пожитки, пустилась тоже въ дорогу, для присоединенія къ прочимъ своимъ землякамъ. Относительно устройства юртъ можно здѣсь замѣтить, что оно одинаково у всѣхъ степныхъ народовъ, какъ у татаръ и киргизовъ, такъ и у калмыковъ и монголовъ. Сначала дѣлается переплетъ изъ ракитовыхъ жердей, утвержденныхъ крестъ на крестъ, вышиною въ четыре фута. На перекрестахъ жерди связываются кожаными ремнями. Когда киргизы трогаются въ путь, то переплеты эти складываются и помѣщаются на спинахъ верблюдовъ, а когда надо расположиться лагеремъ, то переплеты разставляются кругомъ, причемъ оставляется отверзтіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ должна быть дверь юрты. Къ этимъ переплетамъ сверху привязываются ремнями, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, нѣсколько другихъ ракитовыхъ жердей, которыя вверху всѣ прикрѣпляются къ одному кольцу, и все это покрывается толстымъ войлокомъ, выдѣлываемымъ изъ верблюжьяго волоса и овечьей шерсти. Днемъ дверное отверзтіе оставляется свободнымъ, а на ночь оно закрывается спускаемымъ внизъ висячимъ войлокомъ. Посреди юрты разводится костеръ, на который ставится таганъ съ котелкомъ, а вокругъ костра, въ холодную погоду, обитатели юрты грѣются, сидя на корточкахъ. Дымъ выходитъ черезъ оставляемое вверху юрты отверзтіе въ видѣ кольца. Въ суровую погоду, когда хозяева ложатся спать, отверзтіе это закрывается, и въ юртѣ становится довольно тепло. Вокругъ зимнихъ юртъ, которыя обыкновенно устраиваются въ мѣстахъ защищенныхъ, дѣлается родъ предохранительной стѣнки изъ камней, накладываемыхъ другъ на друга, вышиною въ два фута.

Что касается до топлива, то степные обитатели очень бѣдны этимъ матеріяломъ, и терпятъ въ немъ большую нужду. Преимущественно для этого употребляется пометъ лошадей и верблюдовъ, который поэтому собирается киргизами весьма тщательно, вокругъ ихъ юртъ. Топливо это

даетъ очень скудный тлѣющій огонекъ, безъ яркаго пламени, а такъ какъ въ юртахъ никакого другаго освѣщенія не употребляется, то ночью бываетъ весьма трудно отыскать какой-нибудь аулъ. Только изрѣдка, въ исключительныхъ случаяхъ, киргизы имѣютъ возможность жечь вѣтки кустарника, кое-гдѣ попадающагося въ нѣкоторыхъ низменностяхъ; для этого въ особенности пригоднымъ признается кустарникъ особаго рода акаціи (Robinia frutescens), которая горитъ скоро и даетъ хорошій свѣтъ. Зато вѣтви различныхъ видовъ таволожника растутъ плохо и скоро угасаютъ. Въ восточной части степнаго пространства мѣстами попадается, въ огромномъ количествѣ, кустарникъ *саксаула* (Anabasis ammodendron), наиболѣе предпочитаемый въ тѣхъ мѣстностяхъ для топлива. Уголь отъ него долго сохраняетъ жаръ и нерѣдко даже на слѣдующій день остается тлѣющимъ подъ пепломъ. Кустарникъ этотъ растетъ обыкновенно въ степи, и отличается странною формою, походя на связку лакированныхъ прутьевъ зеленаго цвѣта, вышиною вдвое болѣе человѣческаго роста. Листьевъ на кустарникѣ этомъ никогда не бываетъ, но во время цвѣта онъ густо покрывается большими желтыми цвѣтами.

Къ вечеру Аткинсонъ добрался съ своею небольшою партіею благополучно до аула, который отыскивалъ, и засталъ мужчинъ въ хлопотахъ о томъ, чтобы поскорѣе напоить лошадей и скотъ, которые только что передъ тѣмъ вернулись домой. Колодезь, изъ котораго черпали воду, имѣлъ не болѣе десяти футовъ глубины. У пастуховъ были надѣты только шаравары да сапоги, а верхняя часть оставалась совершенно обнаженною: то были все здоровые, красивые молодцы съ загорѣлыми лицами. При водопоѣ скота наблюдается слѣдующій порядокъ. Впередъ пускаютъ барановъ и козъ, которые подходятъ къ водопойному жолобу небольшими кучками, штукъ въ двадцать разомъ; когда одна кучка утолитъ свою жажду, ее отгоняютъ а на мѣсто ея пускаютъ другую. Зато съ лошадьми бываетъ гораздо

больше возни: обыкновенно онѣ всѣ разомъ бросаются къ водѣ, стараясь одна другую отогнать, причемъ другъ друга кусаютъ и лягаются. Въ подобныхъ случаяхъ, тотчасъ же раздается свистъ бичей, которыми пастухи начинаютъ безпощадно стегать особенно драчливыхъ лошадей, а тѣхъ, которыя задираютъ другихъ, вовсе отгоняютъ. Въ наказаніе ихъ пускаютъ къ водопою подъ конецъ. Верблюдамъ даютъ пить отдѣльно. По причинѣ довольно холоднаго климата, киргизы держатъ этихъ животныхъ сравнительно въ небольшомъ числѣ, и въ зимнее время, для предохраненія ихъ отъ слишкомъ сильной стужи или непогоды, устраиваютъ для нихъ особыя убѣжища, прилаживая для этого между юртами нѣчто въ родѣ палатокъ, или же просто укутываютъ ихъ попонами.

Наши путешественники были приняты киргизами весьма радушно. Имъ не только предложили особую юрту для ночлега, но даже въ честь ихъ зарѣзали барана. Но Аткинсонъ былъ на столько неосторожень, что позволилъ себѣ быть свидѣтелемъ процесса приготовленія пищи. Тутъ онъ увидѣлъ большой желѣзный котелъ, въ которомъ приготовлялась пища уже для нѣсколькихъ поколѣній, но который, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе всего этого времени, никогда не былъ мытъ, и развѣ только изрѣдка, можетъ быть, былъ обтираемъ пальцами; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увидѣлъ и то, какъ въ котелъ клали не только отдѣльныя части бараньей туши, но и внутренности, которыя были почти вовсе необмыты, такъ что у Аткинсона исчезла всякая охота къ ѣдѣ, и онъ рѣшительно отказался отъ участія въ пиршествѣ; зато сопровождавшіе его казаки были менѣе разборчивы на этотъ счетъ. Когда имъ объявили, что баранина готова, они усѣлись вокругъ разведеннаго огня и принялись угощаться варенымъ мясомъ въ полное удовольствіе. Между тѣмъ подлѣ казаковъ образовался другой кружокъ изъ киргизовъ, которые стали помогать имъ въ уничтоженіи баранины, а что для человѣческихъ зубовъ было слишкомъ жестко и твердо,

то поступало тотчасъ же въ распоряженіе собакъ, и не прошло получаса, какъ отъ цѣлаго сваренаго барана не осталось ни кусочка. Въ то время, пока происходило это пиршество, Аткинсонъ сварилъ себѣ чашку чаю, и подкрѣплялъ себя кое-чѣмъ изъ взятаго имъ путеваго запаса.

Слѣдующій день долженъ былъ наконецъ привести нашего путешественника къ цѣли его стремленій, къ озеру Зайсану: тамъ онъ надѣялся встрѣтить великолѣпную панораму, достойные вниманія пейзажи и широкую, блестящую, зеркальную поверхность озера. Дорога пролегала черезъ однообразную, песчаную, а мѣстами и каменистую мѣстность. Наконецъ, показался камышъ (Phragmites communis), — вѣрный признакъ близости большаго озера. Проводники Аткинсона объявили ему, что они уже находятся у самаго озера, и что во время разлива водъ или въ дождливое время года, озеро разливается до того мѣста, гдѣ они ѣхали, такъ что мѣстами имѣетъ тогда около 10 и даже около 15 миль въ ширину. Нѣсколько часовъ ѣхали они все камышами, встрѣчая повсюду, въ болотистой почвѣ, многочисленные слѣды кабановъ, рывшихся тамъ, но ни животныхъ этихъ, ни водяной поверхности не было еще видно. Поздно уже подъ вечеръ Аткинсонъ остановился съ своими спутниками на ночлегъ въ киргизскомъ аулѣ, возлѣ самаго озера, и дѣйствительно въ одномъ мѣстѣ, сквозь камышъ, онъ могъ кое-какъ различить озеро. Къ сожалѣнію его, въ аулѣ не было лодки, и Аткинсонъ не могъ прогуляться по открытому озеру.

Киргизскій князекъ, у котораго остановился на этотъ разъ нашъ путешественникъ, былъ, повидимому, болѣе цивилизованъ и болѣе знакомъ съ законами приличія, нежели тотъ, у котораго онъ имѣлъ ночлегъ наканунѣ. Полъ въ юртѣ, въ честь знаменитыхъ гостей, былъ устланъ драгоцѣнными коврами, обладаніемъ которыхъ знатные киргизы въ особенности гордятся. Чай былъ поданъ въ сервизѣ изъ китайскаго фарфора, и къ нему были разносимы сушеные плоды отлич-

наго вкуса, мелкій изюмъ (кишмишъ) и нѣжные абрикосы. Плоды эти номады получаютъ изъ южныхъ странъ, вымѣнивая ихъ на скотъ, кожи и войлочныя покрышки. Аткинсонъ на этотъ разъ былъ столько благоразуменъ, что не рѣшился любопытствовать насчетъ поварскаго искусства киргизовъ, и потому съ аппетитомъ скушалъ кусокъ жареная ягненка, который поданъ былъ ему казаками.

Что касается до хозяина, то Аткинсонъ замѣчаетъ, что онъ держалъ себя вообще очень прилично и имѣлъ довольно внушительную наружность. Хотя онъ и не отличался высокимъ ростомъ, но былъ сложенъ плотно и правильно. Онъ былъ въ черномъ халатѣ изъ китайскаго бархата, который былъ подвязанъ, вмѣсто пояса, малиновою шалью; на головѣ красовалась шелковая шапочка, вышитая серебромъ, а на ногахъ были сафьянные сапожки краснаго цвѣта. Относительно сапоговъ слѣдуетъ замѣтить, что у киргизовъ существуетъ обыкновеніе носить ихъ съ превысокими каблуками, такъ что даже неловко бываетъ ходить въ такихъ сапогахъ; но тиранъ-мода покоряетъ своимъ требованіямъ и этихъ полудикихъ дѣтей природы. Вслѣдствіе такой моды поступь у киргизовъ невѣрная, и они когда ходятъ, то перекачиваются съ боку на бокъ; впрочемъ, киргизу не приходится много расхаживать на землѣ, потому что, по большей части, если онъ не сидитъ въ юртѣ на коврѣ съ поджатыми ногами, то непремѣнно разгуливаетъ гдѣ-нибудь на конѣ. Въ послѣднемъ случаѣ фигура его обыкновенно бываетъ довольно забавная. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что сорочка и тому подобное исподнее платье — вещи совершенно неизвѣстныя у киргизовъ, ни у мужчинъ, ни у женщинъ; взамѣнъ этого у нихъ существуетъ обыкновеніе накутывать на себя значительное число разнаго рода халатовъ, которые всѣ застегиваются спереди. Когда погода холодная, надѣвается нѣсколько такихъ халатовъ, а если погода становится теплѣе, то и число халатовъ уменьшается. При верховой ѣздѣ, полы всѣхъ халатовъ засовы-

ваются въ кожаные шаравары, которые потомъ туго стягиваются, такъ что нерѣдко всадникъ въ подобномъ одѣяніи представляетъ фигуру шара.

Хотя Аткинсону и удалось добраться до береговъ озера Зайсана, но ему, кромѣ того, желательно было непремѣнно взглянуть и на самую поверхность озера, и потому едва только хозяинъ заикнулся, что въ разстояніи двухъ часовъ пути отъ аула, близъ того мѣста, гдѣ Иртышъ вытекаетъ изъ озера, находится казацкая рыбалка, изъ которой видъ на водяную поверхность озера, можетъ быть, не прегражденъ такъ герметически, — онъ уже набралъ нѣсколько проводниковъ и, немного позавтракавъ, тотчасъ же пустился въ дорогу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аткинсонъ разсчитывалъ и на то, что ему дорогою удастся выслѣдить какую-нибудь дикую свинью, и такимъ образомъ добыть себѣ вкусное жаркое. Но, къ сожалѣнію, обѣ эти надежды оказались тщетными. Самыхъ животныхъ не оказалось нигдѣ, не смотря на то, что слѣды ихъ пребыванія были довольно многочисленны. Наконецъ, Аткинсонъ добрался и до рыбалки, увидѣлъ расположенныя тамъ избы казаковъ, но и тутъ, увы! не нашлось мѣстечка, откуда бы можно было взглянуть на открытую зеркальную поверхность озера. Все пространство кругомъ озера было покрыто лѣсомъ камыша и тростника.

Озеро Зайсанъ, которое собственно можетъ быть разсматриваемо какъ расширеніе Иртыша, лежитъ дѣйствительно по ту сторону русскихъ предѣловъ, во владѣніяхъ, принадлежащихъ Китаю, но казаки производятъ ловъ рыбы не только въ водахъ озера, но и до верхняго Иртыша, платя за это китайскимъ пограничнымъ властямъ небольшую подать. Для наблюденія за правильностью улова рыбы существуютъ у нихъ особые надсмотрщики. Въ водахъ нижняго Иртыша ловятся преимущественно: осетры (Acipenses Sturio) и стерляди (Acipenses ruthenus), а въ озерѣ Зайсанѣ и въ верхнемъ Иртышѣ въ особенности нельмы (Salmo Nelma Pall.) и таймени (Salma fluviatilis), а также налимъ (Gadus

lota) и щуки. Осетрина и стерлядь считаются наиболѣе цѣнными породами, и бываютъ весьма значительныхъ размѣровъ; попадаются осетры, имѣющіе даже отъ $^3/_4$ до одного пуда вѣсомъ. Число ежегоднаго улова осетровъ доходитъ до 3,000, а стерлядей до 30,000 штукъ. Осетры преимущественно ловятся весною, причемъ хорошему улову ихъ, по увѣренію рыбаковъ, въ особенности способствуетъ мутная вода рѣки. Осетръ, рыба крупная, выбираетъ для себя въ водѣ наиболѣе глубокія мѣста, и потому казаки располагаютъ рыбалки преимущественно тамъ, гдѣ рѣки вообще мелки, а глубокая вода ограничивается только узкою полосою, проходящею посрединѣ рѣки или близко берега. Тутъ они вбиваютъ въ грунтъ рѣки два крѣпкіе кола, между которыми протягиваютъ канатъ, и привязываютъ къ канату, на разстояніи полуаршина другъ отъ друга, нѣсколько удочекъ длиною въ три фута; къ каждой изъ этихъ удочекъ привязывается крючекъ, въ руку длиною, а подлѣ крючка, на бичевкѣ прикрѣпляется небольшой бѣлый кусочекъ дерева, замѣняющій приманку. Осетры, которые держатся въ мутной водѣ, принимая эти кусочки дерева за рыбу, бросаются на нихъ съ жадностью, и попадаютъ на крючокъ удочки. Три раза въ день канатъ снимается и пойманная рыба собирается. Ее или тотчасъ же убиваютъ или сажаютъ въ огороженное пространство для того, чтобы сохранять живою. На верхнемъ Иртышѣ и въ озерѣ Зайсанѣ рыбу ловятъ большими длинными сѣтями, которыя забрасываются далеко въ воду; въ озерѣ сѣти закидываютъ въ особенности зимою, подо льдомъ. Крупная рыба или солится или разрѣзывается на половины, и такимъ образомъ сушится. Спинный хрящъ въ сушеномъ видѣ продается подъ названіемъ вязиги монголамъ, манчжурамъ и калмыкамъ. Изъ плавательнаго пузыря вываривается рыбій клей; кромѣ того, при вываріваніи рыбы въ водѣ добывается рыбій жиръ, который, во время поста, употребляется въ пищу, вмѣсто масла. Затѣмъ еще высоко цѣнится любителями рыбья икра. Одно изъ любимыхъ рыбьихъ

Группа киргизовъ; справа двѣ невѣсты.

блюдъ у казаковъ — это пельмени или рыбьи клёцки. Для этого преимущественно берется осетрина, которая мелко крошится, и этими кусочками начиняются тонко раскатанные кружки пшеничнаго тѣста. Къ сожалѣнію, казаки кладутъ очень мало соли при приготовленіи рыбы впрокъ, такъ что она очень скоро горкнетъ, получаетъ дурной запахъ и вообще портится.

Послѣ своей неудавшейся поѣздки на берега озера Зайсана, Аткинсонъ возвратился съ своими спутниками назадъ въ аулъ. Подкрѣпивъ себя тамъ еще разъ прощальнымъ обѣдомъ, онъ пустился наконецъ въ обратный путь. Нѣсколько киргизовъ сопровождали его до ближайшаго аула. Но не успѣли еще путешественники добраться до цѣли поѣздки, какъ наступила ночная темнота и дальнѣйшее движеніе впередъ сдѣлалось затруднительнымъ. Если днемъ бываетъ вообще нелегко отыскать на обширной, испещренной холмами степи аулъ, скрывающійся гдѣ-нибудь въ углубленіи, то ночью, когда въ аулахъ рѣшительно не бываетъ огней, которые бы обличали присутствіе человѣческаго жилья, подобная задача естественно представляетъ еще болѣе затрудненій. Въ подобныхъ случаяхъ караванъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ выжидаетъ не послышится ли откуда-нибудь лай собаки, и животныя эти, которыхъ обыкновенно путешественники проклинаютъ отъ души, нерѣдко становятся ихъ спасителями. Продолжая самъ держаться первоначально избраннаго направленія, Аткинсонъ выслалъ впередъ, съ правой и съ лѣвой стороны особыхъ верховыхъ, которые должны были внимательно наблюдать, не послышатся ли какіе-нибудь звуки, обличающіе присутствіе аула. И дѣйствительно послѣ нѣсколькихъ часовъ розысковъ, караванъ добрался таки наконецъ до давно-ожидаемаго аула, а чтобы не быть принятыми за ночныхъ грабителей и не подвергнуться непріятному привѣтствію изъ ружей, Аткинсонъ послалъ впередъ киргиза, который долженъ былъ предупредить о прибытіи путниковъ. Встрѣча, сдѣланная каравану номадами, была весьма

гостепріимная, и Аткинсонъ, отдохнувъ тамъ хорошенько въ теченіе ночи, на слѣдующій день достигъ казацкаго пикета *Кокбекты*, гдѣ онъ останавливался за нѣсколько дней передъ тѣмъ.

Въ Кокбектахъ Аткинсонъ провелъ весьма весело вечеръ, въ обществѣ казацкихъ офицеровъ. За неимѣніемъ шампанскаго, для возбужденія веселія, гостямъ было предлагаемо хлѣбное вино, при чемъ казаки разсказывали множество забавныхъ анекдотовъ и пѣли веселыя пѣсни.

На слѣдующій день, то есть 9 октября, на горизонтѣ показался красивый свѣтлый кругъ около солнца, предвѣщавшій скорую перемѣну погоды. Поэтому Аткинсонъ былъ очень доволенъ, когда добрался до золотоносныхъ розсыпей, гдѣ нашелъ весьма радушный пріемъ у управляющаго этимъ заведеніемъ. Въ особенности ему было пріятно то, что наконецъ опять представилась возможность объясняться на нѣмецкомъ языкѣ, безъ переводчика, съ управляющимъ, который былъ какой-то баронъ, также съ его любезною супругою и дочерьми, и потомъ еще однимъ медикомъ, который хотя и жилъ на заводѣ, но имѣлъ собственно обязанностію, въ случаѣ надобности, лечить казаковъ въ сосѣднихъ селеніяхъ.

Въ слѣдующіе дни, какъ опасался Аткинсонъ, дѣйствительно разыгралась непогода: подулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ съ снѣжныхъ вершинъ Алтая и полилъ дождь, сопровождаемый градомъ и снѣгомъ. Между тѣмъ, Аткинсонъ, сидя съ своими новыми знакомцами въ теплыхъ комнатахъ, сообщали другъ другу разсказы объ испытанныхъ ими приключеніяхъ во время путешествій, о красивыхъ, живописныхъ мѣстностяхъ, видѣнныхъ ими въ степи, и о характерѣ и нравахъ ея обитателей. Впрочемъ, о послѣднихъ ничего особенно похвальнаго не представлялось сообщить, и именно какъ-разъ въ то самое время въ окрестностяхъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, шаталось много всякой сволочи. Дней за восемь передъ тѣмъ, двое казаковъ съ заводовъ подверглись,

въ одномъ дикомъ ущельѣ, нападенію пятнадцати вооруженныхъ киргизовъ, которые, застигнувъ ихъ въ расплохъ, вовсе ограбили. У казаковъ было отбито при этомъ, кромѣ лошадей и оружія, на 700 руб. драгоцѣнныхъ металловъ золота и серебра, которые имъ было поручено отвезти съ завода.

Такъ какъ обыкновенный періодъ работъ на золотыхъ розсыпяхъ именно въ то самое время, приходилъ къ окончанію, то работавшіе въ розсыпяхъ киргизы, готовясь откочевать въ другія, болѣе привольныя мѣста, заняты были укладываньемъ своего добра: снимали юрты и убирали домашніе пожитки, стараясь свои заработки спрятать куданибудь подальше. Наконецъ, распростившись надлежащимъ образомъ, они пустились въ путь, бодро махая своимъ оружіемъ, и крича, что дорого продадутъ свое добро разбойникамъ, если тѣ осмѣлятся на нихъ напасть.

Вскорѣ погода опять прояснилась, и хотя еще было свѣжо, но довольно хорошо, такъ что Аткинсонъ, получивъ отъ своего гостепріимнаго хозяина, на нѣсколько времени, въ полное распоряженіе двухъ лошадей и проводника киргиза, рѣшился совершить маленькую прогулку по окрестностямъ. Ближайшія мѣста къ розсыпямъ заняты были низкими холмами, которые, по увѣренію инженеровъ, всѣ болѣе или менѣе содержатъ золото. Далѣе шелъ рядъ возвышеній, по которымъ были разбросаны огромные обломки кварца. Продолжая направляться вдоль этихъ возвышеній, Аткинсонъ приблизился къ горному кряжу, на которомъ онъ замѣтилъ стадо дикихъ козъ. Степные жители обыкновенно называютъ этимъ именемъ изюбрей. Аткинсону пришла мысль поохотиться за этими животными, и онъ началъ подбираться къ нимъ незамѣтнымъ образомъ. Осторожно началъ онъ подниматься на вершину, гдѣ паслись изюбри, медленно пробираясь на своей лошади между скалъ; но когда онъ взобрался наверхъ, то оказалось, что дичь уже разбѣжалась. Зато передъ нимъ открылся великолѣпный видъ на долину рѣчки Исильксу, которая, съ пѣною катя свои волны на значительной глу-

бинѣ, какъ серебряный змѣй, извивалась подъ нимъ среди зеленыхъ береговъ, обрамленныхъ съ обѣихъ сторонъ утесами, изъ коихъ нѣкоторые поднимались совершенно отвѣсно до высоты 1,000 фут., представляя весьма разнообразное сочетаніе цвѣтовъ: одни изъ утесовъ были совершенно красные, какъ ясписъ, другіе темные, какъ базальтъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выдавались, наподобіе лентъ, широкія полосы кварца. Аткинсонъ такъ былъ восхищенъ открывшимся передъ нимъ пейзажемъ, что тотчасъ же рѣшился спуститься внизъ, въ долину, чтобъ снять на бумагу нѣкоторые пункты. При этомъ, его спутникъ, киргизъ, языка котораго онъ, къ сожалѣнію, вовсе не понималъ, началъ ему объяснять довольно живо что-то такое, смыслъ чего Аткинсонъ никакъ не могъ себѣ растолковать. Предполагая, что проводникъ отговариваетъ ему спуститься внизъ, и что онъ хочетъ отсовѣтовать ему это по причинѣ крутости и неровности тропинки, ведущей къ рѣкѣ, Аткинсонъ слѣзъ съ лошади и провелъ ее черезъ мѣста, наиболѣе опасныя, подъ уздцы, потомъ опять вскочилъ на коня, и поскакалъ по тропинкѣ, проложенной дикими животными, къ рѣкѣ. Между тѣмъ проводникъ все продолжалъ объяснять Аткинсону что-то, чего этотъ никакъ не могъ разгадать. Надъ головами ихъ, съ другаго берега долины, возвышались великолѣпнѣйшія группы скалъ, и Аткинсонъ вообразилъ, что киргизъ хочетъ обратить вниманіе именно на эти пункты; поэтому, переправившись черезъ рѣчку, которая оказалась не очень глубокою, онъ выбралъ чудесное живописное мѣстечко, и опустился тутъ на траву, среди кучки красивыхъ цвѣтовъ. Разложивъ свою мапну, Аткинсонъ принялся срисовывать наиболѣе интересующіе его виды, а лошадь свою пустилъ подлѣ себя щипать траву. Между тѣмъ, киргизъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ артиста и, по временамъ, показывалъ на отдаленные утесы въ долинѣ. Наконецъ Аткинсонъ замѣтилъ въ нѣкоторомъ разстояніи подъ собою двухъ киргизовъ верхомъ, и среди непре-

станныхъ декламаторскихъ изліяній своего проводника различила роковое слово „баранта“. Тутъ у него какъ будто пелена свалилась съ глазъ и смыслъ словъ проводника сдѣлался ему понятенъ. Въ это время изъ-за утеса показался еще третій киргизъ, наблюдавшій за дерзкими пришельцами, занимавшимися въ такой дикой мѣстности какимъ-то непонятнымъ дѣломъ. Однако же видъ, срисовываніемъ котораго былъ занятъ Аткинсонъ, былъ слишкомъ очарователенъ, и онъ не обращая вниманія ни на какихъ разбойниковъ, продолжалъ спокойно оставаться на своемъ прежнемъ мѣстѣ еще цѣлую четверть часа, и только уже по окончаніи рисунка, вскочилъ на лошадь и сталъ осматривать свое ружье. Къ ужасу своему, онъ вдругъ сдѣлалъ открытіе, что позабылъ пороховницу въ домѣ управляющаго пріискомъ, и что такимъ образомъ въ его распоряженіи оставался только одинъ выстрѣлъ, между тѣмъ, какъ намѣреніе появившихся всадниковъ — отрѣзать ему обратный путь становилось ему все болѣе очевиднымъ, и въ то же время, съ другой стороны, показалось еще семь личностей подобнаго же разбора. Необходимо было прибѣгнуть къ хитрости. Поэтому проводникъ, который очевидно не имѣлъ никакого желанія столкнуться съ своими земляками, пустился по дорожкѣ, ведущей въ сторону, и когда путники, благополучно проѣхавъ долину, выбрались на равнину, разстилавшуюся по ту сторону рѣчки, то пустили коней въ галопъ, и помчались во всю прыть, обратно къ заводу. Когда Аткинсонъ разсказалъ тамъ, что онъ былъ въ долинѣ Исильксу, гдѣ занимался срисовываніемъ нѣкоторыхъ видовъ, то всеобщій ужасъ изобразился на лицахъ всѣхъ его окружавшихъ. „Да, помилуйте!“ воскликнулъ управляющій: „вѣдь долина Исильксу слыветъ за самый опасный притонъ отчаянныхъ разбойниковъ и именно въ этомъ-то мѣстѣ были ограблены оба казака.“ Всеобщій страхъ овладѣлъ обитателями пріисковъ до такой степени, что всѣ бросились тотчасъ же приводить въ порядокъ оружіе, опасаясь ночнаго нападенія со стороны рабочихъ, только что покинувшихъ золото-

носные пріиски. На слѣдующій день управляющій и все его семейство, уложивъ добытое на пріискахъ золото въ повозки, пустились цѣлымъ обществомъ въ путь. Проѣзжая черезъ разбойничью долину, всѣ они держали заряженныя ружья на-готовѣ, но къ счастію, дѣло обошлось довольно благополучно, и къ вечеру общество добралось до одного аула, а на второй день достигло Иртыша, и наконецъ Усть-Каменогорска.

Въ Усть-Каменогорскѣ управляющій пріискомъ остался съ своимъ семействомъ на зиму, а нашъ герой, пользуясь еще стоявшею сносною погодою, рѣшился предпринять вторичную поѣздку въ степи и уже на слѣдующее утро, взявъ съ собою двухъ казаковъ въ проводники, пустился въ дорогу. Проводникамъ было объяснено, въ какомъ направленіи они должны были искать аула, и пока еще было свѣтло, казаки внимательно слѣдили, не замѣтятъ ли гдѣ-нибудь въ сторонѣ поднимающагося облачка дыма. Однако уже стемнѣло, а аула все еще не было видно, такъ что путникамъ скоро пришлось пробираться въ темнотѣ, совершенно наугадъ. По временамъ, то одинъ, то другой казаки останавливались, сходили съ лошадей и, прикладывая ухо къ землѣ, прислушивались, не раздастся ли въ какой-нибудь сторонѣ лай собакъ. Наконецъ вдалекѣ послышалось тявканье дворняшки, показавшееся на этотъ разъ нашему англичанину несравненно мелодичнѣе очаровательнаго пѣнія соловья въ майскую ночь. Слѣдуя по тому направленію, откуда слышались эти звуки, всадники вскорѣ замѣтили блестящую поверхность озера, окруженнаго со всѣхъ сторонъ лагунами. Вдругъ опять раздался сильный лай собакъ, но этотъ разъ совершенно близко, и всадники увидѣли себя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ аула, гдѣ ихъ охотно приняли.

Хозяинъ юрты, въ которую попалъ Аткинсонъ, повидимому, былъ изъ разряда весьма подозрительныхъ личностей. Самая наружность его придавала ему отталкивающій видъ. На головѣ у него была остроконечная шапка изъ лисьяго

мѣха съ наушниками. Верхняя одежда его была сшита изъ лошадиной шкуры, съ которой волосы не были содраны, и прямо на спинѣ у него приходилась черная конская грива. Вмѣсто пояса, талія его была перетянута шалью ярко-краснаго цвѣта и такіе же сапоги были у него на ногахъ. На лѣвой щекѣ виднѣлся широкій рубецъ, и молодецъ вовсе не скрывалъ, что получилъ этотъ почетный знакъ въ барантѣ. Вообще, удачный разбойничій набѣгъ есть дѣло чести для удалаго киргиза, въ особенности если ему при этомъ предстояло выместить старую семейную вражду или удалось, не будучи узнаннымъ, поживиться кое-чѣмъ.

Что касается до хозяйки, то она имѣла видъ еще болѣе невзрачный: то была старая, отвратительная баба, въ грязной черной юпкѣ, висѣвшей до ногъ. Бѣлый поясъ и такой же высоко-торчащій головной уборъ придавали ей видъ какого-то привидѣнія. Вокругъ нихъ бѣгали дѣти, въ овчинахъ бураго цвѣта.

Не смотря однако же на особенную наклонность къ грабежу, которою отличаются вообще кочевые номады, Аткинсонъ могъ спокойно и безопасно отдыхать въ аулѣ, ни мало не опасаясь за свою жизнь и добро. Гость для номада священная особа, пока онъ въ аулѣ, — попадись онъ киргизу гдѣ-нибудь въ степи, тогда дѣло другое, и ограбить его въ этомъ случаѣ считается дѣломъ молодечества и рыцарской отваги.

Находившійся при Аткинсонѣ слуга до того наслушался разныхъ страшныхъ исторій о киргизскихъ разбойникахъ, что его начала трясти лихорадка; поэтому онъ былъ крайне обрадованъ распоряженіемъ своего господина, который приказалъ ему отправиться съ лошадьми назадъ, а самъ, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ киргизовъ и казаковъ, пустился къ ближайшему аулу. Въ этомъ аулѣ находилась резиденція султана Магомета, зажиточнаго киргиза, расположившагося лагеремъ у подошвы Монастырскихъ горъ. Послѣ

довольно продолжительной ѣзды галопомъ, Аткинсонъ съ своими проводниками достигъ благополучно аула, и былъ принятъ султаномъ дружелюбно. Надъ входомъ въ юрту возвышалось древко съ чернымъ конскимъ хвостомъ, обличавшее санъ обладателя юрты. Султану Магомету было уже подъ шестьдесятъ лѣтъ: то былъ невысокій здоровякъ съ добродушнымъ лицомъ и небольшими глазами. Онъ былъ въ великолѣпномъ, шелковомъ халатѣ съ красными и желтыми клѣтками, перетянутомъ въ таліи бѣлою шалью; на почтенной, осѣненной сѣдинами, бородѣ красовалась шапочка, вышитая серебромъ. Хотя его три сына были уже взрослые парни, однако онъ имѣлъ еще довольно молодую жену, которой не было и тридцати лѣтъ; эта киргизская красавица была одѣта въ черную шелковую рубашку, подпоясанную красною шалью; на головѣ у нея было нѣчто въ родѣ кисейнаго чепчика съ длинными концами, которые какъ крылья мотались по бокамъ. Что касается до ея цвѣта лица, то Аткинсонъ присовокупляетъ, что хорошая русская баня могла бы ей принесть въ этомъ отношеніи большую пользу. Сверхъ того, трое совершенно голыхъ маленькихъ дѣтей, забавлявшихся разными играми съ молодою козою, свидѣтельствовали о семейномъ счастіи этого патріарха.

Оружіе Аткинсона привлекло особенное вниманіе киргизовъ. Употребленіе затравочныхъ капсюлей было дѣло совершенно новое для этихъ обитателей степей.

Что касается до юрты султана Магомета, то устройство и убранство ея были на столько роскошны, на сколько подвижное жилище номада можетъ быть роскошнымъ. Дорогіе ковры украшали возвышеніе, на которомъ возсѣдалъ хозяинъ, а по обѣимъ сторонамъ, вдоль стѣнъ, стояли сундуки, наполненные сушеными плодами и ямбами. Ямбы суть куски серебра около $2^1/_2$ дюймовъ длины, $1^1/_2$ д. ширины и $^1/_4$ д. толщины, получаемые киргизами при продажѣ скота, сала и кожъ. На сверткахъ войлока и ковровъ раз-

ложены были: парадное сѣдло султана, его парадный чапракъ изъ бархата, вышитый серебромъ, и разныя другія подобныя принадлежности, сдѣланныя изъ кожи и выложенныя тонкими жестяными бляхами съ серебряною оправою. Подобнаго рода издѣліями въ особенности славится промышленность киргизовъ и работа эта высоко цѣнится любителями. Аткинсонъ видѣлъ одну подобную сбрую, за которую дано было 50 лошадей. Боевая сѣкира тоже была роскошно обдѣлана серебромъ, а рукоятка ея покрыта кожею. Но самою любопытною вещью изъ предметовъ, находящихся въ юртѣ, былъ, безспорно, кувшинъ для молока. Одинъ подобный кувшинъ Аткинсону удалось разсмотрѣть повнимательнѣе; кувшинъ этотъ имѣлъ въ ширину до $4^1/_2$, а въ длину до $5^3/_4$ футовъ, былъ сдѣланъ изъ непромокаемой кожи и съ одного конца былъ снабженъ воронкообразнымъ отверзтіемъ для наполненія его молокомъ. Зимою кувшины эти валяются безъ употребленія, служа пріятнымъ воспоминаніемъ о минувшемъ весельѣ и утѣшительною надеждою на будущіе лучшіе дни. Но въ апрѣлѣ, когда кобылы начинаютъ давать въ изобиліи молоко, кувшинамъ этимъ возвращается ихъ настоящее важное значеніе. Каждый день, по два раза, утромъ часовъ въ пять и вечеромъ, кобылъ доятъ и сдоенное молоко въ кожаныхъ ведрахъ сносятъ въ юрты, гдѣ ихъ сливаютъ въ одинъ общій кувшинъ. Въ продолженіе первыхъ 14 дней, изъ кувшина только изрѣдка отливается немного молока для пробы; къ исходу же двухнедѣльнаго срока броженіе достигаетъ настоящаго градуса и такимъ образомъ перебродившееся молоко становится слегка опьяняющимъ. Напитокъ этотъ называется кумысомъ и служитъ главнымъ угощеніемъ всякаго посторонняго посѣтителя. Гостямъ обыкновенно его подаютъ въ большихъ китайскихъ деревянныхъ чашахъ, и гость не только не можетъ отказаться отъ такого подчиванія, но для него было бы величайшимъ стыдомъ, если бы онъ не осушилъ всей чаши. Поэтому киргизы обыкновенно до того привыкли къ

такому угощенію, что не бываютъ въ затрудненіи даже и тогда, если бы имъ пришлось въ одинъ день навѣстить всѣхъ своихъ пріятелей. Поэтому, достаточные киргизы, отъ изобильнаго употребленія перебродившаго кобыльяго молока, пріобрѣтаютъ значительную полноту. Оставаясь нѣсколько дней въ этомъ аулѣ, Аткинсонъ постоянно предпринималъ изъ него разныя поѣздки въ ближайшія горы. Тамъ онъ видѣлъ удивительныя горныя формаціи, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли замѣчательное сходство съ старинными нормандскими замками, другія походили на пирамиды, такія правильныя, что можно было предполагать, будто онѣ сдѣланы рукою человѣческою. Въ одномъ мѣстѣ онѣ даже замѣтили слѣды старой постройки, которые, какъ ему показалось, могли быть остаткомъ отъ какого-нибудь храма или укрѣпленій. Постройки эти, безъ сомнѣнія, обязаны были своимъ происхожденіемъ прежнимъ обитателямъ степей. Въ первый день своего пребыванія въ аулѣ, Аткинсонъ отправился вечеромъ къ Магомету пить чай. Такъ какъ было довольно холодно, то онъ, подливъ въ чай немного рому, ради шутки, предложилъ стаканъ Магомету. Тотъ сначала съ отвращеніемъ отвернулся отъ дьявольскаго напитка, — но эта комедія продолжалась только до тѣхъ поръ, пока въ юртѣ находилось семейство Магомета; едва его сыновья вышли вонъ, какъ онъ самъ, мигнувъ Аткинсону, принялся съ наслажденіемъ тянуть, сначала одинъ стаканъ, потомъ второй, а потомъ и третій, такъ что Аткинсонъ сталъ уже безпокоиться отчасти за свой небольшой запасъ рома, а потомъ и на счетъ того, чтобы старикъ не свалился съ ногъ. Наконецъ, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующей выходкѣ: наливъ чашку ромомъ, онъ незамѣтнымъ образомъ зажегъ жидкость, и подалъ чашку Магомету. Видъ горящаго напитка привелъ его въ такой ужасъ, что онъ бросилъ чашку и уже болѣе не рѣшился даже пальцемъ дотронуться до адской жидкости.

Однажды ночью яростный лай собакъ и близкій топотъ

лошадей разбудили весь аулъ. Оказалось, что шайка грабителей удачно приблизилась къ аулу и, подъ защитою темноты, угнала до ста лошадей. Всѣ мужчины бросились къ оружію, и Аткинсонъ тоже былъ бы не прочь, въ интересѣ своего хозяина, подстрѣлить кое-кого изъ грабителей, но ночь была до того темна, что не было возможности ничего распознать.

Наконецъ, погода окончательно испортилась. Половина октября уже миновала, и надлежало опасаться, что скоро наступитъ зима. Поэтому, распростившись съ своими киргизскими знакомцами, Аткинсонъ пустился въ обратный путь, и черезъ три дни добрался уже до берега Иртыша. Дорогою онъ останавливался на ночлегѣ въ аулахъ, и въ послѣднемъ аулѣ доставилъ двумъ киргизскимъ дамамъ особенное удовольствіе тѣмъ, что далъ имъ послушать, какъ шли его часы и, сверхъ того, подарилъ имъ снимокъ съ своей печати изъ сургуча. Дамы эти приняли его за величайшаго ученаго, увидѣвъ, что онъ умѣетъ писать — искусство, за которое ихъ мулла, выписывавшій для нихъ изъ Корана на клочкѣ бумаги разныя изрѣченія въ видѣ талисмана, бралъ съ нихъ обыкновенно довольно большія деньги.

Окончательный исходъ Аткинсонова путешествія по степямъ вышелъ однако же неудаченъ. Хотя первая неожиданность, встрѣча съ стаей волковъ, кончилась ничѣмъ, зато другая непредвидимая случайность, а именно переправа черезъ степную рѣчку, имѣла совсѣмъ иныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что во время переправы, лошадь Аткинсона, карабкаясь по камнямъ, оступилась и всаднику пришлось выкупаться въ холодной, какъ ледъ, водѣ; между тѣмъ, погода сдѣлалась самая скверная: съ снѣжныхъ вершинъ Алтая подулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, и начали падать попеременно, то снѣгъ, то градъ, такъ что Аткинсонъ, послѣ шести или семи-часовой прогулки въ мокромъ платьѣ, почувствовалъ припадки довольно сильной лихорадки. Такимъ образомъ въ Усть-Каменогорскѣ ему пришлось пролежать боль-

нымъ болѣе недѣли, въ продолженіе которой о немъ имѣлъ отеческое попеченіе названный нами выше управляющій золотыми пріисками, и уже къ концу мѣсяца онъ получилъ возможность продолжать свое путешествіе въ Барнаулъ.

Аткинсонъ имѣлъ случай посѣтить степь позднею осенью, въ такое время года, когда она представляетъ самый печальный видъ. Только горы могли еще представлять для него какой-нибудь интересъ; растенія же всѣ и травы были или побиты морозомъ, или истреблены огнемъ, или же просто пошли на кормъ для скота. Что же касается до физическихъ свойствъ странъ, посѣщенныхъ Аткинсономъ, западнаго Алтая и Джунгарской степи, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что съ геогностической точки зрѣнія обѣ эти, повидимому, столь различныя между собою мѣстности могутъ быть разсматриваемы какъ одно цѣлое, главныя составныя части коего гранитъ и грюнштейнъ. Обѣ эти геологическія породы смѣняютъ одна другую въ довольно равномѣрной послѣдовательности, и мѣстами какъ-будто вовсе вытѣсняютъ другъ друга. Къ подчиненнымъ породамъ грюнштейна относятся различные зеленые сланцы, глинистый сланецъ, граувака, кварцъ, яшмовый слой, а къ подчиненнымъ видамъ гранита — порфиръ и роговикъ. Аткинсонъ, не бывшій геологомъ, принималъ нѣкоторые гранитныя породы за продукты вулканической силы. Тамъ, гдѣ гранитъ и грюнштейнъ другъ съ другомъ соприкасаются, обыкновенно попадается кварцъ, порфировскій роговикъ и даже известнякъ, содержащіе въ трещинахъ, жилахъ и гнѣздахъ металлическіе минералы, въ особенности мѣдь, серебро и свинецъ.

Русскіе горные чиновники поступаютъ весьма благоразумно, что не перестаютъ подвергать отдѣльныя мѣстности тщательному изслѣдованію въ минералогическомъ отношеніи. Имѣющій свое пребываніе въ Барнаулѣ горный инспекторъ, завѣдывающій всею горною частью въ Барнаулѣ, высылаетъ каждое лѣто человѣкъ восемь или десять, наиболѣе способныхъ изъ горныхъ офицеровъ, для производства этихъ изслѣ-

дованій, назначая каждому изъ нихъ для производства работъ и для прикрытія, до 40 человѣкъ команды. Каждому изъ этихъ офицеровъ отводится, согласно генеральной картѣ, отдѣльный горный участокъ, который онъ и обязанъ, съ своей командою, подвергнуть въ теченіе лѣта, подробному изслѣдованію. Составивъ подробныя и спеціяльныя карты и собравъ множество разныхъ пробъ, вмѣстѣ съ надлежащими замѣтками, возвращаются всѣ эти офицеры къ началу зимы въ Барнаулъ, гдѣ результаты ихъ изслѣдованій подвергаются дальнѣйшей провѣркѣ и разсмотрѣнію какъ въ научномъ, такъ и въ практическихъ отношеніяхъ.

Что касается до растительности степи, то характеръ ея вообще довольно однообразенъ; впрочемъ, естествоиспытателю она представляетъ достаточно интересныхъ видовъ, преимущественно изъ числа травъ и лѣсныхъ кустарниковъ. Разнообразіе въ этомъ отношеніи преимущественно зависитъ отъ почвы, смотря по тому, песчана ли она, или кромѣ того солонцовата, состоитъ ли она изъ разорваннаго гранита или изъ мягкаго ила.

Хотя породами животныхъ Джунгарская степь не очень богата, однако же изъ тѣхъ, которыя тамъ встрѣчаются, есть нѣкоторыя породы, заслуживающія особеннаго вниманія. Какъ напримѣръ, куланъ (дикая лошадь, Equus onager), попадающійся вообще рѣдко, и тигръ, который еще рѣже забѣгаетъ къ берегамъ Иртыша. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, близъ Бухтармы, показался было тигръ, успѣвшій растерзать одного человѣка и нѣсколько собакъ, но онъ не долго тамъ свирѣпствовалъ; окрестные жители, собравшись толпою и вооружившись кто ружьемъ, а кто граблями, вскорѣ его пришибли. За то красивыя и необыкновенно быстрыя сайги (antilope saiga) расхаживаютъ тамъ цѣлыми стадами; несчастныя животныя эти лѣтомъ сильно страдаютъ отъ слѣпней (Oestris Antilopum), которые разводятъ свое племя на спинахъ у антилопъ, такъ что шкура послѣднихъ бываетъ проточена этими насѣкомыми, какъ рѣшето. Кромѣ того, на ска-

листыхъ гребняхъ горъ обитаютъ аргали (Aedoceros Argail), а при наступленіи зимы изъ долинъ Алтая выходятъ въ равнину изюбри, за которыми слѣдуютъ волки. Казаки, промышляющіе ловомъ дикихъ животныхъ, устраиваютъ по протоптаннымъ животными тропинкамъ западни и ямы.

Драхвы, тоже разгуливающія цѣлыми стадами, отличаются такою же пугливостью, какъ и ихъ европейскія сродственницы. Гораздо легче даются киргизамъ перепелки, которыхъ они загоняютъ въ кругъ и убиваютъ просто палками. Про тамошняго малорослаго зайца туземцы разсказываютъ удивительную сказку, будто онъ по вечерамъ поетъ также мелодично, какъ и соловей, — звуки эти были слышны въ мѣстахъ, гдѣ этотъ звѣрекъ роетъ себѣ норки, но самаго пѣвуна ни разу еще не удавалось подстеречь. Зато не подлежитъ сомнѣнію то, что онъ собираетъ степныя травы и сушитъ ихъ на солнцѣ, заготовляя такимъ образомъ на зиму болѣе запасовъ сѣна, нежели киргизы, пренебрегающіе подобной предусмотрительностью.

Что касается до встрѣчающихся въ той странѣ насѣкомыхъ, то тщательнымъ изслѣдованіемъ ихъ породъ много занимался завѣдывавшій довольно долго госпиталемъ въ Барнаулѣ, докторъ Геблеръ, обществу котораго Аткинсонъ обязанъ нѣсколькими пріятными часами. По отзыву Геблера, большая часть видовъ легкокрылыхъ бабочекъ, попадающихся въ Джунгарской степи, не отличаются отъ европейскихъ видовъ, подобно тому, какъ многіе изъ обыкновенныхъ видовъ растеній Германіи встрѣчаются и въ Сибири. Шпанская муха мѣстами попадается въ степи въ такомъ множествѣ, что всѣ аптеки въ окружности снабжены туземною шпанскою мухою. Насѣкомыхъ этихъ ежегодно собираютъ тамъ до 8-ми центнеровъ. Что же касается до гусеницъ, то до сихъ поръ не было слышно, чтобъ алтайскіе лѣса страдали отъ ихъ прожорливости, только черемуха (Punus Padus) иногда подвергается ихъ нападеніямъ. Поэтому и питающіяся этими маленькими истребителями летучія мыши и ночныя ласточки

встрѣчаются весьма рѣдко. Чрезмѣрному размноженію насѣкомыхъ вообще противодѣйствуютъ ежегодные степные пожары, а въ обширныхъ низменностяхъ рѣкъ — разливы водъ, бывающіе въ началѣ лѣта.

Настоящая перелетная саранча появляется здѣсь очень рѣдко и то въ немногихъ экземплярахъ, но за то принадлежащіе къ этому же семейству три мелкіе вида gryllus barabensis, clavimanus и Laxmanus Pall. размножаются страшно; въ 1812 г. они даже истребили большую часть хлѣба на корню и произвели дороговизну. Благочестивая саранча (mantis religiosa, hemiptera) попадается одиночками по берегамъ Иртыша; подъ каменьями живутъ скорпіоны, на зонтичныхъ растеніяхъ разные маленькіе жучки, а въ степи — многочисленные, еще не изслѣдованные, виды муравьевъ.

Киргизы, которыхъ посѣтилъ Аткинсонъ, всѣ принадлежали къ Средней Ордѣ, кочевья которой простираются отъ верхняго Иртыша до восточныхъ степей Аральскаго озера. Значительная часть этихъ киргизовъ, преимущественно найманцы, состояли собственно въ подданствѣ у китайцевъ; другіе же признаютъ владычество русскихъ, но есть и такіе, которые постоянно переходятъ изъ одного подданства въ другое. Малая Орда кочуетъ между Аральскимъ озеромъ и Каспійскимъ моремъ, а такъ называемая Большая или Золотая Орда простираетъ свои кочевья до Ташкента и Кокана. Нѣкоторые роды Большой Орды своею дикостью пріобрѣли названіе дико-каменныхъ или кара-киргизовъ. Объ нихъ намъ придется въ послѣдствіи говорить подробнѣе.

Жертвенное пиршество у калмыковъ.

VIII.

Странствованіе по горамъ и озерамъ алтайскимъ.

Зимнія бури (пурги). — Земледѣліе въ Алтайскихъ горахъ. — Охота на сѣнасовъ. — Супруга Аткинсона. — Золотоносные пріиски по верхнему теченію р. Томы. — Приключенія съ медвѣдями. — Алтынъ-Куль или Золотое озеро. — Прелести и опасности путешествія водою. — Водопады. — Горные обрывы. — Непогода. — Бѣглые Черкесы. — Восхожденіе на Бѣлуху. — Епта, калмыцкій охотникъ. — Жертвенное пиршество. — Источники Чугаша. — Бѣлуха. — Катунь. — Снѣжныя вьюги. — Опасныя переправы черезъ рѣки. — Переѣздъ черезъ горную окраину. — Посѣщеніе калмыковъ. — Хаиръ-Кумынъ.

Зиму Аткинсонъ провелъ въ *Барнаулѣ* — средоточіи алтайскаго горнаго промысла. Передъ тѣмъ, къ концу уже своихъ разъѣздовъ по Джунгарской степи, ему довелось вытерпѣть такую сибирскую пургу, что онъ потерялъ всякую

охоту къ повтореніямъ. Подобныя снѣжныя вьюги ужасны тѣмъ, что если пурга захватитъ путника въ открытомъ полѣ, то его засыплетъ самымъ мелкимъ снѣгомъ, набивающимся во всѣ складки платья, такъ что у несчастнаго всѣ чувства какъ будто коченѣютъ. Несчастные случаи съ застигнутыми такою вьюгою путниками повторяются безпрестанно. Управляющій Змѣиногорскимъ рудникомъ разсказывалъ Аткинсону, что ему однажды надо было перейти, въ такой буранъ, черезъ площадь, отдѣляющую его домъ отъ церкви. Вьюга его до того закрутила, что онъ тотчасъ же сбился съ дороги и попалъ въ домъ, находящійся на совершенно противоположномъ концѣ улицы, въ разстояніи четверти часа пути. Тому же управляющему, во время одной изъ его поѣздокъ, послѣ снѣжной пурги, попался казакъ, замерзшій въ снѣгу вмѣстѣ съ своею лошадью, недалеко отъ станціоннаго дома: казакъ, какъ сидѣлъ на лошади, такъ и остался на ней въ сидячемъ положеніи. Однажды сильная пурга застигла мать съ двумя дѣтьми въ полѣ; дѣтей ей удалось прикрыть шубою, но ее самое занесло снѣгомъ, и на другой день нашли малютокъ еще живыми, а мать уже мертвою. Пурга — это такой непріятель, противъ котораго и англичанину трудно бороться, — поэтому и Аткинсонъ предпочелъ лучше, оставаясь въ кругу любезныхъ и гостепріимныхъ горныхъ офицеровъ, раздѣлять ихъ зимнія удовольствія и развлеченія, состоящія преимущественно изъ баловъ и концертовъ.

Между тѣмъ Аткинсону удалось собрать кое-какія, нелишенныя интереса, свѣдѣнія о положеніи горнаго дѣла въ Алтаѣ и о тамошнихъ заводахъ. Общая добыча *золота*, въ теченіе года, простирается круглымъ числомъ до 75,000 фунтовъ, а *серебра* до 9,000 фунтовъ. Изъ всѣхъ рудниковъ и пріисковъ минеральныя богатства собираются первоначально въ Барнаулѣ, откуда караваны съ драгоцѣнными металлами отправляются въ С.-Петербургъ шесть разъ въ годъ, при чемъ, на переѣздъ изъ Барнаула до Петербурга, требуется обыкновенно до двухъ мѣсяцевъ времени.

Въ Алтайскихъ горахъ, кромѣ благородныхъ металловъ, попадаются также мѣдь и желѣзо; но разработкѣ рудниковъ, изобилующихъ этими металлами, да и вообще развитію горнаго промысла, во многихъ мѣстахъ, препятствуетъ недостатокъ въ хорошемъ топливѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лѣсъ растетъ въ изобиліи, но слишкомъ далеко отъ рудныхъ пространствъ, а въ другихъ густые прежде лѣса исчезли отъ безпорядочнаго хозяйства. Только въ недавнее время правительство начало прилагать попеченія о введеніи въ Алтаѣ правильнаго ухода за лѣсами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обращать вниманіе на разработку каменнаго угля, попадающагося въ нѣкоторыхъ мѣстахъ толстыми пластами. Въ Колывани находятся также гранильныя фабрики, но работы на нихъ производятся не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ Екатеринбургѣ.—Аткинсонъ полагаетъ, что если бы рабочимъ было дозволено заниматься на собственный счетъ, не стѣсняя ихъ предписаніями на счетъ того, какія издѣлія должны быть ими изготовляемы, и если бы находящаяся тамъ въ изобиліи водяная сила употребляема была ими въ дѣло съ надлежащимъ разсчетомъ, то въ тамошней мѣстности могло бы развиться въ значительныхъ размѣрахъ гранильное производство, потому что самый лучшій матеріялъ для подобнаго рода издѣлій попадается въ Алтайскихъ горахъ во множествѣ.

Зима держалась въ этотъ годъ необыкновенно долго, и такъ какъ снѣгу въ горахъ выпало очень много, то весною вода въ рѣкахъ поднялась очень высоко. Вся долина рѣки Оби была залита слишкомъ на десять верстъ въ ширину, и Аткинсонъ долго не могъ предпринять своихъ разъѣздовъ по Алтайскимъ горамъ, проводя время въ тщетномъ ожиданіи.

Когда наконецъ воды спали, и наступило лѣто, то нашему путешественнику, бывшему вмѣстѣ съ тѣмъ страстнымъ охотникомъ, много пріятнаго развлеченія доставила охота на бекасовъ. Дичь эта, въ ту пору года скрывалась

въ такомъ множествѣ въ злачныхъ низменностяхъ Алтая, что одинъ изъ спутниковъ Аткинсона успѣлъ, въ продолженіе трехъ съ половиною часовъ, подстрѣлить до 72 штукъ. Кромѣ бекасовъ, въ тамошнихъ мѣстахъ нѣтъ недостатка и въ другой пернатой дичи, зимою же тамъ водятся въ большомъ количествѣ зайцы. Что касается до волковъ, то животныя эти осенью и зимою подходятъ иногда такъ близко къ человѣческому жилью, что даже становится опасно; однажды Аткинсонъ не успѣлъ отойти отъ городскихъ воротъ и двухъ сотъ шаговъ, какъ ему попалось навстрѣчу стадо волковъ, которые, къ счастію, на этотъ разъ ограничились только любопытнымъ осмотромъ иностранца, бывшаго вовсе безъ оружія.

Раньше было замѣчено, что Аткинсонъ, намѣреваясь предпринять свои странствованія по Россіи, вступилъ въ бракъ въ С.-Петербургѣ, и вмѣстѣ съ своею молодою женою отправился въ Сибирь, такъ что поѣзды его по Алтаю и по Киргизскимъ степямъ совершены были имъ въ обществѣ его жены. Аткинсонъ, правда, нигдѣ не упоминаетъ о своей спутницѣ, но, повидимому, это было сдѣлано только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы не лишить ее удовольствія обнародовать свои замѣтки особенною книгою, что и было сдѣлано послѣ его смерти. Въ путевыхъ замѣткахъ мужа нѣтъ означенія ни года, ни мѣсяца — можетъ быть, по пословицѣ: „счастливые часовъ не знаютъ“; но изъ книги его жены видно, что онъ какъ будто пріѣзжалъ за нею въ С.-Петербургъ зимою съ 1847—1848 г. Жена Аткинсона принадлежала къ одному англійскому семейству, богатому числомъ дѣтей, и уже рано вынуждена была снискивать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ. Вступивъ въ домъ генерала Муравьева, жившаго тогда въ С.-Петербургѣ, въ качествѣ гувернантки, она, въ теченіе восьми лѣтъ, руководила воспитаніемъ единственной его дочери. Самъ Аткинсонъ въ высшей степени обладалъ умѣньемъ заставить полюбить себя своею увлекательною бесѣдою, а жена его, кромѣ искусства отлично ѣздить верхомъ, стряпать и шить, обладала

неоцѣненнымъ даромъ, во всѣхъ случаяхъ жизни, подмѣчать самыя пріятныя и хорошія стороны. Путешествіе ея было распредѣлено такимъ образомъ, что 21 марта 1848 г. она была въ Екатеринбургѣ, 4 апрѣля въ Томскѣ, а 7 іюля въ Барнаулѣ, гдѣ и оставалась, пока ея мужъ предпринималъ свои поѣздки въ Алтайскихъ горахъ.

Воспользовавшись поѣздкою начальника горныхъ заводовъ, обозрѣвавшаго подвѣдомственный ему округъ, Аткинсонъ осмотрѣлъ, въ теченіе іюня 1848 г., нѣсколько рудниковъ и золотоносныхъ пріисковъ, и въ то же время успѣлъ посѣтить нѣкоторыя боковыя долины верхняго теченія р. Томи, идущія въ направленіи къ горному кряжу Ала-Тау. Его картоны обогатились великолѣпными видами лѣсовъ и горъ изъ которыхъ нѣкоторые могли бы служить превосходными моделями для сочиненія извѣстной сцены въ волчьей долинѣ изъ знаменитой оперы Вебера „Фрейшюцъ“, представляя еще то преимущество, что по близости, дѣйствительно, замѣтны были слѣды пребыванія волковъ и другихъ дикихъ животныхъ. Между прочимъ не было недостатка въ медвѣдяхъ. „Михайло Ивановичъ“, какъ обыкновенно называется у русскихъ медвѣдь, по большей части, бываетъ на столько хитеръ, что, заслышавъ приближеніе человѣка, прячется отъ него въ сторону, и путникамъ нерѣдко случается находить, гдѣ-нибудь за кустомъ, логовище медвѣдя еще совершенно теплымъ; только неутомимому охотнику, безъ устали преслѣдующему медвѣдя, удается иногда догнать косолапаго Мишку. Во время пребыванія на одномъ изъ горныхъ заводовъ въ горахъ Ала-Тау, Аткинсону разсказывали исторію, случившуюся съ однимъ изъ тамошнихъ крестьянъ на охотѣ за медвѣдями.

Одинъ изъ рабочихъ этого рудника, извѣстный охотникъ на медвѣдей, отправился вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ отыскивать слѣдъ показавшагося въ окрестностяхъ медвѣдя. Долго они отыскивали медвѣдя безуспѣшно, но наконецъ-таки открыли мѣстечко, гдѣ онъ скрывался. Медвѣдь, мирный по-

кой котораго охотники нарушили, пришелъ въ ярость и съ ужаснымъ ревомъ бросился на своихъ враговъ. Подпустивъ къ себѣ медвѣдя на разстояніе тридцати шаговъ, охотникъ выстрѣлилъ въ него изъ ружья, и дѣйствительно ранилъ, но, къ сожалѣнію, не смертельно. Разъяренное животное кинулось на охотника, товарищъ котораго, еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ, дрожа отъ страху, не сумѣлъ попасть въ медвѣдя и выстрѣлилъ мимо. Тогда однимъ ударомъ страшной своей лапы медвѣдь сорвалъ кожу съ головы охотника, и, поваливъ его наземь, сталъ грызть ему руку. Напрасно несчастный, находясь на волосъ отъ смерти, кричалъ своему товарищу, чтобы тотъ зарядилъ опять ружье, и цѣлилъ медвѣдю прямо въ голову. Совершенно растерявшись при видѣ ужаснаго зрѣлища, товарищъ, вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ медвѣдя, бросился назадъ домой, и принесъ въ рудники извѣстіе о случившейся бѣдѣ. Между тѣмъ уже завечерѣло, и такъ какъ мѣсто, гдѣ происходила описанная выше борьба съ медвѣдемъ, находилось отъ рудника въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ пути, то помощь къ несчастному охотнику могла быть отправлена только на слѣдующее утро. Нѣсколько вооруженныхъ, прибывъ на мѣсто происшествія, сначала не нашли тамъ ничего, кромѣ ружья, лужи крови и изорванныхъ клочковъ одежды, но ни медвѣдя, ни охотника не было видно. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, послѣдній былъ найденъ въ чащѣ лѣса, куда затащилъ его медвѣдь,— можетъ быть, для того, чтобы приберечь на закуску, прикрывъ его, по обыкновенію медвѣдей, кучею наломаннаго хвороста. Оказалось, что несчастный былъ еще живъ. Наскоро приготовили носилки, и отнесли умирающаго въ больницу. Однако же, врачи, осмотрѣвъ раны больнаго, нашли, что онѣ не совсѣмъ еще смертельны, и усиліямъ медиковъ удалось поставить больнаго на ноги. Но едва молодецъ поднялся съ постели, какъ уже опять заговорилъ о своемъ ружьѣ и о медвѣдѣ. Ни днемъ, ни ночью не было у него другаго разговора, какъ о томъ, чтобы опять идти въ лѣсъ и под-

стрѣлить медвѣдя. Всѣ стали сожалѣть о несчастномъ, полагая, что головной мозгъ его получилъ какое-нибудь поврежденіе отъ когтей медвѣдя, и что онъ помѣшался въ умѣ. Поэтому все лѣто его держали подъ строгимъ присмотромъ и выпустили изъ госпиталя только къ концу лѣта. Случилось, что когда нашъ молодецъ явился домой, то засталъ тамъ однихъ только дѣтей, и первое, за что онъ схватился, это было ружье. Осмотрѣвъ и найдя его въ порядкѣ, онъ перекинулъ его черезъ плечо, потомъ, уложивъ въ мѣшокъ запасъ ржанаго хлѣба, засунулъ за поясъ топоръ и тотчасъ же пустился въ лѣсъ. Долго всѣ старанія отыскать его оставались безуспѣшными, такъ что родные стали наконецъ думать, что онъ сдѣлался жертвою своего умопомѣшательства. Однако прошла недѣля, и въ одно прекрасное утро нашъ молодецъ явился домой торжествующимъ, показывая великолѣпную медвѣжью шкуру. Изъ послѣдующихъ разсказовъ его обнаружилось, что пока онъ находился въ больницѣ, мысль о претерпѣнной имъ неудачѣ не давала ему покоя, и только когда ему удалось уходить Михайла Ивановича, и честь его, какъ охотника, было спасена, онъ успокоился и рѣшился больше не охотиться на медвѣдей.

Другой случай съ медвѣдемъ, про который разсказывали Аткинсону, несравненно забавнѣе, но едва ли онъ правдоподобенъ, а именно: будто бы одинъ казацкій офицеръ, необыкновенный силачъ и притомъ очень хладнокровный, наткнувшись какъ-то въ лѣсу на медвѣдицу съ двумя медвѣжатами, смѣло бросился на нее съ простою березовою палкою въ рукахъ, и такъ ее избилъ, что она не шевельнулась, между тѣмъ, какъ поспѣшившій на помощь къ офицеру дровосѣкъ успѣлъ унести медвѣжатъ.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ Аткинсонова путешествія есть его плаваніе по озеру *Алтынъ-Куль* или *Золотое озеро*, которое онъ совершилъ послѣ своей послѣдней поѣздки. Читатель можетъ найти это озеро на большей части картъ алтайской горной системы, подъ именемъ Телецкаго

озера. Озеро это рѣдко кѣмъ посѣщается, потому что частыя бури и крутые, утесистые берега дѣлаютъ плаваніе по немъ весьма опаснымъ. Описаніе этого озера, которое мы встрѣчаемъ у Аткинсона, живо напоминаетъ Королевское озеро въ Верхней Баваріи, только Золотое озеро представляетъ характеръ болѣе величественный и дикій. Алтынъ-Куль наполняетъ водами своими огромную котловину въ Алтайскихъ Горахъ, имѣющую около четырнадцати географическихъ миль въ длину и около часа пути въ ширину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дно находили на глубинѣ двухъ тысячъ футовъ, а въ другихъ мѣстахъ глубина оказывалась еще значительнѣе. Соотвѣтственно этой глубинѣ, возвышаются со всѣхъ сторонъ вокругъ исполинскія вершины и гребни горъ. Ихъ покрытые снѣгомъ шпицы, поднимающіеся болѣе чѣмъ на 10,000 фут. надъ поверхностью моря, отражаются въ черной, какъ чернила, водѣ озера.

Такъ какъ молодая супруга Аткинсона изъявила непремѣнное желаніе раздѣлять съ нимъ опасности отважнаго плаванія по озеру, то онъ вынужденъ былъ удовлетворить ея просьбу, и 9 іюля 1848 г. выѣхалъ вмѣстѣ съ нею изъ Барнаула. По случаю затруднительности горныхъ дорогъ, молодая леди вынуждена была даже отказаться отъ своего дамскаго сѣдла, и вмѣсто того пріучить себя къ верховой ѣздѣ на манеръ мужчинъ. Впрочемъ, береговъ Алтынъ-Кула путешественники достигли безъ особыхъ приключеній.

Сверхъ того, къ обществу Аткинсона присоединились четверо горныхъ офицеровъ, а для управленія лодкою наняты были изъ сосѣднихъ жителей одиннадцать калмыковъ, которые знакомы были съ всѣми изгибами берега и уже заранѣе чуяли малѣйшую перемѣну въ погодѣ. Зато лодки, въ которыхъ предстояло Аткинсону совершить свое плаваніе по озеру, были самаго жалкаго качества и не имѣли киля. Путешественники наши пустились въ озеро съ сѣвернаго берега, отъ того пункта, гдѣ вытекаетъ изъ озера р. Бія. Аткинсонъ отлично игралъ на флейтѣ, и между тѣмъ, какъ

жалкія лады, напоминавшія собою первобытный ковчегъ, уступая усиліямъ гребцовъ, скользили по темнымъ волнамъ озера, чудесные звуки флейты разносились по всему озеру, разбиваясь о береговыя скалы и со всѣхъ сторонъ вызывая эхо. Съ удивленіемъ прислушивались загорѣлые гребцы, эти дикія дѣти природы, къ нѣжнымъ, мелодическимъ звукамъ флейты.

Сначала суда взяли направленіе вдоль западнаго берега къ небольшой бухтѣ, бока которой состояли изъ довольно крутыхъ навѣсовъ, густо-поросшихъ кедрами (Larix Sibirica). Далѣе деревья становились рѣже, и когда, наконецъ, часа черезъ полтора суда обогнули одинъ довольно далеко выдающійся утесъ, путешественникамъ открылся великолѣпный видъ на зеркальную поверхность озера, далеко разстилавшагося во всѣ стороны. Съ правой стороны возвышались громоздившіеся другъ надъ другомъ мрачные утесы значительной вышины, изъ коихъ нѣкоторые были увѣнчаны темными кедрами, а изъ воды поднималась громадная масса скалъ около 500 фут. вышиною, по всей вѣроятности, исполинскій обломокъ горы, давно уже скатившійся внизъ.

Каждая четверть часа дальнѣйшаго плаванія открывала путешественникамъ какое-нибудь новое, достойное вниманія зрѣлище; они были въ восхищеніи отъ своей поѣздки, и къ вечеру выбрали мѣсто для перваго ночлега близъ одной горной рѣчки, съ шумомъ и пѣною вырывавшейся изъ какого-то мрачнаго ущелья. Мѣстечко это, представлявшее плоскость, покатую къ озеру, было усыпано пескомъ и отдѣлялось отъ прочаго берега нѣсколькими старыми кедрами, подъ защитою которыхъ и расположились путешественники. Устроивъ себѣ предварительно шалаши изъ жердей и кусковъ березовой коры, путники развели огонь и расположились вокругъ него ужинать взятыми съ собою запасами. Но между тѣмъ, пока происходили эти приготовленія, Аткинсонъ взялъ съ собою трехъ калмыковъ и въ сопровожденіи ихъ рѣшился пробраться впередъ, придерживаясь бе-

рега рѣки; однакоже, употребивъ полчаса времени на лазанье по скаламъ, и успѣвъ въ продолженіе этого времени подвинуться лишь шаговъ на сто впередъ, онъ до того измучился, что принужденъ былъ отказаться отъ своей попытки. Ночлегъ, устроенный путешественниками, оказался вполнѣ удовлетворительнымъ: вокругъ царствовала глубокая тишина, нарушаемая только шумомъ падающей воды въ рѣку, и вскорѣ Аткинсонъ, вмѣстѣ съ прочими спутниками, уснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

На слѣдующее утро, сильный вѣтеръ до того взволновалъ прежнюю гладкую поверхность озера, что путешественники, по совѣту гребцовъ, рѣшили обождать пока вѣтеръ стихнетъ, потому что въ противномъ случаѣ ладьи, отъ сильнаго волненія, должны были неминуемо опрокинуться. Наконецъ, къ десяти часамъ, вѣтеръ улегся, и путешественники, остававшіеся все утро какъ будто въ плѣну на узкой полосѣ берега, отважились пуститься далѣе. Проплывъ около получаса, ладьи обогнули небольшой мысъ, и вошли въ красивый заливъ около двухъ миль длины и одной мили ширины. Кругомъ со всѣхъ сторонъ вздымались къ облакамъ исполинскія вершины горъ, коихъ верхнія части были покрыты снѣгомъ и ледниками. Крутыя, почти совершенно отвѣсныя береговыя скалы поднимались прямо изъ воды отъ шестисотъ до семисотъ футовъ надъ поверхностью озера, не представляя вдоль всего берега ни одного вершка ровнаго пространства, гдѣ бы могла стать нога человѣка, такъ что уже для судовъ, которымъ злая судьба привела бы потерпѣть у этого неприступнаго берега крушеніе, не могло быть ни какого спасенія. Какъ ни любилъ вообще Аткинсонъ во время своихъ путешествій дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, наперекоръ совѣтамъ боязливыхъ проводниковъ, стараясь невозможное сдѣлать возможнымъ, но въ настоящемъ случаѣ благоразуміе преодолѣло отвагу, и нашъ англичанинъ покорился увѣщаніямъ калмыковъ.

Формы береговыхъ скалъ отличались необыкновеннымъ разнообразіемъ, представляя удивительное сочетаніе разрушенныхъ замковъ и церквей; при этомъ воздушная перспектива была до такой степени прозрачна, что Аткинсонъ, въ одномъ мѣстѣ, могъ различить до двадцати трехъ грядъ горъ, слѣдовавшихъ одна за другою.

Посреди озера изъ глубины водъ поднимался громадный камень, напоминавшій собою низверженную съ высоты гору; у калмыковъ камень этотъ носилъ названіе Тмикъ-таша, т. е. каменнаго тюка. Чтобы удовлетворить своему неутолимому любопытству, Аткинсонъ взобрался на этотъ утесъ, и увидѣлъ, что онъ покрытъ разнообразными цвѣтами и мелкими красивыми кустиками, представлявшими пріятное разнообразіе для путешественника. На этомъ утесѣ, вѣроятно, таится еще много никому неизвѣстныхъ видовъ растеній, потому что никогда еще ни одинъ ботаникъ не бывалъ въ этихъ мѣстностяхъ.

Далѣе на берегу путешественники встрѣтили мѣстечко, гдѣ росъ небольшой лѣсокъ въ ущельѣ; Аткинсонъ отправился было въ этотъ лѣсокъ на охоту, но вся его добыча состояла изъ нѣсколькихъ подстрѣленныхъ имъ птицъ, величиною съ галку, да и у тѣхъ мясо было невкусно и отзывалось смолою,—доказательство, что дичь тамошняя питается преимущественно кедровыми сѣмечками. Видны были также на землѣ слѣды медвѣдей, но ихъ нельзя было преслѣдовать далеко, по причинѣ неудобной мѣстности.

Часа черезъ полтора, вниманіе путниковъ опять было привлечено шумомъ водопада, и они приблизились къ берегу. Видъ водопада былъ великолѣпный: съ обѣихъ сторонъ ущелья возвышались красные гранитные утесы, самымъ живописнымъ образомъ разукрашенные по краямъ цвѣтами и зелеными листочками. Въ глубинѣ виднѣлись темныя массы сланца, мѣстами синяго, а мѣстами желтаго цвѣта, подъ которыми красовались бѣлыя березы. И въ это-то ущелье низвергалъ свои воды горный потокъ, съ шумомъ и пѣной

разбиваясь,. въ своемъ паденіи, безчисленными брызгами и съ трескомъ гоня передъ собою разбросанные въ руслѣ обломки камней.

Подлѣ этого очаровательнаго уголка нашлось мѣстечко, достаточное только для того, чтобы путешественники, подъ защитою нѣсколькихъ огромныхъ лиственицъ, могли устроить себѣ ночлегъ.

Слѣдующій день плаванія привелъ нашихъ путешественниковъ къ другому, еще болѣе величественному водопаду, окруженному со всѣхъ сторонъ дико-романтическими скалами. Но затѣмъ опять пошли мѣста, гдѣ надлежало каждую минуту быть наготовѣ противъ опасности: берегъ на значительномъ пространствѣ представлялъ сплошную стѣну гранита, за которою слѣдовали сплошные пласты сланца отъ пятисотъ до семисотъ футовъ вышиною. Пласты эти находились въ состояніи полнѣйшаго разложенія, и связь между ними была совершенно разорвана, такъ что они представляли удивительнѣйшія формы — зрѣлище, весьма интересное для художника, но для того, кому предстояло плыть мимо этого пункта въ утломъ суднѣ, весьма нерадостное. Поэтому лодки путешественниковъ держались отъ берега въ почтительномъ разстояніи. Нѣкоторыя изъ береговыхъ скалъ представлялись совершенно свѣсившимися надъ водою: тонкіе слои сланца, не болѣе трехъ дюймовъ толщины, выдавшись фута на четыре или на пять впередъ, совершенно нависли надъ поверхностью озера, на вышинѣ сорока или пятидесяти футовъ, грозя каждую минуту опрокинуться, и, въ то же время, недалеко отъ этого мѣста значительные куски съ трескомъ и грохотомъ обрушивались въ мрачную пучину, высоко вздымая бѣлую пѣну. Подобными формами отличался берегъ на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, трехъ географическихъ миль, такъ что когда лодки благополучно миновали это опасное мѣсто, путешественники почувствовали, что у нихъ сдѣлалось какъ-то легче на сердцѣ. Едва успѣли они пристать и выбраться на берегъ, близъ устья рѣки Чирли, что-

бы распорядиться насчетъ ночлега, какъ вскорѣ поднялся сильный вѣтеръ, и все обширное озеро взволновалось. Захвати этотъ вѣтеръ путешественниковъ часомъ ранѣе, и никто изъ нихъ, вѣроятно, не увидалъ бы слѣдующаго дня. Ночью разразилась сильнѣйшая гроза, но, къ счастью путешественниковъ, въ значительномъ отдаленіи отъ того мѣста, гдѣ они остановились, и изъ нихъ никто не пострадалъ.

На слѣдующій день, послѣ полудня, путешественники достигли одного пункта, гдѣ имъ открылось самое великолѣпное и съ тѣмъ вмѣстѣ величественное зрѣлище, для достойнаго описанія котораго у Аткинсона не хватило силъ, какъ онъ самъ признается. Глазамъ путешественниковъ представилась круглая бухта, вырѣзанная въ исполинскомъ туловищѣ мощнаго горнаго кряжа Каракорума, и въ эту-то бухту низвергались съ высоты двухъ тысячъ футовъ три горные потока, образуя водопады, поражающіе своимъ дикимъ характеромъ. Громадные обломки скалъ и утесовъ самыхъ различныхъ формъ и величинъ были разбросаны тамъ повсюду въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ, и между ними прорывались огромныя массы пѣнящихся водъ, прибывающихъ безъ конца изъ огромныхъ ледниковъ, скрытыхъ на вершинахъ горъ. Тамъ и сямъ замѣтны были также ясные признаки скатившихся внизъ большихъ лавинъ. Кругомъ валялись разбросанные обломки сброшенныхъ деревъ, съ изломанными сучьями и ободранною корою. На камняхъ виднѣлись также слѣды, оставленные тамъ обрушившимися сверху обломками скалъ. Одинъ изъ такихъ обломковъ, около пятидесяти тоннъ вѣсомъ, оставался въ томъ же положеніи, въ какое попалъ при паденіи, далеко выдавшись впередъ и нависнувъ надъ озеромъ, точно какъ будто онъ каждую минуту готовъ былъ докончить начатый имъ прыжокъ. Калмыки попытались было, при помощи кольевъ и рогатинъ, свалить его въ воду, но оказалось, что онъ такъ крѣпко вдавился въ грунтъ, что всѣ ихъ усилія остались безуспѣшными.

Проведя нѣсколько часовъ въ осмотрѣ этой величественной и дикой мѣстности, путешественники наши поплыли наконецъ далѣе къ южной окопечности озера, направляясь къ устью *Чулышмана*, самой большой изъ рѣкъ, изливающихъ свои воды въ Золотое озеро, которая въ теченіи своемъ образуетъ множество шумныхъ водопадовъ. Близъ устья этой рѣки, на небольшомъ островкѣ, путешественники остановились было почевать, но вскорѣ ихъ застала тамъ такая страшная гроза съ громомъ и молніею, что русскіе стали невольно креститься. Молнія слѣдовала за молніею, перескакивая съ утеса на утесъ, и отъ одного облака къ другому, а громъ, усиливаемый безконечными раскатами эха, заглушалъ даже ревъ быстраго Чулышмана. Вообще, что касается до живописной красоты этой рѣки и мѣстностей вокругъ ея устья, то Аткинсонъ сознается, что во всей Европѣ нѣтъ ничего подобнаго, что могло бы съ ними сравниться въ этомъ отношеніи, и что ради уже одного этого зрѣлища можно предпринять поѣздку въ Алтайскія горы. Ревъ, производимый паденіемъ страшныхъ массъ воды, до того громокъ, что его можно слышать на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.

Обратное плаваніе совершено было путешественниками вдоль восточнаго берега озера, который менѣе обрывистъ и дикъ, нежели западный, но все еще очень живописенъ, и представляетъ много опасностей. Нѣсколько разъ путешественникамъ приходилось очень жутко: страшная буря неслась было прямо на нихъ, и имъ только, при величайшихъ усиліяхъ, удалось избѣжать грозившей погибели, такъ что они увидѣли необходимость снѣшить какъ можно скорѣе добраться того мѣста, откуда начали свое плаваніе, и наконецъ благополучно возвратились къ устью р. Біи.

Спустя тринадцать мѣсяцевъ послѣ посѣщенія Аткинсономъ Алтынъ-Куля, дикія окрестности этого озера сдѣлались театромъ довольно прискорбнаго происшествія, въ ко-

торомъ нашъ художникъ хотя и былъ замѣшанъ, но, къ счастью, роль его въ этомъ отношеніи была довольно комическая. Дѣло это происходило такъ. Только что возвратившись изъ поѣздки, предпринятой для обозрѣнія озера Балкаша, совершенно ободранный и загорѣлый, но веселый и здоровый, Аткинсонъ узнастъ въ Семипалатинскѣ, къ большой своей радости, что его покровитель, князь Горчаковъ, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ Западной Сибири, пріѣхалъ туда изъ Омска. Аткинсонъ тотчасъ же поспѣшилъ къ нему; но адъютанты князя, увидя передъ собою довольно невзрачнаго иностранца, въ татарскомъ костюмѣ, сначала не хотѣли его пропускать, и Аткинсону только послѣ долгихъ увѣщаній удалось пробраться къ князю, который принялъ его самымъ задушевнымъ образомъ. Первое, что Аткинсонъ узналъ отъ князя, это то, что онъ, Аткинсонъ, и былъ причиною пріѣзда князя и всей его свиты въ Семипалатинскъ. На счетъ того, какимъ образомъ могло это выйти, Аткинсону объяснили слѣдующее:

Въ концѣ сентября, когда горные офицеры только что возвратились изъ своихъ лѣтнихъ командировокъ, и всякій думалъ только о приготовленіяхъ къ предстоявшимъ балмъ и прочимъ зимнимъ увеселеніямъ, вдругъ, однажды, ночью, въ Барнаулъ прискакали нѣсколько казаковъ, нарушившихъ мирный сонъ тамошнихъ властей, и объявили, что они присланы изъ Сандинскаго пикета, расположеннаго въ долинѣ р. Би, отъ командующаго этимъ пикетомъ офицера, съ извѣстіемъ, что въ той сторонѣ появилась партія азіятцевъ, по крайней мѣрѣ около 3,000 человѣкъ, которые, прорвавшись сквозь горы, быстро двигаются впередъ, производя повсюду грабежи и пожары, и истребляя все безъ милосердія. Между тѣмъ въ Барнаулѣ, какъ разъ въ это самое время сосредоточена была вся годовая добыча алтайскихъ рудниковъ, да сверхъ того тамъ хранились на складѣ значительные запасы разныхъ товаровъ и соотвѣтствующее количество водки. Весь городъ пришелъ въ страшное смуще-

ніе: женщины стали вопить, что азіятцы уведутъ ихъ съ дѣтьми въ неволю и заставятъ доить коровъ и кобылъ, а мужчины принялись составлять планы для защиты города и разослали во всѣ стороны гонцовъ, чтобы, по возможности, собрать кое-какую помощь. Между тѣмъ, изъ долины Біи явились новые вѣстники, изъ коихъ одни говорили, что вражеское войско состоитъ изъ 7,000, а другіе даже увѣряли, что изъ 10,000 человѣкъ, снабженныхъ ружьями. При этомъ прибавляли, что разбойниками предводительствуетъ одинъ англичанинъ, по фамиліи Аткинсонъ, котораго знаютъ всѣ тамошніе служащіе. Конечно, немногіе изъ жителей Барнаула повѣрили тому, чтобы Аткинсонъ согласился принять на себя роль новѣйшаго Чингисъ-Хана и сталъ во главѣ монгольскаго войска, съ намѣреніемъ сокрушить державу Русскаго Царя; для этого, по мнѣнію ихъ, онъ былъ слишкомъ порядочный человѣкъ; но такъ какъ было извѣстно, что около года тому назадъ онъ перебрался черезъ горы по направленію къ югу, то можно было полагать, что онъ попался въ руки къ монголамъ, и тѣ его принудили служить для нихъ проводникомъ черезъ горные проходы. Впрочемъ, это послѣднее предположеніе послужило даже утѣшеніемъ русскимъ дамамъ, которыя возъимѣли надежду, что Аткинсонъ можетъ сдѣлаться заступникомъ ихъ у предводимыхъ имъ азіятцевъ и выхлопочетъ, чтобы съ ними обращались почеловѣколюбивѣе.

Страшное извѣстіе всполошило всю западную половину Сибири, и со всѣхъ сторонъ стали собираться войска, спѣша въ долину Біи. Но когда первые отряды достигли Сандинскаго караула, откуда первоначально распространились тревожныя извѣстія, то оказалось, что первые слухи были преувеличены, и что не было уже и слѣда прежней опасности. Посланы были новые гонцы съ приказаніемъ слѣдовавшимъ войскамъ остановиться и разойтись по постояннымъ квартирамъ. Когда наконецъ дѣло это разъяснилось, то вышло, что никогда ни какого монгольскаго войска въ 10,000 человѣкъ не собиралось, но что поводъ ко всей

этой кутерьмѣ подала партія изъ 40 человѣкъ черкесовъ, которые затѣяли распрю съ горными калмыками, и въ происшедшей затѣмъ схваткѣ погибли всѣ до послѣдняго. Черкесы эти были взяты въ плѣнъ русскими въ разныхъ стычкахъ на Кавказѣ, и удалены въ Сибирь, гдѣ имъ назначено было заниматься работами въ золотоносныхъ розсыпяхъ на берегу р. Бирюси. Сойдясь тамъ съ самымъ развращеннымъ народомъ, большею частью, закоренѣлыми преступниками, собравшимися туда со всѣхъ частей имперіи, они рѣшились, во что бы то ни стало, бѣжать изъ розсыпей и пробраться на родину. Къ несчастію ихъ, они не имѣли ни малѣйшихъ географическихъ познаній, и не могли никого разспросить о дорогѣ, которую имъ слѣдовало избрать для того, чтобы попасть на родину.

Занимаясь въ розсыпяхъ промывкою золота, черкесы сумѣли тайно припрятать небольшое количество золота, на которое добыли себѣ необходимое оружіе и снаряды къ нему. То и другое было спрятано ими въ одной отдаленной пещерѣ, находящейся въ дикой недоступной мѣстности. Въ одинъ условленный день они бѣжали всѣ разомъ изъ разныхъ рудниковъ, гдѣ были распредѣлены, и довольно удачно соединились въ пещерѣ. Потомъ они успѣли захватить киргизскій табунъ, изъ котораго выбрали себѣ хорошихъ верховыхъ коней, принудивъ пастуховъ служить имъ проводниками черезъ Саянскій хребетъ. Лѣсъ замѣнялъ имъ палатку, а питались они дичью. Конечно, голодъ и нужду приходилось имъ терпѣть очень часто, но надежда поддерживала смѣлыхъ горцевъ. Наконецъ, однакожъ, они достигли такихъ мѣстъ, гдѣ проводники объявили имъ, что далѣе не знаютъ, куда идти. Черкесы отпустили проводниковъ, и пустились далѣе наугадъ. Ужасно крутыя пропасти Алтая и дикіе горные потоки принуждали ихъ къ безконечнымъ обходамъ и переходамъ, и до того ихъ сбили съ толку, что они, наконецъ, къ своему несчастію, попали въ непроходимыя окрестности Алтынъ-куля и долины Біи. Тутъ-то и прои-

зошло у нихъ столкновеніе съ обитавшими тамъ калмыками. Хотѣли ли послѣдніе захватить ихъ въ плѣнъ и потомъ выдать русскимъ, или черкесы, понуждаемые крайностью, прибѣгли къ насилію, этого нельзя было узнать; результатъ былъ однако же тотъ, что нѣсколько калмыковъ было перебито черкесами, и аулъ былъ преданъ пламени. Обстоятельство это послужило сигналомъ къ заключительному акту трагедіи. Быстро разнеслась вѣсть о появленіи вооруженныхъ пришельцевъ, и, переходя изъ аула въ аулъ, достигла наконецъ, съ соотвѣтствующимъ преувеличеніемъ, казацкаго поста Сандинскаго. Случилось, что командовавшій въ форпостѣ офицеръ былъ тогда немного болѣе обыкновеннаго веселъ, по случаю праздника; долго не размышляя и не теряя времени на безполезное раздумываніе, онъ тотчасъ же отправилъ въ Барнаулъ нарочнаго съ тревожнымъ извѣстіемъ.

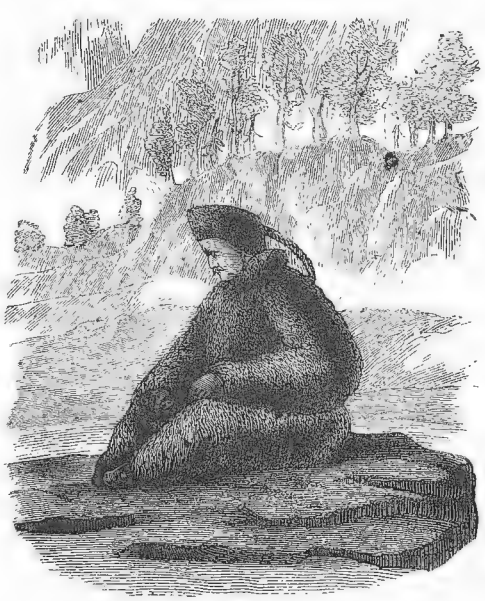
Всѣ общества калмыковъ, населявшихъ долину р. Біи и окрестности Алтынъ-куля, соединились, и, зная превосходно всѣ ущелія и тропинки, сначала преградили черкесамъ пути къ спасенію, а потомъ загнали ихъ въ такую трущобу, откуда не было ни какого выхода. Когда, наконецъ, черкесы приблизились на разстояніе ружейнаго выстрѣла, между ними и калмыками завязалась смертельная перестрѣлка. Скрываясь въ засадѣ, калмыки были въ явномъ преимуществѣ передъ черкесами, и могли цѣлить въ нихъ почти въ упоръ. Черкесы такъ и падали одинъ за другимъ отъ мѣткихъ выстрѣловъ своихъ озлобленныхъ враговъ. Къ вечеру того дня, число черкесовъ съ 40 уменьшилось до 15, которые, бросивъ своихъ лошадей, пытались было по острымъ камнямъ и утесамъ выкарабкаться изъ ущелья. Не перекусивши въ теченіе цѣлаго дня ни крохи и совершенно выбившись изъ силъ, они вынуждены были ночевать на голыхъ камняхъ, подъ открытымъ небомъ. Когда разсвѣло, черкесы пустились карабкаться далѣе, и уже приближались къ маленькому лѣсочку, какъ вдругъ навстрѣчу имъ раздался ружейный залпъ засѣвшихъ въ лѣсу калмыковъ;

трое черкесовъ пали мгновенно, а еще пятеро были подстрѣлены на преслѣдованіи. Отчаянная погоня возобновилась опять, черезъ нѣсколько времени осталось въ живыхъ только четверо черкесовъ, которые успѣли скрыться въ лѣсу. Наконецъ, кажется, сами стихіи рѣшились принять участіе въ человѣческой борьбѣ. Небывалая по страшной ярости буря разразилась съ громомъ, молніею, снѣжною вьюгою и всевозможными невзгодами. Калмыки вынужденными нашлись поспѣшно отступить, предоставивъ рѣшенію высшихъ силъ окончаніе этого печальнаго акта. Четыре дня длилась буря и снѣжная пурга, и ни одна живая душа послѣ того не слыхала ничего о послѣднихъ четырехъ черкесахъ. Безъ сомнѣнія, они вскорѣ всѣ погибли отъ голода, холода и страшно мучившей ихъ жажды.

Совершивъ благополучно свое опасное плаваніе по озеру Алтынъ-куля, Аткинсонъ рѣшился посѣтить и самую высокую изъ Алтайскихъ Горъ, *Бѣлуху*, не смотря на то, что знакомые его представляли это предпріятіе, по случаю поздняго времени года, дѣломъ неисполнимымъ. Надъ трудностями, представляемыми погодою и дикою природою, онъ надѣялся восторжествовать при помощи своей упрямой, энергической воли и своего крѣпкаго тѣлосложенія, а что касается до туземныхъ проводниковъ, безъ которыхъ онъ не могъ обойтись, то для нихъ у него былъ припасенъ всемогущій талисманъ, которому ни русскій звѣроловъ, ни косматый калмыкъ не въ состояніи были противиться—хорошій запасецъ водки и рома.

Большею частью, ему пришлось проѣзжать по тѣмъ же самымъ мѣстностямъ, которыя онъ уже имѣлъ случай посѣтить въ 1847 году. Сначала еще была кое-какая возможность ѣхать въ тряскомъ тарантасѣ; но потомъ и эта дорога кончилась, и Аткинсонъ пустился далѣе верхомъ. Такимъ образомъ добрался онъ до рѣки Чарыша, значительнаго притока Оби, и, посѣтивъ послѣднее селеніе на этой рѣкѣ, Чечулиху, направился далѣе, въ долину р. Коксы,

перерѣзавъ небольшія степныя пространства и нѣсколько горныхъ хребтовъ. Тамъ, гдѣ бурныя воды Катуни соединяются съ Коксою, лежитъ *Уймонъ*, крайній населенный пунктъ въ этихъ горахъ, а по ту сторону рѣки — по ученію русскихъ географовъ — начинается Алтай, т. е. горный хребетъ, обитаемый калмыками. Съ этими-то косматыми молодцами пришлось теперь Аткинсону имѣть дѣло. Кромѣ одного, пользовавшагося въ окрестностяхъ всеобщею извѣстностью, русскаго охотника, Аткинсонъ нанялъ еще одного знаменитаго калмыцкаго Нимврода, *Enny*, изображеніе котораго увѣковѣчилъ карандашъ его. Послѣдній былъ вполнѣ закаленный для всѣхъ трудностей охотникъ, изрыскавшій, на поискахъ своихъ за оленями, ямanами и медвѣдями, сосѣднія горы по всѣмъ направленіямъ, и изучившій всѣ малѣйшіе закоулки въ горахъ, какъ свои пять пальцевъ. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ проводниковъ, Аткинсонъ нанялъ еще пятерыхъ калмыковъ, которые должны были провожать его до Бѣлухи. Одинъ изъ нихъ, котораго товарищи называли чортомъ, былъ небольшаго роста, но крѣпокъ и силенъ, какъ барсъ, съ двумя длинными, развѣвавшимися по спинѣ космами и парою глазъ черныхъ какъ уголь. Такими же закален-



Enta.

ными охотниками были и прочіе провожатые, которымъ было не почемъ провесть нѣсколько недѣль подъ открытымъ небомъ въ бурю и снѣжную вьюгу. Для каждаго изъ нихъ былъ нанятъ особый надежный конь, и, сверхъ того, для перевозки нѣкоторыхъ запасовъ взято было нѣсколько вьючныхъ лошадей. Небольшая парусинная палатка предназначалась собственно для особы Аткинсона.

Когда Аткинсонъ возвѣстилъ проводникамъ, что не смотря на наступившую уже осень, онъ затѣялъ взобраться на Бѣлуху, то они сначала пришли было въ нерѣшительность; но Аткинсонъ показалъ имъ на запасъ водки, который онъ приготовилъ взять съ собою, и глаза неутомимыхъ лѣсниковъ заблистали. Бодро возразили они Аткинсону, что на слѣдующій день будутъ готовы отправиться съ нимъ въ дорогу.

Такимъ образомъ, на слѣдующее утро Аткинсонъ двинулся съ своимъ маленькимъ караваномъ вверхъ по долинѣ Чугаша, не смотря на то, что выпалъ сильный туманъ и шелъ проливной дождь. Пришлось пробираться по такимъ мѣстамъ, гдѣ собственно не было и слѣда проложенныхъ тропинокъ: дорога шла то въ гору, по острымъ камнямъ и скалистымъ гребнямъ, черезъ поляны, покрытыя снѣгомъ, и глубокую трясину, то опять внизъ подъ гору, почти съ отвѣсной крутизны, черезъ обширные лѣса, состоявшіе изъ лиственицъ, сосенъ и березъ.

Для ночлега путники старались выбирать мѣсто, по возможности, гдѣ-нибудь подъ защитою кучки большихъ деревъ, причемъ, конечно, разводился огонь, служившій какъ для согрѣванія путниковъ, такъ и для приготовленія пищи. Когда скудный запасъ хлѣба весь вышелъ, пришлось питаться тѣмъ, что удавалось добыть при помощи ружья. Впрочемъ, за ужиномъ у путешественниковъ появлялись рябчики, дикія утки и яманы, причемъ спутники Аткинсона обыкновенно обнаруживали ужасающій аппетитъ, который можно было только отчасти объяснить дневными трудами. По этому случаю Аткинсонъ замѣчаетъ, что вѣроятно, даже

лондонскіе альдермены пришли бы въ ужасъ, при видѣ громадныхъ порцій мяса, которыя калмыцкіе охотники въ состояніи истребить заразъ. Обыкновенно бралась ляжка дикой козы и разрѣзывалась на нѣсколько длинныхъ, въ дюймъ толщиною, кусковъ, которые, штукъ по двадцати, разомъ втыкались на палку, вставляемую однимъ концемъ въ землю, надъ самымъ огнемъ. Когда верхній кусокъ былъ готовъ, то есть снаружи наполовину прожаренъ, а снутри еще кровавый, калмыкъ обмокалъ его въ соль и пожиралъ совершенно горячимъ, безъ хлѣба и безъ подливки. За первымъ кускомъ, тѣмъ же путемъ, слѣдовали и прочіе куски. А если случалось, что послѣ особенно усиленнаго перехода, Аткинсонъ раздавалъ проводникамъ двойную порцію водки или угощалъ ихъ пуншемъ, то они вскорѣ забывали всякое утомленіе, и сосѣдній лѣсъ оглашался такими веселыми пѣснями и смѣхомъ, что медвѣди осторожно прятались въ берлоги.

Калмыцкій жрецъ

Совершивъ переходъ въ нѣсколько часовъ черезъ степное пространство, какъ будто втиснутое межъ двухъ горныхъ кряжей, путники невзначай попали въ калмыцкій аулъ, расположившійся было пасти тамъ свои стада. Аткинсонъ и его проводники явились ровно въ то самое время, когда

въ аулѣ устроивалось жертвоприношеніе. Одному калмыцкому хозяину вздумалось умилостивить своихъ боговъ, чтобъ они помогли ему поскорѣе умножить свои стада, для чего онъ и отдалъ своему жрецу бѣлаго барана. Что касается до этого достойнаго мужа, то, по описанію Аткинсона, онъ отличался отъ прочихъ калмыковъ красною бархатною шапочкою, украшенною стеклярусомъ, мѣдными шариками и перьями; къ его кожаной курткѣ было пришито множество кожаныхъ же кистей, а поясъ былъ обсаженъ мѣдными бубенчиками и желѣзными побрякушками. Торжественно передалъ онъ жертвенное животное своему помощнику, который закололъ его по правиламъ искусства, снялъ съ него кожу, и разсѣкъ на части. Шкура съ рогами была вздѣта на палку, которую выставили въ такомъ положеніи, что голова была обращена на востокъ, для того, чтобъ богамъ было вполнѣ понятно, о чемъ ихъ просятъ. Жрецъ тоже обратилъ свой ликъ къ солнечному восходу, и принялся усердно дубасить небольшою палкою по висѣвшему тутъ же барабану, причитая длинныя молитвы. Пока совершалась эта церемонія, мясо барана въ котлѣ уже сварилось, и все общество приступило наконецъ къ уничтоженію его.

Не смотря однако же на все свое мужество въ перенесеніи разныхъ возможныхъ лишеній, Аткинсонъ не рѣшился ночевать въ калмыцкой юртѣ. Ужасающая нечистота, господствовавшая во всемъ аулѣ, поразила его до того, что онъ рѣшился лучше провести ночь въ лѣсу, въ обществѣ медвѣдей.

Нѣсколько переходовъ привели нашихъ путниковъ къ источникамъ *Чугаша* и къ небольшому озеру, находящемуся по близости этой рѣки. Хотя общій характеръ этого озера былъ дикъ и негостепріименъ, но окрестности его, славящіяся изобиліемъ большихъ оленей, часто привлекаютъ туда охотниковъ. Впрочемъ, въ тамошнемъ краю находится много горныхъ озеръ, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются такою значительною глубиною и такимъ изобиліемъ въ рыбѣ, что

казаки находятъ для себя выгоднымъ ѣздить туда зимою для того, чтобъ ловить рыбу подо льдомъ. Наконецъ, совершивъ нѣсколько переваловъ черезъ горныя цѣпи, которыя вздымались до полосы снѣга и соперничали другъ съ другомъ въ дикости, перейдя черезъ нѣсколько долинъ, переправившись черезъ множество рѣкъ и пробравшись сквозь обширные лѣса, путники очутились наконецъ у подошвы *Бѣлухи*.

Горная порода, изъ которой состоитъ этотъ великанъ и прочіе, окружающіе его пригорки, есть зеленоватый сланецъ, не представляющій большаго противодѣйствія вывѣтриванію. Рѣки, которыя питаются водами изъ многочисленныхъ ледниковъ, какъ напримѣръ черный и бѣлый *Берилъ*, получаютъ оттого какой-то особенный, опаловый оттѣнокъ: вода этихъ рѣкъ имѣетъ млечно-зеленоватый цвѣтъ. Такъ какъ утромъ, которое было назначено Аткинсономъ для восхожденія на Бѣлуху, погода была пасмурная и дождливая, то онъ почелъ болѣе благоразумнымъ немного обождать, а между тѣмъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы посѣтить горячіе ключи, лежащіе съ южной стороны этой горной группы, гдѣ, между прочимъ, встрѣтилъ нѣсколько калмыковъ, отъ которыхъ узналъ, что цѣлебное дѣйствіе этихъ ключей извѣстно и обитателямъ степей, которые нерѣдко прибѣгаютъ къ нимъ за помощью.

Наконецъ, погода прояснилась, и караванъ тронулся съ мѣста. Первыя семь верстъ можно было еще кое-какъ ѣхать верхомъ по альпійскимъ лугамъ, но потомъ дорога сдѣлалась до того непроходима и крута, что оставалось одно средство — пробираться пѣшкомъ. Аткинсонъ выбралъ себѣ въ помощники пятерыхъ самыхъ расторопныхъ и надежныхъ своихъ проводниковъ, а прочихъ отправилъ съ лошадьми назадъ къ тому мѣсту, гдѣ караванъ передъ тѣмъ останавливался, съ приказаніемъ, позаботиться своевременно объ ужинѣ, и потомъ ожидать его съ лошадьми на томъ самомъ мѣстѣ, за часъ до заката солнца. Оружіе и нѣкоторые запасы были спрятаны

Горное озеро близъ истоковъ Чуташа.

подъ защитою утесовъ, такъ какъ въ снѣжномъ поясѣ, куда намѣревался подняться Аткинсонъ, нечего было опасаться ни дикихъ звѣрей, ни разбойниковъ. Нѣсколько холодной жареной дичины — хлѣбъ уже весь вышелъ — и достаточное количество воды, да еще бутылка наливки составляли все, что Аткинсонъ рѣшилъ взять съ собою. Такимъ образомъ, около десяти часовъ утра, неустрашимые путешественники начали свое трудное предпріятіе, карабкаясь черезъ утесы и остатки лавинъ, свалившихся въ теченіе лѣта съ вершины Бѣлухи.

Подвигаясь съ большими усиліями впередъ, путники вдругъ увидѣли, что дорогу преграждаетъ пропасть около полутораста футовъ въ ширину. Снѣжныя лавины, льдины и обломки скалъ, набросанные другъ на друга въ дикомъ безпорядкѣ, составляли своеобразный мостъ, изъ-подъ котораго вырывался горный потокъ, разбрасывавшій во всѣ стороны пѣну, которая разъѣдала хрупкую арку. Не смотря на шаткость этого естественнаго моста, путники рискнули перейти гору, и перебравшись по немъ на ту сторону пропасти, наткнулись на громадный ледникъ, котораго исполинская вѣтвь спускалась въ необозримую горную пасть. Въ твердомъ, синевато-блестящемъ льдѣ этого ледника виднѣлись два кристалловые грота, изъ которыхъ вырывались, въ видѣ сверкающихъ водопадовъ, источники Катуни. Дальше по этому направленію не было уже возможности двигаться; со всѣхъ сторонъ путниковъ нашихъ окружали непроходимыя пропасти, такъ что они были вынуждены повернуть на другую сторону, чтобы попытаться приблизиться къ вершинѣ Бѣлухи съ западной стороны. Такимъ образомъ, перебравшись въ этомъ направленіи еще черезъ одну пропасть, по мосту изъ рыхлаго снѣга, Аткинсонъ достигъ гребня, состоявшаго изъ разсыпчатаго камня, и простиравшагося до самой верхушки горы. Пообѣдавъ въ этомъ мѣстѣ, подъ защитою утесовъ, Аткинсонъ тронулся съ своими спутниками дальше, карабкаясь съ одного уступа на другой. Вскорѣ они достигли

склона, покрытаго заледенѣлымъ снѣгомъ; пробравшись по этому склону съ величайшими усиліями шаговъ около 300, они остановились у подножія обоихъ роговъ, образующихъ вершину исполинской горы. Взобраться на послѣдніе не представлялось ни какой возможности, потому что бока этихъ роговъ поднимались совершенно отвѣсно футовъ на 800 или 1000 въ вышину, и по большей части были покрыты совершенно гладкимъ льдомъ. Только тамъ и сямъ проглядывали гладкіе утесы сланца. Между обоими рогами виднѣлся громадный ледникъ, который спускался въ западномъ направленіи въ мрачную пропасть. Впрочемъ, путники достигли уже пункта, который возвышался надъ всѣми прочими отраслями Алтая, и оттуда они, при ясной погодѣ, могли наслаждаться великолѣпнѣйшимъ видомъ на окрестности. На западъ взорамъ ихъ открывалась обширная киргизская степь, простиравшаяся къ востоку отъ озера Зайсана, и тянувшаяся въ этомъ направленіи до великой Гоби. Вдали сверкала ясная поверхность нѣсколькихъ озеръ и множества рѣкъ, точно сѣть изъ серебряныхъ нитокъ, пересѣкала въ разныхъ направленіяхъ зеленыя долины, исчезая въ отдаленныхъ низменностяхъ. Между тѣмъ, пока Аткинсонъ съ восторгомъ озирался во всѣ стороны, упиваясь великолѣпною картиною, представлявшеюся его глазамъ, и совершенно забывъ объ испытанныхъ имъ непріятностяхъ, проводники его замѣтили, что небо покрылось красками, которыя обыкновенно предвѣщаютъ перемѣну погоды. Надо было, во что бы то ни стало, спѣшить въ обратный путь, потому что переправа черезъ пропасти по рыхлому снѣгу и хрупкимъ утесамъ, въ бурю, грозила вѣрною смертью. Даже калмыцкіе охотники, которые обыкновенно, даже въ самую ужасную грозу, спокойно посиживаютъ себѣ въ лѣсу и покуриваютъ трубочку, и тѣ начали со страхомъ торопить Аткинсона.

Возвращеніе шло сначала довольно медленно по камнямъ, которые поминутно скользили изъ-подъ ногъ, и только когда путники почувствовали подъ собою твердый каменистый

грунтъ, стали они двигаться быстрѣе. Между тѣмъ оба рога Бѣлухи одѣлись зловѣщею густою шапкою тумана, которая, видимо увеличиваясь въ размѣрахъ, продолжала быстро опускаться. Переправившись успѣшно черезъ пропасть, по роковому снѣжному мосту, путники поспѣшили къ тому мѣсту, гдѣ было спрятано оружіе, и гдѣ ихъ ожидали лошади, преслѣдуемые облаками тумана, которыя какъ привидѣнія тянулись за бѣглецами, и едва успѣлъ Аткинсонъ съ своими проводниками, вскочивъ на лошадей, пуститься по дорогѣ къ мѣсту роздыха, устроенному въ лѣсу, какъ разыгралась грозная буря, и поднялась страшная снѣжная вьюга. Подлѣ палатки Аткинсона былъ разведенъ огромный костеръ, который всю ночь боролся съ вѣтромъ, страшно завывавшимъ въ лѣсной чащѣ. Когда путешественники проснулись на слѣдующее утро, всѣ лужи вокругъ были покрыты ледяною корою въ полдюйма толщиною, а окрестность была одѣта снѣжнымъ покровомъ.

Такъ какъ проводники продолжали настоятельно увѣщевать Аткинсона, чтобы онъ не медлилъ остановками, и такъ какъ главная его цѣль была достигнута, то онъ рѣшился тотчасъ же отправиться въ обратный путь. Главная опасность, которая имъ предстояла, заключалась въ переправѣ черезъ горныя рѣки, которыя отъ дождя поднимаются слишкомъ высоко. Такимъ образомъ, въ одномъ мѣстѣ путешественники были на волосъ отъ погибели. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что бурные горные потоки не иначе можно переплывать, какъ нѣсколькимъ всадникамъ рядомъ, которые, придерживаясь вмѣстѣ, могутъ противопоставить такимъ образомъ достаточное сопротивленіе напору волнъ. Если же всадники переплываютъ рѣку по-одиночкѣ, или даже по-двое и по-трое, то сильное теченіе часто увлекаетъ ихъ въ пучину. Когда Аткинсонъ переправлялся черезъ бурный Тургань, вода въ этой рѣкѣ достигла уже крайнихъ предѣловъ подъема, при которомъ вообще только возможна переправа. Когда путники были уже въ безопасности, на проти-

воположномъ берегу, то калмыкъ Епта положилъ камень у самаго края воды, и не успѣлъ онъ опять сѣсть въ сѣдло, какъ уже волны залили этотъ камень — доказательство того, какъ онѣ быстро поднимались. Опоздай Аткинсонъ съ своими проводниками только нѣсколькими минутами, переправа была бы невозможна.

При другой, не менѣе опасной переправѣ черезъ рѣку, калмыкъ разсказывалъ Аткинсону, что въ этомъ мѣстѣ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, погибло нѣсколько китайскихъ всадниковъ, которые хотѣли было доставить провіантъ своимъ товарищамъ, находившимся въ пограничной крѣпостцѣ, но на переправѣ были увлечены теченіемъ и потонули. По поводу опасности этой переправы, китайское правительство распорядилось перевести крѣпостцу далѣе на югъ.

Сначала путешественники слѣдовали по той же дорогѣ, которою они ѣхали въ первый разъ, но когда погода прояснилась и солнышко выглянуло изъ-за тучъ, то Епта предложилъ свернуть на боковую тропинку, хорошо ему знакомую, которая значительно сокращала разстояніе. Но тутъ путникамъ пришлось переправляться черезъ высокій горный кряжъ, внутри котораго нерѣдко попадаются большіе олени и соболи.

Однажды путешественники, съ трудомъ проложивъ себѣ дорогу сквозь густой кустарникъ, и взобравшись на крутой обрывъ горы, ѣхали по гребню горъ, густо поросшихъ малиною. „Это любимое мѣстечко медвѣдей,“ сталъ разсказывать своимъ товарищамъ Епта, но едва онъ произнесъ эти слова, какъ что-то зашелестило вблизи, и изъ-за кустовъ выскочила медвѣдица съ двумя молодыми медвѣжатами; они всѣ бросились въ сторону. Преслѣдовать ихъ не было ни какой возможности, потому что мѣстность рѣшительно не дозволяла этого. Вмѣсто того, Аткинсону удалось подстрѣлить отличнаго дикаго козла, изъ котораго вышло прекрасное жаркое на ужинъ. Горный хребетъ, по которому путники слѣдовали, кончался у крутаго гребня скалъ, у подножія кото-

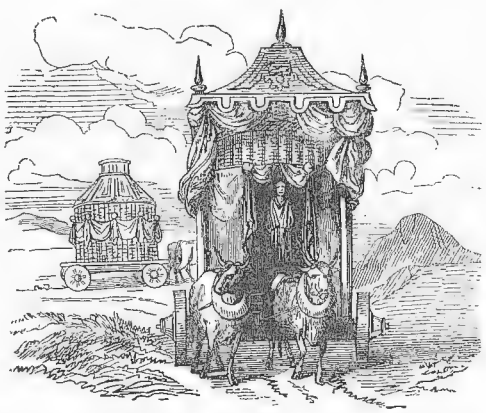
раго, на глубинѣ 3,000 футовъ, бушевала разъяренная Катунь. Здѣсь Аткинсонъ узналъ что такое калмыцкіе охотники за соболями называютъ „бомбъ“. Это была узенькая горная тропинка около трехъ или четырехъ футовъ въ ширину, которая, довольно неправильно поднимаясь и понижаясь, прилегала съ одной стороны плотно къ отвѣсной стѣнѣ. Съ другой стороны тропинки шелъ крутой обрывъ около пятисотъ футовъ глубины. На этой тропинкѣ не возможно было ни разойтись, ни повернуть назадъ. Поэтому, чтобы избѣжать возможности несчастной встрѣчи съ охотниками, которые могли появиться съ противоположной стороны, караванъ остановился, и послалъ одного калмыка впередъ. Пройдя по этой опасной дорожкѣ, и не встрѣтивъ никого, калмыкъ положилъ, согласно мѣстному обыкновенію, на противоположномъ концѣ свою шапку, для предупрежденія прочихъ путниковъ, потомъ воротился, и караванъ тронулся впередъ по узкому проходу. Обыкновенно всадникъ спокойно опускаетъ поводья на сѣдло, и предаетъ свою жизнь усмотрѣнію лошади. Сдѣлай она одинъ невѣрный шагъ, споткнись она хоть немного, и путнику нѣтъ ни какого спасенія. Къ счастію, калмыцкія и киргизскія лошади, не смотря на всю ихъ невзрачность, умѣютъ отлично карабкаться по горамъ, и не подвержены головокруженію. Онѣ такъ пріучены къ подобнымъ странствованіямъ, что прежде нежели ступятъ на какое-нибудь мѣсто, осторожно пробуютъ ногою землю, и несчастные случаи, поэтому, бываютъ рѣдки. Аткинсонъ даже думаетъ, что ни одинъ киргизъ, ни одинъ калмыкъ не задумались бы ни на минуту проѣхать верхомъ на лошади по верхушкѣ самаго высокаго собора, если бы тамъ была положена доска въ поларшина ширины.

Переправившись благополучно черезъ описанную нами тропинку и черезъ другіе горные переходы, Аткинсонъ долженъ былъ еще потомъ протрястись большія пространства по степямъ между рѣками Чугашемъ и Чарышемъ. При этомъ случаѣ пришлось ему заѣхать въ одинъ калмыцкій

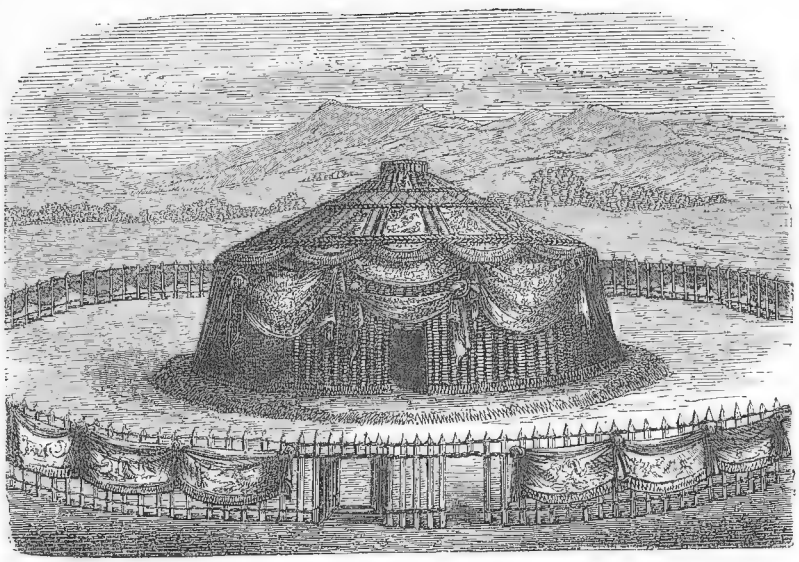
аулъ, старшины котораго, какъ оказалось, были изъ разряда ребятъ, обладающихъ необыкновенною жаждою. Аткинсонъ, сидя въ своей изодранной палаткѣ, только что расположился было варить себѣ чай, — его главное наслажденіе въ дорогѣ, при сырой и холодной погодѣ, — какъ вдругъ къ нему вошли непрошенные двое калмыковъ, старшины аула, и лаконически, но выразительно произнесли „аракъ“. Замѣтя по ихъ движеніямъ, что они уже успѣли выпить малую-толику, Аткинсонъ не рѣшился дать имъ просимаго напитка, опасаясь съ ихъ стороны какого-нибудь безобразія, и на ихъ требованіе съ величайшимъ спокойствіемъ отвѣчалъ имъ „чай“. Между тѣмъ прислуга его была занята въ нѣкоторомъ отдаленіи приготовленіями къ ночлегу, а калмыки, повидимому, были не прочь разыграть передъ Аткинсономъ роль хозяевъ, и преспокойно откинули назадъ съ рукъ свои полушубки, — можетъ быть, потому, что имъ было жарко, а можетъ быть и съ намѣреніемъ выказать свои крѣпкія мышцы. При этомъ глазамъ Аткинсона представилась на внутренней сторонѣ шубы такая масса разныхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, что у него морозъ пробѣжалъ по кожѣ, и онъ съ отвращеніемъ далъ понять непрошеннымъ гостямъ, чтобы они держали себя въ почтительномъ отдаленіи. Не смотря на то, калмыки настойчиво повторяли: „аракъ“. Въ отвѣтъ на это, Аткинсонъ подалъ одному изъ калмыковъ стаканъ чаю (только женщины пьютъ въ Россіи чай изъ чашекъ, мужчины же всегда изъ стакановъ). Старшина медленно поднялъ стаканъ, опрокинулъ его, и, выливъ чай на полъ, презрительно бросилъ стаканъ въ сторону. Взбѣшенный Аткинсонъ схватилъ его жилистою рукою своею за шиворотъ и бросилъ его съ такою силою на траву, что тотъ отлетѣлъ за нѣсколько шаговъ. Другой старшина, видя это, съ яростью схватился за свой ножъ, но не успѣлъ онъ его еще вытащить, какъ и самъ очутился на землѣ, возлѣ своего товарища. Между тѣмъ подоспѣла прислуга Аткинсона, и калмыки сочли благоразумнымъ удалиться, произнося

страшныя угрозы. Ожидая ночнаго нападенія или какой-нибудь измѣнической засады, Аткинсонъ всю ночь и слѣдующій день былъ насторожѣ; но, повидимому, рѣшительный образъ дѣйствій Аткинсона и ружья его провожатыхъ внушили храбрымъ калмыками глубокое почтеніе.

Наконецъ, отпустивъ своихъ честныхъ проводниковъ, Аткинсонъ достигъ благополучно *Хаирѣ-Кумыки*, небольшаго русскаго мѣстечка на рѣкѣ Чарышѣ, гдѣ, среди хорошихъ знакомыхъ, успѣлъ вскорѣ отдохнуть отъ своихъ утомительныхъ и любопытныхъ странствованій по горамъ и озерамъ Алтая.



Колесница для перевозки идоловъ. (Снята со старинной картины.)



Юрта Чингисъ-Хана (съ одной старой картины).

IX.

Поѣздка къ горамъ Тіанъ-Шана и къ озеру Балкашу.

Взглядъ на степь. — Чингисъ-Ханъ. — Чукабой. — Хребетъ Тангну. — Сабата-Норъ. — Селенга. — Илеугунъ. — Сангикъ-далай. — Арабданъ. — Дарма-Цырень. — Тесъ. — Убса-Норъ. — Ночное нападеніе волковъ. — Илькe-Аралъ-Норъ. — Улуньюръ. — Пустыня Сарка. — Охота въ степи. — Султанъ Баспази-Ханъ. — Уязъ. — Разбойникъ Кубалдосъ. — Султанъ Сабекъ. — Тіанъ-Шанъ. — Чинъ-си. — Разбойники въ пустынѣ. — Зырень. — Султанъ Ямантухъ-Векъ. — Али-Игольди. — Гробницы. — Погребальное торжество. — Сукъ.

Обозрѣвая съ вершины Бѣлухи южныя и восточныя равнины центральной Азіи, Аткинсонъ могъ воображать, что видитъ передъ собою исполинскую ландкарту, мѣстами испещренную злачными нивами и тучными пажитями, мѣстами же пересѣкаемую песчаными и каменистыми степными пространствами, со множествомъ разбѣгающихся во всѣ стороны горныхъ цѣпей и съ безчисленными серебристыми нитями рѣкъ. Ближайшая къ нему область была древняя Монголія,

страна калкасовъ, простиравшаяся отъ береговъ Убса-Нора и Илькс-Араль-Нора вплоть до мощныхъ горныхъ кряжей Тангну-Ола и далѣе, до истоковъ Селенги и до великой Гоби.

Нигдѣ на этомъ необозримомъ пространствѣ не было видно ни городовъ, ни слѣдовъ человѣческихъ населеній, и путешественникъ невольно вспоминалъ о сосѣднемъ Китаѣ, переполненномъ трудолюбивымъ населеніемъ, и переносился мыслями за нѣсколько столѣтій назадъ, къ тому времени, когда тамъ повсюду замѣтна была дѣятельная жизнь, и множество разноплеменныхъ народовъ безпрестанно смѣняли другъ друга.

Передъ Аткинсономъ разстилалась область, откуда 600 лѣтъ тому назадъ, Чингисъ-Ханъ высылалъ свои орды для завоеванія сосѣднихъ странъ, и гдѣ разыгрывались его кровавыя битвы. Подобно грозному степному урагану, пронесся онъ по этимъ пространствамъ, все перевернувъ вверхъ дномъ. Одни народы были вовсе истреблены, другіе присоединены другъ къ другу; прежнія государства были разрушены, новыя возникли на ихъ развалинахъ, но едва онъ умеръ, какъ всѣ эти воздушныя созданія разсыпались такъ же быстро, какъ скоро разваливаются кучи травъ и сучьевъ, нанесенныхъ съ разныхъ сторонъ степнымъ бураномъ.

Далеко на востокѣ, у самыхъ верховьевъ Амура, въ 1155 г. появился на свѣтъ божій этотъ грозный завоеватель. *Темучинъ*, какъ назывался онъ въ дѣтствѣ, былъ сынъ Езукая, повелѣвавшаго не болѣе какъ 30 или 40 семействами, и находившагося въ подданствѣ у хана восточной Татаріи. Темучину не было и тринадцати лѣтъ, когда умеръ отецъ его, и подчиненные, разсчитывая на молодость и слабость новаго владѣтеля, рѣшились освободиться отъ его власти, а сосѣдніе князья вздумали поживиться на его счетъ. Къ счастью, у него нашлись вѣрные пособники. Еще не достигнувъ юношескаго возраста, онъ вынужденъ былъ обагрить свои руки кровью, чтобъ не погибнуть самому. То было начало

страшнаго урагана, долженствовавшаго опустошить цѣлую часть свѣта. Семьдесятъ побѣжденныхъ противниковъ его были брошены въ котелъ съ кипящею водою. Но возстали новые враги, и юный дикарь вынужденъ былъ прибѣгнуть къ покровительству Унга, великаго хана карійскихъ монголовъ, и искать руки его дочери. Отвѣдавъ крови, степной барсъ жаждетъ новыхъ жертвъ. Ураганъ разыгрывается и мчится дальше! Покоривъ еще одного соперника, Темучинъ направляетъ свое оружіе противъ тестя. Въ 1202 г. армія Унгъ-Хана, въ 40,000 человѣкъ, была разбита, и самъ онъ потерялъ жизнь въ битвѣ противъ зятя. Въ слѣдующемъ году Тайонъ-Ханъ найманскихъ татаръ погибъ со всѣми своими войсками въ страшной битвѣ. Темучинъ сдѣлался обладателемъ большей части Монголіи, и утвердилъ свою резиденцію въ Каракорумѣ. Въ 1204 г. онъ былъ провозглашенъ верховнымъ властителемъ, и сосѣдніе князья преклонились предъ его грозною десницею. Глава священныхъ шамановъ нарекъ его Чингисомъ, и возвѣстилъ ему, что онъ сдѣлается повелителемъ всего свѣта. Но этому колоссу насильно сплоченныхъ между собою народовъ недоставало порядка. Предстояло создать законы гражданскіе и военные, и религія должна была въ этомъ случаѣ оказать услугу политикѣ, не возбудивъ фанатизма иновѣрцевъ.

Не одинъ какой-нибудь аулъ или небольшой союзъ народовъ предпринималъ баранту противъ сосѣдняго племени,— все населеніе степей вооружилось для порабощенія сосѣднихъ народовъ, готовясь идти противъ цѣлаго міра. И понесся во всѣ стороны стонъ и ужасъ при приближеніи Темучина. Народы исчезали какъ сухая степная трава отъ прикосновенія всепожирающаго пламени; ихъ земля была обращена въ пастбища для стадъ киргизскихъ; ихъ жены и дѣти должны были пасти степныхъ скакуновъ, и въ качествѣ рабовъ прислуживать племени Чингисъ-Хана. Страна уйгуровъ была завоевана; въ 1209 г. Темучинъ проникъ за великую китайскую стѣну, а въ 1215 г. взялъ приступомъ и сжегъ

Янкингъ (Пекинъ) столицу Китая. Въ 1218 г. войско, состоявшее изъ 700,000 человѣкъ, устремилось противъ Туркестана, въ 1219 г. пали Бухара, Самаркандъ и Ховарезмія. До 200,000 побѣжденныхъ покрывали своими трупами поле битвы, знаменитая библіотека бухарская сдѣлалась жертвою пламени, и древняя культура рухнула подъ мечемъ степныхъ номадовъ. Да и что могъ завоеватель передать покореннымъ имъ народамъ? Для киргизскаго воина не существовало другаго болѣе возвышеннаго идеала, какъ хорошее пастбище для его табуновъ. Наконецъ, всеистребляющій вихрь обратился къ сѣверо-западу. Русскіе князья понесли страшное пораженіе на рѣкѣ Калкѣ (въ Екатеринославской губ., близъ нынѣшняго Маріуполя, 31 мая 1223 г.). Уже достигнувъ 60-лѣтняго возраста, въ 1225 г. Чингисъ-Ханъ, среди холодной зимы, устремился съ многочисленнымъ войскомъ черезъ Гоби, направляя свои удары противъ Сигіи (Тангутъ или Шидаскъ), и на льду озера Коко-Нора уничтожилъ непріятельское войско, простиравшееся, какъ разсказываютъ, до полумилліона, послѣ чего послѣдовало покореніе столицы Тангутскаго царства, Нингіи. Насчитываютъ, что подъ мечами Чингисхановыхъ воиновъ пало отъ пяти до шести милліоновъ разнаго народа, пока наконецъ въ 1227 г. (24 августа) смерть не положила конца ужасному истребителю народовъ. Громадную монархію Чингисъ-Хана раздѣлили между собою его сыновья на четыре части. Подобно песчаному столбу или снѣжному вихрю, раздробились всѣ эти государства такъ же внезапно, какъ быстро они образовались. Но раны, нанесенныя губительнымъ вихремъ, еще и до сихъ поръ не закрылись окончательно — обширныя пространства остаются безлюдными еще и теперь, тогда какъ прежде на нихъ было сосредоточено густое населеніе, а страсть къ грабежу, это несчастное наслѣдіе прежнихъ временъ, продолжаетъ и теперь опустошать среднеазіятскія орды.

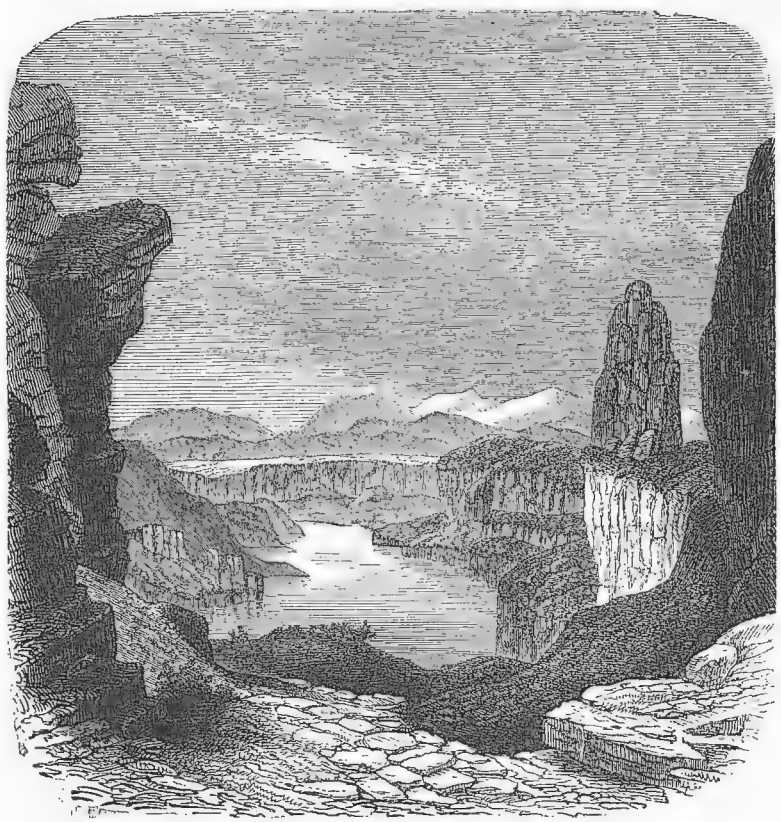
Слабые проблески цивилизаціи проникаютъ теперь къ дикимъ номадамъ только черезъ русскихъ и казаковъ, кото-

рые, взрывая плугомъ землю, тѣмъ самымъ кладутъ начало высшей гражданственности. Впрочемъ, допускаетъ ли природа степей съ ея рѣзкими противоположностями прочное водвореніе тамъ хлѣбопашества, это можетъ рѣшить въ послѣдствіи опытъ; теперь же можно только сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ результаты сдѣланныхъ попытокъ были вполнѣ удовлетворительны.

Туда-то, въ эту неприступную область, задумалъ проникнуть Аткинсонъ, по возможности до самыхъ небесныхъ горъ, до великаго китайскаго города Чинъ-Зина, намѣреваясь пробраться въ страны, гдѣ сила замѣняетъ законъ, гдѣ только оружіе доставляетъ необходимую пищу, и служитъ въ одно и то же время судьею и покровителемъ. Для того, чтобы по возможности обезопасить себя въ своемъ предпріятіи, Аткинсонъ набралъ нѣсколько вполнѣ надежныхъ провожатыхъ: трехъ казаковъ и семерыхъ калмыковъ, закаленныхъ противъ непогоды и всякихъ лишеній, молодцовъ не знавшихъ страха, вполнѣ свыкшихся съ трудностями охотничьей жизни и въ совершенствѣ знакомыхъ съ правами и обычаями народовъ, съ которыми Аткинсону предстояло столкнуться. Главною личностью былъ Чукабой, атаманъ калмыковъ, который, вмѣстѣ съ однимъ казакомъ, долженъ былъ служить переводчикомъ. То былъ здоровеннаго вида молодецъ съ черными, какъ смоль, глазами и длинными космами. Одежду его составляла лошадиная шкура, съ развѣвающеюся по спинѣ гривою. Балахонъ этотъ былъ перетянутъ красною шалью, но когда случалось, что ему было жарко, Чукабой откидывалъ свой кожаный плащъ назадъ, и тогда нельзя было не дивиться его замѣчательно развитымъ мускуламъ.

Снабдивъ своихъ провожатыхъ добрыми конями и хорошимъ оружіемъ, Аткинсонъ направился черезъ рѣку Нарымъ и цѣпь Куртумскихъ горъ, прежде всего къ горамъ Тангну, которыя, поднимаясь постепенно до 11,000 фут. высоты, свободно доставали своими верхушками полосы снѣга.

Съ вершины этихъ горъ низвергается множество пѣнящихся рѣчекъ, которыя, соединяясь далѣе въ рѣку Тесъ, питаютъ озеро Убса-Норъ. Двѣнадцать дней сряду пришлось нашимъ искателямъ приключеній пробираться вдоль склона этихъ



Сабата-Норъ (озеро въ горахъ Тангну).

горъ, добывая себѣ пищу охотою, и проводя ночи подъ открытымъ небомъ. Наконецъ, широкій и глубокій потокъ преградилъ дорогу путникамъ, такъ что Аткинсонъ вынужденъ былъ съ своими проводниками повернуть въ горы, и слѣдовать вверхъ по теченію рѣки, для того, чтобы отыскать удобный пунктъ для переправы. Подвигаясь впередъ въ этомъ

направленіи, Аткинсонъ вскорѣ встрѣтилъ глубокое черное озеро съ дикою окрестностью, извѣстное подъ названіемъ Сабата-Норъ. Изъ-за обнаженныхъ утесовъ ближайшихъ горъ вздымались вверхъ снѣжныя главы болѣе возвышенныхъ горныхъ цѣпей, придававшія картинѣ вполнѣ альпійскій характеръ. По близости этого озера путникамъ удалось переправиться черезъ потокъ. Вниманіе Аткинсона привлечено было огромными обломками превосходнаго бѣлаго мрамора, валявшагося во множествѣ вмѣстѣ съ другимъ богатствомъ минеральнаго царства, между тѣмъ, какъ сосѣднія долины были покрыты великолѣпнымъ ковромъ цвѣтовъ. Въ особенности красивы были нѣсколько видовъ шпажника, изъ коихъ одни были темнопурпуровые и бѣлые, другіе коричневые и бѣлые, а третьи ярко-желтые. Рядомъ съ ними виднѣлись цѣлыя гряды красныхъ барашковъ и темно-розовыхъ и свѣтло-желтыхъ гвоздикъ.

Въ теченіе слѣдующихъ одиннадцати дней, Аткинсонъ все держался восточнаго направленія, и переправившись черезъ верхній Тесъ, слѣдовалъ къ югу, вдоль цѣпи горъ до самыхъ потоковъ Селенги и Жабакана. Впрочемъ, нерѣдко путникамъ приходилось отклоняться въ сторону и углубляться въ горы, для того, чтобы дать своимъ лошадямъ поискать хорошаго корма, и вмѣстѣ съ тѣмъ поохотиться за дичью для собственнаго стола, въ которой ощущался недостатокъ. Между прочимъ Аткинсону случилось однажды посѣтить священное озеро Илеугунъ, извѣстное у калкасовъ за любимое мѣстопребываніе благодѣтельнаго божества. На берегу озера стоялъ деревянный храмъ, окруженный нѣсколькими небольшими алтарями, на которыхъ положены были разныя жертвоприношенія: масло, жиръ и т. п., свидѣтельствовавшія, что номады и понынѣ являются туда, для исполненія своихъ обрядовъ. Посреди озера возвышался утесъ, съ изсѣченнымъ на немъ грубымъ изображеніемъ, который слылъ въ народѣ, какъ особенно священное мѣсто; противъ этого утеса на берегу утверждено было набожными поклонниками,

на деревянныхъ шестахъ, нѣсколько шелковыхъ развѣвавшихся значковъ съ разными надписями.

Не смотря однако же на присутствіе этихъ значковъ, свидѣтельствовавшихъ объ исполненіи степными обитателями обрядовъ поклоненія, не смотря на многочисленные слѣды расположившихся тамъ юртъ, нигдѣ путешественники не встрѣчали ни одного жителя. Близъ Сангинъ-Далая, небольшаго краснваго озера, имѣющаго до двухъ миль въ длину и около одной мили въ ширину, путники застигнуты были дождливою погодою, продолжавшеюся нѣсколько дней. Наконецъ, къ своему особенному удовольствію, Аткинсонъ наткнулся на аулъ калкасовъ, старшина котораго, Арабданъ, принялъ его весьма радушно. За ужиномъ, по обыкновенію номадовъ, его угостили бараниною и похлебкою изъ чая, то есть кирпичнымъ чаемъ, густо сваренным въ котлѣ, съ молокомъ, масломъ, солью и мукою.

Арабданъ, по наружности былъ худощавый, длинный старикъ лѣтъ пятидесяти или шестидесяти, съ выдавшимися скулами и маленькими черными глазами, съ почтеннымъ носомъ и почти вовсе безъ бороды; цвѣтъ его кожи былъ темноватый. Какъ глава цѣлаго аула, онъ былъ въ шелковомъ халатѣ темно-голубаго цвѣта, сверху застегнутомъ на груди и перетянутомъ въ таліи кожанымъ поясомъ, который былъ унизанъ серебряными бубенчиками. Въ поясѣ были воткнуты ножъ, кремень и огниво. Круглая, шелковая шапочка чернаго цвѣта, украшавшая его голову, была опушена бархатомъ, съ двумя красными полосками сзади. Сапоги были тоже краснаго цвѣта, съ неизмѣнными высокими каблуками. Изъ двухъ женъ старшины, одна была въ шелковомъ платьѣ, съ красными и зелеными полосками, а на другой былъ кафтанъ изъ чернаго бархата; на обѣихъ было по красному поясу. Волосы были заплетены въ множество маленькихъ косичекъ, съ вплетенными въ нихъ коралловыми бусами, которыя ниспадали свободно. Зато костюмъ дѣтей отличался замѣчательною простотою: они

Храмъ на берегу озера Илеугуна.

просто-на-просто, были испачканы въ красную глину ближайшаго болота; слой ея защищалъ ихъ такимъ образомъ отъ непогоды; рѣзкій контрастъ съ красною глиною составляли ихъ черные, какъ смоль, волосы. Что касается до устройства юртъ, то оно было совершенно такое же, какъ и у киргизовъ; только внутренняя отдѣлка отличалась немного. Насупротивъ двери стоялъ маленькій низенькій столикъ, служившій домашнимъ алтаремъ. На столикѣ находилось мѣдное изображеніе идола, а передъ нимъ было поставлено нѣсколько металлическихъ чашекъ съ просомъ, масломъ, кумысомъ и другими подобными приношеніями. Слѣва, возлѣ алтаря, стояли сундуки съ домашнимъ скарбомъ всей семьи; рядомъ съ нимъ лежалъ огромный бурдюкъ для кумыса, а напротивъ — войлоки, служившіе вмѣсто постелей.

Аткинсонъ выразилъ своему хозяину намѣреніе посѣтить рѣку Тесъ и озеро Убса-Норъ, и Арабданъ поспѣшилъ дать ему проводника до аула князя Дармы Кирена, другаго начальника калкасовъ, имѣвшаго свое пребываніе далѣе къ югу. Аткинсону пришлось проѣзжать черезъ волнообразно поднимавшуюся мѣстность, возвышенные пункты которой были усыпаны булыжникомъ, а низменности слегка покрыты травою; изъ нихъ нѣкоторые представляли болота, обросшія вокругъ камышемъ, которыя кое-гдѣ можно было переплывать, а въ другихъ мѣстахъ приходилось объѣзжать. Дорогою Аткинсонъ повстрѣчалъ стадо антилопъ, изъ которыхъ ему удалось подстрѣлить пять штукъ. Хотя путники ѣхали цѣлый день, однако же имъ не удалось доѣхать къ вечеру до аула Дармы-Кирена, и они вынуждены были остановиться для ночлега на берегу соленаго озера, кишѣвшаго дикими лебедями и другими водяными птицами.

На слѣдующій день дорога пролегала черезъ обширную плоскость, покрытую мелкимъ хрящемъ и крупнымъ пескомъ. Наконецъ, когда солнце уже перешло черезъ полуденную линію, путники увидѣли желанный аулъ на берегу неболь-

шаго красиваго озера, окруженнаго злачною нивою. Пріемъ, сдѣланный Аткинсону, былъ таковъ, что болѣе ничего нельзя было желать. Дарма-Киренъ тотчасъ же объявилъ, что онъ дастъ Аткинсону свѣжихъ лошадей съ проводниками до озера Убса-Нора, а собственнымъ провожатымъ Аткинсона между тѣмъ предложилъ отдохнуть съ своими лошадьми у него въ аулѣ. Предложеніе это было очень охотно принято Аткинсономъ, который изъявилъ желаніе удержать при себѣ только Чукабоя и одного казака. Дорога шла къ сѣверу черезъ волнообразную мѣстность, покрытую тучною травою. Горные кряжи становились все выше, а заключенныя между ними долины дѣлались все шире. Съ сосѣднихъ вершинъ глазъ могъ обозрѣть огромное пространство, черезъ пустыню Уланъ-Кума до озера Илькe-Аралъ-Нора, а на сѣверъ до мощныхъ кряжей Тангну. Попадавшіяся тамъ довольно нерѣдко древнія могилы напоминали собою, что въ этихъ мѣстахъ когда-то раскинуты были шатры Чингисхановыхъ ордъ; но Аткинсону было недосугъ заняться раскопкою какой-либо изъ этихъ могилъ; ему даже нѣкогда было поохотиться на антилопъ, которыя, какъ на зло, стали попадаться довольно часто. Вскорѣ, однако же, онъ добрался до рѣки Теса, берега которой были образуемы скалами изъ темнокраснаго гранита, и изобиловали живописными мѣстами; по мѣрѣ того, однако же, какъ Тесъ приближается къ Убса-Нору, окрестность его становится площе, песчанѣе и менѣе интересною. Озеро имѣетъ болѣе пятнадцати миль въ длину и около пяти миль въ ширину. Съ южнаго конца оно глубоко вдается нѣсколькими заливами въ песчаную степь. Аткинсонъ попытался было обогнуть озеро съ южнаго конца, но широкая рѣка, впадавшая въ этомъ направленіи въ озеро, уже черезъ нѣсколько часовъ преградила ему дальнѣйшій путь. Надо было повернуть назадъ къ аулу. Миновавъ широкую песчаную равнину, безъ травы, только въ одномъ мѣстѣ пересѣкаемую небольшимъ озеромъ стоячей воды, путники достигли, къ вечеру, другаго небольшаго озера съ

водою, годною для пищи, которое было окружено хорошими лугами. Дикихъ утокъ и бекасовъ тамъ было множество, и Аткинсону удалось полакомиться ими за ужиномъ. Передъ тѣмъ, что ложиться спать, Аткинсонъ, изъ предосторожности, поставилъ часоваго, а лошадей велѣлъ привязать между озеромъ и разведеннымъ костромъ. Среди ночи часовой разбудилъ спящихъ, которымъ отдаленный вой волковъ сейчасъ объяснилъ, въ чемъ дѣло; тотчасъ же лошади были покрѣпче привязаны, и костеръ, при помощи наскоро набраннаго сухаго кустарника, усиленъ. Охотники раздѣлились въ разныя стороны, и приготовились стрѣлять. Ночь была темна, хоть глазъ выколи. Волки, бѣжавшіе по слѣдамъ всадниковъ, вскорѣ приблизились къ тому мѣсту, гдѣ отдыхали они; наконецъ, страшное завываніе раздалось возлѣ самыхъ охотниковъ; перепуганныя лошади стали биться и рваться, и калки, чтобы освѣтить мѣстность, подбросили въ костеръ нѣсколько сухаго хворосту. Вспыхнувши съ новою силою, пламя мгновенно освѣтило темныя фигуры хищныхъ животныхъ. Вдругъ раздался ружейный залпъ, за которымъ тотчасъ же послѣдовало болѣзненное завываніе, и волки исчезли. Не смотря на это, калки, хорошо знакомые съ нравами этихъ животныхъ, ежегодно похищающихъ у нихъ нѣсколько штукъ скота, совѣтовали быть осторожными. Дѣйствительно, немного спустя, волки опять бросились со всѣхъ сторонъ, но уже раздѣлившись на двѣ части, и стараясь пробраться къ лошадямъ между берегомъ озера и охотниками. Но и этотъ разъ они были встрѣчены удачнымъ залпомъ изъ ружей. Подобнымъ же образомъ было отбито и третье нападеніе новой болѣе многочисленной стаи волковъ, чѣмъ и была спасена жизнь не только лошадей, но и самихъ охотниковъ, потому что при солнечномъ зноѣ нѣтъ ни какой возможности для путника пробраться черезъ степь. На слѣдующее утро, при осмотрѣ трофеевъ ночной охоты, оказалось, что вокругъ ночлега нашихъ охотниковъ валялось восемь убитыхъ волковъ. Шкуры

волковъ побѣдители захватили съ собою въ видѣ трофеевъ, и нѣкоторыя изъ нихъ Аткинсонъ предложилъ потомъ гостепріимному Дармѣ-Кирену, аула котораго они вскорѣ достигли безъ дальнѣйшихъ приключеній.

Аткинсонъ находился въ разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ Уліясотая, китайскаго городка, въ которомъ, какъ ему разсказывали, долженъ былъ находиться довольно сильный гарнизонъ. Съ этимъ гарнизономъ Аткинсону очень не хотѣлось имѣть какое-либо дѣло, потому что тогда еще было въ полной силѣ обыкновеніе, что китайскія начальства приказывали каждаго иностранца, безъ особаго дозволенія переходившаго черезъ границу, отсылать въ Пекинъ къ императору. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аткинсону очень желалось миновать и караванной дороги, близъ которой обыкновенно шлялось довольно много дерзкихъ разбойниковъ, нападавшихъ на небольшія общества путешественниковъ, грабившихъ ихъ и продававшихъ людей въ неволю. Поэтому, избравъ ближайшею цѣлью своей поѣздки озеро Ильке-Аралъ-Норъ, Аткинсонъ пустился къ нему въ юго-западномъ направленіи. Дарма-Кирень былъ на столько добродушенъ, что вызвался отдать нашему англичанину нѣсколько своихъ людей, для сопровожденія его до тѣхъ мѣстъ, откуда начинались пастбища киргизовъ. Покрытая зеленою травою, степь смѣнилась песчаною пустынею, за которою потянулась волнистая поверхность съ разорванными, обнаженными гребнями скалъ. Мѣстность эта, въ точномъ значеніи слова, кишѣла змѣями, между которыми Аткинсонъ, по цвѣту, различилъ нѣсколько различныхъ видовъ: одинъ сортъ змѣй былъ совершенно черный, другой зеленый съ красными пятнами, третій коричневый, а четвертый видъ былъ совершенно тождественный съ цвѣтомъ каменистой почвы, такъ что весьма трудно было отличить змѣй, когда онѣ лежали на землѣ. Калки разсказывали Аткинсону, всѣ эти змѣи были ядовитаго свойства. Впрочемъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ этихъ показаній, Аткинсону рѣшительно не было времени; всадники едва успѣвали уда-

рами нагаекъ сгонять съ дороги этихъ опасныхъ животныхъ, чтобъ только спасти своихъ лошадей отъ ихъ укушенія, а отъ одной змѣи, футовъ въ пять длиною, Аткинсону не иначе удалось избавиться, какъ только размозживъ сй голову выстрѣломъ изъ ружья.

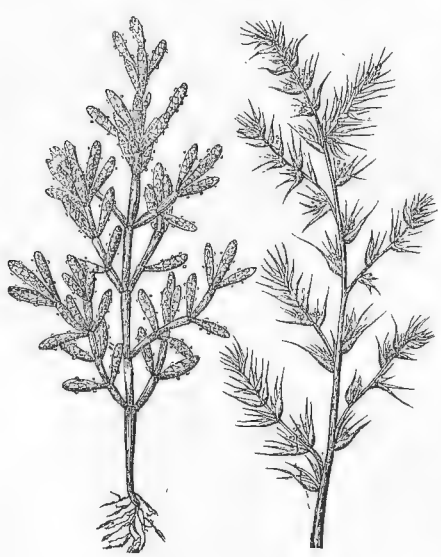
Первый ночлегъ пришлось провести на берегу небольшой рѣчки. Посреди ночи, сильное завываньe волковъ разбудило спавшихъ охотниковъ, которые тотчасъ же приготовились стрѣлять; но на этотъ разъ непріятные гости не пожаловали близко, и, казалось, были заняты преслѣдованіемъ какого-то стада животныхъ. Утромъ, когда охотники пустились было за добываніемъ провизіи для стола, они должны были, къ великому неудовольствію своему, убѣдиться, что лучшая дичь вся была распугана, и оставались только лебедь, пеликанъ и двѣ дикія утки.

На слѣдующій день охотники открыли еще новую рѣку, сопровождаемую пространными болотами, и впадавшую въ озеро Кара-Норъ. Озеро это окружено болотистою окраиною, небольшихъ размѣровъ, и мало представляетъ любопытнаго; на поверхности озера торчало множество водяныхъ птицъ, а вокругъ виднѣлись слѣды дикихъ кабановъ, но сами животныя нигдѣ не встрѣчались.

Когда Аткинсонъ достигъ долины рѣки Жабакана, калки распростились съ нимъ, не преминувъ въ заключеніе предупредить его, чтобы онъ остерегался киргизовъ, которые, по словамъ ихъ, всѣ разбойники и грабители. Далѣе Аткинсону пришлось совершить весьма скучный переѣздъ черезъ пустыню Уланъ-Кумъ, въ продолженіе котораго путники, по нѣскольку часовъ сряду, не встрѣчали ни одной капли воды, ни одной даже засохшей травки. Затѣмъ пришлось перебираться черезъ цѣпь утесовъ, состоявшую, по описанію Аткинсона, изъ желтаго известняка; нѣсколько пріятное развлеченіе доставилъ тутъ видъ озера Улунгюра. Туземцы увѣряютъ, что шайтанъ, то-есть чортъ, имѣетъ тамъ свое пребываніе; но Аткинсонъ съ своей стороны замѣчаетъ,

что если это дѣйствительно правда, то у шайтана, вѣроятно, нѣтъ недостатка въ хорошемъ вкусѣ, и онъ, должно быть, отличается предпочтеніемъ романтическихъ красотъ. Окружающія озеро береговыя скалы представляютъ крутые обрывы, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ содержатся значительныя пещеры. Одна изъ этихъ пещеръ, которую видѣлъ Аткинсонъ, имѣла до 200 футовъ въ глубину, около 80 фут. въ вышину и 60 футовъ въ ширину.

Переправившись далѣе, довольно благополучно, черезъ рѣку Жабаканъ, имѣющую до шести сотъ футовъ ширины, путникъ вступилъ въ печальную пустыню Сарку. Въ страшный, палящій зной, когда языкъ отъ жажды совершенно прилипаетъ къ гортани, обыкновенное въ степныхъ мѣстностяхъ атмосферическое отраженіе еще болѣе раздражало путниковъ. Глазамъ ихъ представлялось широкое озеро, окруженное кустарниками и живописными скалами, которыя отчетливо отражались въ волнахъ. Но чѣмъ ближе всадники подъѣзжали къ этому оптическому озеру, тѣмъ далѣе оно отодвигалось назадъ и въ заключеніе все-таки оказалось, что путники ѣхали по сухому горячему песку, между тѣмъ какъ живописные, вѣтвистые кусты превратились въ жалкія ползучія растенія, а чудные утесы уменьшились до размѣровъ нѣсколькихъ обыкновенныхъ камней.



Мокрединникъ и качимъ.

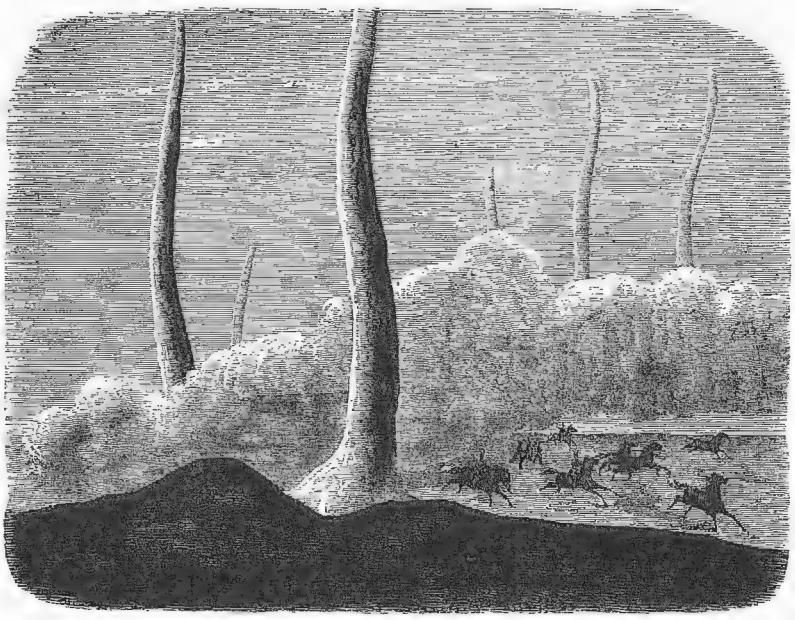
Зато весьма любопытный видъ представляютъ соленыя озера степей, въ особенности въ сухое время года. Поверх-

ность воды обыкновенно въ это время покрывается тонкимъ слоемъ окристализовавшейся соли, которая сверкаетъ тогда какъ снѣгъ или серебро, а снаружи, вокругъ озера, образуется родъ пояса изъ качима (salsola), играющаго самыми разнообразными цвѣтами, начиная съ желтаго и оранжеваго до пурпуроваго.

Озеро Илькe-Аракъ-Норъ представляетъ почти такой же видъ, какъ и озеро Зайсанъ. Вокругъ тянется цѣлый лѣсъ высокаго камыша, черезъ который даже всадникъ, стоя на сѣдлѣ, не въ состояніи ничего видѣть. Вся сосѣдняя мѣстность состоитъ изъ множества небольшихъ холмовъ, образовавшихся изъ наноснаго песку, и придающихъ странѣ характеръ города могилъ. Между тѣмъ, какъ Аткинсонъ, взобравшись на одинъ изъ этихъ холмовъ, усиливался обозрѣть оттуда поверхность озера, сильный вихрь, который началъ крутить воду столбами, совершенно пригнулъ къ землѣ камышъ. Охотники, точно утки, залѣзли въ тростникъ, и стали оттуда смотрѣть, какъ разыгравшійся вѣтеръ, вздымая вверхъ песокъ, гналъ его нѣсколько минутъ, послѣ чего песокъ, разсыпаясь, образовалъ новые холмы. Но такъ какъ къ самому озеру нельзя было пробраться, а камышъ не доставлялъ лошадямъ достаточнаго корма, то охотники пустились далѣе къ югу, и черезъ нѣсколько часовъ замѣтили прехорошенькое мѣстечко. По зеленѣющейся долинѣ, которую живописно разнообразили тростникъ и группы кустарника, протекала красивая рѣчка съ превосходною водою. Кромѣ того вблизи было множество топлива — въ степи необыкновенная роскошь. Пока устраивался ночлегъ, и главный поваръ Аткинсона варилъ ему чай, самъ онъ, въ сопровожденіи Чукабоя, отправился на поиски за дичью въ одну сторону, а въ другую отправилъ еще двухъ казаковъ, такъ какъ у охотниковъ вообще ничего уже не оставалось поѣсть. Не успѣлъ Аткинсонъ отойти нѣсколько сотъ шаговъ, какъ изъ кустовъ поднялся великолѣпный фазанъ. Аткинсонъ прицѣлился, раздался выстрѣлъ, и къ но-

гамъ Аткинсона упали два пера изъ хвоста фазана: плохое блюдо для ужина! Такъ какъ взрытая почва давала поводъ заключать о присутствіи черной дичи, то Чукабой немедленно былъ отправленъ назадъ за пулями. Едва онъ успѣлъ возвратиться съ пулями, какъ дѣйствительно въ кустахъ былъ найденъ славный поросенокъ. Чукабой тотчасъ же опустился на одно колѣно, чтобы получше прицѣлиться, и какъ-то особенно рѣзко свиснулъ, отчего животное остановилось, въ недоумѣніи глядя на охотника. Чукабой выстрѣлилъ, и пуля, пройдя въ глазъ, пробила черепъ поросенку, который мгновенно упалъ, безъ малѣйшаго крика. Хотя охотники подозрѣвали также сосѣдство веприцы, но отложили поиски за нею до слѣдующаго дня. На возвратномъ пути еще удалось подстрѣлить двухъ фазановъ, между которыми попалась и самка, подстрѣленная Аткинсономъ, а вскорѣ возвратились и два казака, тоже съ поросенкомъ и съ красною дичью. Казаки разсказывали, что въ той сторонѣ, куда они ходили, попадается много кабановъ, но что для преслѣдованія ихъ необходимы лошади. Ночь прошла безъ всякой тревоги. Утромъ, проснувшись, охотники принялись чистить и приводить въ порядокъ свое оружіе, готовясь идти на охоту. Потомъ, закусивъ порядкомъ, они раздѣлились. Четверо остались стеречь устроенный ими ночлегъ, а прочіе направились въ ту сторону, гдѣ было замѣчено казаками много кабановъ. Мѣстность была покрыта густымъ камышемъ, пересѣченнымъ рощицами, но попадались и открытыя поляны съ тучною травою; тамъ и сямъ виднѣлись болота, тянувшіяся вдоль рѣки. Черезъ полчаса напрасныхъ поисковъ, охотники вдругъ увидѣли въ камышахъ два огромныя черныя туловища, которыя, однако же, тотчасъ же пустились на утекъ. Охотники отправились за ними въ погоню. Подскакавъ къ животнымъ на разстояніе 150 футовъ, Аткинсонъ и одинъ казакъ, соскочивъ съ лошадей, дали по выстрѣлу, но ранили только одного изъ кабановъ. Животныя бросились въ разныя стороны. Аткинсонъ и нѣкоторые изъ его товари-

щей погнали раненаго кабана въ открытую мѣстность, Чукабой же и остальные охотники пустились преслѣдовать другаго кабана, который вскорѣ бросился въ воду и пере-



Песчаные столбы въ степи.

плылъ на противоположную сторону рѣки. Въ перваго кабана попало еще нѣсколько пуль, но онъ, не смотря на то, все еще продолжалъ бѣжать. Аткинсонъ, который слѣдовалъ за нимъ почти по пятамъ, могъ различить у него пѣну на мордѣ, и слышалъ щелканье огромныхъ клыковъ. Видя, что его пуля попала не въ голову, а въ плечевую лопатку, Аткинсонъ подскакалъ къ кабану на разстояніе семи или восьми шаговъ, и выстрѣлилъ изъ пистолета; но это мало помогло; наконецъ Аткинсонъ далъ еще выстрѣлъ, и на этотъ разъ такъ удачно, что попалъ кабану прямо въ глазъ. Убитый кабанъ былъ однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ экземпляровъ и вѣсилъ болѣе трехъ центнеровъ. Отправивъ

одного охотника назадъ за лошадьми, чтобы свезти кабана, и за топоромъ, чтобы его разрубить, прочіе охотники принялись потрошить застрѣленное животное, а Аткинсонъ пустился догонять Чукабоя съ его товарищами. Спустя немного болѣе получаса времени, онъ нагналъ ихъ въ то самое время, какъ они хлопотали вокругъ только что убитаго огромнаго вепря. Оказалось, что то животное, за которымъ они погнались было сначала, и которое они успѣли ранить, скрылось гдѣ-то въ камышахъ; но вмѣсто того, въ поискахъ за подстрѣленнымъ кабаномъ, охотники открыли другое животное еще большихъ размѣровъ, чѣмъ первое, которое тотчасъ же съ яростью бросилось на лошадь одного казака. Но когда уже разсвирѣпѣвшее животное находилось шагахъ въ трехъ отъ охотника, въ него попала пуля, отвлекшая его вниманіе на другаго всадника. Такимъ образомъ нѣсколько времени заставляли животное бросаться изъ одной стороны въ другую, но наносимыя ему раны еще болѣе возбуждали его ярость. Наконецъ, оно кинулось въ рѣку, стараясь спастись въ болотѣ. Одинъ калмыкъ довольно удачно попалъ въ него, но раненое животное, съ пѣною у рта, ринулось на охотника; уже оно было недалеко отъ того, чтобы выместить свои раны на преслѣдователяхъ, какъ мѣткій выстрѣлъ Чукабоя положилъ его на мѣстѣ.

Намѣреніе Аткинсона было проникнуть до цѣпи Поднебесныхъ-Горъ (Богда-Ола, Тіанъ-Шанъ) — самаго высокаго хребта центральной Азіи, извѣстнаго сверхъ того своими обоими вулканами Пе-Шаномъ и Го-Те. Съ этою цѣлью онъ направилъ свой путь на юго-востокъ, разсчитывая дорогою пользоваться гостепріимствомъ киргизовъ, и надѣясь такимъ образомъ добраться до китайскаго города Чинъ-Си (Баркулъ). При этомъ ему предстояло, между прочимъ, перерѣзать на значительномъ разстояніи Гоби—это исполинское подобіе африканской Сахары, простирающееся на триста миль въ длину, при ста миляхъ ширины. Нѣсколько дней сряду путешественники ѣхали, безъ значительныхъ перерывовъ, видя пе-

редъ собою одинъ только желтый песокъ и кое-гдѣ невысокія гряды скалъ; въ отдаленіи виднѣлась серебристая поверхность нѣсколькихъ озеръ, большихъ и малыхъ. Догадавшись однажды по сильному дыму отъ многочисленныхъ огней, горѣвшихъ въ степи, о близости каравана, путешественники пустились въ объѣздъ, чтобы не быть замѣченными. Такъ же осторожно поступали они и при выборѣ мѣстъ для ночлеговъ, такъ какъ въ степи ни на одинъ часъ нельзя считать себя безопаснымъ отъ нападенія разбойничьихъ киргизовъ, скоро узнающихъ по дыму о присутствіи немногочисленныхъ путниковъ. Вообще дымъ въ степи нерѣдко бываетъ причиною гибели странниковъ, но все-таки нельзя его избѣгнуть совершенно, потому что никто не захочетъ питаться сырою говядиною. Поэтому, по большей части, приходится выставлять двойной комплектъ часовыхъ, смѣняя ихъ черезъ каждые два часа.

Особенное любопытство Аткинсона возбудила встрѣченная имъ въ степи гора, имѣвшая форму собора; гора эта, съ ея овальнымъ кратеромъ, съ безчисленными трещинами и застывшими остатками потоковъ лавы, по мнѣнію Аткинсона, представляла всѣ признаки потухшаго вулкана.

Послѣ переѣзда въ нѣсколько дней по пустынѣ, причемъ и всадникамъ и конямъ пришлось немного голодать, путники примѣтили вдали, пасущихся на травѣ верблюдовъ, которыхъ разъѣзжавшіе вокругъ пастухи, при приближеніи путниковъ, стали сгонять въ кучу, намѣреваясь, повидимому, отвести ихъ въ безопасное мѣсто. Догадываясь, что пастухи, вѣроятно тоже примѣтили приближающихся всадниковъ и приняли ихъ за разбойниковъ, наши путешественники рѣшились остановиться, и выслали одного впередъ, къ которому навстрѣчу выѣхали съ противоположной стороны двое. Вскорѣ дѣло объяснилось, и киргизы, убѣдившись въ мирныхъ намѣреніяхъ Аткинсона и его провожатыхъ, опять пустили свое стадо на траву, и послали верховаго къ аулу, чтобы объявить о приближеніи путешественниковъ. Аулъ

этотъ, куда Аткинсонъ вскорѣ прибылъ съ своею свитою, принадлежалъ султану Баспази-Хану. Султанскій шатеръ можно было тотчасъ же узнать по выставленному надъ дверями древку съ развѣвавшимся чернымъ конскимъ хвостомъ. Султанъ Баспази-Ханъ, красивый, сильный мужчина, самъ помогъ Аткинсону сойти съ лошади и, положивъ ему руку на грудь, привѣтствовалъ его словомъ «аманъ» (то есть: здравствуйте!). Султанъ былъ въ черномъ бархатномъ кафтанѣ, опушенномъ соболемъ и перетянутомъ въ таліи шалью коричневаго цвѣта. Лисья шапка съ совинымъ пером свидѣтельствовала, что султанъ былъ потомокъ знаменитаго Чингисъ-Хана. Внутренность его шатра была разукрашена дорогими коврами, а постель устроена подъ шелковыми занавѣсками. Недалеко отъ постели сидѣли черный орелъ и соколъ, обученные для птичьей охоты. По другую сторону юрты стоялъ неизбѣжный мѣхъ для молока, посреди кучи войлочныхъ одѣялъ, и тутъ же лежали пара молоденькихъ ягнятъ и козочекъ, служившихъ для забавы дѣтямъ. Оба молодые сына султана, въ красномъ и зеленомъ полосатыхъ кафтанахъ, тоже въ лисьихъ шапкахъ, явились угощать Аткинсона и отца чаемъ и сушеными плодами. Поярковая шапка Аткинсона, его зеленая охотничья куртка и высокіе охотничьи сапоги возбудили сильное любопытство киргизовъ, но еще болѣе вниманія обратило на себя его вооруженіе. Впрочемъ, и самъ онъ былъ не прочь показать своимъ хозяевамъ, съ какими могущественными людьми они имѣютъ дѣло, и предложилъ испробовать его оружіе. Проба началась съ пистолетовъ, которые, по мнѣнію султана, были слишкомъ малы, и не могли быть страшны. Онъ предложилъ Аткинсону выстрѣлить изъ пистолета въ козочку, находившуюся въ палаткѣ. Вмѣсто того, Аткинсонъ вырвалъ кусокъ бумаги изъ своей записной книжки и, взоткнувъ его на палку, велѣлъ вынести ее изъ палатки; выстрѣлъ раздался, и пуля пронизала бумажку. Однако же, это не убѣдило султана въ дѣйствительной силѣ пистолетной пули, и

онъ приказалъ одному изъ своихъ сыновей принести деревянную китайскую чашу, которую самъ собственноручно утвердилъ на верхушкѣ кола. Вторая пуля, пущенная изъ пистолета, пронизала деревянную чашку, образовавъ ровное круглое отверзтіе. По внимательномъ разсмотрѣніи этого отверзтія, султанъ, кажется, убѣдился наконецъ, что и пистолетная пуля можетъ найти дорогу сквозь человѣческій черепъ. Съ своей стороны султанъ тоже захотѣлъ показать, что и у него есть огнестрѣльное оружіе, съ которымъ люди его умѣютъ обращаться. По его приказанію, тотчасъ явились трое киргизовъ съ длинными ружьями; Аткинсонъ далъ имъ пороху и пуль, и велѣлъ поставить цѣль въ разстояніи шестидесяти шаговъ; цѣль состояла изъ кусочка темнаго войлока, съ наклееннымъ въ серединѣ клочкомъ бѣлой бумаги. Каждый изъ трехъ киргизовъ выпустилъ по два выстрѣла, но ни одна пуля не попала въ цѣль. Тогда, чтобы показать искусство своихъ подчиненныхъ, Аткинсонъ велѣлъ Чукабою и еще одному казаку выйти впередъ и прицѣлиться: выстрѣлъ обоихъ былъ столь удаченъ, что пули прошли сквозь самый центръ. Но, чтобы еще болѣе возбудить уваженіе номадовъ къ своей личности, Аткинсонъ приказалъ одному изъ казаковъ выбрать самую дальнюю дистанцію для цѣли. Къ величайшему удивленію киргизовъ, не могшихъ сначала понять, что тутъ затѣвается, казакъ отодвинулъ цѣль на 200 шаговъ. Не смотря однако же на такое значительное отдаленіе, Аткинсонъ, вмѣстѣ съ прочими спутниками, и на этомъ разстояніи попалъ вѣрно въ бѣлый кружокъ. Такое рѣдкое искусство еще болѣе возвысило значеніе нашихъ путешественниковъ въ глазахъ пастушествующаго племени.

Состязаніе въ стрѣльбѣ было заключено обыкновеннымъ пиршествомъ, на которомъ главную роль играла баранина. Пиръ этотъ, въ которомъ, по принятому обычаю, должны были участвовать всѣ обитатели аула, происходилъ на открытомъ воздухѣ. Аткинсонъ, въ качествѣ начальника сво-

ихъ провожатыхъ, долженъ былъ усѣсться рядомъ съ султаномъ Баспази-Ханомъ, на одномъ и томъ же коврѣ; прочіе же взрослые мужчины разсѣлись вокругъ, подогнувъ подъ себя ноги. Позади ихъ, юное поколѣніе, то есть дѣти, составили другой рядъ, а за ними усѣлись женщины, дѣвушки и собаки. Прежде всего два человѣка стали разносить мѣдныя чаши съ водою, наливая нѣсколько присутствовавшимъ на руки, долженствовавшія замѣнить не только вилки, но и тарелки, послѣ чего на столѣ появилось два корыта съ нарѣзанною бараниною и копченымъ рисомъ. Одно изъ этихъ корытъ было поставлено между киргизскимъ и англійскимъ султанами, а другое стали обносить вокругъ. Болѣе почетнымъ лицамъ подавали прежде; остальное затѣмъ получали женщины, а объѣдки и подонки достались маленькимъ голымъ ребятишкамъ, которыя употребляли всевозможныя усилія, чтобы защитить свою подачку отъ собакъ. При этомъ два продувные мальчишка трехъ или четырехъ лѣтъ, къ великой потѣхѣ Аткинсона, распорядились необыкновенно хитро. Спрятавшись позади султана за сверткомъ войлока, они внимательно слѣдили, когда вниманіе султана было отвлечено въ другую сторону: въ это время они незамѣтно подползли на четверенькахъ къ корыту, и одинъ кусокъ за другимъ стали оттуда быстро исчезать. Во время пира разносился въ особыхъ чашахъ какой-то отваръ для питья. Не прошло и получаса, какъ цѣлый, жирный баранъ исчезъ безслѣдно, послѣ чего опять была принесена вода для омовенія рукъ.

Изъ разспросовъ у своего хозяина Аткинсонъ узналъ, что до города Чинъ-Си ему должны были встрѣтиться еще три значительные аула. Первый аулъ принадлежалъ султану Уясу, находившемуся съ Баспази-Ханомъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, но зато второй аулъ принадлежалъ султану Кубалдосу, настоящему разбойнику, а въ разстояніи восьми дней пути жилъ богатый и честный султанъ Сабекъ, состоявшій въ дружбѣ съ Уязомъ и Баспази-

Ханомъ. Услышавъ отъ Аткинсона, что онъ намѣревается посѣтить султана Сабека, Баспази-Ханъ предложилъ послать съ Аткинсономъ нѣсколько своихъ людей, чтобы отвести къ нему превосходнаго молодаго жеребца и нѣкоторые другіе подарки. Вмѣстѣ съ тѣмъ Баспази-Ханъ сообщилъ Аткинсону, что онъ намѣревается перевести свои юрты немного далѣе къ западу, и что когда Аткинсонъ будетъ возвращаться отъ султана Сабека по направленію къ Казиль-Башу, то опять встрѣтитъ его аулъ на своей дорогѣ.

На другое утро султанъ далъ своему гостю проводниковъ до слѣдующаго аула, принадлежавшаго тоже ему, доставивъ ему дорогою случай посмотрѣть на охоту съ орлами. Поѣздъ султана въ точности напоминалъ собою средневѣковыя охоты. Впереди ѣхалъ султанъ съ обоими своими сыновьями; изъ нихъ послѣдній держалъ у себя на рукѣ сокола, пріученнаго къ охотѣ за птицами. Орелъ, находившійся подъ присмотромъ двоихъ охотниковъ, сидѣлъ спокойно на древкѣ сѣдла, а голова его была прикрыта шапочкою. Затѣмъ слѣдовали три приближенные егеря султана, вооруженные ружьями, а за ними толпа, состоявшая изъ двадцати киргизовъ, въ пестрыхъ кафтанахъ яркаго цвѣта, вооруженныхъ болѣе чѣмъ на половину сѣкирами.

Часа черезъ два поѣздъ приблизился къ обросшему кустарникомъ берегу озера съ стоячей водою, гдѣ поднято было цѣлое стадо оленей. Немедленно одинъ изъ охотниковъ снялъ съ орла шапочку, и освободилъ его когти отъ ремней. Сначала орелъ поднялся такъ высоко, что Аткинсонъ сталъ сомнѣваться въ томъ, замѣтилъ ли онъ оленей; но вдругъ онъ сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ взмаховъ крыльями, поджалъ ихъ подъ себя, и ринулся съ высоты прямо на одного оленя. Охотники помчались во всю конскую прыть за орломъ; но прежде, нежели они успѣли подскакать, олень уже повалился мертвый. Орелъ запустилъ ему одни когти въ затылокъ, а другими захватилъ спину, и нѣсколькими ударами клюва распоролъ ему бокъ, откуда вырвалъ печень. Подо-

спѣвшій егерь тотчасъ же набросилъ опять орлу шапочку на голову, наложилъ путы на когти, и безъ малѣйшаго сопротивленія снялъ его съ добычи, чтобы посадить опять на подставку. Послѣ кратковременнаго отдыха, охотники увидѣли стадо антилопъ, на которыхъ тотчасъ же и выпустили орла. Подобнымъ образомъ киргизы охотятся съ орлами на дикихъ козъ и барановъ, на лисицъ и на волковъ. Но при этомъ случаѣ нельзя брать съ собою на охоту собакъ, такъ какъ орелъ нападаетъ и на нихъ.

Послѣ того охотникамъ удалось поднять съ мѣста нѣсколько дикихъ свиней, причемъ они успѣли подстрѣлить одного огромнаго вепря, который своими острыми клыками распоролъ брюхо одной киргизской лошади. Къ вечеру общество прибыло въ другой аулъ Баспази-Хана, откуда Аткинсону предстояло получить проводниковъ для доставленія султану Сабеку назначенныхъ ему подарковъ. Раннее утро въ степи, при восходѣ солнца, представляетъ много прелести. Поэтому едва только начало разсвѣтать, какъ Аткинсонъ уже появился у дверей своей юрты, чтобы полюбоваться картиною снѣжныхъ вершинъ Тіанъ-Шана, на которыя темно-голубой цвѣтъ неба бросалъ чудный оттѣнокъ. Вскорѣ восходящее солнце облило ихъ красноватымъ цвѣтомъ, а черезъ нѣсколько минутъ солнечные лучи заиграли и на травѣ, зеленѣвшей по степи. Все вокругъ зашевелилось и засуетилось. Двѣ тысячи лошадей, потянувъ въ себя свѣжій воздухъ, огласили окрестность веселымъ ржаніемъ. Началось доеніе кобылъ, и женщины засновали во всѣ стороны, таща въ кожаныхъ ведрахъ молоко для сливанія въ бурдюки, стоявшіе въ юртахъ. До тысячи быковъ и коровъ подняли страшный ревъ, какъ будто стараясь перекричать своихъ соперниковъ верблюдовъ, кормившихъ верблюжатъ; болѣе 6,000 овецъ и козъ тянули дисканта въ этомъ чудовищномъ хорѣ. Кто подъ такую музыку могъ еще спать спокойно, тотъ долженъ былъ обладать особеннымъ искусствомъ.

Одинъ усиленно-продолжительный переѣздъ привелъ Аткинсона и его спутниковъ къ аулу султана Уяза, котораго однако же въ то время въ аулѣ не оказалось. Чтобы увидѣть его, пришлось еще сдѣлать одинъ добрый переѣздъ черезъ песчаную равнину, пересѣченную солончаками. На этомъ переѣздѣ Аткинсонъ въ одномъ мѣстѣ видѣлъ обломки скалъ, которые представляли удивительное сходство съ развалинами старинныхъ готическихъ замковъ и крѣпостей. Киргизы разсказывали, что въ этихъ развалинахъ обитали нечистые духи. Въ другомъ мѣстѣ значительное пространство было покрыто плотною паутиною. Пауки, которымъ принадлежала эта паутина, были большія волосастыя животныя темнаго и чернаго цвѣта. По словамъ Аткинсона, они имѣли большое сходство съ извѣстными тарантулами. Киргизы считаютъ ихъ ядовитыми и весьма опасными, но овцы пожираютъ этихъ пауковъ безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій.

Султанъ Уязъ встрѣтилъ нашихъ путешественниковъ, какъ они и ожидали, весьма радушно. Аткинсонъ узналъ отъ него, что онъ находится только въ шести переѣздахъ отъ города Чинъ-Си, лежащаго у восточнаго подножія Небесныхъ-Горъ. Но зато ему предстояло преодолѣть чуть ли не самыя большія трудности, а именно переѣздъ черезъ владѣнія знаменитаго Кубалдоса. Что это былъ за молодецъ, можно себѣ составить понятіе изъ того, что когда Аткинсонъ бывало упоминалъ о немъ въ разговорѣ съ киргизами, то они каждый разъ плевались и хватались за свои сѣкиры. Впрочемъ, Уязъ увѣрилъ Аткинсона, что пока онъ съ своею свитою будетъ находиться у Кубальдоса въ аулѣ, до тѣхъ поръ тотъ не тронетъ гостей, но тѣмъ болѣе осторожнымъ надлежало быть въ степи. Съ своей стороны Уязъ усилилъ свиту Аткинсона еще тремя всадниками, которымъ онъ далъ нѣкоторыя порученія отъ себя собственно къ султану Сабеку. Разставшись съ Уязомъ, всадники вынуждены были ѣхать цѣлый день, пока добрались до небольшаго озера

съ стоячею водою, по берегамъ котораго расли трава и кое-какія деревья. Здѣсь они расположились на ночлегъ, и вскорѣ открыли тамъ довольно свѣжіе слѣды конскихъ копытъ, свидѣтельствовавшіе о недавнемъ пребываніи Кубалдосовыхъ посланныхъ, которые, вѣроятно, выглядывали стада Уяза. На слѣдующее утро Аткинсонъ пустился по тому направленію, куда шли конскіе слѣды, во многихъ мѣстахъ пересѣкавшіеся и отклонявшіеся въ сторону. Держась направленія этихъ слѣдовъ, путешественники черезъ нѣсколько времени очутились близъ аула разбойничьяго султана Кубалдоса. Онъ самъ собственной особой остановилъ подъ уздцы коня Аткинсона, привѣтствовавъ его, по обыкновенію, возложеніемъ руки на грудь и восклицаніемъ «аманъ». Кубалдосъ ростомъ былъ не выше Аткинсона, одѣтъ въ черный бархатный кафтанъ и подпоясанъ красною шалью. На головѣ у него рисовалась красная шапочка. Аткинсонъ насчиталъ въ аулѣ 27 юртъ, изъ коихъ на нѣкоторыхъ были выставлены древки съ развѣвавшимися черными хвостами,—знакомъ достоинства особенно почетныхъ лицъ. Кубалдосъ ввелъ его въ собственную юрту, и, усадивъ рядомъ съ собою на коврѣ, велѣлъ подавать угощенія. Поданы были чай въ китайскихъ фарфоровыхъ чашкахъ на низенькихъ столикахъ, съ леденцовымъ сахаромъ, и сушеные фрукты разныхъ сортовъ. Чукабой и еще одинъ казакъ служили переводчиками. Прежде всего Кубалдосъ освѣдомился о цѣли поѣздки его гостей, и хотя Аткинсонъ отвѣчалъ ему на это комплементомъ, что онъ не могъ себѣ отказать въ удовольствіи лично познакомиться съ знаменитымъ Кубалдосомъ, но это, повидимому, не произвело никакого впечатлѣнія на его хозяина. Точно такъ же не поддался онъ и на предложеніе Аткинсона снять его портретъ. Наиболѣе одобренія султана заслужило вооруженіе Аткинсона, въ особенности его двустволка и пистолеты. Желая съ намѣреніемъ дать ему понятіе о дѣйствіи и вѣрности своего оружія, Аткинсонъ мѣткимъ выстрѣломъ положилъ двухъ утокъ, сидѣвшихъ недалеко на берегу озера; но это

послужило только къ тому, что султанъ изъявилъ желаніе получить это оружіе въ подарокъ. Получивъ въ этомъ отказъ, Кубалдосъ сталъ замышлять, какъ бы добыть оружіе силою. Между тѣмъ Аткинсонъ и его спутники приняли съ своей стороны всѣ возможныя предосторожности, ни на минуту не упуская изъ виду ни лошадей, ни своего оружія. Кубалдосъ сталъ представлять Аткинсону, что его другу, султану Ультигуну, будетъ весьма пріятно, если путешественникъ осчастливитъ его своимъ посѣщеніемъ и привезетъ показать ему двуствольное ружье и охотничьи сапоги. Аткинсонъ сейчасъ же догадался, къ чему клонилось дѣло, но притворился, будто не прочь отъ предложенія. Впрочемъ, ночь прошла спокойно. Утро только что стало разсвѣтать, какъ Аткинсонъ и вся его свита поднялись уже на ноги; но оказалось, что пріятель Кубалдосъ уже предупредилъ ихъ и съ нѣсколькими изъ отчаянныхъ своихъ слугъ, какъ видѣлъ одинъ казакъ, ускакалъ по направленію къ аулу султана Ультигуна. Сверхъ того, между населеніемъ аула начало показываться какое-то подозрительное движеніе. Хотя большая часть обитателей аула, по наружности, были самые отчаянные ребята, однако же, къ своему особенному удовольствію, Аткинсонъ замѣтилъ, что только немногіе изъ нихъ имѣли огнестрѣльное оружіе, остальные же были вооружены копьями и сѣкирами. Притомъ же было извѣстно, что эти удальцы рѣдко выходятъ на открытый бой съ тѣми, кто хорошо вооруженъ, и нападаютъ на нихъ только изъ засады или угоняютъ ихъ лошадей. Угнавъ же лошадей, они могутъ разсчитывать почти навѣрное, что путники неминуемо погибнутъ въ негостепріимной степи, а обирать трупы было дѣло нетрудное и неопасное. Аткинсонъ освѣдомился было о своемъ хозяинѣ, но ему отвѣчали, что султанъ поѣхалъ отыскивать пропавшій табунъ лошадей, и что онъ просилъ передать своимъ гостямъ, чтобы они подождали до полудня; на случай же, если бы онъ къ тому времени не вернулся, онъ выбралъ для нихъ проводниковъ, которые укажутъ имъ

дорогу къ аулу султана Ультигуна. Западня была такъ грубо разставлена, что не было возможности не догадаться о коварной мысли. Ясно, что намѣреніе султана было завлечь путешественниковъ въ какое-нибудь ущелье въ горахъ, гдѣ онъ съ своею шайкою могъ устроить имъ засаду. Надо было, во что бы то ни стало, дѣйствовать быстро, и постараться безъ проводниковъ найти дорогу къ аулу султана Сабека, до котораго оставалось еще три добрыхъ переѣзда. Пустившись по направленію на юго-востокъ, путешественники встрѣтили въ степи одинокую юрту, принадлежавшую тоже къ аулу Кубалдоса. Въ юртѣ этой, между прочимъ, попалась имъ одна женщина, которая была прежде увезена изъ аула султана Уяза; отъ нея путешественники разузнали, куда имъ слѣдовало ѣхать. Женщина эта сообщила имъ, что первый ночлегъ обыкновенно полагается на берегу рѣки, второй дальше къ юго-востоку, близъ какого-то озера, расположеннаго подлѣ цѣпи горъ, и что аулъ Сабека находился недалеко отъ страннаго вида горы, служившей какъ будто пограничнымъ столбомъ.

Скорою рысью пріударили наши всадники впередъ, и къ вечеру благополучно достигли рѣки. Тотчасъ же были разставлены вокругъ караульные, которымъ назначена смѣна черезъ каждые два часа. Въ то самое время, когда пришлось стоять въ караулѣ Аткинсону, степь озарилась множествомъ огненныхъ метеоровъ, изъ коихъ одинъ, горѣвшій красивымъ синимъ огнемъ, лопнулъ съ трескомъ, похожимъ на отдаленный ружейный выстрѣлъ. Нѣкоторые метеоры были блѣдно-желтоватые, другіе оранжеваго цвѣта, а прочіе пурпуровые. Въ теченіе часа Аткинсонъ успѣлъ насчитать не менѣе 108 такихъ метеоровъ. Явленіе это удалось ему наблюдать въ ночи съ 10 на 11 августа.

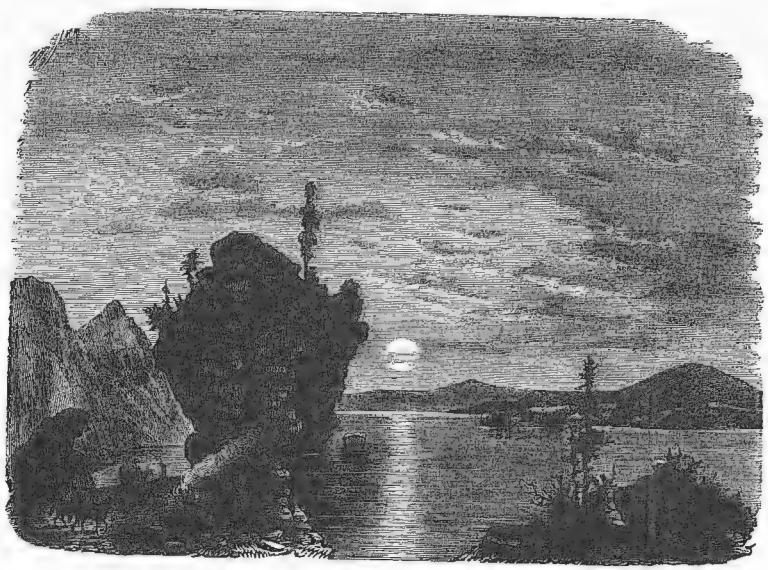
Второй день пути привелъ путниковъ къ означенному выше озеру; но въ то самое время, какъ они уже расположились и принялись было разводить огонь для приготовленія ужина, они съ безпокойствомъ замѣтили на противопо-

ложномъ берегу другое облачко дыма, которое имъ открыло, что Кубалдосъ успѣлъ уже предупредить ихъ и преградить имъ дорогу. При дальнѣйшемъ осмотрѣ мѣстности, открытъ былъ покрытый скалами мысъ, вдавшійся въ озеро и соединявшійся съ берегомъ только узкою косою. Надо было думать, что Кубалдосъ съ своей стороны тоже замѣтилъ огни, разведенные спутниками Аткинсона, и что онъ рѣшилъ только дождаться, ночи, чтобы предпринять нападеніе на лошадей, а въ случаѣ нужды и на самихъ путниковъ. Поэтому рѣшено было условиться сообща на счетъ плана дѣйствія.

Положено было оставаться на прежнемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ, и тогда, разведя огонь и набросавъ побольше хворосту, для того, чтобы можно было полагать, будто они еще не трогались съ мѣста, путешественники потихоньку поднялись и всѣ перебрались на скалистый полуостровокъ, замѣнившій имъ крѣпость. Перешеекъ, отдѣлявшій полуостровокъ отъ берега, былъ такъ узокъ, что черезъ него болѣе двухъ всадниковъ заразъ не въ состояніи были проѣхать; поэтому Аткинсону было нетрудно сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія къ защитѣ.

Расположившись въ своей неприступной крѣпости, путешественники приготовились отчаянно защищаться противъ разбойниковъ, которые, по всей вѣроятности, должны были напасть на нихъ. Дѣйствительно, среди ночи что-то зашевелилось на берегу озера. То, какъ вскорѣ оказалось, былъ самъ Кубалдосъ съ своими головорѣзами, явившійся для осмотра мѣста, гдѣ, по его мнѣнію, должны были отдыхать путешественники. Въ ночной тишинѣ можно было явственно слышать, какъ онъ ругался, увидѣвъ, что добыча отъ него ускользнула. Близъ самаго полуострова разбойничья шайка остановилась, и хотя Аткинсонъ съ нѣкоторыми изъ своихъ людей находился отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, но Кубалдосъ не замѣтилъ ихъ въ засадѣ, и рѣшилъ, что путешественники, вѣроятно, удалились на сѣверный берегъ озера, и повернулъ въ степь. Въ этомъ направленіи пустилась за

нимъ вся его шайка, но еще можно было явственно слышать, какъ Кубалдосъ обѣщалъ загнать путешественниковъ въ степь, и заморить ихъ тамъ голодомъ и жаждою.



Ночлегъ на берегу озера.

Едва стало немного разсвѣтать, какъ путешественники, покинувъ свою крѣпость, тронулись впередъ, по направленію къ горамъ, откуда они наканунѣ замѣтили поднимавшійся дымъ. На этомъ мѣстѣ Кубалдосъ отдыхалъ съ своею шакою, которая, какъ можно было довольно ясно заключить по слѣдамъ, должна была состоять по крайней мѣрѣ изъ 40 или 50 человѣкъ. Взобравшись потомъ, въ сопровожденіи одного казака, на сосѣднюю вершину, Аткинсонъ ясно различилъ вдали, въ юго-восточномъ направленіи, одиноко лежавшую гору въ формѣ церкви, которую описала имъ женщина. Всадники пріударили коней своихъ и еще засвѣтло добрались до расположившагося у подошвы той горы аула знаменитаго султана Сабека, гдѣ ихъ и приняли съ особеннымъ почетомъ. На встрѣчу къ нимъ выѣхало шесть богато-

одѣтыхъ киргизовъ, въ шелковыхъ халатахъ, съ шелковыми колпачками и лисьими мѣховыми шапками, на чудесныхъ коняхъ и прямо провели въ султанскій шатеръ, который былъ раскинутъ на берегу озера, покрытомъ зеленѣвшеюся травою. Тутъ же было раскинуто множество другихъ юртъ, принадлежавшихъ подданнымъ Сабека. Это былъ самый богатый аулъ, изъ тѣхъ, которые привелось видѣть Аткинсону. У султана насчитывали до 8,000 лошадей и около 6,000 верблюдовъ, а сколько у него всякаго рогатаго скота, козъ и овецъ — того онъ и самъ не зналъ навѣрное. Султанъ Сабекъ былъ красивый, плотный мужчина, съ добродушнымъ и смышленымъ лицомъ, которому еще болѣе выразительности придавали черные глаза и темная борода. Одежда его состояла изъ плотнаго штофнаго кафтана темно-пурпуроваго цвѣта, вышитаго пестрыми цвѣтами. Богатая, шелковая шаль желтаго цвѣта опоясывала его талію, а великолѣпная соболья шапка съ краснымъ шелковымъ донышкомъ покрывала голову. На ногахъ были свѣтло-зеленые сапоги и желтыя калоши.

Въ юрту, куда сначала ввели Аткинсона, тотчасъ же принесли разныя сласти, и стали угощать путешественниковъ. Угощеніе состояло изъ чая, который разносили на низенькихъ столикахъ въ китайскихъ фарфоровыхъ чашкахъ, разныхъ рѣдкихъ вареній и сушеныхъ фруктовъ. Во время угощенія, Аткинсонъ долженъ былъ разсказать свои недавнія приключенія. Затѣмъ подведены были лошади, и султанъ съ своей свитою, сѣвъ на коней, направился къ своей юртѣ, отстоявшей оттуда въ 70 шагахъ. Аткинсону объяснили, что юрта, гдѣ происходило угощеніе, собственно отведена для его помѣщенія, и что появленіе султана было не что иное, какъ привѣтственный визитъ его, что вѣжливость требуетъ, чтобы Аткинсонъ съ своей стороны отплатилъ султану за визитъ. Аткинсонъ велѣлъ подать лошадей, такъ какъ пѣшкомъ идти до султанской юрты было бы неприлично, и отправился съ визитомъ къ султану. Здѣсь

повторилась прежняя исторія съ угощеніемъ, но только съ прибавкой самой султанши и ея красивыхъ дочекъ. Что касается до первой, то она была уже весьма почтенныхъ лѣтъ и ее только немного украшало дорогое бархатное платье чернаго цвѣта, вышитое пестрыми шелками; головное украшеніе ея состояло изъ обыкновенной у тамошнихъ замужнихъ женщинъ бѣлой повязки изъ бумажныхъ платковъ. Зато дочки были весьма недурны, а туалетъ ихъ отличался живописностью: коротенькая шелковая юпочка, пестрая, съ красными и желтыми полосками, доходившая до колѣнъ, бѣлые чулки, бѣлый шелковый тюрбанъ на красивой головкѣ, украшенной черными, какъ смоль, кудрями, представляли пріятное зрѣлище.

Наконецъ, султану Сабеку подведенъ былъ посланцами Баспази-Хана присланный ему, въ знакъ особенной къ нему дружбы, великолѣпный жеребецъ, который былъ тотчасъ же осмотрѣнъ знатоками, и найденъ во всѣхъ статьяхъ безукоризненнымъ. Кромѣ того, посланцы султана Уяса вручили Сабеку, стоя на колѣняхъ, какой-то запечатанный пакетъ. Аткинсоновъ казакъ полагалъ, что въ пакетѣ заключались деньги, но впослѣдствіи онъ узналъ, что посланцы обоихъ султановъ имѣли особенное порученіе къ Сабеку. Беспази-Ханъ и Уясъ предлагали, подъ секретомъ, султану Сабеку обуздать разбои безпокойнаго ихъ сосѣда Кубалдоса, и напасть на него общими силами, въ условленный день. Сабекъ согласился, и назначилъ для этого 27-й день послѣ отъѣзда Аткинсона. Баспази-Ханъ приглашалъ было и Аткинсона принять участіе съ своими провожатыми въ наказаніи Кубалдоса, разсчитывая на его огнестрѣльное оружіе, которое могло оказать имъ хорошую помощь, но Аткинсонъ предпочелъ отклонить сдѣланное ему приглашеніе.

Султанъ Сабекъ вполнѣ оправдалъ добрую молву, ходившую о немъ у сосѣднихъ киргизовъ. Между прочимъ онъ щедро отблагодарилъ посланцевъ за привезенные ими подарки драгоцѣнными шелковыми матеріями и чаемъ. Нѣ-

которое количество чая досталось и Аткинсону, который нашелъ его превосходнымъ. Аткинсонъ сообщилъ султану о своемъ намѣреніи пробраться, если возможно, до китайскаго города Чинъ-Си, и потомъ отъ горъ Тіанъ-Шана повернуть назадъ къ озеру Балкашу. Посѣщеніе китайскаго города Сабекъ нашелъ не совсѣмъ благоразумнымъ, потому что, въ случаѣ какого-нибудь столкновенія съ тамошнимъ гарнизономъ, можно было, вмѣсто Балкаша, попасть въ Пекинъ. Точно такъ же неосторожно было бы, по мнѣнію султана, пускаться въ горы, гдѣ обыкновенно шлялось много разбойничьихъ партій, не дававшихъ никому пощады. Заботясь о безопасности путешественниковъ, Сабекъ предложилъ Аткинсону увеличить число его спутниковъ, и далъ ему самаго опытнаго своего проводника. Съ помощью этого проводника, путешественники могли легко добраться до другаго аула султана Сабека, находившагося въ разстояніи восьми часовъ ѣзды, а оттуда ѣхать далѣе по направленію къ городу Чинъ-Си; если же это было опасно, то проводникъ долженъ былъ указать имъ дорогу къ озеру Балкашу, и проводить ихъ до мѣста, откуда они уже не могли сбиться съ дороги къ аулу султана Уяса, перенесенному въ сторону отъ прежней стоянки. Проводникъ этотъ былъ плечистый, здоровый киргизъ, лѣтъ сорока съ немногимъ, съ честнымъ выраженіемъ лица; собственно его обязанность была провожать султана Сабека на всѣхъ его походахъ, такъ какъ ему вполнѣ были знакомы всѣ малѣйшіе пути и дорожки въ степи. Такимъ образомъ свита Аткинсона мало-по-малу увеличилась до 25 человѣкъ и 46 лошадей. Четверо изъ провожатыхъ, данныхъ султаномъ, были вооружены копьями и бердышами, у остальныхъ же были только послѣдніе, — зато наружность ихъ всѣхъ была самая отчаянная.

Поблагодаривъ отъ души степнаго князька за его радушное гостепріимство, путешественники направились черезъ зеленѣвшуюся степь къ означенному выше аулу, котораго достигли подъ-вечеръ. То было послѣднее мѣстопребыва-

ніе киргизскаго населенія къ югу и востоку. Далѣе же въ эту сторону простиралась, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, обширная степь безъ воды и безъ всякой растительности, неспособная къ питанію живыхъ существъ. Что касается до аула, гдѣ остановились путешественники, то онъ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ. Тронувшись на слѣдующее утро далѣе, путники вскорѣ увидѣли передъ собою величественныя вершины Тіанъ-Шана, съ исполинскою отраслью Богдо-Ола, поднимавшеюся на южномъ горизонтѣ. Трава начинала мало-по-малу рѣдѣть, и путешественники вступили уже въ песчаную степь, гдѣ единственное разнообразіе составляло только небольшое озеро съ соленою водою. Не смотря на то, жажда до того мучила лошадей, что онѣ не отказались и отъ этой влаги. Подъ-вечеръ путники увидали однако же другое прѣсноводное озеро, съ впадавшею въ него небольшою рѣчкою. Здѣсь рѣшено было остановиться для отдыха. Берега озера были покрыты вокругъ камышемъ и мелкимъ кустарникомъ, въ которомъ скрывалось множество водяной дичи. Проводникъ Аткинсона былъ въ восхищеніи отъ его искусства, видя какъ онъ мѣтко цѣлилъ въ утокъ и бекасовъ, и почти радовался возможности столкнуться съ китайскими разбойниками, постоянно безпокоившими киргизовъ, чтобы проучить ихъ порядочно.

На ночь разставлены были опять караульные, чтобъ быть насторожѣ противъ внезапныхъ нападеній, но, къ счастію, ничто ночью не потревожило утомленныхъ путниковъ. Поднявшись утромъ, путешественники тронулись вдоль по берегу рѣки до того мѣста, гдѣ она дѣлала крутой поворотъ къ юго-востоку. Въ сторонѣ виднѣлось нѣсколько огромныхъ могилъ, окруженныхъ другими могилами меньшихъ размѣровъ. Далѣе ѣхать впередъ проводники считали неосторожнымъ. Отъ города Чина-Си они находились въ трехъ часахъ ѣзды, и могли уже ясно различить его при солнечномъ сіяніи, равно и озеро, лежащее отъ него къ востоку. На юго-западной сторонѣ города торчали высокіе пики отро-

говъ Тіанъ-Шана, изъ коихъ однако же ни одинъ не достигалъ линіи снѣга. Что касается до самаго города, то онъ не представлялъ ни какихъ значительныхъ зданій, и киргизы разсказывали, что всѣ домы въ городѣ были низенькіе, очень невзрачные на видъ и маленькіе.

Достигнувъ въ этой сторонѣ до самаго крайняго пункта, до котораго вообще въ послѣднее время европейскимъ путешественникамъ удавалось доходить, Аткинсонъ и самъ былъ наконецъ доволенъ, что его караванъ повернулъ назадъ, выбравъ направленіе къ сѣверо-востоку. Мѣстность приняла характеръ волнообразной степной страны, покрытой большими пуками травы (вѣроятно stipa, ковылка), которая достигала до 4 футовъ вышины и колыхалась какъ спѣлая рожь. Не смотря однакоже на красивый видъ этой травы, пробираться сквозь нее было не очень пріятно, потому созрѣвшіе сѣмянники вцѣплялись въ платье всадниковъ, и сильно ихъ безпокоили. Завидѣвъ вдали дымъ разведенныхъ огней, всадники повернули было въ объѣздъ, чтобы не повстрѣчаться съ рыскавшими по странѣ разбойничьими шайками, но оказалось, что это ни къ чему не повело, такъ какъ къ вечеру они все-таки примѣтили пріютившіеся въ небольшой долинѣ два аула, въ которыхъ, по мнѣнію киргизовъ, можно было встрѣтить однихъ только воровъ да разбойниковъ. Совѣтъ проводника киргиза былъ проѣхать, по возможности, поспѣшнѣе долину, и остановиться отдыхать на ночь, въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ. Но Аткинсонъ возразилъ, что это будетъ очень похоже на бѣгство, и что подобная-то боязнь и можетъ подать разбойникамъ поводъ къ ночному нападенію. Объяснивъ это, Аткинсонъ, къ великому удовольствію своихъ казаковъ и калмыковъ, прямо направился къ аулу, приведя въ величайшее волненіе все населеніе. Изъ ближайшаго аула немедленно поскакалъ верховой къ другому аулу. Видя однако же, что Аткинсонъ приближается тихо съ своею партіею, населеніе аула выслало впередъ двухъ стариковъ для переговоровъ, и для разспросовъ насчетъ намѣренія пришельцевъ.

Видя вооруженіе Аткинсона, старики начали жалобно молить о пощадѣ. Ни сколько не сердясь на то, что его приняли за атамана разбойничей шайки, Аткинсонъ обѣщалъ съ своей стороны милость и пощаду, но требовалъ, чтобы его угостили какъ слѣдовало. Отказа, конечно, не было, и съ полдюжины женщинъ тотчасъ стали убирать одну юрту, чтобы помѣстить тамъ пріѣзжаго атамана. Всякое оружіе отложено было въ сторону. Въ первомъ аулѣ Аткинсонъ насчиталъ 13 взрослыхъ мужчинъ, а въ другомъ 11. Оба старшины аула принадлежали къ такъ-называемой „Большой Ордѣ“ киргизовъ, и въ очертаніи лица имѣли много сходства съ крымскими татарами; прочіе же принадлежали къ различнымъ народностямъ: нѣкоторые были китайцы, другіе монголы, а прочіе киргизы изъ разныхъ племенъ. Не довѣряя однако же слишкомъ много этому народу и желая вселить имъ побольше страха къ своимъ ружьямъ и побольше почтенія къ своей особѣ, Аткинсонъ велѣлъ одному своему казаку показать обитателямъ аула свое искусство. Замѣтивъ на небольшомъ островкѣ, середи озера, двухъ пеликановъ, казакъ опустился на колѣно, и прицѣлился въ обоихъ пеликановъ разомъ. Раздался выстрѣлъ, и передній пеликанъ повалился мгновенно, другой же взмахнулъ-было крыльями, но черезъ нѣсколько шаговъ тоже упалъ. Добывъ съ острова убитыхъ птицъ, киргизы принялись съ величайшею внимательностью осматривать ихъ раны. По результатъ этого осмотра, повидимому, былъ тотъ, что страхъ ихъ къ чужестранцамъ еще болѣе усилился. Между тѣмъ былъ заколотъ баранъ для обыкновеннаго пира въ честь гостей, а послѣ того оба старшины отправились къ Аткинсону пить чай, въ знакъ мира и довѣрія къ нему, причемъ сообщили ему всевозможныя подробности о мѣстоположеніи и о богатствѣ сосѣднихъ ауловъ. Нѣкоторые изъ обитателей даже вызвались проводить путешественниковъ на значительное разстояніе въ направленіи къ аулу султана Уяса. Но когда утромъ Аткинсонъ поднялся съ своими спутниками, то оказалось,

что аулъ былъ пустъ, за исключеніемъ, впрочемъ, обѣщанныхъ проводниковъ; прочіе же обитатели, оставаясь при убѣжденіи, что Аткинсонъ узналъ своихъ лошадей у султана Сабека, полагали что онъ, при разставаніи, уведетъ и ихъ стада, почему они поднялись всѣ еще ночью и скрылись съ своими стадами за горы.

Страна, по которой Аткинсону предстояло теперь проѣзжать, не представляла ничего утѣшительнаго. Сначала ему приходилось пробираться черезъ владѣнія стараго знакомца его, Кубалдоса, который уже былъ ему извѣстенъ своимъ предпочтеніемъ къ чужимъ лошадямъ и къ хорошему оружію. Кромѣ того, надо было проѣзжать мимо нѣкоторыхъ ауловъ султана Ультигуна, хорошаго пріятеля Кубалдоса, а въ заключеніе путь пролегалъ черезъ гористую мѣстность, гдѣ хозяйничалъ третій молодецъ подобнаго же разряда, султанъ Киренъ.

Проводники, взятые изъ аула султана Сабека, распростились съ Аткинсономъ и повернули назадъ въ свой аулъ. Такимъ образомъ Аткинсону предстояло самому отыскивать дорогу къ аулу Уяса, соображаясь съ тѣми примѣтами, которыя ему были сообщены. Къ этому горю присоединились нѣкоторыя другія непріятности. Путешественники сварили уже послѣднюю птицу изъ своего запаса, и кромѣ копченой конины, подарка султана Сабека, у нихъ больше ничего не оставалось. Вдругъ сосѣднія горы покрылись облаками, а видъ неба сдѣлался такой мрачный, какъ будто каждую минуту должна была разразиться гроза. Такимъ образомъ продолжали они свой путь, находясь въ самомъ унылomъ настроеніи духа въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Наконецъ, на четвертый день небо, прояснилось вновь, и путники увидѣли въ горахъ прозрачный потокъ, низвергавшійся съ шумомъ. По обоимъ берегамъ этого потока, широкое пространство было покрыто травою и густымъ кустарникомъ. Найдя въ этомъ мѣстѣ самое необходимое, какъ-то воду и траву для своихъ лошадей и топливо, пут-

ники рѣшились тутъ остановиться. Можно было полагать, что найдется и дичь: и дѣйствительно, послѣ непродолжительныхъ поисковъ, Аткинсону удалось подстрѣлить четырехъ фазановъ, которые тотчасъ же и пошли на ужинъ. Между тѣмъ, въ то время, какъ довольные своею судьбою путники весело ужинали, а лошади неподалеку щипали траву, вдругъ собаки подняли страшный лай. Первая мысль была, что это тигръ, ибо киргизы неоднократно разсказывали, что эти опасныя животныя производятъ частыя нападенія на стада. Аткинсонъ съ казаками тотчасъ же схватились за оружіе; но, посмотрѣвъ черезъ кусты, они увидѣли небольшую партію вооруженныхъ всадниковъ, приближавшихся по узкой долинѣ. Всадники, повидимому, обратили первоначальное вниманіе только на лошадей, а самихъ путешественниковъ не замѣтили; но, увидѣвъ Аткинсона и одного казака — прочіе были скрыты кустами, — они схватились за оружіе и бросились впередъ, пустивъ въ то же время на путешественниковъ двухъ огромныхъ собакъ. Подпустивъ собакъ на разстояніе 150 шаговъ, Аткинсонъ и находившійся возлѣ него казакъ выстрѣлили. Одна изъ собакъ тутъ же растянулась, другая съ страшнымъ визгомъ кинулась назадъ, къ своимъ хозяевамъ, которые, не ожидая подобной встрѣчи, весьма удивились и остановили коней. Аткинсонъ приказалъ казаку закричать имъ, что если они тотчасъ же не кинутъ своего оружія, то съ ними будетъ то же, что и съ собаками. Всадники, числомъ семеро, повиновались. Подъѣхавъ поближе, они объявили, что они изъ аула султана Кирена, находящагося въ разстояніи менѣе, чѣмъ одного дня пути. Принявъ спутниковъ Аткинсона за разбойниковъ и товарищей по ремеслу, они пустились съ ними въ откровенность. Ни мало не смущаясь, они прямо признались, что намѣреніе ихъ было отвлечь вниманіе Аткинсона собаками, и воспользоваться тѣмъ временемъ, чтобы угнать лошадей. Они было вздумали даже пригласить Аткинсона посѣтить султана Кирена, но тотъ наотрѣзъ объявилъ, что онъ не намѣренъ

имѣть ничего общаго съ народомъ, который травитъ путниковъ собаками. На слѣдующее утро Аткинсонъ разстался съ этими молодцами, и сталъ взбираться съ своею партіею по довольно неудобной тропинкѣ въ гору; впрочемъ, видъ, открывшійся передъ нимъ съ высоты на Богдо-Ола, вознаградилъ его за трудности восхожденія. Далѣе путешественники достигли небольшой долины, гдѣ имъ пришлось съ большими опасностями переправляться черезъ бѣшеный горный потокъ, заваленный огромными обломками скалъ. Поднявшись затѣмъ еще выше на сосѣдній горный хребетъ, путники увидѣли наконецъ, къ великой своей радости, раскинутый на берегу одного изъ ближайшихъ озеръ аулъ султана Уяса. Однако же, когда пришлось съѣзжать внизъ, то оказалось, что спускъ съ горы представлялъ несравненно болѣе трудностей, чѣмъ подъемъ въ гору, такъ что пришлось идти пѣшкомъ, ведя лошадей за поводья.

Въ аулѣ Уяса встрѣча была самая радушная. Султанъ былъ очень обрадованъ подарками, переданными ему отъ его друга, султана Сабека, и въ особенности тѣмъ, что Аткинсонъ предупредилъ его во-время о разъѣздахъ шаекъ Кирена, занимавшихся собственно развѣдываніемъ объ аулѣ Уяса. Послѣдній только разсердился на Аткинсона за то, что этотъ слишкомъ милостиво обошелся съ киргизами султана Кирена.

Остававшіяся между тѣмъ въ аулѣ у султана Уяса лошади Аткинсона и его проводниковъ превосходно отдохнули и откормились. Впрочемъ, снисходительность султана простиралась до того, что онъ и на слѣдующіе переѣзды предложилъ Аткинсону своихъ лошадей и опытныхъ проводниковъ, для указанія ему пути въ опасной мѣстности, которою имъ предстояло проѣзжать. Путешественники находились уже на сѣверномъ склонѣ Поднебесныхъ Горъ, откуда могли обозрѣть всю обширную цѣпь, начиная отъ исполинскаго горнаго узла Богдо-Ола до вулкана Пе-Шана, коихъ темныя части рѣзко отдѣлялись отъ окружающихъ

ихъ снѣжныхъ пространствъ. Между обѣими горами тянулся длинный рядъ снѣжныхъ вершинъ, низвергавшихъ множество разныхъ потоковъ и рѣчекъ, которыя, пробѣжавъ нѣкоторое пространство, исчезали потомъ незамѣтнымъ образомъ въ пескѣ или составляли озера и болота. Наиболѣе опасности для путешественниковъ представляли именно болота, покрывавшія безчисленными изгибами пространство отъ 40 до 60 верстъ въ ширину; черезъ эти болота одни только туземцы, хорошо знакомые съ мѣстностью, пробирались безъ опасности.

Сначала Аткинсонъ съ двумя казаками обогналъ немного прочихъ спутниковъ, и, подъѣхавъ къ краю болота, поросшаго травою и камышемъ, вздумалъ было пробраться черезъ него прямо. Но едва они успѣли сдѣлать нѣсколько шаговъ по тонкому грунту, какъ подъ тяжестью коней поверхность земли заколыхалась, точно морская зыбь. Всадники тотчасъ же повернули своихъ лошадей назадъ, и были несказанно рады, когда выбрались опять на твердую почву. Киргизы, поспѣшившіе было къ нимъ на помощь, увѣряли, что еще нѣсколько шаговъ дальше, и тонкая дерновая кора непремѣнно провалилась бы подъ всадниками. Киргизы разсказывали, что они въ этихъ болотахъ каждый годъ теряютъ множество лошадей и верблюдовъ. Волей-неволей Аткинсонъ вынужденъ былъ пустить своихъ киргизовъ впередъ, и слѣдовать за ними въ хвостѣ.

Мѣстность, по которой проѣзжалъ Аткинсонъ, была необыкновенно богата водяными птицами, которыхъ тамъ никто не безпокоилъ. Безчисленное множество пеликановъ, дикихъ лебедей, гусей, утокъ, журавлей (въ особенности одинъ очень красивый видъ черныхъ журавлей), розовыхъ фламинго и разныхъ другихъ птицъ, болотныхъ и плавающихъ, шныряли тамъ во всѣ стороны. Такъ же часты были тамъ слѣды дикихъ свиней; не смотря на то, при всѣхъ своихъ усиліяхъ и при особенной осторожности, путешественникамъ не удалось ни разу подстеречь кабановъ. Каждый разъ, при

приближеніи людей, животныя уходили въ свои логовища, куда не было ни какой возможности за ними слѣдовать. Въ одномъ мѣстѣ путешественники примѣтили слѣды борьбы, происходившей между тигромъ и кабаномъ, причемъ послѣдній, какъ можно было видѣть по остаткамъ, былъ растерзанъ первымъ; изъ этого можно было заключить о близости тигровъ. Дѣйствительно, въ слѣдующую ночь тигры, почуя близость лошадей, удостоили путешественниковъ своимъ посѣщеніемъ. Путники расположились было близъ небольшаго горнаго потока вдругъ, середи ночи, раздался яростный лай собакъ. Испуганныя лошади стали рваться и биться. Въ чащѣ сосѣднихъ кустовъ засвѣтилась пара желтыхъ глазъ, но тотчасъ же направленный въ ту сторону выстрѣлъ, повидимому, имѣлъ успѣшное дѣйствіе. Раздался жалобный ревъ, въ кустахъ что-то зашелестило и потомъ опять все стихло. На утро путешественники могли убѣдиться въ присутствіи кровяныхъ слѣдовъ, которые исчезали въ лабиринтѣ скалъ, но туда никто изъ нихъ не рѣшился слѣдовать.

Подобно всѣмъ прочимъ странамъ, гдѣ много болотъ, мѣстность, по которой проѣзжали путники, изобиловала милліонами паутовъ и мошкары, такъ что Аткинсонъ былъ несказанно радъ, когда наконецъ миновалъ эту опасную область и когда проводники, данные ему султаномъ Уясомъ, доставили его благополучно въ аулъ его стараго знакомца, Баспази-Хана. Пріемъ, сдѣланный ему послѣднимъ, былъ такъ же предупредителенъ, какъ и пріемъ въ аулѣ у султана Уяса. Баспази-Ханъ далъ Аткинсону охотно своихъ лошадей и проводниковъ, чтобы доставить его на озеро Кизиль-Башъ-Норъ и къ истокамъ Чернаго Иртыша.

При помощи этихъ проводниковъ, Аткинсонъ достигъ уже на второй день пути, къ вечеру, береговъ Кизиль-Башъ-Нора — озера, имѣющаго около 15 географическихъ миль въ длину и отъ 3 до 4 миль въ ширину. Берегъ этого озера, съ югозападной стороны плоскій, а съ сѣверо-восточной хол-

мистый. Все озеро окружено широкою полосою, заросшею камышемъ и кое-гдѣ осокою. Что касается до тамошняго киргизскаго населенія, то путешественники не видали тамъ никого. Далѣе мѣстность не представляла ничего особеннаго: по-прежнему, пространства, покрытыя травою, смѣнялись песчанымъ и хрящевымъ грунтомъ; но зато на югозападномъ горизонтѣ виднѣлись Барлукскія и Тарбагатайскія горы, а къ сѣверу замѣтны были предгорія Алтая. Нѣсколько верстъ сряду путешественники ѣхали вдоль по теченію Иртыша, причемъ видѣли и его истоки, но ни какихъ слѣдовъ „великаго“ Алтая, о которыхъ толкуютъ старинные географы, они не примѣчали; попадались только умѣренныя цѣпи горъ. Русло Иртыша въ томъ мѣстѣ было очень каменисто, а берега его покрыты были кустарниками и давно невиданнымъ зрѣлищемъ для Аткинсона и его товарищей — деревьями. Проводники, полученные Аткинсономъ отъ Баспази-Хана, доставили его въ находившійся тамъ по близости аулъ султана Дулемба, друга ихъ господина; затѣмъ они распростились съ нашимъ англичаниномъ, которому было душевно жаль разстаться съ честными калмыками, и пустились въ обратный путь. Такимъ образомъ при Аткинсонѣ остались было только три его казака, но султанъ Дулембъ далъ ему въ провожатые еще восьмерыхъ киргизовъ, по наружности самыхъ отчаянныхъ молодцовъ, годныхъ не только для защиты, но и для разбоя при случаѣ. Отсюда Аткинсонъ повернулъ на юго-западъ, къ горамъ Барлукскимъ и Тарбагатайскимъ. По словамъ проводниковъ, ему предстояло ѣхать до тѣхъ мѣстъ цѣлыхъ девять дней, но на третій день, впрочемъ, уже можно было достигнуть ауловъ султана Ишонакъ-Хана, находившагося въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Дулембу.

Оказалось однакоже, что путешественникамъ пришлось совершить пять утомительныхъ переѣздовъ по безводной степи, пока они нашли помянутаго султана. Ишонакъ-Ханъ носилъ на шапкѣ совиное перо, въ знакъ своего происхож-

денія отъ знаменитаго Чингисъ-Хана. Въ нѣсколькихъ миляхъ далѣе возвышались уже *Барлукскія* горы. Хребетъ этотъ простирается между горами Тарбагатая и Алтаемъ, къ востоку отъ Ала-Куля, и представляетъ сравнительно только незначительныя высоты. Длина этой цѣпи съ востока на западъ простиралась около девяти миль, а ширина отъ трехъ до четырехъ миль. Самые высокіе шпицы поднимались до 3,000 футовъ надъ окружающею равниною, далеко не достигая до снѣжной линіи. Низкіе склоны этихъ горъ изобиловали хорошими пастбищами, но зато болѣе возвышенные гребни представляли обнаженные утесы.

Ишонакъ-Ханъ далъ Аткинсону своихъ людей и лошадей, чтобы проводить его далѣе до Тарбагатайскаго хребта, чему тотъ былъ очень радъ, потому что ему предстояло миновать одну изъ самыхъ непріятныхъ мѣстностей. Вся поверхность земли покрыта была соленою корою, которая подъ копытами лошадей, превращаясь въ пыль, набивалась всадникамъ въ ротъ, и производила нестерпимую жажду, между тѣмъ, какъ единственное средство для утоленія жажды, чай, приходилось варить въ вонючей стоячей водѣ. Къ тому же не представлялось ни какой возможности добыть дичи для стола, потому что растительность, попадавшаяся по краямъ лагунъ, была самая жалкая. Только къ вечеру пятаго дня удалось путешественникамъ достигнуть рѣки Эремиля, вытекающей изъ Тарбагатайскаго хребта. Аткинсонъ съ наслажденіемъ напился свѣжей воды. Продолжая слѣдовать вдоль цѣпи горъ, путешественники проѣхали въ двухъ миляхъ отъ китайскаго города *Чугучака*, или Чубачака, вокругъ котораго въ то время хозяйничала разбойничья шайка „Бизагатъ“, состоявшая изъ разнаго рода сволочи. Впрочемъ, путешественники, благодаря своей бдительности, проѣхали благополучно. Чугучакъ пріобрѣлъ въ послѣднее время важное значеніе для торговыхъ сношеній китайцевъ съ русскими, и русское правительство содержитъ теперь тамъ постояннаго консула.

Наконецъ, подъ вечеръ втораго дня, путешественники достигли кочевья султана *Ямантуха*, который имѣлъ обыкновеніе перекочевывать въ эту часть горъ два раза въ году, для поклоненія находившимся тамъ по близости могиламъ своихъ предковъ. Проведя тамъ около восьми или девяти дней, султанъ удалялся обыкновенно съ своими стадами и табунами въ другія мѣста. На прилагаемомъ рисункѣ представлены султанъ Ямантухъ съ своею дочерью и сыномъ,

Султанъ Ямантухъ съ своею семьей.

который, опустившись, по принятому обыкновенію, на колѣно передъ своимъ отцомъ, сообщаетъ ему вновь полученныя вѣсти.

Продолжая далѣе свой путь по направленію къ *Ала-Кулю* (Пестрое озеро), Аткинсонъ вскорѣ увидѣлъ передъ собою живописную горную цѣпь *Ала-Тау*. Аткинсонъ въ своемъ путешествіи означаетъ этимъ названіемъ весь горный хребетъ, который недалеко отъ Ала-Куля примыкаетъ къ Бар-

кульскимъ горамъ, и потомъ тянется далѣе до рѣки *Или* (рукавъ озера Балкаша). Но на географическихъ картахъ въ этихъ мѣстахъ обыкновенно показываются горы Алтинимель-тау. Аткинсонъ различаетъ въ этихъ горахъ три отдѣльные кряжа, идущіе съ сѣвера на югъ. Сѣверный кряжъ называется у него Кара-Тау (черныя горы; на картахъ, горы подъ этимъ названіемъ показаны между озерами Балкашемъ и Аральскимъ); горы эти поднимаются круто надъ степью и достигаютъ своими наиболѣе возвышенными вершинами 6,000 футовъ надъ поверхностью равнинъ, представляя собою дико разорванныя массы темнаго сланца, сквозь трещины которыхъ нѣсколько рѣкъ съ шумомъ пролагаютъ себѣ путь въ степь.

Позади этихъ черныхъ горъ возвышается хребетъ *Ала-Тау* (пестрыя горы), получившій это названіе отъ цвѣта составныхъ его горныхъ породъ, именно пестроцвѣтнаго порфира (краснаго съ бѣлымъ), свѣтлорозоваго ясписа и чернаго базальта. Къ югу надъ этимъ хребтомъ возвышаются снѣжные шпицы *Акъ-Тау* (бѣлыя горы), поднимающіеся до 1,400 и 1,500 футовъ, съ характеромъ настоящихъ альповъ. Такъ какъ всѣ приведенныя названія основаны на сочетаніи цвѣтовъ каменныхъ породъ, изъ которыхъ горы состоятъ, то неудивительно, что названія эти на картахъ часто встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ сѣвернѣе и южнѣе Иси-Куля.

Отъ главнаго хребта отдѣляются въ сосѣднія степи различные каменистые отроги около 300 футовъ вышиною. Болѣе низменные склоны и плоскости, примыкающія къ горамъ, покрыты травами и степными растеніями, но далѣе на сѣверъ послѣднія исчезаютъ, и степь превращается въ пустыню, населенную только скорпіонами, тарантулами и другими опасными гостями. Не взирая на то, мѣстность эта когда-то была густо населена, чему служатъ доказательствомъ многочисленныя могилы, попадающіяся тамъ повсюду.

Переѣздъ до Ала-Куля былъ очень утомителенъ. Мѣстами лошади едва были въ состояніи переступать по глубокому, зыбкому песку; къ тому же надо было переправляться черезъ нѣсколько бурныхъ потоковъ (Тарзаханъ и Элинъ-са-гашъ); попадались мѣста, гдѣ путники только съ трудомъ могли пробираться черезъ лабиринтъ болотъ, заросшихъ осокою и тростникомъ. Однажды случилось даже, что всѣ они вынуждены были спасаться отъ набѣжавшаго бурана въ чащу камышей, и благословляли судьбу, что успѣли избавиться отъ страшнаго вихря, вздымавшаго цѣлые столбы песка.

Озеро Ала-Куль имѣетъ только девять миль въ длину и отъ трехъ до четырехъ миль въ ширину. Около получаса разстоянія отъ берега озера лежитъ небольшой островокъ, на который можно попасть, пробираясь по грядѣ подводныхъ рифовъ. Александру Гумбольдту одинъ татарскій купецъ разсказывалъ, что островъ этотъ, имѣющій до 100 футовъ возвышенія, вулканъ; поэтому Аткинсону было очень любопытно осмотрѣть островъ, но онъ не нашелъ тамъ ни какихъ слѣдовъ вулканической дѣятельности. До восьми рѣкъ изливаютъ свои воды въ озеро, и во время таянія снѣга значительно возвышаютъ уровень его. Не смотря на то, лѣтній зной бываетъ такъ великъ (до 45° R. въ пескѣ), что прибывающая вода быстро испаряется.

Близъ озера Ала-Куля Аткинсонъ имѣлъ маленькое приключеніе съ кочевавшимъ тамъ султаномъ *Бекомъ*, богатѣйшимъ изъ кочевыхъ князьковъ въ той странѣ. Между прочимъ, въ табунахъ его насчитывали до 10,000 лошадей, кромѣ соотвѣтственнаго количества прочаго скота. Зная объ этомъ, Аткинсонъ заранѣе разсчитывалъ на блестящій пріемъ, подобно тѣмъ, къ которымъ онъ привыкъ со стороны другихъ султановъ. Но когда онъ пріѣхалъ къ аулу, то уже было довольно поздно, и султанъ, разсердившись на путешественниковъ, нарушившихъ его первый сонъ, послалъ имъ не очень-то жирнаго барана. Аткинсонъ тотчасъ же отправилъ барана назадъ, и велѣлъ сказать султану: „что ему не нужно

такихъ подарковъ, и что онъ вообще ничего не проситъ отъ его свѣтлости, но что онъ очень удивляется, какъ у такого великаго человѣка, какъ султанъ Бекъ, сердце такое маленькое, какъ у мышенка!“ Султанъ пришелъ въ страшное негодованіе и съ пѣною у рта закричалъ казаку, чтобы онъ поскорѣе убирался съ своими товарищами изъ аула, а то, въ противномъ случаѣ, султанъ прикажетъ ихъ всѣхъ побросать въ озеро. Ни сколько не смутившись этими гнѣвными словами, казакъ спокойно возразилъ султану, что если султанъ или кто-нибудь другой только осмѣлится приблизиться къ ставкѣ путешественниковъ, то его безъ околичностей положатъ на мѣстѣ. Съ этими словами казакъ повернулся и преспокойно вышелъ вонъ. Между тѣмъ султанъ Бекъ, повидимому, одумался, и черезъ нѣсколько минутъ къ нашему англичанину явилось посольство изъ двухъ киргизскихъ дѣвушекъ, которыя поднесли ему превосходнаго жирнаго барана, съ просьбою принять его и скушать на здоровье. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аткинсонъ получилъ отъ султана приглашеніе оставаться въ аулѣ, сколько пожелаетъ, и обѣщаніе дать ему лошадей и проводниковъ для дальнѣйшаго сопровожденія его по степи. На такое любезное предложеніе Аткинсонъ не могъ не отвѣчать равною же любезностью, и черезъ полчаса онъ уже сидѣлъ на коврѣ, подлѣ султана Бека, распивая душистый чай, между тѣмъ какъ придворный стихотворецъ султана, въ высокопарныхъ выраженіяхъ, воспѣвалъ геройскіе подвиги его самого и его предковъ. Пока происходило это угощеніе, закланный баранъ былъ уже сваренъ, и присутствующіе съ удовольствіемъ принялись за уничтоженіе вкуснаго ужина.

На слѣдующій день Аткинсонъ пустился въ дальнѣйшій путь, направляясь на западъ. Между прочимъ ему пришлось переправляться черезъ рѣку *Лепсу*, широкій потокъ, извивавшійся между высокими песчаными берегами и представлявшій мѣстами то широкія лагуны, заросшія осокою, то узкое и быстрое русло. Пробравшись черезъ на-

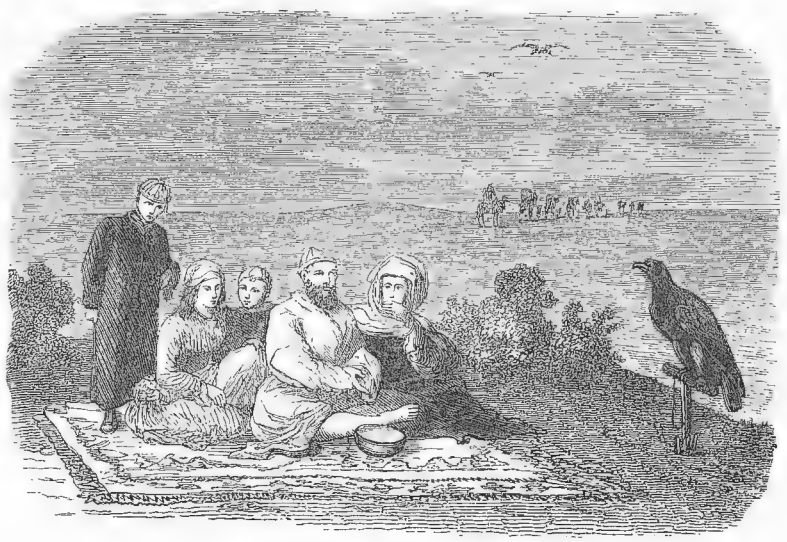
стоящій лабиринтъ песчаныхъ холмовъ, разбросанныхъ по ту сторону рѣки, путешественники вдругъ наткнулись на партію киргизовъ, вооруженныхъ ружьями. Оказалось, что то были собственные тѣлохранители султана *Булана*, пользовавшагося извѣстностью самаго ученаго и наиболѣе уважаемаго между всѣми князьями въ той мѣстности. Аткинсонъ нашелъ у него весьма предупредительный пріемъ. Такъ какъ въ предшествовавшемъ году султана Булана посѣтилъ русскій генералъ-губернаторъ Западной Сибири, то Аткинсонъ и показалъ ему рекомендательное письмо послѣдняго, въ которомъ генералъ-губернаторъ просилъ всѣхъ дружественныхъ начальниковъ между номадами объ оказаніи возможнаго содѣйствія нашему англичанину. Вслѣдствіе того, султанъ поручилъ своему главному муллѣ изготовить для Аткинсона пропускной видъ ко всѣмъ начальникамъ сосѣднихъ ордъ, которые оказывали Булану особое уваженіе.

Дорога все шла вдоль сѣверныхъ склоновъ Ала-Тау. Множество могильныхъ кургановъ различной постройки стали опять попадаться Аткинсону весьма часто; тѣ изъ нихъ, которые имѣли наибольшіе размѣры, были, повидимому, и самые древнѣйшіе. Одинъ такой курганъ имѣлъ круглую форму, съ поперечникомъ въ 364 фута, при 30 футахъ вышины, и состоялъ изъ безчисленныхъ кучъ булыжника, доставленнаго туда, вѣроятно, изъ ложа Лепсы, потому что въ окрестностяхъ нигдѣ не попадалось камней. Самые большіе камни имѣли немного менѣе фута въ поперечникѣ, но большая часть была значительно менѣе. У киргизовъ вовсе не сохранилось преданій о томъ, какому народу эти могилы могли принадлежать; они просто вѣрили, что эти насыпи сдѣланы нечистыми духами.

Встрѣчались еще другаго рода могильные курганы, имѣвшіе сходство съ горнами конусообразной формы и съ отверзтіемъ наверху. Одна изъ такихъ надгробныхъ построекъ, по измѣренію Аткинсона, имѣла 25 футовъ въ поперечникѣ, при 50 фут. вышины; толщина стѣнъ была въ 4 фута; съ

боку, въ 4 фута надъ землею было устроено отверзтіе, имѣвшее 4 фута въ квадратѣ. Аткинсонъ проползъ въ одно изъ этихъ отверзтій, и нашелъ внутри два огромные надгробные камня, которые, безъ сомнѣнія, положены были туда прежде нежели могила была возведена. По словамъ киргизовъ, могильные курганы эти принадлежали народамъ, которые жили тамъ еще прежде калмыковъ.

Третій родъ надгробныхъ построекъ былъ возведенъ изъ необожженаго кирпича; по нѣкоторымъ наружнымъ признакамъ можно было заключить, что покоившіеся въ этихъ могилахъ были магометане, и туземцы, дѣйствительно, приписываютъ происхожденіе ихъ Тимуръ-Хану или Тамерлану и его народу.



Султанъ Бекъ съ своею семьею.

Во время одной изъ позднѣйшихъ поѣздокъ своихъ въ горы Ала-Тау, Аткинсонъ посѣтилъ, между прочимъ, одну могилу первой категоріи, о которой существуетъ въ народѣ темное преданіе. Курганъ этотъ имѣлъ въ поперечникѣ 200 футовъ, въ вышину 40 футовъ, и былъ окруженъ сплошнымъ

рвомъ, въ 12 футовъ ширины и 6 футовъ глубины. Вершина имѣла круглое углубленіе, а все цѣлое представляло видъ крѣпости. Тамошніе киргизы сообщили Аткинсону преданіе, что въ древнія времена тамъ обиталъ одинъ родъ, вымершій вслѣдствіе самоистребленія: сначала старикъ-отецъ убилъ свою жену и всѣхъ дѣтей, кромѣ старшаго сына, потомъ старшій сынъ убилъ отца, и въ заключеніе, лишилъ себя жизни самъ. Въ преданіи этомъ, какъ кажется, содержится указаніе на отчаянныя схватки прежнихъ обитателей съ вторгавшимися въ ихъ родину пришлыми ордами. Что же касается до обитавшаго въ тѣхъ странахъ другаго народа, то существованіе его подтверждается многочисленными остатками разныхъ построекъ, видѣнными Аткинсономъ, и преимущественно водопроводами, устроенными для орошенія полей и для усиленія плодородія почвы. Постройки подобнаго рода никакъ не могутъ принадлежать новѣйшимъ поколѣніямъ, не имѣющимъ вообще ни какой склонности къ земледѣльческимъ занятіямъ, и промышляющимъ только скотоводствомъ, да иногда разбоемъ.

Могильные курганы въ видѣ горна, возведенные изъ камня, попадались Аткинсону и въ другомъ мѣстѣ, именно между озерами Зайсаномъ и Балкашемъ. Двѣ такія могилы изображены въ концѣ этой главы. Основаніе этихъ могилъ было круглое, а вышина доходила до 55 футовъ. Съ южной стороны, въ 8 футахъ надъ землею, помѣщалось отверзтіе около 4 футовъ въ квадратѣ, а выше къ куполу другое отверзтіе въ 2 фута въ квадратѣ. Внутренность, какъ оказалось при осмотрѣ, имѣла 21 футъ въ поперечникѣ, а толщина стѣнъ была въ 4 фута. Посрединѣ пространства, занятаго этими могилами, возвышались два кургана побольше, окруженные съ каждой стороны тремя курганами меньшихъ размѣровъ. Киргизы разсказываютъ, что эти могилы принадлежатъ могущественнымъ царямъ духовъ, властвовавшимъ прежде надъ обитателями этой страны, и погибшимъ въ послѣдствіи въ борьбѣ съ сильными духами Гоби. Они даже увѣряютъ, что

узкія трещины горъ суть не что иное, какъ впадины отъ ударовъ, которые сражавшіеся враги старались нанести другъ другу. Что касается до обрядовъ, совершаемыхъ при погребеніи почетныхъ киргизскихъ старшинъ, то они значительно отличаются отъ обрядовъ прочихъ народовъ. Аткинсонъ описываетъ погребеніе султана *Даргина-Зырена*, богатаго и могущественнаго князя, умершаго близъ Норъ-Зайсана. Когда главный мулла, исполнявшій вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность придворнаго врача султанова, признавъ болѣзнь очень опасною, объявилъ, что смерть его престарѣлаго паціента должна воспослѣдовать скоро, — немедленно были разосланы во всѣ сосѣдніе аулы гонцы съ вѣстью о предстоявшей потерѣ. Изъ этихъ ауловъ разосланы были опять гонцы далѣе, такъ что черезъ нѣсколько часовъ вѣсть эта обѣжала пространство въ нѣсколько миль въ окружности. Едва дряхлый султанъ успѣлъ закрыть глаза, какъ изъ сосѣднихъ ауловъ наѣхало уже множество знатныхъ киргизовъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Передъ палаткою, въ которой лежало тѣло умершаго, выставлено было копье съ чернымъ знаменемъ, а возлѣ него свалено было въ кучу самое дорогое сѣдло его, съ прочими принадлежностями, его парадная одежда, боевое оружіе и прочія принадлежности его званія; внутренность юрты была увѣшана кусками шелковой китайской матеріи. Собравшіяся со всего аула женщины стояли кругомъ на колѣняхъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ покойнику, и торжественнымъ тономъ пѣли что-то погребальное, медленно покачивая тѣло съ одной стороны на другую. Стоявшіе снаружи мужчины составляли тоже хоръ, и подтягивали женщинамъ густымъ тономъ. Но ни какихъ воплей, ни завываній, столь обыкновенныхъ у дикихъ народовъ, при этомъ не было слышно, равно не было видно вырыванія волосъ, ни другихъ взрывовъ неприличной скорби, — все носило печать глубокой, тихой и торжественной печали.

Пока глубокіе звуки погребальнаго пѣнія оглашали сосѣднія степи, слуги были заняты приготовленіями къ помин-

камъ по покойномъ султанѣ, и стряпали разныя блюда. Гостей набралось столько, что въ первый день потребовалось убить 10 лошадей и 100 овецъ для прокормленія этого народа. Семь дней продолжалось надгробное пѣніе, и каждый день съѣзжалось все болѣе и болѣе гостей, такъ что на восьмой день, когда происходило самое погребеніе, наѣхало всего 2000 человѣкъ. На покойника, сверхъ его ежедневной одежды, наброшено было еще праздничное одѣяніе, и въ этомъ костюмѣ онъ былъ усаженъ на верблюда, который предназначенъ былъ, чтобы отвезти его въ послѣднее жилище. Впереди поѣзда вели другаго верблюда, на которомъ поставленъ былъ тронъ съ укрѣпленнымъ на немъ совинымъ перомъ, свидѣтельствовавшимъ о происхожденіи покойнаго отъ Чингисъ-Хана. Вслѣдъ за покойнымъ вели двухъ любимыхъ коней его; потомъ слѣдовало все населеніе, женщины впереди, а мужчины за ними, и всѣ общимъ хоромъ пѣли погребальную пѣснь.

Вслѣдъ за тѣломъ опустили въ могилу и обоихъ верховыхъ коней покойнаго, предварительно заколовъ ихъ, и положили ихъ по обѣимъ сторонамъ ихъ повелителя. Мулла прочелъ молитвы, и произнесъ похвальное слово покойнику; затѣмъ насыпанъ былъ холмъ, и вся публика возвратилась въ аулъ, для участія въ великой общей тризнѣ. До ста лошадей и до тысячи овецъ убито было при этомъ въ память султана. По возвращеніи, женщины продолжали еще около часа свое жалобное пѣніе въ юртѣ султана, и затѣмъ разошлись по домамъ. Въ слѣдующіе затѣмъ дни разъѣхались и прочіе гости; но каждый вечеръ, въ теченіе цѣлаго года, женщины затягивали въ аулѣ покойнаго князя погребальное пѣніе.

Нѣкоторые изъ древнихъ могильныхъ кургановъ пользуются особымъ уваженіемъ со стороны сосѣднихъ киргизовъ, не смотря на то, что они нерѣдко вовсе не знаютъ даже, кому принадлежали эти могилы. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ зимою въ горахъ Кара-Тау Аткинсонъ ви-

дѣлъ такую могилу, которой тамошніе намоды воздавали почести, развѣшивая вокругъ шелковыя тряпочки и пуки лошадиныхъ волосъ. Они разсказывали, что въ могилѣ этой покоится знаменитый калмыцкій государь, который въ свое время властвовалъ надъ обширными странами мудро и справедливо, такъ что всѣ его подданные благоденствовали; духъ его и понынѣ еще хранитъ страну.

Одного изъ потомковъ знаменитаго завоевателя Тимура (Тамерлана) нашелъ Аткинсонъ, недалеко отъ этихъ могильныхъ кургановъ, въ лицѣ султана *Али-Игольди*. Знакомъ его достоинства служилъ ему тронъ, съ украшеніями изъ павлиньихъ перьевъ, который во время переѣздовъ ставился

Султанъ Али-Игольди.

всегда на особаго верблюда, шедшаго впереди. На приложенномъ рисункѣ изображено, кромѣ семьи султана, и это удивительное произведеніе искусства.

Большая честь степныхъ князей добиваются чести происходить отъ Чингисъ-Хана или Тимура (Тамерлана), и стараются обозначить это наружными признаками, какъ-то совиными или павлиньими перьями. Ихъ муллы и барды, съ своей стороны, прилагаютъ особенныя усилія, чтобы по-

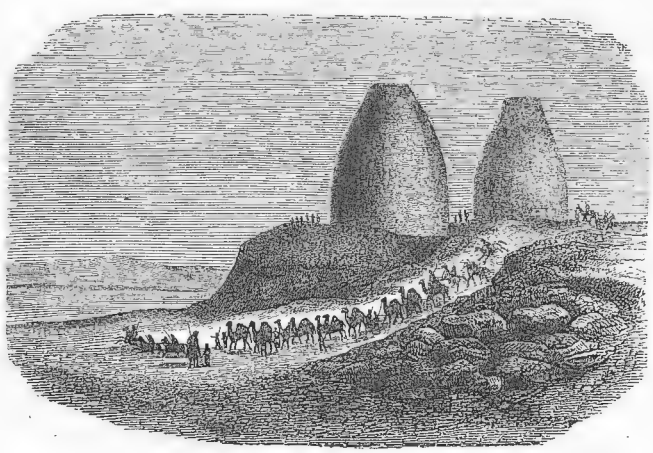
льстить ихъ тщеславію и сочиняютъ имъ всевозможныя родословныя.

Вообще, всѣ степные султаны, ханы и беки очень любятъ чваниться наружными знаками полученныхъ ими почестей. Пользуясь этою слабою стороною своихъ сосѣдей, русскіе стараются привязать къ себѣ наиболѣе могущественныхъ между ними раздачею имъ медалей и прочихъ бездѣлушекъ. Но такъ какъ самые могущественные и вліятельные султаны вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ наименѣе добросовѣстные, то случается, что часто какой-нибудь султанъ или старшина рода, тщеславящійся пожалованною ему почетною медалью, слыветъ у всѣхъ сосѣдей за отъявленнаго разбойника и конокрада. Подобною извѣстностью именно пользовался и султанъ *Зукъ*, къ которому Аткинсонъ завернулъ, разставшись съ Али-Игольди. Зуку въ то время было уже 80 лѣтъ, и на сосвѣти его лежало много старыхъ грѣшковъ. Множество женъ и дочерей лишились черезъ него своего роднаго крова, и попали въ неволю; онъ былъ до того жестокосердъ, что не отпускалъ своей добычи, не смотря ни на какія мольбы. При одномъ изъ подобныхъ ночныхъ нападеній, Зукъ потерялъ носъ. Когда Аткинсонъ снималъ съ него портретъ, то онъ умолялъ его всѣми святыми придать ему на портретѣ его прежній красивый носъ, для того, чтобы Царь, увидѣвъ его портретъ, не догадался по отрубленному носу о его прежнихъ разбояхъ, и не отнялъ у него пожалованнаго ему ордена. Объ одномъ любовномъ приключеніи изъ юныхъ лѣтъ султана будетъ разсказано ниже въ послѣдней главѣ этой книги.

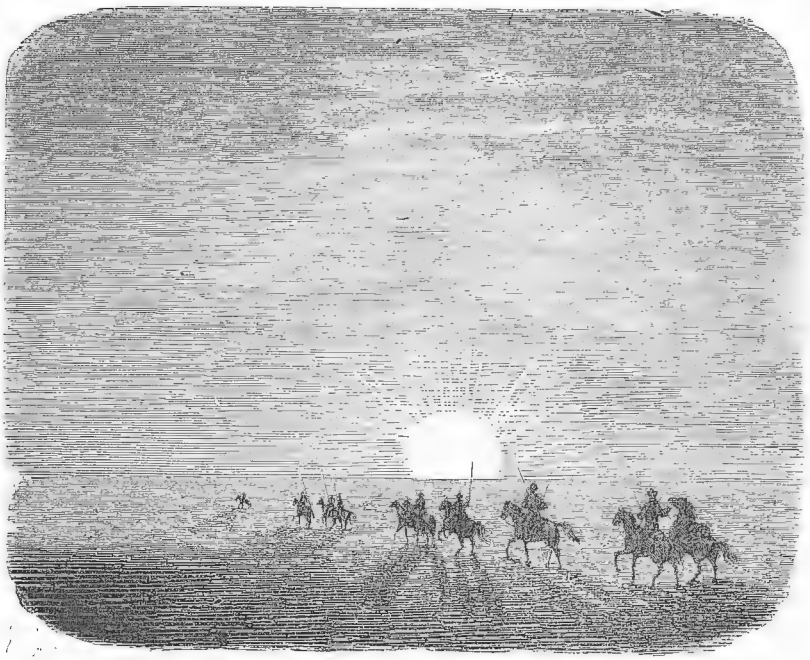
Позже Аткинсонъ встрѣтилъ одного степнаго князька, обладавшаго всѣми условіями, необходимыми для земнаго благополучія кочевыхъ монарховъ: безчисленными стадами, множествомъ слугъ и т. п., но между тѣмъ считавшаго себя безконечно несчастнымъ оттого, что не имѣлъ царской почетной медали. Онъ всячески умолялъ Аткинсона походатайствовать о немъ передъ Царемъ; на это Аткинсонъ возразилъ

ему, что не можетъ помочь ему, потому что онъ и самъ чуждъ въ Россіи. — „Да вѣдь казаки слушаются же тебя,“ замѣтилъ ему киргизскій князь. — „Это потому,“ объяснилъ Аткинсонъ, „что Царь повелѣлъ имъ слушаться, на что мнѣ и выданъ особый видъ.“ При этомъ Аткинсонъ показалъ султану свой паспортъ, къ которому была приложена печать съ изображеніемъ государственнаго герба. Посмотрѣвъ съ почтеніемъ на печать, султанъ спросилъ: „Сколько лошадей заплатилъ ты за эту бумагу?“ — „Ни одной!“ отвѣчалъ Аткинсонъ. — „Это невѣроятно,“ возразилъ султанъ: — „въ Аягузѣ, за бумажку, которая была несравненно меньше твоей, я далъ пять верблюдовъ и пятьдесятъ лошадей. А сколько лошадей можешь ты купить за эту большую бумагу?“

Не смотря на объясненіе, что за нее нельзя получить ни одной овцы, султанъ не повѣрилъ словамъ Аткинсона, и не переставалъ упрашивать его похадатойствовать о пожалованіи ему медали.



Могилы царей духовъ.



Восходъ солнца въ степи.

X.

Зима въ казачьей станицѣ.

Аягузъ. — Степные разбойники. — Гостепріимство кочующаго народа. — Мучительная жажда. — Длинный переходъ. — Лепса. — Копальскъ. — Укрѣпленіе Абакумова. — Нужда поселенцевъ. — Странствованіе къ берегамъ Коры. — Медвѣдь, маралъ. — Сергань и киргизы. — Прелесть ночи. — Сказанія о привидѣніяхъ. — Гробницы демоновъ. — Бѣлая женщина. — Горные ледники. — Непогода. — Посѣщеніе Беана. — Олень и волки. — Зимняя жизнь и нужды, претерпѣваемыя въ Копальскѣ. — Ала-Тау-Тамчибулакъ. — Зимняя охота за фазанами и кабанами. — Дѣтскіе пироги. — Рождественское катанье на саняхъ. — Балъ. — Масляничныя забавы. — Протоіерей. — Портняжество. — Женская прислуга. — Любовный напитокъ. — Казачьи шаравары, даръ любви. — Горшокъ съ медомъ. — Поваръ Врангеля. — Покража казны. — Споры ордъ киргизовъ. — Торговцы и нынѣшнія пограничныя станицы.

2 сентября 1848 года Аткинсонъ покинулъ со своею молодою женою Семипалатинскъ на Иртышѣ, чтобы совершить осеннее путешествіе къ Копальску, тогдашней самой южной

казачьей станицѣ у Ала-Тау, Копалу или Копальску. Сначала они полагали нарисовать тамъ какъ можно больше интересныхъ видовъ, и до наступленія настоящей зимы воротиться въ болѣе уютные города въ Алтаѣ, тѣмъ болѣе, что къ концу года должно было ожидать увеличенія семейства.

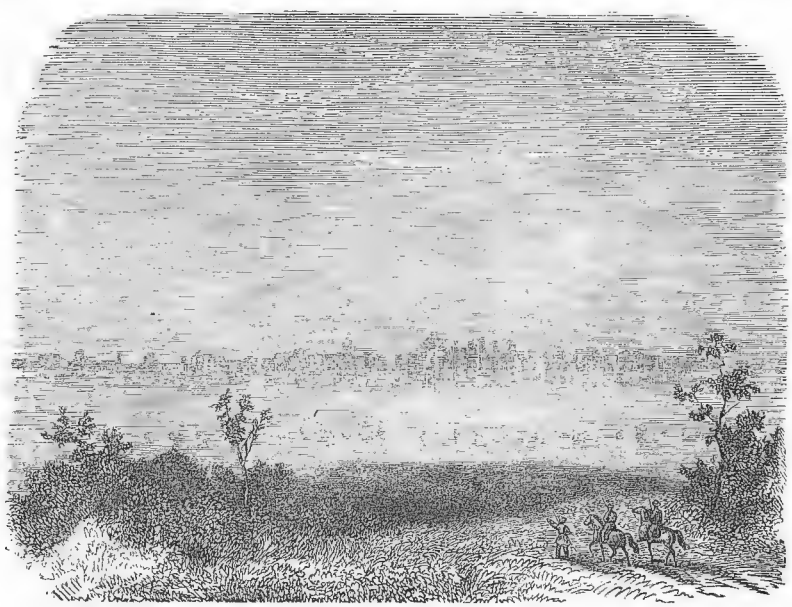
До Аягуза странствованіе совершилось вполнѣ счастливо. Путешественники сидѣли на своей поклажѣ въ легкой повозкѣ. Отъ одной станицы до другой, значитъ, приблизительно каждыя 15 верстъ, впрягали свѣжихъ лошадей. Одинъ казакъ правилъ лошадьми, а двое ѣхали верхомъ по сторонамъ экипажа, чтобы охранять путешественниковъ въ случаѣ нападенія киргизскихъ разбойниковъ, которые бродятъ по близости проѣзжихъ дорогъ. Въ одной станицѣ конвой даже удвоили, что было весьма основательно, какъ убѣдились въ маленькой станицѣ, мимо которой проѣхали путешественники. За нѣсколько дней тамъ убили восемь казаковъ, составлявшихъ гарнизонъ этого поста. Казалось, что въ этомъ случаѣ къ такому поступку киргизовъ побудила вовсе не охота грабить, потому что они не унесли даже оружія убитыхъ, а только переломали его. Бой, безъ сомнѣнія, былъ крайне жестокій, но никому не удалось узнать, кто напалъ на станицу, и какую потерпѣли побѣдители потерю, потому что въ подобныхъ случаяхъ киргизы уносятъ съ собою всѣхъ убитыхъ и раненыхъ товарищей.

Аягузъ довольно большая казачья станица, или маленькая крѣпость съ валами, но безъ пушекъ. Впрочемъ, тамъ есть баттарея полевыхъ орудій, 900 хорошихъ конныхъ казаковъ и незначительное число пѣхоты. Кромѣ командира войска, тутъ находится еще засѣдатель, который обязанъ обращать особое вниманіе на дружественное отношеніе къ кочующимъ по близости племенамъ. Всѣ чиновники очень скучаютъ въ этомъ уединеномъ поселеніи. Отъ скуки тутъ пьютъ много крѣпкихъ напитковъ. На дорогѣ Аткинсонъ встрѣтилъ виноторговца, ѣхавшаго въ Аягузъ съ значительнымъ количествомъ вина и шампанскаго, которое, конечно, никогда не

бывало во Франціи. Бутылку послѣдняго продаютъ въ Аягузѣ по 5 рублей.

Засѣдатель собираетъ у себя ежегодно разъ всѣхъ окрестныхъ князей къ торжественному засѣданію.

Семейства многихъ казаковъ живутъ въ Аягузѣ, и казачки чрезвычайно удивились неожиданному посѣщенію англичанки. Отсюда можно ѣхать только верхомъ, и на обширномъ пространствѣ приходится путешествовать по степи.



Марево въ степи.

Оттого казачки старались уговорить миссъ Аткинсонъ остаться у нихъ, пока ея мужъ воротится изъ Копальска. Англичанка однако была непоколебимою въ намѣреніи сопутствовать мужу. Тогда добрыя жительницы Аягуза наперерывъ старались доставить странникамъ нужные имъ запасы. Одна женщина принесла сушеный хлѣбъ, посыпанный солью, другая приготовленныя полосы мяса, третья арбузъ и т. д. Арбузъ считался особою драгоцѣнностью, потому что его

привезли изъ Семипалатинска. Миссъ Аткинсонъ обратила однако на этотъ плодъ мало вниманія, потому что чувствовала къ нему отвращеніе, и не рѣшалась отвѣдать. Она была страстная любительница воды, и на слѣдующемъ путешествіи ей пришлось испытать свое терпѣніе, и получить понятіе объ адскихъ мученіяхъ жаждущаго.

Отъ Аягуза надобно было путешествовать верхомъ, а вещи везти на двухъ верблюдахъ. Конвой состоялъ изъ трехъ казаковъ и пяти киргизовъ Послѣдніе обыкновенно охотно сопутствуютъ странникамъ. Время для нихъ не имѣетъ большой цѣны, и ихъ привлекаетъ баранье жаркое, которымъ угощаютъ всѣхъ путешественниковъ, по достиженіи вечеромъ аула. Начальники или знать ауловъ оттого почти весь годъ разъѣзжаютъ по гостямъ. При обыкновенныхъ ихъ посѣщеніяхъ никогда не бьютъ другой скотины, кромѣ барановъ, причемъ предварительно показываютъ гостямъ живое животное, чтобы они убѣдились въ его здоровьѣ. Верблюдовъ ѣдятъ лишь въ томъ случаѣ, когда эти животныя гибнутъ по несчастному стеченію обстоятельствъ. Уже въ первой юртѣ, гдѣ миссъ Аткинсонъ ночевала, она имѣла случай убѣдиться въ любви туземцевъ къ мясному и жирному кушанью. Гостепріимный хозяинъ принесъ имъ, какъ особое лакомство, чрезвычайно жирную похлебку. Путешественники отказались отъ нея, и хозяинъ передалъ похлебку присутствующимъ казакамъ, которые опорожнили блюдо до дна. Миссъ Аткинсонъ была очень чувствительно поражена неуваженіемъ киргизовъ къ туземнымъ женщинамъ. При торжественномъ пиршествѣ онѣ сидѣли внѣ круга ужинающихъ, и должны были довольствоваться тѣмъ, что имъ оставляли мужчины. Съ своей стороны киргизы очень изумились, что иностранка была вмѣстѣ съ своимъ мужемъ.

Черезъ нѣсколько дней довольно сноснаго путешествія, настала пора испытаній отважной женщины. Незадолго до восхода солнца всѣ уже были на сѣдлѣ и съ трудомъ ѣхали по безчисленнымъ холмамъ взвѣянныхъ сыпучихъ песковъ. Ло-

шади погружались въ песокъ по колѣни, и, не смотря на позднее время года, солнце еще жгло. Нигдѣ не представлялось ни сколько зелени и не было видно даже камней. Лишь мѣстами встрѣчались старинные курганы, сложенные изъ голышей, величиною въ грецкій орѣхъ. Путь лежалъ по настоящей пустынѣ. Жажда водолюбивой англичанки безпрерывно возрастала. Почва степи содержала соль, и оттого взвѣваемая пыль возбуждала горько-соленый вкусъ и дѣлала жажду еще мучительнѣе. Тутъ внезапно путешественники увидѣли передъ собою зеркальную поверхность озера, на берегу котораго воздымались скалы и кусты, ясно отражаясь въ водѣ. Миссъ Аткинсонъ поспѣшно погнала лошадь, потому что у нея губы пересохли и покрылись корою соли. Сопутствующій ей казакъ совѣтовалъ не спѣшить, чтобы не утомить коня. Изумленная путешественница указывала всаднику на прозрачную воду — цѣль всѣхъ ея желаній; но онъ угрюмо покачалъ головою. Англичанка мало-по-малу убѣдилась, что передъ нею марево. Она видѣла, какъ мнимая вода приближалась къ ней на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, разливалась подъ ногами лошадей, и затѣмъ опять отступала вдаль. Караванъ взъѣхалъ на нѣсколько углубленную равнину, покрытую корою бѣлыхъ соляныхъ кристалловъ точно снѣгомъ.

На горизонтѣ явилась темная точка, которая пробудила новыя надежды измученныхъ путешественниковъ. Приблизившись, они увидѣли лишь караванъ верблюдовъ съ проводникомъ. Миссъ Аткинсонъ остановила ихъ, и, протягивая кубокъ, просила воды. Новое разочарованіе! Караванъ имѣлъ премного соли, но ни капли воды. Здѣсь не водится возить съ собою воду въ кожаныхъ мѣшкахъ, какъ у арабовъ. Киргизъ беретъ съ собою только кожаный кошель съ кумысомъ, а казакъ водку, и жажду они переносятъ терпѣливо.

Наконецъ, послѣ обѣда, увидѣли маленькое озеро и на его берегу киргизскій аулъ. Въ этотъ разъ не было обмана зрѣнія, путешественники имѣли передъ собою настоящую воду.

Киргизы привѣтствовали чужеземцевъ; но, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на такое привѣтствіе по обычаю, англичанка только кричала: «воды, воды!» и подала пустой стаканъ. Въ отвѣтъ ей опять покачивали головою. Вода въ озерѣ была насыщена солью и не могла утолить жажды. Стаканъ наполнили молокомъ, которое, однако, не могло уничтожить мученій путешественницы. На время тутъ остановились для роздыха. Аткинсонъ приготовилъ чай съ водою, похожею на лондонское молоко, т. е. синевато-бѣлою. Эта вода придала напитку особый, вовсе не освѣжительный вкусъ. Покушали баранины и хлѣба. Аткинсонъ и его спутники поневолѣ довольствовались этимъ, и лишь его жена твердила, что готова отдать весь міръ за стаканъ свѣжей воды. Ее утѣшили вѣстью, что верстъ за 20 дальше есть хорошая вода. Въ 4 часа пополудни опять пустились въ путь, направляясь болѣе на востокъ къ Алакулу.

Скуку странствованія по однообразной степи, по которой теперь ѣхали, уменьшали только казаки. Одинъ изъ нихъ, Петрушка, главный слуга Аткинсона, непомѣрно лгалъ, или, какъ выражался Аткинсонъ въ шутку, имѣлъ необыкновенно поэтическую изобрѣтательность. Во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія, онъ находилъ отговорки, и за словомъ ему не приходилось лѣзть въ карманъ, что нерѣдко очень забавляло путешественниковъ.

Поздно вечеромъ добрались наконецъ до ожидаемой воды; но вмѣсто живительнаго источника нашли только вонючее болото возлѣ аула. Вода годилась лишь для приготовленія плохаго чая, но не для питья. Рано утромъ опять приступили къ тяжкому странствованію. Въ этотъ день сыпучіе пески смѣнились болотистою почвою. Довольно долго пришлось ѣхать по краю болота, чтобы достигнуть болѣе твердой дороги. Впрочемъ, и тутъ лошади иногда глубоко погружались въ трясину. Въ одномъ мѣстѣ верблюдъ свалился посреди болота, и чтобы поднять его на ноги, надобно было снять всю поклажу. Аткинсонъ находился въ отчаяніи. Если

въ поклажѣ, между прочимъ, были всѣ рисовальныя принадлежности и бумаги, и эти вещи попортились, то онъ не могъ достигнуть цѣли путешествія. Миссъ Аткинсонъ высказала свои опасенія въ этомъ отношеніи казаку Петрушкѣ, который успокоилъ ее, отвѣчавъ: «Не безпокойтесь, барыня, это только наша поклажа. Если бы это было ваше добро, мы не дали бы ему свалиться!» Послѣ нѣсколькихъ часовъ путешествія, одинъ изъ киргизовъ сталъ жаловаться госпожѣ Аткинсонъ, что Петрушка прибилъ его. Это дѣйствительно

Конецъ передъ наступленіемъ зимы.

подтверждали подбитый его носъ и запачканное платье. Когда казака принялись укорять за такой проступокъ, онъ возразилъ: «Киргизы дали намъ плохихъ лошадей, и оттого мы до-сихъ-поръ въ проклятой степи. Если бы у насъ были казачьи лошади, мы давно уже переѣхали бы степь!» При этихъ словахъ, онъ со смѣхомъ ускакалъ. Скоро оказалось, что при дракѣ Петрушка изломалъ прикладъ ружья, даннаго ему Аткинсономъ на сохраненіе. Казакъ чрезвычайно забавно сыгралъ послѣ этого роль кающагося грѣшника. Онъ

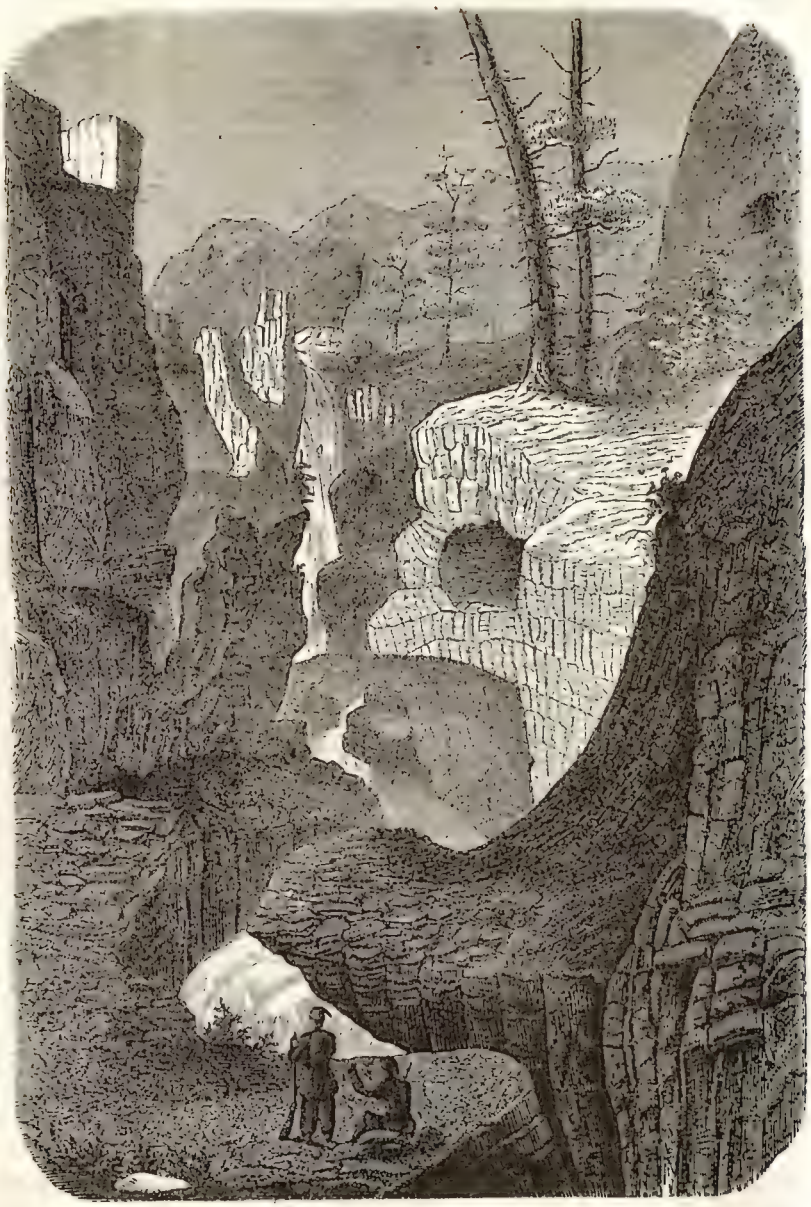
говорилъ, что очень жалѣетъ о несчастіи, потому что господинъ Аткинсонъ поручилъ ему оружіе, говоря: «Вотъ тебѣ ружье. Береги и храни его тщательно, какъ золото, какъ собственную твою жизнь, потому что оно драгоцѣннѣе всякаго другаго оружія!» Когда г-жа Аткинсонъ спросила, сказалъ ли ея мужъ такое краснорѣчивое слово по-русски, такъ какъ она знала, что Аткинсонъ плохо объясняется на русскомъ языкѣ, Петрушка, не запинаясь, отвѣчалъ: «Да, барыня, онъ сказалъ такъ. Когда баринъ съ вами, онъ мало говоритъ по-русски, а если васъ нѣтъ, то онъ говоритъ отлично, даже гораздо лучше насъ самихъ!»

До заката солнца опять не нашли ни глотка хорошей воды. На слѣдующее утро показались снѣжныя вершины Ала-Тау при полномъ солнечномъ блескѣ.

«Далеко ли до ближайшаго аула въ горахъ?» спросила г-жа Аткинсонъ своихъ спутниковъ.

Услужливый Петрушка отвѣчалъ, что 40 верстъ, а другой казакъ полагалъ, что будетъ 80 верстъ; киргизы же откровенно сказали, что не знаютъ, какъ далеко. Во всякомъ чаѣ не подлежало сомнѣнію, что до горъ слѣдовало добраться въ одинъ переѣздъ, потому что на всемъ пространствѣ до нихъ не было ни капли воды. Плохое утѣшеніе для водолюбительницы! Отъ ранняго утра ѣхали безпрерывно до 4-хъ часовъ пополудни. Бѣдная англичанка изнемогала отъ жажды. Мужъ уговорилъ ее скушать нѣсколько взятаго съ собою арбуза, который онъ до сихъ поръ хранилъ очень тщательно. Нужда заставила англичанку побѣдить отвращеніе, и арбузъ показался ей превосходнымъ плодомъ, какого она еще никогда не ѣдала. Опять сѣли на коней. «Далеко ли до аула?» спросила путешественница у казаковъ. Теперь они откровенно признались, что не знаютъ. Киргизы говорили, что аулъ находится за темносинними, выдающимися горами. Аткинсонъ достаточно упражнялъ глаза въ опредѣленіи разстояній въ степи, и нашелъ, что до этихъ горъ будетъ верстъ 40 или 50.

Одного киргиза и одного казака послали передовыми. Имъ

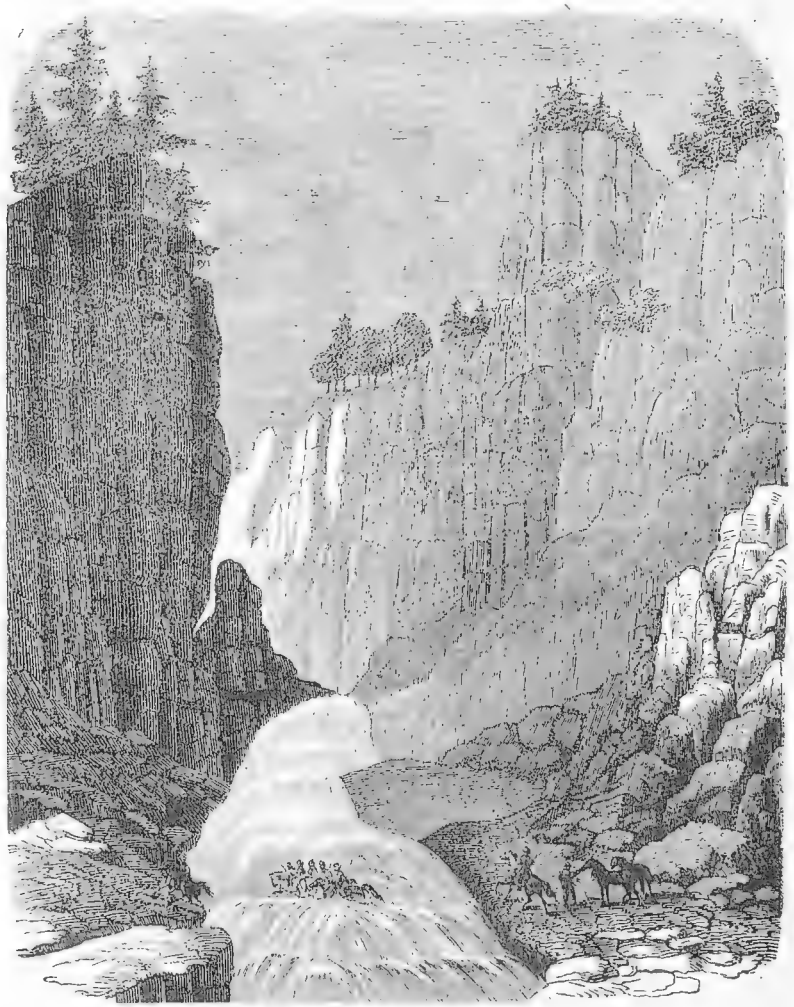


Водопады Копала.

приказали приготовить въ аулѣ все нужное для пріема путешественниковъ, и зажечь костеръ, который могъ бы служить подъѣзжающимъ указателемъ пути при ночномъ мракѣ. О достиженіи аула засвѣтло нельзя было и помышлять.

Солнце сѣло, и вскорѣ послѣ заката совершенно стемнѣло. Путешественники продолжали путь, удерживая принятое ими направленіе. Сумерки тамъ не продолжительны. Киргизы ѣхали дальше, руководствуясь звѣздами, потому что нигдѣ еще не показывался огонь. Воздухъ между тѣмъ свѣжѣлъ. Прошла уже полночь, было два часа, и бѣдная путешественница дрожала отъ стужи. При быстрой ѣздѣ она потеряла накидку; мужъ закуталъ ее въ медвѣжью шубу, да и самъ завернулся въ такую же шкуру. Англичанка не могла болѣе держаться на сѣдлѣ, и должна было сойти съ лошади, чтобы отдохнуть. Аткинсонъ далъ ей немного рому, но только черезъ полчаса путешественница опять нѣсколько согрѣлась, сидя на землѣ въ медвѣжьей шубѣ. Киргизы уговаривали ѣхать дальше, увѣряя, что если станутъ медлить, и до восхода солнца не доберутся до аула и воды, то лошади, а вмѣстѣ съ ними и всадники, погибнутъ неминуемо. Миссъ Аткинсонъ попыталась пройти нѣсколько шаговъ, и затѣмъ опять сѣла на лошадь. Черезъ часъ быстрой ѣзды, она объявила, что рѣшительно не можетъ долѣе усидѣть на сѣдлѣ, и просила мужа, чтобъ онъ, оставивъ ее въ степи, по-ѣхалъ въ аулъ и прислалъ оттуда воды. Съ самаго утра она съѣла только кусочекъ арбуза и выпила рюмку рому. Въ это рѣшительное мгновеніе раздался вдали лай собаки. Ни какая оперная музыка, ни какое заливанье соловья не могли казаться несчастнымъ прелестнѣе этого лая. Они собрались съ послѣдними силами, и въ 4 часа достигли аула. Путешественники осьмнадцать часовъ сряду почти не сходили съ сѣдла. Нѣсколько киргизокъ съ готовностью принялись отогрѣвать полуокоченѣвшую путешественницу треніемъ, и положили ее въ юртѣ близъ огня. По недостатку дровъ, огонь поддерживали верблюжьимъ и конскимъ навозомъ.

Вода въ аулѣ была очень дурна и годилась не для питья, а только для приготовленія чая, который, вмѣстѣ съ добрымъ кускомъ баранины, послѣ нѣсколькихъ часовъ



Переходъ чрезъ Кору.

сна, подкрѣпилъ полумертвыхъ странниковъ. Англичанкѣ сказали, что она перенесла труднѣйшія бѣдствія, и, въ утѣ-

шеніе, прибавили, что ночной холодъ, на который она столько жаловалась, все-таки лучше невыносимаго дневнаго жара въ степи. По этому случаю сообщили, что за нѣсколько мѣсяцевъ по тому же пути ѣхалъ отрядъ казаковъ, изъ которыхъ погибли пять человѣкъ.

Первые шесть часовъ слѣдующаго дня путешественники ѣхали все еще по глубокому песку, лежавшему холмами. Послѣ этого взобрались на возвышеніе съ слѣдами травы, и увидѣли передъ собою обширную, углубленную равнину. Множество кургановъ и водяныхъ каналовъ ясно указывали, что нѣкогда эта мѣстность была густо заселена земледѣльческимъ народомъ. Въ одномъ руслѣ еще текла чистая, прозрачная вода. Леди вскрикнула отъ радости. Мужъ подалъ ей стаканъ воды, замѣтивъ однако, что въ ней, кажется, есть волосы. Дама научилась подавлять брезгливость, и хотѣла вынуть предполагаемые волосы изъ воды, когда замѣтила, что они двигаются сами собою. Мнимые волосы были черви, и одинъ изъ нихъ длиною не менѣе двухъ футовъ.

Теперь, однако, путешественники обманулись въ степи въ послѣдній разъ. Вскорѣ послѣ этого подъѣхали къ берегу рѣки Лепсы, гдѣ лошади и всадники освѣжились, а 20 сентября прибыли въ Копальскъ, послѣ 13-ти-дневнаго странствованія.

Читатель, можетъ быть, представляетъ себѣ, что во время пребыванія Аткинсона въ Копальскѣ эта крѣпость сколько нибудь походила на то, что обыкновенно въ Европѣ разумѣютъ подъ именемъ укрѣпленія: крѣпостныя постройки съ шанцами, а можетъ быть башнями, воротами и подъемными мостами, за стѣнами привѣтливые домы, надежные казематы, рыночная площадь съ гауптвахтою и т. д. Тогда ничего подобнаго въ Копальскѣ не было. Аткинсону и его спутникамъ пришлось даже довольно внимательно осмотрѣться, чтобы найти дорогу черезъ Каратау; наконецъ онъ увидѣлъ со склона этой горы, на равнинѣ, близъ рѣчки Копала, нѣсколько войлочныхъ юртъ, а возлѣ нихъ нѣсколько углубленій въ

землѣ, представляющихъ хижины. Вотъ какова была новая крѣпостца Копальскъ въ младенческомъ своемъ состояніи!

За четыре года до прибытія Аткинсона русскій капитанъ Абакумовъ былъ посланъ съ шестью орудіями и сотнею казаковъ въ Ала-тау, заложить новое укрѣпленіе. По картамъ, порученіе казалось легко исполнимымъ на предписанномъ пути; въ самомъ же дѣлѣ, при перевозкѣ баттареи пришлось побѣдить огромныя трудности, о которыхъ можно судить уже по описанію странствованія Аткинсона. Въ сыпучемъ пескѣ колеса лафетовъ увязали по ось, а еще труднѣе сдѣлалась перевозка въ болотахъ, у подошвы горъ. Приходилось идти въ теченіе нѣсколькихъ дней назадъ, чтобы миновать болота. Въ заключеніе надо было перелѣзть съ пушками черезъ Кара-тау, крутую сланцевую гору, вышиною въ 7,000 футовъ, на которой и пѣшеходу на болѣе удобныхъ мѣстахъ взбираться трудно.

Абакумовъ счастливо побѣдилъ всѣ эти трудности, и позднею осенью наконецъ достигъ долины, лежащей между Кара-тау и Ала-тау. Онъ находился въ области Большой Орды, и лишь въ разстояніи трехъ дней пути отъ большаго китайскаго города Кульджи. Онъ не зналъ, не нападутъ ли на него неожиданно тысячи киргизовъ и такое же число китайцевъ. Оттого ему слѣдовало избрать для поселенія мѣсто, гдѣ онъ съ горстью своихъ подчиненныхъ могъ защищаться противъ многочисленныхъ враговъ. Всѣ эти условія представляло одно ущелье въ Ала-тау. Въ немъ протекаетъ шумный горный потокъ, скалы образуютъ естественные валы, а камни въ рѣкѣ доставляютъ природный строительный матеріалъ. Изъ такихъ камней казаки построили на скорую руку хижины, которыя прикрыли планками и вѣтвями со слоемъ плотно убитой земли, толщиною въ футъ. Окна состояли изъ деревянныхъ рамъ, обтянутыхъ тонкою шелковою тканью, а грубо срубленныя двери были покрыты корою. Въ глубинѣ ущелья находились разсѣлины, поросшія травою и лѣсомъ. Тамъ должны были зимовать лошади, которыя,

къ счастью, привыкли къ такому плохому убѣжищу. Оленей и козуль бѣгало много, и они были такъ безбоязненны, что въ первое время, когда съ горъ сталъ свѣваться снѣгъ въ долины, казаки застрѣлили нѣсколько оленей у дверей своихъ хижинъ.

Въ избранномъ мѣстѣ можно было удачно охраняться отъ коней, сѣкиръ и ружей, потому что входы въ долину были прикрыты орудіями. Но Абакумовъ не зналъ дикихъ, непобѣдимыхъ враговъ горной природы. Ни одна киргизская орда не осмѣливается перезимовать въ ущельѣ. При наступленіи зимы, кочующія толпы покидаютъ горы, и отправляются къ берегамъ озера Балкаша, потому что въ разсѣлинахъ Алатау страшно свирѣпствуютъ бураны. Уже въ октябрѣ нѣсколько мятелей предупредили казаковъ о томъ, чего имъ приходится ожидать. Затѣмъ 23 октября началась мятель, не прекращавшаяся до 4 ноября. Снѣгъ носился густыми облаками и засыпалъ хижины, такъ что въ полдень было темно какъ ночью. Сначала пытались прочищать дорогу лопатами, чтобы по крайней мѣрѣ имѣть сообщеніе съ кухней. Вскорѣ однако это оказалось невыполнимымъ. Никто не смѣлъ выйти и на пять шаговъ за порогъ дома, не подвергая жизни опасности. Только когда снѣгу навалило довольно высоко, узники прорыли ходы, чтобы установить между собою сообщеніе.

До половины февраля мятель повторялась нѣсколько разъ, и постепенно обнаружилось губительное ея вліяніе на людей и животныхъ. По прошествіи зимы, 13 казаковъ были уже погребены, и пали 57 лошадей, хотя животныя имѣли нѣкоторую защиту въ лѣсу, и отрывали себѣ пищу подъ снѣгомъ.

Тогда выслали изъ Петербурга высшаго начальника, чтобъ выбрать удобное мѣсто для возведенія болѣе значительной крѣпости. Послѣ осмотра мѣстностей, выборъ палъ на берегъ рѣки Копала. Туда отправили 500 казаковъ съ семействами и еще 200 казаковъ, чтобы три года помогать при сооруженіи крѣпостныхъ построекъ. Поселеніе въ этомъ мѣстѣ

требовало побѣжденія немалыхъ трудностей. На самомъ берегу рѣки растительность не отличается большою роскошью, и только въ началѣ весны земля покрывается короткою травою, которая сгараетъ отъ лѣтняго зноя. За лѣсомъ, для построекъ и отопленія, надобно ходить 35 верстъ къ подошвѣ горъ, а затѣмъ еще верстъ 7 вверхъ по горному потоку черезъ скалы. При прибытіи поселенцевъ уже наступила осень. По разсказамъ подчиненныхъ Абакумова, знали, какова тутъ зима. Оттого всѣми силами старались поскорѣе изготовить помѣщеніе по крайней мѣрѣ для охраненія людей и запасовъ отъ губительнаго дѣйствія зимы. Въ то время, какъ большой отрядъ добывалъ въ горахъ лѣсъ, другой закупалъ у киргизовъ быковъ для перевозки. Многіе должны были довольствоваться войлочными юртами или землянками, чтобы какъ нибудь укрыться отъ непогодъ.

Вотъ въ какомъ состояніи Аткинсонъ засталъ юное поселеніе! Начальникъ новой крѣпости, баронъ Врангель, и остальные офицеры радушно встрѣтили рѣдкихъ гостей и предоставили имъ одну юрту. Одна большая юрта служила общественною залою. Тутъ баронъ сидѣлъ, скрестивъ ноги на коврѣ, и курилъ изъ длиннаго турецкаго чубука Около него расположились такимъ же образомъ инженеръ Байгоновъ, капитанъ Абакумовъ и еще нѣсколько офицеровъ. Разсказывали разные анекдоты, пѣли русскія и англійскія пѣсни, а въ заключеніе Аткинсонъ задалъ концертъ на флейтѣ, которой баронъ вторилъ на гитарѣ.

Кухонное отдѣленіе находилось въ довольно плохомъ состояніи. Въ немъ были только чай, мясо, рисъ и самый грубый черный хлѣбъ. Овощей не существовало ни какихъ, о яйцахъ и подобныхъ предметахъ роскоши не было и помина, даже не имѣли масла и молока.

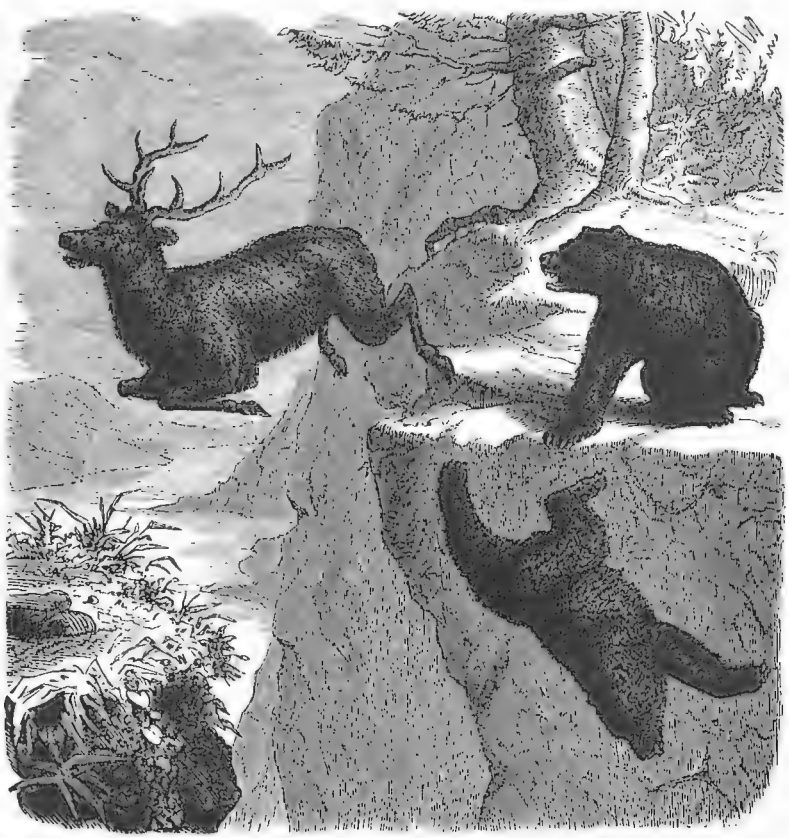
Аткинсонъ сообщилъ офицерамъ свое намѣреніе проникнуть въ снѣжныя горы Ала–тау, чтобы срисовать тамошніе виды. Ему совѣтовали исполнить это предпріятіе какъ можно скорѣе, потому что въ болѣе высокихъ горныхъ областяхъ

зима настаетъ очень рано. Инженеръ хотѣлъ присоединиться къ Аткинсону, чтобы пріискать еще строеваго и дровянаго лѣса, а также найти удобный путь для перевозки его въ поселеніе. Сверхъ того, къ экспедиціи присоединились еще нѣсколько казаковъ и киргизовъ, такъ что въ путь отправилось всего 17 человѣкъ.

Сперва пошли къ мѣсту, покинутому Абакумовымъ, и продолжали странствованіе вверхъ по долинѣ, богатой звѣрями. Въ боковыхъ долинахъ, поросшихъ травою, подняли нѣсколько стадъ оленей, которые убѣжали прежде, нежели успѣли выстрѣлить по нимъ. Сверхъ того, встрѣтили черную лисицу, игравшую съ дѣтенышами на солнцѣ. Долина мѣстами суживается, а затѣмъ опять расширяется. Черезъ большую разщелину, преграждавшую путь, пришлось перелѣзать, и послѣ довольно продолжительнаго странствованія путешественники достигли живописной долины Коры. По сю сторону потока не было лѣса, почему слѣдовало переправиться черезъ потокъ стремительной рѣки. Такой переходъ нельзя было сдѣлать иначе, какъ по пяти человѣкъ вмѣстѣ другъ возлѣ друга, держась взаимно за узды лошадей. Въ серединѣ рѣки вода доходила выше сѣдла, и пѣна брызгала въ лице. Большей части путешественниковъ однако удалось найти повыше болѣе удобное мѣсто для перехода. Всѣ счастливо достигли противоположнаго берега, и собрались въ хвойномъ лѣсу. Тамъ рѣшились устроить охотничій лагерь.

Часть путешественниковъ тотчасъ принялась строить шалашъ изъ тонкихъ стволовъ и вѣтвей, а другіе натаскали большой запасъ дровъ, потому что на ночь слѣдовало защититься противъ нападенія медвѣдей, волковъ или тигровъ. Нѣсколько человѣкъ отправились на охоту, и воротились вечеромъ съ обильною добычею. Они принесли олененка и двухъ прекрасныхъ молодыхъ оленей. Кромѣ того, они подстрѣлили еще большаго оленя, котораго однако не могли притащить, потому что уже стало темнѣть, и нельзя было итти по его слѣду. Надѣялись однако отыскать его на другой

день. Инженеръ искалъ лучшихъ мѣстъ для перевозки обильнаго тутъ лѣса, а Аткинсонъ съ наслажденіемъ осматривалъ живописныя окрестности. Вечеромъ у костра высушили промокшую одежду, заварили чай и изготовили жаркое, что все



Маралъ и медвѣди.

вмѣстѣ произвело въ странникахъ пріятное расположеніе духа. Раздались охотничьи и солдатскія пѣсни, которыхъ отголосокъ раздавался въ горахъ. Въ промежуткахъ между пѣснями слышны были звонъ колокольчиковъ пасущихся лошадей, шелестъ листьевъ отъ вѣтра и шумъ водопада. Бу-

тылка водки разогнала послѣднюю тѣнь уныпія у болѣе грустныхъ казаковъ, которые, покуривая трубку, также принялись разсказывать разные случаи изъ охотничьей жизни. Между прочимъ, одинъ изъ казаковъ, жившій тутъ еще съ Абакумовымъ въ первое время поселенія, сообщилъ, что однажды онъ съ товарищемъ преслѣдовалъ въ горахъ, вдоль скалы, прекраснаго марала и загналъ его къ пропасти. Въ то время, какъ охотники готовились стрѣлять, они замѣтили, что ихъ добыча внезапно отскочила въ сторону; по этому они полагали, что по близости находится большое хищное животное. Сперва они думали, что тамъ тигръ, вмѣсто котораго однако почти возлѣ нихъ пробѣжали два медвѣдя и бросились къ оленю, которому не было куда спастись. Отчаяннымъ скачкомъ черезъ пропасть онъ достигъ уединенной скалы, на которой ему посчастливилось удержаться. Въ жару преслѣдованія, одинъ изъ медвѣдей также скакнулъ и свалился въ пропасть, гдѣ и разбился; другаго звѣря застрѣлили казаки. Оленя легко было отличить по огромнымъ его рогамъ. Казаки станицы стали считать его за священное животное, и въ него не стрѣляли, когда онъ встрѣчался кому нибудь изъ охотниковъ.

Преслѣдованіе мараловъ нѣсколько походитъ на охоту за сернами, потому что горные олени также отлично лазаютъ и нерѣдко прогуливаются стадомъ въ 10 или 12 головъ по крутой скалѣ, ясно въ виду охотника, который никакъ не можетъ подойти къ нимъ довольно близко для выстрѣла. Если охотнику не удается подкрасться къ животнымъ или отрѣзать имъ путь въ болѣе высокую часть горъ, то крайне трудно застрѣлить оленя, который очень боязливъ и бѣгаетъ чрезвычайно скоро. Аткинсонъ разсказываетъ, что иногда онъ рано утромъ зрительною трубою подмѣчалъ на горномъ склонѣ оленя, нѣсколько часовъ окольнымъ путемъ подбирался къ нему, и приближался до того, что видѣлъ надъ скалами большіе рога животнаго; затѣмъ онъ подползалъ, держалъ ружье наготовѣ, видѣлъ глаза животнаго,

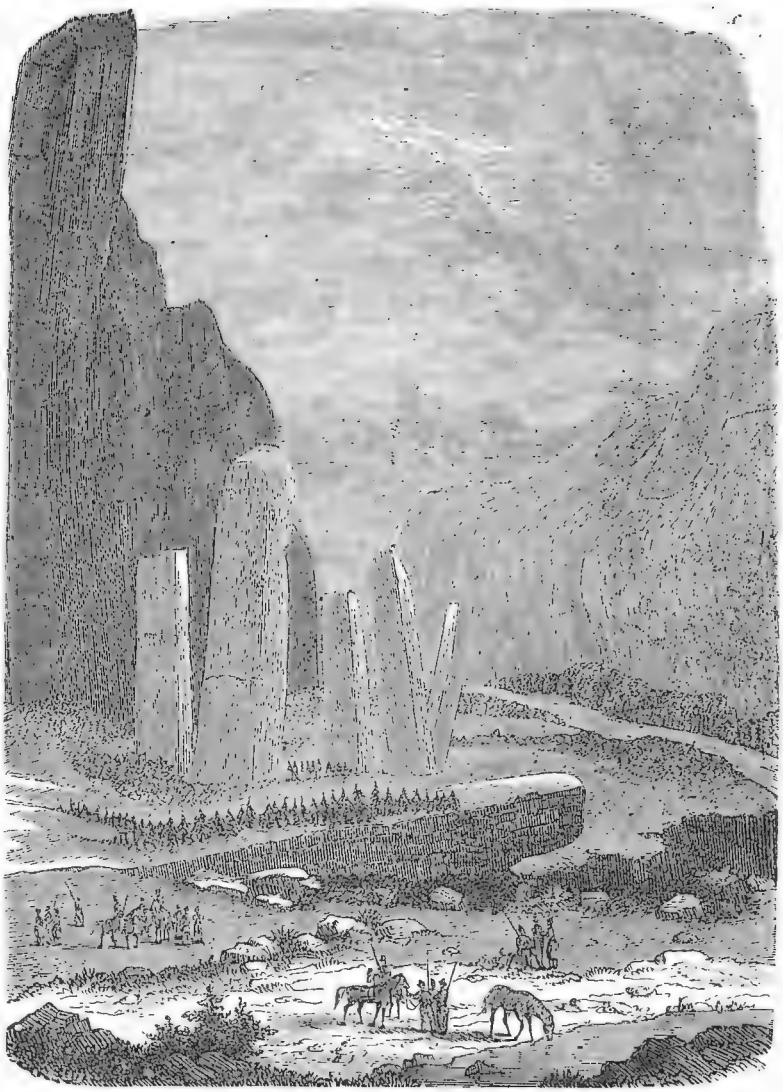
прицѣливался и спускалъ курокъ. Случалось, что плохой кистонъ уничтожалъ всѣ эти старанія, на которыя потрачивалась половина дня. Олень, вспугнутый щелканіемъ курка, пускался бѣжать со всѣхъ ногъ и лишалъ охотника обѣда. Горный баранъ по крайней мѣрѣ столь же боязливъ и лазаетъ не хуже каменнаго барана. До медвѣдя добраться также трудно. На многихъ охотахъ Аткинсону не удалось убить ни одного медвѣдя и ни одного тигра — животнаго здѣсь вовсе не рѣдкаго. Оба эти звѣря, по возможности, стараются уйти отъ человѣка въ лабиринтъ скалъ.

Особенно много охотничьихъ разсказовъ сообщилъ одинъ старый казакъ, который много преслѣдовалъ звѣрей въ Алтаѣ, и имѣлъ на тѣлѣ не одинъ рубецъ, оставшійся отъ удара когтями медвѣдя, на котораго онъ ходилъ съ ножемъ въ рукахъ. Старый охотникъ сообщилъ, что въ Ала-тау одинокому охотнику приходится плохо, когда онъ встрѣчается съ киргизскими разбойниками, и что многіе его товарищи попали въ руки этихъ грабителей и были проданы въ неволю. Они отправляютъ пойманныхъ въ Бухарію, Ташкентъ или Коканъ, откуда имъ никогда ни удается уйти. Онъ самъ разъ едва не попался въ такую или даже бо́льшую бѣду.

«Съ двумя товарищами,» разсказывалъ онъ, «я былъ на охотѣ у Каркараллы, и отсталъ отъ нихъ, чтобы преслѣдовать большаго подстрѣленнаго марала. Я нашелъ животное, поймалъ его, выпотрошилъ, привязалъ къ лошади и потихоньку поѣхалъ по узкому ущелью, ведущему къ степи. Не болѣе какъ въ 300 шагахъ отъ выхода изъ ущелья я увидѣлъ, что на поворотѣ расположилась толпа киргизскихъ разбойниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на землѣ, другіе стояли у лошадей. Какъ скоро мошенники замѣтили меня, они вскочили на сѣдла и ухватились за оружіе. Я поворотилъ свою клячу, и какъ можно скорѣе поскакалъ, разрѣзавъ поспѣшно ремни, удерживавшіе оленя, чтобы уменьшить грузъ. Я зналъ, что, не смотря на то, верхомъ отъ разбойниковъ уйти нельзя, тѣмъ болѣе, что моя лошадь была уже

утомлена, а преслѣдователи ѣхали на отличныхъ коняхъ. Каждую минуту они приближались все болѣе и кричали точно черти. Тутъ я замѣтилъ по правую сторону разсѣлину въ скалѣ, и поспѣшно поворотилъ въ нее. Она была такъ тѣсна, что въ нее люди могли войти не иначе, какъ гуськомъ. Разсѣлина, сверхъ того, была до того крута, что мнѣ пришлось спѣшиться и вести лошадь за поводъ. Нѣсколько далѣе скалы составляли естественную крѣпость. Я направился къ ней, и благополучно добрался. Въ моемъ укрѣпленіи я видѣлъ передъ собою разщелину на протяженіи выстрѣла, и могъ сдуть перваго, кто осмѣлился бы войти въ нее, а для втораго успѣлъ бы еще зарядить ружье. Разбойники остановились у входа въ трещину, когда увидѣли меня наготовѣ, и принялись грозно кричать. Они отошли далѣе разстоянія ружейнаго выстрѣла, и, казалось, совѣщались, какъ бы добраться до меня съ тыла. Я сталъ внимательно смотрѣть на скалы, которыя были у меня по сторонамъ. Прошло съ полчаса, какъ вдругъ съ боку ко мнѣ подкатился камень, и я увидѣлъ двухъ разбойниковъ, которые, какъ кошки, лѣзли по скалѣ, и прятались за камнями. Они хотѣли добраться къ мѣсту надъ моею крѣпостью. Я крикнулъ имъ: «Берегитесь! Вы думаете, что поймали меня, какъ куницу въ норѣ; смотрите, чтобы она вамъ не укусила пальцевъ!» Другіе разбойники внизу въ ущельѣ принялись кричать, чтобы отвлечь мое вниманіе отъ нападающихъ съ боку. Вотъ изъ-за одного камня показалась рука, а вскорѣ голова и глазъ одного изъ мошенниковъ, смотрѣвшаго на меня лишь мгновеніе, но и то было слишкомъ долго. Я спустилъ курокъ, и разбойникъ прыгнулъ. Онъ скатился въ ущелье недалеко отъ товарищей, которые подняли и унесли его. Хотя киргизы принялись страшно кричать, но ничего мнѣ не сдѣлали.

«Они замѣтили, что я кусаюсь больно, и другой киргизъ уползъ осторожнѣе, чѣмъ подползъ. Если бы я увидѣлъ его на мгновеніе, то онъ непремѣнно послѣдовалъ бы за товарищемъ. Мошенники поставили у входа въ разщелину сто-



Могилы демоновъ у верховья Коры.

рожа, который не спускалъ съ меня глазъ. Вѣроятно, они хотѣли осадить меня и заморить голодомъ. Я между тѣмъ набилъ себѣ трубку и курилъ, имѣя подъ рукою наготовѣ

винтовку, и раздумывая, что́ мнѣ дѣлать. Я рѣшилъ, что всего лучше обождать ночи и, пользуясь темнотою, пойти выше и убѣжать. Я выкурилъ уже нѣсколько трубокъ, и принимался набивать новую, какъ замѣтилъ, что мошенники стали что-то живѣе шевелиться. Нѣкоторые прискакали изъ долины, за ними слѣдовали другіе, и вскорѣ послѣ этого я услышалъ выстрѣлъ. Теперь я зналъ, что по близости находятся мои товарищи, и нападаютъ на сволочь. Я тотчасъ рѣшился сдѣлать вылазку, чтобы помочь имъ, и поспѣшилъ ко входу въ разщелину для нападенія на бѣгущихъ киргизовъ съ боку. Одинъ изъ нихъ только что проскакалъ мимо меня; вотъ несется другой. Бацъ! я выстрѣлилъ, и лошадь свалилась вмѣстѣ съ всадникомъ. Мои товарищи крикнули «ура!» и я тотчасъ подскакалъ къ нимъ. Они ранили одного изъ киргизовъ, которые поспѣшно убѣжали, потому что не знали, сколько насъ находится по близости.»

Позабавившись такими разсказами, каждый легъ подъ крышею изъ вѣтвей близъ огня, и заснулъ. Изъ предосторожности, у спящихъ сторожили двое или трое, которые смѣнялись каждые два часа. Рано утромъ всѣ уже были на ногахъ и наслаждались прекраснымъ видомъ горъ, которыя отличались особою прелестью игры цвѣтовъ при свѣтѣ восходящаго солнца. Внизу долины и ущелья скрывались въ сѣровато-синемъ туманѣ и тѣни; высоко надъ нами снѣжныя вершины Акъ-тау и Ала-тау блестѣли великолѣпными золотисто-розовыми оттѣнками утренней зари, а затѣмъ и ярко озарились ослѣпительными лучами посреди темноголубаго неба. Аткинсонъ увѣряетъ, что сыны природы этихъ областей, киргизы, калмыки и казаки, очень воспріимчивы къ величественнымъ зрѣлищамъ природы, и съ большимъ наслажденіемъ смотрятъ на прекрасный восходъ или закатъ солнца, или на мрачную грозу, мечущую огненные лучи вокругъ горныхъ вершинъ.

Аткинсонъ и его спутники нѣсколько дней сряду осматривали долину Коры и открывающіяся въ нея боковыя до-

лины. Инженеръ нашелъ не только довольно лѣса, но и мѣста, болѣе удобныя для его перевозки. Послѣ этого нашъ живописецъ остался еще на нѣсколько дней въ горахъ съ старымъ казакомъ и нѣсколькими охотниками, чтобы осмотрѣть верхнія горныя долины. Всего болѣе затрудненій представляли переходы черезъ потоки, особенно послѣ полудня. Днемъ снѣгъ отъ солнечнаго зноя таялъ, отчего къ 4 часамъ пополудни рѣки раздувались до 9-ти часовъ вечера, а за тѣмъ ихъ уровень опять понижался. Каменныя породы горъ были различны. Гранитъ, порфиръ и сланецъ смѣнялись известнякомъ, разнообразя оттѣнки и формы долинъ. Почти вездѣ ущелья отличались дикостью. Въ одномъ мѣстѣ Аткинсонъ увидѣлъ ручей, свергавшійся съ высокой скалы въ котелъ известняка, гдѣ вода исчезала посреди хаоса камней. Довольно далеко оттуда ручей являлся снова, но воды въ немъ было по крайней мѣрѣ вдесятеро больше, чѣмъ прежде. Вѣроятно, количество влаги увеличивалось подземными притоками.

Съ высокихъ горныхъ склоновъ лавины свергались къ долинамъ, помѣчая свой путь разрушеніемъ. Еще страшнѣе были слѣды могучей силы природы тамъ, гдѣ сползала земля или обрушались горы. Отдѣльныя скалы круто воздымались столбами до страшной высоты, точно исполинскія каѳедры или сторожевыя башни, а цѣлые хребты были иногда изорваны пилообразно. Не менѣе грозно тамъ, повидимому, свирѣпствуютъ бураны. Проникнувъ изъ широкой степи въ узкія ущелья, они ищутъ выхода, какъ разъяренный лютый звѣрь въ плѣну. Въ одной долинѣ Аткинсонъ увидѣлъ цѣлый поломанный хвойный лѣсъ съ деревьями, вырванными изъ земли и разбросанными въ страшномъ безпорядкѣ. Побѣлѣвшіе стволы были отчасти поломаны, а сучья разщеплены, и по этимъ остаткамъ разрушенія съ трудомъ могли пробраться на лошадяхъ.

Народная поэзія горныхъ киргизовъ облекла силы природы своей области въ одежду сказаній. Скалы и деревья, бу-

ранъ и буря у нихъ олицетворены. Точно какъ у древнихъ скандинавовъ исполины и боги борются другъ съ другомъ,— бьются духи и привидѣнія горъ Ала-тау и Акъ-тау. Сказанія киргизовъ обыкновенно связываютъ общія явленія природы съ поразительными формами скалъ, придавая этому состоянію видъ частнаго событія.

Между тѣмъ путешественники встрѣтили въ долинѣ Коры пять высокихъ столбообразныхъ скалъ, которыя одиноко выдавались у подножія горы и поразительно походили на обелиски. Можно было подумать, что люди перевезли сюда и поставили здѣсь памятники древнихъ египтянъ. Двѣ такія скалы стояли довольно отвѣсно, три болѣе или менѣе наклонно, а шестая лежала на землѣ. Возлѣ росъ молодой ельникъ. Киргизы, сопутствовавшіе Аткинсону, приблизились къ этому мѣсту со страхомъ, и сообщили ему слѣдующее:

«Нѣкогда въ горахъ господствовала большая толпа дикихъ духовъ, которые свирѣпствовали особенно въ долинѣ Коры. Они безпрерывно вели войну съ духами смежныхъ степей, Тарбагатая, Балука и Великаго Гоби. Они нападали изъ ущелій и никогда не оставляли сосѣдей въ покоѣ, такъ что послѣдніе едва не предались отчаянію. Сверхъ того, горные духи становили на высочайшія вершины скалъ караульщиковъ, чтобы видѣть, не предпринимаютъ ли мучимые степные сосѣди противъ нихъ похода. Если степные духи дѣйствительно шли противъ горныхъ, то ихъ спокойно пускали до узкаго ущелья Коры, и тутъ засыпали дождемъ обломковъ скалъ, такъ что рѣдко кому удавалось спастись отъ погибели.

«Наконецъ обитатели степей Гоби, Тарбагатая и Балука соединились, чтобы истребить духовъ Коры. Для упроченія успѣха похода противъ страшныхъ чудовищъ, они обратились къ чорту (шайтану), прося его помощи. Дьяволъ обѣщалъ явиться на помощь въ надлежащее время.

«Въ условленный день войско пошло противъ духовъ

Коры. Сторожа сообщили о приближеніи рати, которая, по-прежнему, безпрепятственно вошла въ долину Коры. Горные духи, по обыкновенію, заняли засады, чтобы встрѣтить пришлецовъ дождемъ скалъ и лавинами. Но тутъ замѣтили еще нѣсколько отрядовъ, приближающихся съ боку и съ тылу. Горные духи предались сильнѣйшей ярости и принялись биться съ дѣйствительнымъ отчаяніемъ. Осколки скалъ, снѣжныя лавины, обломки ледниковъ и древесные стволы такъ и летали, а крики бьющихся были ужасны. Горныхъ духовъ оттѣснили до того мѣста, гдѣ теперь стоятъ столбы. Тутъ они держались крѣпко, и едва не привели нападающихъ въ отчаяніе, когда наконецъ явился шайтанъ съ обѣщанною помощью. Горныя вершины обложились черными тучами а по воздуху съ воемъ неслись легіоны ада. Засверкала молнія, и раскаты грома заглушали боевые крики. Повалились раскаленныя скалы и уничтожили духовъ Коры. Столбы въ долинѣ означаютъ могилы погибшихъ духовъ. По ночамъ они донынѣ шалятъ здѣсь, и ни одно киргизское племя не осмѣливается помѣстить тутъ свой аулъ или пасти стада. Одинъ султанъ дерзнулъ было поставить свою юрту у могильныхъ камней духовъ и принялся пировать съ своими подданными. Въ то время, какъ чаша кумыса переходила у смѣльчаковъ изъ рукъ въ руки, внезапно разразилась буря и посреди грома раздался страшный голосъ: «Дерзновенный, ты осмѣлился вступить на наше священное мѣсто и осквернить его, за это тебѣ смерть!» Нѣсколько подданныхъ, стоявшихъ вдали, видѣли, какъ опустился страшный огненный мечъ, который убилъ султана и его спутниковъ. Они потомъ подошли къ трупамъ, погребли ихъ и возвели надъ могилою курганъ, который еще понынѣ видѣнъ близъ могилъ духовъ. Киргизы вполнѣ убѣждены въ достовѣрности подобныхъ сказаній. Аткинсонъ, при вечернихъ сумеркахъ, возвращался мимо гробницъ духовъ, и его спутникамъ все мерещились чудовищныя привидѣнія и черти, готовые сыграть съ ними плохую шутку. По приключенію, случившемуся за нѣсколько

лѣтъ, Аткинсонъ зналъ, что надъ суевѣріемъ киргизовъ насмѣхаться не слѣдуетъ. Верстахъ въ семи отъ одной казачьей станицы находится старинный курганъ, который считается у киргизовъ святынею. Пастухи или обходятъ его, или подступаютъ къ нему лишь босикомъ. Тамъ живетъ Бѣлая Женщина, которая наказываетъ всякаго, кто оскорбляетъ святость ея мѣстопребыванія. Киргизы говорили казакамъ, что скотина, забредшая на курганъ Бѣлой Женщины, непремѣнно гибнетъ очень скоро, и даже дикіе звѣри не освобождены отъ губительнаго вліянія священнаго мѣста. Одинъ казакъ пикета, человѣкъ отважный и не боявшійся самого дьявола, посмѣялся надъ глупою сказкою, и обѣщалъ на дняхъ посѣтить Бѣлую Женщину и переночевать у ней. Обѣщаніе свое онъ исполнилъ и благополучно воротился къ пикету, не видавъ ничего, кромѣ стараго кургана и разложенныхъ вокругъ него камней. Черезъ нѣсколько недѣль вольнодумецъ отправился съ ружьемъ за плечами на охоту, но не воротился ни вечеромъ, ни въ слѣдующіе дни. Товарищи казака отправились на поиски, и одинъ изъ нихъ предложилъ съѣздить къ Бѣлой Женщинѣ, чтобы посмотрѣть, не посѣтилъ ли онъ ее опять. Къ прославленному мѣсту подъѣхали, не замѣчая ничего особеннаго, но когда приблизились къ кургану, то съ ужасомъ увидѣли на одномъ изъ первыхъ камней человѣческую руку, на слѣдующемъ другую, на третьемъ голову, въ которой немедленно узнали пропавшаго казака. Всѣ члены охотника были изрублены и разложены на камняхъ. По близости лежало заряженное ружье, и никакъ не удалось узнать, кто былъ убійцею. Киргизы совершенно спокойно отвѣчали: «Бѣлая Женщина наказала дерзкаго осквернителя ея святыни.»

Аткинсонъ съ нѣсколькими спутниками отправился вверхъ по долинѣ Коры до снѣжной области, между тѣмъ какъ старый казакъ и два охотника пошли въ сторону за дичью. Аткинсонъ дошелъ до мѣста, гдѣ горный ледникъ вдвинулся въ ущелье. Тутъ лежали въ дикомъ безпорядкѣ обломки

скалъ и льда. Затѣмъ видна была сплошная масса льда толщиною въ 30 или 40 футовъ, посреди которой пробила себѣ путь пѣнящаяся рѣка. Далѣе долина суживается, и ледъ утолщается до ста и болѣе футовъ и имѣетъ зелено-

Ледники у верховья Коры.

ватый цвѣтъ. Изъ глубины ледника слышенъ шумъ потока. Ледяныя стѣны по бокамъ нависли надъ рѣкою, и наконецъ сомкнулись, скрывая подъ собою воду. Далѣе нельзя было ѣхать верхомъ. Отважный англичанинъ слѣзъ съ лошади, и

пошелъ далѣе пѣшкомъ. По сторонамъ ледянаго ущелія выдавались горныя скалы отвѣсными столбами, которые оканчивались пилообразными вершинами. При поворотѣ передъ путешественниками открылся видъ моря ледниковъ, по крайней мѣрѣ въ 20 или 30 верстъ длиною. Впереди во льду было множество трещинъ и разсѣлинъ, чрезвычайно затруднявшихъ странствованіе. Мелкіе осколки и края блестѣли на солнцѣ, какъ алмазы Кругомъ взгромождались исполинскія горныя вершины, покрытыя льдомъ и снѣгомъ, и только мѣстами выдавались темныя скалы, пробивавшіяся сквозь бѣлую оболочку. Рѣки болѣе нельзя было ни видѣть, ни слышать. Ледникъ имѣлъ столь значительную толщину, что сквозь него не проникалъ шумъ потока. Аткинсонъ полагаетъ, что если бы онъ прибылъ сюда мѣсяцемъ раньше, то предпринялъ бы путешествіе къ болѣе высокимъ горамъ, видиѣвшимся вдали, но въ это время года ежедневно можно было ожидать зимней бури, противъ которой человѣку бороться невозможно.

Маленькое общество уже нѣсколько дней осматривало боковыя долины Коры, когда замѣтило признаки перемѣны погоды. У вершинъ стали собираться тучи и постепенно опускаться къ долинѣ. Всякій зналъ, что это предвѣщаетъ бурю и непогоду. Но путешественники находились еще въ горахъ, и оттого обратно къ Копальску можно было дойти не ранѣе слѣдующаго утра, а пока довольствоваться тѣмъ, что поздно вечеромъ, добрались до стараго мѣста отдыха въ лѣсу, гдѣ можно было нѣсколько защититься отъ бури. Посреди ночи спящіе пробудились отъ грохота разразившейся грозы. Вѣтеръ завывалъ въ ущельяхъ и навѣвалъ кучи снѣгу. Утромъ рѣшительно нельзя было пуститься въ путь, потому что снѣгъ лежалъ уже слоемъ въ футъ, а мѣстами вѣтеръ взбилъ его кучами. Къ счастію, застигнутые непогодою имѣли запасъ дичи, а когда вѣтеръ стихъ, они могли набрать дровъ и налупить коры, чтобы лучше прикрыть свой шалашъ. Черезъ нѣсколько времени вѣтеръ возобновился, пошелъ

снѣгъ и разразился настоящій буранъ. Толстыя деревья сваливались по сторонамъ долины, и по воздуху лѣтали обломки сучьевъ. Непогода не прекращалась четыре дня и четыре ночи. Наконецъ небо прояснилось, и сдѣлался сильный морозъ. Путешественники немедленно пустились въ дорогу, но съ большимъ трудомъ могли найти ее на переходахъ, занесенныхъ снѣгомъ, и на обледенѣвшихъ скалахъ.

Прибывъ въ Копальскъ, путешественники узнали, что и здѣсь свирѣпствовала непогода, но шелъ лишь дождь, а не снѣгъ. Сараи для припасовъ были уже готовы, а жилья строились очень прилежно. Для Аткинсона и молодой его жены, казаки на скорую руку срубили маленькую избу, потому что юрта плохо защищаетъ отъ зимнихъ непогодъ.

Наступила опять теплая погода и соблазнила Аткинсона отправиться съ нѣсколькими казаками въ восточную часть горъ, къ рѣкѣ Беану. Киргизы обратили его вниманіе на эту область разсказами, по которымъ слѣдовало полагать, что тамъ происходили нѣкогда вулканическія изверженія. Аткинсонъ нашелъ тутъ не менѣе живописную долину, какъ у береговъ Коры, со страшными пропастями и причудливыми скалами, но ни какого слѣда вулкана. Въ одну пещеру, про которую киргизы разсказывали ужасныя вещи, нельзя было проникнуть по обилію снѣга, уже лежавшаго въ горахъ. Вся верхняя часть Ала-тау уже покрылась зимнею одеждою, и только нижніе склоны и долины, охраняемые отъ холодныхъ вѣтровъ, еще имѣли видъ какъ лѣтомъ. Осенній оттѣнокъ листьевъ увеличивалъ живописность видовъ, а снѣгъ заставилъ звѣрей спуститься въ долины. Оттого при ночномъ бивуакѣ приходилось слышать концертъ завывающихъ волковъ. Впрочемъ, звѣри не осмѣливались выйти изъ кустарника, и потому не удалось убить ни одного изъ нихъ. Однажды утромъ Аткинсонъ пошелъ съ старымъ казакомъ по слѣдамъ волковъ. Оба часа два, лазали по горамъ, и достигли открытой долины, надъ которою парили два большіе черные орла. Казакъ замѣтилъ

что это признакъ близости звѣрей. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени Аткинсонъ увидѣлъ трехъ волковъ у загнаннаго ими оленя. Волки собирались пожрать его, а англичанинъ уже приложился, чтобы застрѣлить одного изъ волковъ, когда казакъ отвелъ его винтовку, и знаками заставилъ молчать. Орлы напали на волковъ. Съ быстротою молніи они спустились, и каждый вцѣпился въ одного звѣря. Когтями одной лапы птица впилась въ зашеекъ волка, другою въ спину, а острымъ клювомъ принялась раздирать бокъ воющаго хищника. Третій волкъ перепугавшись пустился бѣжать. При выстрѣлѣ орлы улетѣли, а охотники безъ всякаго труда добыли два волчьи мѣха и большаго оленя. Старый казакъ принялся разсказывать, какъ орлы нападаютъ на каменныхъ барановъ и аргали, уносятъ ихъ дѣтенышей, и ударами крыльевъ сбрасываютъ взрослыхъ животныхъ въ пропасти. Извѣстно, что то же самое разсказываютъ объ орлѣ могильникѣ и альпійскомъ ягнятникѣ.

Новая перемѣна погоды заставила подумать о возвращеніи въ станицу. Бураны становятся сильнѣе и продолжительнѣе, по мѣрѣ установленія зимы, почему путешественники благодарили Бога, когда прибыли невредимые въ Копальскъ, хотя и тамъ въ ту пору вовсе не было хорошо.

Домикъ Аткинсона состроили, и онъ переселился въ него немедленно. Мебель и утварь были у нихъ самыя богатыя и полныя во всемъ Копальскѣ. Дѣйствительно, англичане получили, кромѣ двухъ столовъ, еще скамью и кресло, единственное во всемъ селеніи, которое отдали имъ по особенной учтивости къ дамѣ. Кровать состояла изъ нѣсколькихъ досокъ, положенныхъ на два чурбана, а постель изъ войлока. Тюфяки и перины въ Копальскѣ не существовали. Не смотря на то, путешественники были рады и такому убѣжищу. Черезъ недѣлю, 4 ноября, Богъ даровалъ Аткинсону сына, и молодая мать, по особой любви къ страннымъ именамъ, назвала его Ала-тау, по имени горъ, у подножія которыхъ ребенокъ явился на свѣтъ, и Тамчибулакомъ, по имени пре-

лестнаго источника, вытекающаго тамъ же. Этотъ источникъ находится въ живописной окрестности, въ особой долинѣ Ала-тау, образующей круглый котелъ, по отвѣснымъ стѣнамъ котораго стекаютъ тысячи мелкихъ струекъ, блестящихъ при солнечныхъ лучахъ очаровательно, точно живые алмазы.

Орлы и волки.

Миссъ Аткинсонъ дѣятельно принялась готовить гардеробъ маленькаго Тамчимбулака, между тѣмъ какъ ея супругъ обращалъ свои очерки въ акварельныя картинки, позднѣе сдѣлавшіяся собственностью русскихъ вельможъ.

Казачьи семейства въ укрѣпленіи находились въ плачевномъ состояніи. Лишь немногіе успѣли устроить себѣ сколько нибудь сносныя жилища. Во многихъ сырыхъ хижинахъ, имѣвшихъ не болѣе 12 футовъ длины и ширины, жили по 10 человѣкъ. Къ довершенію бѣдствій, во время долгой зимы развился между обитателями Копальска губительный тифъ. Для больныхъ былъ построенъ лазаретъ напротивъ самаго дома Аткинсона. Туда переносили заболѣвшихъ, но изъ семи страждущихъ пятеро обыкновенно умирали, почему между казаками водворилось убѣжденіе, что дорога въ лазаретъ надежный путь къ могилѣ. Не удивительно, что при такомъ предубѣжденіи, они сопротивлялись идти въ больницу, и предпочитали умереть въ кругу родныхъ. Вслѣдствіе этого губернаторъ былъ вынужденъ каждое утро осматривать всѣ домы, чтобы приказывать уводить больныхъ насильно.

Бураны повторялись теперь чаще, и одинъ изъ нихъ продолжался 11 дней безпрерывно, уничтожая почти совершенно сообщеніе между жителями. Въ горахъ находилось 150 человѣкъ, занятыхъ рубкою лѣса. Они хотѣли отправиться въ Копальскъ съ большимъ транспортомъ лѣса, когда разразились бураны. Погода заставила ихъ наскоро перейти съ волами въ горныя долины. Къ счастію, они имѣли съ собою довольно съѣстныхъ припасовъ и дровъ, почему избавились отъ губительныхъ бѣдствій. Значительный отрядъ казаковъ, высланный по прекращеніи бури, нашелъ всѣхъ здоровыми. Въ декабрѣ наступили сильные морозы, а вмѣстѣ съ тѣмъ воздухъ успокоился. Тогда Аткинсонъ, съ нѣсколькими знакомыми, отправился на охоту въ горы. Охотники избрали цѣлью своихъ странствованій восточную долину, гдѣ зимовалъ киргизскій купецъ Минда-Бой. Тутъ Аткинсонъ убѣдился, что куреніе опія распространилось и за предѣлы Китая черезъ купцовъ. Хотя ввозъ опія запрещенъ законами, но контрабандистамъ все-таки удается ввозить нѣкоторое количество вреднаго вещества. Долина, обитаемая Минда-Боемъ, славилась обиліемъ фазановъ. Охотники цѣлый день

пробирались въ снѣгу и чащѣ, но воротились, не видавъ ни одной птицы. Фазаны скрылись въ горной чащѣ, и не трогались въ своемъ убѣжищѣ. Слѣдующій день былъ удачнѣе. Въ болотистой части стени принялись искать кабановъ, и нашли одного у открытаго еще болота, которое, вѣроятно, не замерзало вслѣдствіе близости теплаго источника. Животное зарылось въ снѣгъ, прорылось въ немъ и вышло близъ преслѣдующихъ казаковъ, которые яростно напали на него. Въ глубокомъ снѣгу трудно было увернуться отъ страшныхъ клыковъ, и кабанъ палъ, когда лишь въ него всадили девять пуль. Аткинсонъ весьма обрадовался, что, по древнеанглійскому обычаю, онъ можетъ имѣть къ празднику Рождества кабанью голову.

Жена Аткинсона, по возможности, покорялась своей судьбѣ. Молодой Тамчимбулакъ былъ ребенокъ слабый и нѣжный. Сначала казалось, что онъ вовсе неспособенъ кричать, за что его очень полюбилъ губернаторъ Врангель. Баронъ подарилъ ему на платье отличный кусокъ синей шелковой матеріи. Лишь передъ наступленіемъ бурана мальчикъ начиналъ безпокоиться, и служилъ матери вѣстникомъ дурной погоды. Однажды ребенокъ кричалъ весь день. Къ Аткинсону зашли нѣсколько женъ офицеровъ, и сказали, что младенца надобно запечь. Госпожа Аткинсонъ полагала, что ослышалась, и спросила еще разъ. Ей отвѣчали: «Да, ребенка надобно сунуть въ печку!» Вотъ что пишетъ госпожа Аткинсонъ объ этомъ случаѣ своей подругѣ: «Если бы вы услышали о пирогѣ съ ребенкомъ у людоѣдовъ, то это нисколько не удивило бы васъ. Но казаки и киргизы не волки и не людоѣды, тѣмъ не менѣе у нихъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, запекаютъ грудныхъ младенцевъ въ пирогъ начинкою. Дѣлаютъ достаточное количество крутаго ржанаго тѣста, обертываютъ имъ больнаго ребенка, оставляя отверзтіе для дыханія, и суютъ въ вытопленную печку. Дверцы печи закрываютъ. Черезъ нѣсколько минутъ, когда тѣсто довольно прогрѣлось, маленькаго больнаго вынимаютъ.

Дѣйствіе этого средства такое же, какъ теплыхъ припарокъ изъ ржаной каши, но имъ пользуются здѣсь первобытнымъ образомъ.»

Аткинсонъ провелъ праздники Рождества весьма пріятно въ кругу русскихъ друзей, тѣмъ не менѣе праздники окончились для него очень непріятно. Одинъ изъ офицеровъ предложилъ Аткинсону вечеромъ прокатиться по степи въ саняхъ, чтобы освѣжиться. Сани состояли изъ грубосплетенной ивовой корзины на здоровыхъ полозьяхъ. Для кучера была спереди лишь узкая дощечка. Изъ учтивости, офицеръ далъ гостю сѣсть сперва. Кучеръ уже былъ на своемъ мѣстѣ. Едва Аткинсонъ успѣлъ помѣститься въ корзину, какъ тройка взбѣсилась и понесла. Казакъ, не ожидавшій этого, свалился съ козелъ, вожжи летали по воздуху, а сани съ англичаниномъ понеслись прямо къ длинной, глубокой разсѣлинѣ, проходившей на разстояніи 2-хъ верстъ отъ селенія Аткинсонъ могъ только держаться обѣими руками за края корзины, чтобы не выпасть. Выскочить онъ не смѣлъ, опасаясь, что его одежда зацѣпится за прутья корзины, и лошади тогда заволочатъ его до смерти. Каждую минуту бѣшеная тройка все болѣе приближалась къ роковой разсѣлинѣ. Аткинсонъ зналъ, что его друзья поспѣшатъ за нимъ верхомъ напомощь, но былъ также убѣжденъ въ невозможности догнать сани ранѣе, чѣмъ онѣ достигнутъ ущелья. Англичанинъ уже видѣлъ передъ собою черную разсѣлину посреди снѣга, но лошади внезапно поворотили возлѣ пропасти, не имѣя охоты перескочить черезъ нее. При быстромъ поворотѣ, полозья до половины съѣхали черезъ край пропасти, и жизнь сѣдока висѣла на волоскѣ. Бѣшеныя лошади продолжали бѣжать вдоль разсѣлины, и доскакали до мѣста, гдѣ лежалъ сваленный строевой лѣсъ. Сани стало кидать во всѣ стороны, но тутъ же лошади остановились, потому что вожжи зацѣпились за бревно. Друзья Аткинсона подъѣхали къ нему, и проводили до дому. При этомъ роковомъ рождественскомъ катаньѣ, Аткинсонъ сильно сдавилъ себѣ палецъ. Живописцу

посовѣтовали сходить на другой день въ баню, чтобы излечиться всеобщимъ средствомъ. Яма съ горячими камнями замѣняла комнату, а войлочныя одѣяла представляли крышу. Вскорѣ помятый палецъ зажилъ, и Аткинсонъ, попрежнему, могъ играть на флейтѣ.

Опасное катанье.

Чтобы сдѣлать скуку однообразія зимы нѣсколько сноснѣе, и ввести общежительность, губернаторъ, а за нимъ и старшіе офицеры, устроили балы для знати селенія. Первый

балъ задали, когда миссъ Аткинсонъ жила еще въ юртѣ, и она описываетъ его очень забавно.

Она хотѣла сдѣлать дамамъ обычные визиты, чтобы представиться имъ; но губернаторъ сказалъ ей, что при мѣстныхъ условіяхъ это не совсѣмъ удобно, и онъ лучше сдѣластъ въ ея честь балъ, на которомъ она можетъ познакомиться со всѣми дамами Копальска. По этому случаю онъ просилъ англичанку взять на себя роль хозяйки, и принимать гостей. Путешественница весьма смутилась отъ этого предложенія, потому что единственное платье, годное для такого случая, значительно попортилось во время путешествія, и вовсе не годилось въ гостиную. Къ счастію, она имѣла съ собою маленькій утюгъ. Она дала казаку нагрѣть его въ общей кухнѣ. Гладильною доскою служилъ ящикъ, покрытый фланелью, на которомъ англичанка, по возможности, исправила попорченное платье. Гостей пригласили къ 5-ти часамъ, но баронъ просилъ миссъ Аткинсонъ явиться раньше. Путешественница одѣвалась въ своей юртѣ, когда внезапно поднялся вѣтеръ, задулъ лампу, и грозилъ снести не только ея юрту, но и ту, гдѣ слѣдовало быть балу. Произошло всеобщее смятеніе. Спѣшили достать жердей и веревокъ для укрѣпленія юртъ, а миссъ Аткинсонъ просила свѣчи. Грозящую опасность устранили, и англичанка благополучно окончила свой туалетъ. Баронъ между тѣмъ посылалъ за нею уже три раза и встрѣтилъ ее въ полной формѣ. Онъ самъ до того отвыкъ отъ нея, что смѣялся надъ собою. Еще страннѣе казался въ нарядномъ костюмѣ Яроланъ, главный его слуга. Этотъ киргизъ былъ самый рослый и сильный человѣкъ во всемъ селеніи. По случаю торжества его нарядили великолѣпно. Пестро-полосатый халатъ ему подпоясали красною шалью; на голову онъ надѣлъ красную шелковую киргизскую ермолку, а ноги обулъ въ красные сапоги. Зала была украшена весьма просто. Вдоль стѣнъ разставили скамьи, а на одномъ концѣ прикрѣпили доску и покрыли ковромъ. Этотъ приборъ представлялъ диванъ для дамъ.

Миссъ Аткинсонъ не пришлось долго ждать гостей. У юрты раздался крикъ верблюда, и Яроланъ, исполнявшій должность швейцара, откинулъ занавѣсь двери, чтобы ввести прибывшихъ. Вскорѣ онъ воротился съ двумя дамами, вошелъ въ середину залы, и громовымъ голосомъ доложилъ: «Госпожа И. и госпожа Т.!» Одна изъ вошедшихъ дамъ была женщина пожилая, въ темномъ ситцевомъ платьѣ, бѣломъ чепцѣ съ длинными лентами, лиловомъ шелковомъ шарфѣ и коричневыхъ чулкахъ. Ея спутница, очень малаго роста, была одѣта такимъ же образомъ, но вмѣсто шарфа имѣла свѣтло-красную шелковую мантилью съ бѣлою обшивкою. Обѣ дамы подошли къ госпожѣ Аткинсонъ, трижды поцѣловались съ нею, и затѣмъ сѣли возлѣ нея на диванъ, не говоря ни слова. Впрочемъ, и времени не было для бесѣды, потому что тотчасъ же раздалось мычаніе быка, и Яроланъ опять бросился встрѣчать гостей. «Анна Павловна!» крикнулъ онъ. Въ залъ вошла исполинская женщина съ загорѣлымъ лицомъ, руками и кулаками, которые, казалось, были готовы раздробить того, кто найдетъ ихъ неуклюжими. Она была одѣта какъ русская крестьянка, но короткая пестрая юпка доходила у нея лишь до колѣнъ. Босыя ноги были обуты въ толстые кожаные башмаки на гвоздяхъ, а голову и плечи покрывалъ красный платокъ. Не смотря на такой мужественный видъ, Анна Павловна была женщина очень добродушная, и сдѣлалась царицею танцевъ, потому что плясала ловко и неутомимо. Она съ особеннымъ удовольствіемъ избирала себѣ въ визави Аткинсона, который также былъ танцоръ первой руки. На верблюдѣ пріѣхали еще двѣ дамы, въ шелковомъ платьѣ, конечно, значительно полинявшемъ и починенномъ кусками другаго цвѣта. При такомъ странномъ костюмѣ дамскаго общества мужское, состоявшее изъ офицеровъ въ форменной одеждѣ, составляло рѣзкую противоположность.

Сначала подали кофе, чай и шоколатъ. Оркестръ состоялъ изъ барабана, двухъ скрипокъ и свистка. Аткинсонъ съ же-

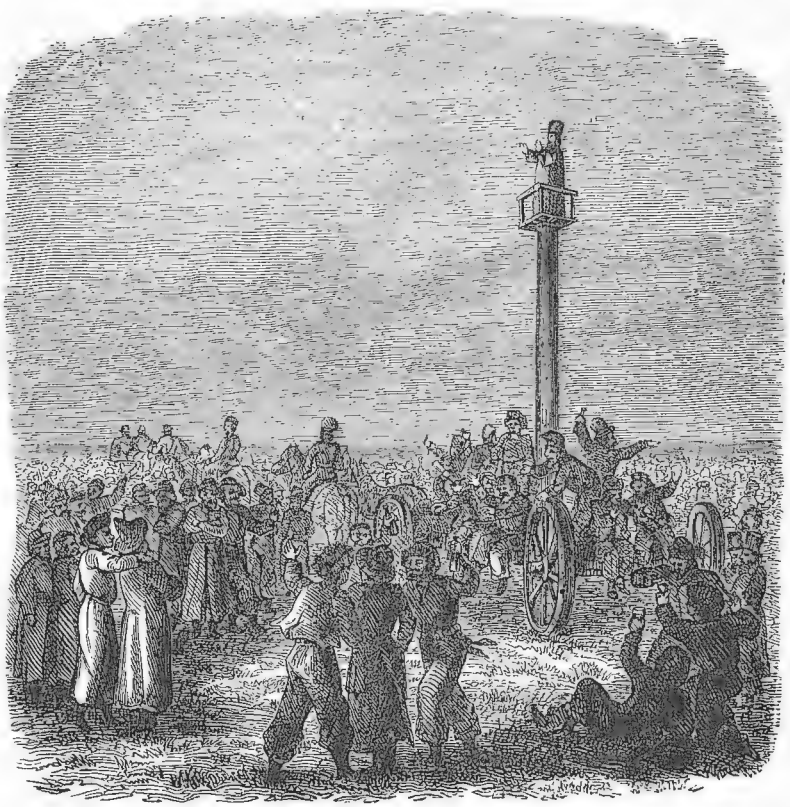
ною открыли балъ полькою. Затѣмъ послѣдовали кадриль и русскія народныя пляски. Сначала дамы сидѣли на диванѣ безмолвно, но мало-по-малу онѣ оживились. Мужчины, не принимавшіе участія въ танцахъ, забавлялись картами. Въ 8 часовъ сѣли за ужинъ. Госпожа Аткинсонъ видѣла, что цѣлую недѣлю въ Копальскѣ не перестанутъ говорить о прелести этого бала! Напитки для этого и слѣдующихъ пиршествъ привозили на верблюдахъ изъ китайскаго города Кульджи.

Кромѣ того, однообразіе зимней жизни прервалось прибытіемъ бухарскаго каравана, который изъ-за бурана остался въ Копальскѣ цѣлую недѣлю. Кромѣ шелковыхъ тканей, купцы имѣли ковры, фарфоръ, чай и сушеные плоды, абрикосы, сливы и изюмъ. Въ Копальскѣ они продали довольно много товара.

Въ степи зима прекратилась уже въ серединѣ февраля, и окрестности Копальска покрылись праздничною одеждою. Надъ короткимъ дерномъ вытянулись свѣжіе свѣтлозеленые отпрыски, и мѣстами пробивались цвѣтки, между тѣмъ какъ горы оставались покрытыми снѣгомъ. На масляной недѣлѣ и простые казаки принялись веселиться. Между ними одинъ игралъ роль шута, и при трудныхъ, грустныхъ мѣстныхъ условіяхъ жизни, онъ былъ дороже злата. Этого хвата на всѣ руки за какую-то вину отдали въ солдаты, и отправили на конецъ Русской имперіи, въ Копальскъ. Уже зимою онъ состряпалъ и сыгралъ театральную пьесу, которая до того понравилась, что безпрерывно требовали ея повторенія.

Великія событія въ Копальскѣ не совершались, а потому мелочныя происшествія получили бо́льшое значеніе, особенно для миссъ Аткинсонъ. Она чрезвычайно понравилась султану Зуку, живущему съ своимъ племенемъ поблизости. Не должно однако полагать, что сама англичанка приглянулась ему. По собственному сознанію миссъ Аткинсонъ, она и ея мужъ совершенно исхудали до костей и кожи. Точно также султана не привлекалъ остроумный разговоръ путешествен-

ницы, но онъ удивлялся ея ловкости въ шитьѣ. Онъ предлагалъ Аткинсону за жену множество лошадей и въ добавокъ столько киргизокъ, сколько ему хочется; но мѣновая торговля эта, разумѣется, не состоялась.



Потѣхи на масляницѣ въ Капальскѣ.

Особенно слуга барона Врангеля, Яроланъ, распространилъ по окрестностямъ славу госпожи Аткинсонъ. Она сдѣлала маленькому Ала-тау изъ куска папки и краснаго ситца шляпу, окоймила ее шелковою матеріею и прикрѣпила къ ней спереди орлиное перо, такъ что уборъ дѣйствительно вышелъ довольно милый. Яроланъ былъ въ восторгѣ, и показывалъ

мальчика каждому, кто подходилъ къ нему. Восторгъ исполина дошелъ до того, что онъ молилъ подарить ему шляпу. Эту просьбу киргизъ повторялъ ежедневно, и чтобы отвязаться отъ него, англичанка сдѣлала ему подобный же уборъ, который украсила бусами и другими мелочами. Восторгъ Яролана не имѣлъ границъ. Получивъ подарокъ, онъ выпросилъ себѣ у губернатора на нѣсколько дней отпускъ, сѣлъ на лошадь, и сталъ показывать себя въ новой шляпѣ жителямъ Копальска и ближайшихъ ауловъ, восхваляя повсюду англичанку. У Аткинсона онъ цѣнилъ всего выше искусство игры на флейтѣ. Когда кто-нибудь приходилъ въ гости, Яроланъ подавалъ англичанину флейту, и повелительно произносилъ: «Играй!» Впрочемъ, онъ былъ добрый малый, и англичане не хотѣли перечить ему, тѣмъ болѣе, что нуждались въ его услугахъ. Женской прислуги въ Копальскѣ почти вовсе не было, и въ крайнихъ случаяхъ миссъ Аткинсонъ приходилось довольствоваться женою одного казака, женщиною, приговоренною къ тяжкому наказанію за дѣтоубійство и спасенною отъ него казакомъ, черезъ женитьбу. Эта чета жила совершенно ладно и довольно.

Хотя миссъ Аткинсонъ весьма хвалитъ услужливость и добродушіе казаковъ, однако видно, что она имѣла причину жаловаться на ихъ ненадежность. Эту дурную сторону прислуги ей пришлось испытать уже тотчасъ по прибытіи въ Копальскъ. На пути отъ Алтынкула въ Алтаѣ, путешественники прибыли въ одну деревню, гдѣ разнеслась вѣсть, что англичане ѣдутъ въ Копальскъ. Къ миссъ Аткинсонъ пришла пожилая крестьянка, и просила ее взять съ собою гостинцы для ея сына. Путешественница согласилась и старушка принесла множество съѣстныхъ припасовъ въ количествѣ, достаточномъ для нагруженія верблюда. Послѣ долгихъ толковъ, старуха удовольствовалась посылкою горшка меда и денегъ. Медъ благополучно довезли черезъ всю степь до Копальска. Когда миссъ Аткинсонъ принялась спрашивать о сынѣ заботливой старухи, не менѣе трехъ солдатъ заявляли

свое право на присланные гостинцы. Едва они однако успѣли съѣсть сообща весь медъ, какъ представился настоящій сынъ старухи, которому пришлось довольствоваться пустымъ горшкомъ и деньгами.

Вышелъ случай, взволновавшій все населеніе. Возлѣ пушекъ и пороховыхъ ящиковъ находилась и повозка съ казною. Для охраны стоялъ часовой, смѣняемый каждые два часа. Въ одну очень темную ночь не нашли часоваго. Сначала полагали, что онъ забрался куда-нибудь, чтобы проспаться. Но при тщательномъ осмотрѣ убѣдились, что казна украдена. Дѣло было ясное. Часовой убѣжалъ на сѣверъ, чтобы весело пожить у охотниковъ въ Алтаѣ. По ночной темнотѣ преслѣдованіе было невозможно, а утромъ напрасно искали свѣжихъ конскихъ слѣдовъ по предполагаемому направленію.

Бѣглецъ предпочелъ ѣхать на югъ къ китайской границѣ. Въ слѣдующую ночь онъ нашелъ себѣ убѣжище у нѣсколькихъ киргизовъ. Во вторую ночь онъ прибылъ къ большому аулу. Къ его несчастію, у султана гостилъ киргизскій купецъ, подробно знавшій всѣ отношенія въ Копальскѣ. Онъ обратилъ вниманіе князя на то, что одинокому казаку въ этой сторонѣ дѣлать нечего. Къ бѣглецу приступили съ вопросами, и онъ, по неосторожности, предложилъ купцу и князю по сотнѣ рублей, если они помогутъ ему убѣжать. По этому купецъ тотчасъ догадался, что навѣрное имѣетъ дѣло съ воромъ, зная, что въ Копальскѣ ни одинъ офицеръ ни имѣетъ у себя болѣе десяти рублей. Казака схватили, нашли при немъ деньги, и съ большимъ конвоемъ отправили въ Копальскъ. При допросѣ онъ сознался во всемъ, но сваливалъ вину на другаго, который, будто бы, соблазнилъ его къ воровству, увѣряя, что съ казенными деньгами онъ можетъ отлично жить въ Китаѣ. Когда стали допытываться, кто этотъ другой, онъ спокойно отвѣчалъ, что самъ чортъ пришелъ къ нему, когда онъ стоялъ на часахъ. Адскаго соблазнителя нельзя было арестовать, и потому вору одному пришлось итти въ Сибирь на каторжную работу.

Копальскъ лежитъ въ области, которую считаетъ своею собственностью такъ называемая Большая Киргизская Орда. Уже нѣсколько времени происходитъ кровавая борьба между Большою и Среднею Ордами. Большая Орда утверждаетъ, что ей принадлежитъ все пространство между Лепсу и Беаномъ, и грозитъ смертью всякому киргизу Средней Орды, который перейдетъ со своими стадами черезъ эти границы. Киргизы Средней Орды увѣряютъ, что имъ принадлежатъ области до Аксу, и произносятъ подобныя же угрозы. Въ слѣдствіе такихъ несогласій, враждебныя племена опустошили всю спорную область безчисленными нападеніями. Мимоходомъ грабили также караваны, которые поддерживаютъ сообщеніе между югомъ и Россіею. Такимъ промысломъ занимались обѣ партіи, и постоянно сваливали вину одна на другую. Дѣла приняли столь дурной оборотъ, что князь Горчаковъ просилъ засѣдателя въ Аягусѣ и губернатора Копальска попытаться примирить враговъ. Къ 1-му марта пригласили султановъ и князей обѣихъ ордъ на совѣщаніе, при которомъ присутствовали и нѣсколько офицеровъ въ качествѣ уполномоченныхъ примирителей. Киргизовъ привѣтствовали, къ величайшему ихъ удовольствію, пальбою изъ пушекъ. Затѣмъ сѣли пировать и бесѣдовать, но о примиреніи не было и рѣчи. Каждая сторона упорно охраняла свои требованія, и въ заключеніе враги разошлись ожесточеннѣе прежняго.

Наконецъ необходимость заставила русскихъ построить крѣпостцу, чтобы охраняться противъ нихъ. Толпы Большой Орды собрались и рѣшились напасть. Вдоль подножія горъ къ Копальску стало подходить войско въ 6,000 или 7,000 киргизскихъ всадниковъ, вооруженныхъ сѣкирами, копьями и лишь нѣсколькими ружьями. Они не имѣли понятія о томъ, на какое огромное разстояніе дѣйствуютъ орудія. Отрядъ казаковъ отправился на рекогносцировку, и имѣлъ стычку съ передовыми киргизами, причемъ съ обѣихъ сторонъ погибло нѣсколько человѣкъ. Казаки отступили отъ

слишкомъ многочисленнаго врага, а киргизы стали поджидать прибытія главнаго своего отряда. У Копальска войско раздѣлилось на двѣ части. Одна изъ нихъ переправилась черезъ рѣку и пошла къ сѣверу, чтобы напасть на укрѣпленіе сбоку, а затѣмъ всадники стали подступать сплошною массою, какъ во времена Чингисъ-Хана. Абакумовъ далъ имъ приблизиться на разстояніе картечнаго выстрѣла, встрѣтилъ ихъ батарейнымъ огнемъ, и пробилъ широкій промежутокъ въ спутанной кучѣ киргизскихъ всадниковъ. Съ дикимъ ужасомъ остальные пустились бѣжать, и остановились на нѣкоторомъ разстояніи, считая себя внѣ предѣловъ выстрѣловъ. Тогда Абакумовъ сталъ стрѣлять по густымъ толпамъ ядрами, которыя дѣйствовали со страшнымъ успѣхомъ. Это уже было выше всѣхъ понятій киргизовъ, и они разбѣжались, какъ перепуганныя овцы, во всѣ стороны, а оставшіеся воины считали за счастіе, что успѣли добраться невредимо до родныхъ ауловъ.

Объ этомъ узнали такъ называемые горные киргизы, обитающіе въ южныхъ горахъ, и немедленно отправили къ русскимъ пословъ съ предложеніемъ, заключить съ ними союзъ. Разумѣется, что такое предложеніе приняли очень охотно. Все это случилось, однако, послѣ отъѣзда Аткинсона. Съ того времени въ Копальскѣ многое измѣнилось. Теперь тамъ болѣе 11,000 жителей, и городъ обѣщаетъ сдѣлаться важнымъ торговымъ мѣстомъ въ этой области. Тамъ поселились многіе татарскіе купцы, а также значительное число русскихъ. Кромѣ того возникъ еще новый городъ Вѣрное при р. Алмата, на югозападѣ отъ Копальска. Поселеніе особенно облегчается способностью русскаго простолюдина найтись во всемъ. Онъ самъ пашетъ и, въ то же время, занимается разными ремеслами. Посреди дикихъ киргизскихъ разбойниковъ, казаки и русскіе мужики — распространители просвѣщенія, и должно надѣяться, что такимъ образомъ степи постепенно превратятся въ пашни повсюду, гдѣ только возможно орошеніе почвы.

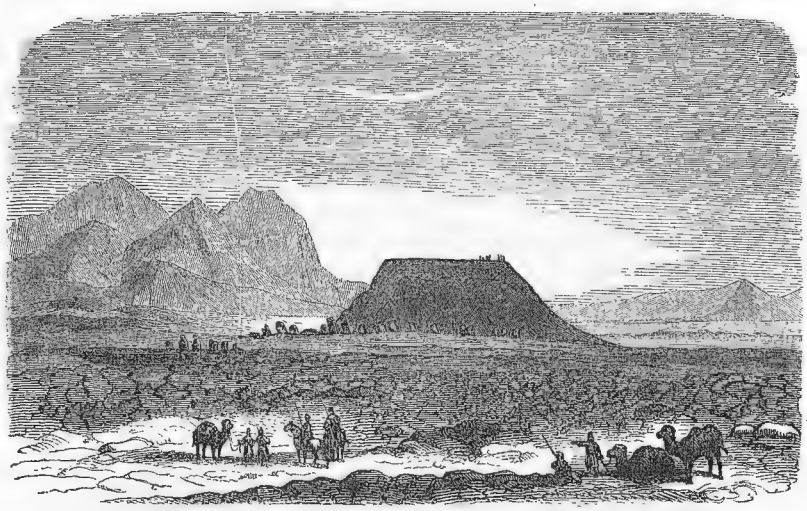
Послѣ отъѣзда Аткинсона, возникли еще факторіи въ Кульджѣ на Или, въ Чугучакѣ, въ предѣлахъ Кашгара и въ Ургѣ. Русскіе мало-по-малу двинулись къ югу. Главная ихъ выгода заключается въ томъ, что они овладѣли торговлею съ ордами степей.

Изъ Большой и Средней Ордъ ежегодно вывозятъ значительное количество скота и лошадей въ горные заводы западной и восточной Сибири, а овецъ — на границы Европы. Объ одномъ татарскомъ скотопромышленникѣ Аткинсонъ разсказываетъ, что онъ продавалъ въ годъ около 50,000 головъ рогатаго скота на золотые пріиски Сибири. Самъ Аткинсонъ встрѣтилъ стада въ 3,000 и 4,000 головъ. Они медленнымъ шагомъ прошли уже около 2,000 верстъ и имъ оставалось идти до мѣста назначенія еще тысячу верстъ. Овецъ гонятъ преимущественно черезъ Петропавловскъ и Екатеринбургъ. Тамъ бьютъ въ годъ болѣе милліона головъ, для вытапливанія сала, которое отчасти отправляютъ въ Европу, а отчасти обращаютъ въ Екатеринбургѣ на выдѣлку сальныхъ и стеариновыхъ свѣчъ, введенныхъ въ новѣйшее время въ большей части рудниковъ Сибири.

На дорогѣ отъ Семипалатинска въ Копальскъ, Аткинсонъ встрѣтился съ скотопромышленникомъ, который гналъ 3,000 лошадей, 7,000 быковъ и болѣе 20,000 овецъ. Эта огромная масса скота представляла капиталъ, болѣе чѣмъ во 100,000 рублей. Скотина была закуплена посредствомъ мѣны на товаръ, и при этомъ дѣлѣ торговецъ выгадываетъ по-крайней-мѣрѣ сто процентовъ. Изъ Россіи вывозятъ въ степь преимущественно желѣзную утварь, тисненыя металлическія и мѣдныя издѣлія, а также сахаръ въ головахъ (за фунтъ платятъ болѣе рубля). Сверхъ того, жители степей охотно покупаютъ набивныя бумажныя ткани съ яркими полосами, толстыя шелковыя китайскія ткани, бархатъ, яркокрасные платки, шали (у султановъ иногда бываютъ кашемирскія), шерстяныя ткани яркихъ красныхъ, свѣтло-синихъ, желтыхъ и зеленыхъ цвѣтовъ, крашеныя ленты,

кораллы, стекляныя бусы (особенно красныя и желтыя), серьги, браслеты, кольца, ножницы и ножи, зеркальцы, иголки и другой мелкій желѣзный товаръ, топоры и особенно огнестрѣльное оружіе и огнестрѣльныя принадлежности. Аткинсонъ обращаетъ вниманіе своихъ земляковъ на то, что со стороны Индіи можно было бы вести отличную торговлю. Рису, чаю, фарфора ввозятъ много изъ Китая, а сушеные плоды (априкосы, сливы и изюмъ) и ковры изъ Персіи и Турана. Курительный и нюхательный табакъ и опій покупаютъ также весьма охотно.

Русскій товарный возъ.



Древніе курганы у Копала.

XI.

Странствованіе по горамъ Ала-тау и Акъ-тау.

Отъѣздъ изъ Копальска. — Гора Аразанъ. — Странствованіе киргизовъ у Балкаша. — Ущелье Аксу. — Аулъ у базальтовыхъ скалъ. — Ущелье Баскау. — Султанъ Баракъ. — Судъ. — Разбойничья долина. — Кинзара. — Чертова пещера. — Водопадъ. — Лазаніе. — Кочеваніе. — Воздухъ въ юртѣ. — Киргизскіе пѣвцы. — Скачка. — Кочеваніе въ горы. — Большое ущелье. — Пребываніе въ горахъ въ бурю. — Прогулка къ водопаду. — Маленькій Ала-тау въ большомъ. — Олененокъ.

Лѣтомъ 1849 года Аткинсонъ воспользовался для странствованія по горнымъ цѣпямъ Кара-тау, Ала-тау, Акъ-тау и Мусъ-тау, причемъ онъ дошелъ по сѣверо-восточному направленію до Ала-кула. Отсюда онъ отправился къ Тарбагатайскимъ Горамъ, и воротился въ Аягусъ, пропутешествовавъ болѣе года. При этомъ трудномъ странствованіи по горамъ и степямъ, Аткинсону сопутствовала неустрашимая его жена съ маленькимъ Ала-тау. Хотя они здѣсь терпѣли много нужды и недостатковъ, имъ все-таки не пришлось вынести дѣйствительныхъ бѣдствій. На слѣдующихъ

страницахъ предлагаемъ читателямъ отчетъ о важнѣйшихъ событіяхъ во время этого путешествія.

Копальскъ показался семейству Аткинсона жалкою темницею, гдѣ оно должно было оставаться въ плѣну неумолимой зимы. Лишь въ половинѣ мая снѣгъ на горахъ растаялъ на столько, что можно было подумать о путешествіи по нимъ. Наконецъ, 24 мая, Аткинсонъ, съ женою, ребенкомъ и тремя служителями казаками, покинулъ зимнюю квартиру. Ихъ провожала вся знать поселенія. Офицеры и ихъ жены воспользовались этимъ случаемъ для составленія пикника, и проводили семейство живописца до горы Аразана. Здѣсь мужчины ѣхали верхомъ, а женщинъ усадили въ длинную ящикообразную повозку, которая на неровной дорогѣ безпрерывно перекачивалась то въ ту, то въ другую сторону, что подавало поводъ къ громкимъ крикамъ дамъ.

Путешественники проѣхали мимо многихъ большихъ кургановъ прежнихъ обитателей. Эти курганы считаются священными и окружены каменьями. По сказанію, въ одномъ изъ могильныхъ холмовъ лежали остатки дочери султана, которая была страстною охотницею. По увѣренію киргизовъ, ея духъ носится надъ курганомъ, любимымъ ея мѣстомъ при жизни. Она ухаживаетъ тутъ за цвѣтами и травами, чтобы сохранить ихъ для кормa лѣсныхъ животныхъ которыя, какъ говорятъ, дѣйствительно приходятъ сюда зимою, когда въ другомъ мѣстѣ ихъ не встрѣчаютъ.

Рано утромъ добрались до священной горы Аразана, и остановились тамъ для отдохновенія. Гора славится большимъ теплымъ ключемъ, которымъ окрестныя племена уже издавна пользуются для леченія. Вода собирается въ большой купальный водоемъ съ каменными стѣнами. По близости лежатъ развалины калмыцкаго храма, и множество змѣй безвредной породы поселились тамъ, напоминая собою атрибуты Эскулапа. Вѣроятно, теплота воды привлекла ихъ къ источнику. Неподалеку есть еще большой источникъ кислыхъ водъ, выдѣляющій множество углекислоты. Общество пред-

варительно освѣжилось купаньемъ, а затѣмъ усѣлось къ прощальному очень простому пиршеству. Китайская водка замѣняла вино и содѣйствовала къ увеличенію хорошаго расположенія духа. Одинъ казакъ принялся играть на балалайкѣ, а охотники до пляски стали танцовать на зеленой горной равнинѣ до поздней ночи, при свѣтѣ луны.

На слѣдующій день Аткинсонъ распростился съ своими спутниками, которые были его хозяевами въ теченіе длинной грустной зимы. Многихъ изъ нихъ онъ полюбилъ и съ ними онъ дѣлилъ удовольствія охоты и тяжкія нужды, претерпѣваемыя зимою въ пустынѣ. Артиллерійскій офицеръ Абакумовъ съ нѣсколькими казаками проводилъ семейство Аткинсона до перехода горы Кара-тау, и показалъ имъ, въ какомъ направленіи они достигнутъ на другой сторонѣ степи. Дымъ, клубившійся вдали, убѣждалъ, что тамъ есть аулъ. Къ нему направили свой путь живописецъ и маленькій его караванъ.

Еще днемъ достигли аула. Тамъ находились передовыя орды, которыя стояли еще въ степяхъ, на разстояніи дня путешествія одна отъ другой. Въ этой области киргизы на зиму селятся въ окрестностяхъ озера Балкаша. Стада прокармливаются оставшеюся травою, которую животныя сами вырываютъ изъ-подъ снѣга. Впрочемъ, когда снѣга выпадаетъ много и вмѣстѣ съ тѣмъ бываютъ сильные бураны, скота гибнетъ очень много. Напримѣръ, зимою 1849 года племена, кочующія у Балкаша, лишились не менѣе 70,000 овецъ. Лошади, верблюды и рогатый скотъ лучше умѣютъ укрываться отъ губительнаго дѣйствія непогодъ, но и они погибли тогда въ значительномъ числѣ. Такимъ образомъ одинъ князь лишился 700 лошадей и 90 верблюдовъ. Въ январѣ 1850 года было 20° по Реомюру холода, и поднялась буря, бушевавшая одиннадцать дней сряду. Тогда погибло не мало людей. Не рѣдко бурный вѣтеръ срываетъ войлочную юрту, и раздираетъ ее на куски. Случалось, что буря, снесши юрту, уносила ночью одѣяла съ постелей дѣтей, и

Ущелье Аксу.

завѣвала ихъ снѣгомъ, въ которомъ они погибали. Даже взрослые подвергаются большой опасности, если они лишь на нѣсколько шаговъ удалятся отъ аула.

При наступленіи лѣта, кочующія племена забываютъ всѣ зимнія бѣдствія. Подобно альпійцамъ, они подъ конецъ мая переходятъ на прекрасныя, цвѣтущія, горныя пастбища въ горахъ. Киргизы, встрѣченные Аткинсономъ, сказали ему, что нѣсколько человѣкъ изъ ихъ племени уже пошли въ горы, чтобы посмотрѣть, проходимы ли дороги, и обтаяли ли горныя пастбища, но они нашли много свѣжаго снѣга, и оттого пришлось подождать еще нѣсколько дней, пока снѣгъ растаетъ.

Мѣсто стоянки киргизовъ представляло интересную, живую картину. Рогатый скотъ, лошади и верблюды были разсѣяны по всей зеленѣющей равнинѣ, какъ далеко только можно было видѣть ее, а по долинѣ текъ ручеекъ чистой воды, окаймленный цвѣтущимъ кустарникомъ. Овцы и козы лазили по холмамъ, окружавшимъ долину. Вечеромъ скотъ сходился около юртъ. Женщины связывали ягнятъ и козлятъ длинными рядами, и становили ихъ отдѣльно отъ взрослыхъ животныхъ. Коровъ, козъ и овецъ доили, и собирали молоко для изготовленія сыра. Подобнымъ же образомъ мужчины ухаживали за кобылами, которыхъ молоко поступало въ мѣшки для изготовленія кумыса. Лишь утромъ и вечеромъ, послѣ доенія, молодымъ животнымъ даютъ сосать матокъ.

Аткинсонъ одинъ попытался пойти по долинѣ Аксу, вверхъ по этой рѣчкѣ, но ушелъ очень недалеко. Ущелье, сквозь которое дикій потокъ выступаетъ изъ Ала-тау, скоро суживается высокою трещиною съ отвѣсными и даже нависшими стѣнами, по которымъ свергаются великолѣпными водопадами боковые ручьи. Аткинсонъ пытался пройти сверху, по невозможности проложить себѣ дорогу къ водѣ снизу. Но и тутъ нельзя было ходить безъ умѣнья лазить по скаламъ,

какъ аргали и каменные бараны, которые любопытно поглядывали на пришельца со скалъ.

Со стороны степи можно перейти въ Ала-тау во многихъ мѣстахъ. Чтобы не оставаться на одномъ мѣстѣ, Аткинсонъ отправился къ другому горному переходу, лежащему восточнѣе, черезъ который переправляются многія кочующія племена. Тутъ онъ встрѣтилъ толпу киргизовъ на самомъ переходѣ, расположенныхъ въ чрезвычайно живописномъ мѣстѣ. Тамъ до страшной высоты воздымаются почти отвѣсныя базальтовыя скалы, окруженныя съ обѣихъ сторонъ горными ущельями. По одному изъ нихъ шумно струится пѣнистый Басканъ, а на заднемъ планѣ виднѣются снѣжныя вершины болѣе высокихъ цѣпей. Посреди этой дикой, мрачной картины, красуется прелестная противоположность, отличный зеленый лугъ у подножія скалъ, усѣянныхъ великолѣпными цвѣтами, желтыми розами, душистымъ макомъ, піонами, женскими башмачками и безчисленнымъ множествомъ растеній. Менѣе крутыя части склоновъ скалъ украшены мелкимъ кустарникомъ, отчасти съ пучками цвѣтовъ, а отчасти съ вкусными ягодами. Киргизы, однако, никогда не трогаютъ этихъ плодовъ. У нихъ пословица говоритъ, что ягода и трава — для скота, а животныя — для человѣка.

У подножія скалъ стояли пять юртъ, а въ долинѣ паслось множество скота. Козы лазили по крутымъ скаламъ, какъ серны, и лакомились горными травами; крупныя животныя оставались внизу, и посреди рогатаго скота странно воздымались длинныя шеи верблюдовъ.

Пастухи встрѣтили путешественниковъ очень гостепріимно. Ауломъ начальствовала жена султана. Самъ князь находился съ другими стадами еще въ степи. Судя по широкому лицу султанши, она была калмыцкаго происхожденія, и ее, вѣроятно, похитили въ молодости по случаю баранты. Она съ прислугою занималась изготовленіемъ сыра. При выдѣлкѣ сыра сливаютъ вмѣстѣ коровье и овечье молоко въ кожаныя ведра, которыхъ никогда не моютъ, почему въ нихъ обра-

зуется толстая кора свернувшагося молока, вѣроятно, замѣняющаго при броженіи сычугъ. Аткинсонъ полагаетъ, что нужно много отваги, чтобы поднести носъ къ такому ведру. Не смотря на то, киргизскій сыръ довольно вкусенъ, если онъ не очень старъ. Его дѣлаютъ четыреугольными кусками, величиною въ кулакъ, и сушатъ на цыновкахъ изъ камыша.

Сыновья султана съ готовностью сообщили англичанину, гдѣ удобнѣе путешествовать по горамъ. Опытный проводникъ повелъ его прежде всего въ долину Баскана, чтобы какъ можно ближе подойти къ горнымъ ледникамъ, изъ которыхъ возникаетъ эта рѣка. Долина отличалась прекраснымъ разнообразіемъ; повсюду въ ней мрачныя ущелія смѣняются болѣе широкими привѣтливыми котловинами. Мѣстами базальтовыя скалы воздымаются до облаковъ, а на выдавшихся частяхъ растутъ на нихъ пихты и сибирскіе кедры. Гранитные гребни опускаются до пѣнистаго шумнаго Баскана, и принуждаютъ путешественника дѣлать трудные и даже опасные обходы. Въ одной изъ верхнихъ долинъ странникамъ представилось необыкновенно дикое зрѣлище. Здѣсь нѣкогда стоялъ огромный лѣсъ. Сильный порывъ вѣтра повергнулъ его къ землѣ, и стволы лежали правильными рядами одинъ возлѣ другаго, направивъ вершины къ долинѣ. Одни изъ нихъ были вырваны съ корнемъ, другіе переломаны. Лѣтнее солнце и зимняя стужа выбѣлили толстые стволы, которые лежали подобно костямъ павшаго исполина. Всадникамъ пришлось спѣшиться, и вести черезъ нихъ лошадей за поводья. Выше, въ боковой долинѣ, виднѣлся взвивающійся дымъ остановившихся киргизовъ. Они перекинули черезъ узкое мѣсто Баскана грубый мостъ. Посреди дикаго потока тутъ выдается скала, которою воспользовались для подпоры постройки. Съ обоихъ береговъ наложили на скалу нѣсколько бревенъ, покрытыхъ срубленными вѣтвями и слоемъ земли. Переходъ черезъ этотъ мостъ былъ довольно опасенъ. Три лошади про-

валились, и ихъ перетащили на берегъ лишь съ большимъ трудомъ, причемъ одинъ изъ помогавшихъ едва не погибъ.

Путешественники добрались до аула счастливаго султана Барака, который патріархально правитъ своимъ народомъ

Аулъ у подошвы базальтовыхъ скалъ.

въ прелестной котловинѣ. Его юрта стояла высоко въ сторонѣ долины. Изъ дверей юрты онъ могъ обозрѣвать всѣхъ своихъ двуногихъ и четвероногихъ подданныхъ. Отъ него узнали, что до источниковъ Баскана въ ледникахъ дойти не-

возможно. Высоко въ горахъ лежало еще много снѣга, и кромѣ того приходилось переходить во многихъ мѣстахъ черезъ рѣку, которая течетъ извилисто. Такіе переходы были тогда невозможны по полноводію. Аткинсонъ хотѣлъ самъ убѣдиться, до какой степени эти указанія вѣрны, и отправился съ нѣсколькими киргизами вверхъ по Баскану. Онъ увидѣлъ вдали снѣжныя вершины высшихъ хребтовъ, а въ долинахъ блестящія массы ледниковъ. Тутъ пѣнящаяся рѣка совершенно преграждала путь. Попытались перейти чрезъ воду обычнымъ способомъ, колонною шести всадниковъ, ѣдущихъ рядомъ. Нѣсколько человѣкъ изъ предосторожности остались на берегу. Сначала переходъ былъ незатруднителенъ, но въ серединѣ рѣки волны ударяли выше сѣделъ, и три лошади погрузились въ воду, не имѣя болѣе подъ собою дна. Къ счастью, киргизы, оставшіеся на берегу, успѣли помочь дерзкимъ смѣльчакамъ, иначе они погибли бы неминуемо. Выбравшись изъ воды, киргизы были рады, что опять находятся на сушѣ. По невозможности ѣхать дальше, пустились въ обратный путь.

Вечеромъ путешественниковъ принялъ въ своей юртѣ султанъ Баракъ, и тутъ они случайно присутствовали при забавномъ судилищѣ подъ предсѣдательствомъ хозяина. Одного киргиза обвиняли, что онъ укралъ нѣсколько лошадей и верблюдовъ. Обвинители утверждали, что они распознали краденыхъ животныхъ въ стадѣ обвиненнаго, узнали лице вора, а также его лошадь, и наконецъ прибавили, что при кражѣ на ворѣ была одежда съ желтыми, красными и зелеными полосами. Обвиненный старался доказать полную свою невинность. Онъ утверждалъ, что относительно лица очевидно ошибались, и принимали его за кого-нибудь, кто имѣетъ съ нимъ сходство. Подобіе лошадей ничего не значитъ, потому что много такихъ лошадей, какія у него. Главною уликою оставалась еще одежда. Судья спросилъ:

— А сколько на тебѣ халатовъ?

— Три! отвѣчалъ обвиненный.

— Гдѣ они?

— Они на мнѣ!

Извѣстно, что киргизскіе халаты двусторонніе и ихъ носятъ на одной или на другой сторонѣ, смотря потому, которая чище. Въ холодную погоду киргизъ носитъ на себѣ весь свой гардеробъ, и закладываетъ полы халата въ широкіе кожаные шаравары, отчего фигура сына степей становится похожею на Фальстафа.

Обвиненный вытащилъ изъ шараваръ три халата, которые судья осмотрѣлъ съ обѣихъ сторонъ. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ означенныхъ полосъ. Оттого судья полагалъ, что обвинители ошиблись, и подозрѣваемаго въ кражѣ слѣдуетъ считать невиновнымъ. При такомъ рѣшеніи обвинители заропгали, а обвиненный хотѣлъ воспользоваться удачнымъ мгновеніемъ, чтобы уйти, сѣсть на лошадь и ускакать. Но обвинители захватили его, притащили къ судьѣ, и, не обращая ни какого вниманія на присутствующихъ дамъ, сняли съ бѣглеца шаравары. Извѣстно, что рубашки у киргизовъ не употребительны. Оказалось, что уличительный халатъ дѣйствительно былъ скрытъ въ шараварахъ. При всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ, виноватаго заставили вознаградить покражу, и сверхъ того заплатить пеню скотомъ. Подобное мелкое воровство считается у кочевыхъ племенъ безчестнымъ, между тѣмъ какъ грабежъ въ обширныхъ размѣрахъ, разграбленіе цѣлаго аула и т. п., слыветъ у нихъ геройскимъ подвигомъ.

Аткинсону страшно было переѣзжатъ черезъ ветхій мостъ. Нѣсколько киргизовъ предложили провести его по другой дорогѣ, по которой проѣзжаютъ мимо горнаго озера. Окрестности послѣдняго были мрачны и пустынны. Голыя скалы, безъ всякаго слѣда растительности, опускались отвѣсно въ воду озера. Непосредственно за скалами все еще было покрыто снѣгомъ и льдомъ, самое же озеро совершенно оттаиваетъ лишь посреди лѣта. Надъ ближайшими снѣжными горами воздымались еще болѣе высокія вершины Акъ-тау. На

этой дорогѣ дѣйствительно миновали мостъ, но встрѣтили немало опасностей. Часто приходилось ѣхать по выступамъ скалъ столь узкимъ, что одна нога всадника висѣла надъ пропастью. Въ другихъ мѣстахъ ѣхали по скользкимъ склонамъ, а затѣмъ опять взбирались на крутизну. Разъ живописецъ едва не сломалъ себѣ шею. Его лошадь поскользнулась и уже висѣла надъ пропастью, но подъѣхавшій казакъ во-время подхватилъ трепещущее животное, и приподнялъ его. Всѣ благодарили Бога, когда воротились съ цѣлыми членами въ аулъ султанши, гдѣ ихъ очень ласково приняли оба молодые князя.

По словамъ киргизовъ, странствованіе по южной долинѣ еще затруднительнѣе. Даже единственный человѣкъ, хорошо знавшій тамошнюю мѣстность, сначала отказывался вести туда Аткинсона. Но пороховница пороха и нѣсколько пуль смягчили его сердце и сдѣлали сговорчивѣе. Приготовились къ путешествію во второе ущелье, и взяли съ собою припасовъ на нѣсколько дней. Къ Аткинсону присоединились оба князя, которые хотѣли сопровождать его по крайней мѣрѣ первый день. Они были красивые, здоровые, молодые люди лѣтъ двадцати, и сидѣли на коняхъ твердо, какъ бы приросшіе къ нимъ. На нихъ были халаты изъ толстой шелковой матеріи и богато-изукрашенные кожаные шаравары. Шапочки, вышитыя серебромъ, были окоймлены лисьимъ мѣхомъ.

Аткинсонъ пустился въ путь совершенно бодрый и полный ожиданій, которыя болѣе чѣмъ подтвердились. Сначала ѣхали два часа между высокими скалами съ разнообразноизорванными гребнями. На однихъ воздымались исполинскія пирамиды, а на другихъ пріостренныя башни или зубчатыя стѣны. Всѣ постройки людей казались крошечными въ сравненіи съ этими исполинскими формами. Наконецъ, ущелье до того сузилось и сдѣлалось крутымъ, что по немъ болѣе нельзя было ѣхать верхомъ. Пришлось сойти съ лошадей и лѣзть на четверенкахъ. Внезапно подошли къ краю страшной черной пропасти. Она состояла изъ сланцевыхъ скалъ,

которыя мѣстами нависли. Виднѣлось только немного кустарника и мха, а впрочемъ это мѣсто походило на входъ въ преисподнюю. Въ глубинѣ блестѣла поверхность озерка, вода котораго казалась черною, какъ чернила. Въ этомъ проходѣ нѣсколько человѣкъ легко могли защищаться противъ цѣлой арміи, а далѣе въ расщелинахъ было удобно скрываться легіону разбойниковъ. По чрезвычайно извилистому пути наши смѣльчаки пробирались вверхъ по крутой горѣ возлѣ страшной пропасти, и наконецъ достигли ея гребня. Протоптанныя дорожки, конечно, не существовали, потому что сюда киргизы никогда не заходятъ со своими стадами, но старый проводникъ искусно распознавалъ дорогу по скаламъ и выдавшимся камнямъ. Аткинсонъ не могъ не выразить своего удивленія, почему старикъ такъ хорошо знакомъ съ этою неприступною мѣстностью. Киргизъ, хотя и не охотно, сознался, что въ молодыя лѣта былъ въ шайкѣ страшнаго атамана Кинзары, которая имѣла тутъ свой притонъ. Этого атамана до того боялись, что женщины и дѣти трепетали при одномъ его имени. Онъ не только грабилъ ближайшія орды киргизовъ, но ходилъ даже до пограничныхъ русскихъ постовъ, и уводилъ скотину и людей въ свой притонъ, гдѣ поджидалъ случая продать ихъ. Никто не осмѣливался заходить въ занимаемыя имъ горы.

Путешественники шли по лабиринту скалъ, отчасти по голому камню, а отчасти по землѣ, поросшей мхомъ и коротким горнымъ дерномъ. Передъ ними открылся обширный видъ на снѣжныя вершины Акъ-тау, которыя блестѣли при вечернемъ солнцѣ точно рубины. Вблизи видны были многочисленныя долины, съ роскошною растительностью, гдѣ киргизы пасутъ лѣтомъ скотъ. Проѣхавъ нѣсколько далѣе, достигли берега пѣнящагося ручья, и продолжали странствованіе вдоль его внизъ по теченію до красиваго березоваго и осиноваго лѣска, гдѣ расположились для перваго ночлега.

Это мѣсто было прелестное и совершенно уединенное. Здѣсь не раздавались ни какіе звуки, кромѣ журчанія ру-

чья. Вблизи къ югу открывались узкія долины, закрытыя въ глубинѣ скалами, надъ которыми ясно свѣтились бѣлыя вершины Акъ-тау, а внизу все уже покрылось густымъ мракомъ и вечернимъ туманомъ. Земля уже одѣлась лѣтнею растительностью, а высоко надъ нею еще возсѣдала на престолѣ зима. Безпорядочно разбросанные обломки скалъ представляли картину дикаго разнообразія, и были покрыты ковромъ мха, символомъ жизни и смерти. Наступила ночь, и путешественники расположились вокругъ ярко-горящаго костра, представлая живописцу интересную картину. Онъ нѣсколько отошелъ, чтобы лучше разсмотрѣть группу. Красные лучи огня скользили по людямъ и окружающимъ деревьямъ. У самаго пламени сидѣли оба князя въ богатой, пестрой одеждѣ, а въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ, прислонившись къ дереву, старый разбойникъ, бесѣдуя съ бородатыми казаками. На сучьяхъ висѣло оружіе. Вся группа походила на ночную стоянку шайки разбойниковъ, стерегущихъ богатыхъ плѣнниковъ, сидящихъ у огня.

Усталые всадники безъ помѣхи проспали на сѣдельныхъ коврахъ. Подъ утро Аткинсонъ внезапно проснулся отъ ржанія коня, пасшагося совершенно подлѣ него. Онъ вскочилъ и разбудилъ товарищей. Киргизы разостлали халаты, и принялись молиться, казаки сдѣлали то же самое по своему обычаю, и послѣ этого отправились дальше къ югу, въ долину. Виды въ послѣдней были очень разнообразны. Бока состояли изъ скалъ въ 700 и 800 футовъ вышиною, съ различными разсѣлинами. Скалы украшались маленькими кедрами и уродливыми хвойными деревьями, а также цвѣтущими кустами. Въ долинѣ росла хорошая трава, и мѣстами цвѣло множество анемоновъ, такъ что казалось, будто ѣдешь по саду. Проѣхавъ верстъ семь, взобрались на вершину края долины, мимо прекрасныхъ массъ ясписа, и такимъ образомъ приблизились къ верхнему гребню Акъ-тау. Особенное вниманіе обратилъ Аткинсонъ на коническую скалу, которая казалась до половины свалившеюся. Онъ предложилъ подъѣхать къ ней, но провод-

никъ возразилъ, что это невозможно, потому что дорога туда преграждается разсѣлинами.

При дальнѣйшемъ странствованіи, опять спустились, и ѣхали мимо пропастей, обломковъ камней и скалъ различнаго состава и цвѣта. На большомъ протяженіи совсѣмъ не было растеній, а на другихъ мѣстахъ красовались роскошные кусты желто-цвѣтной альпійской розы (rhododendron chrysan-

Видъ верхняго Акъ-Тау.

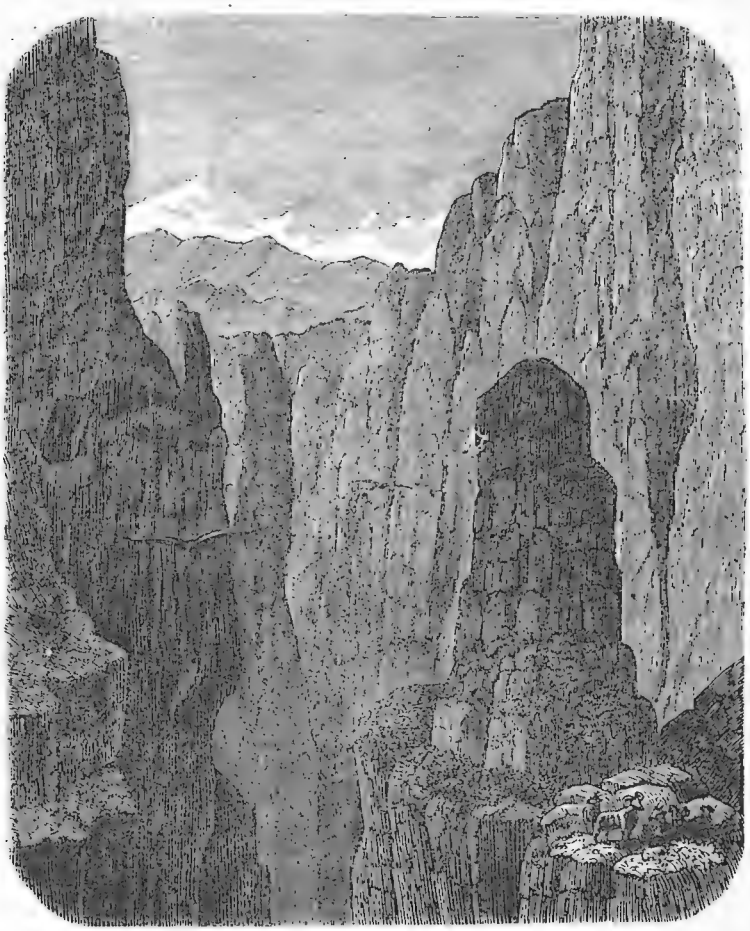
themum) и ползучіе низко-рослые кедры. Позавтракавъ у маленькаго источника, оба князя распростились съ Аткинсономъ, и уѣхали съ своими киргизами, чтобы поджидать путешественниковъ на первой стоянкѣ. Далѣе невозможно было ѣхать верхомъ, и оттого киргизы взяли лошадей съ собою. Англичанинъ съ казаками и бывшимъ разбойникомъ пошли

пѣшкомъ, и увидѣли на пути дорожки, протоптанныя медвѣдями, и слѣды тигровъ и оленей, но имъ не удалось встрѣтить ни одного звѣря. Впрочемъ, они и не имѣли времени идти по слѣдамъ, что также было дѣломъ очень труднымъ въ этой мѣстности. Пролазивъ вверхъ и внизъ, достигли крутаго горнаго склона, на который взобраться было крайне трудно. Эта гора оканчивалась вверху узкимъ гребнемъ. Отсюда открывался видъ въ пропасть, которая была глубже и круче, чѣмъ на сторонѣ, по которой взлѣзъ Аткинсонъ.

На гребнѣ воздымались, подобно башнямъ, зубцы въ 700 и 800 футовъ, и терялись въ туманной дали. Столь же глубоко они опускались въ узкое ущелье, куда проникали съ трудомъ, и гдѣ продолжали идти далѣе. По формѣ разсѣвшейся горы, должно было полагать, что она треснула при сильномъ землетрясеніи. Выступы и нависшія скалы одной стороны вполнѣ соотвѣтствовали углубленіямъ того же вида на противоположной. Пропасть суживалась и становилась болѣе дикою по мѣрѣ того, какъ въ ней шли дальше. Далѣе ущелья были усыпаны обломками камней разной величины. Обточенные ихъ края свидѣтельствовали, что они нѣкогда вертѣлись въ проточной водѣ. По бокамъ ущелья также виднѣлись слѣды дѣйствія воды на высотѣ въ 30 или 40 футовъ.

Нуженъ былъ добрый часъ, чтобы пробраться черезъ эти камни. Затѣмъ передъ путешественниками внезапно открылась обширная долина, шириною въ $1^1/_2$ версты и длиною верстъ въ 7. Тутъ находились несомнѣнные слѣды существовавшаго нѣкогда горнаго озера, вода котораго стояла до высоты въ 600 футовъ, потому что до этой высоты скалы были обточены. Какъ далеко видѣли глаза, ясно представлялись слѣды водянаго уровня, подмытаго камня и углубленій. Аткинсонъ нашелъ также голыши, а въ песчаныхъ мѣстностяхъ обломки раковинъ. Долину окружали крутыя скалы, повидимому, безъ всякаго выхода, и посреди ея протекалъ горный ручей. Проводникъ разсказалъ, что этотъ ручей впадаетъ далѣе въ пещеру, куда никто не осмѣливается войти.

потому что тамъ живетъ шайтанъ, т. е. чортъ. Вся котловина была усѣяна обломками скалъ разной величины, между которыми росла роскошная трава. Здѣсь жилъ страшный атаманъ Кинзара съ своею шайкою. Послѣ грабежа, онъ ухо-



Входъ въ разбойничью долину.

дилъ сюда и дико пировалъ. Нѣсколько стражей было достаточно для охраненія и защиты узкаго ущелья. Сверхъ того существовала лишь еще одна дорога въ степь, гдѣ можно

ѣхать на лошади. Корма для скота въ долинѣ вдоволь. Подъ нависшими скалами, на одной сторонѣ долины, атаманъ становилъ свою юрту, и оттуда могъ легко обозрѣвать всю свою область. Шайка разбойниковъ состояла иногда изъ 300 человѣкъ самой отчаянной сволочи сосѣднихъ племенъ, а также бѣглыхъ китайскихъ преступниковъ съ Или.

У бывшаго разбойника глаза блестѣли дикимъ огнемъ при разсказѣ о прежнемъ житьѣ-бытьѣ въ долинѣ. Аткинсонъ вспомнилъ, сколько тутъ пролито слезъ, сколько вырывалось вздоховъ, когда изверги дѣлили между собою живую добычу, безжалостно разлучая мужа и жену, родителей и дѣтей, которыхъ въ различныхъ мѣстахъ продавали рабами. Атаманъ строго требовалъ послушанія, и за всякую вину неминуемо наказывалъ смертью. При каждомъ походѣ, онъ былъ всегда впереди на ретивомъ конѣ, бросался съ сверкающею сѣкирою въ самую густую толпу, убивая всѣхъ вокругъ себя, и громко раздавая приказанія подчиненнымъ. Киргизы были убѣждены, что Кинзара заключилъ союзъ съ дьяволомъ, потому что всегда оставался нераненымъ.

На мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояла юрта атамана, путешественники остановились для ночлега. Ужинъ былъ крайне простъ, потому что состоялъ изъ чая и сыра. Душный дневной жаръ смѣнился теперь грозою на противоположной сторонѣ. Яркія молніи освѣщали мрачныя скалы, а за ними слѣдовали раскаты грома, точно пушечные выстрѣлы. Молніи учащались, а раскаты грома сливались съ отголосками въ горахъ непрерывнымъ гуломъ. Когда гроза нѣсколько притихла, въ огонь накидали достаточное количество дровъ, и растянулись спать на голой землѣ. Ружья тщательно осмотрѣли и положили возлѣ себя. Такія мѣры предосторожности были необходимы, потому что близъ мѣста ночлега видѣли голову большаго оленя, съѣденнаго, повидимому, не далѣе какъ за два дня. По слѣдамъ въ пескѣ убѣдились, что тутъ рыскаетъ большой тигръ.

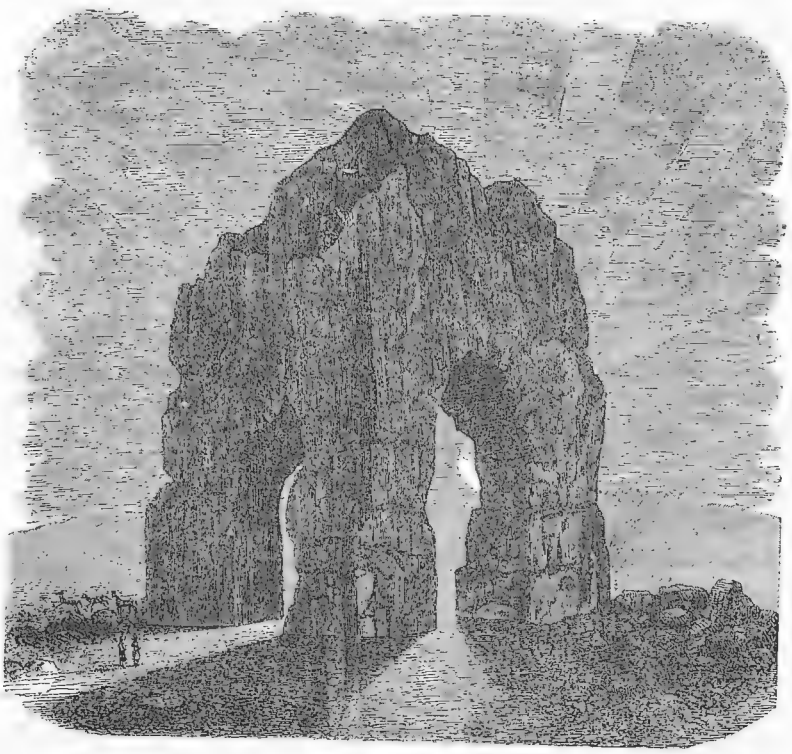
Недолго за полночь спавшіе пробудились отъ страшнаго треска. Въ первое мгновеніе они думали, что надъ нами обрушились скалы. Ночь была совершенно темная. Но вотъ, посреди черной мглы, блеснула яркая молнія и освѣтила на мгновеніе тяжелыя тучи, налегшія на долину, какъ сонмъ мрачныхъ демоновъ. Разразилась страшная гроза; одна молнія слѣдовала за другою, и ударъ смѣнялся ударомъ. Сверглись потоки воды и огня. Такая непогода бушевала часа два сряду; о снѣ, конечно, нечего было и думать. Приготовили кипятокъ для чаю, и при первомъ мерцаніи утренней зари на очистившемся небѣ, принялись завтракать и осматриваться.

Между различными скалами долины, одна отличалась особенно оригинальнымъ видомъ. Она походила на ворота, опирающіяся на трехъ столбахъ. Каждая сторона воротъ имѣла около ста футовъ ширины, а вершина свода воздымалась футовъ на 500 надъ долиною. Вода промыла въ этой скалѣ правильныя отверзтія.

Для бывшаго разбойника долина была священною землею; онъ неутомимо сообщалъ спутникамъ различныя подробности о событіяхъ, которыя припоминалъ при видѣ извѣстныхъ мѣстностей, и показалъ на слѣды угля тамъ, гдѣ нѣкогда жилъ самъ.

Къ мѣсту, гдѣ поджидали путешественниковъ оба молодые князя, отправились другою дорогою, и на пути посѣтили пещеру, куда ввергается упомянутый ручей. По описанію Аткинсона, горы Акъ-тау и Ала-тау богаты узкими, глубокими разсѣлинами, которыя, по мнѣнію живописца, возникли при землетрясеніи. Проводникъ повелъ англичанина по узкому, чрезвычайно дикому ущелью, гдѣ путь преграждали мѣстами свергнувшіеся камни. Приходилось пробираться, или черезъ нихъ, или подъ ними. Наконецъ дошли до черной скалистой стѣны, въ глубинѣ которой находился входъ въ страшную Чортову Пещеру. Влажныя стѣны были покрыты желтоватыми лишаями и мхами, и вполнѣ соотвѣт-

ствовали дикой мрачности этого мѣста. Англичанинъ вошелъ съ казаками въ пещеру; старый же разбойникъ до того боялся шайтана, что не рѣшился сдѣлать и одинъ шагъ въ страшное мѣсто, которое, по его мнѣнію, было не что иное, какъ входъ въ адъ. Уже недалеко отъ входа, въ пещерѣ было столь темно, что вошедшіе не могли различить, какъ высокъ



Природныя ворота въ разбойничьей долинѣ.

ея сводъ. Гулъ воды оглушалъ ихъ, и они почти не слышали, что кричали другъ другу въ ухо. Значительный ручей, раздробившись въ пѣну, низвергается въ черную пропасть, и пещера наполнена водяными парами. Повсюду текутъ капли воды, которыя дѣлаютъ землю скользкою.

Сдѣлавъ шайтану визитъ въ передней къ преисподней, путешественники воротились къ проводнику, который со страхомъ ожидалъ, чѣмъ кончится дерзкая отвага. Вдоль берега другаго ручья пошли далѣе, въ ущелье, образовавшееся въ доломитѣ. Множество скалъ нависли по обѣимъ сторонамъ такъ грозно, что, казалось, онѣ готовы обрушиться. Эта боязнь была, впрочемъ, не совсѣмъ безосновательна, въ чемъ убѣждали многочисленные обломки скалъ въ глубинѣ разсѣлины, по которой теперь приходилось лѣзть съ большимъ трудомъ. Въ одномъ мѣстѣ открывалась большая трещина. Здѣсь шумѣлъ водопадъ, который, судя по силѣ гула, находился вблизи. Аткинсонъ рѣшился войти въ эту разсѣлину съ однимъ изъ спутниковъ. Сначала трещина была довольно широка и удобна, но далѣе высокія скалы сближались, и наконецъ совершенно сошлись, закрывая небо. Путешественники прошли еще 500 шаговъ въ темнотѣ ощупью. Отъ однѣхъ волнъ, по временамъ, отражался мерцающій лучъ свѣта, какъ таинственная иллюминація посреди подземнаго мрака. Наконецъ, опять вышли на свѣтъ. Оба путешественника глубоко вздохнули: имъ казалось, что они выступили изъ царства смерти въ рай. Ущелье тутъ расширилось. На скалистыхъ склонахъ, вышиною въ тысячи футовъ, висѣли кусты въ листьяхъ, украшенные цвѣтками и облитые золотистымъ солнечнымъ свѣтомъ. Самое же великолѣпное зрѣлище представлялъ водопадъ, противъ котораго стояли странники. Вода свергалась съ высоты около 300 футовъ, вполовину разбившись въ пѣну, и достигала водосма, гдѣ влага клокотала, какъ на огнѣ. Посреди этого величественнаго водопада воздымалась скала около 70 футовъ вышиною. Струя воды падала сверху прямо на вершину этой скалы и разбивалась на тысячи мелкихъ струй, правильно раскидывавшихся въ видѣ дугъ, образующихъ хрустальный вѣнецъ на главѣ каменнаго горнаго царя. Другія струи охватывали полупрозрачною одеждою плечи и бока исполина, и безчисленныя водяныя полосы съ плескомъ сливались на-

право и налѣво колоннами. Другія же струи разбивались, и вѣтеръ навѣвалъ отъ нихъ капли влаги на зрителей.

Насмотрѣвшись на это чудное зрѣлище, Аткинсонъ поспѣшилъ воротиться къ отставшимъ спутникамъ. Идти было еще далеко, потому что въ этотъ день приходилось странствовать долѣе вчерашняго. Нѣсколько часовъ шли у буйнаго ручья, то по правому, то по лѣвому берегу, смотря по изгибамъ ложа. Въ заключеніе, странники достигли мѣста, гдѣ высокія стѣны ущелья сблизились до того, что ручей пробивался насильно сквозь узкую трещину. Онъ свергался шумно и пѣнясь между скалами, и человѣку по немъ нельзя было пройти. Боковыя стѣны, вышиною до 1,500 футовъ, казалось, также были неприступны. Но проводникъ указалъ на выступъ, по которому имъ слѣдовало идти. Въ первое время англичанинъ не постигалъ, какимъ образомъ они доберутся до этого выступа. Достигнувъ подошвы скалистой стѣны, онъ увидѣлъ, что стѣны образовали разсѣлины, направлявшіяся кверху. Путешественники влѣзли въ одну изъ трещинъ. Для этого конечно нужно было имѣть крѣпкую голову неподверженную головокруженію, хорошую грудь и здоровыя руки и ноги. Ружья и прочія вещи сложили на спину, чтобы свободнѣе дѣйствовать руками, и нѣсколько отдохнули, для подкрѣпленія силъ. Затѣмъ Аткинсонъ скомандовалъ: «Идемъ!» и приступилъ къ крайне опаснымъ гимнастическимъ упражненіямъ. Съ товарищами онъ карабкался въ разсѣлинѣ, какъ трубочистъ, цѣпляясь за камни и кустарникъ. Когда пролазили нѣсколько времени такимъ образомъ, Аткинсонъ убѣдился, что его проводникъ дѣйствительно указалъ вѣрную дорогу, потому что мѣстами были вбиты въ трещины куски дерева, доставлявшіе болѣе надежную точку опоры для рукъ и ногъ. На высотѣ около 500 футовъ достигли выступа скалы, поросшаго травою, и сѣли тутъ поотдохнуть. Глубоко внизу была видна черная пропасть, наполненная пѣною шумящей воды, а сзади находилась скала еще вдвое выше. Долго отдыхать не могли; слѣ-

довало лѣзть дальше по такой же разсѣлинѣ. Черезъ нѣсколько времени проводникъ остановился передъ скалою, совершенно преграждавшею путь. Далѣе лѣзть не могли. Старикъ съ минуту внимательно осматривался, затѣмъ спу-

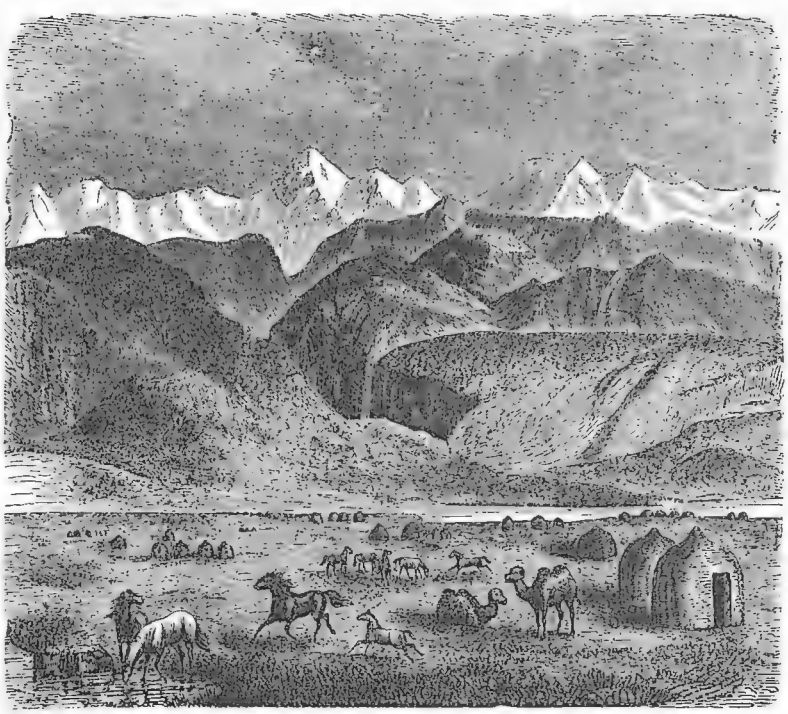
Чортова пещера.

стился назадъ футовъ на пятьдесятъ, а за нимъ и его спутники. Тутъ онъ нашелъ вѣрную разсѣлину, не замѣченную передъ тѣмъ. Опять руками и ногами поднялись постепенно еще на 500 футовъ, и, совершенно запыхавшись и истомив-

шись, достигли до втораго выступа скалы вышиною шаговъ въ 20, поросшаго травою. Тутъ неожиданно застигли стадо горныхъ барановъ или аргали, которые немедленно убѣжали, такъ что охотники не имѣли времени и приложиться винтовкою. Черезъ нѣсколько времени быстроногія животныя явились выше, на другомъ выступѣ, нѣсколько минутъ смотрѣли на своихъ соперниковъ въ искусствѣ лазанья, а затѣмъ убѣжали, потому что дѣло имъ казалось, вѣроятно, не совсѣмъ добрымъ. По выступу странники дошли до вершины скалы, откуда открылся обширный видъ. На одной сторонѣ разверзалась пропасть, въ глубинѣ которой струился горный ручей, въ видѣ бѣлой полосы, и шумъ его слышался на высотѣ лишь какъ журчанье. Самая разсѣлина вверху была до того узка, что могли докинуть камнемъ до противоположной стѣны. Отвѣсные бока пропасти мѣстами нависли такъ, что камень, брошенный съ одной скалы, ударялся въ середину другой. На сѣверѣ воздымались снѣжныя вершины Акъ-тау еще нѣсколько тысячъ футовъ выше, а на югѣ, на горизонтѣ, разстилалась широкая степь, озаряемая заходящимъ солнцемъ. По близости были разбросаны въ дикомъ безпорядкѣ обломки скалъ разной величины и формы. Мѣстами вовсе не прозябали растенія, а мѣстами горныя травы покрывали камни. Пришлось перейти еще черезъ нѣсколько низкихъ горныхъ цѣпей, чтобы добраться до первоначальнаго мѣста отдыха, гдѣ оба князя уже ожидали путешественниковъ у ярко горящаго костра.

На обратномъ пути до ауловъ, въ степи не встрѣчалось ни какихъ опасностей, и путешественники благополучно дошли до юртъ князя, гдѣ находились другіе спутники, мистрисъ Аткинсонъ съ маленькимъ Тамчимбулакомъ и казакомъ. Послѣднему, во время отсутствія Аткинсона, посчастливилось на охотѣ. Онъ убилъ мараля. Для проголодавшихся путешественниковъ по горамъ, жареная оленина была особымъ лакомствомъ, потому что при утомительныхъ переходахъ они нѣсколько дней довольствовались только чаемъ и

кофеемъ. Киргизы, съ которыми путешествовалъ Аткинсонъ, уже привыкли къ подобнымъ перемѣнамъ голода и пресыщенія. Они въ состояніи даже вынести безъ пищи два и три дня, но затѣмъ у нихъ развивается такой голодъ, что, говорятъ, будто одинъ человѣкъ пожираетъ заразъ цѣлаго барана. Одинъ киргизъ предложилъ убѣдить Аткинсона въ



Видъ Ала-Тау со степи.

истинѣ этихъ разсказовъ личнымъ опытомъ, съ тѣмъ, чтобы путешественникъ заплатилъ за барана. Но Аткинсонъ отказался отъ опыта, потому что и безъ того зналъ, какіе виртуозы въ ѣдѣ жители степей.

За общимъ обѣдомъ, князья осчастливливали своихъ любимцевъ поцѣлуемъ любви, т. е. кусками мяса, которые они собственноручно засовывали имъ въ ротъ. Чѣмъ больше же-

лаютъ оказать чести, тѣмъ крупнѣе предлагаютъ кусокъ, который иногда имѣетъ такіе размѣры, что всякій не-киргизъ непремѣнно подавится имъ. Кормимый держитъ между тѣмъ руки за спиною. Коснуться даннаго куска, а еще болѣе дать ему упасть, считается великимъ оскорбленіемъ.

Въ горы опять послали людей убѣдиться въ проходимости переходовъ. Аткинсонъ между тѣмъ дѣлалъ киргизамъ визиты. Онъ предпочиталъ разъѣзды по степи плѣну въ киргизской юртѣ. Пребываніе въ юртѣ имѣетъ поэзію лишь въ описаніяхъ, а не на самомъ дѣлѣ, особенно ночью. Когда вечеромъ дымовое отверзтіе закрываютъ, въ юртѣ развивается воздухъ, который можно рѣзать ножемъ, какъ шотландскій туманъ. Нѣсколько ребятъ, завернутыхъ въ овечьи шубы, спятъ вмѣстѣ съ козлятами и ягнятами. Запахъ сыра, грязныя молочныя ведра и, наконецъ, исполинскіе мѣшки съ бродящимъ кумысомъ издаютъ такое обиліе благоуханія, что у вошедшаго въ первое мгновеніе спирается дыханіе. Киргизскія дамы, не смотря на живописную, богатую и яркоцвѣтную одежду, вблизи для европейца не очень привлекательны, потому что ни одна капля воды не касается ихъ кожи, если надъ ними не сжалится когда-нибудь проливной дождь.

Не смотря на дурныя стороны жизни посреди полудикихъ пастуховъ, степь представляла много интереснаго и поэтическаго. Большіе курганы у подножія горъ свидѣтельствовали о давно погибшихъ витязяхъ. Между ними были разсѣяны безчисленныя мелкія могилы, образуя обширный городъ мертвыхъ. Особенно страннымъ казалось зрѣлище, когда заходящее солнце освѣщало послѣдними лучами широкую степь съ гробницами, аулами и стадами. До послѣдняго отблеска сумерекъ небо и земля красовались великолѣпными оттѣнками. Затѣмъ наступала смертная тишина, и при тускломъ свѣтѣ серпа луны, возбужденное воображеніе воскрешало погибшія поколѣнія, которыя повѣщали о дѣяніяхъ минувшаго времени. Когда живописецъ приблизился къ аулу султана, возводившаго родословную до Чингисъ-Хана или

Тимуръ-Тамерлана, туманныя картины мечтаній приняли опредѣленную форму. Старый султанъ, весь въ рубцахъ, покоился на башкирскомъ коврѣ посреди приближенныхъ бородачей исполинскаго тѣлосложенія. Баянъ орды, пастухъ-поэтъ, сидѣлъ на колѣняхъ и наигрывалъ на балалайкѣ странные, дикіе аккороды. Онъ воспѣвалъ счастье кочеваго племени, исчислялъ его стада, восхвалялъ силу сыновъ, миловидность и прелесть женщинъ, драгоцѣнность одежды, свѣжесть горныхъ водъ и красоту степей. Слушатели внимали ему безмолвно, и ни одинъ звукъ не прерывалъ новаго Гомера. Аккорды становились болѣе дикими. Пѣвецъ прославлялъ зимніе набѣги, ночную поѣздку къ бою, ярость сраженія, крики бойцовъ и счастливое нападеніе, которое окончилось гибелью враговъ. У старыхъ воиновъ пробуждались воспоминанія, глаза у нихъ сверкали, черты лица оживлялись по мѣрѣ развитія баллады, они болѣе не могутъ удержаться, у нихъ въ рукахъ блещутъ боевыя сѣкиры, и посреди ночнаго безмолвія раздаются воинственные крики, которымъ вторятъ волки въ надеждѣ на поживу трупами.

Дѣянія предковъ и современниковъ сохраняются въ пѣсняхъ киргизовъ. У старика грудь подымается выше при воспоминаніи о счастливыхъ походахъ въ прежнія времена. Мальчикъ въ сторонѣ съ блестящими глазами вслушивается въ описаніе подвиговъ, и ему кажется, что величайшая честь въ мірѣ заключается въ исполненіи такихъ же дѣяній. Киргизъ, подобно своимъ предкамъ, понынѣ упражняется въ употребленіи боевой сѣкиры и копья, и бывшій разбойникъ, сопутствовавшій Аткинсону, показалъ, какъ онъ еще ловокъ въ употребленіи оружія и ѣздѣ на конѣ, чѣмъ изумилъ даже казаковъ, мастеровъ этого дѣла. Киргизы, безъ всякаго сомнѣнія, доставили бы Россіи лучшее иррегулярное войско въ мірѣ.

Странствуя нѣсколько лѣтъ по степямъ, Аткинсонъ убѣдился достаточно въ превосходствѣ киргизскихъ лошадей. Однажды онъ присутствовалъ при торжественной скачкѣ, ко-

торая, конечно, во многихъ отношеніяхъ не походитъ на европейскую. На прославленныхъ скачкахъ Англіи требуютъ, чтобы лошади бѣжали быстро на довольно маломъ пространствѣ. Киргизы же требуютъ не только быстроты, но и неутомимости лошадей. Цѣлью скачки установили въ степи юрту съ флагомъ въ разстояніи 25 верстъ отъ исходной точки бѣга. На извѣстныхъ промежуткахъ стояли всадники съ флагами для означенія пути. Къ скачкѣ явились 40 всадниковъ. Они всѣ размѣстились въ рядъ, и, по данному знаку, поскакали по степи. За ними понеслись верхомъ многіе зрители, чтобы слѣдить за ходомъ скачки. Сначала вся линія держалась цѣльнымъ рядомъ и ѣхала умѣренно скоро, но, по мѣрѣ приближенія къ юртѣ, всадники стали спѣшить. Юрту надобно было объѣхать и затѣмъ воротиться на прежнее мѣсто. Черезъ полтора часа къ этому мѣсту во весь опоръ неслись около 20 всадниковъ въ пестрой одеждѣ, на фыркающихъ коняхъ, представляя чрезвычайно живописное зрѣлище. Они подъѣзжали къ юртѣ, гдѣ стоялъ, у двухъ копій, воткнутыхъ въ землю, султанъ, который рѣшалъ побѣду. Кликами и криками каждый старался заставить свою лошадь спѣшить. Нѣсколько шаговъ отъ копій на одной линіи держались еще 8 соперниковъ, и никто не могъ предвидѣть, кто останется побѣдителемъ. Но вотъ трое выдвинулись на длину полуголовы впередъ, именно въ то мгновеніе, какъ всадники проносились между копьями, и, при всеобщихъ кликахъ, провозгласили ихъ побѣду. Они проскакали 50 верстъ въ часъ и сорокъ минутъ.

Люди, посланные въ горы, воротились и сообщили, что переходы уже не покрыты снѣгомъ, и потому по нимъ можно ходить. Одинъ киргизъ верхомъ развозилъ эту вѣсть по всѣмъ ауламъ, такъ что на слѣдующее утро всѣ тронулись въ горы. Едва занялся день, какъ въ степи всѣ ожили. Мужчины приводили въ порядокъ стада, женщины и дѣти убирали юрты, и укладывали домашнюю утварь и прочее имущество. Въ теченіе трехъ часовъ успѣли устроить все,

и англичане имѣли передъ собою живую картину исхода евреевъ. Мужчины скакали на лошадяхъ, а женщины провожали вьючныхъ животныхъ. Тутъ шли мѣрнымъ шагомъ верблюды съ ивовыми жердями юртъ. Онѣ висѣли по бокамъ животнаго большими вязанками точно крылья, почему верблюды походили на исполинскихъ птицъ новаго рода. У многихъ животныхъ природный горбъ былъ увеличенъ навьюченными тюками войлока, вышиною съ самого верблюда. Верхъ увѣнчивался вершиною юрты. Ящики и сундуки, ковры и кухонная утварь, запасы проса, муки, чая и прочія принадлежности киргизскаго хозяйства лежали на верблюдахъ и на волахъ. На одномъ сильномъ быкѣ былъ навьюченъ большой чугунный котелъ. Животное споткнулось, и котелъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ животному черезъ голову и чувствительно ударилъ его по мордѣ. Быкъ оттого испугался и взбѣсился. Фыркая онъ перескочилъ черезъ черное чудовище, и съ поднятымъ хвостомъ большими скачками побѣжалъ по степи, грозя приближающемуся всаднику огромными рогами. Никто не осмѣливался остановить его и заставить исполнять возложенную на него обязанность. Животное исчезло въ стадѣ своихъ товарищей, и другой, болѣе покорный быкъ долженъ былъ замѣнить бѣглеца. Женщины и дѣвушки ѣхали на кобылахъ или на коровахъ. Женщинъ легко было узнать по высокимъ бѣлымъ шапкамъ изъ бумажной ткани съ крыльями, опускающимися на плечи. Всѣ носили кожаные шаравары. Волосы дѣвушекъ сплетены многочисленными косами, которыя висятъ, а на головѣ надѣта цвѣтная шелковая шапочка съ лисьимъ мѣхомъ. Подросшіе мальчики и дѣвушки ѣхали верхомъ на молодыхъ коровахъ, и правили ремнями, которые продѣты сквозь носовой хрящъ. Малыя дѣти сидѣли засунувъ ноги въ войлочные сапоги, привязанные къ сѣдлу, наконецъ младенцевъ уложили въ мѣшки, висѣвшіе по обоимъ бокамъ верблюда.

Степь была покрыта живыми существами на всемъ обозрѣваемомъ пространствѣ; вся эта масса медленно направлялась

къ горному переходу, а на горизонтѣ появлялись все новыя толпы другихъ ауловъ. Склоны горнаго перехода сначала до того круты, что на нихъ не могутъ взобраться ни животныя, ни люди, и потому отправились далѣе, вдоль подставы по ущелью, вышиною въ 900 футовъ.

Проходъ суживается до 300 футовъ, и животныя должны тамъ идти тѣснѣе. Аткинсонъ и его спутники попали промежъ животныхъ. Выбраться изъ нихъ и ѣхать впередъ или назадъ не было никакой возможности. За ними фыркалъ табунъ дикихъ лошадей, которыя кусались, не имѣя мѣста лягаться. Было довольно дѣла, чтобы ударами кнута удержать животныхъ на почтительномъ разстояніи. Если бы лошади и всадникъ здѣсь упали, они погибли бы неминуемо подъ копытами стада. Лошадей тѣснили длиннорогіе быки, противъ которыхъ было безполезно и лягапье и кусанье, почему конямъ оставалось только идти впередъ. Дикое ржаніе жеребцовъ заглушалось мычаніемъ быковъ, крикомъ верблюдовъ и блеяніемъ безчисленныхъ овецъ и козъ. Этому ужасному концерту вторилъ еще и отголосокъ въ горахъ, такъ что голоса пастуховъ совсѣмъ не было слышно.

Еще выше переходъ сдѣлался круче и опаснѣе, потому что тутъ лежало множество обломковъ скалъ. Животнымъ приходилось перелѣзать на этомъ мѣстѣ, гдѣ киргизы ежегодно теряютъ нѣсколько головъ скота, который сваливается и погибаетъ. Ни какому киргизу не вспадаетъ на мысль сдвинуть камни, загораживающіе путь. Путешественники четыре часа медленно ѣхали посреди лошадей и быковъ до мѣста, гдѣ долина нѣсколько расширяется. Отсюда дорога уклоняется въ сторону, и идетъ круто черезъ гору. Одинъ киргизъ повелъ путешественниковъ по боковой дорогѣ, чтобы скорѣе перейти черезъ гору до долины, гдѣ намѣревались устроить аулы. Эта дорога была до того узка, что по ней могъ идти только одинъ человѣкъ, и мѣстами она проходила подъ нависшими скалами. Всадники спѣшились и повели лошадей за собою. Такимъ образомъ взбирались въ гору около

Прохожденіе киргизовъ по ущелью.

часа, когда погода стала измѣняться. Со снѣжныхъ горъ Алатау неслись густыя облака, и стало темно. Задулъ вѣтеръ и пошелъ дождь. На небольшой равнинѣ увидѣли юрту съ киргизами, и влѣзли въ нее, чтобы нѣсколько защититься отъ непогоды. По множеству людей, пребываніе въ тѣсной юртѣ сдѣлалось крайне тягостнымъ. Когда дождь нѣсколько уменьшился, и въ одномъ мѣстѣ небо даже прочистилось, такъ что завидѣли вдали снѣжныя горы, Аткинсонъ рѣшился продолжать странствованіе, чтобы поскорѣе добраться до долины. Путешественники однако уѣхали недалеко, когда непогода разразилась сильнѣе прежняго. Задулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, такъ что у всадниковъ застучали зубы; къ дождю присоединился градъ, а облака до того сдѣлались густы, что передъ собою нельзя было видѣть далѣе нѣсколькихъ шаговъ. Всадникамъ пришлось сойти съ лошадей, и Аткинсонъ старался опредѣлить посредствомъ компаса направленіе, которому слѣдовалъ проводникъ, руководствуясь извѣстными горными вершинами. Нѣсколько часовъ путешественники, мокрые и продрогшіе, почти ощупью двигались впередъ. Приближался вечеръ, и странники ужасались мысли, что, можетъ быть, имъ придется провести ночь подъ открытымъ небомъ на горномъ хребтѣ и въ такую погоду. Къ величайшей радости, они заслышали на правой сторонѣ лай, и вскорѣ подъѣхали къ юртамъ, поставленнымъ подъ защитою нѣсколькихъ скалъ. Тутъ была небольшая толпа киргизовъ, которые также пошли по болѣе краткому пути, и остановились, чтобы защититься отъ непогоды. Они полагали, что днемъ, при ясномъ небѣ, можно въ два часа достигнуть долины, но въ такую погоду идти дальше опасно и для людей, и для животныхъ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ остановились киргизы, они лишились верблюда, который подошелъ слишкомъ близко къ краю пропасти и свалился въ нее.

Аткинсонъ благодарилъ Бога, что гостепріимные пастухи уступили ему на ночь юрту, и размышлялъ о благодѣяніи, которое могутъ доставить нѣсколько жердей и кусковъ вой-

лока, когда бушуетъ посреди ночи холодный, бурный вѣтеръ съ дождемъ и градомъ. Въ послѣднюю половину ночи вѣтеръ нѣсколько унялся, а утромъ небо отчасти разъяснилось и облака висѣли еще лишь на самыхъ отдаленныхъ высокихъ горныхъ цѣпяхъ. Аткинсонъ осмотрѣлъ окрестности и при солнечномъ свѣтѣ сталъ вглядываться въ путь, пройденный вчера вечеромъ посреди густыхъ тучъ. Онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что лошади прошли по скользкой дорогѣ, которая на довольно большомъ протяженіи тянулась у самаго края пропасти. Онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ свалился верблюдъ, посмотрѣлъ внизъ и увидѣлъ, какъ въ неприступной разсѣлинѣ четыре волка раздирали разбившееся животное.

Дорога подъ гору, по которой теперь пошли киргизы, была видна совершенно ясно, и не представляла ни какихъ особенностей. Гораздо болѣе удовольствія обѣщало странствованіе далѣе вверхъ. Съ нѣсколькими киргизами и казаками онъ хотѣлъ перейти выше. Когда же пастухи стали говорить, что это предпріятіе трудное, и на пути есть большой водопадъ, охота къ попыткѣ у живописца увеличилась, а не уменьшилась. Онъ пошелъ прямо къ водопаду. На дорогѣ онъ встрѣтилъ стада горныхъ барановъ, и подстрѣлилъ одного изъ нихъ. Пролазивъ нѣсколько часовъ, путешественники достигли водопада, шумъ котораго давно уже служилъ имъ руководителемъ. Аткинсонъ увидѣлъ одно изъ величественнѣйшихъ зрѣлищъ подобнаго рода, какое ему случалось встрѣчать въ жизни. Значительная масса воды свергалась широкимъ потокомъ черезъ край пропасти въ видѣ огромнаго серебристаго ковра, свѣсившагося съ высоты въ 600 футовъ. Пѣнясь, раздробленныя воды протѣснялись на нѣкоторомъ пространствѣ между скалами, и затѣмъ опять свергались водопадомъ въ 350 футовъ вышиною, а еще далѣе сливались черезъ третью ступень такой же высоты, устремлялись послѣ этого, въ видѣ пѣнистаго потока, въ узкую черную пропасть. Тутъ, разумѣется, нельзя было переѣхать, и оттого отправились повыше верхняго водопада, гдѣ рѣшились испытать пере-

ходъ на менѣе стремительномъ мѣстѣ. Всѣ 8 всадниковъ соединились въ одинъ рядъ, и каждый держалъ поводъ лошади сосѣда. Такимъ образомъ ѣхали медленно въ холодномъ дикомъ потокѣ. Въ серединѣ одна изъ лошадей поскользнулась и упала. Всадникъ уцѣпился за сосѣдей, между тѣмъ какъ лошадь поправилась и встала. Нѣсколько шаговъ дальше, то же самое случилось съ другимъ конемъ, а затѣмъ и съ третьимъ. Всѣ совершенно промокли и благодарили судьбу, что переходъ окончился благополучно. Если бы рядъ лошадей на пути разорвался, то всадники имѣли бы въ виду проплыть къ водопаду, и тогда ни одинъ изъ нихъ не остался бы въ живыхъ, и, можетъ быть, никогда не нашлись бы даже и слѣды ихъ. Вечеромъ путешественники расположились въ маленькой защищенной долинѣ. У двухъ костровъ, пламя которыхъ сильно поддерживалось сучьями кедра и можжевельника, высушили одежду и изжарили на немъ застрѣленнаго барана. Лошади имѣли довольно корма, а горы нѣсколько защищали отъ свѣжаго ночнаго вѣтра. Такимъ образомъ общество достаточно подкрѣпилось для продолженія странствованія. Безпрерывно лазая внизъ, наконецъ добрались до болѣе удобнаго пути, по которому прошли стада. На дорогѣ Аткинсонъ во многихъ мѣстахъ видѣлъ прекрасные интересные камни, порфиръ и яшму, а также скалы съ рѣзко обозначенными слоями, которые внизу темно-фіолетовосѣры, затѣмъ яркокрасны, а вверху зелены. Вѣроятно, эти камни доставятъ превосходный матеріалъ для произведеній искусства, когда со временемъ горы откроются для просвѣщенія.

Путешественники благополучно прибыли въ область пастбищъ киргизовъ, которая лежитъ приблизительно на 7,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Тутъ они узнали, что вчерашняя непогода нанесла вредъ и стадамъ. Въ одномъ мѣстѣ свалились нѣсколько верблюдовъ и были ранены, а въ другомъ погибли лошади. Нѣсколько пастуховъ отправились отыскивать ихъ, чтобы по крайней мѣрѣ воспользоваться мясомъ.

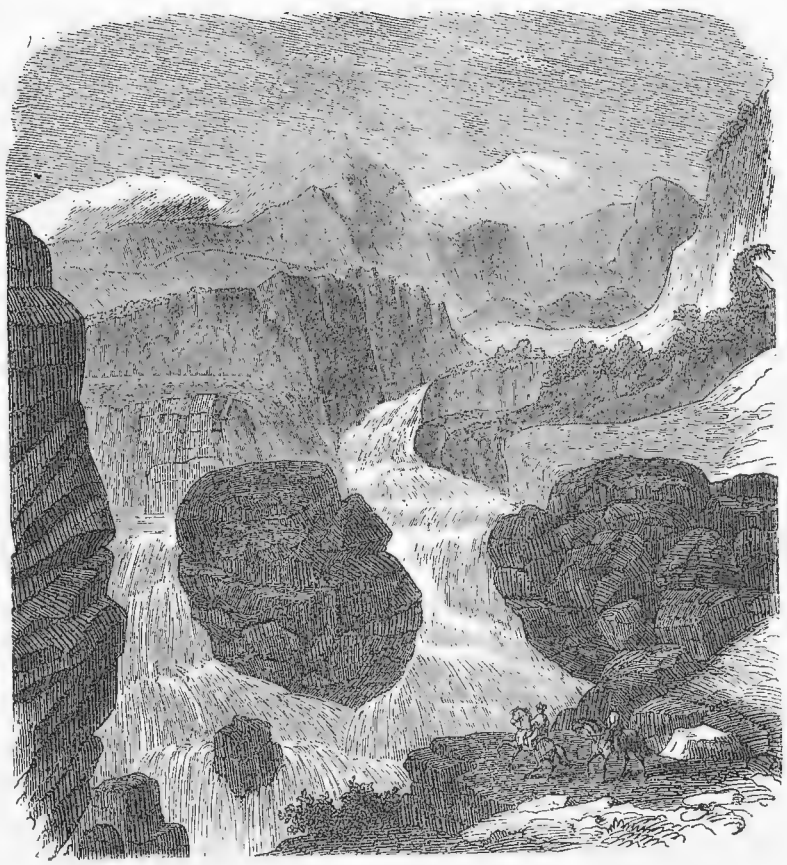
Водопадъ въ горахъ Акъ-Тау.

На этомъ высочайшемъ пастбищѣ киргизы остаются четыре или пять недѣль, а затѣмъ постепенно перемѣщаются все ниже. Къ сентябрю опять находятся у подошвы горъ, и отправляются для зимованія къ берегу Балкаша.

Киргизовъ чрезвычайно интересовалъ маленькій Тамчимбулакъ, сынъ Аткинсона. Одинъ изъ султановъ весьма серіозно утверждалъ, что мальчикъ его подданный, потому что родился въ ордѣ и прокармливался молокомъ и мясомъ орды, которая стала оттого отечествомъ ребенка. Слѣдовательно маленькій Тамчимбулакъ имѣлъ передъ собою прекрасную перспективу сдѣлаться киргизскимъ княземъ и предводительствовать толпами всадниковъ при набѣгахъ. Подарки для ребенка сыпались со всѣхъ сторонъ. Ему посылали шелковую матерію на платье и бараньи четверти для обѣдовъ. Когда ребенку было только два мѣсяца, мать принуждена была, за неимѣніемъ лучшаго, давать мальчику кусочки мяса. Свѣжій хлѣбъ онъ получалъ ежедневно, потому что въ долинѣ воды для печенья было вдоволь. Сама мистрисъ Аткинсонъ, столь любившая холодную воду, купалась въ растаявшемъ льдѣ.

При всѣхъ неудобствахъ и трудностяхъ жизни посреди кочующихъ киргизовъ, все-таки бывали иногда интересные и забавные часы. Одинъ старый киргизъ чрезвычайно любилъ давать менѣе чѣмъ годовому англичанину наставленія въ верховой ѣздѣ, сажая его на овцу. Вообще семейство Аткинсона было для сыновъ степи большимъ чудомъ, которому они приходили дивиться.

Въ одну жестокую грозу олененокъ забѣжалъ до самыхъ юртъ, и одинъ казакъ изловилъ его для маленькаго Тамчимбулака. Мистрисъ Аткинсонъ украсила животное синимъ шелковымъ ошейникомъ. Когда же она заслышала въ горахъ призывные крики матки олененка, ей стало жаль животнаго, и она отпустила его. Долго олененокъ съ синимъ ошейникомъ считался у киргизовъ необыкновеннымъ чудомъ: они полагали что животное явилось на свѣтъ уже съ лентою.



Дождевой потокъ въ горахъ Мусъ-Тау.

XII.

Отъ Иси-Куля до Ала-Куля.

Трудности странствованія по горамъ и степямъ. — Джесиль-куль. — Киргизскія женщины. — Сговоръ султана Зука съ Ай-Ханомъ и бѣгство ихъ. — Поѣздка Аткинсона къ китайской границѣ. — Новѣйшія событія и настоящее положеніе дѣлъ на берегахъ Иси-куля и Или. — Вѣрное. — Поѣздка Семенова въ Кульджу. — Алатаускій округъ.

Пользуясь лѣтнимъ временемъ, Аткинсонъ направился вдоль горнаго хребта далѣе къ берегамъ Ала-Куля, намѣреваясь въ заключеніе посѣтить еще тарбагатайскія горы

и потомъ возвратиться въ Аягузъ. Во время этой поѣздки, съ нимъ и съ его семействомъ было много разныхъ приключеній, серіозныхъ и ничтожныхъ, причемъ ему пришлось вытерпѣть много непріятностей во время странствованія по степи и въ горахъ. Непроходимость горныхъ дорогъ часто вынуждала путешественниковъ спускаться въ степи. Точно какія-нибудь отвѣсныя стѣны возвышались эти горы надъ окружающею равниною, представляя глубокія разсѣлины, черезъ которыя съ шумомъ и пѣною вырываются быстрые потоки, изливающіеся въ озеро Балкашъ, или теряющіеся въ пескѣ и сосѣднихъ болотахъ. Поднявшись вверхъ по долинѣ, сопровождающей теченіе какой-нибудь такой рѣченки до горныхъ вершинъ, Аткинсонъ долженъ былъ обыкновенно спускаться опять внизъ, чтобы повторить то же самое съ слѣдующимъ потокомъ. Такимъ образомъ удалось ему ознакомиться съ живописными окрестностями верхняго *Сарканда* и Лепсу. Въ знойную пору лѣта почти ежедневно повторялись страшныя грозы, нерѣдко сопровождаемыя яростными бурями. Однажды случилось, что непогода застигла путешественниковъ въ то самое время, когда они только что начали взбираться на необыкновенно крутой обрывъ. Буря свирѣпствовала съ такимъ ожесточеніемъ, что казаки вынуждены были поддерживать супругу Аткинсона, потому что каждую минуту надо было опасаться, что ее сорветъ напоромъ вѣтра и сброситъ въ пропасть.

По временамъ много безпокойства причиняли госпожѣ Аткинсонъ большіе орлы. Она была въ непрестанномъ страхѣ, чтобы какая-нибудь изъ этихъ страшныхъ птицъ не похитила у нея маленькаго Тамчибулака, и потому, когда Аткинсону удалось наконецъ подстрѣлить одного орла, сопровождавшаго путешественниковъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, то встревоженная мать немного успокоилась. Въ горной долинѣ между обѣими названными рѣками Аткинсонъ открылъ, совершенно непримѣтно лежавшее маленькое озеро, носившее названіе у киргизовъ *Джесиль-Куль*, или Юное

озеро. Онъ уже нѣсколько разъ пытался было пробраться къ берегу озера, но попытка его не удавалась. Наконецъ отыскавъ мѣстечко, гдѣ можно было пробраться безъ особыхъ затрудненій, Аткинсонъ спустился съ своимъ казакомъ внизъ, оставивъ жену и прочихъ спутниковъ на берегу, въ палаткѣ, раскинутой близъ живописнаго водопада. Госпожа Аткинсонъ была занята приведеніемъ въ порядокъ гардероба своего мужа, и усердно трудилась съ иголкою въ рукѣ. Маленькій Тамчибулакъ игралъ возлѣ нея въ цвѣтахъ. Взглянувъ, спустя нѣсколько времени, внизъ въ долину, она, къ своему ужасу, увидѣла, что толпа киргизовъ съ разными подозрительными движеніями окружила ея мужа и казака. Мужчины и женщины, вооруженные кольями, тѣснились впередъ, съ явнымъ намѣреніемъ употребить свое оружіе въ дѣло. Не рѣшаясь оставить ребенка одного на краю обрыва, встревоженная женщина не знала, что ей дѣлать, а между тѣмъ видѣла ясно необходимость подать какую-либо помощь безоружнымъ. Къ счастію, другой казакъ и проводникъ киргизъ, замѣтили въ чемъ дѣло, схватили оружіе и поспѣшили на выручку. При видѣ огнестрѣльнаго оружія, нападающіе смутились, и вскорѣ зачинщикъ нападенія былъ схваченъ. Оказалось, что этотъ киргизъ, присвоивъ себѣ пастбища, находившіяся на берегу озера, вообразилъ, что Аткинсонъ намѣревается покуситься на неприкосновенность его владѣнія. Когда же ему объяснили цѣль посѣщенія Аткинсона, то онъ и его товарищи вполнѣ успокоились, такъ что между ними тотчасъ же водворились дружественныя отношенія, и Аткинсонъ уже могъ безпрепятственно рисовать, сколько ему было угодно.

Въ степи путешественникамъ приходилось болѣе всего страдать отъ мошекъ и отъ нестерпимой жары. Мошки и комары цѣлыми тучами держались близъ воды и преслѣдовали путешественниковъ по ночамъ, не смотря ни на какія предосторожности. Лице и руки оставались по цѣлымъ днямъ распухшими до того, что путешественниковъ нельзя было

узнать. Что же касается до температуры, преобладавшей въ песчаныхъ долинахъ, то она была просто невыносима и достигала въ пескѣ, по замѣчаніямъ супруги Аткинсона, до 55 и 60° по Реомюру. Однажды Аткинсонъ положилъ было свое ружье на землю; взявъ его потомъ черезъ нѣсколько времени за стволъ, онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, обжегся, такъ что пузыри отъ обжога нѣсколько дней не сходили съ рукъ. Всякая одежда сдѣлалась тягостью; но киргизы объяснили путешественникамъ, что именно при такой-то температурѣ и необходима одежда — примѣрно приготовленная изъ лошадиной кожи — чтобы защититься отъ зноя.

По словамъ госпожи Аткинсонъ, судьба киргизскихъ женщинъ самая жалкая на свѣтѣ. Она была весьма оскорблена тѣмъ, что киргизы обращались къ ней съ такимъ же пренебреженіемъ, какъ и къ собственнымъ женамъ, ставя ее немного выше развѣ только въ томъ отношеніи, что она умѣла искусно владѣть иглою и ножницами. По увѣренію ея, всѣ тяжелыя работы лежатъ на плечахъ женъ, а между тѣмъ киргизы къ своей собакѣ чувствуютъ болѣе состраданія, нежели къ женѣ: первой по крайней мѣрѣ бросаютъ войлокъ, когда она щенится, а когда жена собирается родить, то ее бьютъ палками, чтобы изгнать изъ нея нечистую силу, которая, по мнѣнію киргизовъ, вселяется въ беременныхъ женщинъ. Негодованіе госпожи Аткинсонъ противъ киргизовъ въ этомъ отношеніи было столь сильно, что она не могла удержаться, чтобы не обнаружить его въ довольно чувствительной, какъ она была увѣрена, для нихъ формѣ. Съ этимъ намѣреніемъ пригласивъ однажды къ себѣ нѣсколько киргизскихъ женъ и дѣвушекъ, она приказала угощать ихъ чаемъ, мясомъ и проч., между тѣмъ какъ мужьямъ ихъ не велѣно было ничего подавать, такъ что послѣдніе понявъ намѣреніе леди, удалились ворча и ругаясь.

Впрочемъ, вопросъ этотъ не представляетъ вовсе тѣхъ неблагопріятныхъ сторонъ, какъ думаетъ госпожа Аткин-

Бой киргизскихъ всадниковъ.

сонъ. Конечно, привыкнувъ видѣть на родинѣ, что женщинамъ оказывается тамъ особенное уваженіе, она не могла не удивляться обращенію киргизовъ съ ихъ женщинами. Напримѣръ, она разсказываетъ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ, о замѣченномъ ею обычаѣ, чтобы жены помогали своимъ мужьямъ садиться верхомъ на лошадь, между тѣмъ, какъ она, по всей вѣроятности, находитъ въ то же время совершенно естественнымъ, чтобы кавалеръ оказывалъ ту же услугу дамѣ. Даже супружескія отношенія вовсе не представляются въ томъ рѣзкомъ свѣтѣ, какъ это можетъ показаться при первомъ взглядѣ. Между киргизскими женщинами встрѣчаются сильныя, мощныя натуры, красота же и другія преимущества мѣряются въ степяхъ на другой масштабъ, нежели въ С.-Петербургѣ или Лондонѣ. Напримѣръ, одна изъ дочерей султана Бека, съ которою госпожа Аткинсонъ сблизилась, была совершенная амазонка и могла управлять самыми дикими скакунами, садясь на нихъ по-мужски. При этомъ она отличалась такою силою мускуловъ, что всякій лондонскій левъ позавидовалъ бы ей въ томъ. Она, напримѣръ, въ шутку, ставила своего двоюроднаго брата, здоровенькаго мальчика двухъ или трехъ лѣтъ, на раскрытую ладонь, и держала его такимъ образомъ, вытянувъ руку.

Во время посѣщенія Аткинсономъ султана Зука, послѣдній сообщилъ ему разсказъ объ одномъ интересномъ событіи изъ своей молодости, которое проливаетъ свѣтъ на характеръ номадовъ, показывая, что они не только не чужды нѣжныхъ ощущеній любви, но даже часто рискуютъ жизнью, чтобы только выполнить данное слово. Правда, бываютъ случаи, что здоровыхъ дѣвушекъ лѣтъ двадцати или тридцати выдаютъ замужъ за мальчиковъ 13 или 14 лѣтъ. Но послѣдняго обстоятельства нельзя объяснить такъ, какъ это у насъ принято. Подобные, повидимому, несообразные браки имѣютъ мѣсто только съ юношами-сиротами, которымъ родственники стараются дать степенныхъ женъ, чтобы тѣ, до поры до времени, могли ими руководить.

Когда такіе юноши подростутъ, то они имѣютъ полную свободу выбрать себѣ другую жену по собственному вкусу,— если только въ состояніи уплатить назначенный за нее калымъ.

Что касается до калыма, то значеніе его во всѣхъ любовныхъ или брачныхъ исторіяхъ номадовъ довольно важное: иногда роль его бываетъ такая же, какую, въ европейскихъ романахъ играютъ жестокосердые тести или дядюшки, по скорѣе можно ему приписать значеніе страховой или вдовьей преміи для жены киргиза. Дѣло въ томъ, что отецъ дѣвушки, давъ свое согласіе на бракъ ея съ извѣстнымъ человѣкомъ, объявляетъ ему, что онъ долженъ представить ему за дочь столько-то и столько верблюдовъ, лошадей, овецъ и проч. Въ глазахъ европейца, подобное обыкновеніе, пожалуй, походитъ на то, какъ будто отецъ продастъ свою дочь ея будущему мужу; но киргизъ, съ своей стороны, весьма подивился бы европейскому обычаю, видя, что отцу стоитъ такъ много денегъ, чтобы избавиться отъ своей дочери. Означенныя стада и составляютъ калымъ, и сохраняются въ домѣ отца дѣвушки на случай того, что она разведется съ мужемъ или что онъ отправитъ ее назадъ. Такимъ образомъ она поставлена гораздо благопріятнѣе многихъ нашихъ женъ. Размѣры калыма обыкновенно увеличиваются пропорціонально званію невѣсты, и подобно тому, какъ у насъ бѣдный ремесленникъ не осмѣлится предложить руку какой-нибудь княжнѣ, точно также и у киргизовъ бѣднякъ не дерзнетъ свататься за султанскую дочь. За подобную дерзость онъ могъ бы подвергнуться наказанію изъ собственныхъ ея рукъ. При назначеніи калыма отецъ дѣвушки обыкновенно принимаетъ въ соображеніе свое собственное значеніе, число своихъ предковъ, количество своихъ стадъ и слугъ, свое вліяніе на населеніе и т. п.; всѣ эти обстоятельства даютъ поводъ отцу невѣсты увеличивать калымъ до огромныхъ размѣровъ.

Предпосланныя здѣсь замѣчанія необходимы, чтобы сдѣлать понятнымъ для читателя разсказъ о приключеніи Зука.

Отецъ названнаго героя, султана Зука, былъ знаменитый султанъ *Тимуръ*, самый богатый изъ князей Большой Орды, котораго всѣ страшились. Безчисленныя стада его паслись у подножія хребта Ала-Тау и его вліяніе простиралось даже на племена, принадлежащія къ Средней Ордѣ. Къ югу отъ него имѣлъ свое пребываніе равный ему по могуществу и знатности предковъ сосѣдъ его, султанъ черныхъ киргизовъ *Джанъ-Джиръ-Ханъ*, который, въ случаѣ необходимости, былъ бы въ состояніи вмѣстѣ съ своими союзниками выставить до 40,000 всадниковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что черные киргизы (Кара-Киргизы), получившіе это прозваніе отъ темнаго цвѣта своей кожи, обитаютъ на югъ отъ Или, а на лѣто перекочевываютъ въ горы Мусъ-Тау, простирающіяся къ югу. Зимнія кочевья обоихъ султановъ отстояли другъ отъ друга только на три дня пути. Могущественные князья тщательно избѣгали поводовъ къ ссорѣ, считая другъ друга слишкомъ опасными врагами, или, лучше сказать, они дѣйствовали по тому же правилу, какъ и волки, которые до тѣхъ поръ не трогаютъ другъ друга, пока есть еще другая добыча. Такимъ образомъ, не трогая другъ друга, оба султана однако же постоянно безпокоили своихъ сосѣдей, угоняли ихъ стада, уводили въ неволю изъ ихъ ауловъ женщинъ и дѣтей и такъ хозяйничали, что окрестная страна вокругъ ихъ владѣній, на разстояніи нѣсколькихъ дней пути во всѣ стороны, была совершенно опустошена и почти обезлюдѣла.

Султанъ Тимуръ могъ по пальцамъ пересчитать всѣхъ своихъ предковъ до знаменитаго Чингисъ-Хана; но и непріятель его, Джанъ-Джиръ-Ханъ, не уступалъ ему въ этомъ. У перваго, единственнымъ наслѣдникомъ всѣхъ его почестей и великолѣпія былъ единственный сынъ его, названный выше Зукъ. Зукъ изъ себя былъ видный молодецъ и, по понятіямъ киргизовъ, во всѣхъ отношеніяхъ не уступалъ своему

достойному родителю. Онъ уже успѣлъ отличиться въ безчисленныхъ барантахъ своею отчаянною храбростью. Заѣхавъ какъ-то разъ къ султану черныхъ киргизовъ, онъ увидѣлъ случайно дочь его, Ай-Ханымъ, которая, по его понятіямъ, представляла собою идеалъ женщины. Превосходно умѣя ѣздить верхомъ, она укрощала самыхъ дикихъ коней такъ же ловко, какъ мужчина, владѣла копьемъ и топоромъ, и въ особенное себѣ удовольствіе поставляла охотиться съ соколами. Молодцоватый Зукъ пришелся ей тоже по вкусу, и они вскорѣ слюбились. О намѣреніи своемъ посвататься за дочь сосѣдняго султана Зукъ объявилъ отцу, который, съ своей стороны, ничего противъ этого не возразилъ, и согласился отправить нѣсколько почетныхъ старшинъ къ султану Джанъ-Джиръ-Хану для торжественнаго сватовства его дочери. Черный киргизъ, повидимому, былъ очень доволенъ этимъ предложеніемъ, далъ свое согласіе, и благополучію любящихся, казалось, ничто болѣе не препятствовало. Все было въ порядкѣ, за исключеніемъ вопроса о калымѣ.

Что касается до сношенія между обоими молодыми людьми, то они были вовсе не такъ легки и удобны, какъ у насъ, ибо при бродячемъ образѣ жизни орды, никогда нельзя было навѣрное знать, въ разстояніи сколькихъ дней пути правѣе или лѣвѣе, ближе или дальше находится извѣстный аулъ. Къ тому же, умѣньемъ писать киргизскіе князья пренебрегаютъ, точно такъ же, какъ и средневѣковые рыцари. Для сочиненія писемъ и грамотъ имъ обыкновенно служатъ муллы. И если Зуку приходила охота навѣстить свою невѣсту, то это было предпріятіе на жизнь и на смерть, причемъ онъ долженъ былъ готовиться на самыя опасныя приключенія.

Намѣреваясь однажды повидаться съ своею нарѣченною, Зукъ выбралъ въ спутники восьмерыхъ самыхъ закадычныхъ и вмѣстѣ отважныхъ своихъ товарищей. Кромѣ лошадей, на которыхъ всадники ѣхали, у каждаго изъ нихъ было по свободной лошади для перемѣны, такъ какъ предстояло быть въ дорогѣ по крайней мѣрѣ шесть дней; путь пролегалъ че-

резъ обширную гористую страну, гдѣ шлялось множество разныхъ разбойниковъ и другой сволочи. Извѣстно, что область по берегамъ рѣки Или служитъ китайцамъ мѣстомъ ссылки ихъ преступниковъ. Многіе изъ этихъ отчаянныхъ ребятъ успѣваютъ бѣжать изъ мѣстъ, назначенныхъ имъ для пребыванія; къ нимъ обыкновенно присоединяется всякій сбродъ изъ киргизовъ, калмыковъ и другихъ сосѣднихъ племенъ, и такимъ образомъ, подъ предводительствомъ отчаянныхъ и смышленыхъ молодцовъ, составляются шайки, которыя своими разбоями наводятъ ужасъ на всю страну. Избравъ себѣ мѣстомъ убѣжища дикія, недоступныя ущелья и овраги, шайки эти разсылаютъ во всѣ стороны соглядатаевъ, и хозяйничаютъ совершенно на свободѣ. Въ особенности предпочитаютъ они шляться по близости караванныхъ путей, гдѣ имъ часто представляется возможность поживиться на счетъ проѣзжихъ купцовъ, или же слѣдуютъ за перекочевывающими аулами, стараясь дорогою отбить нѣсколько штукъ рогатаго скота или лошадей. Кочевникъ вынужденъ бываетъ постоянно быть насторожѣ противъ нихъ; спасеніе его жизни или имущества, во время переѣздовъ, часто зависитъ отъ бдительности его собакъ или отъ скорости лошади. Попадись какой-нибудь чужеземецъ одинъ или съ немногими спутниками въ мѣстности, гдѣ рыскаютъ эти грабители, послѣдніе сейчасъ устроятъ на него формальную облаву. Они не перестаютъ, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, гоняться по ихъ слѣдамъ, пока не захватятъ лошадей съ ихъ хозяевами, которыхъ потомъ продаютъ въ неволю. Предполагая возможность подобнаго столкновенія съ этимъ народомъ, Зукъ вооружился вмѣстѣ съ своими спутниками боевыми топорами. Первый продолжительный переѣздъ привелъ ихъ къ берегу Или. Здѣсь рѣшено было переночевать. На утро всадникамъ пришлось переправляться вплавь черезъ широкій и глубокій потокъ. Чтобы сдѣлать это удобнѣе, они раздѣлись, связали платье въ узелъ, и прикрѣпили его къ себѣ на головѣ. Переправившись благополучно на другой берегъ, они

миновали потомъ широкую полосу кустарника, которымъ заросли берега Или, и бодро направились впередъ къ горамъ.

Около полудня они достигли одного горнаго ущелья, близъ котораго видны были слѣды лошадей; кромѣ того въ отдаленіи виднѣлся поднимавшійся кверху дымокъ. Всадники остановились, двое изъ нихъ слѣзли съ коней и, подъ защитою близлежащихъ скалъ, прокрались къ одному выдававшемуся впередъ утесу, откуда можно было свободно заглянуть въ раскинувшуюся передъ ними долину. Мѣстность, на которой Зукъ предполагалъ было расположиться на ночлегъ, была покрыта сочною травою, и изобиловала свѣжею водою и лѣсомъ, годнымъ для топлива. Но мѣсто это уже было занято, какъ можно было видѣть, расположившеюся тамъ партіею вооруженныхъ людей, числомъ около ста человѣкъ. Одни изъ нихъ сидѣли передъ раскинутыми палатками, другіе заняты были около лошадей, а прочіе жарили и варили у разведенныхъ огней. Не подлежало ни какому сомнѣнію, что Зукъ съ своими товарищами натолкнулся на партію грабителей. Пока передовые выглядывали, что происходило въ лагерѣ, они увидѣли, что туда прискакали два всадника, и что при появленіи ихъ вся партія пришла въ движеніе. Новоприбывшіе несомнѣнно указывали своимъ товарищамъ на убѣжище чужеземцевъ; ясно было, что послѣдніе были открыты, и что имъ предстояло спасаться отъ погони. Киргизы поспѣшно повернули назадъ, и, отъѣхавъ нѣкоторое пространство по прежней дорогѣ, свернули на боковую тропинку, которая вела въ возвышенную часть нагорной страны. Пока еще кое-какъ дозволялъ дневной свѣтъ, до тѣхъ поръ они продолжали ѣхать впередъ, часто перемѣняя лошадей. Только когда наступила совершенная темнота, рѣшено было остановиться на ночь; въ закрытомъ со всѣхъ сторонъ ущельѣ разведенъ былъ огонь, и положено было попеременно караулить для предосторожности, не только противъ разбойниковъ, но и противъ тигровъ, которые попадались тамъ нерѣдко. Незадолго передъ тѣмъ, одному изъ спутниковъ Зука едва

удалось избавиться отъ когтей этого страшнаго звѣря. Въ то время, когда онъ съ двумя лошадьми проѣзжалъ черезъ чащу камыша, растущаго по краю одного болота, исполинскихъ размѣровъ тигръ, однимъ мощнымъ скачкомъ очутился

Нападеніе тигра на товарищей Зука.

близъ лошади, на которой тотъ сидѣлъ. Послѣдній, сдѣлавъ неестественное усиліе, успѣлъ перескочить на подручную лошадь, оставивъ однако же въ когтяхъ тигра часть своей одежды и предоставивъ ему на жертву первую лошадь.

Ночь прошла безъ особыхъ тревогъ, а на утро едва стало разсвѣтать, какъ спутники вскочили на лошадей и пустились далѣе. Ихъ тревожило опасеніе, что разбойники, можетъ быть, успѣли тѣмъ временемъ предупредить сосѣднія шайки о встрѣчѣ съ ними, и что тѣ, можетъ быть, уже преградили имъ дорогу. Впрочемъ, дневной переѣздъ совершился благополучно, а ночью черезъ каждые два часа смѣнялись караульные. Но посреди ночи лошади начали что-то безпокоиться. Ихъ фырканіе заставляло съ увѣренностью предполагать, что гдѣ-нибудь по близости находятся другія лошади. Дѣйствительно, на утро пустившись въ дальнѣйшій путь, всадники открыли близъ одного горнаго прохода слѣды лошадиныхъ копытъ. Можно было различить, что ночью тамъ были привязаны двѣ лошади, хозяева которыхъ прокрадывались до самаго лагеря спутниковъ Зука. Въ видахъ предосторожности, одинъ изъ киргизовъ поѣхалъ впередъ, а прочіе слѣдовали за нимъ тихонько, всѣ же свободныя лошади поручены были особому надзору одного изъ нихъ. При первомъ поворотѣ къ ущелью, передовой подалъ знакъ, что видны непріятели, и Зукъ бросился впередъ къ тому мѣсту, гдѣ стояли четверо всадниковъ, загородившихъ дорогу. Послѣдніе, увидѣвъ чужихъ людей, поскакали къ нимъ навстрѣчу. Но въ то же время изъ боковаго ущелья показалась многочисленная толпа вооруженныхъ всадниковъ, скакавшихъ съ ужаснымъ крикомъ. Времени нельзя было терять. Крикнувъ своимъ товарищамъ: „руби!“ Зукъ взмахнулъ боевымъ топоромъ своимъ, и первому, который бросился было на него, нанесъ такой страшный ударъ по головѣ, что не только поразилъ всадника, но свалилъ и его лошадь. Двое другихъ мгновенно пали подъ ударами товарищей Зука, а четвертый съ трудомъ спасся въ боковое ущелье. Такимъ образомъ, Зукъ проложилъ себѣ дорогу. Разбойники съ крикомъ и угрозами бросились вслѣдъ за ними, но потомъ, убѣдившись, что у товарищей Зука кони быстрѣе ихъ собственныхъ, прекратили черезъ нѣсколько времени погоню.

Къ вечеру шестаго дня, Зукъ достигъ аула своей невѣсты, и встрѣченъ былъ тамъ самымъ дружественнымъ образомъ. Проведя тамъ недѣлю, онъ пустился въ обратный путь, но уже по окольной дорогѣ, пролегавшей далѣе на востокъ; дорога эта была на два дня ѣзды длиннѣе, но зато безопаснѣе.

Наконецъ, султанъ Тимуръ отправилъ къ Джанъ-Джиръ-Хану обѣщанное посольство, съ муллою во главѣ, для переговоровъ на-счетъ калыма. Впрочемъ, онъ былъ того мнѣнія, что въ настоящемъ случаѣ не могло быть собственно рѣчи о калымѣ, такъ какъ для дочери хана было слишкомъ много чести, что за нее посватался Зукъ, будущій повелитель Большой Орды.

Исчисливъ всю родословную юнаго султана, его превосходныя добродѣтели и рыцарскія качества, могущество, вліяніе и богатство его отца, посольство дало ясно понять, что собственно въ этомъ случаѣ честь оказывается невѣстѣ, и что о калымѣ слѣдуетъ упомянуть собственно только для соблюденія обычая.

Выслушавъ все спокойно, Джанъ-Джиръ-Ханъ объявилъ, что онъ хочетъ подумать объ этомъ дѣлѣ. На слѣдующій день онъ отправилъ къ посланцамъ своихъ уполномоченныхъ, муллу и нѣкоторыхъ старшинъ, съ подобающимъ отвѣтомъ. Длинной родословной Тимура противопоставлена была такая же родословная хана, исчислены были любезность, красота и прочія преимущества невѣсты, могущество, вліяніе и богатство хана, и въ заключеніе было объявлено, что такъ какъ уже многіе могущественные и знатные женихи сватались за дочь хана и предлагали большой калымъ, то ханъ согласенъ назначить только половину того, что предлагали послѣдніе. Именно Джанъ-Джиръ-Ханъ требуетъ только 200 верблюдовъ, 3,000 лошадей, 5,000 головъ рогатаго скота и 10,000 головъ овецъ. Молодыя дамы, какъ видно, цѣнятся у киргизовъ довольно дорого.

Объявленіе это сильно смутило посольство султана; подобное требованіе очень походило на оскорбленіе; поэтому,

сдѣлавъ нѣсколько тщетныхъ попытокъ сбить требованіе хана, посольство съ неудовольствіемъ отправилось назадъ. Отвѣтъ Джанъ-Джиръ-Хана привелъ въ негодованіе Тимура и его совѣтниковъ. Наиболѣе воинственные изъ нихъ предлагали было, съ самаго начала, соединиться съ разбойничьими киргизами, рыскающими въ горахъ, и общими силами напасть на хана. Но противъ этого было возражено, что послѣдній имѣетъ многихъ союзниковъ между этими шайками, которые могутъ ему выдать весь планъ, и тогда онъ успѣетъ приготовиться къ отпору. Такимъ образомъ, нѣсколько времени вопросъ оставался нерѣшеннымъ. Юный Зукъ навѣщалъ свою возлюбленную не только зимою, но и весною, даже, когда переправа черезъ рѣки бываетъ соединена съ опасностью для жизни. Отцу возлюбленной онъ привозилъ разные поклоны, и увѣрялъ его, что султанъ намѣренъ пріѣхать къ нему самъ, чтобы устроить дѣло на счетъ калыма. Но наконецъ, молодая дѣвушка сообщила своему возлюбленному, что между тѣмъ ее уже сговорили за хана Бадакшанскаго, обѣщавшаго прислать калымъ, и что какъ скоро аулъ ихъ перейдетъ на лѣтнія пастбища въ горахъ Мусъ-Тау, то ее отошлютъ къ хану. Не смотря на то, она увѣряла Зука въ своей неизмѣнной вѣрности и въ готовности слѣдовать за нимъ.

Похищеніе султанской дочери представлялось однако же дѣломъ не очень-то легкимъ. Бѣглецовъ тотчасъ бы спохватились, и тогда за ними, можетъ быть, погналось бы нѣсколько сотъ человѣкъ, такъ что успѣхъ въ этомъ дѣлѣ могъ быть очень сомнителенъ. Больше всего въ этомъ случаѣ могло зависѣть отъ быстроты и выносливости лошадей, отъ знакомства съ горными дорогами и проходами, и отъ умѣнья пользоваться рѣчными переправами, а въ крайнемъ случаѣ много могла значить тѣлесная сила и умѣнье владѣть сѣкирою. Нашимъ влюбленнымъ было хорошо извѣстно, что они только тогда могли разсчитывать на удачный исходъ предпріятія, когда орда будетъ находиться на лѣтнихъ пастбищахъ въ

Мусъ-Тау, а до того времени надо было терпѣть. Зная, чт старикъ Тимуръ не согласится на подобное предпріятіе, считая его опаснымъ, Зукъ рѣшился не говорить о своемъ замыслѣ никому изъ своихъ. Когда же условленная пора наступила, Зукъ объявилъ, что онъ отправляется охотиться на дикихъ лошадей, — занятіе, которое составляло для него обыкновенное лѣтнее развлеченіе. Нѣсколько изъ его товарищей присоединились къ нему, чтобы тоже позабавиться охотою. Этотъ родъ охоты требуетъ значительнаго напряженія, такъ какъ дикія лошади отличаются необыкновенною быстротою и замѣчательною чуткостью, соединенною съ особенною осторожностью. Открывъ табунъ лошадей, охотники стараются отыскать проходъ въ сосѣднихъ горахъ, черезъ который лошади обыкновенно спасаются. Здѣсь нѣкоторые изъ нихъ становятся въ засаду, а прочіе окружаютъ лошадей и гонятъ ихъ со степи къ горамъ. Если удастся загнать лошадей въ проходъ, то имъ преграждаютъ дорогу во всѣ стороны, и охотники бросаются на лошадей, мясо которыхъ считается большимъ лакомствомъ.

Проведя нѣсколько дней на охотѣ, Зукъ отсталъ отъ своихъ товарищей, намѣреваясь заняться приведеніемъ въ исполненіе задуманнаго имъ плана. Проведя нѣсколько дней въ напрасныхъ поискахъ въ долинахъ Мусъ-Тау, Зукъ наткнулся наконецъ на пастуховъ, отъ которыхъ узналъ, гдѣ въ то время находились стада Джанъ-Джира. Когда онъ прибылъ въ аулъ послѣдняго, то узналъ, что ни отца его возлюбленной, ни его главныхъ совѣтниковъ не было въ аулѣ, и что ихъ ожидали только на слѣдующій день. Обстоятельство это представляло ту выгоду для влюбленныхъ, что они имѣли полную возможность условиться на счетъ принятія мѣръ, необходимыхъ для побѣга. Чтобы имѣть надежду на успѣшный исходъ этого замысла, Ай-Ханымъ необходимо было добыть любимую кобылу ея отца, лучшую лошадь изъ его табуновъ, которую отецъ ея берегъ, какъ зеницу ока. Лошадь эта на ночь всегда привязывалась

подлѣ собственной палатки Джанъ-Джиръ-Хана, между злыхъ собакъ. Черезъ нѣсколько дней ордѣ предстояло перейти на другія пастбища, куда назначено было привести калымъ, послѣ чего Ай-Ханымъ слѣдовало передать ея жениху. Влюбленные рѣшили бѣжать въ день, назначенный для перекочевки. Въ подобныхъ случаяхъ, султанской дочери обыкновенно давали знаменитую кобылу, и притомъ все населеніе бывало такъ занято приготовленіями къ переѣздкѣ и присмотромъ за стадами, что некому было наблюдать за влюбленными. Ханъ возвратился и, поздоровавшись, повидимому, дружелюбно съ Зукомъ, пригласилъ его сопровождать его къ новымъ мѣстамъ. Послѣдніе дни передъ кочевкою Ай-Ханымъ посвящала занятіямъ охотою въ сопровожденіи Зука и нѣкоторыхъ киргизовъ, причемъ обыкновенно ѣздила охотиться съ соколомъ на водяныхъ птицъ, которыя въ огромномъ количествѣ водились близъ одного озера, живописно расположеннаго въ горахъ. Когда наступилъ день, назначенный для перекочевки, и когда всѣ были заняты сборами и присмотромъ за стадами, Ай-Ханымъ объявила, что намѣрена еще разъ отправиться на птичью охоту съ соколомъ. Влюбленная пара направилась къ озеру, и когда аулъ исчезъ изъ ихъ глазъ, Ай-Ханымъ выпустила своего сокола на волю, чтобы никогда болѣе не возвращаться. Теперь имъ предстояло совершить переѣздъ въ теченіе болѣе недѣли, черезъ разные горные хребты, доступные только въ немногихъ пунктахъ, и черезъ нѣсколько рѣкъ, удобныхъ для переправы только въ извѣстныхъ мѣстахъ.

Хотя Зукъ уже прежде разспросилъ пастуховъ о дорогахъ, ведущихъ черезъ эти горы, причемъ ему и былъ указанъ одинъ горный проходъ, который долженъ былъ значительно сократить предстоявшую имъ дорогу, но Ай-Ханымъ, обыкновенно столь отважная, на этотъ разъ рѣшительно отказалась слѣдовать за нимъ по этому проходу. Она утверждала, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ семеро изъ ихъ аула пытались было пробраться по этому проходу, но чет-

веро изъ нихъ, вмѣстѣ съ своими лошадьми, оборвались въ пропасть, и только троимъ, съ потерею коней, удалось спуститься внизъ слс–живыми. Такимъ образомъ, Зукъ вынужденъ былъ выбрать окольную дорогу, и быть готовымъ, что погоня можетъ опередить ихъ и заградить имъ дорогу, такъ какъ чернымъ киргизамъ ближе была извѣстна эта мѣстность.

Первый день прошелъ для бѣглецовъ благополучно, и о погонѣ не было ничего слышно. Подъ вечеръ бѣглецы остановились, развели огонь и немного отдохнули. На второй день пришлось взбираться на горный кряжъ, который вообще могъ быть доступенъ только такимъ превосходнымъ конямъ, какъ тѣ, на которыхъ сидѣли бѣглецы. Точно по какой-нибудь крутой лѣстницѣ пришлось карабкаться съ утеса на утесъ, до верхняго гребня, заваленнаго осколками разной величины. Оглянувшись назадъ, они увидѣли большую толпу всадниковъ, безъ сомнѣнія, гнавшихся по ихъ пятамъ. Видно было, какъ толпа эта раздѣлилась на двѣ партіи, изъ коихъ одна продолжала ѣхать прямо, а другая повернула въ сторону, съ очевиднымъ намѣреніемъ преградить бѣглецамъ дорогу въ другомъ мѣстѣ. Выше, надъ ними въ долинѣ виднѣлись еще другіе отряды всадниковъ, такъ что не могло быть ни какого сомнѣнія, что погоня многочисленна. Бѣглецы знали, что Джанъ-Джиръ-Ханъ не пожалѣетъ ни лошадей, ни людей, чтобы только возвратить свою дочь, и что Зуку, въ случаѣ неудачи, грозитъ плѣнъ, или даже смерть. Взобравшись на означенную крутую тропинку, влюбленные успѣли значительно опередить погоню. Ночью имъ удалось немного отдохнуть въ скрытой боковой долинѣ. Но едва начало разсвѣтать, какъ бѣглецы пустились далѣе: вновь пришлось карабкаться по скаламъ и переплывать рѣки, пока наконецъ Зукъ къ вечеру не выбрался въ мѣстность, которая ему была ближе знакома. Приближаясь на слѣдующее утро къ одному горному проходу, который имъ предстояло миновать, бѣглецы примѣтили недалеко отъ этого пункта поднимавшійся кверху дымъ отъ разложенныхъ огней. Едва

успѣли они разсмотрѣть толпу изъ двадцати всадниковъ, какъ тотчасъ же удостовѣрились, что они узнаны и что всадники бросились догонять ихъ. Началась бѣшеная скачка въ перегонку, чтобы прежде поспѣть къ въѣзду въ проходъ. Но тутъ бѣглецамъ оказали услугу ихъ превосходные кони.

Бѣгство возлюбленной Зука.

Пропустивъ впередъ свою возлюбленную, Зукъ бросился при входѣ въ ущелье на одного изъ всадниковъ, которые догоняли ихъ. Страшно засвистѣлъ топоръ его по воздуху и вражескій конь, опрокинувшись навзничь, полетѣлъ вмѣстѣ съ

всадникомъ въ пропасть; второй киргизъ инстинктивно сдержалъ свою лошадь и тѣмъ спасся отъ таковой же участи. Толпа всадниковъ хотя и продолжала преслѣдованіе, однако же не могла догнать бѣглецовъ.

Когда, наконецъ, бѣглецы выбрались по ту сторону горъ на открытую поляну, то преслѣдователи остановились, чтобы напоить и покормить своихъ измученныхъ коней. То же самое сдѣлалъ Зукъ, и обѣ враждебныя партіи остановились на берегу одного и того же ручья, едва въ разстояніи четверти часа пути другъ отъ друга.

Влюбленная пара поднялась первая опять; за ними вновь послѣдовали всадники Джанъ-Джира. Черезъ нѣсколько времени можно было видѣть, что преслѣдователи раздѣлились, съ намѣреніемъ опередить ихъ по окольной дорогѣ. Это побудило Зука перемѣнить направленіе. Ночь наступила, но ни одна изъ партій не рѣшалась отдыхать. По временамъ Зукъ останавливался и прикладывался ухомъ къ землѣ; но, слыша постоянно конскій топотъ въ недальнемъ разстояніи, онъ тоже продолжалъ скакать впередъ. Черезъ нѣсколько миль далѣе предстояло опять пробираться горнымъ проходомъ. Зукъ зналъ это. Между тѣмъ, киргизы, съ своей стороны, употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы опередить ихъ. Наконецъ, темнота и утомленіе принудили бѣглецовъ остановиться. Имъ необходимо было поберечь силы своихъ лошадей и свои собственныя, ибо еще предстояло провести нѣсколько дней въ дорогѣ. Послѣ кратковременнаго ночнаго отдыха, оба сидѣли уже на коняхъ: издали виднѣлся дымокъ, поднимавшійся отъ огней, разложенныхъ ихъ преслѣдователями, а за нимъ, въ солнечномъ сіяніи блистали зеркальная поверхность Балкаша и серебристыя жилки Или. Тамъ была родина Зука, и всякая опасность для него тамъ кончалась. Приблизившись къ проходу и вступивъ въ довольно узкое ущелье, они увидѣли внизу передъ собою непріятельскій отрядъ, расположившійся во всю ширину дороги, и приготовившійся встрѣтить ихъ. Но въ то же время, позади ихъ

послышалась другая погоня. Такимъ образомъ, всякое отступленіе было имъ преграждено. Предстояло выбирать между постыднымъ плѣномъ и отчаяннымъ боемъ на жизнь и смерть. Зукъ быстро сообщилъ спутницѣ свой планъ. Она должна была прямо править въ середину вражеской линіи, а потомъ мгновенно обогнуть сбоку. Попытка удалась. Нѣсколько всадниковъ, воображая, что она хочетъ пробиться въ серединѣ, кинулись съ своихъ мѣстъ впередъ, чтобы схватить ее сбоку, но вмѣсто того, подскакавъ къ нимъ на нѣсколько шаговъ, она мгновенно повернула въ сторону, и ускользнула, какъ ласточка.

Предводитель непріятельскихъ всадниковъ кинулся на встрѣчу къ Зуку, крича ему остановиться, но вмѣсто отвѣта получилъ страшный ударъ, разрубившій ему грудь. Слѣдующіе за нимъ въ страхѣ отшатнулись въ сторону, и герой нашъ, тоже пробившись удачно черезъ непріятельскіе ряды, помчался во слѣдъ за своею возлюбленною. Но уже за нею гнался по пятамъ другой предводитель отряда преслѣдователей, тоже на превосходномъ конѣ. Зукъ грозно закричалъ ему, чтобы онъ воротился, если не боится судьбы своего товарища. Увидя окровавленную лошадь послѣдняго, предводитель этотъ въ ужасѣ остановился.

Смерть предводителя поразила и смутила весь отрядъ, и пока преслѣдователи вновь устроились и рѣшили, что дѣлать, бѣглецы скрылись у нихъ изъ глазъ и на этотъ разъ уже окончательно. Къ вечеру, бѣглецы переправились черезъ Или и расположились провесть ночь подъ покровомъ лѣсной чащи на родной землѣ.

Если бы этотъ разсказъ придуманъ былъ какимъ-нибудь нашимъ поэтомъ, то влюбленная парочка, послѣ преодолѣнія столькихъ препятствій, вѣроятно прибыла бы благополучно къ старику Тимуру, который отпраздновалъ бы великолѣпно свадьбу, а черный киргизъ и экъ-женихъ такъ и остались бы съ длинными носами. Но такъ какъ всѣ подробности этой исторіи совершенная истина, то исходъ описаннаго событія,

по увѣренію Аткинсона, былъ, къ сожалѣнію, совершенно иной.

Пустивъ лошадей на траву стреноженными, Зукъ отправился самъ за лѣсомъ, чтобы развести на ночь костеръ. Между тѣмъ, его невѣста отошла немного въ сторону, чтобы

Тигръ и его жертва.

въ уединеніи совершить вечернюю молитву, какъ она дѣлала каждую ночь. Вдругъ Зукъ слышитъ пронзительный крикъ, схватываетъ свое оружіе и кидается въ сторону, куда пошла Ай-Ханымъ. Зукъ находитъ ея верхнее платье, видитъ капли крови и слѣды огромнаго тигра. Застигнувъ несчаст-

ную, вѣроятно за молитвою, тигръ растерзалъ ее и утащилъ въ кусты. Зукъ шелъ по слѣдамъ, пока наконецъ, совершенная темнота сдѣлала это невозможнымъ. На утро онъ продолжалъ свои поиски, при чемъ нашелъ только тамъ и сямъ разбросанные окровавленные куски одежды. Слѣды кончались въ чащѣ камыша, на берегу Или, черезъ которую хищное животное очевидно уплыло въ свое логовище. Такимъ образомъ, несчастному Зуку не осталось ничего болѣе, какъ покориться судьбѣ и отправиться домой.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого похищенія была ожесточенная вражда между черными киргизами и киргизами Большой Орды. Начался съ обѣихъ сторонъ безконечный рядъ грабежей, и случаямъ взаимной баранты не предвидится исхода. Во время одной изъ своихъ поѣздокъ къ озеру Ала-кулю, Аткинсонъ встрѣтилъ партію киргизовъ, возвращавшуюся послѣ удачнаго наѣзда. Киргизамъ удалось захватить 2,000 лошадей, 400 верблюдовъ и множество другаго скота, кромѣ того много взрослыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые всѣ предназначались для продажи въ неволю. Разумѣется, изъ числа нападавшихъ тоже нѣсколько человѣкъ пало, и между тѣмъ, какъ большинство веселилось и пировало, изъ нѣкоторыхъ юртъ, гдѣ лежали убитые, неслись жалобные вопли. Султанъ каждой орды, обыкновенно, имѣетъ своего купца, который сбываетъ ему продажныя статьи преимущественно на югъ.

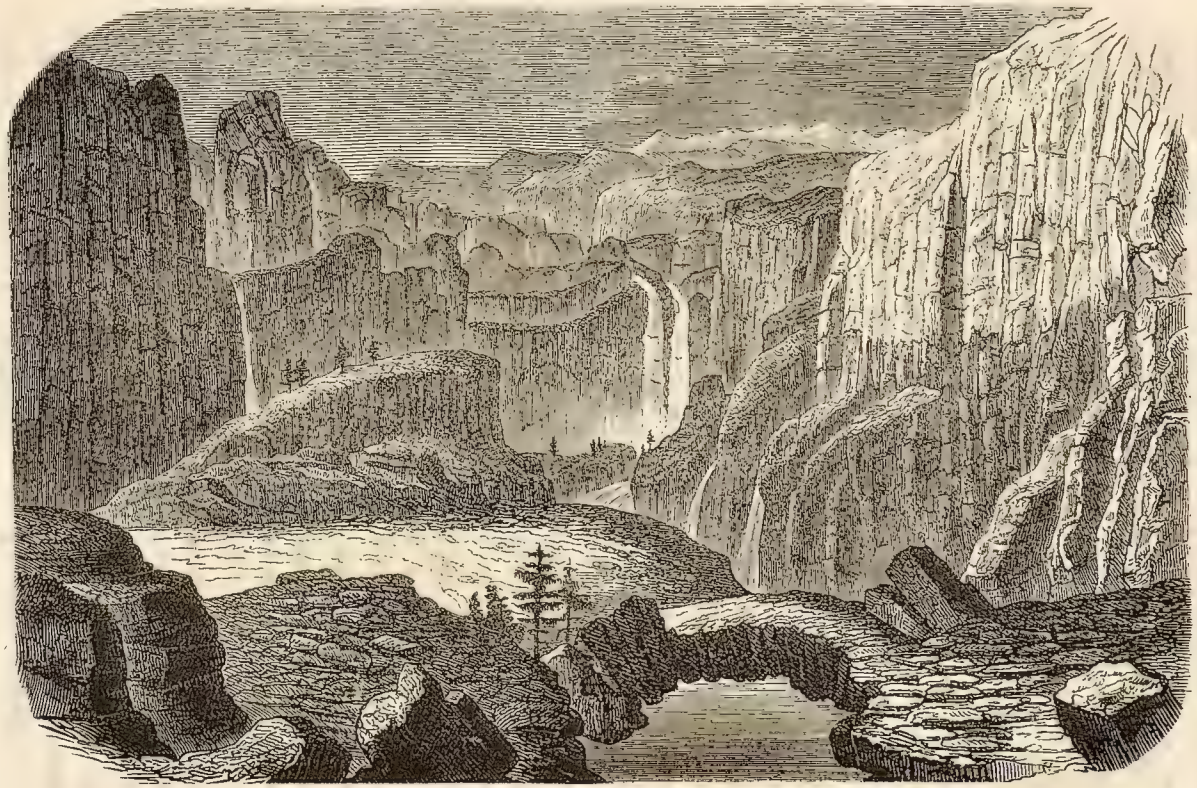
Въ окрестностяхъ Ала-куля, маленькое общество живописца часто подвергалось нѣкоторымъ тревогамъ со стороны грабителей, которые непрестанно шлялись по окрестностямъ. Однажды сопровождавшіе его казаки отбили даже у одной изъ подобныхъ шаекъ похищеннаго верблюда, и возвратили его прежнему собственнику. Вмѣстѣ съ тѣмъ поѣздка эта доставила Аткинсону возможность ознакомиться съ тамошнею мѣстностью, изобиловавшею разными живописными красотами. Ему удалось срисовать при этомъ случаѣ не менѣе 190 видовъ. На одномъ изъ этихъ видовъ представлена бо-

ковая долина рѣки Аксу въ горахъ Акъ-Тау, съ водопадомъ Гильдеръ-Агаръ-Аги, прославившейся даже у киргизовъ своею красотою и грандіозностью. Аткинсону пришлось съ большими усиліями пробираться вверхъ по этой долинѣ, прежде чѣмъ онъ достаточно приблизился къ великолѣпной сценѣ. Вода низвергается внизъ, въ видѣ огромнаго рукава, на глубину 800 фут., превращаясь, большею частью, въ пыль и потомъ уже, въ видѣ пѣны, собирается въ горный котелъ, откуда по безконечнымъ ступенямъ падаетъ въ черную пропасть.

Госпожа Аткинсонъ и маленькій Тамчибулакъ, не смотря на лишенія, претерпѣнныя ими, тоже не имѣли недостатка въ нѣкоторыхъ удовольствіяхъ. Многія горныя долины представляли собою настоящіе цвѣтники, наполненные великолѣпнымъ анемоніемъ, скороспѣлыми и альпійскими розами. Отъ одного киргизскаго начальника маленькій англичанинъ получилъ въ подарокъ молодаго оленя, такого же ручнаго, какъ и ягненокъ, который спалъ въ палаткѣ подлѣ ребенка. Къ сожалѣнію, красивое животное это не могло перенести степнаго зноя, и издохло на одномъ переѣздѣ.

Во время этихъ постоянныхъ переѣздовъ туда и сюда, Аткинсонъ приблизился однажды съ своимъ семействомъ къ китайскому пограничному посту, въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Чугучака. Аткинсону сильно хотѣлось посмотрѣть на этотъ городъ, о чемъ онъ и объявилъ китайскому офицеру. Но на это ему было отвѣчено, что прежде онъ долженъ отправить гонца въ Пекинъ, и испросить позволенія у императора.

Конечно, подобная процедура показалась Аткинсону слишкомъ продолжительною, и онъ удовлетворился тѣмъ, что напился чаю у пограничныхъ китайскихъ офицеровъ, отличавшихся вообще большою любезностью, и провелъ нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ ними. Господа офицеры много забавлялись маленькимъ англичаниномъ и при разставаніи подарили



Водопадъ Гильдеръ-а-гаръ въ горахъ Акъ-Тау.

путешественникамъ нѣсколько муки, которую госпожа Аткинсонъ и употребила на похлебку для своего маленькаго принца.

Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ Аткинсонъ посѣщалъ области, расположенныя по системамъ озеръ Исикуля и Ала-куля, а многое тамъ измѣнилось. Копалъ сдѣлался съ тѣхъ поръ значительнымъ городкомъ, а на берегу Или возникла русская крѣпость *Вѣрное*. Въ Кульджѣ, на берегу Или, живетъ теперь русскій консулъ для огражденія интересовъ русскихъ купцовъ. Изъ Вѣрнаго русскій ученый Семеновъ предпринялъ въ 1856 г. поѣздку, съ научною цѣлью, въ Кульджу, и сдѣланныя имъ во время этого путешествія наблюденія были вскорѣ затѣмъ опубликованы. На границѣ Семеновъ былъ остановленъ манджурскимъ офицеромъ, который, узнавъ о невысокомъ чинѣ русскаго путешественника, обошелся съ нимъ сначала очень непочтительно. Напримѣръ, Семенову подана была скамейка такая узенькая, что на ней не было возможности сидѣть; потомъ манджуръ предложилъ ему полусгнившее яблоко, между тѣмъ, какъ самъ въ то же время взялъ другой прекрасный плодъ. Но когда Семеновъ предложилъ надменному китайцу нѣсколько сигаръ, бывшихъ для него новостью, то отношенія ихъ сдѣлались тотчасъ же дружественнѣе.

Переправившись черезъ бурную рѣчку Узюкъ, Семеновъ черезъ нѣсколько дней ѣзды достигъ небольшаго города Коргоса. Здѣсь удивленіе русскаго путешественника болѣе всего возбудили окружавшіе городъ прекрасные сады. Множество превосходныхъ яблонь, априкосовыхъ, персиковыхъ и лимонныхъ деревъ виднѣлись въ этихъ садахъ. Но зато тѣмъ непріятнѣе показался ему видъ города и его народонаселенія. Тамошній рынокъ походилъ на навозную кучу, и пока Семеновъ дѣлалъ нѣкоторыя закупки на базарѣ, онъ вынужденъ былъ защищаться хлыстомъ отъ навязчивости дерзкой сволочи, всячески старавшейся стянуть у него что-нибудь изъ пожитковъ. По ту сторону города простирались обширныя поля проса, пшеницы и мака. Но черезъ нѣсколько ча-

совъ далѣе дорога опять уже пошла по печальной пустынѣ, гдѣ путешественникамъ во время ночлега пришлось испытать сильный страхъ по случаю водившихся тамъ ядовитыхъ насѣкомыхъ. Между послѣдними въ особенности извѣстенъ особый видъ чернаго паука (каракуртъ). Паукъ этотъ, какъ разсказываютъ, нападаетъ на людей преимущественно по ночамъ, во время сна, и укушеніе его причиняетъ продолжительныя и ужасныя страданія, сопровождаемыя нерѣдко смертными случаями. Хотя своевременное употребленіе рожковъ значительно ослабляетъ дѣйствіе этого яда, но такъ какъ паукъ нападаетъ обыкновенно по ночамъ, и укушеніе въ началѣ бываетъ не очень болѣзненно, то рѣдко представляется возможность прибѣгнуть во-время къ помощи означеннаго средства. Китайцевъ, говорятъ, предохраняетъ отъ этихъ пауковъ ихъ нечистоплотность, имѣющая такимъ образомъ тоже свою хорошую сторону.

О приближеніи своемъ къ главному городу провинціи путешественники могли догадаться по кучамъ гніющаго скота, валявшагося вокругъ. Русская факторія Кульджа, во время посѣщенія ея Семеновымъ, состояла, кромѣ жилыхъ строеній, еще изъ магазиновъ, и была окружена каменною стѣною, съ гарнизономъ изъ 15 казаковъ. Зданія факторіи находились не въ блистательномъ состояніи. Домъ консула, выстроенный подлѣ самаго Или, угрожалъ каждую минуту паденіемъ, такъ какъ рѣка подмыла основаніе дома Настоящихъ русскихъ въ то время ѣздило мало въ Кульджу; большая часть русскихъ торговцевъ тамъ были русскіе киргизы, татары изъ городовъ Копальска, Семипалатинска и Петропавловска, а также киргизы Средней Орды.

Что касается до самаго города Кульджи (собственно Гульджа, то есть горная коза), то онъ состоитъ изъ собственнаго города и изъ крѣпости, куда русскимъ не дозволено вступать. Въ крѣпости живетъ правитель провинціи и 6,000 манджурскихъ семействъ. Крѣпость окружена каменною стѣною, и съ каждой стороны имѣетъ по девяти контр-

форсовъ. Прежде гарнизонъ получалъ изъ Пекина жалованье, одежду и весь провіантъ, а также табакъ, водку и т. под.; но съ тѣхъ поръ, какъ вниманіе императорскаго китайскаго правительства вполнѣ поглощено возстаніемъ тайпинговъ, присылка помянутаго вспомоществованія прекратилась, и гарнизонъ находится въ стѣсненномъ положеніи. Въ собственномъ городѣ живутъ китайцы, солоны (калмыки), туркестанцы и ташкендцы. Число всѣхъ жителей простирается до 80,000, между которыми, говорятъ, находится и небольшая христіанская община. Улицы въ городѣ узки и кривы и въ высшей степени грязны и вонючи; не смотря на то, Кульджа есть важнѣйшій пунктъ на тысячу верстъ въ окружности.

Киргизскій всадникъ.

Путешественникъ этотъ сопровождалъ также полковника *Хоментовскаго* въ страны, лежащія къ югу отъ Иси-Куля. Послѣдствіемъ этихъ изслѣдованій было занятіе русскими войсками въ 1857 г. крѣпостцы, которую султанъ Тавчубекъ, при помощи своихъ коканскихъ союзниковъ, возвелъ было въ неприступной мѣстности. Въ 1860 г. русскими офицерами составлены были уже карты важнѣйшихъ пунктовъ той области, причемъ, по произведеннымъ измѣреніямъ, оказалось, что снѣжныя вершины достигаютъ тамъ 14 — 15,000 фут.

Особенное содѣйствіе русскимъ, во время ихъ столкновеній съ киргизами Большой Орды, оказывали черные киргизы, находившіеся съ послѣдними въ барантѣ. Черные или дикокаменные киргизы, населяющіе горные склоны Тіанъ-Шана, извѣстны у сосѣднихъ народовъ подъ общимъ наименованіемъ *бурутовъ*, и раздѣляются на племена: Когу, Сари-Багаджи и Сульту. Отличаясь храбростью, они до сихъ поръ сохранили первоначальную грубость и простоту нравовъ; даже ихъ султаны одѣваются очень просто. Испытавъ прежде сильныя притѣсненія отъ сосѣднихъ мусульманъ, они вознамѣрились, наконецъ, свергнуть съ себя тяжкое иго, но потомъ принуждены были признать подданство Россіи.

Киргизы Большой Орды тоже увидѣли необходимость покориться своей судьбѣ. Сначала они недовѣрчиво избѣгали было сближенія съ русскими, но уже въ 1859 г. послѣднимъ удалось войдти въ сношеніе съ нѣкоторыми племенами, обитавшими къ югу отъ Ала-Тау. А когда у нихъ возникли распри съ Коканомъ, то они вынуждены были окончательно искать помощи и защиты русскихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что господство русскихъ надъ племенами, населяющими описанныя нами страны, составляетъ для нихъ безконечное благо. Изъ описаній Аткинсона можно было достаточно убѣдиться, въ какомъ безотрадномъ состояніи находятся тамошніе народы, вслѣдствіе своихъ безконечныхъ распрей. О водвореніи прочной гражданственности не могло быть и рѣчи, и неминуемымъ слѣдствіемъ тамошнихъ неурядицъ была война однихъ противъ другихъ поголовно, со всѣми ея ужасами и съ небывалымъ одичаніемъ нравовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ упоминаемыя нами страны поступили въ подданство Россіи, прежніе грабежи и разбои наказываются строго, а случающіяся распри разбираются установленными для того судами. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ на берегахъ Или, тамъ, гдѣ разыгралось разсказанное выше приключеніе изъ временъ молодости Зука, возникли уже русскія деревни и на плодородныхъ равнинахъ, которыя прежде только мимоходомъ

служили для пастбищъ, вводится теперь земледѣліе. Бывшій фортъ Алматы, названный русскими Вѣрнымъ, служитъ теперь немаловажнымъ пунктомъ въ торговомъ и административномъ отношеніяхъ, насчитывая до 4,000 жителей. Киргизы тоже начинаютъ предпочитать вновь водворяемый порядокъ вещей прежнимъ неурядицамъ.

Вновь пріобрѣтенныя владѣнія русскихъ по берегамъ Или и Иси-Куля составляютъ теперь Алатаускій округъ.

Русскій крестьянинъ въ зимней одеждѣ.

КОНЕЦЪ.